

Большевики приходят к власти

Александр Рабинович

Большевики приходят к власти

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В ПЕТЕРБУРГЕ

Александр Рабинович

Большевики приходят к власти

· ПРОГРЕСС ·

Alexander
Rabinowitch

The Bolsheviks Come to Power

THE REVOLUTION
OF 1917
IN PETROGRAD

W. W. NORTON AND COMPANY
NEW YORK-LONDON, 1976

Александр Рабинович

Большевики приходят к власти

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В ПЕТРОГРАДЕ**

Перевод с английского

Общая редакция и послесловие
доктора исторических наук
Г. З. Иоффе

**МОСКВА
ПРОГРЕСС
1989**

Переводчики: *Бляблин Г.П., Габриэлян А.Э., Гливаковский А.К.,
Зур А.К., Кондратьева О.И., Серебряков Г.Н.*
Редакторы: *Батасова В.А., Комарова Т.Л.*

Рабинович А.

P12 **Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ./Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. — М.: Прогресс, 1989. — 416 с.**

Книга известного американского историка и политолога, профессора Индианского университета Александра Рабиновича принадлежит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России.

Книга насыщена большим фактическим материалом. В ней много точных, живых описаний хода революции, политических деятелей различных лагерей, участвовавших в острейшей борьбе в 1917 году. Вот почему ее с интересом прочтут не только специалисты, но и все, кто интересуется отечественной историей.

P $\frac{0503020400 — 470}{006(01) — 89}$ КБ—3—11—89

ББК 63.3(2)711.2

© W.W.Norton and Company, New York — London, 1976

© Перевод на русский язык, послесловие — издательство «Прогресс», 1989

ISBN 5—01—002279—6

*Посвящается моим родителям,
Анне Дмитриевне и Евгению Исааковичу Рабиновичам,
которые первыми пробудили во мне интерес к России,
и моей жене Жанет, без постоянной помощи
и поддержки которой эта книга
не была бы написана*

К советскому читателю

Быть может, полезнее начать с некоторых деталей биографии, помогающих объяснить эволюцию моего подхода к изучению русской революции. Мой отец, Евгений Рабинович, родился в Санкт-Петербурге в 1898 году и до эмиграции из Советской России (во время гражданской войны) в течение трех лет учился в Петербургском университете. Известный ученый-химик (его трехтомная монография по фотосинтезу¹ была в числе первых американских фундаментальных научных трудов, опубликованных в Советском Союзе после второй мировой войны), он являлся одним из основателей и активных участников Пагуошских конференций, имеющих целью содействовать развитию взаимопонимания и сотрудничества между Востоком и Западом в интересах мира и безопасности. Моя мать, Анна Рабинович, родилась в Киеве в 1900 году и также эмигрировала вскоре после революции. Я и мой брат Виктор — близнецы. Мы родились в 1934 году в Лондоне, выросли и получили образование в США, куда семья переехала в 1938 году. (В настоящее время Виктор — директор Управления внешних связей Национальной академии наук США.)

Родители привили мне живой интерес к русской культуре. Прежде всего благодаря отцу я рано осознал огромную важность для будущего человечества советско-американского научного сотрудничества, невзирая на наличие серьезных идеологических различий. Поскольку, однако, мое становление проходило в годы маккартизма и «холодной войны», то, приступая к серьезному изучению советской истории, я был твердо убежден: большевики — узурпаторы, а большевизм, сталинизм и советская политическая система (как она действовала в то время) по сути синонимичны. Первое знакомство с советской историей вообще и с историей революционного периода в частности, казалось, подтверждали правильность моей концепции. В 50-е годы, когда я учился в колледже и аспирантуре, в западной исторической литературе преобладала точка зрения, согласно которой Октяб-

рская революция была не чем иным, как хорошо организованным переворотом сравнительно небольшой изолированной кучки руководимых Лениным радикальных фанатиков, — переворотом, нацеленным на создание именно той в высшей степени централизованной однопартийной диктатуры, в которую скоро и превратилась советская политическая система.

Возвращаясь мысленно к исходному моменту собственных изысканий о событиях 1917 года, то есть к началу 60-х годов, и стараясь восстановить в памяти то, что побудило меня поставить под сомнение подобную трактовку, я думаю о нескольких факторах, которые сыграли свою роль. К тому времени уже перестало ощущаться давление эпохи Маккарти, подошла к концу «холодная война», в Советском Союзе начался период десталинизации. Все это, вместе взятое, помогло новому поколению американских специалистов, изучавших советскую историю, в том числе и мне, деидеологизировать свой подход к исследованию советских проблем. Однако, пожалуй, главнейшим фактором, определившим мое скептическое отношение к преобладавшим объяснениям Октября, явилась возможность изучать соответствующие первоисточники, сначала — в западных библиотеках и архивах, затем — в библиотеках Москвы и Ленинграда. (Несмотря на все мои усилия на протяжении многих лет, я так и не получил доступа к важным неопубликованным материалам в советских архивах.) Картина событий 1917 года, проступающая со страниц газет и документов того времени по мере углубления моих исследований, и представления об Октябре как о каком-то военном путче, лишенном всякой массовой поддержки, обнаружили настолько разительное несоответствие, что его было просто невозможно игнорировать. В результате появились две работы: детальное исследование неудачного восстания в июле 1917 года, в котором я подробно разобрал поведение большевиков в тот критический момент развития революции², и (десять лет спустя) реинтерпретация Октябрьской революции в Петрограде, о чем идет речь в предлагаемой книге.

В центре внимания обоих трудов — Петроград. Сквозь призму происходивших в нем событий я, насколько возможно, старался лучше понять основные вопросы, касавшиеся развития революции в городах России в целом. Хотя меня в первую очередь интересовали история партии большевиков и роль таких видных большевистских лидеров, как Ленин, Троцкий, Каменев, Свердлов и Зиновьев, я попытался также объяснить поступки и побуждения других основных конкурировавших политических партий и известных противников большевиков, таких, как Милюков, Керенский, Корнилов, Мартов и Церетели. Кроме того, оказалось не менее важным изучать деятельность местных руководителей среднего и низшего звена, широких масс, а также реконструировать в более общем виде культурные, экономические, социальные и военные условия того времени, влиявшие на революционную ситуацию. Понимая, что до известной степени

мы все — пленники собственных пристрастий и предубеждений, я старался сделать все от меня зависящее, чтобы представить читателю объективную историческую картину, не искаженную последующими событиями или нынешними политическими ценностями и интересами.

Источники, которые легли в основу данной книги, перечислены в библиографии. На Западе с момента публикации моей работы вышли в свет многие ценные исследования различных аспектов революции 1917 года. Среди недавно опубликованных работ на данную тему книга Т.Хасегавы о Февральской революции, а также сочинения Дональда Рали о революции 1917 года в Саратове, Ричарда Стайтса об утопии и народной культуре в революционный период, Грейма Гилла о крестьянстве в 1917 году, Аллана Уайлдмана о русских солдатах на фронте в 1917 году, Эвана Модзли о революции на Балтийском флоте, Льюиса Зигельбаума о военно-промышленных комитетах, Рекса Уэйда о Красной гвардии, Джона Кипа о роли массовых организаций и Дайяны Кенкер и Уильяма Розенберга о забастовочном движении в 1917 году. Современная западная литература о революции включает также исследования Стивена Смита и Дэвида Мандела о петроградских рабочих и Дайяны Кенкер о московских рабочих, книгу Даныэла Орловски о мелкой буржуазии в революционный период, а также детальные труды по истории меньшевиков (книга Зивы Гелили у Гарсия) и левых эсеров (книга Майкла Мелансона)³.

Очень трудно охарактеризовать все эти новые работы в целом. Тем не менее можно с полным основанием утверждать, что почти всех авторов связывает стремление осветить тот или иной существенный аспект «революции снизу», осуществленной простыми рабочими, крестьянами и солдатами в 1917 году. Кроме того, за небольшим исключением, результаты упомянутых исследований так или иначе подрывают традиционную западную интерпретацию Октября.

Хотелось бы добавить, что в сравнении с прежними западными и советскими работами об Октябрьской революции моя книга, как мне кажется, ярче высвечивает важные исторические связи между сегодняшними демократическими принципами перестройки в Советском Союзе и большевистской практикой и идеалами 1917 года, которые поначалу были подорваны борьбой за выживание в гражданской войне, а затем и вовсе уничтожены Сталиным. В 1917 году, до того как гражданская война буквально опустошила ряды партии большевиков, она и по своей структуре, и по методам работы представляла собой сравнительно открытую, демократичную и децентрализованную организацию. Низовые партийные органы, которые осуществляли свою деятельность главным образом через выборных представителей, сохраняли с рабочими, солдатами и матросами тесные связи, гарантировавшие соответствие партийных лозунгов и тактики истинным желаниям масс. Инициатива снизу, плюрализм мне-

ний, свободные дискуссии на всех уровнях партии не только разрешались, но всячески поощрялись. Революционные петроградские массы верили, что партия большевиков поддерживает лозунг «Вся власть Советам!», означавший для них создание исключительно социалистических, демократических, многопартийных органов государственного и местного самоуправления, в которых влияние народа было бы решающим. Приверженность петроградских масс идее власти Советов была столь велика, что за весь период существования Временного правительства вопрос о чисто большевистском правлении никогда открыто не ставился. Изучая источники, необходимые для данной книги, я пришел к выводу, что успех большевиков в Октябре был, по существу, обеспечен двумя обстоятельствами чрезвычайной важности: демократической и гибкой структурой большевистской организации и исключительной популярностью в массах Советов, о чем свидетельствовал известный лозунг «Вся власть Советам!».

После первой публикации книги в Соединенных Штатах в 1976 году одни советские историки ее критиковали, другие — хвалили. Но и в том и в другом случае мои основные идеи обычно либо извращались, либо просто игнорировались. В то же самое время несколько экземпляров книги, имевшихся в советских библиотеках, были доступны строго ограниченному кругу лиц. Ныне благодаря обусловленному перестройкой более благоприятному культурному климату с моим исследованием смогут познакомиться широкие круги советских читателей, для которых описываемые события представляют несравненно больший интерес, чем для читателя любой другой страны. Не преувеличивая, скажу, что до самого недавнего времени мне казалось невозможным увидеть нечто подобное еще при жизни.

И последнее. В настоящий момент появилась замечательная возможность приступить к конструктивному диалогу по важным методологическим, фактографическим и интерпретационным вопросам, которые в равной мере интересуют как советских, так и западных специалистов по истории революций. Почему мы должны и дальше работать над этими проблемами, по сути, в полной изоляции друг от друга, как это было до сих пор? Если издание моей книги на русском языке поможет расширить наши контакты и внесет хотя бы самую скромную лепту в сложный процесс восстановления исторической правды, искаженной в период сталинизма и «холодной войны», я буду более чем счастлив.

*Александр Рабинович
Индианский университет
Блумингтон, Индиана
Апрель 1989 года*

Предисловие

Об Октябрьской революции в России написаны сотни книг. Нужна ли еще одна? Этот вопрос не раз задавали мне с тех пор, как я начал работать над темой.

Интерес к изучению русской революции и решение написать о ней книгу отчасти вызваны небывалым драматизмом этого события, его историческим значением. В 1917 году в России ультрарадикальная большевистская партия вышла вдруг из неизвестности, сбросила скроенное на западный манер Временное правительство и создала впервые в мире коммунистическую политическую систему. Все это произошло в течение восьми месяцев после краха державшегося столетия царского режима и на третьем году рокового участия страны в опустошительной европейской войне. Россия была тогда третьей крупнейшей державой мира с населением свыше 165 млн. человек и территорией втрое большей, чем у Соединенных Штатов, и большей, чем у Китая и Индии, вместе взятых. Долгое время меня не покидало ощущение, что историки России, да и всего мира, не отдают должное этой начальной главе новейшей русской истории.

К исследованию России 1917 года меня подтолкнуло также и то обстоятельство, что имеющиеся работы не отвечают на многие важные вопросы, связанные с октябрьскими событиями, и прежде всего не могут объяснить, почему эти события приняли именно такой оборот. Многие книги о революции — это мемуары ее участников. В личных воспоминаниях, содержащих часто ценную и интересную информацию, неизбежно дается односторонний взгляд на революцию — то страстно сочувственный, то глубоко враждебный — в зависимости от того, по какую сторону баррикады находился автор в 1917 году.

Масса исследований об Октябре 1917 года издана в Советском Союзе. Многие из них, особенно те, что появились в относительно свободные 20-е годы и в хрущевский период, содержат богатейший познавательный материал, почерпнутый из закрытых архивов. Однако требование к советским авторам придержи-

ваться официальных трактовок, сильно подверженных воздействию политической конъюнктуры, значительно снижает общую ценность их работ.

В последние годы отдельные монографии, посвященные важным сторонам Октябрьской революции, вышли в западных странах. Это прежде всего работы Оливера Рэдки, Вильяма Розенберга, Рональда Суни, Марка Ферро, Джорджа Каткова и Рекса Уэйда¹. Тем не менее нет еще фундаментальных исследований по истории Временного правительства или экономике России в революционные годы. Очень мало известно о влиянии на политические процессы в России 1917 года миллионов уставших от войны солдат, о развитии революции в провинции, о роли в ней крестьянства и растущего рабочего класса. Фактически единственным западным исследованием, широко освещающим события Октябрьской революции и основанным на первоисточниках, является первый том работы Генриха Чэмберлена «Русская революция, 1917—1921»². Эта выдающаяся для своего времени и все еще сохраняющая научную ценность работа была написана в начале 30-х годов, до того как большинство необходимых первоисточников стало доступно западным исследователям.

В данной книге по ряду взаимосвязанных причин я сосредоточился на революционных событиях в Петрограде³. Прежде всего, этот город был тогда столицей. В условиях Российской империи, с ее давней традицией сильной власти и деспотического правления из центра, политическое положение в Петрограде оказывало огромное воздействие на развитие революции в стране. Кроме того, Петроград был не только административным, но и крупнейшим торговым и промышленным центром страны, население которого значительно увеличилось за время войны, достигнув к 1917 году 2,7 млн. человек. Учитывая это обстоятельство, а также то, что о революции в Петрограде имеется неизмеримо больше информации, чем о событиях в любом другом крупном городе, анализ разворачивавшихся там политических, социальных и экономических процессов проливает особо яркий свет на ход революции в российских городах в целом. И последнее: поскольку в 1917 году Петроград был главным штабом большевистской партии и центром ее революционной деятельности, именно на тамошних событиях лучше всего прослеживается и работа всех эшелонов партии снизу доверху, и методы ее взаимодействия с широкими массами.

Справедливо спросить, не является ли Петроград единственным русским городом, привлекающим внимание западных исследователей революции. Да, это довольно верно. Однако несмотря на все написанное об Октябре вообще и «красном Петрограде» в частности, до сих пор нет полного и убедительного исследования о том, как развивалась революция в этом городе. Две относительно новые работы «Захват большевиками власти» Сергея Мельгунова⁴ и «Красный Октябрь» Роберта Дэниелса⁵ страдают тем общим недостатком, что ограничиваются в основ-

ном рассмотрением лишь отрезка времени, непосредственно предшествующего созданию Временного правительства, периода пребывания его у власти и короткого периода сразу после его свержения (у Мельгунова). Крупным событиям лета и начала осени 1917 года, анализ которых мог бы пролить свет на то, что произошло в октябре, уделено в этих работах лишь незначительное внимание. Кроме того, в них опущена проблема политической активности петроградских рабочих, солдат и матросов, ее воздействия на ход революции; октябрьские события трактуются в основном как робкая борьба двух равно нерешительных и неумелых борцов — правительства Керенского и руководства большевистской партии.

Автор сочтет свою задачу выполненной, если его книга сможет заполнить этот пробел в западной историографии Октябрьской революции и тем самым побудит читателя взглянуть на события 1917 года в новом ракурсе. Главная цель — воссоздание во всей возможной полноте и со всей возможной точностью развития «революции снизу», а также анализ воззрений, деятельности и состояния всех звеньев петроградской организации большевистской партии между февралем и октябрём 1917 года. В ходе работы над книгой я пытался выявить решающую связь успеха большевиков с двумя этими главными аспектами революции.

Тщательное исследование в указанном направлении заставило меня подвергнуть сомнению основные выводы как советских, так и западных историков относительно положения в партии большевиков и источников ее силы в 1917 году, а также самого характера Октябрьской революции в Петрограде. Если советские историки объясняют успех Октябрьской революции исторической неизбежностью и наличием сплоченной революционной партии во главе с Лениным, то многие западные ученые рассматривают это событие либо как историческую случайность, либо — чаще — как результат хорошо подготовленного государственного переворота, не имевшего значительной поддержки масс. Я, однако, считаю, что исчерпывающее объяснение захвата большевиками власти намного сложнее, чем любая из этих предлагаемых интерпретаций.

Изучая по документам той эпохи настроения и интересы фабрично-заводских рабочих, солдат и матросов, я обнаружил, что их стремлениям отвечала выдвинутая большевиками программа политических, экономических и социальных реформ, в то время как все другие главные политические партии России были основательно дискредитированы из-за их неспособности осуществить значительные реформы и нежелания немедленно прекратить войну. В результате провозглашенные большевиками цели пользовались в октябре 1917 года поддержкой широких масс.

Действовавшая в 1917 году большевистская партия мало походила на сплоченную, авторитарную, законспирированную орга-

низацию, эффективно руководимую Лениным, какой она изображается во многих исследованиях. Конечно, верно, что она взяла курс на немедленную социалистическую революцию под большим влиянием Ленина. В.И. Ленин родился в 1870 году в Симбирске в семье мелкого дворянина, инспектора народных училищ. Юрист по профессии, он в 80-х годах примкнул к социал-демократическому движению и вскоре поставил перед собой задачу организовать российский рабочий класс в политическую силу, способную возглавить борьбу за свержение царского самодержавия. В 1903 году благодаря своей исключительной целеустремленности он добился знаменитого раскола Российской социал-демократической рабочей партии — главным образом из-за разногласий по вопросу о характере и целях марксистской революционной партии в России — на радикальную большевистскую и умеренную меньшевистскую фракции. В царившей тогда обстановке репрессий Ленин стремился к созданию тесно сплоченной, централизованной, дисциплинированной и боевой организации революционеров⁶, в то время как меньшевики выступали за демократическую и массовую рабочую партию. Ленин доказывал, что только высокопрофессиональная партия способна решать революционные задачи и защищать себя как от проникновения реформизма, так и от преследований властей.

В 1905 году Ленин модифицировал классическую марксистскую схему революции в два этапа, которая, по мнению русских социал-демократов, подходила для России, высказав мысль, что после свержения самодержавия «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» может сразу открыть дорогу для социалистической революции, так что стране не нужен длительный период либерализма и капиталистической индустриализации.

С началом первой мировой войны в основных российских социалистических группах возникли, с одной стороны, фракции «оборонцев», поддерживавшие военные усилия правительства, с другой — «интернационалистские» фракции, осуждавшие войну в Европе и призывавшие к немедленному заключению мира без победителей и побежденных. Сам Ленин вновь занял позицию, прямо противоположную позиции большинства сподвижников-социалистов, отказавшись поддерживать свое отечество в войне и предложив подготовку к социальной революции в качестве первоочередной задачи социал-демократического движения во всех воюющих странах. В дальнейшем он развил смелую теорию, воспринятую, правда, довольно прохладно, согласно которой капиталистическая система достигла своей высшей, «империалистической» стадии, развязанная ею война привела к критическому положению хозяйства всех воюющих государств, что должно с неизбежностью повлечь за собой международную социалистическую революцию⁷.

К началу 1917 года вследствие резкого ухудшения экономического положения, неудач на фронте и огромных потерь, а так-

же из-за полной бездарности правительства, оказавшегося не в состоянии управлять страной, царский режим потерял доверие буквально всех слоев русского общества. 23 февраля* в Международный женский день, среди женщин, стоявших в мороз в очередях за хлебом, возникли беспорядки, которые вылились в массовые демонстрации под лозунгами свержения самодержавия и прекращения войны. Через неделю царь Николай II был вынужден отречься от престола.

Ленин, уже почти десять лет живший в эмиграции, находился тогда в Цюрихе, в Швейцарии. Большую часть сведений о событиях первых недель революции он черпал из консервативных газет Европы. Это затрудняло создание верной картины происходящего, но не помешало ему стремиться руководить действиями своих сторонников в России. Знакомясь с сообщениями о событиях в России в лондонской «Таймс», «Тан», «Нойе цюрхер цайтунг», Ленин пришел к выводу, что, пока рабочие вели в февральские дни борьбу, буржуазия воспользовалась ситуацией для укрепления своей политической власти в Петрограде. Если судить по его письмам, относящимся к марту 1917 года, он, по-видимому, не представлял ни степени сотрудничества социалистов с либералами при создании Временного правительства, ни степени участия в этом событии, по крайней мере в тот конкретный момент, широких масс. Ленин предполагал, что революционные рабочие России, участвовавшие в свержении монархии Николая II, неизбежно поймут, что буржуазное правительство не лучше царского режима. Кроме того, три года наблюдая самую страшную в истории войну, которой не было видно конца, Ленин пришел к глубокому убеждению, что все ведущие европейские страны стоят на пороге социалистической революции и что восстание пролетариата в России будет искрой, которая воспламенит отчаявшихся и жаждущих мира рабочих других стран на борьбу против своих правительств. Так, в первых своих указаниях петроградскому партийному руководству, представленных частично в «Письмах из далека», он настаивал на необходимости вооружения и организации рабочих масс для немедленного перехода ко второму этапу революции, в ходе которого будет свергнуто «правительство капиталистов и крупных помещиков»⁸.

Вернувшись 3 апреля в Петроград, Ленин выступил с заявлением, что Февральская революция не решила основных проблем российского пролетариата, что рабочий класс России не может остановиться на полпути и что в союзе с солдатскими массами он превратит буржуазно-демократическую революцию в пролетарскую социалистическую революцию⁹.

В 1917 году петроградскую организацию большевиков возглавляли многие руководители, чьи взгляды значительно отличались от ленинских; все они оказывали воздействие на формирование политического курса партии, что в конечном счете спо-

---

* Все даты даются по старому стилю.

собствовало его успеху. Среди большевиков были «умеренные», или «правые», которые отвергали почти все основные теоретические положения и политическую стратегию Ленина. Самым известным и наиболее ярким их представителем был тридцатичетырехлетний уроженец Москвы, большевик с 1903 года Лев Каменев. Он не разделял ленинскую идею, что буржуазно-демократическая революция в России уже завершилась. Он считал, что русский рабочий класс все еще относительно слаб, отвергал тезис о том, что вся Европа стоит на пороге революции, и был убежден, что российское крестьянство и иностранная буржуазия не допустят победы социализма в России. Поэтому с момента возвращения из Сибири в Петроград в середине марта 1917 года отличавшийся мягкостью Каменев выступал лишь за установление жесткого социалистического контроля над Временным правительством, а не за его свержение. Позже, по мере углубления революции, он высказался уже за создание чисто социалистического правительства, которое должно быть широкой коалицией всех основных социалистических сил и сохранять свои полномочия только до провозглашения демократической республики Учредительным собранием. Что касается отношения Каменева к войне, то он выступал за продолжение военных действий, пока будут вестись переговоры о заключении мира, занимая позицию, сближавшую его не столько с Лениным, сколько с наиболее умеренными социалистами.

В петроградской организации большевиков было в то время много и других самостоятельно мыслящих лидеров, которые, разделяя ленинский тезис о возможности социалистической революции в России, часто расходились с ним в тактических вопросах. Наиболее выдающимся из них был легендарный тридцативосьмилетний Лев Троцкий, получивший международную известность и завоевавший огромный авторитет среди рабочих масс как смелый и решительный председатель Петербургского Совета во время революции 1905 года. Блестящий литератор, Троцкий мог часами держать внимание аудитории и справедливо считался одним из величайших ораторов эпохи¹⁰.

Генеральная линия большевиков в 1917 году была выработана на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) и на VI съезде партии в июле—августе; между этими общенациональными форумами курс партии в основном определял Центральный комитет, избранный и действующий демократическим путем. В то же время ЦК был просто не в состоянии контролировать действия важнейших районных организаций из-за общего хаоса, местных различий и постоянно меняющейся ситуации в стране. ЦК и не пытался наладить контроль, если не считать его указаний общего характера. В Петрограде такие важные центры РСДРП(б), как Петербургский комитет¹¹, осуществлявший руководство партийной работой в столице, а также Военная организация¹² («Военка»), отвечавшая за революционную работу партии в войсках, имели относительную свободу выбора такти-

ки и лозунгов борьбы в соответствии с конкретными условиями. В случае необходимости они упорно отстаивали перед ЦК свои прерогативы.

Кроме того, в 1917 году выдвинутая Лениным до революции концепция партии как небольшой законспирированной организации профессиональных революционеров была отброшена, и ее двери широко распахнулись для десятков тысяч новых членов, что позволило партии чутко реагировать на настроения масс.

Все вышесказанное не должно приуменьшать роль Ленина в развитии революции. Мне, как и почти всем моим предшественникам, писавшим о революции, трудно представить победу большевиков без Ленина. Более того, несмотря на горячие споры и проходивший в бурной обстановке обмен мнениями в большевистской партии в 1917 году, она оставалась, несомненно, более сплоченной, чем любая другая крупная партия, боровшаяся с ней за власть. Бесспорно, это явилось важным фактором ее успеха. И все же я пришел к выводу, что относительная гибкость партии, так же как ее способность улавливать преобладавшие настроения масс, содействовала победе большевиков по крайней мере столько же, сколько революционная дисциплина, организационное единство и авторитет Ленина.

Хочу только добавить, что, пытаясь восстановить события, рассматриваемые в книге, я старался позволить фактам говорить самим за себя. Соответствуют ли выводы действительности — об этом судить читателю.

Когда Ленин в апреле 1917 года вернулся в Петроград и призвал к немедленной социалистической революции, умеренные социалисты и даже многие большевики его не поддержали. Все еще царил эйфория, наступившая после Февральской революции. Патриотически настроенное либерально-демократическое Временное правительство, остававшееся у власти до проведения народных выборов в представительное Учредительное собрание, которое должно было сделать окончательный выбор политической системы, казалось, получило благословение буквально всех слоев населения страны. В состав правительства вошли некоторые из самых талантливых и наиболее известных представителей российского либерализма. Председателем Временного правительства стал весьма уважаемый, прогрессивно настроенный лидер земского движения князь Георгий Львов, Министром иностранных дел и главным лицом в правительстве был профессор истории и лидер Партии конституционных демократов (кадетов) — главный партии русских либералов — Павел Милюков. Помимо него, членами кабинета стали и другие известные кадеты, такие, как Николай Некрасов, Андрей Шингарев и Александр Мануилов, занимавшие соответственно посты министров путей сообщения, земледелия и просвещения. Игравшее ключевую роль военное министерство возглавил крупный промышленник, основатель праволиберальной партии октябристов

Александр Гучков, накопивший значительный опыт в руководстве военной экономикой в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета. Министром финансов назначили миллионера Михаила Терещенко, собственноручно сколотившего состояние. Новым министром юстиции стал молодой юрист Александр Керенский. В годы, предшествовавшие революции, он получил известность как блестящий адвокат, участвовавший в сенсационных политических процессах, и как депутат III и IV Государственной думы с откровенно левыми взглядами. Долго работавший в Петербурге генеральный консул США Джон Снодграсс выразил, несомненно, общее мнение большинства тогдашних наблюдателей, когда писал в воскресном номере газеты «Нью-Йорк таймс» от 25 марта 1917 года: «Русский народ не мог бы найти нигде в своей стране людей, лучше подготовленных для того, чтобы вывести его из мрака тирании... Львов и его соратники значат для России то же, что Вашингтон и его сподвижники означали для Америки, когда она обрела независимость».

Разумеется, большинство иностранных друзей России считало, что, поскольку новые министры выбраны Думой, этим бледным подобием западных парламентов, созданным после революции 1905 года, они могут представлять все население. Это предположение было не совсем верным. Депутаты IV Думы, заседавшие в 1917 году, избирались в 1912 году в соответствии с положениями, исключавшими участие в выборах большинства населения. В февральские дни по образцу органов, стихийно возникших в России в ходе революции 1905 года и просуществовавших короткое время, в Петрограде был образован Совет рабочих и солдатских депутатов. Весной и летом 1917 года Советы появились во всех районах Петрограда. Подобные низовые демократические организации возникли в городах и деревнях по всей России. В мае в Петрограде был созван I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, а в июне на свой первый общенациональный съезд собрались представители рабочих и солдатских депутатов. Они избрали постоянно действующие всероссийские исполнительные комитеты — Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК) и Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИВСКД), которые вместе были более представительны и благодаря поддержке рабочих, крестьян и особенно солдат потенциально более сильны, чем Временное правительство.

Однако до осени 1917 года в центральных органах всероссийских Советов* господствовали лидеры умеренных социалистических партий — социал-демократической партии меньшевиков и неонароднической Партии социалистов-революционеров (эсеры). Эти лидеры удовлетворялись ролью гарантов револю-

* Автор имеет в виду ЦИК и ИВСКД, которые часто называет исполкомами Советов. — *Прим. ред.*

ции и не ставили под сомнение законность политической власти Временного правительства. Такая позиция, по крайней мере отчасти, объяснялась идеологическими соображениями. Меньшевики сохраняли приверженность ортодоксальному марксистскому положению, что за «буржуазной революцией» — в данном случае свержением самодержавия — должен обязательно следовать неопределенный по срокам период буржуазно-демократического правления. Эсеры в исполнительных комитетах Советов разделяли убеждение многих меньшевиков в абсолютной необходимости сотрудничества с военным командованием, купечеством и промышленниками ради выживания России в войне и предотвращения контрреволюции, хотя в принципе их воззрения и не были препятствием для взятия власти.

Таким образом, ситуация, с которой Ленин столкнулся по возвращении в Россию в апреле, обманула его ожидания. Влияние большевиков на рабочих и солдат было относительно слабым. В Советах, которые Ленин считал зародышевой формой рабочего правительства, подавляющее большинство принадлежало меньшевикам и эсерам. Советы, возглавлявшиеся умеренными социалистами, поддерживали Временное правительство, а также его военные усилия в ожидании переговоров о заключении мира. Что касается влияния умеренных большевиков во главе с Каменевым, то оно привело к усилению настроений в пользу заключения компромисса с правительством и примирения с меньшевиками внутри самой партии Ленина¹³.

Стараясь приспособить свои цели к создавшейся ситуации и сделать их приемлемыми для партийного большинства, Ленин проводил гибкую линию. Сменив требование немедленной революции на более скромные цели и пойдя на уступки умеренным, он тем не менее отстоял основные положения своей радикальной программы и сохранил гибкость в области тактики. В отношении же возможного создания объединенной социал-демократической партии Ленин был непримирим. Союз с меньшевиками, доказывал он, свяжет большевиков с курсом на продолжение войны и тем самым подорвет их способность вести революционную борьбу в мировом масштабе. Ленин категорически заявил своим сторонникам в партии, что если они станут настаивать на таком единстве и не будут активно бороться против усилий правительства, направленных на продолжение войны, то от изберет свой собственный путь. Почти исключительно благодаря вмешательству Ленина дискуссия по вопросу об объединении большевиков и меньшевиков была прекращена¹⁴. Тем не менее в течение всего 1917 года идея сотрудничества с другими социалистическими группировками пользовалась среди большевиков большой популярностью.

Ленин отказался также внести изменения в свой теоретический анализ революции. В программной статье, опубликованной в центральном органе партии газете «Правда» 7 апреля, — знаменитых Апрельских тезисах — Ленин охарактеризовал

сложившуюся ситуацию как переходную между первой — «буржуазно-демократической» — стадией революции и второй — «социалистической». Между тем он настаивал на полном недоверии Временному правительству и заявил, что цель партии — передача власти Советам. Однако в статье отсутствовало требование немедленного вооруженного восстания. Пока массы сохраняют доверие к буржуазии, разъяснял Ленин, главная задача партии заключается в разоблачении политики обмана, проводившейся Временным правительством, и выявлении заблуждений руководства Советов. Партия должна терпеливо убеждать массы, что Временное правительство не в состоянии дать народу мир и что единственно подлинно революционная форма правительства — это Советы¹⁵.

Благодаря этим уступкам, а также энергичной кампании внутри партии Ленину удалось быстро завоевать на свою сторону значительную часть руководства большевиков. Этот начальный успех отразился на деятельности Петербургского комитета большевиков, а также на итогах работы 1-й Петроградской общегородской конференции большевиков, проходившей с 14 по 22 апреля, где Ленин одержал первую победу над правым крылом в партии. Решающим большинством в тридцать семь голосов против трех на конференции была принята предложенная Лениным резолюция, осуждавшая политику Временного правительства и призывавшая к конечной цели — переходу власти в руки Советов¹⁶.

На открывшейся 24 апреля в Петрограде Всероссийской конференции партии большевиков Ленин добился новых успехов. Принятая здесь резолюция о войне отражала бескомпромиссное осуждение Лениным войны и военных усилий правительства. Резолюция об отношении к Временному правительству осудила его как орудие буржуазии и союзника контрреволюции и призвала пролетариат организоваться и вооружиться для самозащиты¹⁷.

Тем не менее на Апрельской конференции фракция Каменева в ходе острых и продолжительных дебатов отстаивала свои позиции довольно успешно. Влияние умеренных выразилось в том, что были избраны пятеро их представителей в ЦК, состоявший из девяти членов¹⁸, обеспечивших его умеренность в период с конца апреля по июль. Умеренная точка зрения была также очевидна в большинстве резолюций конференции¹⁹.

Более того, отчасти из-за влияния правых конференция отложила обсуждение основных теоретических положений, лежавших в основе ленинской программы, в том числе важнейшей его теории об империализме как высшей стадии капитализма²⁰.

В целом резолюции, принятые на конференции, в расплывчатой форме давали установку на социалистическую революцию, оставляя в то же время без ответа связанные с этой установкой вопросы «Когда?» и «Где?». Хотя в нескольких резолюциях ука-

зывалась конечная цель партии — переход власти к Советам, в ближайшее время она должна была главное внимание уделять задачам по «прояснению классового пролетарского сознания», по сплочению его «против колебания мелкой буржуазии» и «расширению и укреплению влияния большевиков в Советах».

Среди большевистских лидеров, съехавшихся на конференцию со всей России, преобладало мнение, что осуществление этих задач потребует длительного времени. Однако в ближайшие после конференции недели среди рабочих, солдат и матросов столицы удивительно быстро стали расти недоверие к политике Временного правительства и все чаще выдвигаться требования передачи власти Советам. Отчасти это объяснялось разочарованием широких масс результатами Февральской революции, вызванной прежде всего ухудшением экономического положения. В Петрограде ощущалась острая нехватка жилья, продуктов питания, одежды, топлива и сырья. Если отсутствие некоторых товаров вызывалось прекращением их импорта, например угля из Англии и дешевого хлопка из Соединенных Штатов, то в целом дефицит явился результатом развала транспорта и трудностей, возникших в системе распределения. Внутренние водные пути России и сеть ее железных дорог были совершенно не в состоянии обеспечить одновременно и хозяйственные перевозки, и снабжение фронта. В связи с отсутствием на рынке промышленных товаров крестьяне, производившие хлеб, отказывались принимать за зерно быстро обесценивавшиеся бумажные деньги. С обострением товарного дефицита увеличивался разрыв между заработной платой и возраставшей стоимостью жизни. Больше всего инфляция ударила по рабочим Петрограда, которых насчитывалось около 390 тыс., причем треть из них составляли женщины. Несмотря на значительный рост в войну номинальной заработной платы — до 260 процентов к началу 1917 года, — реальная заработная плата снизилась по сравнению с довоенным уровнем примерно на треть вследствие огромного роста цен на предметы первой необходимости²¹.

Февральская революция не устранила этих проблем. Напротив, в марте и апреле административно-хозяйственная неразбериха усилилась и вместе с дальнейшим ухудшением работы транспорта привела к обострению ситуации со снабжением. Все большая нехватка сырья и топлива вынуждала владельцев предприятий сокращать производство, что повлекло дополнительный рост безработицы из-за массовых увольнений. Одновременно снижалось поступление продовольствия. Попытки правительства установить эффективный контроль над ценами на продовольственные товары и ввести нормирование не смогли ослабить напряжение, вызванное дефицитом. Весной 1917 года рабочие ряда отраслей получили значительную прибавку к зарплате, однако стремительно поднимавшиеся цены быстро свели ее на нет, так что к началу лета экономическое положение рабо-

чих Петрограда было, вообще говоря, не намного лучше, чем в феврале²².

Разочаровывающими оказались итоги революции и для 215—300 тыс. солдат Петроградского гарнизона, а также для 30 тыс. матросов и солдат рядом расположенной военно-морской базы в Кронштадте. Традиционно костяк войск Петроградского гарнизона составляли гвардейские полки, набранные исключительно из крестьян, проходивших специальную подготовку. Эти кадровые войска были загублены в кампании 1914—1916 годов на полях сражений в Восточной Пруссии и Галиции. Поэтому к 1917 году большая часть войск, размещенных в Петрограде и его окрестностях, в том числе гвардейские полки, состояла в основном из плохо обученных призывников военного времени, набранных преимущественно из крестьян, не привыкших к воинской дисциплине. Большой процент этих солдат уже хлебнул войны. Решающий момент в Февральской революции наступил тогда, когда эти части одна за другой присоединились к восставшим жителям города.

После краха старого режима солдаты и матросы отстранили от командования офицеров, открыто выступавших против революции, а также тех, кто отличался особой жестокостью. На первых порах они приветствовали перемены, осуществлявшиеся в армии после революции. Одним из наиболее важных нововведений было образование во всех воинских частях избираемых демократическим путем солдатских и матросских комитетов с широкими, но неопределенными полномочиями (создание таких комитетов было санкционировано Петроградским Советом в знаменитом Приказе №1²³ от 1 марта). Рядовой состав гарнизона с подозрением следил за всякими попытками восстановить старый порядок и ждал от Петроградского Совета начала мирных переговоров и заключения компромиссного мира. Патриотические декларации Временного правительства и его крайняя озабоченность тем, чтобы не допустить дальнейшего движения революции и форсировать военные приготовления, вызывали понятное беспокойство²⁴.

По этим причинам к концу весны 1917 года все большее число петроградских рабочих, солдат и матросов-балтийцев стало воспринимать Временное правительство как орган имущих классов, препятствовавший коренным политическим преобразованиям и пренебрегавший интересами простых людей. Вместе с тем по сравнению с Временным правительством Советы значительно выигрывали, народ видел в них подлинные институты народного самоуправления. Разрыв между политикой правительства и настроениями и чаяниями петроградских масс проявился впервые 20 и 21 апреля, когда тысячи рабочих, солдат и матросов со знаменами и транспарантами, на которых были написаны такие лозунги, как «Долой Милюкова!», «Долой политику аннексий!» и даже «Долой Временное правительство!», вышли на улицы, чтобы выразить протест планам Милюкова продолжать вой-

ну до «победного конца». Характерно, что толпы демонстрантов рассеялись только по требованию Петроградского Совета, открыто проигнорировав правительственный приказ разойтись²⁵.

В разгар Апрельского кризиса двое министров, самым тесным образом связавших себя с непопулярной внешней и военной политикой Временного правительства, Милюков и Гучков, подали в отставку. Чтобы выйти из первого после Февральской революции правительственного кризиса, нескольких наиболее известных социалистических лидеров из числа умеренных уговорили занять министерские посты. В результате в мае месяце было создано коалиционное правительство. Грузинский меньшевик Ираклий Церетели, страстный трибун социал-демократической фракции во II Государственной думе (до ареста, осуждения и высылки в Сибирь) и, вероятно, единственный официальный представитель Советов, пользовавшийся в те месяцы большим авторитетом, стал министром почт и телеграфов (Церетели был одним из признанных лидеров меньшевистско-эсеровского блока). Главный лидер и теоретик эсеров Виктор Чернов возглавил министерство земледелия. Близкий соратник Церетели Михаил Скобелев получил пост министра труда. Алексей Пешехонов, основатель и лидер партии народных социалистов, был назначен министром продовольствия. Еще один эсер, Павел Переверзев, занял пост министра юстиции. Керенский стал военным и морским министром.

Эти перестановки не привели, однако, к заметным изменениям в правительственной политике. Кабинет министров разделился на либералов и умеренных социалистов. Либералы стремились оттянуть осуществление кардинальных реформ до созыва Учредительного собрания и занимались исключительно вопросами восстановления авторитета власти, укрепления армии и продолжения войны до победного конца. Умеренные социалисты, представлявшие Советы, старались удовлетворить требования масс о проведении реформ и надеялись возглавить переговоры о скорейшем окончании войны на основе отказа от аннексий и контрибуций. Поэтому сформированное в мае коалиционное правительство оказалось еще менее способным взяться за решение национальных проблем, чем его предшественник. Бессильное упорядочить внутренние дела, в области внешней политики новое правительство одновременно продолжало подготовку вооруженных сил к летнему наступлению и поддерживало переговоры, направленные на достижение компромиссного мира.

Вошедшие в состав коалиционного правительства умеренные социалисты отождествлялись в народном сознании с непопулярным курсом Временного правительства. Из всех основных политических групп в России только большевики остались незапятнанными сотрудничеством с ним. Это обстоятельство крайне облегчило организацию оппозиции Временному правительству, и они им максимально воспользовались.

Накануне войны большевикам в значительной мере удалось вырвать фабрично-заводских рабочих Петрограда из-под влияния более умеренных меньшевиков²⁶. Однако этот их успех был, вероятно, сведен на нет за время войны, когда тысячи опытных рабочих отправили на фронт и большевистские организации Петрограда поредели из-за арестов. Сразу же после Февральской революции, действуя через «Военку», местные партийные комитеты, профсоюзы, фабзавкомы²⁷ и другие непартийные массовые организации, большевики направили все усилия на расширение своего влияния среди солдатских масс и фабрично-заводских рабочих. На заседаниях Петроградского Совета, на бесконечных митингах и демонстрациях, на страницах массовой партийной печати — «Правды», «Солдатской правды» и «Работницы»²⁸ — везде большевики как можно шире популяризировали свои политические программы, стремились выразить самые насущные нужды масс. Солдатам гарнизона, выходцам из крестьян, они говорили: «Если не хочешь умирать на фронте, если не желаешь восстановления в армии прежних порядков и хочешь жить лучше и иметь землю, добивайся передачи власти Советам». Учитывая интересы рабочих, они требовали установить жесткий контроль Советов за экономической жизнью в стране, повысить заработную плату, ввести восьмичасовой рабочий день, установить рабочий контроль на фабриках и заводах, остановить инфляцию. Возлагая всю вину за нерешенные проблемы на «жадных капиталистов и помещиков», большевики доказывали, что если Советы не возьмут власть в свои руки, то для страны наступит мрачный период контрреволюции.

Результаты этой работы большевиков не замедлили сказаться. В феврале в Петрограде было около двух тысяч большевиков. К открытию Апрельской конференции их число увеличилось до шестнадцати тысяч. К концу июня численность партии достигла тридцати двух тысяч человек. При этом две тысячи солдат Петроградского гарнизона вошли в состав «Военки» и четыре тысячи солдат стали членами клуба «Правды» — «непартийного» клуба для военнослужащих, организованного «Военкой»²⁹ (влияние партии было особенно сильно в некоторых крупных воинских частях, расквартированных в рабочих районах столицы и в Кронштадте, где в середине мая местный Совет принял резолюцию о недоверии Временному правительству).

В Петрограде в конце весны значительное число рабочих, солдат и матросов, которые находились под влиянием большевиков и испытывали нетерпение, с одной стороны, и Временное правительство и умеренное руководство Советов, с другой стороны, вошли в противоречие. Первые требовали передачи власти Советам, последние возражали, указывая, что такой шаг приведет к катастрофе. Ситуация резко обострилась в начале июня, когда Военная организация большевиков под воздействием своих новых нетерпеливых сторонников среди рядового состава Петрог-

радского гарнизона выступила с предложением провести во время заседаний I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (съезд проходил в Петрограде с 3 по 24 июня) массовую антивоенную и антиправительственную демонстрацию. ЦК партии принял предложение и назначил шествие на 10 июня. Эта идея попала на благодатную почву. Поскольку главными лозунгами предстоявшей демонстрации были отказ от начала нового наступления на фронте и передача власти Советам, контролировавшимся не большевиками, а меньшевистско-эсеровским блоком, к участию в ней удалось привлечь даже тех рабочих и солдат, которые формально поддерживали умеренные социалистические партии³⁰.

Съезд Советов, только что принявший резолюцию, в которой обещал Временному правительству полное сотрудничество и поддержку, увидел — и совершенно справедливо — в предложении провести демонстрацию попытку осуждения своей политики и недвусмысленную угрозу коалиции либералов и умеренных социалистов в правительстве. 9 июня делегаты съезда высказались за то, чтобы принять все возможные меры для предотвращения демонстрации. Было решено в течение трех дней не проводить никаких демонстраций. Делегатов съезда направили в рабочие кварталы и военные казармы для разъяснения этого решения. Было также оказано сильнейшее давление на руководство большевистской партии с целью заставить его отказаться от своих планов. Отчасти из-за указанной оппозиции большевистский ЦК в последнюю минуту принял решение отменить демонстрацию.

Вскоре произошел инцидент, свидетельствовавший о непопулярности решения съезда среди петроградских рабочих и солдат. 12 июня съезд Советов, обеспокоенный явным недовольством рабочих и солдат столицы и уверенный в том, что они пойдут за большинством социалистов с такой же готовностью, с какой они пошли за большевиками, назначил на 18 июня свою собственную демонстрацию. Она была задумана как жест примирения с большевиками и как мера, призванная направить ширившееся недовольство масс в русло поддержки политики съезда. Хотя меньшевики и эсеры предприняли лихорадочные усилия для успеха шествия, оно обернулось против них самих. В назначенный день меньшевистско-эсеровское руководство могло наблюдать мощные колонны рабочих и солдат, представлявших практически все петроградские фабрики и воинские части, насчитывавшие свыше 400 тыс. человек. Они несли красные флаги и транспаранты с лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!». Все тогдашние наблюдатели едины во мнении, что в море большевистских знамен и плакатов лишь изредка мелькали лозунги в поддержку решений съезда Советов.

Лозунги демонстрации, явно указывавшие на разрыв между настроениями масс Петрограда и политикой Временного прави-

тельства и руководства Советов, вызвали замешательство в рядах умеренных социалистических партий. В организациях меньшевиков и эсеров стали формироваться боевые левые фракции. Но если разочарование политикой Временного правительства и поддержка курса большевиков среди населения столицы были весьма значительны, то в большинстве провинций и на фронте этого не наблюдалось. Соотношение сил в стране в целом отражал, по-видимому, состав I Всероссийского съезда Советов: в списке его делегатов было 533 меньшевика и эсера против 105 большевиков³¹.

Ленин предостерегал своих соратников от заблуждения, что в сложившейся обстановке, когда меньшевики и эсеры, игнорируя давление масс, упорно отказывались от создания советского правительства, можно осуществить передачу власти Советам мирным путем. В то же время он всеми мерами удерживал от преждевременных действий нетерпеливые элементы в петроградской организации большевиков, а также рабочих и солдат города. Одновременно он прилагал усилия с целью привлечь на сторону большевиков широкие массы крестьян на местах и солдат на фронте.

Это было не так просто. Быстрый рост партии после Февральской революции привел к появлению в ее рядах множества людей, не имевших ни малейшего представления о марксизме и охваченных нетерпением немедленно начать революционную борьбу. Эта проблема возникла впервые в апреле во время массовых выступлений против ноты Милюкова. Уличные демонстрации в первую очередь были результатом агитации рядовых большевиков — солдат частей гарнизона и фабрично-заводских рабочих. Хотя ЦК большевистской партии не принимал в них участие до тех пор, пока движение масс не набрало ход, позже высшее партийное руководство одобрило эти демонстрации. Нетерпеливые элементы в петроградской партийной организации и в «Военке» под давлением рядовых членов партии, а также из опасения оказаться обойденными слева анархистами взяли значительно более радикальный курс. Некоторые члены Петербургского комитета подготовили и широко распространили листовку, призывавшую от имени большевистской партии к немедленному свержению правительства и аресту министров³². Также и во время подготовки неудавшейся демонстрации 10 июня эти же самые элементы составили собственные планы захвата важнейших общественных служб, складов оружия и боеприпасов³³.

С 18 июня, когда началось давно ожидавшееся наступление на фронте русских войск, сдерживать рабочие и солдатские массы Петрограда стало еще более сложным делом. Узнав об отправке на фронт, тысячи солдат гарнизона, в том числе многие члены «Военки», требовали немедленно свергнуть Временное правительство.

Всю вторую половину июня Ленин много внимания уделял тому, чтобы удержать от выступления тех из своих сторонников,

кто был склонен к немедленным действиям³⁴. В то же время он работал над проектом партийной программы в связи с открывавшимся 26 июля съездом партии. Необычные перегрузки и напряжение этих недель вызвали у Ленина к концу месяца крайнее утомление. Чтобы немного отдохнуть, он 27 июня в сопровождении своей сестры Марии уехал из Петрограда в деревню Нейвола в Финляндии на дачу к Владимиру Бонч-Бруевичу. Там он провел несколько дней, бродя по лесу и купаясь в расположенном неподалеку озере.

Приятный отдых был прерван рано утром 4 июля известием о вспыхнувших массовых выступлениях в столице. Тревожную новость привез Максимилиан Савельев, выехавший из Петрограда накануне вечером по поручению ЦК большевистской партии. В столице сложилась критическая ситуация, в которую, очевидно, партия была вовлечена. Нужно было немедленно принимать ответственные решения. Первым же утренним поездом Ленин выехал в Петроград³⁵.

Июльское восстание

До Петрограда оставалось еще километров 40. Забрызганные грязью темно-зеленые вагоны поезда Финляндской железной дороги бежали по рельсам. Путь петлял, огибая поросшие хвойным лесом и усеянные валунами холмы, между которыми время от времени проглядывали опрятные деревянные домики. Это был первый утренний поезд. В разболтанном вагоне, заполненном в основном степенными дачниками, ехавшими на работу в Петроград, на жестких, доблеска вытертых скамьях расположились Ленин, его младшая сестра Мария и его друзья — член РСДРП с момента ее основания, большой знаток российского сектантства, Бонч-Бруевич и Савельев, также старый партиец, выходец из мелких дворян, закончивший курс в университете. Они оживленно беседовали. В девятом часу поезд пересек узкую извилистую реку Сестру, служившую границей между Финляндией и Россией. Несколько минут спустя он замедлил ход и остановился на небольшой пограничной станции Белоостров.

Машинист отцепил вагоны, и паровоз, пыхтя, медленно отошел от состава и двинулся на заправку. Разговор между Лениным и его спутниками был в этот момент прерван неожиданно возникшим пограничным инспектором. Раздалось резко повелительное: «Документы! Предъявите ваши документы! Приготовьте документы». Много лет спустя Бонч-Бруевич вспоминал об охватившем всех напряжении, когда они вручили свои бумаги проверявшему, — Ленин ехал с легальным паспортом. Не вызовет ли фамилия «Ульянов» подозрений? Инспектор проверил все четыре паспорта, не задержавшись взглядом на фамилиях владельцев, и поспешил дальше¹.

Во время двадцатиминутной стоянки в Белоострове Бонч-Бруевич побежал искать утренние газеты, а Ленин, Савельев и Мария Ильинична заказали кофе в станционном буфете. Вскоре Бонч-Бруевич вернулся с кипой свежих газет, и Ленин стал быстро листать их, отыскивая сообщения о восстании в Петрограде. Почти все газеты подробно освещали события предыдущего дня. Повсему выходило, что на улицы Петрограда вооруженных солдат и рабочих вывели в середине дня солдаты 1-го пулеметного полка, в составе которого насчитывалось несколько тысяч человек. На каждый крупный завод и в каждую воинскую часть было

отправлено по одному-двое пулеметчиков, и их призывы по большей части нашли горячий отклик. К началу вечера жители столицы, принадлежавшие к высшему классу, покинули улицы центральной части города. Тысячи солдат с полной боевой выкладкой и рабочих со знаменами, причем многие в сопровождении семей, проходили, требуя перехода власти к Советам, перед Мариинским и Таврическим дворцами, в которых соответственно располагались Временное правительство и ЦИК Советов. Согласно сообщениям газет, значительные группы восставших рабочих и солдат отделялись от основного потока, чтобы пройти мимо штаб-квартиры большевиков в особняке Кшесинской, что указывало на участие большевиков в подготовке восстания и свидетельствовало об авторитете партии среди петроградских масс.

Вооруженные пулеметами и с красными флагами в руках восставшие весь вечер беспрепятственно разъезжали по городу на реквизированных легковых автомобилях и военных грузовиках. Поступали многочисленные сообщения о ружейной и пулеметной стрельбе в отдельных районах города, однако число убитых и раненых еще не было известно. На железнодорожных вокзалах встревоженные хорошо одетые петроградцы стояли в длинных очередях за билетами, готовясь покинуть город. С согласия часовых восставшие завладели важной в психологическом и стратегическом отношении Петропавловской крепостью. По сообщениям, поступившим в последние минуты, группа солдат предприняла неудачную попытку захватить военного министра Керенского. Кроме того, левые добились, по-видимому, крупной победы в рабочей секции Петроградского Совета, который предыдущей ночью порвал с центральным руководством Советов, высказавшись за передачу власти Советам и создание специальной комиссии с задачей обеспечить мирный и организованный характер массового движения².

Когда начались волнения, Временное правительство и Советы призывали солдат и рабочих не выходить на улицы. Но после того как стало ясно, что этот призыв не возымел действия, командующий Петроградским военным округом генерал Петр Половцев, молодой, но жесткий и уже отличившийся в боях кавалерийский офицер, приказал войскам гарнизона восстановить порядок на улицах. Однако войска, не принимавшие участия в восстании, проигнорировали его указания. К концу вечера Половцев запретил проведение любых демонстраций. Тем временем в связи с углублением кризиса кабинет министров, ЦИК и ИВСКД собрались на срочное заседание, длившееся с перерывами всю ночь.

Ранние сообщения значительно расходились в выводах относительно причин восстания. Особое внимание газеты обратили, например, на то, что несколько министров-кадетов подали в отставку из-за разногласий с министрами-социалистами по вопросу политики правительства в отношении Украины³. Некоторые

наблюдатели определенно считали, что начинавшееся восстание было непосредственно связано с очевидным распадом правительственной коалиции. Так, корреспондент кадетской газеты «Речь» высказал предположение, что в результате этого распада солдатам *отдельных* полков и рабочим *некоторых* предприятий представился удобный случай высказаться за передачу «всей власти Советам»⁴. Другие наблюдатели объясняли волнения в столице недовольством в войсках гарнизона в связи с жестокими мерами военного командования в отношении фронтовых частей, отказывавшихся идти в наступление⁵.

Несмотря на расхождения в оценках конкретных причин вспышки движения за свержение правительства, практически все комментаторы были, по-видимому, единодушны в том, что в возникновении кризиса больше всех других политических групп виноваты большевики. Обозреватель «Известий», органа ЦИК и Петроградского Совета, пришел к выводу, что часть пролетариата и гарнизона столицы вышли на улицы с оружием в руках под воздействием «совершенно безответственной большевистской агитации». По его мнению, большевики попытались использовать искреннее недовольство и обеспокоенность пролетарских и солдатских масс для достижения своих собственных целей⁶. Автор передовицы в «Биржевых ведомостях», беспартийной ежедневной либеральной газете, ставил вопрос в более конкретной плоскости. «Что это, — риторически вопрошал он, — осуществление неосуществленных 10 июня большевистских вождедений? Вооруженное выступление против Временного правительства и большинства организованной демократии?»⁷ Спустя годы Бонч-Бруевич вспоминал, что возвращавшегося в Петроград Ленина больше всего тревожила бешеная травля большевиков, так резко проявившаяся в газетах от 4 июля⁸.

Раздумья Ленина прервал третий удар станционного колокола, предупреждавший о том, что поезд вот-вот тронется. Допив залпом кофе и схватив кипу газет, Ленин устремился за своими спутниками, спешившими к вагону. Снова устроившись на своем месте, он всю оставшуюся часть пути молчал, дочитывая другие важные сообщения того дня.

В это летнее утро газеты извещали не просто об обычных беспорядках в связи со все большей нехваткой продуктов питания и топлива. 2 июля министр продовольствия Пешехонов вызвал к себе представителей Центрального продовольственного комитета Петрограда, чтобы проинформировать их о дальнейшем ухудшении и без того критического положения. Доклад, составленный одним из членов управы комитета, четко обрисовал масштабы продовольственного кризиса, охватившего Петроград и его окрестности. Из доклада явствовало, что даже при сокращении рационов запасов хлеба едва ли хватит до сентября. Продовольственный комитет закупил недавно 100 тыс. пудов риса во Владивостоке, однако его доставка была задержана из-за нехватки

судов. Резко сократилось поступление молока, в основном из-за валютных проблем с Финляндией — главным поставщиком молочных продуктов. Поставки в Петроград кормового зерна и сена едва достигали трети необходимого минимума. Резко ухудшилось также снабжение яйцами и овощами, отчасти из-за того, что несколько провинций запретили их вывоз⁹.

В газетах сообщалось, что Топливный комитет Петрограда направил городскому голове срочный доклад, в котором положение со снабжением дровами характеризовалось как катастрофическое. В качестве причин указывались расстройство железных дорог, перегруженность Петроградской товарной станции и сбои на речном транспорте, вызванные нехваткой рабочей силы и плохими погодными условиями. В докладе делался вывод, что если не будут приняты немедленные меры по доставке и распределению дров, то увеличится число заводов и фабрик, которые придется закрывать из-за отсутствия топлива¹⁰. В другом докладе отмечалось, что углубляющийся топливный кризис заставил Московский биржевой комитет отправить в Петроград в министерство торговли и промышленности срочный меморандум. Он предупреждал о неизбежном закрытии летом многих фабрик и заводов за неимением топлива и сырья и брал под защиту владельцев фабрик, утверждавших, что у них нет финансовых средств для выплаты зарплаты многим тысячам рабочих и служащих, которых вскоре придется уволить. Кроме того, в меморандуме предсказывалась неизбежность массовых волнений рабочего класса в основных индустриальных районах, если правительство не займет безработных в сельском хозяйстве и не станет выплачивать им достаточных пособий. Меморандум настойчиво призывал правительство информировать общественность о характере и причинах складывающейся ситуации, чтобы увольняемые рабочие не возлагали ответственность за свое положение на владельцев фабрик¹¹.

В газетах далее сообщалось, что основные правительственные комитеты, которым была поручена организация выборов в Учредительное собрание и подготовка проекта земельной реформы, затягивали свою работу. За день до этого члены Избирательного комитета многие часы спорили о том, каково должно быть представительство в Учредительном собрании вооруженных сил. Тем временем Главный земельный комитет заслушивал доклады представителей местных земельных комитетов о положении в провинциях. Делегат от Пензенской губернии доложил, что местные крестьяне на практике осуществляют принцип социализации земли, захватывая и нарезаая землю в таком количестве, в каком могут самостоятельно ее обработать. По его утверждению, попытки властей защитить частную собственность не имели успеха. Ни одно должностное лицо не осмелится-де предпринять какие-либо меры против крестьян, опасаясь возмездия. Представитель Полтавской губернии объявил, что крестьяне требуют социализации земли и ждут проведения этой меры на

практике в законодательном порядке. «Для меня ясно, — продолжал делегат, — что для того, чтобы избежать захватов земельной собственности, правительству надо подготовить закон об аренде земли, о запрещении ее покупки и продажи и о сохранении лесов. Любая отсрочка с изданием такого закона приведет к распространению среди крестьянства убеждения, что земельной реформы никогда не будет». Делегат из Донской области заявил, что население требует «отчуждения частновладельческих земель без выкупа». Представитель Петроградского Совета в Комитете осудил Временное правительство за то, что оно позволяет себе мириться с положением, когда отдельные министерства проводят в отношении деревни прямо противоположную политику. Особой критике он подверг министерство внутренних дел, которое, по его словам, «видит анархию во всяком проявлении деятельности земельных комитетов и угрожает им уголовным наказанием»¹².

Сообщалось о прекращении забастовки рабочих деревообделочной промышленности Петрограда в связи с урегулированием конфликта. В то же время отмечалось, что почтово-телеграфные работники угрожали приступить к забастовке с восьми часов вечера 4 июля. Служащие и грузчики главпочтамта уже отказались работать и не позволяли почтальонам доставлять почту адресатам, требуя повышения ежемесячной заработной платы и специальных доплат. В это же время к бастовавшим официантам присоединился персонал гостиниц и меблированных комнат, требуя, как и официанты, положить конец почасовой оплате и установить зарплату, которая складывалась бы из постоянной базовой суммы и дополнительной оплаты, зависящей от дохода, получаемого предприятием. В связи с забастовкой некоторые хозяева ресторанов предлагали посетителям самим обслуживать себя¹³.

Из заграничных новостей главной была отставка в Берлине имперского канцлера Бетмана-Гольвега и замена его Георгом Михаэлисом¹⁴. Германские аннексионистские и милитаристские круги уже много месяцев оказывали на него давление с целью вынудить подать в отставку, ибо их не устраивала его явная готовность рассмотреть вопрос о возможности заключения компромиссного мира путем переговоров. Его вынужденный уход и назначение Михаэлиса, этого ничтожества, выбранного генералом Людендорфом, свидетельствовали о том, что решение политических вопросов в Германии находится в руках высшего военного командования.

Из Двинска пришло подробное сообщение о посещении 1 и 2 июля Северного фронта министром труда Скобелевым и исполняющим обязанности морского министра Владимиром Лебедевым¹⁵. Обоих спешно командировали на фронт в связи с тем, что значительное число солдат 5-й армии отказывались выполнять приказы своих командиров и упорно не желали воевать. Это был период между началом давно ожидавшегося и широко разрекла-

мированного наступления Керенского (18 июня) и решающим контрнаступлением германских войск, начавшимся 6 июля. Главный удар наступавшие войска нанесли на Юго-западном фронте и вначале добились скромного успеха (когда известие о продвижении русских войск достигло Петрограда, националистическая печать ликовала). Тем не менее спустя несколько дней стала очевидной деморализация войск на фронте: части, которые вначале удалось убедить пойти в наступление, теперь отказывались воевать. К 4 июля даже официальные военные сводки, составлявшиеся в оптимистическом духе, уже не могли скрыть того факта, что успешно начатое наступление застопорилось и русские войска, контратакованные по всему фронту, несли тяжелые потери.

Войска Северного фронта должны были перейти в наступление лишь 8 июля. В нескольких милях за линией фронта под звуки оркестров солдаты, выстроенные для смотра, криками «ура» приветствовали Скобелева, обходившего строй. Многие из солдат уже понюхали пороху и получили ранения в предыдущих боях. С начала Февральской революции они постоянно читали «Правду», «Солдатскую правду», «Окопную правду»¹⁶ и множество других революционных антивоенных изданий, которыми большевики наводнили фронт. Сейчас их занимали мысли о мире, о земле и более справедливом политическом и социальном порядке. Большинству солдат цели войны были непонятны, и они пришли в ярость, узнав, что в то время, как Советы старались добиться заключения справедливого мира, правительство готовилось начать новое наступление. В результате резко усилилась враждебность солдат по отношению к офицерам. Некоторые воинские подразделения выразили недоверие даже избранным ими же комитетам, в которых господствовали меньшевики и эсеры и которые в целом поддерживали военную политику правительства. Тем не менее сейчас под ободряющими взглядами своих генералов рядовые солдаты приветствовали Скобелева. Он умолял их все отдать за свободную Россию, и они отвечали: «Правильно! Мы готовы умереть за свободу! Мы выполним долг до конца!» Солдаты размахивали флагами с надписями: «В атаку! Долой трусов!» Они подняли Лебедева и Скобелева и понесли их к автомобилю. И вот всего лишь через неделю те же самые солдаты по получении приказа о наступлении, побросав оружие, беспорядочными толпами покидали окопы.

Достигнув северных предместий Петрограда, поезд, в котором ехали Ленин и его спутники, сбавил ход. Миновав роскошные сады Лесного института, он пересек Сампсониевский проспект, тянувшийся на юг через Выборгский район — обширное промышленное гетто столицы. Закопченные корпуса заводов и фабрик с сотнями и тысячами рабочих, побуревшие многоэтажные казармы, кишевшие разного рода паразитами, жалкие лачуги рабочих — все это было благодатной почвой для распрост-

ранения революционных идей в последние десятилетия господства царского режима, когда Россия сделала первый большой рывок в промышленном развитии. Бурные выступления студентов Лесного института наряду с возмущением их товарищей из Петербургского университета в конце 90-х годов XIX века пошатнули русское правительство. Эти же студенты вместе с промышленными рабочими стояли на баррикадах в 1905 году, в июле 1914 и в феврале 1917 года. В октябре 1905 года полиция осыпала градом пуль толпу рабочих, устроивших демонстрацию на южном конце Сампсониевского проспекта на углу Боткинской улицы. Совсем неподалеку, через несколько узких, грязных, заваленных мусором улочек, находились три крупнейших петроградских предприятия — заводы «Эриксон», «Новый Лесснер» и «Русский Рено». На телефонном и электромеханическом заводе «Эриксон» в 1905, 1912, 1914 и 1916 годах прошли крупнейшие политические стачки. На механическом заводе «Новый Лесснер» в 1913 году состоялась одна из самых продолжительных (102 дня) и самых известных забастовок в истории русского рабочего движения. Упорное сражение рабочих автомобильного завода «Рено» с войсками и полицией в октябре 1916 года явилось одним из первых признаков надвигавшегося шторма, закончившегося спустя несколько месяцев падением царизма. Сейчас, когда поезд медленно подходил к шумному перрону Финляндского вокзала, все три завода опять стояли. Рабочие «Эриксона», «Рено» и «Нового Лесснера» за день до этого первыми заполнили улицы столицы.

На Финляндском вокзале все выглядело совершенно иначе, чем в апреле, когда Ленин возвращался из эмиграции. Тогда его встречали толпы рабочих и солдат. Были знамена и цветы, духовой оркестр и почетный караул матросов. Пришло даже руководство Петроградского Совета. Среди тех, кто приветствовал Ленина в бывшем царском павильоне вокзала, находился председатель Петроградского Совета Николай Чхеидзе. Тогда путь к штабу большевистской партии Ленин проделал стоя на броневике, в сопровождении внушительной процессии, состоявшей из партийных активистов, рабочих и солдат. Сейчас Бонч-Бруевич побежал за извозчиком, и не было ни оркестра, ни приветственных речей. Влажный летний воздух был пропитан резкими запахами несвежей пищи, пота и пара. Повсюду сновали носильщики. Из киоска, задрапированного кумачом, пожилая матрона в пенсне, отчаянно жестикулируя, взывала к проходившим мимо: «Помогите нашим революционным солдатам! Подписывайтесь на заем свободы!» На площади перед вокзалом толпились рабочие и солдаты, готовившиеся к демонстрации в поддержку требования о немедленном заключении мира и передаче власти Советам.

За два с лишним столетия с момента основания Петром Великим столица Российской империи, как и предреволюционный Париж, оказалась разделенной на социально-экономиче-

ские районы, которые резко отличались друг от друга. Центр города, включавший южную часть Васильевского острова и Петроградскую сторону на правом берегу реки Невы, а также значительную часть левого берега до Обводного канала населяли представители высших и средних классов, в то время как основная масса фабричных рабочих жила и трудилась в прилегающих промышленных районах. В центральных кварталах находились роскошные в стиле рококо и в неоклассическом стиле дворцы императорской семьи и высшей аристократии, здания, в которых размещались различные учреждения империи, производившие внушительное впечатление Исаакиевский и Казанский соборы, а также гранитные набережные Невы и каналов, так украшавшие Петроград — одну из наиболее красивых столиц Европы. В этой части города располагались и центры русской культуры: Императорский Мариинский театр, где давали представления оперные труппы и знаменитый императорский балет, Императорский Александринский театр, на чьей сцене лучшие европейские драмы и комедии чередовались с классическими вещами Гоголя, Тургенева и Толстого, и Петербургская консерватория, в которой выступали самые известные исполнители того времени. На левом берегу Невы находились, кроме того, банки и конторы столицы, а также жилые кварталы, облик которых по мере удаления от Адмиралтейства — своего рода центра города — менялся: дворцы аристократов уступали место домам представителей свободных профессий, а последние — жилищам среднего класса. От здания Адмиралтейства начиналась самая широкая и красивая улица Петрограда — Невский проспект, где находились самые модные магазины столицы. Над проспектом доминировал похожий на иглу адмиралтейский шпиль. На другом берегу реки, к северу, вдоль набережной на восточном конце Васильевского острова отчетливо выделялись здания университета, Российской Академии наук и Академии художеств — три символа научных и художественных достижений России, — а также украшенное колоннами здание Биржи.

Основные предприятия Петрограда размещались в районах вокруг центральной части — в Нарвском, Московском и Александро-Невском районах на левом берегу Невы, а также в более удаленных частях Васильевского острова, Охтенском и Выборгском районах на правом берегу.

На Петроградской стороне за высоким забором изысканного чугунного литья находился просторный и элегантный особняк Кшесинской, прима-балерины Мариинского балета, фаворитки Николая II. Кшесинская покинула особняк в февральские дни, после чего он был занят солдатами расквартированного неподалеку броневого дивизиона. В начале марта большевики, размещавшиеся тогда в двух комнатухах в мансарде Центральной биржи труда, попросили у солдат здание для своей штаб-квартиры и получили его¹⁷. Незамедлительно в различных частях

дворца разместились ЦК, Петербургский комитет и Военная организация.

С точки зрения большевиков, особняк Кшесинской располагался идеально. От него было рукой подать до Петропавловской крепости и цирка «Модерн», пещероподобного зала для концертов и собраний, где часто проводились политические митинги. Совсем рядом находились военные казармы и крупные фабрики Выборгского района. Переезд партии в особняк совпал с резким ростом числа ее членов и популярности в массах после Февральской революции. Новая штаб-квартира, над которой развевался красный флаг, как магнит притягивала недовольных рабочих, солдат и матросов. В просторных помещениях цокольного этажа особняка размещался клуб «Правда» Военной организации, а площадь перед ним стала местом проведения непрерывных митингов. Каждый день с раннего утра до позднего вечера можно было наблюдать, как Сергей Багдатов¹⁸, Моисей Володарский¹⁹ или какой-нибудь другой известный оратор обращался с нависавшего над улицей балкона к проходившим внизу толпам со страстными речами. Примерно раз в неделю в особняке Кшесинской собирались выборные представители партийных комитетов различных районов столицы на рабочие заседания. В изысканно отделанной, украшенной белыми колоннами гостиной особняка поздно ночью 3 апреля возвратившийся из-за границы Ленин впервые изложил перед тремястами ошеломленными партийными активистами свою новую программу. Несколько недель спустя там состоялась Апрельская конференция.

Не все разделяли радость большевиков по случаю переезда в особняк. В конце весны Кшесинская вознамерилась вернуть себе дом, очевидно, не столько из желания возвратиться туда, сколько из стремления выгнать большевиков. В апреле и мае она донимала правительство и Петроградский Совет прошениями и наконец передала дело в суд. Мировой судья обязал партию освободить помещение в двадцатидневный срок²⁰, но большевики под разными предлогами оттягивали исполнение решения. Именно к этому средоточию радикализма двинулись вечером 3 июля многие солдаты и рабочие — участники демонстрации. Пока тысячи демонстрантов с нетерпением ожидали указаний, скандируя лозунг «Вся власть Советам!», руководители Военной организации и Петербургского комитета, собравшиеся в спальне особняка, обсуждали, что делать дальше, и наконец пришли к решению открыто поддержать выступление масс, вывести их на улицы.

Ленин добрался до особняка Кшесинской примерно к середине дня 4 июля. Едва ему доложили о последних событиях, как около десяти тысяч кронштадтских моряков со своими большевистскими руководителями, большей частью вооруженных и горевших желанием драться, окружили здание и потребовали Ленина. Он сначала отказывался выходить, считая, что этим выразит свое несогласие с демонстрацией, но все же уступил настоя-

ниям возглавлявших кронштадтцев большевиков. Направляясь на балкон, чтобы выступить перед моряками, он сердито проворчал, обращаясь к некоторым членам «Военки»: «Бить вас всех надо!»²¹

Противоречия в речи Ленина отражали сложность создавшегося положения. Сначала он произнес несколько приветственных слов, затем выразил уверенность, что лозунг «Вся власть Советам!» в конце концов восторжествует, и закончил тем, что призвал кронштадтцев к выдержке, стойкости и бдительности. Годы спустя один из слушавших ленинскую речь вспоминал, что для многих моряков упор на мирный характер демонстрации был неожиданным. Находившиеся среди них анархисты, а также некоторые большевики не могли понять, как колонна вооруженных и жаждущих сражаться людей может ограничиться простым шествием с оружием в руках²².

Ленин оказался в весьма невыгодном положении. События предыдущего дня подтвердили, что Временное правительство пользуется среди рабочих и солдат столицы незначительной поддержкой. Однако руководство Советов по-прежнему не желало уступать давлению масс. Большинство социалистов считало, что ни население провинции, ни солдаты на фронте не поддержат переход власти к Советам и что в любом случае «все важнейшие силы страны» должны работать вместе в интересах ведения войны и спасения революции. Они боялись, что, порвав с поддерживающими их либеральными партиями, торговыми и промышленными кругами, они рискуют ослабить военные усилия страны и увеличить вероятность успеха контрреволюции.

С точки зрения большевиков, лозунг «Вся власть Советам!» из-за отказа Советов брать власть в свои руки, по крайней мере в тактическом отношении, временно себя изжил. Партия стояла сейчас перед выбором: либо попытаться силой захватить власть, либо предпринять все усилия для прекращения демонстраций. Взвесив эти альтернативы, Ленин пришел к выводу, что решающее значение будет иметь положение в провинции и на фронте. Ситуация там постоянно менялась, оставалась неопределенной, и сведения, поступавшие оттуда, не очень обнадеживали. Большевики все еще имели слабую поддержку крестьянства, в то время как многие солдаты сохраняли верность руководству Советов.

Днем 4 июля масштабы поддержки прямому революционному выступлению были не ясны и в самой столице. Силы кронштадтских моряков были значительны, и они рвались в бой. Направляясь от особняка Кшесинской к Таврическому дворцу, моряки вступали в беспорядочную перестрелку со снайперами, засевшими в окнах верхних этажей и на крышах зданий Невского проспекта, врывались в десятки домов и квартир, повергая в ужас их жителей. Однако одни части гарнизона, участвовавшие в демонстрациях накануне, уже истратили запал, другие заняли выжидательную позицию. Кроме того, большевики никогда не ставили перед рабочими и солдатами вопрос о захвате власти без

Советов и против их желания. Хотя до июля месяца такая возможность и рассматривалась в узком кругу высшего партийного руководства (особенно Лениным и руководством «Военки») ²³, она не выносилась на обсуждение рядовых партийных руководителей. Поэтому было невозможно предсказать даже то, как откликнутся на призыв к вооруженному выступлению многие большевистские лидеры, не говоря уже о массе рядовых их сторонников.

Все это говорило о целесообразности отступления. Однако такое решение также имело недостатки. Партия была уже вовлечена в борьбу. Программа большевиков и их агитация явно инспирировали уличные демонстрации. Демонстранты несли знамена с большевистскими лозунгами. Под давлением своих новых сторонников среди солдат гарнизона Военная организация как никто активизировала движение, не имея при этом санкции ЦК. Совершенно ясно, что в середине дня 3 июля ЦК партии предпринял попытки остановить выступление. Однако уже через несколько часов руководство «Военки» и Петербургского комитета, видя, что демонстрация в полном разгаре, пересмотрело прежнюю позицию и открыто поддержало ее. Такое же решение принял затем и ЦК. В дальнейшем «Военка» полностью овладела движением и приступила к организации самой мощной и широкой военной поддержки. Она, в частности, вызвала подкрепления с фронта, выслала броневики для занятия ключевых объектов и мостов и отправила роту солдат для захвата Петропавловской крепости ²⁴.

Не опубликовано никаких записей дискуссий в большевистском руководстве 4 июля. Учитывая тогдашние обстоятельства, сомнительно, чтобы такие записи велись. Михаил Калинин позднее вспоминал, что в тот момент Ленин не знал, был ли выход масс на улицу началом захвата власти. Ленин не исключал возможности при благоприятном развитии событий ввода в действие воинских частей и в то же время был готов отступить с минимальными потерями ²⁵. Когда Ленин размышлял о том, как вывести партию из-под удара, он наверняка получал противоречивые советы. Правые члены ЦК, учитывая тактические взгляды на развитие революции и оппозицию мерам, чреватым окончательным разрывом с умеренными социалистами, были, должно быть, категорически против захвата власти вопреки позиции ЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов ²⁶.

Среди других авторитетных фигур, призывавших, по-видимому, к осторожности, были Троцкий и Григорий Зиновьев. Сын молочника-еврея, невысокий и толстый, с курчавыми волосами, Зиновьев приобрел известность в партии прежде всего своими талантами публициста и организатора. В десятилетие перед революцией он был, вероятно, самым близким помощником Ленина и пользовался его политическим доверием. Возвратившись в Россию вместе с Лениным в апреле 1917 года, Зиновьев стал редактором «Правды» и влиятельным членом

большевистской фракции в Петроградском Совете. Ему было тридцать четыре года, часто приподнятое настроение сменялось у него депрессией. Занимая интернационалистские позиции в вопросе отношения к войне и признавая в теории возможность ранней социалистической революции в России, он был тем не менее значительно осторожнее Ленина в вопросах политической тактики. В начале июня, например, он упорно выступал против массовой демонстрации на том основании, что эта акция открыла бы новый этап в развитии революции, к которому большевики оказались не готовы. На дневном заседании ЦК 3 июля и Зиновьев, и Троцкий поддержали предложение Каменева и других о том, чтобы партия предприняла все усилия для сдерживания масс. На следующем заседании ЦК поздно ночью, удостоверившись, что никакие меры со стороны большевиков не в состоянии предотвратить выступление, Зиновьев и Троцкий приняли сторону тех, кто доказывал, что партия должна поддержать движение масс и овладеть им. В то же время они непреклонно настаивали на том, что демонстрация должна проходить мирно²⁷.

Некоторые члены Петербургского комитета, склонные в прошлом оказывать давление на ЦИК и ИВСКД, по-видимому, прохладно отнеслись к идее активных действий 4 июля. В июне непоследовательный Володарский поддерживал, например, организацию массовых демонстраций как средство подрыва военных усилий правительства, сохранения доверия проявлявшего все большее нетерпение рабочего класса и, если возможно, как средство заставить большинство социалистов сформировать правительство, состоящее исключительно из представителей социалистических партий. По мнению Володарского, высшие интересы революции требовали создания коалиционного советского правительства из всех левых социалистических групп. Как активный член Петроградского Совета, тесно связанный как с рабочими, так и с солдатами, Володарский, однако, четко отдавал себе отчет в том, что эти группы хранят верность Совету. Он не хотел бы выступать за свержение Временного правительства против воли руководства Совета.

Среди петроградских большевиков были и активисты, которые 4 июля, вероятно, выступали за решительные вооруженные действия. Один из наиболее влиятельных ультралевых лидеров, латыш Мартын Лацис, представлял мощную большевистскую организацию Выборгского района. В ходе подготовки к несостоявшейся демонстрации 10 июня Лацис позаботился о том, чтобы ее участники были полностью вооружены. Вместе с другим не менее воинственно настроенным членом ЦК литовцем Иваром Смилгай Лацис призвал партию быть «во всеоружии и захватить железнодорожные вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф»²⁸. В период нарастания недовольства накануне июльских дней он критиковал партию за то, что она выполняет в массах роль «пожарного», а ночью 3 июля после начала восстания он

выступил против решения ЦК избегать решительного столкновения с правительством.

Такие же настроения были и у высших руководителей «Военки», в том числе у Николая Подвойского и Владимира Невского, большевиков с большим стажем. Тридцатисемилетний ветеран уличных боев с правительственными войсками в 1905 году Подвойский имел репутацию ультрарадикала. Он, как говорили, первым сразу же после свержения царя заявил, что «революция не окончилась; она только начинается». Невский родился в Ростове-на-Дону, блестяще учился на естественнонаучном факультете Московского университета (в 20-е годы он заявит о себе как историк русского революционного движения). Вместе с Подвойским он участвовал в первых боевых группах и военных организациях большевистской партии. В мемуарах, относящихся к его деятельности в 1917 году, Невский неизменно хвастается независимостью и радикализмом руководства тогдашней «Военки» и своим активным участием в организации июльского восстания. По его словам, 4 июля руководители Военной организации ждали от ЦК сигнала, «чтобы довести дело до конца»²⁹.

Спустя несколько часов после возвращения Ленина в Петроград в особняке Кшесинской стало известно о двух новых факторах, сыгравших в конечном итоге решающую роль. Во-первых, ЦК узнал, что беспомощность правительства, нежелание частей гарнизона поддержать правительство или Советы, угроза, возникшая в связи с прибытием кронштадтских моряков к Таврическому дворцу, рост анархии и числа кровавых стычек на улицах заставили ЦИК и ИВСКД обратиться к войскам на фронте с призывом восстановить порядок. Отвечая на этот призыв, контролируемые меньшевиками и эсерами армейские комитеты Северного фронта приступили к формированию смешанных отрядов для немедленной отправки в столицу. Во-вторых, до большевиков дошли сведения, что высокопоставленные лица в правительстве пытались настроить войска гарнизона против большевиков, обвинив Ленина в организации июльского восстания по указанию враждебной Германии.

Обвинение Ленина в том, что он германский агент, было не новым. Правая печать открыто высказывала его со времени возвращения Ленина в Россию через Германию (известная оппозиция Ленина войне делала его особенно уязвимым). Временное правительство начало, очевидно, расследовать возможность существования тайного сговора большевиков с противником в конце апреля после того, как германский агент, некий лейтенант Ермоленко, обратился в русский генеральный штаб и на допросе показал, что Ленин является одним из многих действующих в России немецких агентов. Это случилось примерно в дни Апрельского кризиса, как раз тогда, когда большевики стали серьезно досажать Временному правительству. Вполне вероятно, что члены кабинета министров были склонны верить этому показанию. Во всяком случае, перспектива дискредитации боль-

шевиков в глазах масс выглядела очень привлекательной. Поэтому троим членам кабинета министров — Керенскому, Некрасову и Терещенко — поручили всячески содействовать расследованию. К делу были подключены несколько следственных служб в Петрограде и на фронте. Специальная служба контрразведки при Петроградском военном округе, по-видимому, направила основные усилия на фабрикацию дела против большевиков. Служба прослушивала, например, телефонные разговоры руководителей партии и держала их под наблюдением — и все это при самой активной поддержке министра юстиции Павла Перверзева, который якобы заявил, что только служба контрразведки может спасти Россию³⁰.

Ныне известно, что во время первой мировой войны немцы потратили значительные суммы денег на подрывную деятельность в России и что часть этих денег была выделена специально большевикам³¹. Имеющиеся по этому вопросу сведения указывают, однако, на то, что большинство большевистских руководителей, не говоря уже о рядовых членах партии, ничего не знало об этих субсидиях. Хотя сам Ленин, видимо, знал о «немецких деньгах», нет никаких свидетельств того, что эти деньги как-либо повлияли на его позиции или политику партии³². В конечном счете эта помощь не оказала существенного влияния на исход революции. Что касается июльских событий, то утверждение о том, что восстание было инспирировано Лениным вместе с немцами, явно беспочвенно. Как мы уже видели, с середины июня Ленин делал все возможное для того, чтобы предотвратить восстание.

В дни июльских событий официальное расследование немецких связей Ленина не было закончено. Однако, поскольку правительство находилось явно на грани падения, сотрудники службы контрразведки сознательно решили действовать активнее. Они составили план использования уже собранных по делу обвинительных материалов для того, чтобы убедить сохранявшие нейтралитет части гарнизона не только в том, что большевики получали деньги от немцев, но и в том, что уличные демонстрации также направлялись Германией. В случае удачи они рассчитывали на то, что гарнизонные части выделяют войска, необходимые для защиты правительства, восстановления в городе порядка и проведения арестов большевиков. План был представлен Перверзеву, и он его одобрил. Обосновывая несколько дней спустя свое решение, министр юстиции разъяснял: «Я сознавал, что сообщение этих сведений должно было создать в сердцах гарнизона такое настроение, при котором всякий нейтралитет станет невозможным. Мне предстояло сделать выбор между предполагавшимся (когда неизвестно) окончательным выяснением всех корней и нитей грандиозного преступления и немедленным и верным подавлением мятежа, грозившего ниспровержением власти»³³.

Вечером 4 июля служба контрразведки пригласила представителей нескольких полков гарнизона в генеральный штаб и вкратце ознакомила их с делом Ленина. Все, кто присутствовал

при этом, единодушно отмечали, что разоблачительные материалы буквально шокировали солдат. Что касается сотрудников контрразведки, то достигнутый эффект так воодушевил их, что они решили часть собранных фактов передать в печать. Поскольку руководство контрразведки опасалось, что обвинительный материал против Ленина, исходящий непосредственно от правительственного ведомства, может вызвать подозрения, оно в спешном порядке завербовало двух «возмущенных граждан» — бывшего представителя большевистской фракции в Думе Г.Алексинского и эсера В.Панкратова, поручив им подготовить для немедленной передачи в печать заявление по поводу предъявляемых обвинений³⁴.

Следует подчеркнуть, что служба контрразведки, министр юстиции, а позднее Алексинский и Панкратов действовали без санкции кабинета министров. Как выяснилось впоследствии, министры Некрасов, Терещенко и Львов, будучи вполне уверены в дни июльского восстания в том, что большевики действительно получали деньги от немцев, в то же время считали, что имевшиеся в их распоряжении факты против Ленина недостаточны и преждевременное их разглашение лишит следствие всякой возможности подкрепить обвинение³⁵. Вечером 4 июля Львов лично обратился во все газеты с просьбой снять материалы с обвинениями против Ленина³⁶. Конечно, уже невозможно было остановить информацию, переданную представителям воинских частей. Распространение сведений об обвинениях, выдвинутых против Ленина, а также расползавшиеся слухи о движении крупных воинских частей с фронта сделали свое дело. 5 июля в час ночи полки, ранее сохранявшие нейтралитет, направились к Таврическому дворцу, где заседали ЦИК и ИВСКД, чтобы выразить свою поддержку руководству Советов и правительству. Едва острота кризиса спала, исполкомы Советов сразу же приняли резолюцию, обещающую «поддержать то, что осталось от Временного правительства». Резолюция потребовала также созыва в трехнедельный срок совещания с участием местных советов для принятия окончательного решения о составе будущего кабинета и о создании советского правительства³⁷.

События, происшедшие вечером 4 июля, то есть отправка с фронта верных правительству войск и смена настроений в ряде полков гарнизона, в целом столь же повредили делу большевиков, сколь оказались спасительны для Временного правительства. Уже к ночи воздействие обоих упомянутых факторов на поведение пассивных до этого частей выявилось вполне. В этих обстоятельствах не оставалось даже времени запросить о положении в провинции. В два или три часа ночи 5 июля собравшиеся на заседание члены ЦК, взвесив все плюсы и минусы развивавшейся ситуации, приняли решение призвать рабочих и солдат прекратить уличные демонстрации.

О решении партии отступить сообщало скромное объявление на последней странице газеты «Правда» от 5 июля: «Цель демон-

страции достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса... показаны внушительно и достойно... Мы постановили поэтому закончить демонстрацию». Это объяснение было явно неискренним. Целью радикальных элементов Петроградского гарнизона и воинственно настроенных большевиков, больше других подталкивавших массы к восстанию в июле, было свержение Временного правительства. Поддержав с запозданием восстание, большинство лидеров партии надеялось, что давление улицы будет достаточно для того, чтобы заставить ЦИК и ИВСКД взять власть в свои руки. Оказалось же, что ни цели экстремистов, ни более робкие надежды умеренных не были осуществлены. Проявлявшие нетерпение рабочие, солдаты и матросы Петрограда, которые до этого следовали за большевиками, вышли из июльского выступления скомпрометированными и по крайней мере временно деморализованными. В то же время сильно возросла решимость правительства, всех умеренных и консервативных политических групп, а также состоятельных классов в целом восстановить любой ценой порядок и раз и навсегда покончить с экстремистами. Станет ли это поражение левых окончательным — должно было показать будущее. Пока же, изолированные и незащищенные, большевики были вынуждены взять на себя неизбежную и незавидную задачу как-то объяснить свою роль в неудачном восстании, защититься от обвинений в измене и вообще обезопасить себя от неминуемых ударов реакции.

Большевики под огнем

Первый удар по большевистской партии во время июльских событий нанесла реакционная, падкая на сплетни бульварная газета «Живое слово», которую Ленин очень метко назвал «желтой, низкопробной, грязной газетенкой»¹. «Живое слово» выступило за закон, порядок и сильную власть, а также за неослабную, до полной победы войну с центральными державами. Всех социалистов вообще (большевиков в особенности) газета считала архиврагами. Нетрудно представить, как ликовала редакция газеты, получив вечером 4 июля заявление Алексинского и Панкратова с обвинениями против Ленина. Увидав в попытках князя Львова и других задержать этот сенсационный материал доказательство того, что среди участников нечестивого заговора с целью продать Россию врагу были радикалы из высших эшелонов власти, она полностью опубликовала его в утреннем выпуске 5 июля во всю ширину первой полосы под броским заголовком: «Ленин, Ганецкий и Козловский — немецкие шпионы!» (Яков Ганецкий и Мечислав Козловский — большевики, через которых немцы якобы передали партии деньги.)

ЦК немедленно выступил с протестом. Краткая заметка в «Правде» от 5 июля, написанная еще до поступления «Живого слова» в киоски, предупреждала читателей о возможности развязывания клеветнической кампании против руководства партии большевиков. Сразу после появления заявления Алексинского и Панкратова Ленин набросал несколько заметок для печати, в которых категорически отрицал выдвинутые против него обвинения и пытался их опровергнуть². Одновременно другие высшие руководители большевистской партии обратились в Советы с просьбой защитить их от нападков печати. В ответ ЦИК выступил с заявлением, в котором призвал общественность воздержаться от обсуждения выдвинутых против большевиков обвинений, пока созданный Советами специальный комитет не проведет тщательное расследование³. Однако шлюзы были уже открыты. Ни протесты большевиков, ни настойчивые просьбы руководства Советов не могли помешать отвратительному скандалу в связи с якобы существующими контактами большевиков с Германией. В середине дня 5 июля Петроград гудел от слухов,

что «Ленин — провокатор». Заявление Алексинского и Панкротова было немедленно отпечатано на листовках, и буквально через несколько часов их начали раздавать на всех перекрестках города. На следующий день многие петроградские газеты комментировали эти обвинения уже как установленный факт и откровенно состязались друг с другом, кто хлестче напишет о предательстве большевиков.

О разнузданности газетной кампании говорили заголовки статей 6 и 7 июля. «Вторая и Великая Азефовщина» гласил заголовок правой «Маленькой газеты», напоминая о скандале 1908 года, потрясшем русское революционное движение, когда обнаружилось, что один из лидеров партии эсеров Евно Азеф работал на охранное отделение. Редактор популярной и не связанной с какой-либо партией ежедневной газеты «Петроградский листок» не стал в поисках заголовка углубляться в историю. Статья «Ужас!» возвращала читателя к событиям 4 июля, когда правительство и Советы оказались во власти бунтовавших рабочих и солдат. Петроград, мол, был тогда «захвачен немцами».

Не менее откровенными были и обвинения, выдвинутые против большевиков 9 июля отцом русской социал-демократии и редактором газеты «Единство» почтенным Георгием Плехановым⁴. Отвечая на опубликованную накануне правительственную радиотелеграмму, в которой утверждалось, что «беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских агентов» и это «с несомненностью выяснилось», Плеханов писал: «Если его (правительства) глава не сомневается в том, что беспорядки, оросившие кровью улицы Петрограда, организованы были при участии германских правительственных агентов, то ясно, что оно не может отнести к ним так, как должно было бы отнести, если бы видели в них только печальный плод тактических заблуждений меньшинства нашей революционной демократии.

Беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составною частью плана русской национальной самозащиты». Статья заканчивалась словами: «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загроаживает ей дорогу».

Одно из самых популярных в те дни выступлений против Ленина принадлежало знаменитому народнику Владимиру Бурцеву, который прославился своим упорным преследованием агентов охраны. К 1917 году он стал ультранационалистом, по своим политическим взглядам близким Плеханову. Он присоединился к кампании против большевиков 6 июля, опубликовав открытое письмо, впоследствии перепечатанное многими петроградскими газетами. Останавливаясь на вопросе, является или нет Ленин германским агентом, Бурцев писал: «Среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы и немецкие агенты. О тех лидерах больше-

виков, по поводу которых нас спрашивают, не провокаторы ли они, мы можем ответить: они не провокаторы... (Но) благодаря именно им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т.д. в те проклятые черные дни 3, 4 и 5 июля Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры»⁵.

Газета кадетов «Речь» отнеслась к обвинениям Алексинского и Панкратова довольно осторожно. Ссылаясь на принцип, что нельзя считать большевиков виновными до тех пор, пока не доказаны выдвинутые против них обвинения, она в то же время настаивала на суровых мерах против левых, молчаливо подтверждая обоснованность этих обвинений⁶. Сдержанной была и информация о скандале, опубликованная 6 июля на первой полосе правоменьшевистской газеты «День».

Следует напомнить, что в отличие от «Единства» и «Дня» ряд газет умеренных социалистов Петрограда (например, «Известия», «Голос солдата» и «Воля народа») последовали рекомендациям ЦИК воздержаться от прямого или косвенного обсуждения доказательности выдвинутых против Ленина и его сторонников обвинений. Это, однако, было для партии слабым утешением. Ибо, за исключением редактировавшейся Горьким газеты «Новая жизнь», вся социалистическая печать отвергла утверждение большевиков о стихийном характере июльского выступления и требовала принятия решительных мер против экстремистов не менее настойчиво, чем либеральные и правые газеты.

Типичной для газет умеренных социалистов в эти дни была позиция, изложенная в передовице главного органа ЦИК газете «Известия» от 6 июля:

«Итак, по мнению «Правды», демонстрация 3 и 4 июля достигла своей цели. Чего же добились демонстранты 3 и 4 июля и их признанные официальные руководители — большевики? Они добились гибели четырехсот рабочих, солдат, матросов, женщин и детей... Они добились разгрома и ограбления ряда частных квартир, магазинов... Они добились ослабления нашего на фронтах... Они добились раскола, нарушения того единства революционных действий, в которых заключается вся мощь, вся сила революции... В дни 3—4 июля революции был нанесен страшный удар... И если это поражение не окажется гибельным для всего дела революции, в этом меньше всего виновата будет дезорганизаторская тактика большевиков».

Такая же резкая статья под заголовком «К позорному столбу!» появилась 6 июля в издававшейся для солдат газете ЦИК «Голос солдата». «Господа из «Правды», — писал ее автор, — вы не могли не понимать, к чему ведет ваш призыв к «мирной демонстрации»... Вы клеймили правительство, лгали и клеветали на меньшевиков, эсеров и Советы, создавали панику, пугая призраком еще несуществующей черносотенной опасности... Теперь, по обычаю всех трусов, вы замаете следы, скрывая правду от своих читателей и последователей». Днем раньше коррес-

пондент правозесеровской газеты «Воля народа» подчеркивал: «Большевики открыто идут против воли революционной демократии. Революционная демократия (то есть социалистические партии, Советы, профессиональные союзы, кооперативы и т.д. — А.Р.) обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... В наши горячие дни всякое промедление смерти подобно».

Впервые после Апрельского кризиса Временное правительство рассмотрело возможность применения силы для подавления воинственных левых групп. В конце весны и начале лета на таких действиях все больше настаивали высшее военное командование, консервативные и либеральные политические круги, глубоко озабоченные распространением анархии внутри страны и явным хаосом в войсках на фронте. Однако до июльских дней возможности правительства выступить против крайне левых ограничивались отсутствием авторитета среди петроградских масс и нежеланием многих центральных органов Советов санкционировать репрессии, пока оставалась хоть какая-то надежда их избежать¹.

Июльское восстание усилило решимость правительства прибегнуть к любым акциям, необходимым для предотвращения подобных взрывов в будущем. В то же время ряд факторов подрывал сохранявшуюся оппозицию Советов применению силы против левых. Июльские события вызвали однозначное отношение ко всем левым группам, в том числе к умеренным социалистам, в результате чего Советы, как и большевики, оказались в обороне. Между тем способность руководства Советов воздействовать на политику правительства была непосредственно связана с авторитетом, которым Советы пользовались в массах. После июльских выступлений рабочие, солдаты и матросы столицы были в замешательстве и подавлены. За кем они пойдут в будущем, оставалось неясным, но пока основная опора Советов была в лучшем случае неопределенной. Тем временем прибывшие с фронта войска дали наконец в руки правительства силу, на которую оно могло опираться.

Вероятность выступления Советов против правительственных репрессий уменьшилась также вследствие того, что события 3—5 июля убедили прежде колебавшихся представителей Советов в необходимости действовать быстро и решительно для восстановления порядка и в этой связи занять твердую позицию против большевиков. Соглашаясь скрепя сердце с репрессиями, большинство умеренных социалистов не отказывалось от борьбы за реформы и скорейшее заключение мира. Оно настаивало на том, чтобы репрессии были минимальными, и, самое главное, на том, чтобы «чрезвычайные меры» применялись не к «целым группам», а только к отдельным лицам, обвиняемым в конкретных преступлениях. В отличие от либералов меньшевики и эсеры были весьма обеспокоены опасностью того, что вызванная июльскими событиями волна реакции может захлестнуть революцию.

Но ответ на эту угрозу контрреволюции (как и ранее на атаки крайне левых) они видели в более тесном сплочении вокруг правительства и в создании коалиции с либеральными партиями.

По иронии судьбы руководство Советов стало проявлять готовность к более тесному сотрудничеству с правительством в то время, когда оно зашаталось. Вспомним, что ночью 2 июля кабинет оставили три министра-кадета. Через три дня за ними последовал Переверзев, подвергнутый критике за то, что без санкции кабинета распорядился обнародовать заявление Алексинского и Панкратова. 7 июля вышел из правительства сам князь Львов в ответ на выдвижение министрами-социалистами «общих принципов» — основы политической платформы новой коалиции. Эти принципы, сформулированные в соответствии с предложениями о реформе, принятыми на I Всероссийском съезде Советов, оказались для князя Львова слишком радикальны. Он ушел в отставку, не в силах с ними согласиться. Оставшиеся члены правительства назначили Керенского министром-председателем, поручив ему формирование нового кабинета.

Одновременно большинство пунктов, отвергнутых Львовым, были включены в Декларацию принципов (Декларацию Временного правительства с изложением программы своей деятельности), переданную 8 июля кабинетом министров в печать. Декларация обязывала, в частности, правительство созвать в течение августа союзную конференцию с целью выработки подробных предложений о заключении мира на основе компромисса и принятия всех мер для проведения выборов в Учредительное собрание 7 сентября. В ней признавалась важность «скорейшего» осуществления реформы местного управления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и содержалось обещание уничтожения сословий и упразднения гражданских чинов и орденов. Кроме того, она обязывала правительство выработать общий план организации народного хозяйства и немедленно принять трудовое законодательство. Наконец, правительству поручалось подготовить для представления в Учредительное собрание проект земельной реформы, по которой вся земля должна быть передана в руки крестьянства (судя по тогдашним заявлениям Львова в печати, больше всего его беспокоил как раз этот проект революционных изменений в землевладении). Учитывая отношение к либералам, в Декларации ничего не говорилось ни о роспуске Государственной думы и Государственного совета, ни о немедленном провозглашении республики — двух требований, выдвинутых съездом Советов и включенных в первоначальный вариант принципов, составленный министрами-социалистами⁸.

Однако теперь кадеты в качестве платы за свое участие в новой коалиции потребовали отказа от Декларации 8 июля. Уверенные, что основная масса населения разделяет их убеждение в том, что в ходе июльских событий были дискредитированы наряду с большевиками и умеренные социалисты и что, следовательно, наступил наконец благоприятный момент для восстановления

порядка и полновластия правительства, они категорически требовали, чтобы в будущем министры-социалисты сохранили независимость от Советов. В области внутренней политики кадеты настаивали на отказе правительства от дальнейших попыток проведения социальных реформ (заявив такую позицию, они требовали замены министра земледелия Чернова, участвовавшего в подготовке земельной реформы). Кроме того, они требовали покончить с плюрализмом правительственной власти, то есть с политической и административной властью Советов и комитетов. По вопросу о войне кадеты выступали за то, чтобы правительство руководствовалось принципом сохранения всех обязательств перед союзниками и приняло все меры для восстановления традиционной военной дисциплины и создания сильной армии. Переговоры, предпринятые для выработки комплексной программы, учитывающей требования и положения Декларации 8 июля, проходили, естественно, мучительно трудно и сопровождались язвительными замечаниями сторон в адрес друг друга. Пока они продолжались, Россия, как никогда прежде, оставалась без эффективного национального руководства⁹.

Тем временем развивавшееся вначале успешно наступление на фронте обернулось самым ужасным поражением русских войск от немцев, которые провели мощное, сокрушительное наступление на Юго-Западном фронте против 11-й армии. Комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте Борис Савинков телеграфировал в Петроград:

«Немецкое наступление... разрастается в неимоверное бедствие... Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи... Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противников. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингах, почему поддержка запаздывала на сутки... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов... Пусть вся страна узнает всю правду о совершающихся здесь событиях»¹⁰.

Еще до получения этого угнетающего известия исполкомы Советов собрались в ночь с 7 на 8 июля на совместное заседание, чтобы обсудить возникшие в последние дни политические проблемы, самыми важными из которых были линия большевиков, неожиданное быстрое распространение контрреволюционных настроений и развал кабинета. Заседание закончилось принятием резолюции, в которой июльское движение характеризовалось как «авантюрная попытка вооруженного выступления», подготовленная «анархо-большевистскими элементами». Подчеркнув, что «исключительные меры» могут применяться лишь по отношению к отдельными лицам, резолюция недвусмысленно признала за правительством право на охрану революционных свобод и утверждение порядка. В то же время она потребовала проведения в срочном порядке реформы законодательства в соответствии с решениями съезда Советов¹¹.

Известие о катастрофе на фронте усилило, по-видимому, стремление большинства умеренных социалистов к созданию такого представительного национального правительства, которое могло бы остановить распространение анархии. В ночь с 9 на 10 июля, по получении известий о положении на фронте, было срочно проведено совместное заседание исполкомов Советов. На нем снова прозвучали горькие упреки в адрес большевиков за подрыв политики большинства в Советах и требование установления сильной революционной диктатуры. Ораторы гневно упрекали большевиков, в частности, за то, что они провоцировали нападки на Советы в июльские дни, создали обстановку для контрреволюционных действий и, что хуже всего, в огромной мере способствовали развалу армии.

От имени всего блока умеренных социалистов слово взял влиятельный меньшевик Федор Дан. Врач по профессии и, как и Ленин, ветеран первой организации социал-демократов России, возникшей в Петербурге, Дан в 1917 году занимал среди меньшевиков позицию немного левее центра. После провала демонстрации 10 июня он, например, резко выступал против Церетели по вопросу о принятии санкции против большевиков и их сторонников, считая, что их роль преувеличена и что крутые действия против крайне левых приведут лишь к дальнейшему ослаблению позиций правительства и усилению влияния Ленина. Обычно мягкие черты лица этого человека, одетого в мешковатую форму военного врача, были искажены от гнева. Он предложил ввиду чрезвычайных обстоятельств в столице и на фронте немедленно провозгласить Временное правительство «правительством спасения революции» и, более того, предоставить ему все полномочия для восстановления армии и наведения в ней порядка для ведения решительной борьбы против всех проявлений контрреволюции и анархии и для проведения программы реформ, сформулированной в Декларации от 8 июля. Принятая исполкомами Советов по этому предложению резолюция получила подавляющее большинство голосов¹². Отпечатанная по этому случаю прокламация гласила: «Пусть Правительство суровой рукой подавляет все вспышки анархии и все покушения на завоевания революции. И пусть проведет в жизнь все те меры, которые необходимы для революции»¹³.

Следует отметить, что меньшевики-интернационалисты и левые эсеры (крайне левые группы в меньшевистском и эсеровском лагерях), не говоря уже о большевиках, не поддерживали политическую резолюцию исполкомов Советов от 9 июля, фактически предоставлявшую полную свободу действия правительству, состав и программа которого были тогда совсем неясны.

С Декларацией от имени меньшевиков-интернационалистов выступил Юлий Мартов. У него был болезненный вид и хриплый от бесконечных речей голос, с носа сползало пенсне. Он родился в семье обрусевшего, либерально настроенного интеллигента-

еврея. В 1917 году ему было около сорока пяти лет. К участию в революционном движении Мартова подтолкнули несправедливое отношение к евреям в царской России, окружавшая его обстановка жестокого притеснения и страшного антисемитизма, с которой он столкнулся в школе, а также прогрессивные идеи и «запрещенные книги», с которыми он впервые познакомился в семье. В начале 90-х годов он уже был убежденным социал-демократом, и соратники уважали его за интеллект, мужество, высокие принципы и честность. Мартов порвал с Лениным, бывшим своим другом и соратником, в 1903 году во время раскола партии на большевиков и меньшевиков. С тех пор он был наиболее авторитетной и уважаемой политической фигурой в меньшевистской партии. С началом первой мировой войны Мартов возглавил борьбу меньшевиков-интернационалистов за заключение немедленного компромиссного мира путем переговоров. Возвратившись в начале мая 1917 года из-за границы в Россию, он выступил против тогдашней меньшевистской политики ограниченной поддержки войны и участия в правительстве и возглавил в значительной степени независимую интернационалистскую фракцию внутри свободно организованной меньшевистской партии. Будучи убежден, что дальнейшее сохранение у власти коалиционного правительства приведет к гибели революции, Мартов в разгар июльских событий выступил за создание правительства, состоящего исключительно из социалистов, «способного двинуть революцию дальше». Теперь же, спустя меньше недели, он горячо доказывал, что осуществление выдвинутой Советами программы спасения страны невозможно, пока у нее остаются враги слева.

Мартов зачитал декларацию меньшевиков-интернационалистов, в которой говорилось, что развитию кризиса в России значительно способствовала недостаточно революционная и последовательная внутренняя и внешняя политика Временного правительства. В Декларации делался вывод о том, что революционная демократия сможет спасти страну и революцию, только если не будет усугублять разногласия, уже возникшие в ее рядах, если революционное правительство целиком сосредоточится на борьбе с растущей угрозой и если решительные шаги по перестройке жизни воодушевят армию сознанием того, что, отражая нашествие врага, она проливает кровь за землю, за свободу, за скорый мир¹⁴. Через несколько дней на пленарном заседании исполкома Советов 17 июля, познакомившись с условиями вхождения кадетов в правительство, Мартов утверждал, что у Советов нет иного выбора, как только полностью взять власть. «Или революционная демократия берет на себя всю ответственность за революцию, или она теряет свой голос в решении дальнейшей судьбы ее»¹⁵.

Последующие события показали, что выдвинутая Мартовым концепция революционного советского правительства, объединяющего все социалистические силы, осуществляющего широкую программу реформ, активно выступающего против контр-

революции и делающего все ради скорейшего заключения компромиссного мира, в достаточной мере отвечала чаяниям политически сознательных масс Петрограда. Как раз эти вопросы обсуждались, например, на заседаниях большинства районных Советов после июльских дней, что нашло отражение в принимаемых на них резолюциях. Однако в это время взгляды Мартова разделяли лишь немногие в руководстве меньшевиков и эсеров. Обсуждение политических вопросов на пленуме исполкомов Советов 17 июля закончилось одобрением позиции, поддержанной исполкомами 9 июля¹⁶.

С учетом лояльности большинства меньшевиков и эсеров Временному правительству и коалиционной политике становится вполне понятным тот факт, что на переговорах о создании нового кабинета умеренные социалисты в конечном счете пошли на значительные уступки кадетам. Переговоры состоялись 21 и 22 июля после того, как Керенский, потерпев неудачу с созданием нового правительства, неожиданно заявил об отставке, которую остальные министры отказались принять. После этого они встретились с представителями различных политических партий, центральных органов Советов и Временного комитета Государственной думы и договорились предоставить Керенскому полную свободу при формировании правительства. Вооружившись этим мандатом, последний отказался от представительского принципа в подборе министров. По этому оказавшемуся приемлемым для всех соглашению министры кабинета уже не являлись представителями соответствующих партий и министры-социалисты формально уже не отвечали перед Советами. Хотя отдельные министры могли поддерживать Декларацию от 8 июля, кабинет в целом не был связан ею. На практике это означало дальнейшее уменьшение воздействия на правительство Советов и одновременно исключение из правительственной программы пунктов, выдвинутых социалистами даже в их урезанном варианте 8 июля.

На этой основе было образовано второе коалиционное правительство, возглавляемое Керенским, в составе восьми социалистов и семи либералов. Самыми влиятельными фигурами в новом кабинете были Керенский (в дополнение к посту министра-председателя он сохранил также пост военного и морского министра) и двое близких его коллег — Николай Некрасов (заместитель министра-председателя и министр финансов) и Терещенко (министр иностранных дел). Почти ко всеобщему удивлению, Чернову удалось остаться министром земледелия. Среди бывших министров, не вошедших в состав нового кабинета, был Церетели. Плохо себя чувствуя и устав от правительственных дел, он предпочел сосредоточиться на работе в Советах¹⁷.

Правительственное наступление на большевиков началось утром 5 июля нападением большого отряда юнкеров на редакцию и типографию газеты «Правда». Юнкера не успели схватить

Ленина, буквально минутами ранее покинувшего редакцию. Несколько сотрудников «Правды» были избиты и арестованы. Юнкера тщательно обыскали типографию, поломав при этом мебель и станки и выбросив в протекавшую поблизости Мойку кипы свежееотпечатанных газет. На следующий день многие петроградские газеты, подробно расписывая этот эпизод, с ликованием известили, что юнкера обнаружили при обыске письмо на немецком языке, подписанное неким германским бароном. В нем якобы приветствовалась деятельность большевиков и выражалась надежда, что партия добьется преобладающего влияния в Петрограде. «Маленькая газета» в заголовке, предпосланном сообщению, сделала обобщающий вывод: «Найдена германская переписка»¹⁸.

4 июля кабинет министров отдал специальное распоряжение командованию Петроградского военного округа освободить особняк Кшесинской от большевиков. На рассвете 6 июля большевистский штаб готовилась штурмовать специально сформированная часть под командованием А.И.Кузьмина в составе Петроградского полка, восьми броневиков, подразделений Преображенского, Семеновского и Волынского гвардейских полков (по роте от каждого), отряда моряков Черноморского флота, нескольких отрядов юнкеров, курсантов авиационной школы и отряда самокатчиков. Они должны были действовать при поддержке тяжелой артиллерии. Получив предупреждение о готовящемся нападении, некоторые из находившихся в особняке большевистских активистов серьезно рассматривали возможность оказания сопротивления и даже начали к нему готовиться. В конечном итоге положение было признано безнадежным, и большевики успешно прорвались к Петропавловской крепости, в которой все еще находились сочувствующие им войска¹⁹.

В особняке Кшесинской солдаты отряда Кузьмина захватили значительное количество оружия и арестовали семерых большевиков, отчаянно спешивших вывезти остатки архива. В довершение всего на чердаке обнаружили кипы погромных черносотенных листовок, очевидно остававшихся там с царских времен. Для «Петроградской газеты» эта находка послужила доказательством того, что большевики были в союзе с крайне правыми и немцами. Поэтому газета 8 июля сообщала: «Ленин, Вильгельм II и д-р Дубровин (известный деятель правых) в общем союзе. Доказано: ленинцы устроили мятеж совместно с марковской и дубровинской черной сотней!»

Днем 6 июля правительственные войска вновь заняли Петропавловскую крепость, один из последних оплотов сопротивления левых. К этому времени несколько воинских частей, снятых с Северного фронта, достигли столицы. Самокатчики, броневой дивизион и 2-й эскадрон малороссийских драгун прибыли утром и успели принять участие в захвате особняка Кшесинской и Петропавловской крепости. 14-й Митавский гусарский полк с полной боевой выкладкой прибыл в Петроград вечером и направился к

зданию генерального штаба. Впереди него шли знаменосцы с развернутым полотнищем, на котором было написано: «Мы прибыли, чтобы поддержать Всероссийские Исполнительные Комитеты Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов»²⁰. На Дворцовой площади к прибывшим частям с приветственной речью обратился министр земледелия Виктор Чернов: «Но я верю, что это ваш первый и последний такой приход... Мы надеемся и верим, что (в будущем) никто больше не посмеет действовать против воли большинства революционной демократии»²¹.

С 6 по 12 июля кабинет министров издал ряд спешно составленных директив с целью восстановления порядка и наказания зачинщиков политических выступлений. На необычайно долгом заседании в ночь с 6 на 7 июля было решено: «Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции»²². Одновременно правительство опубликовало новое постановление о наказаниях, гласившее: «1) Виновный в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения наказывается заключением в исправительном доме не свыше трех лет или заключением в крепости на срок не свыше трех лет; 2) Виновный в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказывается заключением в крепости на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме; 3) Виновный в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти наказывается как за государственную измену»²³.

Керенский, назначенный министром-председателем 7 июля, не был в Петрограде в разгар июльских событий, так как днем 3 июля выехал на фронт, куда ему сообщили подробные сведения о развитии кризисной ситуации в столице. Керенский в ответной телеграмме Львову настаивал на «решительном прекращении предательских выступлений, разоружении бунтующих частей и предании суду всех зачинщиков и мятежников»²⁴. На фронте ему показали последний выпуск «Товарища», немецкого пропагандистского издания на русском языке, выходившего раз в неделю и предназначенного для распространения в войсках противника. Из чтения одной из статей Керенский сделал вывод, что немцы заранее знали о восстании в столице. Это, естественно, укрепило его убеждение, что Ленин — германский агент²⁵.

В ярости и смятении Керенский сел на поезд, чтобы к утру 6 июля попасть в столицу. На железнодорожной станции в Полоцке вагон-салон, где спал глава правительства, был частично разрушен бомбой²⁶. Керенский, хотя и остался невредим, страшно расстроился. Неудивительно, что по прибытии вечером

6 июля в Петроград он был мрачнее тучи и горел нетерпением разделаться с большевиками. С того времени от был всегда среди министров, наиболее активно выступавших за жесткую политику по отношению к крайне левым. Выступая вскоре перед толпой солдат и рабочих, собравшихся у здания генерального штаба, Керенский (он стоял на подоконнике одного из окон, поддерживаемый за ноги офицерами) заявил, что не позволит «никаких посягательств на завоеванную Русскую революцию». Перейдя на пронзительные ноты, он прокричал: «Проклятье тем, которые пролили на улицах столицы невинную кровь. Пусть будут прокляты те, кто в дни тяжелых испытаний предаст родину!»²⁷ Несколько дней спустя, после официального утверждения на пост министра-председателя, Керенский с не меньшей яростью заявил в интервью агентству Ассошиэйтед Пресс следующее: «(Наша) фундаментальная задача — защита страны от разрушения и анархии. Мое правительство спасет Россию, и, если мотивы разума, чести и совести окажутся недостаточными, оно добьется ее единства железом и кровью»²⁸.

Июльское восстание было, конечно, прежде всего мятежом гарнизона. На своем заседании 6—7 июля кабинет издал приказ разоружить и распустить военные формирования, участвовавшие в июльском восстании, а их личный состав передать на усмотрение военного и морского министров. Подробный план, приложенный к приказу, собственноручно подписал Керенский: «Согласен, но требую твердого проведения этого без дальнейшего уклонения». Примерно в то же время Керенский выступил с резким осуждением кронштадтских моряков, дав понять, что они действовали под влиянием «германских агентов и провокаторов». Всем командам и судам Балтийского флота было приказано представить для следствия и суда в Петрограде «всех подозрительных лиц, призывавших к неповиновению Временному правительству и агитирующих против наступления»²⁹.

Одновременно были предприняты меры против разложения воинских частей на фронте. Так, командиры получили право открывать огонь по подразделениям войск, оставлявшим поле боя без приказа. На всех фронтах были запрещены большевистские газеты и проведение политических митингов. Самой важной мерой явилось восстановление правительством смертной казни за военные преступления в зоне боевых действий и введение одновременно «военно-революционных судов» с правом вынесения смертных приговоров³⁰.

Чтобы помешать восставшим рабочим и солдатам из центра города скрыться в относительно безопасных фабрично-заводских районах левого берега, на Неве были разведены мосты. В то же время были наглухо закрыты границы страны, дабы «германские агенты» не ускользнули за кордон. Временно запрещались собрания на улицах. Военный министр и министр внутренних дел получили полномочия закрывать газеты, агитирующие за неповиновение военным властям или призывающие к насилию.

На этом основании закрыли большевистские газеты «Правда», «Солдатская правда», «Окопная правда» и «Голос правды». Явно преследуя цель разоружения рабочих, правительство распорядилось, чтобы гражданские лица сдали все находящиеся в их распоряжении оружие и боевые припасы. Отказывавшиеся подлежали ответственности как виновные в похищении казенного имущества³¹.

7 июля кабинет возложил расследование вопросов, имеющих отношение к организации июльского восстания, на прокурора Петроградской судебной палаты Н.С.Каринского. В связи с этим исполкомы Советов приняли решение отказаться от задуманного ранее собственного расследования³². Однако еще до начала работы прокуратуры петроградские власти приступили к облавам на большевистских руководителей. Кабинет министров издал специальный приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева. Ленин и Зиновьев немедленно ушли в подполье. Это же сделали и двое руководителей «Военки» Невский и Подвойский. Не скрылся только Каменев, арестованный и заключенный в тюрьму 9 июля.

Задвигая до этого заключили в тюрьму членов двух делегаций моряков, отправленных из Гельсингфорса в Петроград Центральным Комитетом Балтийского флота — Центробалтом, в котором преобладало влияние левых. Среди арестованных оказались такие влиятельные «флотские» большевики, как Павел Дыбенко и Николай Ховрин. Через неделю арестовали и отправили в тюрьму крупного большевистского руководителя из Гельсингфорса Владимира Антонова-Овсеенко. Среди пассажиров автомобиля, задержанных по подозрению казачьим патрулем, был Сергей Багдатьян, армянин, одно время кандидат в ЦК большевиков. Сообщалось, что Багдатьян разезжал днем 4 июля по Петрограду на бронесамобиле, размахивая винтовкой и призывая встречных зевак «арестовать министров». На допросе после ареста Багдатьян скромно признался в том, что он один из организаторов восстания. В газетных сообщениях о его задержании обращалось внимание на две вещи: Багдатьян — немецкий шпион и еврей. Для корреспондента «Маленькой газет» «внешность» Багдатьяна, его «горбатый нос» и «рыжая бородка», а также то обстоятельство, что он «маскируется в самые демократические и самые рабочие рубашки», явились абсолютными уликами. Как сообщал корреспондент, Багдатьян говорит по-русски «очень хорошо, с едва заметным еврейским акцентом»³³.

Редактор «Окопной правды» Флавиан Хаустов, бежавший из «Крестов» (старой пересыльной тюрьмы в Выборгском районе, построенной в виде двух крестов) и пытавшийся уйти от устраивавшихся на него облав, вновь был схвачен, очевидно, по доносу шпиона при выходе из театра в Луна-парке³⁴. Намного сложнее правительству было арестовать левых руководителей на Кронштадтской военно-морской базе. В ответ на телеграмму Керенского с требованием немедленной выдачи правительству «контре-

волюционных подстрекателей» исполком Кронштадтского Совета послал такое сообщение: «Проведение арестов невозможно в связи с тем, что в Кронштадте ничего не известно о присутствии “контрреволюционных подстрекателей”». Кронштадтский Совет упорно отказывался сотрудничать с правительством и после получения конкретных указаний о выдаче нескольких ведущих большевистских руководителей (Федора Раскольника, Семёна Рошалья и Афанасия Ремнева). Только после того, как правительство пригрозило подвергнуть Кронштадт морской блокаде и бомбардировке, Совет согласился на то, чтобы все трое разыскиваемых кронштадтцев, за исключением скрывшегося ранее Рошалья, отдали себя в руки властей³⁵. Позже дал себя арестовать и Рошаль. Встретив Раскольника в Крестах, он объяснил: «После твоего ареста я считал неудобным скрываться»³⁶.

Известная большевичка Александра Коллонтай в дни июльских событий была в Стокгольме. После того как разразился скандал по поводу «немецкого агента», она стала подвергаться жестоким нападкам шведской печати, намекавшей на то, что она прибыла за новыми германскими субсидиями. Поэтому Коллонтай поспешила вернуться в Петроград. Позднее она так описала прием, устроенный ей 13 июля на шведско-финской границе. В Торнео в поезд вошли несколько русских офицеров и взяли ее под арест. Молва об этом распространилась по вокзалу, и вскоре на перроне собрались группы людей, кричавших: «Немецкие шпионки! Предатели России!» Содержатель вагона-ресторана с салфеткой под мышкой бежал следом за ней, выкрикивая: «Вот ведут шпионку Коллонтай! Твое место на виселице с изменниками России». Когда поезд отошел, Коллонтай и ее стражи направились к вагону-ресторану, но самозванный часовой революционной России был все еще на своем посту. Загородив вход, он выпалил: «Шпионке Коллонтай... в своем вагоне есть не позволю». Добавив, что шпионов должно сажать «на хлеб и на воду», он упорно отказывался дать даже это³⁷.

В то время, когда ширились аресты подозреваемых левых, против политики правительства выступали лишь немногие из не-большевиков. Среди них были Мартов, Троцкий и Анатолий Луначарский (последний — драматург, философ-марксист и пламенный трибун революции — входил в то время в состав «Межрайонного комитета»). Например, Троцкий на заседании ЦИК 17 июля упорно защищал действия большевиков в июльские дни, высмеяв идею о том, что Ленин был немецким шпионом. «Ленин боролся за революцию тридцать лет, — заявил он. — Я борюсь против угнетения народных масс двадцать лет. И мы не можем не питать ненависть к германскому милитаризму. Это может сказать только тот, кто не знает, кто такой революционер»³⁸.

Чтобы помочь большевистскому делу, Троцкий согласился защищать Раскольника на суде. В середине июля он отправил от имени большевиков в адрес правительства письмо-протест, в котором заявил: «Я разделяю принципиальную пози-

цию Ленина, Зиновьева, Каменева... Отношение мое к событиям 3—4 июля однородно с отношением названных товарищей... У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту товарищи Ленин, Зиновьев и Каменев»³⁹. Правительство не могло игнорировать такой вызов. Утром 23 июля ведомство Каринского издало приказ об аресте Троцкого и Луначарского. Вскоре Луначарский был задержан на своей квартире. Троцкий, не ведая, что власти уже его ищут, позвонил в тот вечер Каринскому по телефону, чтобы обговорить защиту Раскольникову. На вопрос Троцкого, может ли он выступить на суде адвокатом Раскольникову, тот ответил: «Я вам сообщу. Где вас можно застать?» «У Ларина», — сказал ничего не подозревавший Троцкий. Через час команда солдат постучалась в дверь квартиры Ларина и увела его⁴⁰.

Ордер на арест Ленина был выдан прокурором Петроградской судебной палаты 6 июля вечером. Немедленно отряд из солдат и офицеров Преображенского гвардейского полка под командованием начальника контрразведки Бориса Никитина отправился на последнее известное местопребывание Ленина — квартиру его старшей сестры Анны Елизаровой. Хотя Ленина там не было, Никитин, уже давно горевший желанием схватить вождя большевиков, вовсе не собирался возвращаться с пустыми руками. Под гневным взглядом жены Ленина Надежды Крупской он наблюдал, как солдаты дюйм за дюймом тщательно осматривали квартиру, и конфисковывал бумаги и документы, вызывавшие малейшее подозрение. Рано утром на следующий день в дом, где была квартира Ленина, прибыл репортер «Петроградской газеты», чтобы записать реакцию соседей на эти события. Все они выражали негодование из-за того, что в их доме скрывался вражеский агент, и сходились во мнении, что жильцы двадцать четвертой квартиры располагали большими деньгами (слово «немецкими» вслух не произносилось). «Сами видите, что таких домов, такой парадной лестницы, таких дверей красного дерева в Петрограде немного,» — сообщил старший дворник дома, добавив, что «Ленин почти всегда ездил в автомобиле». «У него и его жены такое роскошное белье, какого нет ни у кого в нашем доме», — заявила одна из квартиранток, а ее спутница прибавила: «А в нашем доме пролетарии квартир не снимают». Когда репортер уходил, старший дворник показал ему ходатайство жильцов дома перед его хозяином о немедленном выселении из двадцать четвертой квартиры Елизарова. «Никому не хочется иметь столь опасных соседей, как товарищ Ленин и его семья»⁴¹, — говорилось в этом ходатайстве, под которым уже стояло несколько подписей.

Ленин узнал об ордере на арест и об обыске у Елизаровых на квартире у Сергея Аллилуева (будущего тестя Сталина), кото-

рая за последние три дня была уже его пятым убежищем⁴². Перебираясь с одной квартиры на другую, Ленин взвешивал все за и против сдачи властям. В его ближайшем окружении мнения резко разделились. Каменев, Троцкий, Луначарский и Виктор Ногин наряду со значительным числом московских большевиков, по всей видимости, считали, что в вопросе личной безопасности Ленина на Советы можно положиться и что суд под их защитой будет честным и открытым и будет возможность использовать его для разоблачения существующего режима. Поэтому они советовали Ленину сдать властям⁴³. Такого же мнения придерживались и некоторые партийные руководители Петроградской организации, больше всего, по-видимому, обеспокоенные возможным отрицательным воздействием неявки Ленина на рабочих и солдат. Их точку зрения изложил Володарский в ходе внутрипартийного обсуждения вопроса о явке Ленина в суд: «Вопрос не так прост, как он кажется многим товарищам. Мы на всех событиях наживали капитал. Массы понимали нас, но в этом пункте (касающемся ухода Ленина в подполье) масса нас не поняла»⁴⁴. Дмитрий Мануильский, который, как и Володарский, поддерживал с рабочими и солдатами особенно тесные связи, высказал следующее: «Вопрос о явке тт. Ленина и Зиновьева в суд нельзя рассматривать в плоскости личной безопасности... Приходится этот вопрос рассматривать... с точки зрения интересов и достоинства партии. Нам приходится иметь дело с массами, и мы видим, какой козырь в руках буржуазии, когда речь идет об уклонении от суда наших товарищей... Из процесса Ленина мы должны сделать дело Дрейфуса».

По словам руководителя большевистских профсоюзов Александра Шляпникова, многочисленные дружеские советы Ленину явиться в суд очень расстроили Марию Ильиничну, которая хотела бы, чтобы ее брат перебрался в Швецию⁴⁵. За безопасность Ленина в случае явки к властям опасались многие большевистские руководители, в том числе большинство участников собравшегося в конце июля VI съезда партии. Они доказывали, что судебное дело против Ленина было частью заговора классовых врагов большевистской партии, преследующего цель ее уничтожения, что в сложившейся ситуации честное судебное разбирательство невозможно и что, вероятнее всего, Ленин будет убит еще до передачи дела в суд. Эти большевики упорно советовали Ленину скрыться сразу же после июльских событий. Впоследствии, несмотря на яростную критику как в партии, так и вне ее, они упорно отстаивали линию поведения Ленина. Сталин в этих спорах середины июля занимал промежуточную позицию и доказывал, что Ленин и Зиновьев не должны являться к властям, пока не прояснится ситуация, подразумеваемая, однако, что обоим следует явиться, если будет создано достаточно стабильное правительство, гарантирующее Ленину безопасность⁴⁶.

Вначале Ленин склонялся, по-видимому, к тому, чтобы отдать себя в руки властей⁴⁷. Днем 7 июля он заявил протест в

связи с обыском на квартире у его сестры и выразил готовность явиться для ареста, если приказ об этом будет утвержден ЦИК⁴⁸. С этим заявлением в Таврический дворец отправились Серго Орджоникидзе (старый грузинский большевик, недавно прибывший в Петроград) и Ногин, получившие устную инструкцию обсудить условия сдачи Ленина в руки властей. Они должны были получить от представителя бюро ЦИК В.А.Анисимова твердые гарантии безопасности для Ленина и обещание незамедлительного и честного суда. Оба встретились с Анисимовым после полудня. Последний, хотя и не смог дать никаких абсолютных гарантий, заверил их, что Советы сделают все возможное для обеспечения прав Ленина. По словам Орджоникидзе, после этого неопределенного ответа даже Ногин стал проявлять беспокойство по поводу возможной участи Ленина в руках властей⁴⁹.

Эти соображения были немедленно сообщены Ленину. В то же время он узнал о решении исполкомов Советов отказаться от собственного расследования июльских событий, и эта информация, видимо, и определила его окончательный выбор. Во всяком случае, 8 июля Ленин твердо решил не сдаваться властям. В письме, подготовленном для печати, он разъяснял:

«Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте — по следующим мотивам... Стало совершенно ясно, что «дело» о «шпионстве» Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции... Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет. Центральный Исполнительный Комитет... назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контрреволюционных сил эту комиссию распустил... Отдать себя сейчас в руки властей значило бы отдать себя в руки Милюковых, Алексинских, Переверзевых, в руки разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне»⁵⁰.

9 июля под покровом темноты Ленин покинул квартиру Аллилуевых и вместе с Зиновьевым бежал в деревню Разлив, расположенную рядом с небольшим курортным городком Сестрорецком на берегу Финского залива в 32 километрах к северо-западу от столицы⁵¹. Ленин оставался там, пока не перебрался 9 августа в Финляндию. Сначала вместе с Зиновьевым он скрывался на чердаке сарая в доме рабочего сестрорецкого завода и старого большевика Николая Емельянова. Однако поскольку существовала опасность быть замеченными любопытными жителями деревни, беглецы перебрались вскоре в расположенный на отшибе на другом берегу озера соломенный шалаш. Много лет спустя Зиновьев вспоминал, как однажды они, испугавшись звуков стрельбы, спрятались оба в мелком кустарнике и Ленин прошептал: «Ну, теперь, кажется, остается только суметь как следует умереть»⁵². Оказалось, что стреляли

проходившие мимо охотники. В дальнейшем такие нагоняющие страх инциденты не повторялись. Беглецы больше всего страдали от укусов комаров, а в августе пошли дожди и наступили холода, сделавшие жизнь в шалаше невозможной. В Разливе Ленин отдыхал, плавал, совершал длительные прогулки. По словам Александра Шотмана, поддерживавшего вместе с Эйно Рахью и Орджоникидзе связь между Лениным и партийным руководством в Петрограде, Ленина больше всего волновало своевременное получение газет из столицы, он набрасывался на очередную свежую пачку газет, как только она прибывала. Расположившись на траве, делал в них отметки, а затем записывал в тетрадь свои замечания. В этот период Ленин регулярно писал статьи для большевистской печати, составлял листовки и проекты резолюций (прежде всего к расширенному заседанию ЦК 13 и 14 июля и VI съезду), а также доканчивал важную теоретическую работу «Государство и революция»⁵³.

Все это время в печати не прекращались нападки на Ленина за отказ подвергнуться аресту и строились все новые догадки о его возможном местопребывании. 7 июля газета «Живое слово» под крупным заголовком поместила написанное в ликующем тоне, но неподтвердившееся сообщение, что Ленин пойман солдатами при захвате особняка Кшесинской и находится в руках правительства. В тот же день «Петроградская газета», дабы не отстать, сообщила своим читателям дополнительные детали. Ссылаясь на сведения, якобы полученные от адвоката Кшесинской, посетившего дом своей клиентки сразу же по его освобождению от большевиков, газета утверждала, что некоторые солдаты Волынского полка узнали Ленина, выдававшего себя за матроса.

Побег Ленина оказался в центре внимания на заседании исполкомов Советов 13 июля⁵⁴. Заседание состоялось в момент поступления известий о еще более тяжких поражениях на фронте и роста ничем не сдерживаемой активности враждебных революции правых организаций и превратилось в еще одну публичную демонстрацию лояльности Временному правительству и враждебности по отношению к большевикам. Заседание, которое было не столько рабочим совещанием, сколько политическим митингом, началось с того, что Керенский, только что вернувшийся из очередной поездки на фронт, обратился к Советам с горячим призывом поддержать правительство и решительно порвать с большевизмом. По случаю этого первого появления Керенского в Таврическом дворце после занятия поста министра-председателя галереи были переполнены зрителями. Зал откликнулся на призыв громом аплодисментов. Такая же реакция последовала и на ответ Чхеидзе: «Эти органы не останутся... ни перед какими жертвами, чтобы спасти революцию...» По сообщениям газет, после этих слов Керенский вскочил с кресла и обнял Чхеидзе. Зал сотрясался от рукоплесканий, возгласов «Да здравствует республика!» и «Троекратное ура в честь Родины!».

Как только шум поутих, к трибуне устремился Федор Дан. «То, к чему призывал нас тов. Керенский, нами уже выполнено, — объявил он. — Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только делегировали ему всю полноту власти, но мы требуем, чтобы этой властью Правительство пользовалось». От имени большинства социалистов Дан предложил составленную в резких тонах резолюцию, обвинявшую большевиков в преступлениях против народа и революции. Резолюция клеймила уклонение Ленина от ареста как «совершенно недопустимое», требовала от большевистской фракции обсудить в партии поведение своих руководителей и отстраняла от участия в исполкомах Советов всех обвиняемых. Выступил Ногин с протестом, но безрезультатно. «Вам предлагают вынести решение о большевиках в то время, когда над ними суда еще не было, — предупреждал он участников заседания. — Вам предлагают поставить вне закона руководителей фракций, которые вместе с вами подготовляли эту революцию». Резолюция Дана была принята подавляющим большинством, и дальше в ходе заседания выступления против большевиков зазвучали еще резче. Одобрительные крики и бурные аплодисменты сопровождали эмоциональную речь трудовика⁵⁵ А.А.Булата, который резко критиковал представителя профсоюзов Давида Рязанова, выступавшего непосредственно перед ним в защиту большевиков. Рязанов провел параллели между требованием Временного правительства к Советам в отношении Ленина и требованием царского правительства к Думе в июне 1907 года поддержать арест членов ее социал-демократической фракции. Обратившись сначала к Церетели, а затем к членам большевистской фракции, Булат с пафосом произнес: «И вы не смеете проводить аналогию... Вы говорите... теперь требуют Ленина, тогда требовали Церетели... А я вам расскажу, как поступил тогда Церетели и как поступает Ленин. Церетели вышел на эту кафедру и заявил: мы стоим за то, чтобы настоящий строй был изменен, чтобы царский строй рухнул и восторжествовала демократическая республика... А как поступает Ленин? Нам остается только сказать по его адресу: трусливый Ленин».

Сообщение о сенсационном заседании появилось в печати 14 июля, и в тот же день «Петроградская газета» поместила новые известия о местопребывании Ленина. «Следы Ленина найдены!» — гласил ее заголовок. «Окончательно установлено, где скрывается Ленин... Ленин бежал через Лисий Нос в Кронштадт»⁵⁶. На следующий день «Живое слово» подтвердило, что проживающие на Лисьем Носу дачники видели 5 июля, как из большого автомобиля вышел человек в одежде матроса, похожий на Ленина, и сел на катер, якобы направлявшийся в Кронштадт. «Газета-копейка» в номере от 15 июля, ссылаясь на «безусловно достоверный источник», объявила, что «Ленин в настоящее время находится в Стокгольме». «Биржевые ведомости» в тот же день подтвердили со ссылкой на «полуофициальные ис-

точники», что Ленин действительно был в шведской столице, однако с помощью германского посланника и «небезызвестного Ганецкого-Фюрстенберга» уже якобы переправлен в Германию. Наконец, 8 августа «Живое слово» сообщило, что сведения о местопребывании Ленина в Германии были подброшены самими большевиками, чтобы сбить власти со следа. «На самом деле Ленин живет всего в нескольких часах езды от Петрограда, в Финляндии. Известен даже номер дома, в котором он живет. Но арестовать Ленина, говорят, будет не очень легко, так как он располагает сильной охраной, которая прекрасно вооружена».

Читая в шалаше в Разливе эти гадания прессы, Ленин нередко смеялся⁵⁷. Однако в основном в июле и в начале августа чтение петроградских газет было, очевидно, малоприятным. Работница аппарата большевистской партии Мария Сулимова, у которой Ленин скрывался 6 июля, вспоминает, что, узнав от нее самые последние новости, Ленин, размышляя, проговорил: «Вас, товарищ Сулимова, возможно, арестуют, а меня могут и “подвесить”». Эта же мысль сквозит и в записке, оставленной им Каменеву: «Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: “Марксизм о государстве”»⁵⁸.

Ценные свидетельства о душевном состоянии Ленина в тот период дают мемуары Шотмана и Зиновьева. Шотман вспоминает, что некоторое время Ленин преувеличивал масштабы и последствия реакции и пессимистически смотрел на ближайшие перспективы революции в России. Он считал, что бесполезно говорить дальше о созыве Учредительного собрания, ибо «победители» этого не сделают; партия должна сгруппировать оставшиеся силы и уйти в подполье «всерьез и надолго». Гнетущие сообщения, которые Шотман первоначально отправлял Ленину в Разлив, еще более укрепляли его в этом убеждении. Благоприятные новости стали поступать только через несколько недель⁵⁹. Пессимистическое настроение Ленина в июльские дни подтверждает Зиновьев. В конце 20-х годов он писал, что Ленин предполагал наступление более долгого периода реакции и сама реакция ему виделась более глубокой, чем это оказалось.

«В это время газеты, в том числе и «социалистические», были полны рассказней про «мятеж» 3—5 июля и главным образом про самого Ленина. Такое море лжи и клеветы не выливалось ни на одного человека в мире. О «шпионаже» Ленина, об его связи с германским генеральным штабом, о полученных им деньгах и т.п. печаталось в прозе, в стихах, в рисунках и т.д.

Трудно передать чувство, которое пришлось испытать, когда выяснилось, что «дело Дрейфуса» создано, что ложь и клевета разносится в миллионах экземпляров газет и доносится до каждой деревни, до каждой мастерской. А ты вынужден молчать! Ответить негде! А ложь, как снежный ком, нарастает. А враг становится все наглее и изобретательнее в клевете... И уже по всей стране, из края в край, по всему миру ползет клевета... Тяжелые, лихие это были дни»⁶⁰.

Петроград в период реакции

Разительный контраст между политической атмосферой в Петрограде накануне июльского кризиса и преобладающими настроениями после него ярче всего проявился в событии, которое в иное время не имело бы сколько-нибудь важного значения: это были организованные правительством похороны семерых казаков, убитых в стычках с восставшими в разгар июльских дней¹.

В субботу 15 июля Временное правительство решило отдать последнюю дань памяти убитым казакам; за несколько дней до этого правительственные чиновники, центральные органы Советов, Временный комитет Государственной думы и Петроградская городская дума начали кампанию, чтобы вызвать интерес общественности к этому мероприятию. Организаторы рассматривали его как очередное средство дискредитировать большевиков и продемонстрировать свою поддержку закона и правопорядка. Городской голова Григорий Шрейдер от имени Городской думы призвал «всех сторонников революции и всех, воодушевленных ее духом», отдать последние почести погибшим казакам. Накануне Центральный Исполнительный Комитет разослал указание каждому промышленному предприятию столицы избрать делегацию из 30 человек для участия в похоронах. Опасаясь повторения провалившейся манифестации 18 июня, ЦИК постановил не выступать со знаменами и плакатами.

Судя по отчетам прессы, усилия, направленные на организацию похорон, увенчались успехом. «Голос солдата» отмечал, что ранним утром Невский проспект приобрел «совершенно особый вид». Хотя некоторые магазины были открыты и вели торговлю, улицы были запружены людьми. Особенно большие толпы собрались около Исаакия, самого крупного собора в Петрограде, где обычно проводились главные службы. Масса людей выстроилась вдоль пути следования кортежа из собора до Александро-Невской лавры, где должно было состояться погребение.

Накануне ночью горожане вместе с друзьями и родственниками погибших выстроились в длинную очередь у входа в Исаакиевский собор, чтобы проститься с ними. В огромном, ярко освещенном храме стояли открытые белые гробы с телами казаков. Рядом в почетном карауле застыли казаки. Многие из

пришедших, войдя в собор, оставались там на всю ночь, так что к утру собор был переполнен и вход был закрыт для всех, кроме приглашенных сановников. Они начали прибывать задолго до начала заупокойной службы. Представители различных дипломатических миссий в России, среди них Дэвид Фрэнсис от США, Жозеф Нуланс от Франции и Джордж Бьюкенен от Великобритании, каждый в сопровождении военного атташе в парадной форме, заняли свои места рядом с членами Российского кабинета, руководителями социалистического большинства в Советах, чиновниками земства и городской администрации, представителями купечества и промышленников, делегатами от всех частей казачьих войск в России и Петроградского гарнизона, а также от крупных фабрик столицы и множества мелких групп и организаций.

Около 10 часов утра в соборе появился Керенский. Бледный, напряженный, по свидетельству очевидцев (это был самый трудный период в его деятельности по формированию правительства), он наблюдал за тем, как бывшая придворная капелла, сводный хор Исаакиевского и Казанского соборов и метрополийский хор занимали отведенные для них места. Присутствующие затихли, когда архиепископ Петрограда в сопровождении экзарха грузинской православной церкви и членов Святейшего синода поднялся на возвышение перед алтарем: началась заупокойная служба. Вначале процессия сановников возложила венки из ярких летних цветов к подножию гробов. Одной из первых цветы поднесла делегация казаков. Надпись на лентах гласила: «Тем, кто верно выполнял свой долг и погиб от рук немецких агентов». За казаками следовали лидеры кадетов — Федор Родичев, Павел Милюков и Василий Маклаков, которые несли огромный венок, перевитый зелеными лентами с надписью «Верным сынам свободной России, павшим в борьбе с предателями Родины». Присутствовавший на церемонии обозреватель газеты «Живое слово» сообщал, что, когда сотни голосов сводного хора нарушили тишину, запев торжественный гимн, все собравшиеся в соборе упали на колени. Как заявила видная деятельница партии кадетов Ариадна Тыркова, в этой берущей за сердце заупокойной службе был слышен голос самой России.

Служба продолжалась почти три часа. После ее окончания караульные закрыли гробы крышками. Важные чиновники, избранные заранее, вынесли их на площадь перед собором, где собрались отряды казаков и драгун, полки Петроградского гарнизона, несколько восанных оркестров и отряд трубачей, чтобы сопровождать процессию к Александро-Невской лавре. Когда несли первый гроб члены кабинета министров во главе с Керенским покинули собор, командующий Петроградского военного округа приказал: «Взять на караул!» Полковые знамена развевались на дующем с Невы легком ветерке. Послышались звуки горна. Затем воздух разорвал громкий выстрел пушки Петропавловской крепости. Начищенные сабли казаков сверк-

нули на ярком солнце, и по команде офицера лес штыков поднялся и опустился в приветственном салюте. Керенский выступил вперед: «Граждане!» — прогремел его голос.

«Граждане, мы переживаем сейчас исключительный и очень печальный исторический момент. Каждый из нас должен склонить голову перед героями, павшими на улицах столицы в борьбе за нашу Родину, за свободу и за честное имя гражданина России. От лица правительства я говорю вам, что Россия переживает драматический момент. Она ближе к гибели, чем когда-либо в своей истории... Перед всеми вами я открыто заявляю, что все попытки подстрекательства к анархии и беспорядкам, откуда бы они ни проистекали, будут безжалостно пресекаться... Перед телами погибших я призываю вас поклясться, что вместе с нами вы приложите все силы, чтобы спасти государство и свободу».

Подняв правую руку, Керенский прокричал: «Клянусь!» Наступила короткая тишина. Затем тысячи рук взметнулись вверх, и толпа громогласным эхом отозвалась: «Клянемся!» Те, кто находился возле Керенского, подняли его на плечи и понесли к ожидавшему его автомобилю.

Кортеж двинулся вперед. Звонили колокола Исаакия, а оркестр играл торжественный псалом «Коль славен наш господь в Сионе». Процессию возглавляли трубачи, за ними следовал эскадрон казаков с пиками, украшенными черным крепом, священнослужители в развевающихся черных одеждах, несшие высокие кресты, хоругви и курящиеся кадила, ряды мальчиков-хористов, высшие чины церкви, Исаакиевский и метрополичий хоры. Останки убитых казаков поместили на семь пушечных лафетов, запряженных лошадьми. За каждым из первых шести лафетов скакала лошадь без всадника. За последним лафетом ехал в седле мальчик лет десяти, с узким лицом — сын одного из убитых казаков; на нем была приметная темно-синяя с малиновой отделкой форма донских казаков. Замыкали этот длинный кортеж правительственные служащие, представители Советов, делегации, присутствовавшие на заупокойной службе и бесконечные шеренги воинских частей.

Процессия повернула с Морской улицы на Невский проспект, и к звону колоколов Исаакия присоединились колокола нескольких соседних церквей. Когда процессия достигла Казанского собора, она остановилась для короткой службы. Та же процедура повторилась и перед Знаменской церковью. В результате всех этих остановок кортеж достиг своего конечного пункта далеко за полдень. Примечательно, что все обошлось без единого инцидента.

Обозреватели газет, принимавшие участие в похоронах казаков, не могли не противопоставить это событие антиправительственным демонстрациям, проходившим в предшествующие месяцы. В процессии 15 июля приняло участие лишь незначительное число рабочих и, как отметил один репортер, «за

всю дорогу к кладбищу военный оркестр ни разу не сыграл Марсельезу». 16 июля комментатор газеты «Речь» выразил огромное удовлетворение по поводу того, что явные симпатии общественности к убитым казакам ознакомили очевидные перемены в общественном настроении. «Дни 3—5 июля выбросили на улицу весь тот смрад, который копился целые месяцы, они показали во всем ужасе и неприглядности картину того, к чему приводит безвозвратное господство «взбунтовавшихся рабов» и «пьяных илотов». День 15 июля показал тот здоровый крах, который появился на свете, когда логика революции сбросила с поверхности эту темную накипь». Похороны казаков были событием не только печальным, но и радостным, заключает автор статьи в «Речи» — грустным из-за понесенных утрат и радостным, потому что Россия могла теперь вступить в период «национального возрождения».

Самым примечательным в послеиюльские дни реакции было быстрое изменение общего политического климата. В то время один газетный обозреватель, отмечая разницу в настроении между 4 и 5 июля, писал, что «нельзя даже говорить об изменении, впечатление столь сильно, как будто перенесся в какой-то другой город и очутился среди других людей и настроений»². Много лет спустя левый меньшевик Владимир Войтинский вспоминал 5 июля, когда улицы Петрограда стали ареной «контрреволюционных оргий» и «бесчинств черносотенцев, угрожавших свести на нет победу над восставшими», как один из самых печальных дней своей жизни³.

Уже 6 июля исполкомы Советов предупредили, что незаконные аресты и акты насилия, предпринятые в ответ на выступления народных масс 3—4 июля, представляют серьезную угрозу революции (т.е. свержению царизма и установлению демократической политической системы). Сессия Петроградской городской думы, проходившая 7 июля, неоднократно прерывалась сообщениями о беспорядках в столице. Депутат от меньшевиков заявил: «Граждане, внешним видом напоминающие рабочих или заподозренные в принадлежности к партии большевиков, постоянно находятся под угрозой быть избитыми». «Весьма интеллигентные люди ведут разнузданную антисемитскую пропаганду», — отмечал другой депутат. В ответ на подобные сообщения депутаты Государственной думы решили принять постановление, осуждающее уличные беспорядки. Оно было опубликовано на следующий день и предостерегало население против того, чтобы не стать жертвой «безответственных агитаторов, возлагающих всю вину за бедствия, переносимые страной, на евреев, буржуазию, рабочих и внушающих крайне опасные мысли восставшим массам»⁴.

В петроградской прессе этого периода появились сообщения, отмечающие внезапный взрыв активности со стороны крайне правых группировок. Одной из самых деятельных, пожалуй, бы-

ла группа «Святая Россия», которая, как следовало из газеты «Известия», обосновалась в книжном магазине на Пушкинской улице⁵. «Святая Россия» издавала свою собственную одностраничную газету «Гроза», возлагавшую вину за все беды России на граждан нерусской национальности, главным образом евреев, а также на социалистов, либералов, буржуазию и пролетариат. Согласно «Грозе», только царь Николай II был в состоянии обеспечить хлеб и мир русскому народу и спасти страну от полного краха⁶. В прессе также сообщалось о подстрекательствах к погромам. «Петроградский листок», например, поместил отчет об уличном митинге, на котором несколько ораторов призывали собравшихся «громить жидов и буржуазию, потому что они виновны в братоубийственной войне». Один оратор в своей речи акцентировал внимание на «засилии евреев в центральных органах российской демократии». Уличная толпа разошлась лишь после вмешательства солдат и милиции⁷.

Примерно в это время были разгромлены местные комитеты партии большевиков. Так, например, во второй половине дня 9 июля солдаты совершили нападение на штаб большевиков в Литейном районе. Вечером того же дня штаб большевиков Петроградского района был атакован «сотней юнкеров, прибывших на 4 грузовиках и двух броневиках». Юнкера арестовали трех членов партии, находившихся в штабе, и обнаружили деньги. Наткнувшись на бумажные рубли, один из них с любопытством спросил, «не от немцев ли они»⁸. Не только евреи и большевики, но также неполитические организации, группы меньшевиков и эсеров подверглись подобным акциям. Так, 5 июля было разгромлено издательство «Труд», печатавшее профсоюзную и большевистскую литературу. Несколько дней спустя подвергся нападению штаб крупнейшего в России союза рабочих-металлистов⁹. Местное отделение партии меньшевиков, примыкавшее к штабу большевиков в Петроградском районе, постигла та же участь 9 июля¹⁰, когда служащие отделения уже закончили работу и покинули помещенис.

В эти дни не избежали карательных мер, направленных против большевиков, и некоторые умеренные социалисты. Так, представитель трудовиков в ЦИК был сильно избит и на некоторое время заключен в тюрьму за призыв не считать Ленина шпионом до того, как его дело будет должным образом расследовано¹¹; 5 июля Марк Либер, один из наиболее влиятельных меньшевиков в Совете и ярый критик большевизма, был арестован солдатами, ошибочно принявшими его за Зиновьева¹².

Юрий Стеклов (видный радикальный социал-демократ, тесно связанный с умеренными большевиками) трижды подвергался преследованию. Ночью 7 июля в его квартиру ворвался отряд Петроградского военного округа. Стеклов немедленно позвонил Керенскому, который прибыл на место событий и уговорил солдат оставить хозяина квартиры в покое. Однако позже группа штатских и солдат, возмущенная неудачей первого рейда, снова

собралась около двери квартиры Стеклова, готовая расправиться с ним. И вновь вызвали Керенского, который поспешил освободить Стеклова. На следующий день Стеков покинул столицу, чтобы провести несколько дней на даче в Финляндии. Однако даже это не спасло его. Дача Стеклова находилась рядом с домом Бонч-Бруевича, где накануне июльских событий останавливался Ленин. Ночью 10 июля юнкера разыскивали Ленина, но, не обнаружив его на даче Бонч-Бруевича, направились к Стекову, схватили его и заставили вернуться в Петроград. Касаясь этого происшествия, газета Московского Совета «Известия» с горечью отмечала: «Юнкера плохо разбираются в наших разногласиях...»¹³

18 июля Временный комитет Думы провел сенсационное, широко разрекламированное заседание, ставшее своего рода барометром текущего момента. В февральские дни депутаты Государственной думы в целях восстановления порядка в стране создали Временный комитет, который наряду с исполнительным комитетом Петроградского Совета сыграл важную роль в образовании первого Временного правительства. Впоследствии Временный комитет не проявлял особенной активности; его 50—60 самых активных членов во главе с Михаилом Родзянко, похоже, довольствовались периодическими неофициальными обсуждениями государственных проблем и еще более редкими высказываниями в прессе по политическим вопросам. Однако, когда в начале лета либеральным и консервативным членам комитета пришлось отражать атаки левых сил, когда они осознали очевидную неспособность правительства решать злободневные проблемы, заседания комитета и его заявления стали принимать все более воинствующий характер. В преддверии июньских и июльских событий многие депутаты считали, что участие Думы в свержении старого режима было трагической ошибкой и что Российское государство находится на грани краха. Значительная же часть депутатов пришла к выводу, что Дума, единственный выборный представительный орган в России, должна попытаться спасти страну, помогая созданию сильного правительства, свободного от влияния левых сил.

Эта позиция была изложена 18 июля на заседании Временного комитета, созданного для выработки публичной декларации, определяющей создавшуюся в стране политическую ситуацию, и, что еще более важно, для обсуждения характера деятельности Думы¹⁴. На этом заседании правые депутаты А.М.Масленников и В.М.Пуришкевич, последний был широко известен как участник убийства Распутина, выступили с резкой критикой сложившейся в стране обстановки.

Масленников возложил вину за несчастья, выпавшие на долю России, на руководство Советов, называя их «мечтателями», «лунатиками, выдающими себя за пацифистов», «мелкими карьеристами» и «группой фанатиков, временными попутчиками и предателями». (Масленников подразумевал, что все участ-

ники событий были преимущественно евреи, и не делал никаких различий между умеренными социалистами и большевиками.) С одобрения многих депутатов он потребовал созыва официальной сессии Думы в полном составе, на которой члены кабинета дали бы полный самоотчет. После этого Дума могла бы установить, какие изменения необходимо произвести в правительстве и какой политике оно должно следовать. «Государственная дума — это окоп, защищающий честь, достоинство и само существование России. В этом окопе мы либо победим, либо погибнем», — заключил он.

Пуришкевич полностью согласился с Масленниковым и с речью отозвался о тех, кто продолжал защищать революцию в то время, когда, по его словам, патриоты должны кричать с каждой колокольни: «Спасите Россию, спасите родину. Она находится на краю гибели в большей степени из-за внутренних врагов, чем из-за иностранной опасности». По мнению Пуришкевича, в чем страна больше всего нуждалась, так это в сильном голосе, который кричал бы о несчастьях, обрушившихся на Россию, и в щедром применении петли. «Если бы было покончено с тысячью, двумя, пусть пятью тысячами негодяев на фронте и несколькими десятками в тылу, то мы не страдали бы от такого беспрецедентного позора», — заявлял он. Применять смертную казнь через повешение только на фронте, считал он, лишено смысла; необходимо «уничтожить первопричину смуты, а не ее последствия». Как и Масленников, Пуришкевич рассматривал деятельность Совета как исключительно пагубную и «ждал от Думы, что она заявит о себе в полный голос и отмерит должное наказание каждому, кто его заслуживает». «Да здравствует Государственная дума!» — взволнованно воскликнул Пуришкевич в конце своей речи. «Это единственный орган, способный спасти Россию... И пусть сгинут зловещие силы, примкнувшие к Временному правительству... Этими силами руководят люди, которые не имеют ничего общего ни с крестьянами, ни с солдатами или рабочими и которые ловят рыбку в мутной воде вместе с провокаторами, поддерживаемыми немцем кайзером».

Несмотря на все красноречие Масленникова и Пуришкевича, общественность высказалась весьма сдержанно в пользу сильной власти (без влияния Советов) и за курс на продолжение войны с полным напряжением сил, который впоследствии избрал Временный комитет. Более того, комитет отверг предложение созвать Думу в полном составе, чтобы «отмерить должное наказание». Большинство депутатов в конце концов согласились с мнением Милюкова, что подобный шаг неуместен.

Для левых сил и особенно для большевиков это были действительно тяжелые дни. Ветераны-революционеры позже вспоминали их как самое сложное время в истории партии. В своих ранних мемуарах об этом периоде редактор «Солдатской правды» Александр Ильин-Женевский рассказал о трудностях, с

которыми он столкнулся в поисках типографии для печатания большевистских изданий. Куда бы он ни приходил, он всюду получал оскорбительный отказ, иногда даже не успев представиться; и он вспоминал, как тогда удивлялся, не узнают ли большевиков по их внешнему виду¹⁵. Большевик из Кронштадта Иван Флеровский описал свою прогулку с Луначарским 5 июля. На Невском проспекте, сразу за Аничковым мостом, Флеровского «схватил за рукав какой-то человек с крестом Святого Георгия на лацкане пиджака и закричал: «Вот они... анархисты... Этот из Кронштадта». Враждебно настроенная толпа окружила Флеровского и Луначарского и повела их к помещению Генерального штаба. Флеровский подробно рассказывает о пережитых им тревожных моментах. Площадь, отделяющая штаб от Зимнего дворца, была занята войсками, мобилизованными правительством для наведения порядка в городе, заполнена палатками, пулеметами, артиллерией, сложенными вместе винтовками. Когда через нее вели Флеровского и Луначарского, толпы возбужденных солдат угрожали кулаками и выкрикивали всякого рода ругательства в адрес двух «немецких агентов»¹⁶.

Большевистские газеты в послеиюльские дни содержат многочисленные примеры унижений и оскорблений, которым подвергались люди, заподозренные в принадлежности к левым силам. Так, например, «Пролетарское дело»¹⁷ 14 июля напечатало письмо, с болью написанное двумя брошенными в тюрьму моряками А.Фадеевым и М.Михайловым.

«7 июля в 9 часов утра мы направлялись в свою часть в Кронштадте, когда вдруг были схвачены группой кадетов, которые повели нас в помещение Генерального штаба... Пока нас вели по улицам, на нас набрасывались интеллигенты, намереваясь расправиться с нами. В наш адрес бросали возмутительные обвинения, называли нас немецкими агентами. ...Когда мы проходили здание военно-морского штаба, даже швейцар стал подстрекать наш конвой поставить нас на набережной и расстрелять... Когда мы пришли в штаб... другой конвой привел десятих арестованных. Все они были избиты, лица окровавленны».

Многие из задержанных подобным образом были допрошены и вскоре освобождены. Некоторые арестованные, однако, провели недели и даже месяцы в тюрьме. Троцкий, заключенный в тюрьме «Кресты», описал свои встречи с теми, кто там находился. Так, рабочего Антона Ивашина избили и арестовали в общественной бане. Услышав разговоры о том, что Петроградский гарнизон получал деньги от немцев, Ивашин спросил, имеют ли солдаты какие-либо доказательства. Его немедленно препроводили в тюрьму. Находившийся с Троцким в камере Иван Пискунов также был арестован за неосторожное высказывание. Услышав на уличном митинге, что в карманах одного из восставших солдат нашли 6 тысяч рублей, он едва ус-

пел произнести: «Не может этого быть», как был избит и отправлен в тюрьму¹⁸. Хотя подобные инциденты происходили весьма часто в дни послеиюльской реакции, убит был только один большевик, двадцатитрехлетний Иван Воинов, работник типографии газеты «Правда». 6 июля Воинова арестовали в момент распространения «Листка правды». Когда его везли на допрос, один из конвоиров ударил его по голове, и молодой большевик тут же скончался¹⁹.

Трудно установить число брошенных в тюрьму большевиков в дни, последовавшие за июльскими событиями, частично потому, что многие из арестованных были вскоре освобождены и не фигурируют в общедоступных источниках, и потому, что «политические» содержались в многочисленных местах заключения, разбросанных по всей столице. Около тридцати «политических», среди них Петр Дашкевич, Николай Крыленко, И.Ю.Куделько, Михаил Тер-Арутюнянц, Освальд Дзенис, Николай Вишневетский и Юрий Коцюбинский, — все офицеры и руководители Военной организации гарнизона содержались в 1-м районном управлении милиции. Ильин-Женевский, который часто проходил мимо этого здания, позже вспоминал, что видел соратников, выглядывавших через зарешеченные окна камер; заметив его, они улыбались и махали рукой²⁰.

Около 150 арестованных, значительную часть которых составляли кронштадтские моряки, без разбора схваченные на улицах, содержались во 2-м районном управлении милиции. В «Крестах» находилось около 130 «политических». Многие из них считались крайне левыми и были задержаны на улицах часто за неосторожное слово. В «Крестах» содержались также наиболее опасные для правительства лица, среди них Троцкий, Каменев, Луначарский, Раскольников, Василий Сахаров, Рощаль, Ремнев, Хаустов и некоторые солдаты первого пулеметного полка, выступившего первым в июльские дни, а также Антонов-Овсеенко, Дыбенко и Ховрин от Центробалта. Женщины-заключенные, среди них знаменитая Коллонтай, содержались в Выборгской районной женской исправительно-трудовой тюрьме; двадцать большевиков находились в пересыльной тюрьме; свыше десяти членов партии, очевидно, те, кому требовалась медицинская помощь, содержались в Николаевском военном госпитале²¹.

Режим в этих местах заключения был разным, но условия, за исключением разве что пищи, были значительно менее суровыми, чем при царизме. Хотя надзиратели в большинстве тюрем служили здесь еще до Февральской революции, даже и они теперь стали терпимее. Раскольников вспоминал, что многие надзиратели в «Крестах» относились к «политическим» с опаской и даже побаивались их. Ведь в результате Февральской революции вчерашние высокопоставленные чиновники оказались в тюрьме, а недавние заключенные стали министра-

ми кабинета. Служащие тюрьмы сознавали, что подобное может повториться²².

Большевики, находившиеся в общих камерах, также содержались вполне сносно. Хуже относились к заключенным во 2-м районном управлении милиции, где камеры были крайне переполнены, а также к таким особенно известным фигурам, как Раскольников, Троцкий, Каменев и Луначарский, которых вначале поместили в одиночные камеры в «Крестах»²³.

Условия содержания арестованных большевиков зависели от политической атмосферы. Так, с «политическими» обходились строже всего в послеиюльские дни, когда Временное правительство проявило свою силу и казалось, что большевики окончательно сокрушены. Но когда партия большевиков начала укреплять свои позиции, режим в тюрьме стал свободнее. Например, спустя несколько недель Раскольников, переведенный из камеры-одиночки, был удивлен, обнаружив, что камеры в «Крестах» теперь открыты целый день. «С началом подобной политики открытых дверей, — писал он, — одиночки были превращены в яковинские клубы. Перемещаясь шумною гурьбой из одной камеры в другую, мы спорили, играли в шахматы и обсуждали прочитанные газеты». Раскольников отмечал, что, несмотря на различия во взглядах товарищей по заключению, все они верили в неизбежную победу пролетариата. Однако, если до революции политическими заключенными были идеологически стойкие профессиональные революционеры, то теперь значительную часть его товарищей в «Крестах» составляла молодежь, недавно примкнувшая к большевикам. Вследствие этого часто вспыхивали бурные дебаты о революционной тактике между горячими, нетерпеливыми молодыми революционерами, считавшими, что партия сделала серьезную ошибку, не взяв власть в июле, и более опытными старшими товарищами, отстаивавшими позицию ЦК. В то время как Раскольников убеждал, что нельзя захватить власть, пока большинство рабочих не поддерживает большевиков, эти «горячие головы» считали, что энергичный революционный авангард мог бы взять власть в интересах рабочего класса. По словам Раскольникова, в июльские дни Троцкий полностью поддерживал осторожную политику ЦК; сейчас же, находясь в тюрьме, он высказывал иные мысли: «Возможно, нам следовало бы рискнуть. Возможно, нас поддержал бы фронт. Тогда все обернулось бы по-иному». Но эти импульсивные мысли вскоре неизбежно уступали место более логичному анализу сложившегося соотношения сил²⁴.

Почти всем заключенным разрешалось иметь письменные принадлежности, и многие, пользуясь мягким режимом, посылали петиции, писали статьи, пересылали на волю записки. Некоторые заключенные, например Рошаль, начали писать мемуары. Среди содержащихся в «Крестах» самым плодовитым автором был Троцкий. За исключением времени, отведенного для прогулок, он дни напролет проводил за столом, сочиняя полити-

ческие памфлеты и готовя ежедневные статьи для большевистской прессы.

Через неделю после ареста Каменев обратился с личной просьбой в ЦИК помочь ускорить начало процесса против него: «Я отдал себя в распоряжение судебной власти, ибо надеялся, что мне немедленно предъявлено будет точно сформулированное обвинение судебными властями и я получу возможность представить все объяснения, между тем за всю неделю я не видел ни одного представителя судебной власти... А в то же время самым фактом заключения я лишен возможности лично бороться с гнусной клеветой о моей причастности к деньгам или вообще к планам Германского правительства... Я хочу думать, что Совет своим поведением не заставит меня признать, что товарищи, уклонившиеся от подчинения его указаниям, поступили благоразумнее, чем я, предавши себя в руки судебной власти, согласно желанию Центр. Исполнительного Комитета»²⁵.

Немного позднее группа политических заключенных, назвавших себя просто «солдатами, брошенными в тюрьму», сформулировала обращение к своим «товарищам самокатчикам и солдатам других воинских частей, приехавшим с фронта»: «Вы, дорогие товарищи, все знаете, что вот уже больше месяца в питерских тюрьмах без суда и следствия сидят наши товарищи, рабочие, солдаты... Знаете ли вы... что многие из наших товарищей, солдат и рабочих, обвиняются в измене только за то, что имели мужество назвать себя большевиками. И если вы это знаете и молчите, товарищи, не протестуете... горько нам. Правда ли это? Мы думаем, нет! Мы думаем, что вы на нашей стороне, что вы сочувствуете нам, что вы придете к нам...»²⁶ Документального свидетельства ответов на эти послания нет.

Конечно, находившиеся на свободе большевики делали все, что было в их силах, чтобы помочь арестованным товарищам, пробуждая общественный интерес к их судьбе и по возможности оказывая давление на правительство в целях их освобождения. Петербургский комитет большевиков создал специальную организацию «Пролетарский Красный Крест» по сбору средств в помощь арестованным и их семьям. Были созданы районные организации взаимопомощи²⁷.

После нескольких недель заключения, когда стала очевидна возможность правого переворота, нетерпение некоторых заключенных достигло предела, несмотря на улучшение условий их содержания. Больше всего их угнетало равнодушие правительства к их положению: их не допрашивали, не предъявляли им официального обвинения. То, что их считали немецкими агентами, возмущало каждого арестованного, включая и всегда выдержанного Троцкого. «В наших каменных камерах эта клевета действовала на нас как удушающий газ», — рассказывал впоследствии один заключенный²⁸.

Растущее негодование томящихся в тюрьмах отражалось в их все более горьких письмах и заявлениях, публикуемых левой прессой. 2 августа политические заключенные 2-го районного управления милиции решили выразить протест, объявив голодовку. Голодовка была прекращена три дня спустя, после того как представители ЦИК гарантировали, что дела заключенных будут безотлагательно рассмотрены и что лица, против которых нет серьезных улик, вскоре будут освобождены²⁹. Начиная с середины августа заключенные 2-го районного управления милиции постепенно освобождались, и результат голодовки послужил толчком для подобных протестов в других тюрьмах. Впоследствии эти протесты вызвали симпатии большей части населения Петрограда. Однако в то время было освобождено лишь незначительное число заключенных большевиков.

Бесплодные репрессии

Наблюдая возникновение явно антибольшевистских настроений и, казалось, решительных мероприятий, предпринятых Временным правительством для восстановления порядка после июльского восстания, многие обозреватели того периода были склонны полагать — несомненно, выдавая желаемое за действительное, — что большевики потерпели окончательное поражение. Так, редактор одной из газет писал: «Большевики скомпрометированы, дискредитированы и уничтожены... Мало того. Они изгнаны из русской жизни, их учение бесповоротно провалилось и оскандалило и себя, и своих проповедников перед целым светом и на всю жизнь»¹. А другой автор, кадет, заключал: «Большевизм скомпрометировал себя безнадежно... Большевик умер, так сказать, внезапной смертью... большевик оказался блефом, раздуваемым немецкими деньгами»².

С удобных позиций более позднего свидетеля видно, что те, кто в середине лета 1917 года с такой легкостью списал большевик как серьезную политическую силу, совершенно не приняли в расчет основные интересы, значительную потенциальную силу петроградских масс и огромную притягательность революционной политической и социальной программы, предложенной большевиками. Кроме того, этих легковверных людей, несомненно, ввел в заблуждение выходивший из Зимнего дворца поток декретов с жесткими формулировками. Они придавали действиям Временного правительства видимость целеустремленности, силы и энергии, которыми оно не обладало. Несмотря на пламенную риторику, почти ни одна из основных репрессивных мер, принятых кабинетом министров в тот период, не была до конца претворена в жизнь или не дала желаемых результатов. Например, предпринятые шаги по изъятию у гражданского населения оружия и боеприпасов сразу же натолкнулись на сопротивление и быстро прекратились. Из многих частей Петроградского гарнизона, которые являлись опорой большевиков, действительно разоружить удалось только 1-й пулеметный, 180-й пехотный и Гренадерский полки. Хотя значительное число личного состава распропагандированных воинских частей в конце июля и в августе отправили на фронт, ни одно из этих подраз-

делений вопреки первоначальному замыслу не было полностью расформировано. Что же касается объявленного правительством намерения арестовать и быстро предать суду зачинщиков июльского восстания и их сообщников, то, хотя после провала мятежа многие большевики оказались в тюрьме, основную массу петроградской партийной организации, насчитывавшей примерно 32 тыс. членов, власти не тронули. Арестованным левым элементам долгое время вообще не предъявляли обвинений, и Октябрьская революция свершилась прежде, чем кто-либо из них предстал перед судом.

Такая ситуация сложилась под влиянием самых разнообразных факторов. Общая слабость Временного правительства и отсутствие доверия к нему в массах явились, очевидно, главными причинами его неуспеха в деле разоружения гражданского населения. Официально изъятие оружия обосновывалось тем, что в нем остро нуждаются солдаты на фронте для отражения неприятельского наступления. В действительности же главная цель этой правительственной акции состояла в том, чтобы уменьшить угрозу возобновления гражданских беспорядков путем конфискации ручного оружия, винтовок и пулеметов, которые рабочие приобрели в феврале и которые они использовали в июле, чтобы терроризировать правительство и Совет. Центральные советские органы поддержали усилия властей. Однако большинство фабрично-заводских рабочих, с подозрением относившихся к намерениям Временного правительства и встревоженных тем, что ими воспринималось как растущая опасность контрреволюции, не желали и слышать о сдаче оружия. И хотя отдельные гражданские лица сразу же после опубликования соответствующего правительственного указа послушно сдали оружие, вскоре, однако, стало ясно, что подавляющее большинство располагающих оружием рабочих добровольно его не отдадут. Поэтому правительственным войскам пришлось провести обыски на заводах, фабриках и в помещениях левых организаций, где, как полагали, было спрятано оружие. Чаще всего эти беспорядочные налеты не давали никаких результатов, и в конце июля они прекратились. Но они еще больше обострили отношения между рабочими и властями.

Многим воинским частям, находившимся под сильным большевистским влиянием, удалось избежать разоружения в какой-то мере потому, что как только стали известны правительственные планы, солдаты этих частей публично осудили свое прежнее поведение и заявили о полной лояльности новому правительству Керенского. Лишь частично был реализован и план правительства, касавшийся отправки из столицы на фронт зараженных большевизмом частей; в известной мере так вышло потому, что у командующих фронтами и без того было достаточно хлопот и они по понятным причинам не имели никакого желания принимать ненадежные пополнения. Кроме того, нелегко было по справедливости решить, кого из 215—300 тыс. солдат Петрог-

радского гарнизона следовало наказать, отправив на фронт. Даже в наиболее воинственно настроенных полках лишь очень незначительная часть солдат сознательно стремилась в июле свергнуть правительство. В довершение командование Петроградским военным округом находилось в состоянии полной дезорганизации, и это привело к тому, что многие ни в чем не провинившиеся подразделения наказали, выслав из столицы, а некоторые части, участвовавшие в июльском мятеже, пребывали в Петрограде еще и в октябре.

То обстоятельство, что после июльских событий арестовали лишь незначительный процент большевистских руководителей, явилось в известной мере следствием настойчивого требования Центрального Исполнительного Комитета, чтобы акции предпринимались только против отдельных лиц, а не против политических групп в целом. Конечно же, во Временном правительстве не нашлось своих Кавеньяков, и отчасти потому, что кабинет министров справедливо сомневался в способности правительства противостоять массовым протестам, которые неизбежно вызвало бы официально инспирированное всеобщее наступление на левые элементы. Разумеется, в самый разгар ответных мер, предпринятых после июльских событий, некоторые левые организации подверглись нападениям со стороны военных. Современные советские историки рассматривают эти нападки как составную часть общей планомерной кампании правительства, направленной на то, чтобы полностью уничтожить организацию большевиков и радикальное рабочее движение. Однако подобное толкование не выдерживает строгой критической проверки. Если тщательно разбирать каждую военную акцию, совершенную после июльских событий против левых организаций, можно обнаружить, что, за незначительным исключением (наиболее известными были обыск в особняке Кшесинской и разгром помещения редакции газеты «Правда»), нападения военных на районные комитеты большевиков, профсоюзные организации, фабрики и заводы или были связаны с попытками правительства конфисковать оружие, или же предпринимались по инициативе некоторых чересчур ревностных чиновников среднего звена (нередко оставшихся еще от царского аппарата) и без санкции властей более высокого уровня.

Так произошло с налетом 9 июля на помещение большевиков Литейного района. За несколько дней до нападения комитет этого района, сам того не ведая, персехал в новое помещение в здании, в котором также размещалась районная контрразведывательная служба. В глазах личного состава службы каждый большевик являлся германским агентом. Действуя по собственному почину, они в следующее воскресенье решили силой выдворить новых соседей³. Точно так же инициаторами совершенного в тот же день внезапного рейда на штаб-квартиру большевистской партии Петроградской стороны, который закончился разгромом соседнего бюро меньшевиков, оказались младшие офицеры Пет-

роградского военного округа. Проведенное журналистами расследование показало, что нападавшие не имели соответствующего предписания, а представители правительства и даже сам генерал Половцев отрицали, что они заранее знали что-либо об операции⁴.

Проведенные тогда же в предместьях Сестрорецка обыски явились, очевидно, результатом проявления такого же чрезмерного усердия со стороны среднего командного состава. Когда члены местного клуба охотников в Сестрорецке открыли беспорядочную пальбу по расположившимся на отдых солдатам, те сразу же решили, что это дело рук заводских рабочих, и доложили о случившемся в штаб Петроградского военного округа. В ответ генерал Половцев приказал войскам разоружить некоторые рабочие отряды, которые действовали на Сестрорецком заводе. Хотя это произошло до опубликования Временным правительством указа о сдаче оружия, командир войсковой части, посланной на Сестрорецкий завод, заявил, что все оружие, находящееся у гражданских лиц, независимо от того, являются ли они членами рабочих отрядов или нет, должно быть конфисковано. Более того, несмотря на то что большое количество оружия и боеприпасов было сдано, правительственные солдаты арестовали семь левых активистов, провели обыск и учинили разгром в целом ряде частных квартир и в помещениях профсоюзных организаций города Сестрорецка⁵. Очевидно потому, что генерал Половцев не мог, а скорее всего, не хотел сдерживать частые эксцессы своих подчиненных, 13 июля по настоянию ЦИК его освободили от командования⁶.

Почему же потребовалось столько времени для предъявления обвинения большевикам, арестованным после июльского восстания, и почему ни один из них не предстал перед судом — вопросы не простые. Прежде всего следует разобраться, почему правительство активно не расследовало дела обвиняемых за связь с немецкой агентурой. Здесь могли сыграть свою роль несколько взаимозависимых факторов. Хотя теперь не вызывает сомнения, что в период революции большевики получали деньги из немецких источников, известно также, что в момент июльского восстания правительство еще не располагало достаточными доказательствами. Да и Ленина — эту центральную фигуру предполагаемого заговора — так и не удалось поймать. Многих арестованных после июльских событий схватили и заключили в тюрьму лишь за одно необдуманное слово. Их преследование в судебном порядке только поставило бы правительство в неловкое положение.

Обвинения в соучастии в подготовке восстания, выдвинутые против многих большевистских лидеров рангом ниже, прежде всего из Военной организации, базировались на значительно более прочной основе. Опубликованные выдержки из материалов официального расследования предпосылок и обстоятельств июльского восстания показывают, что правительство

собрало немало убедительных доказательств существенной роли активистов Военной организации и Петербургского комитета в его подготовке и проведении⁷. Почему некоторых из этих людей не привлекли к скорому суду — совершенная загадка. В какой-то мере это, возможно, объясняется тем, что их дела затерялись в огромной массе пустячных дел, по которым тогда же велось расследование. Кроме того, многих большевиков, чью активную роль в организации июльского восстания можно было доказать вполне определенно, обвиняли также в сговоре с немцами, что подтвердить было значительно труднее. Данное обстоятельство, вне всякого сомнения, затрудняло рассмотрение их дел.

Более веской причиной, как ясно показывают имеющиеся материалы, явилось то, что измученное Временное правительство, существовавшее всего каких-то 5 месяцев, было плохо подготовлено к тому, чтобы успешно справиться с судебными проблемами подобного характера и значения. После февральских дней сформировали учреждения и определили процедуру расследований и наказаний чиновников прежнего режима. Но только после июльских событий Временное правительство было вынуждено подойти к решению вопросов, связанных с народными волнениями, — потребовалось разработать подходящую специальную методику. Разногласия среди членов кабинета относительно применимости отдельных положений царского уголовного законодательства в сложившихся обстоятельствах затягивали решение вопроса. И хотя у правительства хватило здравого смысла сосредоточить всю ответственность за расследование и наказание мятежников в одних руках (у прокурора Петроградской судебной палаты Н.С. Каринского), тем не менее в силу необходимости в этих делах участвовали также военные и гражданские службы. Они или очень слабо, или же вовсе не координировали свои действия, что усиливало путаницу и еще больше затягивало решения.

Не следует также забывать, что после июльских событий порядка в работе Временного правительства и его отдельных департаментов стало намного меньше. Оглядываясь назад, можно утверждать, что самая неотложная проблема правительства (если оно хотело удержаться) состояла в том, чтобы как-то успокоить массы и решительно выступить против ультралевых элементов. Но издерганные члены Временного правительства были неспособны это осознать. Как мы уже видели, начиная со 2 июля, когда развалилась первая коалиция, и до 23 июля, когда Керенскому наконец удалось сформировать кабинет министров, Россия оставалась без четко функционирующего правительства. Тогда представлялось, что с большевиками навсегда покончено, и Керенский по понятным причинам почти все свое время тратил на политические переговоры, нацеленные на формирование новой коалиции и выработку планов по стабилизации положения на фронте. Обычно после продолжавшихся всю ночь дискуссий Керенский выезжал из Петрограда в Могилев, Псков и дру-

гие прифронтовые районы для консультаций с военным командованием.

В тот период министров кабинета перетасовывали как колоду карт. Так было с министерствами внутренних дел и юстиции, то есть с ведомствами, теснее других связанными с расследованиями, имевшими отношение к событиям 3—5 июля. После того как Львов 8 июля подал в отставку, министром внутренних дел стал Церетели; 24 июля его сменил Николай Авксентьев, который прослужил до конца августа и затем вышел из кабинета. В министерстве юстиции Иван Ефремов 11 июля занял место ушедшего Переверзева. 23 июля объявили, что министром юстиции назначен Александр Зарудный, которого 25 сентября заменил Павел Малянтович. Результатом такой постоянной министерской чехарды был хаос. Иначе и быть не могло.

Между тем общественность все настойчивее требовала что-то предпринять в отношении арестованных левых элементов. Либралы и консерваторы страстно желали полностью и без проволочек разоблачить большевиков, социалисты с неменьшей решимостью настаивали на том, чтобы большевикам или, как и положено, предъявили обвинения и передали дела в суд или же чтобы их освободили из-под стражи. Очевидно рассчитывая успокоить критиков, Каринский 21 июля опубликовал доклад о ходе расследования. В докладе вина за подготовку, организацию и руководство июльским восстанием возлагалась исключительно на большевиков. Относительно выдвинутых против партии обвинений в шпионаже в докладе указывалось, что Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Сахаров, Раскольников, Рошаль и другие договорились с врагами России «содействовать дезорганизации русской армии и тыла... для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали... вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти»⁸. В подтверждение этих обвинений Каринский в документе привел чрезвычайно слабые косвенные доказательства, постоянно намекая на какие-то более веские свидетельства, которые нельзя предавать гласности. Как и следовало ожидать, доклад вызвал громкие протесты левых. «Новая жизнь» писала: «Вызывает полное недоумение, почему вместо объективной картины событий... публикуется прямо обвинительный акт... Выводы его не соответствуют посылкам... Часть обвинительного акта, касающаяся обвинения «в измене», представляется настолько двусмысленной и несобоснованной, что просто поразительно, как могло лицо «прокурорского надзора» выступить с подобного рода обвинением»⁹.

Ввиду тенденциозности доклада Каринского Мартов предложил Центральному Исполнительному Комитету убедить правительство предоставить арестованным левым элементам возможность выступить в свою защиту по существу предъявляемых обвинений. Он также настоятельно рекомендовал попытаться включить в правительственную следственную комиссию пред-

ставителя ЦИК. Свидетельством глубочайшего беспокойства, вызванного действиями Каринского, явился тот факт, что, несмотря на антипатию к большевикам и в целом лояльное отношение к правительству, большинство членов ЦИК без промедления приняли оба предложения. Они также одобрили заявление, в котором энергично протестовали против публикации материалов предварительного расследования по делам, связанным с событиями 3—5 июля, по которым следствие еще не закончено, и осудили это откровенное нарушение закона как опасный признак того, что новая судебная система унаследовала самые худшие черты старых царских судов. Между тем многие арестованные большевики еще не были даже официально допрошены, а для рабочих и солдат они превратились в героев. Если и существовала какая-то возможность сразу же после июльских событий скомпрометировать большевиков и их дело, то она быстро улетучилась, и правительство оказалось вынужденным постепенно освобождать захваченных большевиков.

Бесплодный характер всех попыток правительства в послеиюльские дни подавить и дискредитировать большевиков становится особенно наглядным, если проанализировать состояние и деятельность большевистского Центрального Комитета, Петербургского комитета и Военной организации во второй половине июля и в начале августа.

Из девяти членов ЦК, избранных на Апрельской конференции, только Каменев находился за решеткой. Необходимость оставаться в подполье серьезно мешала работе Ленина и Зиновьева, однако ни тот ни другой полностью не утратили связи с партией. Зиновьев продолжал и вскоре даже активизировал свою журналистскую деятельность, а Ленин, постоянно направляя указания из Разлива и Финляндии, по-прежнему оказывал влияние на формирование политики большевиков¹⁰. Более того, Иосиф Сталин и Яков Свердлов вместе с московскими руководителями Феликсом Дзержинским, Андреем Бубновым, Григорием Сокольниковым и Николаем Бухариным, которых избрали в Центральный Комитет в конце июля, закрыли брешь, возникшую после того, как лидеры петроградских большевиков оказались в тюрьме или в подполье¹¹.

Под хладнокровным руководством Свердлова, неутомимого молодого организатора, возглавлявшего Секретариат, Центральный Комитет спокойно занимался своими делами в скромной квартире, вдали от городского центра. В середине 20-х годов, когда критика высших партийных органов еще допускалась, Ильин-Женевский с нескрываемой грустью вспоминал о работе ЦК в тот период: «Я почти каждый день приходил туда (в Центральный Комитет)... и часто заставлял мирную семейную картину. Все сидят за столом и пьют чай. На столе уютно кипит большой самовар. В.Р. Менжинская (одна из секретарей), с полотенцем через плечо, выполаскивает стаканы, вытирает их и налива-

ет чай вновь приходящим товарищам... Невольно просится сопоставление: теперешнее помещение Центрального Комитета. Огромный дом с целым рядом всякого рода отделов и подразделов. Большое количество служащих, которые суетятся и спуют по всем этажам за лихорадочной спешной работой. Естественно, что теперь, при развернувшихся функциях, иначе и не мыслится работа Центрального Комитета. Но все-таки как-то жалко, что ушла и, наверное, никогда не вернется пора такой простой и незатейливой, но в то же время проникнутой таким глубоким товариществом, сплоченной и спаянной работы»¹².

В первые недели после июльского восстания закрытие редакции газеты «Правда» затрудняло работу ЦК, который смог возобновить регулярный выпуск газеты лишь в начале августа¹³. Тем не менее даже в середине июля, в период наивысшего разгула реакции, Свердлов был вполне уверен в будущем и поэтому в телеграмме провинциальным комитетам партии сообщал, что «настроение в Питере бодрое. Растерянности нет. Организация не разбита»¹⁴.

13 июля, менее чем через две недели после июльского восстания, Центральный Комитет сумел созвать в Петрограде тайное двухдневное совещание по вопросам стратегии. Главная задача совещания, в котором участвовали члены ЦК и Военной организации, а также представители партийных комитетов Петрограда и Москвы¹⁵, состояла в том, чтобы оценить перемены, происшедшие в политической ситуации после июльского восстания, и выработать соответствующие тактические директивы, которыми руководствовались бы все российские низовые партийные организации. О важности совещания свидетельствует тот факт, что специально для него Ленин подготовил тезисы по тактике, в которых он резко отошел от своих доиюльских тактических установок¹⁶. В тезисах Ленин доказывал, что контрреволюции удалось при полной поддержке меньшевиков и эсеров взять под свой контроль правительство и революцию. Не только партии умеренных социалистов, но и Советы превратились «в фиговый листок контрреволюции».

Перспективы на будущее, обрисованные Лениным, прямо вытекали из оценки сложившейся ситуации. По его мнению, теперь, когда контрреволюция укрепилась, а Советы оказались без власти, больше не существовало возможности для мирного развития революции. Партии следовало отказаться от доиюльской ориентации на передачу власти Советам и снять главный большевистский лозунг «Вся власть Советам». Единственная тактика партии — это подготовка к вооруженному восстанию и передаче власти пролетариату и беднейшему крестьянству. (В беседе с Орджоникидзе Ленин говорил о возможности народного восстания уже в сентябре или октябре и о необходимости сконцентрировать большевистскую работу в фабрично-заводских комитетах. По словам Орджоникидзе, Ленин сказал, что фабрично-заводские комитеты превратятся в органы восстания¹⁷.)

Чтобы правильно понять реакцию участников совещания в Центральном Комитете 13—14 июля на указания Ленина, следует иметь в виду следующие факторы. Во-первых, хотя имеются свидетельства, что еще в середине июня (то есть до июльских событий) Ленин оставил последние надежды на передачу власти Советам без вооруженной борьбы, он, по-видимому, делился своими взглядами на этот счет только с самыми ближайшими соратниками¹⁸. Что же касается партии в целом, то стремление Ленина предотвратить преждевременное выступление во второй половине июня создало впечатление, что под влиянием обстоятельств его взгляды стали более умеренными. Поэтому выраженные в тезисах идеи были подобны грому среди ясного неба. Во-вторых, предначертанный Лениным курс неизбежно вновь открывал двери для внутрипартийных разногласий по фундаментальным теоретическим проблемам, которые удалось сгладить на Апрельской конференции и которые предстояло подробно обсудить на созываемом в скором времени VI съезде партии. И наконец, как мы увидим, ленинская оценка сложившейся ситуации противоречила настроениям и взглядам многих большевистских лидеров, которые, не в пример Ленину, могли на собственном опыте оценить воздействие реакции, ежедневно соприкасались с руководителями меньшевистской и эсеровской фракций и петроградскими массами.

Официальный протокол совещания лидеров большевиков 13—14 июля не публиковался. Из современных документов нам известно, что тезисы Ленина явились предметом ожесточенных споров¹⁹. Володарский из Петербургского комитета, Ногин и Рыков из Москвы выступили против Ленина «по всем основным вопросам, затронутым в тезисах»²⁰. Есть свидетельства, что Зиновьев, который так же, как Володарский, Ногин и Рыков, противился ленинскому курсу, но не присутствовал на совещании, ознакомил участников со своей точкой зрения письменно²¹. Свердлов, Молотов и Савельев, как видно, возглавили борьбу за принятие предложенного Лениным курса. Когда дело дошло до голосования, то тезисы были решительно отвергнуты. Из пятнадцати присутствовавших на совещании партийных руководителей десять голосовало против них²².

Основные различия во взглядах Ленина и большинства участников совещания нашли отражение в предложенной на утверждение резолюции. В отличие от Ленина, считавшего, что умеренные социалисты полностью перешли в стан врага и что фактическая государственная власть оказалась в руках капиталистической и помещичьей контрреволюции, резолюция, признавая, что правительство Керенского является диктатурой, тем не менее давала понять, что оно пока еще не находится полностью в руках контрреволюции. Если верить резолюции, то правительство Керенского, Церетели и Ефремова представляло: 1) мелкую крестьянскую буржуазию и ту часть рабочего класса, которая еще не разочаровалась в мелкобуржуазных демократах,

2) буржуазные и помещичьи слои. Между этими двумя фракциями власти, говорилось в резолюции, все еще идет торг. В отношении меньшевиков и эсеров в ней утверждалось, что своей трусостью и изменой они постоянно усиливали позиции враждебных революции классов. Однако резолюция не считала, что меньшевики и эсеры безвозвратно потеряны для дела революции. В полном соответствии с данной линией резолюция не упомянула вовсе вопроса о снятии лозунга «Вся власть Советам!». Заявив лишь, что правительство Керенского не способно обеспечить решение главных проблем революции, резолюция указала на необходимость передачи власти в руки революционных пролетарских и крестьянских Советов, которые примут решительные меры, чтобы покончить с войной и соглашательством с буржуазией, передать землю крестьянам, установить рабочий контроль над производством и распределением и уничтожить все оплоты контрреволюции. (Позже Володарский заметил, что подобная трактовка лозунга «Вся власть Советам!» была единственно возможной уступкой, которую он и его сторонники сделали тем, кто требовал полного отказа от этого лозунга²³.)

Задачи партии в сложившихся условиях, говорилось далее в резолюции, состояли в том, чтобы разоблачать всякие контрреволюционные мероприятия, беспощадно критиковать реакционную политику мелкобуржуазных вождей, укреплять, где только возможно, позиции революционного пролетариата и готовить силы к решительной борьбе за осуществление большевистской программы, если ход политического кризиса в стране позволит это сделать в действительно массовом общенародном размере²⁴. Такая формулировка могла означать все, что угодно. В резолюции не было сказано об окончании мирного периода развития революции и о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Подразумевалось, что партия будет продолжать уделять много внимания работе в Советах. Когда сравниваешь эту резолюцию с тем курсом, который указывал Ленин, то особенно отчетливо проступает нежелание ее авторов расстаться с надеждой на сотрудничество с другими социалистическими элементами в деле установления Советской власти. Эти настроения отразились в решении, принятом при закрытии совещания 13—14 июля, относительно приглашения «интернационалистов» к участию в предстоящем съезде партии с правом совещательного голоса и даже эсеров, вероятно, для того, чтобы получить представительство об их позиции²⁵.

Когда Ленин 15 июля узнал, что произошло на совещании ЦК, он рассердился и встревожился. Текущий момент чем-то напоминал ситуацию, с которой он столкнулся при возвращении в Россию в начале апреля. Опять ему нужно было нейтрализовать возникшее в рядах большевиков стремление отказаться от радикальных революционных действий и тесно сотрудничать (если не объединиться) с более умеренными политическими группами. Однако на этот раз он был вынужден перенацеливать

партию, находясь в 32 километрах от Петрограда, не имея возможности регулярно получать газеты.

На отклонение своих тезисов Центральным Комитетом Ленин ответил обширной статьей «К лозунгам»²⁶. Многозначительно отметив с самого начала, что «слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня», Ленин утверждал, что лозунг «Вся власть Советам!», который был верен в период с 27 февраля по 4 июля, после этого перестал быть верным. «Не поняв этого, — предупреждал он, — нельзя ничего понять в насущных вопросах современности». Далее Ленин назвал рассуждения своих противников в партии, которые полагали, что меньшевики и эсеры в состоянии поправить собственные ошибки, «детской наивностью или просто глупостью». Он заявил: «Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков... Эту власть надо свергнуть». Затем добавил: «Советы могут и должны появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы... В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат». Утверждая к концу статьи «К лозунгам», что «начинается новый цикл [классовой борьбы], в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы», он настаивал на том, чтобы партия «смотрела не назад, а вперед» и оперировала «новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями».

Однако, на какое-то время, Ленин оказался в изоляции. Резолюция совещания Центрального Комитета являлась оценкой политической ситуации высшего партийного руководства и официальной директивой по тактике в период между Апрельской конференцией и VI съездом. Ее спешно размножили в виде листовок, которые (340 пачек) быстро разослали всем местным большевистским организациям страны. Как и следовало, резолюцию опубликовал каждый главный провинциальный партийный орган, и она служила основой для резолюций по политическому положению и тактике, которые принимались на предсъездовских партийных конференциях и собраниях, состоявшихся во второй половине июля по всей России²⁷.

Опыт работы Петербургского комитета в этот же самый период подтверждает, что ущерб, понесенный большевиками в дни реакции, последовавшие за июльскими событиями, оказался незначительным и легко поправимым. Включавший примерно 50 избранных представителей районных комитетов, собиравшихся каждую неделю для обсуждения важных политических вопросов, Петербургский комитет работал под руководством Исполнительной комиссии из 6 человек, ни один из которых не был арестован в послеиюльские дни. На какой-то момент работа Петербургского комитета нарушилась. Как с огорчением сообщал в

то время один из членов Исполнительной комиссии, она «потеряла почти все: документы, счета, помещение»²⁸ в особняке Кшесинской. И все же связь между комиссией и районными партийными комитетами никогда не прерывалась. Временное помещение для Петербургского комитета скоро нашли в относительно безопасном Выборгском районе, где уже 7 июля партийные работники выпускали листовки на стареньком ручном печатном станке, оставшемся с царских времен²⁹.

В первые недели после июльского восстания членов Петербургского комитета, очевидно, больше всего беспокоил вопрос, как отразятся последние события и особенно выдвинутые против высшего партийного руководства обвинения в шпионаже на авторитете большевиков и их сторонников в петроградских массах. Предварительный ответ был получен уже на первом в послеиюльские дни совещании Петербургского комитета, состоявшемся 10 июля³⁰, и на заседаниях 2-й городской партийной конференции петроградских большевиков 16 июля (2-я городская конференция началась 1 июля, была прервана 3 июля из-за июльского восстания и возобновила свою работу 16 июля). На обоих собраниях представители всех районов столицы лично доложили о положении в своих регионах. Отчеты показали, что сначала незначительное недовольство партией проявилось среди фабрично-заводских рабочих, но длилось весьма не долго.

А точнее, если судить по докладам 10 июля, рабочие фабрик, расположенных в сравнительно зажиточных, преимущественно незаводских предместьях столицы, после июльских событий были настроены враждебно к большевикам. В таких районах часто случалось, что рабочие оскорбляли большевиков и даже изгоняли их с предприятий. Представитель Невского района, например, назвал настроение рабочих в отношении большевиков «погромным». По его словам, известных членов партии «разыскивают». Более того, помещения партии находились под постоянной угрозой разгрома уличными толпами. Представитель Пороховского района, один из шести большевиков, выброшенных с предприятия через 1—2 дня после июльских событий, рассказал, что большевиков поливают «гноусностями» и что они находятся «под наблюдением». Он прямо заявил, что рабочие его района — это «стоячее болото». Описывая последние события в Колпинском районе, другой оратор поведал, что рабочие отвернулись от большевиков, как только июльская демонстрация закончилась.

Эти сообщения из первых рук свидетельствовали о том, что июльские события не только вызвали чувство неприязни к большевикам со стороны какой-то части меньшевиков, эсеров и беспартийных рабочих, но и подорвали веру в собственное высокое партийное руководство, по крайней мере у некоторых большевистских активистов на фабрично-заводском уровне. Лацис из Выборгского района рассказал об одном из тревожных признаков подобного развития на Металлическом заводе, где работало

около 8 тыс. человек. Этот завод являлся самым крупным промышленным предприятием Петрограда. До июля его процветавший большевистский коллектив, насчитывавший 300 членов, был «светлым пятном» среди петроградских заводских партийных организаций. По словам Лациса, после утреннего налета военных на завод в тот же день собрались руководители всех представленных здесь политических организаций, чтобы обсудить последние события. В ходе дискуссии меньшевики и эсеры обвинили большевиков в том, что они спровоцировали наступление реакции. Под таким давлением присутствовавшие на собрании большевики пообещали вести себя в будущем более сдержанно. Но что еще хуже с партийной точки зрения, так это то, что большевики приняли официальную резолюцию в поддержку Совета и полностью подчинили ему свою организацию. Сразу же опубликованная во многих газетах эта примечательная резолюция потребовала от большевистского ЦК и Петербургского комитета сложить с себя свои полномочия и явиться в суд, чтобы тем самым доказать, что «100 000 рабочих-большевиков не могут быть германскими агентами»³¹.

Подобные признаки утраченной лояльности должны были очень тревожить членов Петербургского комитета. Однако важнее было то, что такая реакция на июльские события, которая наблюдалась на Металлическом заводе, проявлялась среди членов партии все-таки довольно редко. И в самом деле, если судить по отчетам из районов 10 июля, то члены Петербургского комитета испытывали чувство облегчения, что дело не обернулось еще хуже. Правда, присутствовавшие признали, что прилив в партию новых членов прекратился. Но того, чего больше всего боялись, то есть массового бегства, не произошло. Партийный организатор с Васильевского острова сообщил, что, хотя на фабриках его района и отмечены случаи нападений на большевиков, однако ничто не говорило о том, что эти нападки как-то повлияли на численный состав партии. С явным удовлетворением он также доложил, что на одном крупном заводе эсеры приняли резолюцию, в которой заявили: «Если арестуют большевиков, то пусть арестуют и их — эсеров». Представитель Нарвского района, где размещался гигантский Путиловский завод, утверждал, что погромная агитация возымела действие только на самых отсталых предприятиях и что «уличной прессе мало верят». Доклад Лациса по наиболее важному Выборгскому району также вселял уверенность. «Массового ухода из организации, — заявил он, — нет: имеют место случаи единичного характера». Лацис сказал, что на заводах и фабриках, где рабочие имели возможность организовать политические собрания, заметно стремление к сплочению всех революционных групп.

Сообщение по Невскому району, сделанное на 2-й городской конференции 16 июля, рисовало все еще довольно мрачную картину. Василий Винокуров поведал о случаях избияния отдельных большевиков своими товарищами — рабочими, которые та-

ким образом хотели заставить их выйти из партии. Он отметил, что в его районе патриотическая, погромная, антибольшевистская волна была пока на подъеме.

В других местах, однако, обстановка более обнадеживала. Выступая от имени Исполнительной комиссии, Володарский смог проинформировать делегатов конференции, что, «судя по поступившим сведениям из районов, настроение везде хорошее». Представитель Пороховского района пришел к выводу, что погромные настроения уже пошли на убыль. Насколько он мог судить, уход из партии ограничился «случайными элементами, которые, например, не вносили членского взноса». Руководитель большевиков Нарвского района уверенно подтвердил, что настроение заводских рабочих «приличное» и что «работа идет нормально». Представитель с Васильевского острова решился даже назвать настроение рабочих в своем районе «бодрым», но затем добавил, что «среди более отсталых слоев рабочих, женщин, — боязнь», хотя в других местах «настроение даже лучше, чем раньше». Как и 10 июля, он отметил очень незначительное уменьшение партийных рядов — в районе из 4 тыс. членов партию оставила всего какая-то сотня.

10 июля представитель Петербургского района докладывал, что настроение в районе «колеблющееся». Теперь же, несмотря на то что местный комитет большевиков остался без помещения, настроение, по его словам, было «хорошим». Выступавший от 1-го городского района с гордостью сообщил, что «на районное собрание пришло большее количество товарищей, чем обычно». Лациса продолжала беспокоить ситуация на Металлическом заводе, но настроение в других местах Выборгского района, по его мнению, «складывалось в пользу большевиков». Он, в частности, сказал: «Если запись членов происходит не так интенсивно, как раньше, то потому, что организационный аппарат был несколько расстроен». Затем Лацис вновь отметил, что, опасаясь наступления контрреволюции, рабочие стремятся забыть прошлые разногласия и теснее сплотить партийные ряды.

Помимо попыток определить влияние июльских событий на отношение народных масс к партии, делегаты 2-й городской конференции уделили много внимания выработке правильной программы действий на будущее. Из-за временного отсутствия нескольких наиболее видных членов Центрального Комитета обязанность изложить позицию ЦК по данному вопросу выпала на долю 38-летнего Сталина. В 1917 году этого темпераментного, грубо-прямолинейного, с властными манерами, ничем не проявившего себя теоретика, автора ряда статей и оратора затмевали такие революционные вожди, как Ленин, Троцкий и даже Зиновьев, Каменев и Луначарский. Вероятно, по этой причине правительство не разыскивало Сталина после июльского восстания. По-видимому, из-за своего грузинского происхождения Сталин считался ведущим специалистом партии по национальному вопросу. Временами он представлял ЦК в исполкоме Пет-

роградского Совета и в Центральном Исполнительном Комитете. Помимо этого, он в основном помогал редактировать «Правду» и занимался текущими административными делами.

Первоначально взгляды Сталина на развитие революции совпадали с точкой зрения Каменева, но после возвращения Ленина в Россию он круто повернул влево. К середине июня Сталин уже принадлежал к наиболее воинственному крылу большевистского руководства. (Из протеста против отмены демонстрации 10 июня он вместе со Смилгой подал заявление о выходе из ЦК, которое было отвергнуто.)

Честь представлять Центральный Комитет на 2-й городской конференции была для Сталина не совсем приятной обязанностью, ибо, как вскоре обнаружилось, взгляды, изложенные в резолюции совещания ЦК, о которой шла речь выше, не совпадали полностью с его собственным мнением. Задача Сталина осложнялась еще и тем, что отдельные делегаты уже знали и разделяли точку зрения Ленина на сложившуюся ситуацию и на тактику партии и добивались ее обсуждения. В этих условиях Сталин в вопросе тактики занял неопределенную, временами противоречивую, серединную позицию, которая практически никого не удовлетворяла.

Так, в основном докладе «О текущем моменте», используя выражения, которые, возможно, были заимствованы у Ленина, Сталин заявил, что мирный период развития революции кончился, что контрреволюция вышла из июльских событий победителем и что Центральный Исполнительный Комитет, способствовавший и поощрявший такое развитие, оказался теперь без власти. В своих высказываниях Сталин, однако, отошел от Ленина в определении «победы контрреволюции». Он также не разделял взгляды Ленина на природу и роль Временного правительства, на отличительные признаки и позицию мелкой буржуазии, на значение опыта июльских дней для развития революции, на ближайшие перспективы. По словам Сталина, Временное правительство находилось под сильным влиянием, но не под контролем контрреволюции. Мелкая буржуазия все еще колебалась между большевиками и кадетами. Политический кризис, частью которого являлись июльские события, не кончился. Страна переживала период «острых конфликтов, стычек, столкновений», во время которого ближайшая цель рабочих и солдат — не допустить капиталистов в правительство и создать «мелкобуржуазную пролетарскую демократию». В подобной ситуации, заявил далее Сталин, главные задачи партии — призвать массы к «выдержке, стойкости и организованности», возобновить и укрепить большевистские организации и «не игнорировать никакие легальные возможности»³².

Короче говоря, в то время как Ленин призывал партию решительно порвать с более умеренными политическими группами и нацелить массы на вооруженный захват власти помимо Советов, Сталин главный упор делал на выдержку и сплочение. И если

эти идеи Сталина пришлись весьма не по вкусу сторонникам взглядов Ленина, то его высказывания относительно победы контрреволюции и бессилия Центрального Исполнительного Комитета, а также утверждение, что дальнейший ход революции непременно будет связан с насилием, вызвали понятное раздражение у людей, разделявших взгляды большинства участников совещания в Центральном Комитете. Кроме того, практически всех делегатов обеспокоило то обстоятельство, что Сталин не коснулся будущего Советов (вопрос, который больше всего занимал присутствовавших) и выразился довольно неопределенно о дальнейшей политической роли партии в массах.

Такая в основном негативная реакция на высказывания Сталина проявилась в последовавших за речью горячих спорах. В дискуссии наряду с другими приняли участие: С.Д. Масловский, Василий Иванов, Моисей Харитонов, Гавриил Вайнберг, Вячеслав Молотов, Антон Слуцкий и Максимилиан Савельев. Масловский начал обсуждение с вопроса, в какой мере партия должна способствовать конфликту с правительством и следует ли ей в дальнейшем брать на себя руководство вооруженными протестами. Сталин ответил уклончиво. «Надо предполагать, — сказал он, — что выступления будут вооруженные, и надо быть готовыми ко всему». Иванов поинтересовался, каково отношение партии к лозунгу «Вся власть Советам!», подразумевая, что он исчерпал себя. На это Сталин был вынужден ответить, что теперь «мы говорим языком классовой борьбы: вся власть в руки рабочих и беднейших крестьян, которые поведут революционную политику»³³.

Старый большевик и бывший эмигрант Харитонов критиковал Сталина за то, что он не коснулся международной обстановки, ибо она оказывала влияние на развитие революции в России. «Мы всюду говорим, что если революции на Западе не будет, то мы пропали, — сказал он. — Мы делаем такой вывод: западноевропейская революция не успела вовремя прийти нам на помощь и русская революция дальше развиваться не могла». Тем не менее Харитонов смотрел в будущее с оптимизмом. Высмеивая высказывание Сталина о победе контрреволюции в Петрограде, он утверждал, что со времени Февральской революции происходит постоянный сдвиг власти в пользу Советов и что этот процесс будет продолжаться. «Был момент, когда мы могли опасаться разгона Советов, — заявил Харитонов, указывая на предшествовавшие дни. — Теперь эта опасность абсолютно миновала». Затем добавил: «Наша буржуазия не удержалась бы без Советов ни одного дня»³⁴.

Володарский согласился с Харитоновым, что Сталин преувеличил силу контрреволюции. «Те, кто говорит, что контрреволюция победила, судят о массах по их вождям», — сказал он, имея в виду Сталина и Ленина. И в заключение: «В то время как вожди (меньшевиков и эсеров) правят, массы левеют. Керенский, Церетели, Авксентьев и др. являются калифами на час...

Мелкая буржуазия еще будет колебаться именно в нашу сторону... С этой точки зрения нельзя говорить об устарелости лозунга «Вся власть Советам»». А Вайнберг добавил: «Власть не сумеет разрешить экономического кризиса, и Советы и партия должны леветь. Вокруг Совета сгруппировалось большинство демократии. Отказ от лозунга «Вся власть Советам» может стать вредным»³⁵.

Из числа высказавших свое мнение «о текущем моменте» ближе всех к точке зрения Ленина подошли Молотов, Савельев и Слуцкий. Молотов утверждал, что перед последними событиями «при желании Советы могли бы мирным путем взять власть в свои руки... Этого не совершилось... События 3(16) и 4(17) июля толкнули Советы на путь контрреволюции... Власть ускользнула из рук Совета и перешла в руки буржуазии. Мы не можем бороться за власть тех Советов, которые предали пролетариат. Выход для нас — в борьбе пролетариата, увлекающего за собой те слои крестьянства, которые могут за ним идти».

Слуцкий обрушился на Володарского за то, что он закрывал глаза на значительный успех контрреволюции. Слуцкий, в частности, пояснил: «Если мы понимаем под контрреволюцией переход власти к определенной группе, переход такой, что группа, имевшая перед тем власть, не может возратить ее, то мы имеем победу контрреволюции». По-видимому, не очень хорошо знакомый с мнением Ленина, он, однако, добавил: «Никто не утверждает, что мы должны, как негодный хлам, выбросить этот лозунг».

«Теперь, когда мы переживаем момент развертывания рабочей революции, — утверждал Савельев, — лозунг «Вся власть Советам», когда они сознательно борются с революцией, вносит в умы путаницу... У нас два выбора: или мы развиваем революцию дальше, или мы останавливаемся. Партия революционного пролетариата останавливаться не может. За кем будет победа — решит история. Революция продолжается, и мы идем на штурм»³⁶.

После того как высказались все желавшие, Сталин зачитал полностью резолюцию совещания Центрального Комитета. Предложение о создании комиссии для переработки резолюции не прошло: не хватило трех голосов. Затем рассмотрели резолюцию по пунктам. На начальной стадии дискуссии неназванный делегат Выборгского района безуспешно требовал, чтобы председатель зачитал тезисы Ленина (хотя копии статей «Политическое положение» и «К лозунгам» у председателя были)³⁷.

Как только оглашался очередной пункт резолюции, сразу поднимался один из «ленинцев» (Молотов, Слуцкий или Савельев) и вносил изменения или дополнения в соответствии с тезисами Ленина. Потому ли, что Сталину было неудобно защищать резолюцию, или потому, что сторонники резолюции были недовольны предыдущими его выступлениями, только поправки отклонял каждый раз Володарский. Отвечая на протесты делега-

тов, заявивших, что у Володарского нет для этого прав, поскольку он не являлся основным докладчиком, председатель объявил, что «Володарский — представитель совещания, на котором принята резолюция». В один из моментов, после безуспешной попытки Слуцкого вставить абзац о победе контрреволюции, Володарский в пылу парламентской борьбы воскликнул: «Тут говорится желание во что бы то ни стало провести то, что уже отвергнуто. Вся сущность спора (с Лениным) в том, временное или окончательное торжество контрреволюции». В ответ Савельев: «На нашей конференции я должен констатировать легкомысленное отношение к этим тезисам»³⁸.

В целом Молотов, Слуцкий и Савельев внесли около 18 поправок к зачитанной Сталиным резолюции; за исключением одной, все были отклонены. В итоге утвержденная конференцией резолюция практически повторяла резолюцию, принятую на совещании Центрального Комитета.

Глубина разногласий, возникших в тот период в связи с новым тактическим курсом, отчетливо проявилась при голосовании. 28 делегатов высказались в поддержку резолюции, 3 голосовало против и 28 воздержались. Обосновывая свои позиции, некоторые воздержавшиеся из Московского района пояснили, что они не голосовали из-за «неудовлетворительности резолюции». Молотов заявил, что он воздержался потому, что «в такой ответственный момент невозможно принимать неясную резолюцию». А Виктор Нарчук от имени одиннадцати делегатов Выборгского района сказал, что их группа воздержалась, так как «не были оглашены тезисы Ленина и резолюцию защищал не докладчик»³⁹.

После июльского восстания наибольший ущерб понесла, конечно же, большевистская Военная организация. С момента создания главная задача организации состояла в том, чтобы заручиться поддержкой солдат Петроградского гарнизона и превратить их в дисциплинированную революционную силу. К середине лета в решении первой задачи был достигнут значительный прогресс. Несколько тысяч солдат вступили или в саму Военную организацию, или же в клуб «Правды»; в большинстве гарнизонных частей образовались партийные ячейки, а в отдельных воинских подразделениях большевики приобрели безраздельное влияние. Разработанные правительством после июльского восстания планы по разоружению и расформированию зараженных большевизмом полков осуществились лишь частично. Вместе с тем значительный процент наиболее опытных и энергичных партийных руководителей в воинских частях оказался в тюрьме, пользовавшаяся огромной популярностью газета «Солдатская правда» была закрыта, связь между лидерами Военной организации и войсками временно прервалась. Большевиков выдворили из военных казарм, и партийная работа в гарнизоне в общем и целом почти приостановилась.

После июльских событий неприязнь к большевикам проявилась у солдат заметнее, чем у рабочих. Вероятно, отчасти это явилось следствием того, что среди солдат-большевиков было больше недисциплинированных, политически неопытных новичков, еще слабо преданных партии. Кроме того, несмотря на сильное желание мира, солдаты в своей основе были настроены более патриотически, чем рабочие, и, следовательно, острее воспринимали обвинения против большевиков в том, что они работают на немцев. Затем, как уже указывалось выше, солдаты гарнизона надеялись, что, отмежевываясь от большевиков, они избежат отправки на фронт. По этим и, возможно, еще и другим причинам в частях гарнизона после июльских событий нередко проводилась собственная чистка, в процессе которой известные большевики изолировались от солдат, а в отдельных случаях передавались властям.

Например, 10 июля собрание солдатских комитетов 1-го пехотного запасного полка вынесло решение арестовать активных большевиков части и составить список лиц, призывавших к радикальным мерам, по-видимому, для передачи его властям. Принятая этими комитетами двумя днями позднее официальная резолюция возлагала главную вину за действия 1-го пехотного запасного полка 4 июля на большевиков: Василия Сахарова, Ивана и Гавриила Осиповых, а также на Елизара Славкина, солдата неизвестной политической принадлежности. Резолюция обвинила четверых в проведении опасной агитации и подстрекательстве, которые увлекли людей. Более того, 4 июля они якобы совершили подлую провокацию, ложно утверждая, что массовое выступление санкционировано Советом⁴⁰.

В то же самое время части гарнизона, стремясь оправдаться и снять с себя обвинения в участии в июльских событиях, горячо заверили правительство и исполкомы в своей поддержке. Типичной была резолюция, принятая на массовом митинге солдат гвардейского Литовского полка 9 июля. В ней говорилось:

«Сознательно не присоединившись к вооруженному выступлению 3 и 4 июля, мы клеймим это выступление как вредное и позорное для дела революции... Мы всех призываем к безусловному исполнению непреклонной воли Центр. Комит. с.р. с. и крест. деп. и поддерживаемого им Временного правительства... Мы призываем товарищей Петроградского гарнизона присоединить свой мощный голос к нашей резолюции и этим выявить единую и сознательную волю гарнизона, направленную к защите свободы от посягательств на нее со стороны немецких шпионов, объединившихся с контрреволюционерами и использующих невежество и темноту некоторой части солдатской и рабочей массы»⁴¹.

И словно обвинений властей и резкой критики солдат гарнизона было недостаточно, нападки со стороны раздраженных элементов в самой партии большевиков пришлось выдержать в середине июля и Военной организации. Вопрос о целесообразности сохранения чисто военного ответвления партии служил предме-

том постоянных разногласий среди высшего большевистского руководства еще с времен создания после революции 1905 года социал-демократических организаций в воинских частях. Сторонники этих организаций утверждали, что регулярные вооруженные силы — ключевой фактор любой современной революции. Кроме того, они доказывали, что положение и интересы солдат и матросов резко отличаются от положения и интересов гражданского населения и поэтому военные организации, обладающие известной автономией и самостоятельностью, абсолютно необходимы, чтобы привлечь солдат и матросов на сторону революции и обеспечить ей, таким образом, успех. Критики военных организаций в свою очередь утверждали, что потенциальные потери, связанные с дублированием усилий контролем, во много раз превосходят пользу, которую они, возможно, смогут принести. Стоит ли удивляться тому, что очевидная причастность большевистской Военной организации к подготовке июльского восстания без санкции Центрального Комитета усилила критику в ее адрес. По-видимому, в нападках на «Военку» участвовали отдельные члены как Петербургского комитета, так и высшего партийного руководства⁴².

Невзирая на опасность ареста, Подвойский, которого разыскивали власти, был вынужден выступить в защиту Военной организации на 2-й городской конференции 16 июля и на VI партийном съезде 28 июля⁴³. На VI съезде Военная организация явилась объектом официального расследования, которое провела специально созданная военная секция. Делегат VI съезда от районного бюро Центросибири и, по всей видимости, член этой секции Борис Шумяцкий впоследствии рассказывал, что на съезде Бухарин, Каменев и Троцкий (двое последних, вероятно, письменно или через посредников) настаивали на роспуске Военной организации на том основании, что она-де дублирует работу обычных партийных органов. По словам Шумяцкого, большинство членов военной секции отвергло эту позицию и подтвердило необходимость иметь особую Военную организацию, руководимую Центральным Комитетом. В опубликованных материалах VI съезда дискуссия и решение, касающиеся «Военки», отражены в заключительном коммюнике военной секции, в котором, помимо прочего, сообщалось о принятии 8 голосами против 4 следующей резолюции: «Ввиду целого ряда особенностей — бытовых, профессиональных и организационных — жизни и работы военных членов партии, секция санкционирует существование при ЦК, под его постоянным и прямым руководством, особого центрального военного органа, направляющего всю текущую работу партии среди военных»⁴⁴.

Несмотря на предпринимавшиеся властями усиленные меры розыска, наиболее видные активисты Военной организации — Невский и Подвойский — сумели в послеиюльские дни избежать ареста. И хотя Подвойского дважды задерживал военный патруль, ему так и не удалось установить его личность. Невский,

слегка раненный пулей в ногу во время перестрелки 4 июля, укрылся в провинции. Вскоре после возвращения Невского в середине июля в Петроград он и другие оставшиеся на свободе члены «Военки», в том числе Подвойский, Ильин-Женевский и Михаил Кедров, тайно встретились на квартире Генриха Ягоды, чтобы определить потери и обсудить стратегию на будущее. По словам Ильина-Женевского, участники встречи договорились пока попытаться «сочетать нелегальную деятельность с легальной работой», то есть оставить штаб-квартиру в подполье и по-возможности вновь начать среди солдат открытую организационную и агитационную работу⁴⁵.

На этой встрече члены Военной организации поставили перед собой наряду с другими задачу — возобновить как можно быстрее издание большевистской газеты для солдат, в духе ставшей нелегальной «Солдатской правды». В течение третьей недели июля Подвойский наконец нашел типографию, готовую печатать газету, и 23 июля вышел ее первый номер. Новый печатный орган «Рабочий и солдат» должны были редактировать Подвойский, Невский и Ильин-Женевский, а Кедров и Ягода — взять на себя общее руководство⁴⁶. Казалось, что с газетой все наладилось, но вдруг возникли осложнения на заседании Центрального Комитета 4 августа. Это было первое заседание нового ЦК, избранного на VI съезде. Поскольку ЦК еще не располагал собственной газетой, которая могла бы заменить «Правду», он решил сделать своим органом «Рабочего и солдата». Кроме того, очевидно, помня проблемы организационного контроля, имевшие место в июне и июле, ЦК постановил, что какое-то время ни Петербургскому комитету, ни Военной организации не следует выпускать свои отдельные газеты⁴⁷.

Далее ЦК настоял на том, чтобы в редакционную коллегия «Рабочего и солдата» от него вошли трое (Сталин, Сокольников и Милютин) и по одному представителю от Военной организации (Подвойский) и Петербургского комитета (Володарский). Такое решение пришлось очень не по вкусу членам «Военки», которые, привыкнув действовать самостоятельно, ревниво оберегали собственные привилегии и, как выразился в то время Подвойский, были убеждены, что «тип смешанной газеты» не в состоянии ни решить задачи Военной организации, ни удовлетворить потребности солдатских масс, среди которых «Военка» вела пропаганду и агитацию⁴⁸. Судьба «Рабочего и солдата» решилась 10 августа, когда редакционная статья особенно подстрекательного содержания послужила Временному правительству предлогом для закрытия газеты. ЦК спешно реорганизовал издательство; «Военка» поступила точно так же. И вот 13 августа впервые после июльских событий в газетных киосках Петрограда появились две большевистские газеты: «Пролетарий» — орган ЦК и «Солдат» — орган Военной организации.

Когда Центральному Комитету стало известно о самостоятельной акции Военной организации, он вознамерился завла-

деть и «Солдатом» и делегировал Сталина к Подвойскому, чтобы информировать его об этом решении. Кроме того, желая пресечь дальнейшие попытки «Военки» заниматься издательским делом, ЦК приказал Смильге изъять и передать в распоряжение центрального партийного органа деньги «Военки», выделенные для публикации «Рабочего и солдата»⁴⁹. Как видно, Сталин и Смильга выполнили свои поручения быстро и решительно, ибо уже 16 августа в ЦК поступили две жалобы Центрального бюро Военной организации⁵⁰. В первой из них говорилось о праве «Военки» на собственную газету, причем в таких выражениях, которые свидетельствовали о том, что будет не просто заставить руководителей «Военки» уступить. Во второй жалобе бюро протестовало против действий, совершенно недопустимых «как с точки зрения формальной, так и с точки зрения элементарных принципов партийного демократизма», которые позволили себе Сталин и Смильга, и требовало от Центрального Комитета наладить более нормальные отношения с бюро Военной организации, чтобы последняя могла выполнять свою работу⁵¹.

Есть данные, что примерно в это время ЦК создал другую специальную комиссию для изучения положения дел в «Военке» главным образом под углом зрения организации июльского восстания и публикации газет «Рабочий и солдат» и «Солдат»⁵². На самом деле, как поведал Невский, руководители Военной организации стали объектами партийного «суда», в ходе которого для проверки различных аспектов деятельности этой организации направлялись Бубнов, Дзержинский, Менжинский и Свердлов⁵³. На основании имеющихся материалов трудно определить связь этого «суда» с работой военной секции на VI съезде. Во всяком случае, большинство выдвигавшихся против Военной организации обвинений было снято, вероятно, в результате личного вмешательства Ленина. По словам Невского, Свердлов сказал ему, что когда Ленин узнал, что его (Свердлова) послали познакомиться с работой «Военки», то заметил: «Ознакомиться нужно, помочь им нужно, но никаких нажимов и никаких порицаний быть не должно. Наоборот, следует поддержать: кто не рискует, тот никогда не выигрывает; без поражений не бывает победы»⁵⁴.

Опубликованные протоколы совещания Центрального Комитета (16 августа) свидетельствуют о том, что, заслушав две жалобы «Военки», ЦК подтвердил ее подчиненное положение в партийной структуре и без обиняков объявил, что, согласно Уставу партии, Военная организация не может существовать как независимый политический центр. И все же после выговора ЦК разрешил «Военке» издавать «Солдата» при условии, что в состав редколлегии войдет член ЦК, обладающий правом вето. Затем Центральный Комитет делегировал Свердлова и Дзержинского для проведения переговоров и налаживания нормальных отношений между Военной организацией и ЦК, а также для надзора за ее деятельностью⁵⁵.

В то время как руководство «Военки» боролось за сохранение своего независимого статуса в рамках партии, позиция большевиков среди солдат гарнизона значительно улучшилась. Примечательно, что теперь партийная программа стала получать поддержку в воинских частях, до тех пор сравнительно свободных от большевистского влияния. В письме ЦК Московскому областному бюро Менжинская 17 июля с воодушевлением писала: «В полках, близлежащих и находящихся в Питере, настроение меняется в нашу пользу там, где до сих пор мы имели сравнительно мало успеха. Последние указы Керенского, в особенности о смертной казни, вызвали страшное возбуждение среди солдат и озлобление против командного состава»⁵⁶.

Опубликованные краткие сообщения о послеиюльских встречах ответственных работников Военной организации с представителями большевистских групп Петроградского гарнизона подтверждают, что правительственные репрессии и угроза контрреволюции помогли «Военке» в конце июля и начале августа преодолеть самые худшие последствия неудачного восстания. Рассказы делегатов на первом из этих собраний, состоявшемся 21 июля, свидетельствуют о том, что сначала июльские события вызвали в рядах солдат смятение и во многом повлияли на их отношение к большевикам⁵⁷. На следующей встрече военных организаций, неделю спустя, у делегатов все еще наблюдался упадок духа, и они были очень озабочены преследованиями большевиков. Тем не менее они признали, что негативные последствия июльских событий для солдат, сочувствовавших большевикам, оказались незначительными⁵⁸.

5 августа те же самые представители воинских частей с гордостью описывали организованные в гарнизоне массовые митинги протеста против репрессий, Думы и Государственного совета. Они также дали понять, что число членов военных организаций опять стало расти⁵⁹. И наконец, на собрании военных организаций 12 августа большинство представителей придерживалось мнения, что сочувствие большевикам в частях гарнизона «развивается усиленными темпами». По-видимому, некоторые из них прямо заявили, что это явилось результатом скорее не усилий Военной организации, а действий правительства и умеренных социалистов. Выслушав представителей, секретарь «Военки», имея в виду успехи большевиков, записал: «Причина не агитация, которой власти чинят препятствия, а каторжные законы, расправы с революционными солдатами и соглашательство “оборонцев”»⁶⁰.

Тот факт, что репрессивные мероприятия правительства Керенского дали совершенно иной, чем предполагалось, эффект, усилили всеобщее недоверие к правительству и побудили петроградские массы более тесно сплотиться в деле защиты революции, — все это четко просматривалось в многочисленных документах того времени. Наиболее богатыми и ценными матери-

алами являются обширные протоколы и резолюции районных Советов Петрограда за 1917 год⁶¹.

Вспомним, Советы образовались в каждом районе Петрограда вскоре после Февральской революции. Часто создававшиеся по инициативе самих рабочих и солдат, эти Советы возникли в городских кварталах с большой концентрацией промышленности. Например, в Выборгском и Петергофском районах Советы сформировались в февральские дни. Местный Совет Василеостровского подрайона был образован в марте. Затем аналогичные органы появились в центральной части города, и к концу мая Петроград и его пригороды охватила сеть районных и подрайонных Советов.

Что касается Петрограда, то в первый период после свержения самодержавия наиболее сильными политическими группами в районных Советах являлись меньшевики и эсеры. Однако в результате того, что большинство социалистических лидеров национального уровня не придавали серьезного значения работе в подобных органах, в районных Советах никогда не доминировали интеллигенты из средних слоев населения и их политические партии, как это случилось с Петроградским Советом и Центральным Исполнительным Комитетом. Всегда доступные простым рабочим и солдатам, районные Советы занимались главным образом вопросами местного значения (снабжением продовольствием, поддержанием правопорядка, трудовыми спорами, социальным обеспечением) и уделяли время обсуждению только таких общегосударственных проблем, которые особенно беспокоили их избирателей. По этой причине заседания районных Советов представляют собой более надежный индикатор изменений в настроениях и интересах населения Петрограда, чем совещания Петроградского Совета или исполкомы.

Первое, что бросается в глаза при изучении деятельности районных Советов за период с апреля до начала августа, так это постепенное расхождение в политических взглядах районных Советов и их центральных органов. В середине июля, например, когда ЦИК заявлял о своей неограниченной поддержке правительства Керенского, большинство районных Советов относилось к нему с чрезвычайным подозрением; их все больше раздражало соглашательство меньшевистских и эсеровских вождей и все сильнее привлекала идея создания революционной Советской власти. (Как утверждал Володарский на 2-й городской конференции, в то время как социалистические лидеры правели, массы левели⁶².)

Различие во взглядах районных Советов и руководства Советов на национальном уровне, и прежде всего возникшие опасения, что Петроградский Совет не уделяет достаточно внимания заботам районных Советов, отразилось в активизации в середине июля и в августе деятельности организации, известной как Междурайонное совещание Советов. Созданное первоначально во время Апрельского кризиса, но бездействовавшее в продол-

жении всего июня и первой половины июля, Междурайонное совещание состояло из представителей районных Советов (по два человека от каждого местного Совета Петрограда), собиралось по мере необходимости для координации работы отдельных районных Советов, а также нередко для оказания совместного давления на центральные органы Советов⁶³.

Второе, что привлекает внимание при изучении деятельности районных Советов летом 1917 года, так это увеличение в них влияния левых групп: меньшевиков-интернационалистов, Межрайонного комитета и большевиков. Например, в апреле большевики располагали сильным влиянием только в Советах Выборгского и Колпинского районов. С самого начала многие члены Междурайонного совещания являлись меньшевиками и эсерами, а первым председателем был меньшевик Анисимов. К середине лета, однако, в дополнение к Выборгскому и Колпинскому районным Советам резолюции большевиков часто стали поддерживать Советы Васильевского острова, Коломенского и 1-го городского районов.

Тем не менее, за исключением, пожалуй, Выборгского районного Совета, ни один из этих Советов, видимо, по-настоящему не контролировался большевиками. Меньшевики и эсеры, а точнее, фракции меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров удерживали влияние в большинстве Советов, по крайней мере до конца осени 1917 года, и даже те местные Советы, в которых большевики располагали большинством, сохраняли свой преимущественно демократический характер. В начале августа меньшевика-интернационалиста Александра Горина избрали председателем Междурайонного совещания. Под его руководством коалиция большевиков, меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров повела Совещание независимым революционным курсом⁶⁴.

Протоколы и резолюции петроградских районных Советов подтверждают, что сразу же после июльских событий среди рабочих и солдат отдельных районов столицы наблюдались сильные антибольшевистские настроения. Например, 13 июля Совет Охтинского района, расположенного на правом берегу Невы, утвердил резолюцию, одобряющую позицию Центрального Исполнительного Комитета, который несколькими днями ранее выступил с осуждением большевиков и выражением безоговорочной поддержки правительству⁶⁵. Примерно в это же время в высшей степени независимый Совет Рождественского района, по другую сторону реки, принял резолюцию, в которой утверждалось, что события 3—4 июля заставляют всю организованную сознательную демократию опасаться за судьбы русской революции. Безответственное меньшинство, бросая в темные массы лозунги, противные голосу представителей всероссийской демократии, бессознательно, но определенно ведет к междоусобной гражданской войне... Мы заявляем, что кровь, пролившаяся на улицах Петрограда 3—4 июля, падает целиком на головы тех безответствен-

ных лиц и партий, которые, сознательно или бессознательно, вели все время политику, дезорганизирующую силу революции»⁶⁶.

По всей видимости, лишь неизменно воинственно настроенный Совет Выборгского района попытался воспротивиться преобладавшему в тот момент общему течению, продолжая призывать к передаче власти Советам и стараясь ослабить критику в адрес большевиков. Например, 7 июля, то есть в тот самый день, когда Центральный Исполнительный Комитет впервые одобрил репрессивные меры правительства, Совет Выборгского района демонстративно заявил, что успешное разрешение министерского кризиса, урегулирование дезорганизованной экономики и осуществление реформ возможны только при передаче власти Советам⁶⁷.

Соответствующие документы однозначно показывают, что после июльского восстания большинство районных Советов не было заинтересовано ни в осуждении, ни в поддержке большевиков. Их основными заботами являлись такие проблемы, как стремление правительства разоружить рабочих, вывести распропагандированных солдат из столицы и восстановить на фронте смертную казнь, как всеобщее наступление на левые элементы и оживление ультраправых. Каждое из этих явлений воспринималось почти всеми районными Советами в качестве серьезной угрозы революции.

Междурайонное совещание собралось 17 июля, впервые за полтора месяца, отчасти для того, чтобы обсудить вопрос, следует ли районным Советам помогать правительству в проведении кампании по изъятию оружия у населения. Заседание открылось призывом фронтовых солдат к депутатам в интересах национальной обороны поддержать эту кампанию. Солдаты добавили, что все они преданы делу революции и что, следовательно, их требование не должно истолковываться как враждебное по отношению к рабочим. В ответ весьма скептически настроенный депутат дипломатично заметил, что, хотя рабочие, возможно, и готовы поверить участникам Сводного отряда, который только что прибыл с фронта, однако никто не в силах предугадать, что может случиться завтра. У рабочих нет уверенности, что кто-нибудь не воспользуется их беззащитностью. Тогда другой депутат в сердцах вставил: «Целые склады оружия имеются у черносотенных банд, которые до сих пор не разоружены». Кто-то высказал мнение, что, если бы рабочих и удалось уговорить сдать пулеметы, бомбометы и, возможно, даже винтовки, они ни за что не расстанутся с револьверами. В конце концов совещание ловко уклонилось от всякого сотрудничества с правительством и фактически отказалось от любых совместных действий районных Советов в оказании помощи правительству при разоружении рабочих, проголосовав за то, чтобы каждый Совет сам решал этот вопрос⁶⁸.

Позже отдельные районные Советы согласились помочь разоружить рабочих. Например, 28 июля, выслушав просьбу дон-

ских казаков о содействии в приобретении оружия, Совет Адмиралтейского района принял резолюцию, в которой говорилось, что оружие казенного образца совершенно не нужно для самозащиты и что хранение такого оружия на руках вопреки неоднократным обращениям Временного правительства есть преступление перед свободой и русской армией⁶⁹. Однако в Адмиралтейском районе, в центре Петрограда, располагались военно-административные учреждения и военные казармы; здесь почти не было заводов и рабочих. Советы же районов со значительными контингентами рабочих, отражая настроения своих избирателей, были склонны с великой подозрительностью взирать на действия правительства по конфискации оружия.

Так, 20 июля, выслушав нескольких фронтовиков и обстоятельно обсудив вопрос об оружии, сравнительно умеренный Совет Петроградского района одобрил решение о сдаче винтовок и пулеметов, но твердо заявил, что конфискация револьверов и холодного оружия будет считаться «контрреволюционным нападением на рабочий класс», которому он будет вынужден дать отпор всеми доступными средствами⁷⁰. Когда Петергофский районный Совет 29 июля рассматривал вопрос о разоружении рабочих, депутаты запротестовали и заявили, что разоружать нужно не рабочих, а «контрреволюционные и хулиганствующие элементы, стрелявшие с крыш и окон домов... и явно и нагло выступающие в последнее время против революции и ее завоеваний»⁷¹. Было очевидно, что правительство не могло рассчитывать на серьезную помощь Петергофского Совета в изъятии оружия у рабочих. Насколько можно судить, таковой была позиция почти всех районных Советов.

Введение Временным правительством смертной казни также вызвало враждебное отношение к нему со стороны районных Советов. Типичным примером их реакции может служить заявление Рождественского районного Совета, в котором большевики все еще пребывали в меньшинстве:

«Одно из наиболее ценных завоеваний Великой русской революции — отмена смертной казни — было уничтожено одним росчерком пера Временного правительства... Во имя «спасения революции» будут заседать военно-полевые суды, знающие только один приговор: смертную казнь, и солдаты, предназначенные к роли палачей, будут тащить своих обезумевших, истерзанных трехлетней дикой бойней товарищей... затем где-нибудь в углу, подальше от посторонних взоров, пристреливать, как собак, лишь за то, что они самоотверженно не отдали свою жизнь в интересах своих классовых врагов...

Получается величайшая бессмыслица: свободная страна отменила смертную казнь для высокопоставленных преступников, всех этих Николаев, Сухомлиновых, Штюмеров и Протопоповых и т.п. (трое последних являлись царскими министрами), и сохранила ее для измученных трехлетней бессмысленной бойней солдат...

Преступление убивать измученных и отчаявшихся людей, впадших в безумие от сознания безысходности их страданий и не видящих конца этой бесконечной войне. Преступление обходить молчанием это реакционное поползновение Временного правительства против самого ценного из завоеваний революции...

Долой смертную казнь!

Долой узаконенное убийство!

Да здравствует революционный Интернационал!»⁷²

На заседании 17 июля Междурайонное совещание, реагируя на целый ряд тревожных сообщений о контрреволюционных «насилиях» во всех районах, приняло резолюцию, в которой заявляло, что явные признаки «оживающей и организующейся контрреволюции» нашли отражение в событиях 3—5 июля и в последующие дни. Резолюция призвала Петроградский Совет проявить активность и решительность в выявлении контрреволюционных ячеек и настоять на том, чтобы правительство приняло решительные шаги для борьбы с контрреволюцией. Резолюция, помимо прочего, потребовала всестороннего расследования всех незаконных обысков и арестов и немедленного освобождения политических заключенных, против которых все еще не выдвинуто серьезных обвинений⁷³.

Легко себе представить беспокойство депутатов районных Советов, которые через два дня прочитали подробные сообщения о сенсационном частном заседании Временного комитета Государственной думы, состоявшемся 18 июля. На экстренном заседании Междурайонного совещания 21 июля все выступавшие депутаты настаивали на немедленном роспуске Временного комитета. Несколько ораторов требовали конкретных действий для осуществления данного требования. Представитель Рождественского районного Совета, например, предложил, чтобы участники совещания все вместе отправились в Таврический дворец и изложили свои взгляды Центральному Исполнительному Комитету. Предложение приняли с условием, что в дополнение к требованию о роспуске Думы депутаты районных Советов также потребуют восстановления всех прав армейских демократических комитетов, реабилитации левой прессы, прекращения попыток разоружить рабочих, немедленного освобождения всех политических заключенных, которым еще не предъявлены конкретные обвинения в нарушении закона, наказания Пуришкевича и Масленникова, отказа от расформирования полков Петроградского гарнизона и немедленной отмены смертной казни на фронте⁷⁴.

В то же самое время отдельные районные Советы своими резолюциями ответили на требование Пуришкевича и Масленникова не жалеть виселиц для левых. Характерной для этих публичных заявлений является единогласно принятая Выборгским районным Советом резолюция:

«Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района, узнав о частном совещании членов бывшей Государственной ду-

мы и выступлении их на политическую арену государственной жизни страны, находит, что дума как учреждение, созданное старым самодержавным строем... подлежит немедленному роспуску, и потому Совет требует, чтобы Временное правительство по решению Всероссийского съезда немедленно издало декрет о роспуске этого контрреволюционного учреждения, и категорически протестует против черносотенных членов думы, осмелившихся выступить и называть революционные органы кучкой фанатиков, проходимцев и предателей... Совет требует решительной борьбы с контрреволюционным элементом, и в частности с бывшими членами Государственной думы, и считает необходимым за оскорбление, нанесенное в лице Советов всей демократии, привлечь к суду»⁷⁵.

Примечательно, что к концу июля даже сравнительно умеренные районные Советы больше заботились осплочении всех левых организаций (включая и партию большевиков) на защиту революции, чем о наказании большевиков за их действия несколькими неделями раньше. Прежде враждебно настроенным депутатам в районных Советах теперь большевики представлялись просто левым крылом революции, которой угрожал разгром.

Желание забыть прежние обиды и тревога, вызванная оживлением контрреволюции, отчетливо прозвучали на экстренном заседании Междурайонного совещания 21 июля. В своем волнующем призыве к объединению всех демократических сил для борьбы с контрреволюцией меньшевик-интернационалист Раппопорт выразил мнение, что с началом наступления контрреволюции на большевиков можно также ожидать ударов и по левым организациям, близким к большевикам. «Контрреволюция мобилизуется, — заявил он, — и нам нельзя распыляться».

Судя по последующим высказываниям, большинство собравшихся представителей районных Советов разделяло подобное мнение. Комиссии из трех человек — один от Междурайонного комитета (Мануильский) и двое от меньшевиков-интернационалистов (Горин и Раппопорт) — поручили подготовить декларацию о контрреволюции и существующей политической ситуации для рассмотрения на районных Советах и последующей передачи Центральному Исполнительному Комитету. В документе, разработанном комиссией (это было первое публичное заявление Междурайонного совещания по общенациональным проблемам), июльское восстание характеризовалось как «стихийное выступление солдатских частей и рабочих», как прямое следствие политического кризиса, в известной мере вызванного кадетами. Согласно заявлению, контрреволюция использовала события 3—4 июля в качестве предлога для открытого наступления на революционную демократию, изолируя ее левый фланг. Расформирование полков, сохраняющих верность революции, массовые аресты, разгром рабочей прессы, дескать, только привели к ослаблению революционной демократии. Выражая мнение, что еще одно коалиционное правительство лишь углубит существую-

ющий политический кризис и еще шире распахнет двери перед наступающей контрреволюцией, декларация заключала, что только сильное революционное правительство, составленное исключительно из элементов революционной демократии и осуществляющее внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с программой, намеченной съездом Советов, может спасти Россию и революцию⁷⁶.

В декларации нашло отражение стремление (выраженное в исполкоме Мартовым) к объединению всех подлинно революционных элементов в исключительно социалистическом, Советском правительстве, которое будет бороться с контрреволюцией, осуществлять действенную программу реформ и добиваться заключения мира. Сильное желание сплотиться в деле защиты революции ярко проявилось в поддержанной большевиками и принятой 1 августа депутатами Нарвского районного Совета резолюции. В ней, в частности, говорилось:

«Принимая во внимание разложение в рядах революционной демократии всех партий и их оттенков, мы... считаем такое явление недопустимым и вредным ввиду грозной опасности, угрожающей стране как извне, так и изнутри. Считая далее, что все политические группировки и многочисленные оттенки исходят «сверху» — оттенки, которые большинство в «низах» даже не понимает и не знает и не может понять корня их... Мы... призываем откликнуться... всех тех, кто участвует в общеполитической борьбе и кому дорога наша молодая свобода... и рекомендуем сплотиться вокруг Совета рабочих и солдатских депутатов как высшего органа демократии. Предлагаем «верхам» найти общий язык, дабы сплоченнее бороться с врагами революции»⁷⁷.

Воскрешение большевиков

Ночью 26 июля в самом сердце Выборгского района, в просторном зале частного общества, на открытие давно ожидавшегося VI съезда партии собрались со всех концов России около 150 большевистских лидеров¹. Национальная ассамблея большевиков началась с избрания Ленина, Троцкого, Каменева, Коллонтай и Луначарского почетными председателями съезда и закончилась спустя 8 дней и 15 заседаний пением Интернационала. За время между этими событиями делегаты выслушали приветствия и заявления о поддержке от Петроградского Совета профсоюзов, Американской социалистической рабочей партии, «заключенных солдат и офицеров Петроградского гарнизона», двадцати трех полков, дислоцированных в Риге, от нескольких тысяч рабочих Путиловского завода, трех петроградских районных Советов, социал-демократической организации мусульман Баку и от более дюжины других различных рабочих, общественных и политических организаций. Делегаты смогли из первых рук получить подробные сообщения о положении дел на местах. С докладами выступили представители Центрального и Петербургского комитетов, Военной организации и Межрайонного комитета, официально объединившегося с партией большевиков, а также посланники девятнадцати основных провинциальных партийных организаций. Важнейшими вопросами съезда были: выработка делегатами позиции относительно явки Ленина на суд² и принятие решений по широкому спектру проблем, имеющих важное политическое значение, таких, как военный вопрос, экономическое и политическое положение в России. Кроме того, видимо желая ничего не упустить из виду, делегаты утвердили все резолюции, принятые Апрельской конференцией.

Работа VI съезда проходила в крайне напряженной обстановке, которая еще подогревалась периодически возникавшими слухами о намерении правительства Керенского силой разогнать съезд. Эти слухи приобрели большую достоверность 28 июля, на третий день работы съезда, когда правительство опубликовало декрет, дававший военному министру и министру внутренних дел право запрещать любые собрания и съезды, которые могли помешать военным усилиям страны или нанести

ущерб государственной безопасности³. В результате место проведения съезда тайно перенесли в принадлежавший Межрайонному комитету отдаленный рабочий клуб, расположенный в Нарвском районе, на юго-западной окраине столицы. Почти одновременно партийное руководство организовало работу еще одного, не столь многочисленного съезда, который, собравшись отдельно, подготовил обращение к населению для опубликования в том случае, если VI съезд действительно был бы разогнан, а также в спешном порядке избрал Центральный Комитет для руководства большевистской деятельностью до следующего партийного съезда⁴.

Настроение делегатов, собравшихся в столь сложных условиях, ярко проявилось в той восторженной реакции, с которой они встретили речь меньшевика-интернационалиста Юрия Ларина, через несколько недель после окончания съезда вступившего в партию большевиков. Ильин-Женевский впоследствии писал: «Помню, какой энтузиазм охватил съезд, когда председатель (Яков Свердлов) заявил, что съезд хочет приветствовать один из вождей меньшевиков-интернационалистов т. Ларин. Под громовые аплодисменты медленно, еле волоча парализованную ногу и весь подергиваясь, продвигается Ларин сквозь ряды к ораторской трибуне. И чем ближе он подвигается, тем громче становятся аплодисменты»⁵. Обращение Ларина к делегатам частично состояло из призывов к революционному единству. «В то время, когда вы подвергаетесь травле, — сказал он, — долг каждого честного интернационалиста быть с вами... Теперь наступил момент, когда необходимо строить единую революционную социал-демократическую партию». Очередная задача — «переход власти в руки революционной демократии». Вместе с тем Ларин предупреждал против насильственных революционных действий. Он прямо заявил:

«У нас есть элементы, опасющиеся слишком большой уступчивости большевиков по отношению к Военной организации. Мы знаем, что во время движения 3—5 июля политическая власть партии агитировала против выступления, Военная организация призывала к выступлению...

Я слышал некоторых товарищей, говоривших, что Советы рабочих и солдатских депутатов встали на реакционную точку зрения, а потому: «Долой Советы! Создадим свою организацию!» Вот та опасная дорога, по которой мы не могли бы пойти вместе с вами.

Не уничтожение Советов, не создание новых организаций, а влияние на изменение состава нынешних Советов... Мы против быстрого действующих средств. Советы являются выборными учреждениями»⁶.

Большая часть высказываний Ларина явно противоречила позиции Ленина. Тем не менее в протоколе съезда указывалось, что аплодисменты в конце его выступления были столь же громкими, как и в начале. Ильин-Женевский так передает этот эпи-

зод: «Трудно описать то, что происходило на съезде, когда он закончил свою речь. Чтобы понять это, нужно представить ту обстановку клеветы и травли, в которой находилась тогда наша партия. В этот момент всякое выражение сочувствия и поддержки было особенно ценно. Казалось, что т. Мартов и вместе с ним и все то, что было живого и талантливое в рядах меньшевистской фракции, возвращается обратно в наши единые социал-демократические ряды»⁷.

К концу дискуссии (главным образом из-за сложностей с достижением консенсуса по основополагающим теоретическим проблемам, а также из-за трудностей, связанных с отсутствием на съезде Ленина, Троцкого, Каменева, других главных партийных руководителей) делегаты договорились вновь отложить принятие новой партийной программы. Таким образом, обсуждение теоретических вопросов на съезде ограничилось рамками полемики по «политическому положению». Рабочие заседания 30—31 июля, на которых состоялись эти дебаты, вне всякого сомнения, были наиболее важной частью всего съезда. Предполагалось, что в отсутствие Ленина основной доклад сделает Троцкий, ему же было поручено подготовить проект резолюции «О политическом положении»⁸. После ареста Троцкого за два дня до открытия съезда к выполнению этих задач в спешном порядке привлекли Сталина.

Примечательно, что при сложившихся обстоятельствах сторонники выдвинутой Лениным тактической программы стремились предусмотреть любую случайность. Большевики Кронштадта перепечатали статью «К лозунгам» и вручили по экземпляру каждому делегату⁹. Весьма вероятно, что именно благодаря этим усилиям «ленинцев» высказывания Сталина на VI съезде относительно сложившейся ситуации и курса на будущее в большей степени, чем в выступлении на 2-й городской конференции, соответствовали взглядам Ленина.

Однако это вовсе не означало, что позиция Сталина во всем совпадала с ленинской. В одной дискуссии в начале съезда, например, Сталин заявил, что «в данный момент все еще неясно, в чьих руках власть»¹⁰. В другом случае, при обсуждении вопроса о Советах, стало понятно, что он относится к Советам не столь отрицательно, как Ленин¹¹. Все же в своем основном докладе Сталин назвал Временное правительство «куклой» в руках контрреволюции. Он критиковал некоторых выступавших, которые «говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утично ставить вопрос о социалистической революции», и утверждал, что было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала с социалистическими преобразованиями, пока Европа не “начнет”»¹². Позже, вслед за Лениным, Сталин заявил, что мирная стадия революции завершилась, и настаивал на снятии лозунга «Вся власть Советам!».

Закончив выступление, Сталин представил съезду проект резолюции «О политическом положении» из 10 пунктов, кото-

рый, по всей вероятности, был составлен Лениным¹³. Первые семь пунктов резолюции характеризовали ход революции с февраля до конца июльских событий, сильно смахивая на формулировки в ленинских тезисах. «Власть в этих пунктах, именно на фронте и в Питере, — говорилось в данной части резолюции, — оказалась фактически в руках контрреволюционной буржуазии, поддержанной военной кликой командного состава армии». В пунктах с 8-го по 10-й шла речь о состоянии и роли Советов, о тактике партии в эти дни, причем в выражениях, очень напоминавших ленинские. В 8-м пункте прямо утверждалось, что существующие Советы разлагаются заживо. Мирное развитие революции и мирный переход власти к Советам стали невозможными. Правильным лозунгом партии могла бы быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. В 9-м и 10-м пунктах подтверждалось, что успешность новой революции будет зависеть от того, насколько быстро и твердо большинство народа осознает гибельность надежд на соглашательство с буржуазией. Вместе с тем из текста следовало, что пролетариат, и в первую очередь рабочие Петрограда, возьмет власть в свои руки при первой же возможности (т.е. когда политические, экономические и военные условия станут катастрофическими) независимо от того, осознают или нет широкие массы населения, исходя из собственного опыта, необходимость новой революции.

Как и на 2-й городской конференции, споры вокруг политического положения вообще и резолюции Сталина в частности сконцентрировались на важной проблеме будущего Советов, до тех пор места сосредоточения политической активности и надежд каждого из делегатов¹⁴. Константин Юренев, ближайший сподвижник Троцкого, открыл дебаты скептическим вопросом: «До сих пор мы сплывали наши силы вокруг одного органа — Советов. В какой же форме мы должны теперь сплывать наши силы?» Юренев также желал бы знать, почему лозунг «Вся власть Советам!» не соответствовал бурному периоду революции. Резолюция Сталина, сказал он в заключение, «предлагает нам стать на путь, гибельный для всех завоеваний революции... Если наша партия примет резолюцию Сталина, мы пойдем быстро по пути изоляции пролетариата от крестьянства и широких масс населения... Параграфы 8—10 должны быть радикально изменены»¹⁵.

После Юренева на трибуну быстро поднялся Володарский, который, в частности, заявил: «Нам говорят: так как мирный период революции кончился, лозунг «Вся власть Советам!» пережил себя. Верно ли это?.. Нужно ли нам лозунг «Вся власть Советам!» оставить в том виде, как до 3—5 июля? Конечно, нет! Но нельзя вместе с водой выплескивать и ребенка... Мы должны только модифицировать наш лозунг «Вся власть Советам!» приблизительно таким образом: «Вся власть пролетариату, поддерживаемому беднейшим крестьянством и революционной демок-

ратией, организованной в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов"»¹⁶.

Алексей Джапаридзе, руководитель большевистской организации Баку, избранный накануне кандидатом в члены Центрального Комитета, высказался в том же духе. В июльские дни большевики добились значительных успехов в деле организации поддержки в Бакинском Совете, и Джапаридзе критиковал Сталина за «отождествление Советов (в провинциях) с Центральным Исполнительным Комитетом». «Если ранее провинциальные Советы выражали взгляды ЦИК, — сказал он, — то теперь они не отражают его настроения... Пока мы переживаем контрреволюционную полосу, мы должны биться за Советы и как революционные защитники идеи (управления с помощью) Советов мы получим в них главенствующее положение»¹⁷.

Как подчеркнул Мануильский, «в тактике пролетарской партии после 4 июля произошло изменение: она вынуждена перейти от наступления к обороне позиций, завоеванных революцией. При таком невыгодном соотношении сил выдвигать максимальные лозунги, как это делает левое крыло нашей партии, — значит перейти к тактике отчаяния... Зафиксировав недоверие к Советам, мы рискуем помочь столкнуть их из Таврического дворца и Смольного института... Мы должны признать, что в России 90% принадлежат к мелкой буржуазии, а потому тактика, изолирующая пролетариат от мелкой буржуазии, должна быть признана вредной»¹⁸.

В дискуссии участвовало 15 делегатов съезда, большинство из которых использовало каждую секунду отведенных на выступление 15 минут. Из них 8 делегатов высказались за сохранение лозунга «Вся власть Советам!», один (Бухарин) занял промежуточную позицию¹⁹, и шесть поддержали Сталина. Наиболее определенно и убедительно в поддержку сталинской позиции высказался Сокольников. Как и Сталин, он указал на усиление контрреволюции после июльских дней и заявил: «Раньше мы стояли за переход всей власти в руки Советов... Теперь этой перспективы нет. До сих пор Советы были органами восстания, и мы могли их выдвигать как органы власти. Они перестали быть органами восстания с той минуты, когда была выдвинута артиллерия против рабочего класса».

Излагая свою точку зрения, Сокольников, по-видимому, не исключал возможность вдохнуть в Советы новую жизнь и прежде всего вновь превратить их в органы восстания. В этом смысле его оценка сложившейся ситуации отличалась от ленинской. Вместе с тем Сокольников разделял мнение Ленина о том, что на повестке дня революции стояло всенародное восстание. «Надо объяснить (массам), — заявил он, — что дело не в Советах, а в спланировании масс для восстания». Это высказывание аудитория встретила аплодисментами. Сокольников продолжал: «Надо отрывать крестьянские массы от мелкобуржуазных вождей, объясняя им, что земля перейдет к ним только при поддержке восстания про-

летариата... Для крестьянских низов путь к социальной революции открыт через поддержку пролетарского авангарда»²⁰.

Сокольников поддержал Ивар Смилга, в прошлом, бесспорно, наиболее воинственно настроенный член Центрального Комитета. Без конца цитируя статью «К лозунгам», он заявил: «Ошибается не только т. Володарский, но и старый социал-демократ Ногин. Власть теперь находится в руках военной клики... Для того чтобы власть могла перейти в руки тех классов, которые могут служить развитию революции, необходимо свергнуть существующую власть». Подчеркнув, что Советы «совершили самоубийство», отказавшись от власти, когда могли ее взять, Смилга заявил, что условия для нового революционного взрыва развиваются быстрыми темпами и что, когда этот взрыв произойдет, большевики будут обязаны захватить инициативу. «Никто не имеет права, — утверждал он, — лишать нас инициативы, если судьба еще раз даст нам случай встать во главе движения». Затем Смилга добавил: «А я напомним... слова Дантона, говорившего, что в революции нужна смелость, смелость и еще раз смелость»²¹. Одним из последних в дискуссии на VI съезде по политическому положению выступил Андрей Бубнов, вновь избранный от Москвы член Центрального Комитета. Возражая Ногину, который ранее пытался приуменьшить значение разногласий в вопросе определения текущего момента, он утверждал, что эти разногласия довольно серьезны и отражают кардинальные различия во взглядах на развитие революции, имевшие место еще на Апрельской конференции. Затем, перейдя к защите доводов левых, Бубнов заявил: «Советы не имеют теперь никакой власти. Они гниют, на этот счет не должно быть никаких иллюзий... И если раньше мы говорили о «переходе» власти, то теперь этот термин устарел, надо накапливать силы для решительного боя, для «захвата» власти. Лозунг о переходе власти к Советам надо выбросить»²².

Днем 31 июля, после завершения дискуссии о политическом положении, Джапаридзе внес предложение: резолюцию Сталина на голосование не ставить, а создать комиссию для выработки новой редакции. В его предложении указывалось, что комиссии в своей работе следует руководствоваться как тезисами Сталина, так и резолюцией о текущем моменте, принятой несколькими днями ранее московскими большевиками и включившей мнения умеренных²³. Делегаты съезда, согласившись отложить голосование и создать комиссию для дальнейшего изучения проблемы, поставили условием, чтобы в основу вырабатываемого комиссией документа легла сталинская резолюция²⁴.

Затем в редакционную комиссию избрали Сталина, Сокольника, Бубнова, Милютину и Ногина, а также двух представителей Московского областного бюро — Бухарина и Георгия Ломова. Эти семь делегатов провели вместе долгие часы, пытаясь сблизить различные оценки сложившейся ситуации, возможно время от времени получая советы от Ленина из Разлива. Сфор-

мулированная ими резолюция, единодушно принятая съездом (при четырех воздержавшихся) 3 августа, представляла собой компромисс между двумя противоборствующими сторонами²⁵. Если не считать устранения отдельных особенно враждебных выпадов против меньшевиков и эсеров, то первая половина этой резолюции, определявшая ход революции вперед до конца июльских дней, почти дословно повторила текст проекта резолюции Сталина. В ней точно так же утверждалось, что передача власти Советам мирным путем стала невозможной, а вместо лозунга «Вся власть Советам!» выдвигался лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии».

Вместе с тем в резолюцию включили и совершенно новый раздел, целиком заимствованный из документа московских большевиков. В нем указывалось, что партии следовало взять на себя роль «передового борца против контрреволюции», защищать массовые организации и особенно Советы от контрреволюционных покушений. В этих органах партии надлежало работать с величайшей энергией, укреплять позиции «интернационалистов», сплачивая вокруг себя все элементы, перешедшие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией. Таким образом, в обозримом будущем главным фокусом партийной деятельности по-прежнему являлись Советы, а вопрос о возможности совместной работы с большинством социалистов в деле защиты революции оставили из практических соображений открытым. Кроме того, в резолюции совершенно отсутствовали какие бы то ни было ссылки на «новую революцию», а также высказывания относительно возможности захвата власти большевиками до получения ими поддержки большинства населения страны. В заключительных абзацах лишь говорилось, что пролетариату следовало не поддаваться на провокации и всю энергию направить на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих против буржуазии. В этих условиях задача этих классов будет состоять в том, чтобы взять власть в свои руки²⁶.

Так каково же значение программных решений VI съезда? Прежний лозунг «Вся власть Советам!» был снят. Он отсутствует во всех августовских официальных документах партии большевиков. Помимо этого, однако, решения съезда, по-видимому, не имели большого практического значения. Партия по-прежнему сохраняла взятый в апреле курс на социалистическую революцию. На съезде этот курс получил твердую поддержку. Однако все еще неясными оставались решающие вопросы «как?» и «когда?». Не были улажены и внутривнутрипартийные программные разногласия. Докладывая собранию Московского областного бюро о работе VI съезда, Бубнов заявил: «На съезде, как и на Апрельской конференции, опять наметились две точки зрения, два течения, которые... не были выявлены достаточно определенно и остались в скрытом виде»²⁷. Более того, многие массовые орга-

низации Петрограда, невзирая на решения партии, продолжали рассматривать создание революционного правительства Советов в качестве пути решения своих наиболее насущных проблем²⁸. В конце августа во время корниловского мятежа представление о чисто социалистической власти почти повсеместно разделяли рабочие и солдаты Петрограда, и большевики были вынуждены официально возродить свой прежний боевой клич «Вся власть Советам!».

В то время, как после июльского восстания, за несколько недель испарилось существовавшее ранее у части петроградских рабочих и солдат чувство горечи и враждебности к большевикам, в начале августа появились многочисленные бесспорные признаки того, что сохранившая в целости свой аппарат партия большевиков вступила в новый период подъема.

Это воскрешение заявило о себе частыми и громкими жалобами меньшевистских и эсеровских лидеров на мсстах на многочисленные случаи перехода своих членов к большевикам²⁹. Оно также отразилось в увеличении поданных за большевиков голосов на местных выборах в Кронштадте³⁰ и во время частичных выборов в Петроградский Совет. Заводские рабочие и солдаты гарнизона при желании имели право отзывать своих представителей в Совете и в течение первой половины августа сторонники большевиков нескольких промышленных предприятий Петрограда воспользовались растущим недовольством политикой центральных органов Советов для того, чтобы заменить большевиками тех депутатов, которые защищали программу умеренных социалистов³¹.

В Петроградском Совете большевики до начала сентября не располагали большинством. Однако признаки того, что меньшевики и эсеры оказались в затруднении, обнаружились уже 7 августа на первом после июльских событий заседании рабочей секции. Согласно подготовленной руководством Совета повестке дня, рабочей секции предстояло обсудить некоторые организационные проблемы и подготовиться к конференции, посвященной обороне страны, которую намечалось открыть в столице на следующий день. Но вместо этого большевистские представители в секции, поддержанные левыми эсерами, потребовали, чтобы собрание без промедления рассмотрело вопрос о судьбе арестованных «интернационалистов» и решение правительства о введении на фронте смертной казни. При голосовании по данному предложению большинство поддержало большевиков. Потом депутаты выслушали страстное выступление неутомимого Володарского, говорившего от имени заключенных в тюрьму левых элементов, а также Дана и Гоца, защищавших власти, и со значительным перевесом проголосовали за резолюцию большевиков, в которой указывалось, что аресты и преследования товарищей из крайне левого крыла есть «удар по всему революционному делу и служит только на руку контрреволюции». Резолю-

ция, помимо прочего, потребовала: немедленного освобождения всех арестованных после июльских событий, которым все еще не предъявили никакого формального обвинения; гласного и скорого суда над всеми арестованными, которым уже предъявлены обвинения, и наказания всех лиц, виновных «в незаконном лишении свободы граждан»³². Депутаты даже образовали специальную комиссию, поручив ей направить послание с выражением сочувствия и поддержки лично «Троцкому, Луначарскому, Коллонтай и другим арестованным». Кроме того, они приняли резолюцию Мартова, осуждавшую введение смертной казни, поскольку эта мера преследует откровенно контрреволюционные цели. Резолюция резко критиковала Центральный Исполнительный Комитет за то, что он не воспротивился введению смертной казни, и потребовала от Временного правительства ее отмены³³.

Проведенные 20 августа общегородские выборы в новую Петроградскую городскую думу предоставили еще более веские доказательства стремительного возрождения большевиков. Придавая существенное значение этим выборам, большевики уделили им определенное внимание еще до июльских событий. Поражение в июле лишь укрепило их решимость добиться хороших результатов. Газета «Рабочий и солдат» 9 августа в редакционной статье писала: «После событий 3—5 июля это будет первым крупным проявлением классовой борьбы в совершенно изменившейся обстановке... Если они пройдут под флагом победы кадетов — революции будет нанесен страшный удар... В случае победы оборонцев-эсеров и меньшевиков — мы будем иметь прежнее жалкое положение... Победа нашей партии будет первой победой революции над контрреволюцией».

С 12 по 15 августа внимание всех политических групп Петрограда было приковано к Государственному совещанию в Москве³⁴. Однако в последние несколько дней до начала выборов в Думу борьба за голоса избирателей вновь усилилась. Такие видные кадеты, как Милюков, Шингарев, Набоков, Туркова, провели активную политическую агитацию. Ссылаясь на прошедшие в мае и неблагоприятные для кадетов выборы в районные думы, Милюков заявил, что жители Петрограда теперь получили возможность вновь сдать экзамен, который они провалили ранее, когда доверили руководство местными думами партиям, живущим фантазиями³⁵.

Большевики для своей кампании разработали честолобивые программы, и по мере приближения судебного дня руководители партии с беспокойством еще и еще раз оценивали все, что осталось невыполненным³⁶. Тем не менее партийные функционеры сумели организовать внушительное число политических митингов и собраний и засыпать рабочие районы столицы предвыборными листовками. В самый разгар кампании усилия партии получили дополнительный импульс — вышли газеты «Солдат» и «Пролетарий». Кроме того, ухудшавшееся экономическое поло-

жение, непопулярная политика правительства и большинства социалистов, безусловно, работали на большевиков, которые в полной мере использовали сложившуюся ситуацию. «Каждый рабочий и солдат должен ясно дать себе отчет: хочет ли он, чтобы по-прежнему рабочие утопали в грязи и зловонии рабочих кварталов, без школ, без света, без сносных путей передвижения, — писала накануне выборов в редакционной статье газета «Солдат», — и тогда он пускай голосует за наших противников; или, если он хочет оздоровить рабочие предместья, эти очаги заразы, вымостить их, осветить их, покрыть школами и садами, пусть голосует за большевиков». В тот же день газета «Пролетарий» заявила: «Только она (наша партия) добивается коренных радикальных перемен и в системе ведения (муниципального) хозяйства. Только наша партия добивается полного переложения налогового бремени с плеч неимущей бедноты на плечи богатых классов»³⁷.

Прежде всего партия старалась нажить капитал на широко распространенных страхах перед угрозой контрреволюции, отождествляя всех соперников большевиков с выпадами ультраправых. Как писала 19 августа в редакционной статье газета «Солдат», на выборах солдатам и рабочим предстоит решить, кого они хотят видеть во главе города — «тех ли, кто вместе с капиталистами и помещиками издает против рабочих каторжные законы, вводит смертную казнь, кричит о больших заработках рабочих, назначает массовые расчеты, держит наших товарищей в тюрьме, доводит их до голодовки и смерти». Та же самая мысль подчеркивалась в обширном воззвании к избирателям, написанном Сталиным и напечатанном на первой странице газеты «Пролетарий» в день выборов. В нем, в частности, говорилось: «Перед вами... партия народной свободы (кадетов). Эта партия защищает интересы помещиков и капиталистов... Это она, партия кадетов, требовала еще в начале июня немедленного наступления на фронте... добивалась торжества контрреволюции... Голосовать за партию Милюкова — это значит предать себя, своих жен и детей, своих братьев в тылу и на фронте... (Меньшевики и эсеры) защищают интересы обеспеченных хозяйчиков города и деревни... Голосовать за эти партии — это значит голосовать за союз с контрреволюцией против рабочих и беднейших крестьян... Это значит голосовать за утверждение арестов в тылу и смертной казни на фронте»³⁸.

Поскольку главная цель кампании состояла в том, чтобы заручиться самой широкой поддержкой населения, большевистские предвыборные издания того времени не заостряли внимания на отдельных разногласиях в партийной теоретической и тактической программе. Даже термин «большевик», как видно, употреблялся не так уж часто, вероятно, из опасения, что с большевиков не было снято обвинение в принадлежности к германской агентуре. Всякий голос, отданный за «список №6», то есть за список «социал-демократических интернационалистов»,

именовался просто «ударом революции по контрреволюции». Газета «Пролетарий» писала 15, 18 и 19 августа: «Всякий рабочий, всякий крестьянин и всякий солдат должны подать свой голос только за этот список, ибо только наша партия одна решительно и смело борется против бушующей буржуазно-дворянской контрреволюционной диктатуры, против введения смертной казни, против разгрома рабочих и солдатских организаций, против ликвидации свобод, добытых потом и кровью народной. Только за список нашей партии должны вы голосовать, ибо только она решительно и смело борется вместе с крестьянами против помещиков, с рабочими против фабрикантов и заводчиков, со всеми угнетенными против всех угнетателей».

После выборов в Городскую думу потребовалось несколько дней для окончательного подсчета голосов. Результаты показали, что большевики, продемонстрировавшие неожиданную силу во всех городских кварталах, получили 183 624 голоса, обеспечивших им 67 мест в новой думе, и уступили только эсерам (205 659 голосов и 75 мест). В сравнении с выборами в районные думы в конце мая большевики получили на 14 процентов больше голосов. В то время как за кадетов голосовало 114 483 избирателя (42 места), меньшевики остались далеко позади, собрав всего 23 552 голоса (8 мест)³⁹.

Как оценивались результаты голосования? Некоторые из наблюдателей того времени были склонны вовсе игнорировать успех большевиков. Так, весьма искусно манипулируя цифрами, автор одной из статей в кадетской газете «Речь» доказывал, что результаты выборов свидетельствуют о растущей поддержке позиций кадетов среди «коренного населения Петрограда»⁴⁰. Примечательно, что более объективную оценку результатов выборов дал политический комментатор газеты «Новая жизнь». Он прямо заявил, что выборы явились «самой яркой и неоспоримой победой» большевиков. Успех партии, по его словам, отразил радикальные настроения рабочих и части солдатских масс, их неприятие политики большинства в Совете и нового курса правительства. Успеху большевизма «несомненно, содействовала та беспардонная травля лидеров движения (большевиков), которая всегда начиналась с такой помпой и постоянно лопалась, как мыльный пузырь. Репрессии против крайнего левого фланга революции только увеличивали его популярность и влияние. Большевистская пресса была закрыта, устная агитация стеснена, но вынужденное молчание оказалось самой красноречивой пропагандой»⁴¹.

Как и «Речь», меньшевистская «Рабочая газета» поначалу проявила склонность приуменьшить значение впечатляющих результатов голосования за большевиков. В первом отчете газеты о выборах исподволь проводилась мысль о том, что за большевиков голосовало значительное число правых элементов, желавших таким путем усилить представление о большевистской опасности и тем самым оправдать собственную политическую

программу⁴². Однако уже на следующий день та же самая газета пересмотрела свою оценку выборов и пришла к выводу, аналогичному тому, который сделала «Новая жизнь». «Рабочая газета», в частности, писала: «Успех большевиков надо считать огромным, превышающим все их собственные ожидания. И этому их успеху мы обязаны как слабостью творческой работы самой демократии, не дающей массам осязательных результатов, так и системе репрессий, хаотических, поспешных, подчас нелепых и бессмысленных, которые... придав им ореол мученичества, уничтожили то впечатление, которое осталось в рабочих и солдатских массах от безумной и преступной авантюры 3—5 июля»⁴³.

Возвышение Корнилова

Для русских либералов и консерваторов, которые после июльского восстания преждевременно праздновали тризну по большевизму и радовались возврату к сильному правительству и твердому порядку, развитие событий во второй половине июля и в первые недели августа оказалось неприятным сюрпризом. В это тревожное время все петроградские газеты изобиловали сигналами углублявшегося в России политического и социального кризиса. Каждый день приносил новые сообщения об усиливающейся анархии и росте насилия среди жаждущих земли крестьян, об увеличении беспорядков в городах и растущей воинственности заводских рабочих, о неспособности правительства противостоять движению финнов и украинцев за полную автономию, о продолжавшейся радикализации солдат на фронте и в тылу, о катастрофическом положении с производством и распределением продовольствия и товаров первой необходимости, о стремительно взмывавших вверх ценах и усилении влияния большевиков, которые, по-видимому, являлись единственной главной политической организацией, извлекавшей выгоду из существовавших трудностей, и которые после VI съезда, по-видимому, с нетерпением ждали первого подходящего момента для организации вооруженного восстания.

В середине августа на ряде военных заводов по неизвестным причинам произошла серия пожаров и взрывов¹. Положение с продовольствием в Петрограде, уже вызывавшее тревогу, вдруг стало просто отчаянным², в основном из-за продолжавшегося хаоса на железных дорогах и речном транспорте. 21 августа пришло, пожалуй, самое тяжелое известие — немцы оккупировали Ригу, важный морской порт на Балтийском море. И вот уже толпы перепуганных граждан (по крайней мере те из них, которые располагали средствами), опасавшихся дальнейших внутренних беспорядков и вражеского нападения на столицу, спешно готовились покинуть Петроград. Внезапное увеличение количества сдающихся внаем домов и квартир явилось красноречивым свидетельством царившей паники.

Никого так не огорчали эти зловещие признаки продолжавшегося политического, социального и экономического спада,

как Керенского. И тем не менее, страшась, что одни лишь репрессии, не подкрепленные реформами, вызовут в Совете только раздражение, вновь выведут петроградские массы на улицы, и будучи не в состоянии сплотить свой кабинет на основе какой-либо программы преобразований, он не мог существенно влиять на ход событий. В то же время, видя, что государственное управление оказалось парализованным, все больше промышленников, деловых людей, представителей дворянства и офицеров (словом, широкий спектр не только консервативного, но и либерального общественного мнения), а также представителей союзников в России приходили к заключению, что правительство второй коалиции не жизнеспособнее первой. Эти группы населения единственную надежду на восстановление порядка на фронте и прекращение хаоса в тылу связывали с союзом антисоциалистических либеральных и консервативных сил и с установлением сильной диктатуры, готовой взять на себя задачу по устранению противоборствующих центров политической власти (прежде всего Совета), обузданию революции и мобилизации населения России на защиту отечества.

В августе 1917 года подобные взгляды разделяло большинство кадетов и такие влиятельные центристские политические группировки, как Всероссийский союз торговли и промышленности и Союз земельных собственников, действовавшие в Москве³. Как уже отмечалось, хотя меньшинство кадетского руководства на события конца июля и августа ответило призывами к дальнейшей поддержке коалиционного правительства и к тесному сотрудничеству с умеренными социалистами в деле удовлетворения требований масс относительно реформ, основные силы партии во главе с Милюковым решительно сдвинулись вправо⁴. В то же время кадеты старались в общем и целом уклоняться от прямого участия в подготовке к перевороту (такую же позицию, по всем признакам, занимали Всероссийский союз торговли и промышленности и Союз земельных собственников). Полагая, что любые действия, направленные на установление диктатуры, но не одобренные правительством и Советом, обречены на неудачу, они пока ограничивались тем, что оказывали давление как внутри правительства, так и вне его с целью побудить к самым решительным мерам для восстановления правопорядка и боеспособности вооруженных сил⁵.

Другие крупные центристские и правые политические группировки, недовольные в то время Керенским, не испытывали подобных колебаний относительно путей установления диктатуры. Как и следовало ожидать, среди этих воинственно настроенных кругов особенно выделялись различные офицерские организации. Ожесточившиеся элементы офицерского корпуса начали рассматривать возможность введения военной диктатуры еще в апреле 1917 года. Со временем их число быстро росло, и представители множества военных организаций начали как пчелы в улей слетаться в армейскую Ставку в Могилеве, где

разрабатывались детальные планы, имсющие целью ликвидировать те перемены, которые принесла с собой Февральская революция. В июле и августе наиболее влиятельными из этих воинствующих офицерских группировок были: Союз офицеров армии и флота с главной штаб-квартирой в Могилеве, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров со штаб-квартирами в Петрограде⁶.

Из функционировавших летом 1917 года гражданских организаций аналогичной ориентации, вероятно, наиболее заметными были: Общество экономического возрождения России и Республиканский центр. Созданное в апреле 1917 года и возглавлявшееся Александром Гучковым и Алексеем Путиловым Общество экономического возрождения объединило влиятельных лиц из сферы торговли, промышленности и страхования, которые финансировали антибольшевистскую пропаганду и затем оказывали поддержку своим кандидатам на выборах в Учредительное собрание⁷. Однако по мере углубления политического кризиса в России Общество стало теснее сотрудничать с высшим военным командованием и содействовать приготовлениям к установлению военной диктатуры. Похожую эволюцию пережил и Республиканский центр. Основанный в мае под эгидой мощного Сибирского банка консервативными представителями деловых и военных кругов для содействия пропагандистской кампании, призванной «затормозить начавшееся стихийное (революционное) движение»⁸, Республиканский центр вскоре организовал активный военный отдел во главе с полковником Л.П.Дюсиметьером, включавший представителей всех наиболее крупных, действовавших в то время офицерских групп. Отдел сконцентрировал внимание почти исключительно на вопросах технической подготовки к захвату власти.

Следует также отметить, что весной и летом 1917 года военные и гражданские организации правых рассматривали несколько известных военных деятелей, в том числе генералов Алексеева, Брусилова и адмирала Колчака, в качестве кандидатов на пост диктатора. К концу июля, однако, явным фаворитом стал генерал Лавр Корнилов, вновь назначенный начальник Генерального штаба русской армии. Небольшого роста, худощавый, кривоногий, прямолинейного и жесткого характера, Корнилов выделялся клинообразной бородкой и пышными, элегантными усами, а также раскосыми глазами и скулами своих монгольских предков. Родившийся в 1870 году в семье казачьего офицера и выросший в сибирской глуши, Корнилов не получил полного военного образования и начал свою служебную карьеру в качестве исследователя китайского Туркестана и восточных провинций Персии. Во время русско-японской войны он участвовал в боевых действиях в Маньчжурии, а с 1907 по 1911 год служил военным атташе в русском посольстве в Пекине. В самом начале первой мировой войны Корнилов быстро продвинулся в чинах и сразу получил под командование пехотную дивизию. Весной 1915 года большую часть

его дивизии уничтожили австрийские войска, а сам Корнилов, проблуждавав лесу, попал в плен и около года провел в венгерском лагере военнопленных¹⁰.

Об умонастроениях Корнилова в период его заточения писал генерал Е.И. Мартынов, который в плену жил в одном помещении с Корниловым и под началом которого Корнилов служил еще в Маньчжурии. По словам Мартынова, в месяцы растущего всеобщего возмущения царским режимом в России Корнилов, снедаемый неудовлетворенным честолюбием, заполнял часы вынужденного досуга чтением книг о Наполеоне, которое еще сильнее растравляло его самолюбие. Мартынов утверждал, что в то время Корнилов симпатизировал черносотенцам. Читая в австрийской прессе о борьбе царского правительства с прогрессивным блоком Государственной думы, Корнилов неоднократно говорил, что с удовольствием перевешал бы «всех этих Гучковых и Милюковых»¹¹.

В июле 1916 года Корнилов, переодевшись в форму австрийского солдата, бежал из плена и вернулся в Россию. Главным образом благодаря шумной рекламе в прессе, в тот безрадостный период жаждавшей любого, даже самого мизерного, успеха, Корнилов внезапно превратился в национального героя. Побег из плена способствовал созданию вокруг него ореола мужества и отваги, который окружал Корнилова и к моменту свершения Февральской революции. В остальном его военные достижения были весьма скромными — обстоятельство, однажды побудившее генерала Брусилова резко заявить: «Это начальник лихого партизанского отряда — и больше ничего»¹².

После февральских событий Корнилов быстро, хотя лишь внешне, приспособился к изменившейся политической обстановке. Назначенный главнокомандующим Петроградским военным округом по настоянию лидеров Думы, искавших популярную и авторитетную личность, способную помочь восстановить порядок и спокойствие¹³, Корнилов, прибыв в столицу 5 марта, заявил журналистам, что революция «является верным залогом нашей победы над врагом»¹⁴. Вскоре после официального визита в Исполнительный Комитет Петроградского Совета Корнилов отправился в Царское Село, чтобы арестовать императрицу Александру. Вместе с тем, несмотря на внешнее проявление революционного рвения, Корнилов оставался офицером старой выучки. Политические вопросы интересовали его лишь постольку, поскольку они касались главной задачи — воссоздания армии. Мартынов назвал Корнилова «в области политики... совершенным профаном», а хорошо знавший Корнилова генерал Алексеев сказал, что у него «львиное сердце, а голова овечья»¹⁵.

Корнилов плохо разбирался в противоречиях различных политических групп и классов российского общества. Он, например, почти не видел различия между умеренным социалистическим руководством Петроградского Совета, который, хотя и

стремился к заключению мира на основе компромисса, тем не менее твердо поддерживал оборонительные усилия России, и большевиками, в целом выступавшими против войны и усилий по обороне. Разве не Советы несли ответственность за развал традиционной военной дисциплины в вооруженных силах и являлись инициаторами появления всех этих надоедливых комитетов и политических комиссаров? В разгар апрельских волнений потерявший терпение Корнилов вызвал артиллерию, намереваясь использовать ее против демонстраций рабочих и солдат, однако этот приказ был немедленно отменен Петроградским Советом¹⁶. В ответ Корнилов подал в отставку и выехал на Юго-Западный фронт, полный вражды к Советам, чувства неприязни и горечи к Временному правительству за его, как он считал, мягкотелость по отношению к «внутренним врагам» России.

Не удивительно, что с этого момента руководство Советов стало относиться к Корнилову с подозрением, а для рабочих и солдат Петрограда его имя стало почти синонимом насилия и контрреволюции. В то же время жесткий подход Корнилова к гражданским беспорядкам привлек внимание консерваторов, которые начали рассматривать его в качестве сильной личности, способной возглавить авторитарное правительство. В действительности члены находившейся в зачаточном состоянии петроградской организации правых, созданной в середине марта В.С.Завойко и Е.П.Семеновым, обратили внимание на Корнилова как на потенциального диктатора уже в апреле¹⁷. Тогда же один из членов кружка Завойко — Семенова беседовал с Корниловым, который согласился с ними сотрудничать. Для поддержания связи после неожиданного отъезда генерала на фронт Завойко добровольно записался в армию и стал ординарцем Корнилова¹⁸.

Завойко, эта темная личность, впоследствии всеми признанный политическим интриганом самого худшего толка, быстро приобрел на Корнилова огромное влияние¹⁹. Позже генерал уверял, что обязанности Завойко были, в основном, литературного свойства. По словам Корнилова, он «отлично владеет пером. Поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный художественный стиль»²⁰. Не вызывает сомнения, однако, что функции Завойко выходили далеко за литературные рамки. Более точно их взаимоотношения определил Мартынов, который писал: «Со столь легким политическим багажом Корнилов, очевидно, нуждался в чем-либо руководстве. Таким руководителем при нем, своего рода ментором по всем государственным делам сделался некий Завойко»²¹. С момента назначения в штаб Корнилова Завойко раздувал огонь недоверия к правительству в Петрограде, подогревал честолюбивые устремления своего шефа, неумоимо работал над расширением популярности Корнилова как потенциального национального вождя и со временем оказался в центре всех политических интриг, которые постоянно плелись вокруг генерала.

Начало июльского наступления застало Корнилова на посту главнокомандующего 8-й армией Юго-Западного фронта. Усилив австрийские войска, немцы предприняли мощное контрнаступление и крепко потрепали 8-ю армию. Однако в течение первого короткого периода (с 23 по 29 июня) части 8-й армии имели некоторый успех. Они захватили древний галицийский город Галич, продвинулись в направлении Калуша и в итоге взяли в плен около 12 тыс. вражеских солдат и 200 артиллерийских орудий (пресса с гордостью назвала все это «корниловскими трофеями»). Это произошло в то время, когда русское наступление на других направлениях было отбито, и поэтому ура-патриотическая пресса Петрограда отреагировала на этот кратковременный успех с особым ликованием. Больше всего похвал пришлось на долю лично Корнилова. Позднее во многом благодаря талантам Завойко в качестве рекламного агента Корнилов привлек внимание готовностью «обменять пространство на человеческие жизни» и — с целью восстановления дисциплины — стрелять по отступающим без приказа солдатам. Одновременно вину за поражения русских возложили на верховного главнокомандующего генерала Брусилова и, конечно же, на большевиков.

Подобная реклама увеличила популярность Корнилова среди правых. В результате на этого генерала обратил внимание Максимилиан Филоненко, правый эсер и правительственный комиссар при 8-й армии, а также Борис Савинков, комиссар Юго-Западного фронта и довольно известная историческая личность. Будучи революционным экстремистом, он под влиянием мировой войны превратился в яростного шовиниста. Великолепный политический конспиратор Савинков в 1903 — 1905 годах являлся одной из наиболее ярких фигур знаменитой террористической Боевой организации эсеров. Он принимал активное участие в сенсационных убийствах многочисленных царских сановников, в том числе Вячеслава Плеве, ненавистного министра внутренних дел в период царствования Николая II, и великого князя Сергея. После 1905 года Савинков длительное время находился за границей, где написал несколько популярных романов, однажды зло названных Войтинским «смесью из приемов бульварных журналов, революционных анекдотов и дешевой имитации Достоевского, обильно одобренных импортированной из Франции эротикой»²². В первые месяцы войны Савинков вступил в ряды французской армии, а в апреле 1917 года вернулся в Россию и предложил свои услуги Временному правительству. В начале лета Савинкова, который был близок с тогдашним военным министром Керенским, назначили представителем правительства на Юго-Западном фронте.

В качестве комиссара фронта Савинков наблюдал воочию фактическое разложение русских боевых частей. 9 июля в глубоком отчаянии он телеграфировал Керенскому о начавшихся ужасах²³. Подход Савинкова к проблемам армии, конечно же,

отличался от подхода тех, кто отвергал любые перемены в вооруженных силах, вызванные революцией. Он подчеркивал важную роль гражданских комиссаров в контроле за поведением офицеров и налаживании отношений между ними и радикально настроенными солдатскими массами²⁴. С несколько меньшей энергией он защищал роль демократических комитетов, хотя их компетенция была строго ограничена и четко определена. Вместе с тем Савинков являлся сторонником суровых мер, направленных на восстановление порядка в тылу и на фронте. Эту точку зрения разделял и Филоненко²⁵. Есть некоторые свидетельства, что в конце июля Савинков прошупывал Милюкова относительно возможности установления военной диктатуры²⁶. И он, и Филоненко стали рассматривать Корнилова как деятеля, способного остановить поток дезертиров с фронта и заставить Керенского согласиться на установление авторитарного государственного строя.

Одной из первых акций Керенского после вступления 8 июля на пост премьер-министра явилось, вероятно, подсказанное Савинковым и Филоненко назначение Корнилова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Здесь давление противника ощущалось сильнее всего, а разложение русских войск было наибольшим. Корнилов не терял времени, чтобы подтвердить свою репутацию человека твердых и решительных действий. В день принятия командования он в составленной Завойко телеграмме Керенскому потребовал санкционировать смертную казнь для дезертиров, причем в таких угрожающих выражениях, что Савинков был вынужден вмешаться и настоять на изменении текста послания²⁷. На следующий день, не дожидаясь ответа Керенского, Корнилов приказал своим командирам применить пулеметы и артиллерию против отступавших без приказа частей²⁸.

Керенский и без предупреждений Корнилова понимал всю серьезность военного положения России и необходимость крутых мер для того, чтобы остановить толпы русских солдат, стремительно и в беспорядке покидающих окопы. Еще до получения телеграммы Корнилова Керенский 9 июля издал приказ всем командирам открывать огонь по воинским частям, отступающим без официального распоряжения. Через три дня по рекомендации Керенского Временное правительство в целях поддержания дисциплины на фронте официально ввело смертную казнь. Между тем свидетельства усилий Корнилова по оказанию давления на правительство, наверное, стараниями изобретательного Завойко просочились в печать. Репортажи в националистических газетах Петрограда внушали читателям, что Корнилов все время требовал от правительства санкций на осуществление суровых мер с целью восстановления дисциплины в армии (что было правдой), а Керенский с неохотой уступал этому нажиму (что не соответствовало действительности). В итоге акции Корнилова у правых резко повысились, а правительства — соответственно упали. А вот в массах образ

Корнилова как главного символа контрреволюции укрепился еще больше.

16 июля Керенский (в сопровождении министра иностранных дел Терещенко, а также Савинкова и Филоненко) встретился в Ставке в Могилеве с представителями русского высшего военного командования. Это чрезвычайное совещание было созвано по распоряжению Керенского для того, чтобы совместно оценить военную ситуацию на всех фронтах в связи с успешным контрнаступлением противника и рассмотреть возможности прекращения развала армии. Ввиду чрезвычайно шаткого положения на Юго-Западном фронте Корнилову разрешили остаться на месте и свой доклад совещанию передать по телеграфу; почти все остальные высшие русские генералы присутствовали. В их числе: верховный главнокомандующий генерал Брусилов, главнокомандующий Западным фронтом генерал Деникин, с Северного фронта — генерал Клембовский, а также генералы Рузский и Алексеев, временно не имевшие постов²⁹. Как и ожидалось, все эти генералы открыто высказали свою горечь по поводу тех перемен, которые революция внесла в армию. Один за другим они резко упрекали Совет, Временное правительство и лично Керенского за то, что они способствовали гибели армии. Главными объектами генеральского гнева являлись некомпетентные комиссары и постоянно растущее число всевозможных жаждущих власти комитетов, которые, по их мнению, подрывали авторитет офицеров и непрерывно вмешивались в военные операции. Один главнокомандующий фронтом заявил, что в армии не может быть двоевластия. Армия должна иметь единого начальника и единую власть. Генерал Брусилов четко сформулировал то особое значение, которое присутствующие генералы, видно, придавали возрождению армии. Он, в частности, сказал: «Затруднения, испытанные Временным правительством в Петрограде, все бедствия России имеют одну причину — отсутствие у нас армии»³⁰.

В словах генералов сквозило не высказанное прямо убеждение, что беспорядки в армии являются главным образом следствием практиковавшейся правительством вседозволенности и что, следовательно, только введение строгой дисциплины среди рядового состава вместе с соответствующими законодательствами и административными санкциями восстановят боеспособность армии. Генералы дали ясно понять, что если Керенский не пожелает действовать решительно и без промедления в данном направлении, то они будут вынуждены взять это дело в собственные руки. Самую длинную и взволнованную речь произнес генерал Деникин, энергичный, молодой, отмеченный многими наградами герой начального этапа войны, который вслед за обвинениями в адрес Керенского и жалобами на положение, сложившееся в армии после Февральской революции, выдвинул целый ряд категорических, одобренных большинством его коллег требований, которые правительству надлежало тотчас же про-

вести в жизнь. Деникин настаивал на предоставлении генералам полной свободы действий во всех военных вопросах. Он потребовал немедленной ликвидации института комиссаров и демократических комитетов, отмены Декларации прав военнослужащих³¹, восстановления прежнего полновластия офицеров, введения высшей меры наказания, использования особых военных судов для укрепления дисциплины в тыловых частях и полного запрета на политическую деятельность в армии — словом, не только возврата к прежним порядкам в подразделениях на фронте, но и распространения репрессий на армейские части, дислоцированные по всей территории России. Помимо этого, Деникин потребовал создания специальных карательных отрядов для утверждения, в необходимых случаях, власти командиров силой.

Один из присутствовавших 16 июля на совещании в Ставке рассказывал, что Керенский слушал обвинения Деникина в безмолвном потрясении, обхватив руками склоненную над столом голову, а Терещенко был взволнован до слез этими тягостными сообщениями³². Впоследствии генерал Алексеев в дневнике записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня»³³. По сравнению с докладом надменного Деникина отчет Корнилова совещанию был сравнительно мягким, вне всякого сомнения потому, что в то время Завойко отсутствовал и доклад готовился не без влияния Савинкова и Филоненко³⁴. О том, что Корнилов в основном думал так же, как и Деникин, свидетельствовала телеграмма, посланная Корниловым Деникину сразу же после получения текста выступления последнего. В телеграмме, в частности, указывалось: «Под таким докладом я подписываюсь обеими руками...»³⁵

Хотя телеграфный отчет Корнилова и подтверждал необходимость восстановления прежнего положения и дисциплинарной власти офицеров, строгого запрета на политическую деятельность в вооруженных силах, введения смертной казни и особых судов в тылу, в нем в то же время давалось понять, что определенную ответственность за нарушения дисциплины и порядка несут и командиры. Корнилов даже потребовал чистки офицерского корпуса. В противоположность безоговорочному осуждению остальными генералами комиссаров и комитетов Корнилов обошел молчанием проблему вмешательства гражданских лиц в военные дела. Более того, он фактически предложил усилить роль комиссаров (несомненный признак влияния Савинкова). И наконец, настаивая на четком определении и значительном сужении сферы компетенций демократических комитетов, Корнилов, в отличие от своих коллег-командующих, не требовал их немедленной ликвидации³⁶.

Возвращаясь поездом в Петроград после совещания в Ставке 16 июля, Керенский, поддавшись на уговоры Савинкова и Филоненко, по-видимому, еще в пути решил сместить Брусилова и выдвинуть на пост верховного главнокомандующего Корнилова.

Через два дня объявили об этой замене. Одновременно Керенский назначил главнокомандующим Юго-Западным фронтом (вместо Корнилова) генерала Владимира Черемисова. Как много позже вспоминал Савинков, сместить Брусилова рекомендовали он и Филоненко ввиду неспособности генерала справиться с кризисом в армии и предложили взамен Корнилова, проявившего твердость и хладнокровие в период пребывания (всего одна неделя!) в должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом³⁷. Возможно, это соответствует действительности. В то время Савинков и Филоненко активно искали руководителя, готового решительно, без колебаний применить силу против вышедших из-под повиновения воинских частей. Труднее понять, почему Керенский, имевший свои собственные честолюбивые планы, согласился с их рекомендацией. Как раз в этот момент новый премьер-министр прилагал отчаянные усилия, чтобы защититься от нападков со стороны как левых, так и правых экстремистов и сколотить вторую центристскую, либерально-социалистическую коалицию. Пока его шансы на успех были весьма неопределенными, Корнилов же благодаря своей растущей популярности среди либералов и консерваторов превратился в очень влиятельную политическую фигуру и, следовательно, в естественного соперника Керенского.

Впоследствии Керенский утверждал, что выдвижение Корнилова обусловили достоинства последнего как боевого командира³⁸, его благожелательная позиция относительно реформ в армии и особенно взгляд на будущую роль политических комиссаров и демократических комитетов³⁹. Однако данное объяснение звучит неправдоподобно. Успехи Корнилова на полях сражений были более чем скромными, его стремление (несмотря на телеграмму от 16 июля) использовать военную силу для пресечения беспорядков в тылу и на фронте — это документально засвидетельствованный факт. Скорее всего Керенского привлекла закрепившаяся за Корниловым репутация строгого и жесткого человека, а не его мнимая готовность примириться с революционными преобразованиями. По-видимому, Керенский пришел к выводу, что армия нуждается в сильной личности. В этом он был, в сущности, единого с Савинковым и Филоненко мнения. Для нового премьер-министра, изо всех сил работавшего над укреплением своих политических позиций, назначение Корнилова имело еще и то преимущество, что он был чрезвычайно популярен среди раздраженных либералов и рассерженных консерваторов, а также у представителей несоциалистической прессы Петрограда⁴⁰.

Следует также иметь в виду, что возможности выбора на пост нового верховного главнокомандующего были у Керенского довольно ограниченными. Необходимость смещения бездействовавшего Брусилова уже признавалась практически всеми. Вместе с тем, если судить по результатам совещания в Ставке, большинство военачальников русской армии было настроено так же

реакционно и испытывало к Керенскому такую же неприязнь, как и Корнилов. Не исключено, что Керенский рассматривал кандидатуры двух генералов рангом ниже, не приглашенных в Ставку 16 июля. Речь идет о генерале Черемисове, сменившем Корнилова на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом, и о главнокомандующем Московским военным округом, генерале Верховском. Но именно потому, что они отвергали идею восстановления дисциплины в армии с помощью только репрессий и выражали готовность сотрудничать с комитетами и комиссарами и очистить корпус от ультраправых элементов, Черемисов и Верховский находились под подозрением у многих из тех людей, чьей поддержки Керенский добивался. Что же касается опасности самовольных действий со стороны Корнилова, то Савинков (поднявшийся уже до поста заместителя военного министра) и Филоненко (одновременно назначенный комиссаром при Генеральном штабе), безусловно, полагали, что, поскольку им удавалось сдерживать Корнилова в прошлом, они смогут делать это и в будущем. Весьма вероятно, что эту уверенность они внушили и Керенскому.

Однако Керенский тотчас же обнаружил, что контролировать Корнилова, окруженного в Могилеве правыми экстремистами, будет нелегко. На следующий день после назначения (19 июля) Корнилов в телеграмме, составленной Завойко в ультимативных выражениях и сразу же попавшей в печать, обусловил вступление в должность верховного главнокомандующего согласием Керенского выполнить ряд требований, не менее опасных, чем те, о которых говорил в Ставке Деникин. Корнилов утверждал, что как верховный главнокомандующий он должен иметь полную свободу действий, без всяких предписаний сверху, и быть ответственным только «перед собственной совестью и всем народом». Он требовал абсолютной самостоятельности в вопросах оперативных распоряжений и при назначении высшего командного состава. В целях укрепления дисциплины в тылу и на фронте для солдат следовало учредить особые суды и ввести смертную казнь. Затем Корнилов потребовал от правительства принять все остальные рекомендации, изложенные им совещанию в Ставке⁴¹. Кроме того, 20 июля новый верховный главнокомандующий телеграфировал Керенскому, настаивая на отмене решения о назначении Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом⁴².

Есть данные, что после получения этих телеграмм Керенский было вознамерился пересмотреть свое решение о назначении Корнилова верховным главнокомандующим и вовсе отказаться от этой идеи⁴³. Однако теперь он находился в чрезвычайно сложном положении. О назначении Корнилова было уже объявлено, а благодаря стараниям Завойко «условия» генерала стали также известны широкой общественности. Кадеты, все остальные либеральные и консервативные группы, несоциалистическая пресса уже тесно сплотились в поддержку Корнилова. Их позицию

отразила газета «Новое время», которая 20 июня писала: «Трудно, пожалуй, даже невозможно было найти более подходящего полководца и верховного начальника в дни смертельной опасности, переживаемой Россией... Временному правительству пришлось сделать выбор между митингом на фронте, развалом армии, разгромом юга России — и спасением государства. И оно нашло в себе мужество и решимость сделать этот выбор». Разрыв в такой момент с Корниловым, по всей вероятности, положил бы конец проходившим деликатным переговорам относительно формирования нового коалиционного правительства с участием кадетов. Ввиду всего этого между Корниловым и Керенским спешно был выработан своего рода компромисс. Корнилов обещал подчиняться правительству и не настаивать на немедленном осуществлении других своих условий, а правительство в свою очередь обязывалось благожелательно рассмотреть требования генерала и без излишних проволочек принимать по ним решения. Керенский также согласился подобрать для Черемисова другую должность. И хотя данная уступка не казалась в тот момент важной, Керенскому в конечном счете пришлось дорого за нее заплатить⁴⁴.

Позже Корнилов дважды выезжал в Петроград, пытаясь убедить правительство в необходимости провести в жизнь его рекомендации. Первый визит имел место 3 августа. Корнилов привез официальные предложения (еще один пример литературного таланта Завойко), содержавшие большую часть требований относительно введения наказаний в воинских подразделениях на фронте и в тылу и восстановления дисциплинарной власти офицеров, о которых ранее говорили Деникин и Корнилов, а также многое из тех условий, которые Корнилов выдвинул 19 июля. Хотя в предложениях от 3 августа Корнилов уже не настаивал на неограниченных полномочиях для себя, он, однако, пересмотрел свои позиции, касавшиеся будущей роли комиссаров, и требовал теперь не расширения, а строгого ограничения их власти⁴⁵. Ему также рисовалась и более скромная, жестче контролируемая роль демократических комитетов, отличавшаяся от той, которую он предлагал в отчете 16 июля. И все же, как признавал впоследствии Керенский, он, Савинков и Филоненко были готовы в принципе поддержать подобные меры. Однако они нашли официальный документ Корнилова столь грубым по слогу и подстрекательским по содержанию, что все трое пришли к выводу — в таком виде его нельзя представить даже на закрытом заседании кабинета. Поэтому поручили Филоненко переложить его Корниловым правительству 10 августа⁴⁶. 3 августа, перед отъездом из столицы, на встрече с кабинетом Корнилов не касался своих предложений относительно реформ, а ограничился общими оценками сложившегося в армии положения.

Как только из петроградской прессы стало известно о содержании предложений Корнилова⁴⁷, то сразу же разгорелись оже-

сточенные и длительные публичные споры центристов и правых, твердых сторонников Корнилова и его программы, с умеренными и крайне левыми элементами, вновь образовавшими объединенную оппозицию (прежде всего по отношению к введению смертной казни в тылу и ограничению сферы деятельности демократических комитетов). Так, например, 4 августа «Рабочая газета» в полной неприязни редакционной статье на первой полосе обвинила кадетов (и косвенно Корнилова) в том, что они выступают за возврат к старорежимным порядкам, и заявила, что именно практиковавшаяся суровая дисциплина сделала царскую армию надежным инструментом самодержавия. Обращаясь к кадетам, автор редакционной статьи требовал: «Скажете уж прямо, кого вы собираетесь выставить в военные диктаторы, кого вы подготавливаете в Наполеоны?» Тревога, вызванная среди рабочих, солдат и матросов программой Корнилова, заставила вновь вспыхнуть подспудно тлевший протест против восстановления на фронте смертной казни. 7 августа рабочая секция Петроградского Совета приняла составленную в энергичных выражениях резолюцию, требовавшую отмены высшей меры наказания⁴⁸.

По-видимому, как раз в это время находившийся в Петрограде в ожидании назначения генерал Черемисов установил тесную связь с руководством умеренных социалистов. 4 августа «Известия» опубликовали отчеты о пресс-конференциях, проведенных накануне генералом Корниловым после его встречи с кабинетом, а также генералом Черемисовым. Отвечая на вопросы журналистов, Корнилов вновь подчеркнул важность немедленного одобрения правительством широкого круга дисциплинарных мер и резко выступил против будущей роли демократических комитетов. В противоположность этому основной смысл высказываний Черемисова сводился к тому, что одними репрессивными мерами, «даже массовыми расстрелами», дисциплины не восстановить, что сделать это будет невозможно до тех пор, пока солдат не поймет и не согласится с необходимостью, обязанностью и долгом продолжать войну. В деле повышения самосознания солдатских масс Черемисов придавал большое значение совместным усилиям офицеров и демократических комитетов. «Известия» специально подчеркнули различие между двумя заявлениями: «Сегодня, — писала газета, — мы даем две беседы: с верховным главнокомандующим генералом Корниловым и... генералом Черемисовым по одному и тому же вопросу... Но посмотрите, как они различны по содержанию. В то время как первый упорно настаивает на решительных и суровых мерах... пренебрегая существующими армейскими организациями, второй... весь центр тяжести борьбы с разрухой в армии переносит на совместную работу командного состава с войсковыми организациями... Симпатии же демократии не на стороне ген. Корнилова»⁴⁹.

Согласно циркулировавшим в столице на второй неделе августа не совсем беспочвенным слухам, Керенский заметил в своем

окружении, что Корнилов не справится с должностью верховного главнокомандующего и что Черемисов был бы подходящей заменой. Когда разговоры о сомнениях Керенского дошли до Могилева, они, естественно, встревожили Корнилова и его свиту. Либеральные и консервативные группы усилили кампанию в пользу Корнилова. Несоциалистические газеты ежедневно печатали материалы, свидетельствующие о поддержке Корнилова такими организациями, как Союз офицеров, Союз казачьих войск, Союз георгиевских кавалеров.

8 — 10 августа Москва стала сценой широко разрекламированного совещания общественных деятелей, в котором участвовали несколько сотен специально приглашенных видных коммерсантов, промышленников, представителей сельского хозяйства, различных профессиональных групп, армии, либеральных и консервативных политических группировок. Своей главной задачей совещание ставило выработку взаимно приемлемых позиций по наиболее важным проблемам для представления более широкому Московскому государственному совещанию, которое должно было открыться 12 августа⁵⁰. Среди делегатов находились богатые промышленники (Рябушинский, Третьяков, Коновалов и Вышнеградский), большая группа кадетов во главе с Милюковым, множество высших военных чинов, включая генералов Алексеева, Брусилова, Каледина и Юденича. 9 августа эти сановные лица прервали обсуждение серьезных политических проблем, чтобы одобрить приветственную телеграмму с выражением доверия Корнилову. В этом документе, отправленном Корнилову и обнародованном в тот же день, утверждалось, что всякие покушения на подрыв авторитета Корнилова в армии и России являются «преступными», что «вся мыслящая Россия» смотрит на него с надеждой и верой. «Да поможет Вам Бог, — говорилось в заключение в телеграмме, — в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России»⁵¹.

Пока вокруг Корнилова бушевали общественные страсти, Филоненко усердно перерабатывал предложения Корнилова от 3 августа, чтобы 10 августа представить их на рассмотрение кабинету. Не довольствуясь лишь переложением документа на дипломатический язык, он вставил некоторые обширные рекомендации относительно жесткого контроля над железными дорогами и промышленными предприятиями. Так, например, он написал дополнительный абзац о переводе всех железных дорог на военное положение. Невыполнение железнодорожниками распоряжений наказывалось так же, как и отказ солдата на фронте подчиниться приказу, т.е., как правило, смертной казнью. Для осуществления этих мер предлагалось на всех главных железнодорожных станциях учредить военно-революционные суды. В другом добавленном Филоненко абзаце предлагалось объявить на военном положении все заводы, работавшие на оборону, а также угольные копи (практически в данную категорию можно было включить почти все предприятия). На них следова-

ло временно запретить всякие стачки, локауты, политические собрания и фактически организации любого рода. Рабочим и служащим определялись обязательные минимальные нормы выработки, при невыполнении которых виновные немедленно увольнялись и отправлялись на фронт. «Указанные мероприятия, — писал Филоненко в конце переработанного проекта, — должны быть проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью»⁵².

Савинков, полностью согласный с рекомендациями Филоненко, уговаривал Керенского поддержать их на заседании кабинета и даже подал прошение об отставке, когда премьер-министр стал возражать. Сперва Керенский отклонил прошение Савинкова, затем принял его, но в конце концов, отчасти вследствие давления со стороны Корнилова, уговорил Савинкова вернуться на прежний пост⁵³. Керенский сам признавал, что он с радостью первым бы принял за осуществление мер, разработанных Филоненко, чтобы остановить сползание промышленности и транспорта к полному хаосу. Необходимость столь радикальных мер уже широко обсуждалась в либеральных и консервативных кругах и даже среди членов кабинета. Однако ввиду той бури, которую вызвала со стороны левых более умеренная программа Корнилова от 3 августа, Керенский испытывал понятную тревогу по поводу возможного воздействия поправок Филоненко на лидеров Совета, не говоря уж о рабочих и солдатах. По-видимому, он полагал, что подобные меры приведут к решительному разрыву с Советом, к кровопролитным столкновениям с возглавляемыми большевиками массами (исход которых трудно было предвидеть), а в лучшем случае к созданию авторитарного правительства, полностью подчиненного военным. В отличие от многих бывших умеренных Керенский в какой-то момент остановился у рубежа столь радикального курса.

Предупрежденный членами своей свиты в Могилеве относительно замышляемого в Петрограде против него заговора, Корнилов попытался отказаться от поездки 10 августа в столицу. Это вполне устраивало Керенского, который, хотя и был не прочь использовать Корнилова для проведения репрессий на фронте, по понятным причинам опасался популярности генерала среди правых и его влияния на государственную политику. Савинков и Филоненко, напротив, были полны решимости употребить влияние Корнилова, чтобы вынудить Керенского принять переработанную программу. Поэтому они убедили верховного главнокомандующего не отменять поездку. Корнилов, однако, был настороже и взял с собой в Петроград личную охрану из туркменских солдат, вооруженных пулеметами. Вскоре после того, как поезд Корнилова отправился из Могилева в столицу, в Ставку пришла телеграмма от Керенского, в которой верховному главнокомандующему сообщалось, что правительство его не вызывало, не настаивает на его приезде и ввиду сло-

жившейся стратегической ситуации не может нести ответственность за пребывание его вдали от фронта⁵⁴.

Приехавшего в Петроград Корнилова у поезда встретили Филоненко и Савинков, которые привезли переработанный доклад. Торопливо одобрив документ, генерал отправился в Зимний дворец. На следующий день петроградские газеты опубликовали подробное описание его красочного кортежа. По пути следования соблюдались строгие меры безопасности. Медленно ехавший автомобиль Корнилова охраняли скакавшие рядом с суровыми лицами солдаты-туркмены, одетые в алые халаты, с кривыми саблями на поясах. Впереди и позади двигались открытые автомобили, полные туркмен, вооруженных пулеметами. Когда процессия приблизилась к Зимнему дворцу, Керенский с изумлением, не веря своим глазам, увидел из окна верхнего этажа, как туркмены соскочили с автомашин и устремились к входу. Установив в главном вестибюле пулемет, они встали рядом, готовые, если понадобится, силой вызвать своего командира⁵⁵.

Такой была эта необычайная прелюдия к короткой, предсказуемо холодной встрече Керенского и Корнилова, которая лишь углубила их разногласия и осложнила отношения. Вначале Корнилов официально передал свою переработанную и расширенную программу, с которой Керенский, как мы знаем, был уже знаком. Реакция премьер-министра была уклончивой, хотя он, возможно, и дал понять, что предложения в принципе приемлемы, как это и было на самом деле⁵⁶. Корнилов, рискнувший приехать в Петроград, будучи уверенным в том, что дело на терпело отлагательства, не собирался отступать от своих намерений. Он потребовал, чтобы кабинет в тот же вечер обсудил его предложения. Керенский отказался собрать весь кабинет, а вместо этого организовал неофициальное совещание с участием только двух своих ближайших сторонников в правительстве: Некрасова и Терещенко. Не пригласили четырех министров-кадетов, готовившихся к решительной борьбе в защиту программы Корнилова, и семерых министров из числа умеренных социалистов, неизменно выступавших против нее. В результате обмена мнениями вечером 10 августа Керенский, Терещенко и Некрасов выразили готовность поддержать перед полным составом кабинета предложения Корнилова, касавшиеся восстановления армии (по сути, те рекомендации, которые он привозил в Петроград 3 августа), и твердо настаивали на том, чтобы отложить рассмотрение новых, добавленных Филоненко, положений об установлении контроля над железными дорогами и промышленными предприятиями⁵⁷.

Нетрудно представить разочарование Корнилова, когда он поздно ночью 10 августа выехал из Петрограда в Могилев. Встречи с премьер-министром 3 и 10 августа лишь усилили его презрение лично к Керенскому. Но что еще хуже, один инцидент, имевший место во время совещания с правительственным кабинетом 3 августа, породил в Корнилове опасения, что поли-

тика в Петрограде деградировала до такой степени, что немецкие агенты проникли в самые верхи правительства. Когда Корнилов докладывал о состоянии армии, Керенский тихо попросил воздержаться от слишком подробного описания действительного положения вещей. Как Савинков объяснил генералу после совещания, хотя доказательства, что кто-то из министров передает информацию врагу, и отсутствовали, некоторые члены правительства были тесно связаны с членами Центрального Исполнительного Комитета, среди которых имелись лица, подозреваемые в связях с немцами⁵⁸. По-видимому, этот инцидент глубоко потряс Корнилова, что, безусловно, укрепило его недоверие к правительству Керенского. Но именно две неудачные попытки представить кабинету предложения о срочных мерах более всего усилили зародившиеся у Корнилова еще в бытность главнокомандующим Петроградским военным округом и постоянно раздуваемые окружавшими его в Ставке правыми элементами подозрения, что Временное правительство слишком слабо и разобщено, чтобы действовать решительно, и что для установления в стране в случае необходимости авторитарного порядка потребуется военное вмешательство⁵⁹.

Спустя три дня после первого присзда в столицу Корнилов 6 августа выдвинул требование о передаче под его командование Петроградского военного округа, до того находившегося в подчинении военного министра. Если такая перемена, обоснованная вероятностью скорого превращения Петроградского района в зону военных действий, была бы осуществлена, то это значительно упрочило бы позиции Корнилова в случае военного столкновения с правительством или левыми силами. Одновременно он распорядился о передислокации значительных воинских контингентов, явно предназначенных для использования в Петрограде⁶⁰. К радости правых экстремистов, которые давно готовились к перевороту, интенсивность подобных приготовлений возросла после вторичного посещения Корниловым Петрограда. В беседе 11 августа со своим начальником штаба генералом Лукомским Корнилов пояснил, что эти акции необходимы ввиду ожидаемого восстания большевиков и что пришла «пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался». Обсуждая с Лукомским назначение ультраконсервативного генерала Крымова командиром воинских частей, концентрировавшихся вокруг Петрограда, Корнилов выразил удовлетворение тем, что, если понадобится, Крымов не станет задумываться, чтобы «перевешать» весь состав рабочих и солдатских депутатов⁶¹.

Конечно же, все это несколько не означало, что Корнилов окончательно настроился на прямые военные акции против правительства. Учитывая отрицательное отношение петроградского населения к предусмотренным программой Корнилова мерам и возможную реакцию в случае их осуществления, проведенная

Корниловым в первой половине августа передислокация воинских частей представлялась целесообразной независимо от того, будет ли армия в конечном счете действовать сама по себе или же совместно с Керенским. По-видимому, Корнилов, не в пример многим своим сторонникам, все еще не терял надежды на то, что правительство критически оценит ситуацию и без борьбы покорится его власти⁶². Как вспоминал Лукомский, Корнилов 11 августа заметил: «Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться»⁶³. Ясно, однако, и то, что теперь Корнилов был готов в случае необходимости выступить самостоятельно.

Корнилов против Керенского

Растущая неприязнь между Керенским и Корниловым, усиливавшаяся поляризация российского общества и слабость Керенского в сложившейся ситуации особенно отчетливо проступили во время Московского государственного совещания, проходившего с 12 до 14 августа. Первоначально задуманное Керенским в конце июля для того, чтобы ознакомить видных общественных деятелей России с серьезными проблемами страны и заручиться их поддержкой программы вновь сформированного правительства второй коалиции, это совещание фактически не располагало законодательными функциями. Среди почти 2,5 тыс. участников, представлявших «цвет русского общества»¹, были члены кабинета Керенского, крупные военачальники, депутаты Государственной думы всех четырех созывов, члены Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, делегаты Всероссийского крестьянского союза. Присутствовали также представители профсоюзов, городских самоуправлений, высших учебных заведений, кооперативов, губернских земств, различных съездов и комитетов, связанных с торговлей, промышленностью и вооруженными силами².

В политическом плане делегаты делились на либералов и консерваторов, в общем и целом твердо поддерживавших Корнилова и крутые меры по восстановлению порядка, и на умеренных социалистов, которые, признавая необходимость сильного правительства, тем не менее продолжали настаивать на смягчении репрессий в сочетании с хотя бы умеренными шагами в направлении реформ. Первая группа обладала незначительным большинством. Как заметил один из наблюдателей, «создается впечатление, что представители так называемого “буржуазного” мира подавляют демократические элементы. Визитки, сюртуки и крахмальные сорочки доминируют над косоворотками»³.

Практически не было делегатов крайне левого крыла. В соответствии с планами большевистского ЦК представители партии в Центральном Исполнительном Комитете должны были ехать в Москву вместе со своими коллегами. Здесь делегатам большевиков при первой возможности следовало выступить с осуждением

совещания и затем демонстративно его покинуть⁴. Однако, когда об этих планах стало известно, руководство Совета потребовало, чтобы все члены делегации Совета заранее обязались не выступать на совещании без специального на то разрешения. Другими словами, большевики, выезжавшие на совещание в составе делегации Совета, были поставлены перед выбором — принять точку зрения большинства или быть исключенными из исполкома⁵. Учитывая данные обстоятельства, большевистская партия предпочла вовсе не участвовать в совещании.

Московское государственное совещание проходило в напряженной обстановке. Перед 12 августа в течение нескольких дней Москву наводняли слухи о том, что к городу стягиваются верные Корнилову войска, что Корнилов со своими сторонниками готовится выступить против правительства. Прибывшие на совещание в Москву делегаты увидели стены домов, облепленные плакатами, приветствовавшими Корнилова. Повсюду распространялась рекламная брошюра, прославлявшая «первого народного главнокомандующего»⁶. Появление самого Корнилова на совещании не ожидалось ранее 14 августа. И все же страх перед правым переворотом был так велик, что, когда 12 августа совещание открылось, Московский Совет сформировал Временный революционный комитет для обеспечения безопасности правительства и Совета. О серьезности, с которой в то время отнеслись к возможности выступления правых, говорит тот факт, что наряду с двумя меньшевиками и двумя эсерами во Временном революционном комитете активно работали и два большевика — Виктор Ногин и Николай Муралов⁷.

В преддверии совещания Московское областное бюро большевиков крайне левой ориентации взяло на себя инициативу в деле организации несанкционированной забастовки, которую наметили на 12 августа, день открытия совещания. Ее одобрили руководители профсоюза, более консервативные большевики из Московского комитета и представители районных Советов Москвы⁸. Однако участники общего собрания рабочих и солдатских Советов Москвы 312 голосами (против 284) отвергли подобную акцию⁹. Тем не менее в установленный день рабочие большинства московских предприятий не вышли на работу, многие собрались на митинги протеста. Закрылись рестораны и кофейни, перестали ходить трамваи, почти не было извозчиков¹⁰. Даже работники буфета в Большом театре, где проходило совещание, объявили забастовку, вынудив делегатов совещания самим заботиться о своем питании. В этот вечер вся Москва погрузилась в темноту, поскольку бастовали работники газовых предприятий¹¹.

Масштабы забастовки свидетельствовали о силе рабочего класса, его настроениях и вновь возросшем влиянии большевиков. Комментатор «Известий», газеты Московского Совета, чья редакционная статья отражала точку зрения большинства социалистов, скрепя сердце признал, что «пора наконец понять, что

большевики — это не “безответственные группы”, а один из отрядов организованной революционной демократии, за которым стоят широкие массы, быть может, не всегда дисциплинированные, но зато беззавестно преданные делу революции»¹².

Если судить по дискуссиям на совещании, то большинство делегатов этого не поняли. На одном из первых заседаний, когда Милюков заметил, что выдвинутые Корниловым требования не должны вызывать подозрений, и высказал серьезную тревогу по поводу того, что правительство не обеспечивает восстановления порядка и не дает гарантии безопасности личности и собственности¹³, Большой театр взорвался криками «правильно!», возгласами «браво!» и продолжительными аплодисментами. Такой же энтузиазм охватил правую половину зала, когда казачий атаман генерал Алексей Каледин заявил, что «сохранение родины требует прежде всего доведения войны до победного конца» и что «этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства». Каледин изложил ряд основных принципов, которыми Временному правительству следовало руководствоваться и которые, по существу, повторяли программу Корнилова. Под возгласы «правильно!» справа и выкрики «долой!» слева Каледин заявил, что «расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел»¹⁴.

Когда на трибуну поднялся Василий Маклаков, блестящий оратор и один из основателей партии кадетов, и призвал правительство «опираться и верить тем, кто где-то там, на фронте», а также «найти в себе мужество дерзать и вести страну за собой, ибо грозный суд приближается», делегаты правых вновь поднялись со своих мест и громкими возгласами приветствовали оратора¹⁵. Однако, когда Чхеидзе изложил платформу Центрального Исполнительного Комитета¹⁶, которая во многом отвечала требованиям либералов и консерваторов, заострив внимание на вопросах правопорядка и всеобщих жертв в интересах национальной обороны и сделав лишь минимальные уступки требованиям масс, эти же делегаты остались сидеть насупившись в своих креслах¹⁷.

Пытаясь балансировать между левыми и правыми, Керенский во вступительной речи воздержался от изложения конкретной программы действий и, как всегда, искал спасения в энергичной риторике. Обратившись к левым, он гремел: «Пусть знает каждый и пусть знают все, кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью». Затем, повернувшись к правым, он продолжал с не меньшей силой (явно намекая на Корнилова и его сообщников): «И пусть еще более остерегаются те последователи неудачной попытки, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, ниспровергнуть революционную власть... И какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я

сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее»¹⁸. Бурное, временами неконтролируемое и чересчур театральное выступление Керенского длилось почти два часа. Впоследствии Милюков следующим образом описывал этот эпизод: «Выражением глаз, которые он фиксировал на воображаемом противнике, напряженной игрой рук, интонациями голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота... этот человек как будто хотел кого-то утратить и произвести впечатление силы и власти... В действительности он возбуждал только жалость»¹⁹.

Корнилов приехал в Москву поездом в полдень, 13 августа. На Александровском (ныне Белорусском) вокзале его сторонники организовали тщательно спланированную радушную встречу, которая резко отличалась от холодного приема, оказанного в Москве двумя днями ранее министрам правительства²⁰. К моменту прибытия Корнилова на платформе выстроились почетный караул, оркестр Александровского военного училища и команда женщин-юнкеров этого училища. Здесь же для приветствия «первого народного главнокомандующего» собралась толпа «дам в ярких цветных платьях», десятки увешанных медалями офицеров, участвующие в Государственном совещании консервативные и либеральные лидеры, делегация городских властей, полная энтузиазма официальная депутация от всех патриотических организаций, поддерживающих Корнилова. Московский женский батальон смерти стоял в положении «смирно» на виадуке, с которого просматривался весь вокзал, а на площади около вокзала развернулась в конном строю казачья сотня.

Как только поезд остановился, на платформу с обнаженными саблями соскочили и выстроились в две шеренги одетые в красные халаты туркмены из личной охраны Корнилова. Под звуки оркестра, громкие аплодисменты и возгласы толпы на ступеньках своего вагона появился в полной парадной форме Корнилов. Приветственно махая рукой и улыбаясь, он ступил на платформу и прошел сквозь шеренги туркмен к ожидавшим его высокопоставленным лицам. По мере продвижения дамы осыпали его цветами, которые незадолго до того раздавали несколько молодых офицеров.

В краткой речи правый кадет Федор Родичев выразил настроение момента. «Вы теперь символ нашего единства, — заявил он. — На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас»²¹. Разумеется, по крайней мере некоторые из слушавших Родичева должны были заметить, что среди встречавших не было простых граждан и рядовых солдат, однако, что вовсе не удивительно, это обстоятельство ускользнуло от внимания генерала.

Вскоре после прибытия Корнилов, восседая в открытом автомобиле во главе длинного автомобильного кортежа, совершил паломничество к Иверской, где обычно молились цари, когда приезжали в Москву. Поклонившись «чудотворной» иконе

Иверской богоматери, Корнилов вернулся в свой вагон-салон. Здесь весь оставшийся вечер и следующий день он принимал поток посетителей, в том числе группу влиятельных кадетов, возглавляемых Милюковым, финансистов А.И.Путилова и А.И.Вышнеградского, печально известного Пуришкевича, генералов Верховского, Каледина и Алексеева. Верховский, который, будучи главнокомандующим войсками Московского военного округа, нес формальную ответственность за обеспечение безопасности Московского совещания, встретился с Корниловым для того, чтобы отговорить его от участия в каком бы то ни было заговоре против правительства. Верховского настолько поразило, что сторонники Корнилова не понимали сложившейся ситуации, что после встречи он был вынужден заявить: «На меня эти люди производят впечатление людей, упавших с луны»²². Посетившие Корнилова кадеты, терзаемые мучительными сомнениями относительно успеха дворцового переворота, возможно, также призывали генерала к сдержанности. Например, Милюков впоследствии утверждал, что он предостерегал Корнилова от столкновения с Керенским, по его мнению несвоевременного, поскольку у премьер-министра все еще были сторонники в провинции²³. С другой стороны, в Москве к Корнилову приходило множество гражданских и военных лиц, чтобы заверить в своей безусловной поддержке. Наиболее выразительно это сделали Путилов и Вышнеградский из Общества экономического возрождения России, которые согласились передать верховному главнокомандующему значительную сумму денег, чтобы помочь финансировать создание авторитарного, абсолютно свободного от социалистов государственного порядка²⁴.

Вместе с тем возрастала и тревога Керенского в связи с предстоящим 14 августа выступлением Корнилова на Московском совещании. Не попытается ли генерал использовать собрание для оказания давления на правительство, чтобы заставить принять его условия, или, что еще хуже, не попробует ли он запугать совещание, вынудив его поддержать собственные честолюбивые планы? Желая убедить Корнилова воздержаться от каких бы то ни было акций и ограничиться сообщением о военных операциях и положении на фронтах, Керенский вечером 13 августа послал к Корнилову министра транспорта Петра Юренева. Не удовлетворенный ответом Корнилова Юреневу, Керенский поздно вечером сам увещевал генерала по телефону и повторил свою просьбу на другое утро в Большом театре, непосредственно перед выходом Корнилова на трибуну. Ответ генерала прозвучал довольно неопределенно: «Я буду говорить по-своему».

К огромному облегчению Керенского, выступление Корнилова было довольно сдержанным. И все же для Керенского это была ненужная победа. Что касается Корнилова, то предупреждения Керенского послужили дополнительным доказательством (если требовались еще какие-то доказательства) слабости позиции премьер-министра²⁵. Более того, после Корнилова под одобри-

тельные крики правых на трибуну один за другим поднимались ораторы, которые ни в коей мере не скрывали сильной антипатии к вызванным революцией переменам и глубокой неприязни к Временному правительству.

Московское совещание закрылось ночью 15 августа. Как средство объединения различных элементов российского общества оно потерпело полное фиаско. Керенский вышел из этого испытания с еще большим осознанием собственной изоляции. «Мне трудно, — пожаловался он однажды, — потому что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других... Я хочу идти посередине, а мне не помогают»²⁶. Он покинул Москву, явно переоценив ту поддержку, которой пользовалась программа правых. Окончание Московского совещания совпало с волной пожаров на промышленных предприятиях, прокатившейся через несколько дней после внезапного падения Риги²⁷. Наряду с давлением сторонников Корнилова эти события побудили Керенского задуматься о более жестком гражданском и военном руководстве. Керенский, по-видимому, в конце концов пришел к выводу, что откладывать введение некоторых серьезных ограничений политических свобод и предложенных Корниловым 10 августа радикальных мер подавления больше не следует, даже если подобная акция приведет к окончательному разрыву с Советом и народными массами. И вот 17 августа он, вероятно, с тяжелым сердцем дал Савинкову указание подготовить проекты конкретных указов для представления кабинету²⁸.

И хотя теперь в политическом плане Керенский заметно сблизился с Корниловым, расхождения между ними продолжали носить глубокий характер, что во многом объясняет их последующие позиции: и Керенский, и Корнилов видели только себя (но не другого) в качестве сильной личности в новом авторитарном правительстве. Керенский был полон решимости использовать Корнилова в собственных интересах, аналогичные намерения были и у Корнилова, но уже в отношении Керенского. Между тем приготовления правых группировок в тылу и на фронте к перевороту, получившие дополнительный импульс на Московском совещании, достигли кульминационного момента. Все было готово к последней, решительной схватке.

После Московского совещания Корнилов продолжал снимать с фронта и концентрировать вокруг Петрограда значительное количество войсковых частей. Основными соединениями, нацеленными на столицу, были: 1-я Донская казачья дивизия и Уссурийская конная дивизия, входившие в 3-й конный корпус Крымова²⁹. Верховное командование считало данные части самыми дисциплинированными и политически благонадежными. В первой половине августа эти дивизии стали выдвигаться из резерва Румынского фронта в район Невель — Новоскольковики — Великие Луки, примерно в 480 км от Петрограда по железной доро-

ге. В двадцатых числах августа 1-ю Донскую казачью дивизию передислоцировали в окрестности Пскова, сократив тем самым наполовину расстояние до столицы. Одновременно 3-му корпусу передали еще одну первоклассно вышколенную Дикую дивизию, названную так потому, что в ней главным образом служили представители народностей Северного Кавказа, о свирепости и жестокости которых в бою ходили легенды. Дивизию перебросили по железной дороге на станцию Дно, к востоку от Пскова³⁰. Для умирения столицы предусматривалось, в случае необходимости, задействовать другие, расположенные в Прибалтике казачьи и ударные части. 25 августа в Ставку вызвали командующего расквартированным в Финляндии 1-м конным корпусом генерала А.М.Долгорукова, поскольку планировалось подчиненную ему 5-ю Казачью дивизию направить к Петрограду с севера в тот момент, когда соединения 3-го корпуса начнут двигаться к столице с юга. Среди других исходящих из Ставки в то время приказов о передислокации воинских частей была директива Ревельскому ударному «батальону смерти» выступить в Царское Село³¹.

Насколько можно судить на основании разрозненных, порой противоречивых сообщений, главный комитет Союза офицеров, военный отдел Республиканского центра и Военная лига подготовили детальный план правого путча, который должен был произойти при приближении к Петрограду фронтовых воинских частей³². Этот план, как видно, увязывался с серией массовых митингов, посвященных шестимесячному юбилею Февральской революции, которые руководство Совета намеревалось провести 27 августа с целью сбора денежных пожертвований. Заговорщики, вероятно, предполагали, что за массовыми митингами последуют беспорядки, которые можно будет использовать в качестве предлога для введения военного положения, разгрома большевистских организаций, разгона Совета и установления военной диктатуры. Чтобы нужные беспорядки непременно произошли в подходящий момент, условились, что правая пресса начнет нагнетать в столице политическую напряженность, а маскирующиеся под большевиков агитаторы в это время пойдут по заводам и фабрикам и будут поднимать рабочих. Заговорщики также договорились, что в крайнем случае они сами инсценируют левый мятеж, адвигающиеся на столицу войска призовут на помощь для восстановления спокойствия и утверждения нового, более строгого государственного порядка³³.

С приближением условной даты главный комитет Союза офицеров под разными предлогами стянул в Петроград необычно большое число прокорниловских офицеров. 22 августа начальник Генерального штаба дал указание дивизионным штабам пехотных, кавалерийских и казачьих дивизий всех фронтов направить по три офицера в Могилев якобы для обучения обращению с новейшими английскими бомбометами и минометами. На

самом деле все эти офицеры по прибытии в Ставку получали инструктаж и почти сразу же отсылались в Петроград³⁴.

В какой мере правительство было осведомлено об этой деятельности — не совсем ясно. В начале августа Керенский получил от ЦК эсеров тревожное сообщение, касавшееся деятельности Союза офицеров³⁵. После Московского государственного совещания страх премьер-министра перед заговорами, будто бы замышлявшимися против него в Ставке, стал навязчивой идеей. По его настоянию правительство приняло решение: запретить Союзу офицеров использовать денежные средства штаба для финансирования своей деятельности, удалить из Могилева главный комитет Союза и арестовать наиболее активных его членов³⁶. Трудно также определить степень личного участия Корнилова, масштабы взятых им на себя обязательств в связи с реализацией планов его сторонников из числа экстремистов. Являлись ли очевидные приготовления к прямому вмешательству в государственную политику и безусловное содействие правым в столице следствием искренней веры Корнилова (подогреваемой окружившими его заговорщиками) в то, что большевики вознамерились поднять народное восстание, с которым правительство не справиться? На этот счет нет убедительных доказательств. Есть свидетельства, что даже в тот момент Корнилова все еще не оставляла мысль, что Керенский в конце концов осознает необходимость более решительного правительства и примет участие в его формировании.

Надежда Корнилова, что Керенский, возможно, согласится на сотрудничество, получила достаточное подтверждение в беседах, которые состоялись в Могилеве днем и вечером 23 августа и на следующее утро между Корниловым и заместителем военного министра Савинковым, представлявшим премьер-министра³⁷. В ходе этих бесед они затронули ряд щекотливых вопросов, вызывавших разногласия между Корниловым и Керенским. В основном речь шла о том, как поступить с теми положениями программы Корнилова, которые касались тыла и которые Керенский отверг 10 августа. К моменту переговоров были составлены законопроекты о контроле в тылу, подготовить которые Керенский поручил Савинкову 17 августа. В общем, они включали многие требования Корнилова. Как видно, Корнилов отозвался о законопроектах с одобрением, а Савинков выразил уверенность, что они будут представлены кабинету «в ближайшие дни». Обе стороны тревожил один важный вопрос: как правительству следует реагировать на бурю массовых протестов, которую неизбежно вызовет публикация новых законов. Савинков заявил, несомненно выдавая желаемое за действительное, что большевики и, возможно, Совет взбунтуются и что правительство беспощадно расправится с подобными протестами. Для укрепления позиции правительства при проведении нового жесткого курса Савинков предложил подтянуть к столице и передать в распоряжение военного министерства 3-й корпус. Вместе с тем

он настаивал на том, чтобы «по политическим причинам» перед переброской отстранили от командования корпусом реакционного генерала Крымова и заменили Дикую дивизию регулярной кавалерийской частью³⁸.

В тот момент Корнилов согласился на эти условия, хотя в последующем просто игнорировал их. По существу, правительство санкционировало передислокацию воинских частей, о которой верховный главнокомандующий уже распорядился самолично несколькими неделями ранее. Было решено, что Корнилов информирует Савинкова по телеграфу за два дня до прибытия 3-го корпуса на место. После этого правительство введет в Петрограде военное положение и затем опубликует новые законы³⁹. Савинков и Корнилов достигли согласия в рабочем порядке во время первой беседы, состоявшейся в полдень 23 августа, хотя на первый взгляд разговор сначала не обещал ничего хорошего. Корнилов жаловался на социалистов из Совета в правительстве и сильно бранил самого Керенского. Как отметил позднее Савинков, Корнилов прямо заявил, что «стать на путь твердой власти Временное правительство не в силах», что «за каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории»⁴⁰. Но после того, как Корнилов прочитал проекты законов Савинкова и получил санкцию на переброску войск в Петроград, его настроение заметно улучшилось⁴¹. И когда Савинков стал критиковать Союз офицеров, а затем попросил Корнилова не разрешать штабу оказывать помощь Союзу офицеров и сделать так, чтобы главный комитет Союза перенес свою деятельность в Москву, генерал на это согласился.

В рабочем порядке урегулировали и еще одну шекотливую проблему. Речь шла о том, кому (правительству или Генеральному штабу) будет подчинен Петроградский военный округ. В телеграмме Керенскому от 19 августа Корнилов подтвердил свое желание — иметь войска Петроградского гарнизона под личным командованием. Телеграфируя правительству об обстоятельствах падения Риги, он повторил свое требование⁴². В то же время Корнилов настаивал на том, чтобы больше частей Петроградского гарнизона послали на оборонительные позиции Северного фронта. Конечно же, правительство еще с июльских дней стремилось вывести распропагандированных солдат из столицы. Поэтому кабинет с готовностью откликнулся на просьбу Корнилова, и к концу августа интенсивность переброски войск из столицы на фронт заметно возросла. Однако передать всех солдат гарнизона под начало Корнилова — совсем другое дело. Как заметил позднее Керенский, если бы на это пошли, то «мы были бы тут скушаны»⁴³. Поэтому Савинков перед выездом в Могилев получил задание — уговорить Корнилова согласиться взять под свое командование Петроградский военный округ без воинских частей, расположенных непосредственно в самой столице и в предместьях. Когда данную проблему затронули где-то в сере-

дине переговоров, Корнилов почти без возражений принял предложение Савинкова.

К концу дискуссий Савинков поинтересовался отношением Корнилова к правительству. В ответ Корнилов с сомнительной откровенностью заявил о своей лояльности Керенскому⁴⁴. Не исключено, однако, что визит Савинкова подвел Корнилова к мысли, что ход событий все-таки вынудил Керенского принять точку зрения генерала и что, следовательно, можно, пожалуй, будет обойтись без применения силы против правительства. Во всяком случае, у Корнилова были все основания почувствовать облегчение и уверенность. Если, полагал он, и возникнут дополнительные проблемы с утверждением в Петрограде сильного правительства без социалистов из Совета, в котором ведущая роль будет принадлежать армии, то не склонный к компромиссам Крымов быстро с ними справится. Встреча в Могилеве, по-видимому, вселила уверенность и в Савинкова. Корнилов и Керенский, казалось ему, наконец-то как будто готовы действовать сообща в деле восстановления порядка — цель, к которой Савинков постоянно стремился. Появилась надежда, что с угрозой большевизма и вмешательством Совета скоро будет покончено и что Россия сможет приступить к главной задаче — возобновлению своих военных усилий.

Вечером 24 августа, вскоре после отъезда Савинкова в Петроград, генерал Крымов получил от Корнилова распоряжение двигаться на Петроград как только придет сообщение о «выступлении большевиков». После этого он покинул Могилев, чтобы находиться со своими солдатами⁴⁵. На следующий день 3-й корпус был приведен в боевую готовность, и Крымов составил проект приказа, который следовало обнародовать после вступления войск в столицу. Этим приказом Крымов объявлял район Петроградского военного округа с Финляндией и Кронштадтом на осадном положении. С 7 часов вечера до 7 часов утра устанавливался комендантский час. Предписывалось закрыть все торговые заведения, кроме продовольственных магазинов и аптек. Любые стачки и сборища запрещались. Жителям, имеющим оружие, надлежало его немедленно сдать. Во всех органах периодической печати вводилась строгая цензура. Виновные в нарушении указанных правил (за исключением положения о цензуре) подлежали расстрелу. «Предупреждаю всех, — писал в приказе Крымов, — что, на основании повеления верховного главнокомандующего, войска не будут стрелять в воздух»⁴⁶.

Ночью 25 августа Крымов получил дополнительное распоряжение — утром выступить в северном направлении. В этой связи главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский получил указание погрузить в эшелоны Уссурийскую конную дивизию, дислоцированную в районе Великих Лук, и через Псков, Нарву и Красное Село направить к столице. Одновременно другим воинским соединениям 3-го корпуса — Дикой дивизии и 1-й Донской казачьей дивизии — надлежало выступить

соответственно со станции Дно и из Пскова в Царское Село и Гатчину. Кроме того, каждой из главных воинских частей 3-го корпуса определили конкретную зону действия после военной оккупации Петрограда. Дикой дивизии, которая шла на Петроград вопреки данному Савинкову обещанию, предстояло: занять Московский, Литейный, Александро-Невский и Рождественский районы города; разоружить рабочих и все войска Петроградского гарнизона, кроме личного состава военных училищ; поставить караулы и организовать патрулирование; установить охрану тюрем; взять под контроль железные дороги района; силой оружия подавить любые беспорядки и всякое неповиновение приказам. В то же время Корнилов отправил Савинкову телеграмму с обусловленным текстом: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру двадцать восьмого августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении двадцать девятого августа»⁴⁷.

В тот самый момент, когда Савинков намеревался поставить свои новые законы о наведении порядка в тылу на голосование кабинета, правые экстремисты в Петрограде, то ли упустив из виду выработанные между Савинковым и Корниловым соглашения, то ли просто игнорируя их, продолжали настойчиво готовиться к перевороту. Правая пресса ежедневно предупреждала о подготавливаемой левыми элементами «резне», которая якобы должна произойти 27 августа. Большинство социалистов и большевиков в Совете встревожили многочисленные сообщения о призывах рабочих к мятежу со стороны «таинственных людей в солдатской форме».

В этот период произошел ряд примечательных событий, которые разрушили всякие иллюзии относительно того, что Корнилов и Керенский станут действовать вместе, и которые нанесли серьезный удар приготовлениям к перевороту. Все началось со встречи Керенского и Владимира Львова 22 августа в Зимнем дворце. Владимир Львов — этот полный добрых намерений, но наивный и бестолковый хлопотун — был либеральным депутатом Государственной думы третьего и четвертого созывов, бесцветным обер-прокурором Синода в первом и втором кабинетах Временного правительства. Он разделял мнение многих крупных деятелей промышленности, торговли и аграрного сектора, с которыми поддерживал связь, что спасение России зависит от создания (мирным путем) нацеленного на правопорядок «национального правительства», включающего представителей всех основных патриотических групп. Однако в отличие от других горячих сторонников Корнилова Львов сохранил известное уважение к Керенскому, с которым близко познакомился, работая в Думе и в правительственном кабинете. Он считал, что оба — и Корнилов, и Керенский — беззаветно стремились к одной и той же цели — к созданию авторитарного государственного порядка. С тревогой узнав о ведущихся в Ставке приготовлениях к захвату власти, Львов посчитал своим долгом сделать все от него зави-

сящее для предотвращения столкновения между премьер-министром и верховным главнокомандующим. Взяв на себя роль посредника между этими двумя государственными деятелями, Львов поспешил в Петроград, где добился встречи с Керенским вечером 22 августа⁴⁸. После таинственного заверения, что он прибыл от имени «определенных групп внушительной силы», Львов нарисовал мрачную картину той ситуации, в которой оказалось правительство, и добровольно вызвался прозондировать настроения ключевых политических фигур (вероятно, начиная с Корнилова) в поисках возможного базиса для формирования «национального кабинета».

Если верить изложенному в мемуарах Львова отчету о беседе, Керенский предоставил ему полномочия вести переговоры от его имени и даже выразил готовность уйти в отставку с поста премьер-министра⁴⁹. Позже Керенский категорически отрицал правдоподобность версии Львова, касавшейся этой беседы, и дал ей иную интерпретацию. Подозревая якобы с самого начала, что Львов замешан в заговоре, и увидев в его предложении возможность выведать намерения своих врагов, он просто не противился его неофициальному прощупыванию и... ничего более⁵⁰. Ближе к истине версия Керенского. Нет никаких доказательств, что Керенский когда-либо действительно желал разделить власть с Корниловым. Кроме того, имея в виду постоянную, навязчивую идею Керенского о плетущихся против него заговорах, мысль об использовании Львова с целью получения информации не лишена известной логики. Что же касается варианта Львова, то трудно сказать, то ли в приливе энтузиазма он не так понял Керенского, то ли увлеченный ощущением собственной значимости или настоятельной необходимости, он сознательно преступил свои полномочия и затем старался затушевать этот факт⁵¹.

Как бы там ни было, Львов сразу же покинул Петроград и после короткой остановки в Москве, где он сообщил, что Керенский не возражает против реорганизации правительства, создания «национального кабинета» и, если понадобится, против собственной отставки, выехал поездом в Могилев. В Ставку он прибыл 24 августа. Начиная разговор, Львов, вероятно, создал впечатление, что уполномочен премьер-министром помочь сформировать новый кабинет с участием или без участия Керенского. Встретившись с Корниловым сначала вечером 24 августа, он попросил генерала изложить свою позицию относительно характера и состава нового правительства. Первая реакция Корнилова на данное предложение была уклончивой, отчасти, безусловно, потому, что он не проконсультировался с Завойко. Ясно, однако, и то, что для Корнилова и в еще большей степени для таких экстремистов, как Завойко, появление Львова в Ставке сразу же после визита Савинкова явилось дополнительным доказательством слабости Керенского и его готовности к компромиссу⁵². Примечательно, что Завойко и другие правые лидеры в Мо-

гилеве без проволочек начали активно и открыто обсуждать кандидатов на министерские посты в новом правительстве.

На второй встрече 25 августа Корнилов, на этот раз в сопровождении Завойко, не очень-то выбирал выражения, выдвигая свои требования. Он прямо заявил, что Петроград должен быть объявлен на военном положении, а вся военная и гражданская власть передана верховному главнокомандующему ("кто бы таковым ни был"). В новом правительстве, сказал Корнилов, найдется место и для Керенского в качестве министра юстиции, и для Савинкова в качестве министра обороны. Он потребовал, чтобы ради собственной безопасности оба приехали в Могилев не позднее 27 августа. По словам Львова, когда Корнилов упомянул Керенского как возможного министра юстиции, Завойко тоном, не допускающим возражений, отверг подобную мысль, предложив дать Керенскому пост заместителя премьер-министра⁵³.

Тот факт, что данные условия не показались Львову странными, является ярким свидетельством его умственной ограниченности. В ответ он лишь предложил пригласить в Могилев ведущих кадетов, крупных финансистов и промышленников для участия в формировании нового кабинета. Вместе с тем брошенная Завойко вскользь реплика в тот момент, когда Львов собирался сесть на поезд, отходящий в Петроград, породила в голове последнего определенные опасения за судьбу Керенского, если тот в самом деле явится в Ставку. Завойко, в частности, как бы между прочим, заметил, что Керенский нужен «как имя для солдат, но что это только на 10 дней, а потом его уберут»⁵⁴.

Во второй половине дня 26 августа Львов, уставший, но, видимо, не обескураженный результатами переговоров, прибыл в Зимний дворец для доклада Керенскому. Перед тем как Львова пропустили к премьер-министру, Савинков самонадеянно заверил Керенского, что Корнилов любыми средствами поддержит его. Этот эпизод помогает объяснить реакцию Керенского, когда Львов, устно перечислив условия Корнилова, стал настаивать на том, чтобы с ними немедленно ознакомили правительство, и умолять Керенского побыстрее и подальше уехать из Петрограда ради спасения собственной жизни! Полагая, что Львов шутит, премьер-министр сначала расхохотался. «Какие тут шутки», — возразил Львов и принялся вновь уговаривать уступить Корнилову.

Впоследствии Керенский вспоминал, что в тот момент он начал бегать взад-вперед по огромному кабинету, стараясь понять случившееся. Успокоившись, он предложил Львову письменно изложить требования Корнилова, на что тот с готовностью согласился⁵⁵. Более того, желая найти другие подтверждения измены Корнилова и достаточные основания для действий против него, Керенский устроил разговор с Корниловым по прямому проводу. Результатом стал самый трагичный, нелепый и теперь наиболее известный эпизод российской политики 1917 года. Проливая свет на многое, он заслуживает того, чтобы быть вос-

произведенным в деталях. Для прямого разговора с Корниловым пришлось использовать технические средства связи военного министерства. Львов согласился встретиться в министерстве с Керенским в 21.30, но задержался. Однако это не остановило премьер-министра, который уже был близок к истерике. Он вызвал Корнилова, сделав вид, что Львов рядом с ним, и между ними произошел следующий разговор:

(Керенский). — Здравствуйте, генерал. Владимир Николаевич Львов и Керенский у аппарата. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

(Корнилов). — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, вновь заявляю: события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

(Львов). — Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю — то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично, без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется вполне доверять.

(Корнилов). — Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу приехать в Могилев.

(Керенский). — Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра; нужен ли Савинков?

(Корнилов). — Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович выехал вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

(Керенский). — Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае.

(Корнилов). — Во всяком случае.

(Керенский). — До свидания, скоро увидимся.

(Корнилов). — До свидания⁵⁶.

Легко себе представить бурное ликование в Ставке, последовавшее за этим разговором. Появилась надежда, что Керенский без борьбы согласится на создание Корниловым нового правительства. Между тем самые худшие опасения Керенского, по-видимому, вот-вот должны были оправдаться. Хотя переговоры по прямому проводу подтвердили, по сути, только тот факт, что Корнилов хотел, чтобы Керенский и Савинков приехали в Могилев, Керенский тем не менее пришел к выводу, что его обманули

и что Ставка стремится обойтись без него. Беспорядочный рой мыслей закружился в голове. На прошлой неделе он переключился на правый курс, который, если станет полностью известен, сильно скомпрометирует его в глазах умеренных социалистов. Реально ли тогда рассчитывать на их поддержку в конфликте с Корниловым? И как отличающиеся непостоянством петроградские массы, то есть те самые элементы, которые он надеялся приструнить, будут реагировать на новый кризис? Их, вне всякого сомнения, можно поднять на борьбу с Корниловым. Но не придаст ли это левым силы? И, сражаясь с Корниловым, не нанесет ли он поражение самому себе и еще один удар по надеждам на восстановление порядка и боеспособности армии?

Поразмыслив таким образом, Керенский, по-видимому, пришел к заключению, что благоразумнее всего предупредить попытки сторонников Корнилова в кабинете достичь компромисса с генералом за его счет, оставить левых в неведении относительно надвигающегося кризиса и снять Корнилова с поста верховного главнокомандующего прежде, чем 3-й корпус достигнет пригородов Петрограда. И в самом деле, о разногласиях Керенского с Корниловым не сообщалось в прессе и даже руководству Совета почти 24 часа.

Поздно ночью 26 августа, арестовав и заперев Львова в одной из задних комнат Зимнего дворца, Керенский провел консультации со своим ближайшим союзником Некрасовым, а также с Савинковым и другими высшими чинами военного министерства. Затем он прервал заседание кабинета в Малахитовом зале (по иронии судьбы, министры как раз обсуждали законопроекты Савинкова) и сделал сообщение об «измене» Корнилова. В подтверждение он зачитал вслух с телеграфной ленты свой разговор с генералом и передал ее для всеобщего обозрения. Затем Керенский попросил министров предоставить ему всю полноту власти для принятия в данной чрезвычайной обстановке таких мер, которые он сочтет нужными. Он заметил, что дальнейшее развитие ситуации может потребовать «преобразования кабинета». Вероятно, Керенский рассматривал возможность создания Директории (сильного государственного исполнительного органа, включающего менее полудюжины высших должностных лиц и похожего на тот, который существовал во Франции с 1795 по 1799 год). Информация о том, что потом произошло, — весьма неопределенна. Повсем признакам кадеты Кокошкин и Юренев, давно недовольные руководством Керенского и опасавшиеся, что он может злоупотреблять «чрезвычайными полномочиями», высказали свое категорическое несогласие и пригрозили подать в отставку, если предложение Керенского будет принято. Большинство министров все-таки поддержало премьер-министра и, чтобы предоставить ему полную свободу действий при формировании нового правительства, они, в сознании собственного долга, официально предложили свою отставку. Керенский, по-видимому, принял отставку, но попросил членов кабинета оставаться на своих по-

стах в качестве исполняющих обязанности министров до создания нового правительства. Только Кокошкин отказался⁵⁷.

Последнее официальное заседание второй коалиции продолжалось почти до 4 часов утра 27 августа. После его завершения Керенский отправил Корнилову краткую телеграмму, приказывая передать свой пост начальнику штаба генералу Лукомскому и немедленно выехать в Петроград. Получив в Могилеве четыре часа позднее данную депешу, ошеломленный Лукомский сразу же телеграфировал: «Остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно... Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым... Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала... Не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова»⁵⁸.

Ответ Лукомского, конечно же, разбил надежды Керенского на быстрое устранение Корнилова и на предотвращение открытого конфликта. Более того, отправленные Корниловым фронтовые части продолжали двигаться к Петрограду. Поэтому в полдень 27 августа Керенский начал составлять планы обороны столицы. В этой связи он приказал объявить Петроград на военном положении, а Савинкова, на которого в борьбе и с ультралевыми элементами и с Корниловым можно было положиться, назначил генерал-губернатором Петрограда и ответственным за все военные приготовления. Керенский также подготовил публичное заявление о кризисе, обнародование которого задержал на несколько часов, пока сначала Савинков, а затем Маклаков безуспешно пытались по прямому проводу убедить Корнилова уйти со своего поста⁵⁹. Тем временем Керенский старался не подпустить корниловские части к столице. В телеграмме, которую он направил, помимо других, главнокомандующему Северным фронтом, командующему 3-м корпусом и генералу Корнилову говорилось: «Приказываю все эшелоны, следующие на Петроград и в его район, задерживать и направлять в пункты прежних последних стоянок». Далее сообщалось, что в столице все спокойно и никаких выступлений не ожидается⁶⁰.

Приказа никто не исполнил. И вечером было обнародовано заявление Керенского, а копия отправлена Корнилову. Учитывая все обстоятельства, заявление оказалось довольно сдержанным. О движении воинских частей с фронта к Петрограду вообще не упоминалось. Население лишь информировали, что Корнилов через Львова потребовал от Временного правительства передачи всей гражданской и военной власти, что этот акт отражает стремление части определенных кругов к «установлению в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции», и что в этой связи правительство уполномочило Керенского принять быстрые и решительные контрмеры. Как указывалось в заявлении, к этим мерам относились: увольнение Корнилова и объявление Петрограда на военном положении⁶¹.

Как в то время писала в дневнике поэтесса Зинаида Гippiус, узнав о заявлении, Корнилов «должен был в первую минуту подумать, что кто-то сошел с ума. В следующую минуту он возмутился»⁶². Ведь Корнилов не посылал Львова и, как ему казалось, правительству не угрожал. Поздно ночью Завойко составил взволнованную, хотя по обыкновению неуклюже сформулированную ответную телеграмму, которую разослали всем военачальникам и сразу же зачитали корреспондентам. Помимо прочего, в ней говорилось: «Телеграмма министра-председателя... во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал... Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя... Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша умирает!

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германской Генеральной штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагами — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни...

27 августа 1917 года

Генерал Корнилов»⁶³.

Опубликовав данное объявление войны, Корнилов дал указание продолжить движение войск по железной дороге на Петроград. Какое-то время уверенность генерала в том, что 3-й корпус последует за своими командирами, как будто оправдывалась. 27 августа части Дикой дивизии погрузились в эшелоны, направившиеся к столице. На следующее утро передовой отряд дивизии подошел к Вырице; Уссурийская конная дивизия достигла Пскова и продолжала идти на Нарву — Ямбург; 1-я Донская казачья дивизия двигалась от Пскова и приблизилась к Луге⁶⁴.

Значительная часть высшего начальствующего состава быстро оповестила о своей лояльности Корнилову. Так поступили главнокомандующие Северным и Западным фронтами генералы Клембовский и Валуев, заместитель главнокомандующего Румынским фронтом генерал Щербатов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Денинкин. Последний телеграфировал Керенскому:

«16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило,

растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена ... Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главноверха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом совести довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду»⁶⁵.

Главный комитет Союза офицеров разослал телеграммы всем штабам армии и флота, заявляя, что Временное правительство «не может дальше оставаться во главе России», и призывая всех офицеров быть «твердыми и непоколебимыми» в поддержке Корнилова⁶⁶.

28 августа в преддверии победы Корнилова цены на акции на петроградской фондовой бирже резко подскочили. Многим правительственным чиновникам положение Керенского казалось безнадежным. Характерной для циркулировавших в то время тревожных сообщений явилась телеграмма, полученная Терещенко от представителя министерства иностранных дел в Могилеве князя Григория Трубецкого. Он докладывал: «Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону встанет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов... В большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, — равнодушие, которое подчиняется удару хлыста»⁶⁷.

Последующие события покажут, насколько ошибочной была данная оценка ситуации. Почти с самого начала корниловского кризиса социалистические руководители, зная лучше настроения масс, были уверены, что силы, нацелившиеся на создание военной диктатуры, непременно получат отпор⁶⁸. Возможно даже, вспоминает Суханов, что некоторым политическим лидерам, тесно связанным с рабочими и солдатами, сообщение о наступлении Корнилова принесло некоторое чувство «облегчения... возбуждения, подъема и какую-то радость какого-то освобождения». Появилась надежда, что «демократия может воспрянуть и революция может быстро выйти на свой законный, давно утерянный путь»⁶⁹. Однако Керенский едва ли разделял подобные чувства. В то время когда боевые колонны Корнилова, ведомые Крымовым, казалось, взяли Петроград в клещи, когда силы правых и левых изготовились для фронтального удара, премьер-министр наконец уяснил всю глубину собственной изоляции. Оказавшийся между двух огней и ожидая репрессий, кто бы ни победил, Керенский впал в отчаяние. Керенскому показалось, что его политическая карьера подошла к концу.

Большевики и поражение Корнилова

В воскресенье 27 августа, в день, избранный для празднования полугодового юбилея Февральской революции, Петроград проснулся почти при идеальной погоде. Теплый воздух был кристально чистым. Крупные буквы плакатов, во множестве расклеенных по городу, напоминали гражданам о массовых митингах, которые должны были состояться в этот день в главных собраниях и концертных залах столицы. Утренние газеты не содержали ни малейшего намека на развернувшуюся открытую борьбу между Корниловым и Керенским. Всю первую полосу газеты «Известия» занимал призыв к пожертвованиям в пользу Петроградского Совета. В нем, в частности, говорилось: «Долг каждого рабочего, солдата, крестьянина, долг всякого сознательного гражданина — в эти роковые черные дни поддержать всем, чем он может, полномочный орган Всероссийской Революции». Второй день подряд газета «Рабочий» уговаривала рабочих и солдат не реагировать на провокационные призывы к революционным выступлениям. «Темные личности, — предупреждала газета, — распускают слухи о готовящемся на воскресенье выступлении и ведется провокационная агитация якобы от имени нашей партии. Центральный Комитет РСДРП призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационные призывы к выступлению и сохранить полную выдержку и спокойствие».

Большинство высших руководителей Совета выступали воскресным утром в различных районах Петрограда с речами на массовых митингах, посвященных сбору денежных средств. К полудню в Смольном институте, бывшем привилегированном учебном заведении для благородных девиц, который с начала августа являлся главной штаб-квартирой Совета, стали распространяться слухи о разрыве между Корниловым и Керенским¹. Всю серьезность необычной ситуации, в которой оказалось правительство, депутаты Совета осознали только после полудня. В этот момент лидеры представленных в Совете партий начали собирать своих коллег на экстренные заседания фракций. Но только вечером в 11.30, т.е. более чем через двадцать четыре часа после того, как Керенский пришел к выводу о том, что Корнилов намерен свергнуть правительство, собрались ЦИК и ИВСКД на

совместное закрытое пленарное заседание, чтобы обсудить кризис. Обсуждение, проходившее в величественном актовом зале Смольного, длилось с перерывами всю ночь и утро 28 августа. Перед депутатами стояли две трудные, взаимосвязанные проблемы. Во-первых, учитывая явный сговор и последующий конфликт между Керенским и Корниловым, крах второй коалиции и намерение Керенского учредить Директорию, Совету предстояло выработать позицию относительно будущей судьбы Временного правительства. Помимо этого, обстоятельства заставляли депутатов заняться более неотложной задачей оказания помощи в организации обороны столицы.

Дебаты по вопросу о власти были жаркими. Представитель большевиков Сокольников встал на ту точку зрения, что революционная демократия не может выразить доверие существующему правительству, давая понять, что его следует немедленно распустить. «Само Временное правительство создало почву для контрреволюции, — утверждал он. — Только проведение решительной программы: республика, мир и хлеб — может вселить в массы доверие к власти». Вместе с тем большевики в тот момент еще не предложили официальной резолюции по вопросу о власти. Умеренные социалисты со своей стороны приняли на веру версию Керенского о его разногласиях с Корниловым, то есть что налицо тщательно спланированный заговор против революции и законного правительства. В сложившихся обстоятельствах они не видели другого выхода, кроме как поддержать премьер-министра. Так, в начале заседания С.Л. Вайнштейн от имени меньшевиков заявил: «Единственное лицо, которое может сейчас создать власть, — Керенский. Если погибнет Временное правительство, погибнет дело революции».

Сперва ЦИК и ИВСКД категорически отвергли предложение представителя эсеров В.Н. Рихтера о возможном участии вместе с Керенским в создании Директории. Большинство явно симпатизировало заявлению Мартова, что «всякая директория родит контрреволюцию». Депутаты приняли резолюцию, в которой указывалось, что форма правительства должна остаться без изменений, и поручалось Керенскому заполнить вакансии, образовавшиеся в правительственном кабинете после выхода кадетов, «демократическими элементами». Одновременно они договорились принять меры к созыву в самое ближайшее время еще одного государственного «совещания» с участием только представителей тех демократических организаций, которые поддерживали платформу Совета на Московском государственном совещании. Условились также, что это совещание вновь рассмотрит вопрос о власти и что Временное правительство несет перед совещанием ответственность до созыва Учредительного собрания. Примечательно, что большевики предпочли скорее воздержаться, чем голосовать против этой резолюции, призывавшей к сохранению коалиции, возглавляемой Керенским, а в вопросе созыва нового Государственного совещания они примкнули к

меньшевикам и эсерам, требовавшим, чтобы совещание было «революционным», то есть составлено исключительно из социалистических групп.

Во время прерыва члены президиума совершили короткую поездку в Зимний дворец, чтобы проинформировать правительство о вынесенных решениях. Однако Керенский продолжал настаивать на немедленном создании облеченной всей полнотой власти Директории из 5 человек. Только небольшое и крепко спаянное правительство, заявил он, способно действовать достаточно быстро и решительно и успешно справиться с наступлением правых. Позиция Керенского, о которой сообщили вернувшиеся в Смольный делегаты, вызвала новую волну ожесточенных споров. Говоря от имени большевистской фракции, Луначарский, например, вопреки решению VI съезда утверждал, что «настало время для Советов создать национальное правительство». Он внес на рассмотрение резолюцию, в которой и движение Корнилова и Временное правительство клеймились как контрреволюционные и выдвигалось требование относительно создания правительства рабочих, крестьян и солдат (для слушателей Луначарского это означало передачу всей власти Советам). Это правительство должно было декретировать «демократическую республику» и ускорить созыв Учредительного собрания². По всей видимости, данное предложение на голосование не ставилось.

С наступлением утра возникшая для революции опасность предстала перед депутатами в еще более тревожных очертаниях. Многие только теперь впервые узнали о нависшей военной угрозе со стороны наступавшего 3-го корпуса Крымова, а также о том, что генералы нескольких фронтов открыто приняли сторону Корнилова. В этой напряженной обстановке верили самым невероятным слухам: «В Луге идут бои», «Взорван железнодорожный вокзал на ст. Дно!», «Преданные Корнилову солдаты уже выгружаются на Николаевском вокзале». Под влиянием подобных сообщений напуганные депутаты постепенно перешли на сторону Керенского, в конечном счете приняв предложенную Церетели резолюцию о полной поддержке премьер-министра. Резолюция оставляла за ним право избрать нужную форму правительства при единственном условии, что оно будет энергично бороться с Корниловым. Примечательно, что даже большевики, решительно протестовавшие против предоставления Керенскому таких исключительных полномочий, заявили, что если правительство по-настоящему займется борьбой с контрреволюцией, то они заключат с ним военный союз³.

Столкнувшись с непосредственной военной угрозой, Петроградский Совет опубликовал особые воззвания и директивы ключевым политическим и общественным организациям, армейским и фронтовым комитетам, почтово-телеграфным служащим, Петроградскому гарнизону. Директивы Совета предписывали: не выполнять приказаний Ставки, следить за движением

контрреволюционных войск и чинить им всяческие препятствия, нарушать почтовую и иную связь между частями, враждебно настроенными к революции, немедленно исполнять приказы Совета и Временного правительства⁴. Чтобы помочь в организации и руководстве борьбой с силами Корнилова, ЦИК и ИВСКД создали чрезвычайный военный оборонительный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, который приступил к работе в полдень 28 августа.

С самого начала предполагалось, что в Комитет народной борьбы с контрреволюцией войдут, помимо прочих, по три представителя от меньшевиков, эсеров и большевиков. Присутствие последних свидетельствовало о признании (хотя и неохотном) преимуществ и растущего влияния большевиков в массах. Но будут ли большевики в самом деле вместе с умеренными социалистами и правительством бороться против Корнилова? В тот момент, когда контрреволюционные войска подходили все ближе и ближе и столица готовилась к битве, этот вопрос являлся решающим для лидеров умеренных социалистов. Позднее один меньшевик-интернационалист следующим образом подчеркивал значение большевиков в то время:

Военно-революционный комитет, организуя оборону, должен был привести в движение рабочие и солдатские массы. А эти массы, поскольку они были организованы, были организованы большевиками и шли за ними. Это была тогда единственная организация — большая, спаянная элементарной дисциплиной и связанная с демократическими недрами столицы. Без нее военно-революционный комитет был бессилён; без нее он мог бы пробавляться одними воззваниями и ленивыми выступлениями ораторов, утеравших давно всякий авторитет. С большевиками военно-революционный комитет имел в своем распоряжении всю наличную организованную рабоче-солдатскую силу⁵.

Составить подходящую программу действий во время корниловского мятежа было для большевиков не простым делом. Хотя нескольких видных руководителей, посаженных в тюрьму в июле, уже освободили (например, Каменева), Троцкий, которому скоро предстояло сыграть важную роль в судьбе партии, еще томился в заключении. Ленин и Зиновьев все еще скрывались: первый — в Финляндии, второй — в пригороде Петрограда. Ленин пересылал директивы, касавшиеся борьбы с Корниловым, своим коллегам в Петроград так быстро, как только мог, и все-таки его указания, написанные 30 августа, достигли столицы лишь в первых числах сентября, когда кризис уже миновал⁶.

Разумеется, практическим ориентиром партийному руководству служили вызвавшие в свое время ожесточенные споры резолюции по тактике, принятые четырьмя неделями ранее на VI съезде. Вместе с тем, как мы видели, они были неопределенными: в то время как резолюция съезда «О политическом положении» поощряла совместные действия со всеми элементами, посвятившими себя борьбе с контрреволюцией, резолюция «Об

объединении партии», которая особо подчеркнула, что меньшевики «перешли в стан врагов пролетариата», как видно, запрещала сотрудничество большевиков с умеренными социалистами в любой форме⁷. Означало ли это, что партия не могла совместно с меньшевиками и эсерами, не говоря уже о правительстве, принимать меры к защите от Корнилова и что вместо этого ей нужно было проводить совершенно независимый революционный курс?

В ночь с 27 на 28 августа лидеры петроградских большевиков имели все основания предположить, что ленинская оценка ситуации соответствует взглядам, изложенным в резолюции «Об объединении». Помимо совершенно определенных заявлений в середине июля и его указаний VI съезду, прямое отношение к данной проблеме имели дополнительные инструкции большевистскому Центральному Комитету и статья «Слухи о заговоре», которую Ленин написал 18 — 19 августа⁸. Взяться за эту статью его побудило прочитанное в «Новой жизни» за 17 августа сообщение о сотрудничестве большевиков и умеренных социалистов во Временном революционном комитете, организованном Московским Советом во время работы Московского государственного совещания⁹. Из этой информации Ленин сделал правильный вывод о том, что московские большевики установили тесный союз с местными меньшевиками и эсерами, чтобы вместе отразить предполагаемое контрреволюционное выступление военных. Новость крайне возмутила Ленина. Это было еще одно свидетельство нежелания многих из наиболее влиятельных товарищей решительно порвать с меньшевиками и эсерами и их склонности работать вместе с «соглашателями» в достижении общих целей. Ленина тревожило, что подобные поползновения внутри партии ограничат ее способность к решительным действиям с целью захвата власти в подходящий момент. Поэтому он беспощадно раскритиковал московских большевиков.

Исходя из посылки, что Временное правительство и большинство социалистов относятся к революции не менее враждебно, чем Корнилов и казачьи части генерала Каледина, Ленин утверждал, что контрреволюционные страхи середины августа специально инспирированы меньшевиками и эсерами, чтобы ввести в заблуждение массы и выдать себя за истинных революционеров. Он, в частности, писал:

«Политический расчетец предателей меньшевиков и оборонцев яснее ясного... Трудно поверить, чтобы могли найтись такие дурачки и негодяи из большевиков, которые пошли бы в блок с оборонцами теперь. ... При такой резолюции съезда большевики, которые пошли бы в блок с оборонцами... такие большевики, разумеется, были бы немедленно — и по заслугам — исключены из партии... Допустим самое лучшее... допустим, что они, по наивности, в самом деле поверили в слухи... Ясно, что и в этом случае ни один честный или не потерявший совершенно головы большевик не пошел бы ни на какой блок с оборонцами... Даже в

этом случае большевик сказал бы: наши рабочие, наши солдаты будут сражаться с контрреволюционными войсками... защищая не это правительство... а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои... Большевик сказал бы меньшевикам: конечно, мы будем сражаться, но ни на малейший политический союз с вами, ни на малейшее выражение доверия к вам мы не пойдём...»

В приложенных к статье «Слухи о заговоре» инструкциях Ленин просил ЦК провести официальное расследование поведения местных большевистских руководителей во время Московского государственного совещания и потребовал отстранить от работы в Центральном и Московском комитетах всех членов, участвовавших в блоках. По его мнению, народный протест, вызванный Московским совещанием, показал, что восстание типа 3 — 5 июля не за горами и что, когда оно произойдет, партия должна будет взять власть в свои руки. В этой связи он писал: «Крайне важно, чтобы в Москве “у руля” стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали *новые задачи, новый лозунг* взятия власти...»¹⁰.

Имеется лишь отрывочная информация, касающаяся первоначальной реакции большевистских лидеров в Петрограде на сообщение о выступлении Корнилова против Временного правительства. Как видно, ЦК собрался в полном составе лишь 30 августа, чтобы рассмотреть происшедшие события¹¹. Члены большевистской фракции ЦИК, в которую входило несколько членов ЦК, свое первое заседание в связи с наступившим кризисом провели вечером 27 августа. Они, по-видимому, совещались вновь после полуночи, во время перерыва в работе ЦИК и ИВСКД. Следует помнить, что летом 1917 года в партийной фракции Совета сильным влиянием располагали такие умеренные, как Каменев. На Апрельской конференции, а затем с меньшей энергией на VI съезде, представители правого крыла партии отвергли радикальный революционный курс Ленина. Точно так же они поступили и в ночь с 27 на 28 августа. В начале заседания ЦИК и ИВСКД представитель большевиков не внес официальную резолюцию по вопросу о власти. Позже партия поддержала предложение меньшевиков и эсеров о созыве еще одного государственного совещания на широкой основе для оценки политической ситуации. После того как стала известна твердая позиция Керенского в вопросе Директории, Луначарский не только потребовал, чтобы Совет решительно порвал с существующим правительством, но и взял на себя задачу формирования новой власти. Его резолюция, предусматривавшая провозглашение демократической республики и немедленный созыв Учредительного собрания, полностью соответствовала теоретическим воззрениям умеренных. Еще хуже было то, если иметь в виду позицию, изложенную в статье «Слухи о заговоре», что в накаленной обстановке представи-

тель большевиков действительно предложил правительству союз в деле защиты революции.

Примерно в это же время в Смольном впервые собралась большевистская фракция Совета, а на другом конце города в Нарвском районе проводил экстренное заседание Петербургский комитет¹². По иронии судьбы, совещание было запланировано тремя днями ранее по настоянию воинственно настроенных большевиков Выборгского района, недовольных, как им казалось, неспособностью высших партийных органов адекватно реагировать на растущую опасность контрреволюции. Заседание началось докладом члена ЦК Андрея Бубнова о последних событиях. Революционер со времен студенчества в Иваново-Вознесенске, переживший тринадцать арестов и пять раз заключенный в тюрьму, 34-летний Бубнов лишь недавно появился в Петрограде, переселившись из Москвы в столицу после избрания в Центральный Комитет на VI съезде. В Москве Бубнов был связан с группой молодых радикалов в Московском областном бюро¹³. В начале октября он выступит в Петербургском комитете в поддержку требования Ленина о немедленном вооруженном восстании и против сторонников более осторожной тактики¹⁴. Собравшимся ночью 27 августа местным партийным работникам он предложил значительно более независимый и радикальный курс, чем тот, который проводили партийные лидеры в Смольном. Как видно, знакомый с ленинской статьей «Слухи о заговоре», он предостерег Петербургский комитет от повторения ошибок некоторых московских большевиков во время Московского государственного совещания в вопросе блокирования с меньшевиками и эсерами. В Москве, заметил Бубнов, «сначала они (Временное правительство) обратились к нам, а потом на нас плюнули». Полностью отвергая идею участия большевиков в оборонительных блоках любого толка, он заявил: «Ни в какие сношения с Советским большинством не входить». Вместо этого он потребовал, чтобы большевики сами руководили действиями масс, преследуя собственные интересы, не оказывая помощи ни Керенскому, ни Корнилову¹⁵.

Когда Бубнов закончил, против тезиса о том, что исход борьбы правительства с верховным командованием для партии не имеет значения, возразил Калинин, который утверждал, что, если Корнилов станет одерживать верх над Керенским, большевикам придется встать на сторону последнего. Последующие ораторы, выразив несогласие с умеренной позицией Калинина, дали волю личной неприязни к умеренным социалистам и правительству, а также к Корнилову. В состоянии крайнего раздражения они резко критиковали высшее партийное руководство — умеренных большевиков из Исполнительного Комитета за чрезмерное «оборончество», руководителей Военной организации за уклончивость, Центральный Комитет за «туманные функции» во время июльского кризиса. И Центральный Комитет, и Исполнительную комиссию Петербургского комитета бранили за

слишком долгое сдерживание масс, за произвольные и разобщенные действия и за мелкобуржуазные взгляды. В то же время оба комитета подверглись критике за недостаточное руководство, особенно за то, что не уделяли должного внимания вопросу своевременного информирования партийных низов и масс о переменах в политической обстановке. Как обычно, непочтительный Лацис из Выборгского района заметил: «Наши центральные органы за последнее время заставляют опасаться за судьбу нашей партии».

В середине совещания недовольство Исполнительной комиссией достигло такой точки, что стал казаться возможным ее немедленный роспуск. В конце концов договорились на следующем совещании провести новые выборы комиссии. Хотя некоторые члены Петербургского комитета, возможно, про себя и полагали, что пришла пора мобилизовать массы на вооруженное восстание, однако для большинства в комитете дискуссии на подобную тему представлялись, по выражению Калинина, бессмысленными. В какой-то момент ожесточенных дебатов не названный по фамилии представитель районного комитета переключил внимание на практические вопросы. Он, в частности, сказал: «У нас вермишель: и текущий момент, и обстрел Исполнительной комиссии». Затем он предложил перейти к обсуждению конкретных мер.

Несмотря на все взаимные обвинения, члены Петербургского комитета несколько не сомневались в том, что потребуются все ресурсы партии, сплочение усилий массовых организаций, рабочих, солдат и моряков для борьбы с Корниловым не на живот, а на смерть. И вот члены комитета занялись приготовлениями к сражению. Хотя и поздно, но даже Бубнов признал, что «с информационной целью» партии придется поддерживать связь с военным органом, созданным руководством Совета. В результате организовали систему связи с посыльными от каждого района при штаб-квартире Петербургского комитета и установили круглосуточное дежурство и в районных, и в заводских комитетах. На Исполнительную комиссию возложили ответственность за изготовление листовок, призывающих рабочих и солдат к оружию, и за военное планирование с учетом меняющейся обстановки. Было решено на следующий день направить в рабочие районы партийных агитаторов. И, что особенно важно, выделили конкретных лиц для координации военных приготовлений с основными массовыми организациями столицы. Словом, в полной мере осознавая различия между собственными целями и целями Керенского и проявляя осторожность в вопросе слишком тесного сотрудничества с умеренными социалистами, члены Петербургского комитета объединили свои усилия с усилиями других левых групп и направили свой организационный талант, громадные ресурсы и энергию на борьбу с Корниловым.

По всем признакам во время корниловского мятежа желание немедленного восстания против Временного правительства, а

заодно и против Корнилова проявлялось сильнее в большевистской Военной организации, чем в Петербургском комитете. Боевой настрой, по крайней мере какой-то части Военной организации, нашел отражение в специальном выпуске газеты «Солдат» от 29 августа, а также в нескольких статьях обычного выпуска за то же число¹⁶. Передовица специального выпуска следующим образом характеризовала ситуацию:

«Заговор открыт... Страшны не те две* туземные дивизии, которые остановлены на станции Дно... страшен тот могучий механизм армии, который находится в его (Корнилова) руках, армии, подавленной и запуганной, которую он может путем гнусной провокации двинуть против революции. Мы видели здесь, в Питере, как это делается. Зачем нужны были Корнилову... злостные слухи о «резне», подготовляемой большевиками якобы в день полугодовщины революции. Это дело его рук. Если бы провокация удалась, если бы на улицах Питера снова загремели выстрелы, ни Керенский, ни вожди Совета ни одной минуты не колебались бы призвать Корнилова на помощь и он явился бы сюда в ореоле «спасителя» во главе своих чеченцев и ингушей...

Силы контрреволюции громадны, и едва ли не самая огромная ее сила в готовности правительства скорее уступить Корнилову, чем пойти на полное развитие революции, потому что только полное развитие революции, только последовательная революционная власть не пойдут ни на сделку с Корниловым, ни на сделку с немцами. А полное развитие революции — это означает — вся власть революционным рабочим и крестьянской бедноте и беспощадная борьба со всеми врагами народа.

Точно так же, как у нас теперь, враг стоял под стенами Парижа в 1878 году, точно так же буржуазия предпочитала сделку с врагом, чем уступить рабочим. Рабочие низвергли буржуазию, взяли власть в свои руки и уступили только потому, что были раздавлены превосходными силами правительственных войск. Они были побеждены потому, что были одиноки.

Теперь не то. Рабочая революция, власть революционного народа, диктатура рабочего класса и беднейших крестьян не пройдут бесследно в стране, шестой месяц проживающей революцию. Революционный Петроград, как некогда революционный Париж, поведет за собой страну. И другого выхода нет».

Насколько можно судить, боевой пыл Военной организации во время корниловского кризиса не выходил за рамки журналистских упражнений. Ночью 28 августа лидеры «Военки» провели встречу со своими представителями в большинстве воинских частей гарнизона. Председательствовал на ней Свердлов, после июльского восстания уполномоченный Центральным Комитетом контролировать деятельность Военной организации. В принятой собранием солдат-большевиков резолюции вина за консолидацию контрреволюции возлагалась на «согла-

* Так в тексте. — *Прим. ред.*

шателей» в Совете, которые этому попустительствовали. Резолюция призывала к организации «власти народа», давая, правда, понять, что в ней могли бы участвовать и «соглашатели». Признаком готовности большинства умеренных социалистов в Совете порвать с контрреволюционной буржуазией служили содержащиеся в резолюции требования, касавшиеся, помимо прочего, освобождения арестованных после июльского восстания большевиков, ареста контрреволюционных офицеров, приведения в боевую готовность частей Петроградского гарнизона и обсуждения с представителями солдатских организаций планов обороны и подавления контрреволюционных сил. Резолюция также высказалась за вооружение рабочих и отмену на фронте смертной казни¹⁷.

После совещания представители Военной организации вернулись в свои части и до окончания кризиса больше вместе не собирались. В соответствующих источниках содержится мало сведений о дальнейших самостоятельных действиях Военной организации и ее Бюро в борьбе с Корниловым¹⁸. Но это отнюдь не означает, что в тот период члены Военной организации не играли весьма важной роли. Скорее всего, случилось так, что в чрезвычайных обстоятельствах, внезапно возникших в связи с приближением корниловских войск, лидеры Военной организации, как и их коллеги из Петербургского комитета, сосредоточили все свои усилия на оказании помощи в защите революции через специально созданные внепартийные массовые организации, подобные Комитету народной борьбы с контрреволюцией, и через Советы. Работая в рамках этих организаций, большевики из Военной организации играли видную роль, помогая мобилизовывать и вооружать большое число рабочих, солдат и моряков, обеспечивая их программными установками и тактическим руководством. Свою официальную позицию в отношении кризиса партия изложила в директивной телеграмме Центрального Комитета, переданной 20 главным провинциальным комитетам большевиков 29 августа. В ней, в частности, говорилось: «Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом, при полной самостоятельности политической линии»¹⁹.

Специальные комитеты, похожие на Комитет народной борьбы, были созданы по всей России еще во время Февральской революции. В несколько меньших масштабах такие же организации вновь появились в период Июньского и Июльского кризисов и во время контрреволюционной угрозы в середине августа. Подавляющее большинство этих комитетов существовало очень короткое время, чем они в известной мере отличались от более устойчивых Советов. Объединяя представителей всех левых групп, спонтанно возникавшие комитеты удовлетворяли потребности в авторитетных военно-революционных организациях, способных на быстрые действия в чрезвычайных ситуациях.

С началом мятежа Корнилова эти комитеты стали появляться как грибы после дождя. С 27 по 30 августа в различных частях России, часто при городских и сельских Советах, было создано более 240 комитетов²⁰. Только в Петрограде и его окрестностях, помимо Комитета народной борьбы, сформированного ЦИК в ночь с 27 на 28 августа, такие комитеты, помогавшие мобилизовать и организовать массы, доставлять оружие и боеприпасы, обеспечивать функционирование жизненно важных коммунальных служб, то есть направлять и координировать усилия по защите революции, были созданы Петроградским Советом, Междурайонным совещанием, несколькими районными Советами, а также флотскими Советами Ревеля, Гельсингфорса и Кронштадта.

Отчасти вследствие изоляции и отсутствия у Временного правительства авторитета в наиболее враждебных Корнилову слоях российского общества, а также, несомненно, потому, что многие высокопоставленные правительственные чиновники втайне симпатизировали Корнилову и, следовательно, в кампании против него занимали в лучшем случае пассивную позицию²¹, Комитет народной борьбы, и особенно его военная секция, волею неволей превратился в общенациональный командный пункт борьбы с правыми. Сформированный 28 августа Комитет включал по три представителя от большевиков, меньшевиков и эсеров, пять представителей от ЦИК и ИВСКД и по два представителя от Центрального Совета профсоюзов и Петроградского Совета. На следующий день в него вошел один представитель Междурайонного совещания. Кроме военной секции, Комитет народной борьбы располагал политическим комиссариатом и информационной секцией²². Из Комитета непрерывным потоком шли специальные бюллетени, распространявшиеся Петроградским телеграфным агентством, которые доводили до сведения широкой публики обращения и директивы правительства, Советов, других массовых организаций, держали граждан повсюду в стране в курсе происходивших политических и военных событий. Комитет также помогал в распределении оружия и боеприпасов частям гарнизона, нуждавшимся в подкреплении, принимал меры по охране продовольственных запасов, направлял влиятельных работников Советов для агитации среди вражеских частей и одновременно, действуя через профсоюзы почтово-телеграфных и железнодорожных служащих, стремился помешать продвижению Корнилова к столице²³.

Тем не менее главные события корниловского мятежа развивались с такой быстротой, что эффективно координировать кампанию против правых даже в районе Петрограда было невозможно. Но в этом не было и нужды. Вздуроченные сообщениями о наступлении Корнилова, все политические организации левее кадетов, все более или менее значительные профсоюзные организации, солдатские и флотские комитеты всех уровней сразу же поднялись на борьбу с ним. Трудно обнаружить в но-

вейшей истории более мощную и эффективную, во многом стихийную и дружную массовую политическую акцию.

В имеющихся документах с особой наглядностью проступают инициатива, энергия и авторитет петроградского Междурайонного совещания Советов²⁴ в дни корниловского мятежа. Уже 24 августа совещание (все еще руководимое меньшевиком-интернационалистом Александром Гориным, но находившееся под сильным влиянием большевиков), опасаясь скорого наступления контрреволюции, приняло резолюцию, требуя от правительства немедленного провозглашения России демократической республиканской и заявления о том, что цели России в войне (по-видимому, в том виде, как их определил Петроградский Совет в марте) остались неизменными. Резолюция настаивала на немедленной ликвидации контрреволюционных центров и официальном признании демократических комитетов в армии, она требовала положить конец преследованиям левых элементов, призывала к скорейшему созданию Комитета общественно-го спасения и боевых отрядов рабочих и безработных для защиты революции²⁵.

В результате Междурайонное совещание было вполне готово к быстрым действиям, когда через несколько дней стали известны намерения Корнилова. На экстренном заседании 28 августа делегаты районных Советов приняли решение — направить своих постоянных представителей в Комитет народной борьбы и в каждую из его секций для участия в совещаниях, оказания действенной помощи в организации вооруженной милиции под политическим руководством Междурайонного совещания и районных Советов, для обеспечения контроля со стороны районных Советов за действиями полномочных комиссаров на местах, налаживания патрульной службы с целью задержания контрреволюционных агитаторов и установления во всех районах тесной связи между Советами и думами²⁶. И это было не просто пожелание. Междурайонное совещание сразу же разослало всем районным Советам Петрограда и его пригородов конкретные указания относительно мобилизации, организации и вооружения рабочей милиции²⁷. В течение всего периода корниловского мятежа Междурайонное совещание в Смольном и штаб-квартиры районных Советов превратились в руководящие центры охраны революционного порядка и массовых действий против контрреволюции²⁸.

Деятельность Петергофского районного Совета — хороший пример инициатив, проявленных другими районными Советами. 28 августа Михаил Богданов, рабочий-строитель, большевик, представлявший Петергофский Совет в Междурайонном совещании, сообщил своему Совету (как оказалось, ошибочно), что лояльные войска в Луге потерпели поражение. Он также информировал депутатов Петергофа о планах Междурайонного совещания по организации рабочей милиции. Слушавшие Богданова быстро договорились обсудить на фабрично-заводских собраниях необходимые в сложившихся чрезвычайных обстоя-

тельствах меры и сформировать Революционный комитет для организации и руководства «Красной гвардией»²⁹.

На следующее утро по всему району расклеили обращение Революционного комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов района Петрограда. В нем говорилось, что «военные заговорщики во главе с предателем генералом Корниловым, опираясь на слепоту и несознательность некоторых дивизий, движутся к сердцу революции — Петрограду». Их сообщники, указывалось далее в обращении, «пытаются нанести удар в спину революционным войскам, защищающим Петроград, распуская провокационные слухи и призывы, чтобы создать панику в населении и преждевременно вызвать рабочих на улицу». «Не поддавайтесь провокации, — предупреждало обращение. — Не допускайте пьянства... Сохраняйте своими силами революционный порядок в городе... Никаких выступлений без их призыва... Граждане, все силы на борьбу с контрреволюцией... Сохраняйте прежде всего спокойствие, выдержку и дисциплину». По указанию Петроградского Революционного комитета многим фабрично-заводским рабочим выдали оружие и послали рыть окопы, возводить баррикады и устанавливать проволочные заграждения на южных подступах к городу. Одновременно другим рабочим поручили следить за деятельностью потенциальных сторонников правых, охранять предприятия и помогать поддерживать порядок³⁰.

Такую же активность в борьбе с Корниловым развили и другие организации, как, например, Петроградская городская дума, Петроградский совет профсоюзов³¹, Центральный совет фабрично-заводских комитетов, отдельные профсоюзные организации и заводские комитеты. На экстренном заседании 28 августа Городская дума, в которой большевики теперь представляли вторую по величине силу, постановила подготовить соответствующие обращения к войскам Корнилова и населению Петрограда. Депутаты также образовали комиссию для совместной работы с городскими властями по закупке и распределению продовольствия и выделили группу депутатов, которым предстояло отправиться в Лугу для агитации в корниловских войсках³².

Кроме того, на совместном заседании 26 августа Петроградский совет профсоюзов и Центральный совет фабрично-заводских комитетов поддержали требование Междурайонного совещания о создании Комитета общественного спасения для организации защиты столицы. Теперь, на внеочередном заседании 28 августа, Исполнительная комиссия Петроградского совета профсоюзов, в которой большевики имели значительное влияние, направила в Комитет народной борьбы своего представителя, большевика Василия Шмидта. На следующее утро, узнав от руководителя службы продовольственного снабжения о тревожном положении с запасами продовольствия в столице, Совет профсоюзов, собравшись в полном составе, образовал собственную продовольственную комиссию, в которую вошли представи-

тели профсоюзов рабочих транспорта, мукомольных и продовольственных предприятий, ресторанов, продуктовых магазинов, а также Совета профсоюзов³³. 29 августа Центральный совет фабрично-заводских комитетов встретился с представителями фабзавкомов промышленных предприятий столицы, чтобы оценить приготовления к обороне и помочь распределить среди рабочих оружие. В тот же вечер состоялось совместное заседание Совета профсоюзов и Центрального совета фабзавкомов. Заслушав отчет Шмидта о работе Комитета народной борьбы, участники совещания решили поддержать Комитет всеми средствами и согласовывать с ним собственные оборонительные усилия. Они также приняли решение: потребовать освобождения революционеров, все еще находящихся в тюрьмах, принять действенные меры против правой прессы и арестовать контрреволюционеров. Кроме того, пересмотрев свой подход к вопросу раздачи рабочим оружия, они с воодушевлением поддержали эту акцию³⁴.

Петроградский союз металлистов, который, представляя более 200 тыс. рабочих, являлся, безусловно, самым мощным профсоюзом России, выделил из собственной казны 50 тыс. рублей и предоставил в помощь Комитету народной обороны свой многочисленный и опытный служебный аппарат. Контролируемый левыми эсерам профсоюз шоферов заявил, что правительство может рассчитывать на любые транспортные и ремонтные услуги, которые союз в состоянии обеспечить, а союз печатников, где преобладали меньшевики, приказал наборщикам бойкотировать издательства, выпускающие газеты, поддерживавшие Корнилова³⁵.

Что касается отдельных профсоюзов, то в период корниловского мятежа наиболее важную роль, конечно же, играл союз железнодорожников. 28 и 29 августа ЦИК предупредил железнодорожных служащих, что в их силах предотвратить ненужное кровопролитие. Железнодорожникам поручили следить за продвижением воинских частей к Петрограду, неукоснительно выполнять приказы правительства и Совета относительно задержания и изменения направления движения эшелонов и игнорировать распоряжения Корнилова. Примерно в это же время аналогичную телеграмму всем начальникам фронтовых и тыловых железных дорог и всем железнодорожным комитетам разослал Керенский. Еще раньше, 27 августа, Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных служащих (известный под названием Викжель) для борьбы с войсками Корнилова создал специальное бюро³⁶. 28 августа Викжель направил депеши узловым станциям железнодорожной сети России с указанием задерживать все «сомнительные телеграммы» и сообщать Викжелю о количестве и направлении движения воинских эшелонов по линии. Железнодорожному персоналу было поручено мешать продвижению контрреволюционных сил любыми способами: угонять паровозы, снимать с линии весь служебный персонал, а в необходимых случаях разбирать пути и блокировать их желез-

нодорожными составами. Им также рекомендовали прекратить доставку продовольственных грузов в местности, занятые сторонниками Корнилова. Эти директивы начали осуществляться немедленно³⁷.

Прошло всего несколько часов после опубликования заявления о корниловском мятеже, и на всех заводах и фабриках Петрограда раздались тревожные гудки. Действуя по собственному почину, без каких-либо указаний сверху, рабочие усилили охрану заводских зданий и территорий и начали формировать боевые отряды. 28 — 29 августа в рабочих районах можно было видеть длинные очереди ожидавших зачисления в отряды, которые все чаще стали именоваться «Красной гвардией»³⁸. Чтобы помочь побыстрее вооружить новобранцев, рабочие артиллерийского цеха Путиловского завода резко увеличили производство различного оружия, которое сразу же без предварительного опробования отправлялось на позиции. Рабочие-специалисты сопровождали груз и налаживали оружие на месте. Заводской комитет раскинувшегося на огромной территории Сестрорецкого оружейного завода передал вновь сформированной рабочей Красной гвардии несколько тысяч винтовок и боеприпасы. Получили оружие и из арсенала Петропавловской крепости, и от солдат гарнизона, однако спрос далеко превосходил возможности его удовлетворения. В дни корниловского кризиса многие новобранцы Красной гвардии учились обращаться с оружием под руководством солдат, выделенных для этих целей большевистской Военной организацией. После ускоренной подготовки часть красногвардейцев занимала спешно возведенные оборонительные сооружения в Нарвском и Московском районах, другие устанавливали колючую проволоку, рыли окопы, помогали разбирать железнодорожные пути, ведущие к столице, готовясь встретить наступающие части генерала Крымова.

Аналогичным образом отреагировало на корниловский мятеж и большинство солдат частично распущенного Петроградского гарнизона. Вскоре после появления 27 августа сообщений об ультиматуме Корнилова правительству войсковые комитеты и срочно организованные массовые митинги солдат, расквартированных в казармах столицы и пригородах, приняли резолюции, в которых осуждали контрреволюцию и выражали готовность защитить революцию. Солдаты гарнизона наладили постоянную связь с соседними воинскими частями, с Комитетом народной борьбы с контрреволюцией и солдатской секцией Петроградского Совета³⁹, с районными Советами и «Военкой». В войсках гарнизона отменили отпуска, увеличили число солдат охраны, провели инвентаризацию наличного оружия и боеприпасов, сформировали группы агитаторов и сводные боевые отряды для действий на фронте.

Литовский гвардейский полк принял 28 августа постановление, в котором говорилось: «Все солдаты, свободные от служебных нарядов и не имеющие медицинского удостоверения о бо-

лезни, должны отправиться с назначенным отрядом. Все офицеры и солдаты, явно уклоняющиеся от исполнения долга, подлежат революционному суду». 6-й саперный полк быстро организовал отряд из 600 человек для оказания помощи при возведении оборонительных сооружений. Петроградский разгрузочный батальон выделил пятьсот подвод для доставки грузов воинским частям, защищавшим Совет. С ночи 28 августа и до вечера следующего дня отряды вооруженных солдат всех гвардейских и резервных пехотных полков, многие артиллерийские и технические воинские подразделения столицы, часто вместе со своими офицерами, выдвинулись в Гатчину, Царское Село, Красное Село и в другие стратегические пункты, заняли окопы, частично вырытые за несколько часов до этого заводскими рабочими, и с волнением стали ожидать неприятеля. (Из Петроградского гарнизона только казачьи части и юнкера военного училища не приняли участия в походе против контрреволюции; первые сохранили нейтралитет, а вторые открыто приняли сторону Корнилова⁴⁰.)

Соединения Балтийского флота действовали в условиях кризиса примерно в том же ключе. 28 августа на объединенном заседании исполкомов Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов, Советов Эстонии, представителей полковых и судовых комитетов и основных социалистических партий был создан объединенный исполнительный комитет для руководства борьбой с контрреволюцией. Помимо прочего, эта организация привела гарнизон и морские воинские соединения Ревельского района в состояние боевой готовности и дала указание революционным силам занять ближайшие железнодорожные узлы. В тот же день в Гельсингфорсе состоялось объединенное собрание исполкома Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Областного комитета Совета рабочих и воинских депутатов Финляндии, Областного Совета крестьянских депутатов Финляндии и представителей полковых и судовых комитетов (всего около 600 левых политических лидеров, солдат, матросов и рабочих). Собрание началось с одобрения резолюции, которая клеймила Корнилова и его сторонников как «изменников революции и страны», требовала передачи власти в руки «революционной демократии» и немедленного закрытия всех буржуазных газет и издательств. Результатом собрания явилось создание Революционного комитета с неограниченными полномочиями для предотвращения контрреволюционных выступлений и поддержания порядка. Сразу же приступив к делу, комитет помог парализовать действия нескольких крупных, расквартированных в Финляндии казачьих и кавалерийских соединений, на помощь которых рассчитывал Корнилов, и послать из Выборга в Петроград полуторатысячный сводный боевой отряд. Объявляя о принятии всей полноты политической власти, гельсингфорсский Революционный комитет в воззвании писал: «Товарищи! Пробыл грозный час, революция со всеми ее завоеваниями находит-

ся в величайшей опасности... Настал момент, когда революции и стране понадобились ваши силы, ваши жертвы и, быть может, ваши жизни; в силу этого Революционный комитет призывает всех вас сплоченными рядами стать на защиту революции... нанести сокрушительный удар контрреволюции и задавить ее в зародыше».

Первую весть о выступлении Корнилова принесли в Кронштадт ночью 27 августа матросы с крейсера «Аврора», который находился в Петрограде на капитальном ремонте. Исполком Кронштадтского Совета (во главе с недавно избранным председателем-большевиком Лазарем Брегманом) немедленно взял под свой контроль все линии связи, склады оружия, частные и портовые суда, направил комиссаров в военные штабы и близлежащие морские форты Ино и Красная Горка, создал Военно-техническую комиссию. Эта комиссия, в которую вошли командующий всеми кронштадтскими морскими подразделениями, начальник Кронштадтского форта, начальник милиции Кронштадта, представители основных партий в исполкоме, приняла на себя в практических делах всю полноту власти над военными частями Кронштадта. В ответ на настоятельную просьбу Комитета народной борьбы о поддержке войсками Военно-техническая комиссия потребовала освобождения товарищей, преданных борцов и сынов революции, томящихся в тюрьме. В то же время комиссия совершенно определенно заявила, что весь кронштадтский гарнизон, как один человек, готов выступить на защиту революции. Три тысячи хорошо вооруженных матросов, многие из которых являлись участниками июльского восстания в Петрограде, двинулись в столицу рано утром 29 августа. После высадки на пристани Васильевского острова их отправили охранять железнодорожные станции, мосты, главные почтово-телеграфные и телефонные станции, Зимний дворец и другие ключевые правительственные здания⁴¹.

Огромное превосходство левых сил над прокорниловскими элементами стало сразу же очевидным. Предпринятые умеренными социалистами и большевиками шаги, направленные на то, чтобы не дать правым агитаторам ввести в заблуждение фабрично-заводских рабочих, достигли цели. В дни корниловского мятежа петроградские газеты сообщали об отдельных случаях агитации правых среди населения, которые, однако, ни разу не повлекли за собой крупных беспорядков, на что рассчитывали заговорщики. А после 27 августа, когда разразился политический кризис, вести контрреволюционную агитацию в Петрограде стало делом весьма рискованным. Помимо этого, быстрые действия железнодорожников и телеграфных служащих с самого начала помешали находившимся в столице правым лидерам установить связь с наступающими контрреволюционными войсками.

Немногих офицеров Петроградского гарнизона, выказавших сочувствие Корнилову или отказавшихся выступить против него, пока не трогали, чтобы расправиться с ними потом, когда позволит время. В районе Гельсингфорса над отдельными офицерами, заподозренными в контрреволюционных настроениях, учинили самосуд. В Выборге было арестовано несколько высших военных чинов, отказавшихся признать полномочия комиссаров, присланных в их части гельсингфорским Революционным комитетом. Позже толпа солдат ворвалась на гауптвахту и убила их. На линейном крейсере «Петропавловск» команда голосованием решала вопрос о расстреле четырех молодых офицеров, отказавшихся дать подписку о лояльности «демократическим организациям». Подавляющее большинство высказалось за расстрел. Причем членов команды, которые привели приговор в исполнение, выбирали по жребию⁴².

29 августа в гостинице «Астория», в центре Петрограда, арестовали 24 офицера, якобы замешанных в корниловском заговоре. В тот же день в поездах, направлявшихся в столицу, обнаружили и задержали ряд офицеров, временно откомандированных с фронта в Петроград, будто бы для обучения обращению с новыми английскими минометами и бомбометами. По-видимому, большинство правых лидеров в Петрограде, в их числе полковник В.И.Сидорин (главный связной между Ставкой и группами заговорщиков в столице), полковник Дюсиметьер (глава военной секции Республиканского центра) и П.Н.Финисов (вице-председатель Республиканского центра), ожидали 27 и 28 августа сообщения о местонахождении Крымова. Они коротали время за рюмкой водки в отдельных кабинетах двух популярных петроградских ночных кабаре — «Малый Ярославец» и «Вилла Роде». Вечером 28 августа Дюсиметьер и Финисов отправились в сторону Луги искать Крымова. Сидорин остался на месте, чтобы после получения шифрованного сообщения «Действуйте немедленно согласно инструкции» руководить инсценировкой «большевистского мятежа». Этот сигнал Сидорин получил утром 29 августа, а в Петрограде о нем узнали вечером того же дня. Однако к тому времени безнадежность дела правых стала очевидной. Как говорили, Сидорина вынудил отказаться от задуманного генерал Алексеев, пригрозивший самоубийством, если заговорщики не откажутся от своих планов⁴³. В конце концов Сидорин просто исчез, якобы с крупной суммой денег, предоставленной Путиловым и Обществом экономического возрождения России для финансирования военного переворота⁴⁴.

Что же касается войск под командованием генерала Крымова, то вспомним, что 27 августа Корнилов приказал соединениям 3-го корпуса продолжать движение на Петроград и занять столицу. На следующий день воинские эшелоны с частями корпуса растянулись на сотни километров по железным дорогам, ведущим к столице. Дикая дивизия оказалась на Московско-Винда-

во-Рыбинской дороге между станциями Дно и Вырица; Уссурийская конная дивизия — на Балтийской железной дороге между Рсвелем и Нарвой, Нарвой и Ямбургом; 1-я Донская казачья дивизия — на Варшавской дороге между Псковом и Лугой.

Части Дикой дивизии представляли для столицы наибольшую угрозу. Вечером 28 августа подразделения Ингушского и Черкесского полков достигли Вырицы и оказались очень близко от столицы. Но здесь железнодорожники блокировали путь вагонами, груженными бревнами, и разобрали многие километры рельсов. Войска не только не могли двигаться дальше по железной дороге, они были не в состоянии поддерживать надежную связь ни с другими подразделениями дивизии, ни с генералом Крымовым, ни со Ставкой, ни с Петроградом. В то время как офицеры дивизии буквально кипели от бессильной ярости, солдат обрабатывал целый рой агитаторов, среди которых были посланцы Комитета народной борьбы с контрреволюцией, петроградских районных Советов, ряда заводов и фабрик Петрограда, а также частей гарнизона, окопавшихся к северу от Царского Села. Действовала также группа примерно из сотни агитаторов, подобранных Центрофлотом из матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, которые ранее были приданы Дикой дивизии в качестве пулеметчиков, и небольшая мусульманская делегация, посланная исполкомом Союза мусульманских Советов и включавшая внука легендарного Шамиля.

Временами эшелоны Дикой дивизии буквально осаждались местными рабочими и крестьянами, бранившими солдат за измену делу революции. Войскам не сообщили реальной причины движения на север, и, как оказалось, большинство не испытывало ни симпатий к целям Корнилова, ни желания идти против Временного правительства и Совета. 30 августа войска вывесили над штабом флаг с надписью «Земля и воля» и арестовали коменданта штаба, когда тот стал протестовать. Затем солдаты образовали революционный комитет, который должен был воспрепятствовать дальнейшему продвижению к Петрограду, проинформировать остальные части дивизии о том, как их «использовали» контрреволюционеры, и организовать собрание представителей всех подразделений дивизии. Когда на следующий день такое собрание с участием мусульманской делегации состоялось, оно немедленно послало в Петроград депутацию, поручив ей выразить лояльность Временному правительству⁴⁵.

Уссурийская конная дивизия оказалась в аналогичной ситуации. 28 августа железнодорожники Нарвы задержали ее продвижение почти на семь часов. Поздно вечером того же дня головные отряды дивизии достигли Ямбурга, но дальше двигаться не смогли из-за блокированных и поврежденных железнодорожных путей. 29 и 30 августа толпы агитаторов из Нарвского и Ямбургского Советов, с заводов и фабрик, от воинских частей, мас-

совых организаций Петрограда, а также делегация Комитета народной борьбы с контрреволюцией во главе с Церетели вели работу среди личного состава дивизии. Как и в случае с Дикой дивизией, уссурийских солдат быстро убедили не подчиняться распоряжениям офицеров и заявить о своей лояльности Временному правительству. В некоторых случаях оказалось достаточно зачитать войсковым комитетам публичное заявление об измене Корнилова, чтобы перестянуть их на свою сторону⁴⁶.

Пожалуй, труднее всего было нейтрализовать 1-ю Донскую казачью дивизию, вместе с которой ехал генерала Крымов со своим штабом. Передовые отряды дивизии достигли Луги ночью 27 августа, но и здесь быстро принятые железнодорожниками вместе с Советом Луги меры сделали дальнейшее движение по железной дороге невозможным. Железнодорожные рабочие угоняли подвижной состав, разрушали мосты и рельсовые пути, успешно блокировали связь между отдельными частями войск Крымова. В итоге эшелоны 1-й Донской казачьей дивизии окружили солдаты двадцатитысячного Лужского гарнизона. Среди вагонов снова депутаты Лужского Совета и Петроградской городской думы, представители рабочих и солдат, беседуя с казаками через открытые двери теплушек. Офицеры дивизии протестовали против присутствия большевиков, но без всякого результата. Получив от Корнилова приказ — продолжать движение на Петроград, невзирая на препятствия, — Крымов взвешивал возможность пройти оставшиеся до столицы примерно 90 км походным порядком, однако отказался от этой идеи, когда стало ясно, что солдаты Лужского гарнизона готовы силой воспрепятствовать этому, а казаки не пойдут против солдат.

Фактически в течение всего мятежа почти не было стычек между войсками Корнилова и силами, стоявшими на стороне правительства. Что касается 1-й Донской казачьей дивизии, то агитаторы вскоре стали устраивать массовые митинги казаков прямо на глазах Крымова. Без особых трудностей им удалось перестянуть на свою сторону солдатских представителей большинства частей, и 30 августа некоторые казаки уже выразили готовность арестовать Крымова. Наконец во второй половине дня 30 августа правительственный эмиссар полковник Георгий Самарин предложил Крымову отправиться вместе с ним в Петроград для переговоров с Керенским. Получив гарантии личной безопасности, Крымов неохотно дал свое согласие⁴⁷.

По-видимому, Крымов, которого Финисов и Дюсиметьер только что заверили в том, что в столице вот-вот начнутся беспорядки, выехал из Луги, надеясь, что Керенский, возможно, все-таки обратится к нему за помощью, чтобы подавить левые элементы. Его надежды, однако, быстро рассеялись. Прибыв в Петроград в автомобиле в ночь с 30 на 31 августа, Крымов увидел спокойный город. Теперь стало ясно, что практически всему конец. Подавляющая часть армии осталась верна прави-

тельству и Совету. На Юго-Западном фронте прямолинейного генерала Деникина посадили в тюрьму собственные солдаты. Старейший главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский, который ослушался приказа Керенского и отказался вместо Корнилова занять пост верховного главнокомандующего, по-тихому подал в отставку, и его сменил левый генерал Черемисов. Главнокомандующие другими главными русскими фронтами хотя и с опозданием, но все же заявили о своей лояльности правительству. Керенский провозгласил себя верховным главнокомандующим, а консервативный генерал Алексеев, пребывавший на пенсии, стал начальником Генерального штаба⁴⁸. Из-за тесной связи в прошлом Савинкова с Корниловым его лишили постов генерал-губернатора и исполняющего обязанности военного министра. Военным министром был назначен главнокомандующий Московским военным округом генерал Верховский. Назначенная Керенским чрезвычайная комиссия на высшем уровне, похожая на тот орган, который несколькими неделями ранее предъявлял обвинение в связи с июльским восстанием, готовилась приступить в расследованию заговора.

Общественные деятели, прославлявшие «народного главнокомандующего» во время Московского совещания, теперь торопились отмежеваться от Корнилова. Родзянко лицемерно заявил: «О всех злобах дня я узнал только из газет и сам к ним не причастен. А вообще могу сказать одно: заводить сейчас междоусобия и ссоры — преступление перед родиной». Владимир Львов, все еще, по-видимому, не пришедший в себя, выразил искреннее удовлетворение исходом аферы. Из тюремной камеры он 30 августа написал следующее послание Керенскому: «Дорогой Александр Федорович. От души поздравляю и счастлив, что друга избавил от когтей Корнилова. Весь Ваш всегда и всюду В. Львов»⁴⁹.

Генерал Крымов встретился с Керенским в Зимнем дворце утром 31 августа. Согласно имеющимся данным, их разговор был очень горячим, хотя информация о том, что в действительности произошло, весьма противоречива. Крымов, очевидно, доказывал, что его войска вовсе не выступали против правительства, что его постоянная и единственная цель состояла в том, чтобы помочь обеспечить порядок. Услышав такое после того, как он прочитал приказ Крымова от 26 августа об объявлении Петрограда на военном положении, Керенский пришел в ярость и обвинил Крымова в двоедушии. Для Крымова эта сцена была, несомненно, тягостной. Смелый командир, гордившийся такими традиционными военными добродетелями, как патриотизм, честность и решительность, Крымов с февраля надеялся помочь сдержать революцию и восстановить сильное центральное правительство, полагая, что иначе Россия была бы обречена. И вот теперь он вынужден лгать, чтобы спасти себя и своих сообщников, обвиняемых в преступлениях против государства челове-

ком, который когда-то сам высказывал одинаковы с ним мысли. А впереди были допросы и необходимость еще больше лгать и изворачиваться, позор, связанный с арестом, судебным приговором и тюрьмой. Крымов в глубоком отчаянии расстался с Керенским примерно в 14.00; при этом условились, что генерал к вечеру явится в Адмиралтейство для продолжения допроса. Из Зимнего дворца Крымов отправился на квартиру одного из друзей, где, не обращаясь ни к кому конкретно, заметил: «Последняя карта спасения родины бита, больше не стоит жить». Затем, удалившись в другую комнату, якобы отдохнуть, он написал короткое письмо Корнилову и выстрелил себе в сердце⁵⁰.

Вопрос о новой власти

Быстрый разгром корниловского мятежа выдвинул на первый план трудную проблему, касавшуюся характера власти, которая заменила бы обанкротившуюся вторую коалицию. В начале мятежа между Керенским, который стремился к образованию сильной Директории, и лидерами Совета, которые, столь же решительно противясь созданию подобного правительства, в тот момент беспокоились главным образом о защите революции, было достигнуто временное взаимопонимание. Согласно политической резолюции, принятой ЦИК и ИВСКД в ночь с 27 на 28 августа, Керенскому предоставлялось право сформировать любое правительство, которое он сочтет нужным, с единственным непременным условием, что оно будет готово вести непримиримую борьбу с Корниловым¹.

Когда 28 августа появилась вероятность, что войска Крымова вступят в столицу и последует неизбежное кровавое побоище правых сил с левыми, в какой-то момент показалось, что Керенский, возможно, не станет действовать в соответствии с резолюцией исполнительных комитетов. В самый разгар кризиса руководство партии кадетов, стремясь предотвратить гражданскую войну, убеждало Керенского уступить свой пост авторитетной личности, с которой Корнилов согласится вступить в переговоры, прежде чем легионы Крымова войдут в Петроград.

Выбор кадетов пал на генерала Алексева, который мог бы устроить как Керенского, так и Корнилова. В полдень 28 августа Милюков предложил Керенскому свои услуги в качестве посредника между правительством и Генеральным штабом. Вслед за ним другой видный кадет, Николай Кишкин, также прошуливал Керенского относительно возможности его отставки в пользу Алексева. Вечером того же дня большинство исполняющих обязанности министров, по-видимому, договорились о целесообразности замены Керенского Алексеевым, и многие из них сообщили о своем мнении премьер-министру. Представители союзников в России, возглавляемые англичанином Джорджем Бьюкененом, также попытались убедить Керенского вступить в переговоры с Корниловым. Не вызывает сомнения, что Керенский, испытывая подобное давление, был почти готов уступить

свой пост. Однако этому категорически воспротивилось руководство Совета. По его настоянию Керенский в последнюю минуту отверг предложение кадетов². И вот на следующий день, 29 августа, корниловский мыльный пузырь лопнул. Для Керенского больше не существовало вопроса о достижении соглашения с генералами. Теперь было бы резонно предположить, что, настрадавшись от правых и убедившись в огромной силе левых, премьер-министр сделает все возможное, чтобы заручиться и в дальнейшем поддержкой левых элементов. Но не тут-то было. Обуреваемый сильнее, чем прежде, страхами перед ультралевыми и все еще не отказавшийся от намерения продолжать войну, Керенский повел себя так, как будто никакого мятежа Корнилова и не было. Безусловно, он настоял на аресте Корнилова, немедленной отставке Савинкова и провозгласил Россию демократической республикой. Вместе с тем в предписании председателю комиссии, созданной для расследования заговора Корнилова, Керенский настаивал на том, чтобы следствие внутри военного истеблишмента было строго ограничено только главными участниками заговора³. В довершение Керенский назначил на пост начальника Генерального штаба генерала Алексеева, которого кадеты прочили в премьер-министры. Принимая новое назначение, Алексеев, чьи взгляды на перемены в армии, которые принесла с собой революция, совпадали со взглядами Корнилова и Деникина, признал в узком кругу, что главной побудительной причиной его соглашения явилось желание как-то облегчить участь Корнилова и его сторонников⁴. Но самым поразительным было то, что, как только корниловская угроза миновала, Керенский начал вынашивать планы создания авторитарного правительства, нацеленного на правопорядок, в виде коалиционного кабинета правых социалистов и либералов, в котором кадеты имели бы более сильное, чем прежде, влияние.

Между тем условия ожесточенной борьбы против Корнилова сдвинули умеренных социалистов влево, привели к их конфликту с правительством и побудили к более тесному союзу с крайне левыми элементами. После июльских событий большинство меньшевиков и эсеров поддерживало Керенского в его попытках разоружить рабочих и сдержать большевиков. Но, с другой стороны, во время корниловского мятежа Комитет народной борьбы с контрреволюцией был вынужден одобрить и содействовать формированию вооруженных отрядов рабочих⁵. Хотя трудно определить, сколько рабочих в то время впервые получили в руки оружие и организовались для осуществления насильственных политических акций, тем не менее можно с уверенностью сказать, что даже тот небольшой прогресс, который был достигнут в умиротворении петроградских масс, мгновенно свелся к нулю.

Одним из самых настоятельных требований большевиков, выдвигавшихся (и повторявшихся во время корниловского мятежа бесчисленными общественными организациями) в качест-

ве условия их сотрудничества в различных органах защиты революции, являлось освобождение находящихся в тюрьме большевиков, арестованных по подозрению в участии в июльском восстании. После того как 29 августа группа солдат-большевиков, по всем признакам не без помощи некоторых сочувствовавших охранников, сбсжала с гауптвахты 2-го комендантского управления, Комитет народной борьбы с контрреволюцией постановил оставить их на свободе, чтобы они «включились в борьбу против корниловцев». Давление, вынуждавшие как-то решать проблему арестованных, еще больше усилилось, когда содержащиеся в 1-ом комендантском управлении левые офицеры публично потребовали разрешить им участвовать в борьбе с Корниловым и в подтверждение своего требования объявили голодовку. Уступая этому давлению, которому придадо дополнительную силу вмешательство Комитета народной борьбы с контрреволюцией, власти в разгар корниловского мятежа освободили нескольких большевиков. Кое-кто из левых лидеров вышел на свободу в первой половине сентября. Так, 4 сентября тюремные ворота распахнулись для Антонова-Овсеенко и Дыбенко. В тот же день освободили Троцкого, денежный залог за него внес Петроградский совет профсоюзов⁶. Несколько офицеров-большевиков, участвовавших в голодовке в 1-м комендантском управлении, в том числе члены Военной организации — офицеры Крыленко, Дашкевич, Куделько и Тер-Арутюнянц, — получили свободу неделю спустя. Все освобожденные большевики играли затем активную роль в революции⁷.

Во время приготовлений к борьбе с Корниловым руководство Комитета народной борьбы с контрреволюцией встревожил тот факт, что офицеры штаб-квартиры Петроградского военного округа, якобы принимающие участие в обороне города, тайком пытались помогать генералу Корнилову. Существовали многочисленные свидетельства, что офицеры преднамеренно затягивали мобилизацию, вооружение и обеспечение продовольствием частей гарнизона. По их указаниям некоторые в конце концов направленные на позиции отряды расположили так, что они представляли собой удобную мишень для атакующих. Когда саботаж военного персонала стал очевидным, Комитет народной борьбы с контрреволюцией послал своих комиссаров для наблюдения за действиями штаба⁸.

28 августа, когда Керенский был почти готов выйти в отставку, уступая свой пост генералу Алексееву, умеренные социалисты воздействовали на Керенского, чтобы удержать его от подобного шага. После корниловских событий многие видные меньшевики и эсеры весьма холодно восприняли намерение Керенского сформировать еще одно коалиционное правительство с участием кадетов. Отчасти потому, что теперь кадеты отождествлялись с противниками республики и реформ и сторонниками продолжения войны, в Петрограде враждебно относились к пребыванию кадетов в правительстве. Но отчасти также и в связи с

искренней озабоченностью лидеров меньшевиков и эсеров ролью кадетов в заговоре Корнилова.

Как только стали известны политические замыслы Керенского, т.е. вечером 31 августа, исполнительные комитеты Советов созвали объединенное пленарное заседание, чтобы рассмотреть вопрос о власти. Тем временем меньшевистский ЦК принял решение о недопустимости участия во Временном правительстве «таких элементов, которые либо соучаствовали в контрреволюционном движении, либо способны парализовать борьбу с ним». Относительно статуса кадетов резолюция особо подчеркнула, что они больше не могут быть включены во Временное правительство⁹. Совещание ЦК эсеров заняло аналогичную позицию. Данные точки зрения сразу же довели до сведения Керенского, который в этих условиях решил временно отложить планы создания новой коалиции и вместо этого объявить о формировании Директории из 5 человек без кадетов. Возглавлявшаяся Керенским Директория включала Терещенко, который продолжал заниматься внешней политикой, двух прогрессивных военных (морского министра адмирала Дмитрия Вердеревского и военного министра генерала Верховского) и Алексея Никитина, ничем не примечательного правого меньшевика, который являлся министром труда в правительстве второй коалиции, а в Директории занял пост министра почт и телеграфа.

При выработке позиции по вопросу о власти умеренные социалисты вновь столкнулись с ситуацией, во многом напоминавшей июльские дни. В то время огромные толпы рабочих и солдат вышли на улицы на демонстрации против Временного правительства с требованием передать власть Советам. Их боевыми кличами были: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». На этот раз окрыленные победой над Корниловым массовые организации на местах, фабрично-заводские рабочие, солдаты, матросы, то есть все те, кто присоединился к антикорниловскому движению, выражали свое мнение о характере, составе и программе будущего правительства в многочисленных письмах, резолюциях, политических декларациях. Из этих требований масс явствовало, что в своей основе они мало чем отличались от выдвигавшихся двумя месяцами ранее.

Некоторые характерные примеры позволяют представить общую направленность этих призывов. Рабочие механической мастерской Петроградского трубочного завода, обсудив 28 августа «текущий момент», заявили: «Ввиду создавшегося контрреволюционного буржуазного движения и посягательства со стороны бывших царских опричников на свободу и на все демократические завоевания российского пролетариата собрание заявляет, что вся власть должна перейти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁰. В тот же день 8 тыс. рабочих Петроградского металлического завода приняли резолюцию с выражением недоверия «министрам-социалистам», вероятно, из-за их готовности сотрудничать с буржуазией. Эти рабочие потребова-

ли немедленного создания «решительной революционной власти». 29 августа несколько тысяч разгневанных рабочих гигантского Путиловского завода решили, что «правительство революционной страны должно быть составлено только из представителей революционного класса», и добавили, что «всякие переговоры о коалиционной власти в условиях борьбы буржуазии и ее ставленника Корнилова с народом мы будем отныне считать изменой делу свободы». Тем временем рабочие Ново-Адмиралтейского судостроительного завода, обсудив сложившуюся политическую ситуацию, заявили, что «власть государственная не должна ни одной минуты оставаться в руках контрреволюционной буржуазии. Она должна перейти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян и быть ответственной перед Советами рабочих, солдатских депутатов»¹¹.

Публичные декларации, принимавшиеся в период мятежа Корнилова практически всеми воинскими частями Петроградского гарнизона, выражали столь же определенные требования. Так, на экстренном собрании 28 августа 2,5 тыс. солдат четырех основанных воинских соединений, дислоцированных в столице (Преображенского, Литовского и Волынского гвардейских полков и 6-го саперного батальона), приняли резолюцию, которая настоятельно требовала, чтобы правительство формировалось исключительно из представителей революционных классов. 31 августа эти же самые солдаты, повторив призыв к созданию правительства из рабочих и беднейших крестьян, прямо заявили, что со «всякой коалицией... все верные сыны народа будут бороться так же, как и с Корниловым». Не менее откровенными были и солдаты 2-го пулеметного полка, которые в тот же день выразили свои взгляды относительно Корнилова и ближайших задач новой власти следующими словами:

«Мы... клеймим именем изменника Корнилова и его сообщников... У нас не было доверия к Корнилову еще с 21 апреля, когда этот «бравый» генерал приказал выкатить орудия на Дворцовую площадь для усмирения товарищей рабочих... Этот заговор должен быть подавлен со всей решительностью, и мы, пулеметчики, предлагаем себя в полное распоряжение ЦИК... Мы требуем немедленного ареста контрреволюционеров командного состава и предания суду, отмены смертной казни, причем завершиться она должна казнью Корнилова и его сподвижников... мы требуем восстановления расформированных революционных полков и расформирования контрреволюционных ударных батальонов... Союза георгиевских кавалеров, Союза офицеров армии и флота, Военной лиги и проч. ...Единственным выходом из настоящего положения может быть только передача всей власти в руки трудящихся.

Мы требуем немедленного освобождения товарищей, арестованных 3 — 5 июля, заменив их (в тюрьме) заговорщиками, как, например: Гучковым, Пуришкевичем и контрреволюционным офицерством. Во внешнем вопросе мы требуем решительного

разрыва с империалистами, как русскими, так и союзными, и вести борьбу за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций. Паяк солдатам должен быть увеличен до 20 рублей... средства на это должны доставаться из конфискации сверхприбылей г.г. фабрикантов и заводчиков. Все эти революционные мероприятия будут поддерживаться и отстаиваться нами до последнего пулеметчика, а правительство, проводящее это, будет пользоваться полным нашим доверием"¹².

1 сентября две сотни солдат, приписанных к Офицерской электротехнической школе решили, что «со сменой лиц (вместо Корнилова Алексеев и др.) ничего не изменилось» и что «политика... соглашательства с буржуазией и помещиками неизбежно должна была привести и привела к заговору Корнилова». В целях предотвращения повторной контрреволюционной вылазки солдаты настаивали на передаче всей власти «представителям революционных рабочих, солдат и крестьян под контролем их выборных организаций». Два дня спустя массовый митинг солдат петроградского резервного полка высказался за формирование нового кабинета министров «из социалистов, страдавших за нужды народа по тюрьмам и убивших лучшие годы своей жизни в далекой Сибири». Солдаты электротехнической школы и петроградского резервного полка, как и солдаты 2-го пулеметного полка, потребовали для Корнилова и его сообщников смертной казни¹³.

Нет ничего удивительного в том, что после мятежа Корнилова сильнее всего недовольство Керенским и стремление к немедленным переменам в правительстве проявилось среди распропагандированных балтийских моряков. 30 августа команда «Петропавловска», ранее проголосовавшая за расстрел офицеров, отказавшихся дать подписку о лояльности революции, пришла к единодушному мнению, что «смертная казнь может быть лучшим наказанием» для Корнилова. В принятой ими резолюции утверждалось, что «спасти страну в настоящее время может только демократия в лице лучших ее представителей Центрального Исполнительного Комитета Советов, солдатских и крестьянских депутатов, а потому и вся власть должна перейти в руки Советов. Никакие коалиции и ответственные министерства, как это показал опыт, не в состоянии вывести страну из ее критического положения. И прямой долг этих Советов перед родиной — взять всю власть в свои руки, и мы этой власти с радостью подчиняемся и с удовлетворением исполняем все ее приказания».

Заметно критичнее по адресу умеренных социалистов была резолюция «О текущем моменте», принятая подавляющим большинством на объединенном собрании исполкома Гельсингфорсского Совета, Областного комитета Советов рабочих и воинских депутатов Финляндии и представителей полковых и судовых комитетов района Гельсингфорса, состоявшееся 2 сентября. В конце резолюции говорилось: «ЦИК до сих пор не только не

проводил линию развития революции, но своей поддержкой соглашательской политики с буржуазией укрепил позиции контрреволюции. Такому поведению ЦИК должен быть положен конец. Мы настойчиво требуем от ЦИК, чтобы он отказал в доверии всякому коалиционному (с буржуазией) министерству и немедленно созвал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁴, то есть установил Советскую власть.

В знак протеста против провозглашения Керенским не демократической, а Российской республики, против создания Директории и переговоров с буржуазией члены 19 судовых комитетов Балтийского флота на совместном заседании 6 сентября рекомендовали всем кораблям поднять боевые красные флаги и не спускать до тех пор, пока «не будут удовлетворены требования настоящей демократической республики». На следующий день Центробалт поддержал этот метод протеста, и красные флаги были подняты¹⁵. Настроения балтийских моряков в тот период отразила редакционная статья «Довольно прежних ошибок» В. Масленникова, напечатанная в газете «Известия Кронштадтского Совета». В ней, в частности, говорилось:

«Политика соглашательства с буржуазией... привела нас к плачевным результатам. Соглашатели верили людям, лицемерно кричавшим о гибели страны, и исполняли все по их рецепту... Все предостережения пролетариата и не покинувших его партий оказались справедливыми... Оказывается, этого еще мало!.. Что это? Политическая слепота или сознательно направляемые действия против революции?.. Нет! Этого быть не должно... Задача момента — ... заявить: довольно соглашательства! Вся власть — трудовому народу!»¹⁶

29 августа Кронштадтский Совет выдвинул ряд требований, переданных Центральному Исполнительному Комитету представителей Кронштадта, работавшим в этом органе. Составленные большевиками и сразу же одобренные эсерами и меньшевиками-интернационалистами (главными эсеровскими и меньшевистскими фракциями Кронштадта), эти требования соответствовали умеренной резолюции «О текущем моменте», представленной Луначарским на заседании исполкомов в ночь с 27 на 28 августа и призывавшей решительно порвать с капиталистами, передать власть в руки революционных рабочих, крестьян и солдат, провозгласить демократическую республику.

Идеалом Кронштадта оставалось демократическое советское правительство, в котором все социалистические группы успешно работали бы вместе над осуществлением революционной программы, то есть действовали бы так, как с самого марта поступали социалисты в Кронштадтском Совете. Матросы Кронштадта надеялись, что испытания периода корниловского мятежа помогут вернуть руководство исполнительных комитетов Советов в лоно революции. Такую оптимистическую точку зрения высказали депутаты Кронштадтского Совета 29 августа

в ответ на сообщение Колбина о последних событиях в Петрограде. Раскритиковав Керенского за нерешительность в борьбе с Корниловым, Колбин заявил, что, когда Церетели оповестил Центральный Исполнительный Комитет о том, что теперь время не для соглашательства, а для решительных боевых действий, Чернов обнял его в знак солидарности. Кронштадтские депутаты продолжительными аплодисментами приветствовали подобную демонстрацию единства умеренных социалистов в защите революции¹⁷.

Стоит отметить, что теперь против правительства выступали даже рабочие тех промышленных предприятий, которые представляли бастионы меньшевиков и эсеров, а также солдаты некоторых в политическом отношении наиболее благонадежных полков гарнизона (сохранявших с самого начала нейтралитет и выступивших первыми за подавление июльского восстания). Более того, к оппозиции присоединились и отдельные воинские части, в спешном порядке после июльских дней переброшенные с фронта в столицу.

Принимавшиеся в этот период резолюции не были творением какой-то одной партии или организации. Одни предлагали большевики, другие — меньшевики или левые эсеры, третьи — отдельные лица или представители заинтересованных групп неопределенной политической ориентации. В конкретных вопросах эти документы сильно отличались друг от друга. Некоторые призывали к созданию власти рабочих, солдат и крестьян, другие (возможно, большинство) настаивали на передаче власти Советам или на формировании революционного правительства, ответственного перед Советами, часто сочетая эти требования с предложением о созыве очередного Всероссийского съезда Советов. Однако практически во всех указывалось на необходимость во избежание повторения контрреволюционных выступлений сурово наказать Корнилова и его сообщников, отвергалось всякое сотрудничество с ценовыми элементами в любой форме и позитивно оценивалась идея немедленного установления полностью социалистической власти, которая смогла бы покончить с войной. Не вызывает сомнения, что для многих, в том числе и для большевиков, быстрая победа над Корниловым, по-видимому, подтвердила огромные потенциальные возможности совместных действий всех социалистических групп. Если судить по доступным для изучения документам, в большом количестве опубликованным в периодической печати того времени или в последующих сборниках и во многом подтверждающимся различными другими свидетельствами, то можно с уверенностью сказать, что подобные настроения разделяли почти все рабочие и солдаты Петрограда и балтийские моряки, которые так или иначе, участвовали в политической жизни.

Под таким давлением пришлось работать членам исполнительных комитетов Советов, собравшимся во второй половине

дня 31 августа, чтобы обсудить вопрос о власти. Пленарное заседание, с перерывами длившееся до раннего утра 2 сентября, заслуживает отдельного рассмотрения, ибо является наиболее важным собранием руководства Совета между февралем и октябрём 1917 г. Во всяком случае, это был, по-видимому, тот момент предоктябрьских дней, когда меньшевики и эсеры ближе всего подошли к разрыву с либералами и к принятию более радикальной политики, которая, возможно, существенно изменила бы ход революции.

В начале обсуждения Каменев предложил депутатам одобрить общую резолюцию-декларацию «О власти», которая, будучи умеренной и по тону, и по содержанию, тем не менее представляла собой заметный, решающий отход от прежней политики Советов¹⁸. Проект резолюции-декларации составил лично Каменев, и она была ранее одобрена членами большевистского ЦК и представителями фракции большевиков в ЦИК и в Петроградском Совете. Она начиналась с категорического осуждения политики «соглашательства» и «безответственности», которая «создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции». Документ требовал отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, утверждая, что единственный выход — в создании власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства», основными задачами которой будут: провозглашение «демократической республики», конфискация помещичьих земель без выкупа и передача ее крестьянским комитетам впредь до решения Учредительного собрания; введение рабочего контроля над производством; национализация важнейших отраслей промышленности и предложение народам воюющих государств всеобщего демократического мира. В числе мер, подлежащих немедленному осуществлению, резолюция назвала: прекращение любых репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций, отмену смертной казни на фронте и восстановление полной свободы политической агитации и деятельности демократических организаций в армии, удаление из армии контрреволюционного командного состава, признание права на самоопределение проживающих в России малых народностей, немедленный созыв Учредительного собрания и отмену всех сословных привилегий.

Очевидный упор в резолюции на революционную власть, призванный создать демократическую республику, а не диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, — это, безусловно, дело рук Каменева. Здесь нашли точное отражение взгляды умеренных большевиков на развитие революции¹⁹. В то же время документ Каменева являлся сжатым и убедительным изложением политических чаяний петроградских рабочих и солдат, нашедших выражение в период после корниловского мятежа. Предложив резолюцию исполкомом, Каменев призвал к сохра-

нению единого революционного фронта, который возник в ходе борьбы против Корнилова. Особо подчеркнув решающую роль Советов, которые «сыграли роль цемента, спаявшего все истинно демократические элементы» в период кризиса, он утверждал, что «никто не сможет сказать, что существует в данный момент более могучая организация, нежели Советы».

Чрезвычайно важно иметь в виду, что, хотя предложенную Каменевым резолюцию-декларацию и истолковывали как призыв к передаче политической власти Совстам, сам Каменев на этом не настаивал, по-видимому, не исключая возможности создания социалистического кабинета, который включил бы представителей таких «демократических» институтов, как профсоюзы, земства, городские думы и кооперативы, номинально не входившие в Совет. В конце выступления он заметил: «Фракцию большевиков интересует не техническая сторона, а те силы, которые войдут в состав этой власти, одинаково ли они понимают задачи момента и смогут ли они идти в ногу с демократией»²⁰.

Ввиду предстоящей сессии Петроградского Совета, которая была запланирована ранее, ЦИК и ИВСКД прервали свое заседание до 19.30, не проголосовав по резолюции Каменева. Дальнейшее обсуждение вопроса о власти отложили до следующего вечера.

Поздно ночью 31 августа резолюция Каменева была представлена Петроградскому Совету²¹, собравшемуся впервые после 10-дневного перерыва. На протяжении августа позиция Петроградского Совета постоянно сдвигалась влево, отражая тем самым растущее беспокойство части депутатов в связи со сложившейся политической ситуацией и меняющимся составом Совета, поскольку избранных в марте и апреле депутатов умеренных умонастроений отозвали и заменили фабрично-заводскими и гарнизонными представителями с более радикальными взглядами²². Эта трансформация стала очевидной 31 августа. Обсуждение началось с докладов о последних политических событиях. Меньшевик Борис Богданов подробно рассказал депутатам о работе Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Видя нетерпение слушателей, Богданов доложил о действиях Комитета по укреплению и сплочению левых сил и предотвращению сговора правительства с Корниловым. При упоминании моментов, свидетельствовавших о плодотворности усилий Комитета как в противодействии Корнилову, так и в контактах с правительством, депутаты всякий раз взрывались аплодисментами.

Касаясь вопроса об организации власти, Церстели впервые публично признал трудности, связанные с включением в кабинет кадетов. Вместе с тем он энергично защищал идею коалиции с представителями других буржуазных групп. По его словам, демократия сама по себе не сумеет справиться с хозяйственной разрухой, и такая ситуация будет на руку контрреволюции.

Выступление Церетели постоянно прерывалось громкими протестами и язвительными репликами, что вынудило председателя Чхеидзе в конце концов заявить, что у Совета еще достаточно сил, чтобы выставить за дверь нарушителей порядка. С другой стороны, аудитория с воодушевлением приветствовала Каменева, который представил свою политическую резолюцию-декларацию и повторил критику коалиционной политики, ранее высказанную на заседании ЦИК и ИВСКД. Депутаты стоя приветствовали Стеклова, выразившего солидарность с Каменевым. Представитель эсеров Болдырев, отступив от прежнего умеренного социалистического курса, предложил, чтобы Всероссийские исполнительные комитеты сформировали новый кабинет. Он внес резолюцию, которая допускала включение представителей буржуазных группировок (за исключением кадетов) в правительство, ответственное перед «Временным революционным парламентом». Но даже такой компромисс получил холодный прием.

После нескольких часов жарких дебатов между сторонниками и противниками идеи создания чисто социалистического правительства, примерно в 5 часов утра 1 сентября депутаты отвергли резолюцию эсеров и приняли в качестве политической платформы предложенную Каменевым декларацию. За нее проголосовало 279 депутатов, против — 115, при 51 воздержавшемся. Оценивая значение этого успеха большевиков, важно иметь в виду, что на данном заседании присутствовала и голосовала лишь небольшая часть общего количества членов Петроградского Совета. Отчасти это произошло потому, что многие представители военных все еще находились в своих полках, защищая столицу от Корнилова. Но верно и то, что многие рядовые меньшевики и эсеры, организационно не связанные с большевиками, в рассматриваемом вопросе встали на их сторону. Тем не менее, как уже указывалось выше, голосование в Петроградском Совете 31 августа отражало постепенный и весьма значительный сдвиг влево в политической ориентации депутатов.

В этой связи стоит вспомнить, что 2 марта за резолюцию большевиков в Петроградском Совете против передачи власти Временному правительству было подано всего каких-то 19 голосов, тогда как за внесенную совместно меньшевиками и эсерами резолюцию с выражением поддержки правительству проголосовало 400 депутатов. 2 апреля, когда Петроградский Совет был почти в полном составе, большевистская резолюция, отвергающая кампанию в пользу «Засма свободы» — фактически референдум по вопросу о войне — получила 112 голосов, а меньшевистско-эсеровская резолюция в поддержку этого займа — 2 тысячи. Через месяц после Апрельского кризиса, когда потребовалось определить позицию относительно участия социалистов в кабинете, за резолюцию большевиков, выступивших против участия, проголосовало 100 депутатов, а сторонники меньшевиков и эсеров по-прежнему насчитывали 2 тыс. человек. Народная поддержка

программы большевиков усилилась в канун июльских событий, и это в какой-то мере нашло свое отражение и в Петроградском Совете. Так, 20 июня при голосовании за резолюцию умеренных социалистов в поддержку планов наступления Керенского против проголосовал 271 человек, а 39 воздержалось²³. А на сессии 31 августа впервые абсолютное большинство присутствовавших депутатов голосовало вместе с большевиками по всем политическим вопросам.

Утверждение резолюции Каменева, означавшее кардинальную переориентацию в приоритетах и целях, сделало необходимым полную реорганизацию руководства Петроградского Совета — событие огромной по своим последствиям важности для дальнейшего развития революции. Пока, однако, ввиду того обстоятельства, что непосредственная власть Петроградского Совета ограничивалась столицей, более существенное значение имела, разумеется, неопределенная позиция ЦИК и ИВСКД по вопросу о власти. На этих исполнительных комитетах лежала ответственность за судьбу правительства.

Поздним вечером 1 сентября ЦИК и ИВСКД возобновили дискуссию по вопросу о власти; примерно в это же время Керенский объявил о создании Директории²⁴. И все же, несмотря на общее стремление к переориентации политики Совета, которое проявилось в принятии большевистской резолюции, и несмотря на то, что Керенский, объявив о формировании Директории, поставив исполкомы Советов (ЦИК и ИВСКД) перед совершившимся фактом, умеренные социалисты упорно не желали порвать с существующим правительством. Целый ряд видных меньшевиков и эсеров, в том числе Скобелев и Богданов, критиковали позицию большевиков и призывали поддерживать правительство, по крайней мере до созыва Демократического совещания.

Правый меньшевик Марк Либер высмеял саму мысль о том, что демократия в состоянии действовать в одиночку, и заявил: «Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы вам не очутиться на ней одним». Авксентьев фактически приветствовал Директорию и рекомендовал оказывать ей всяческую поддержку. Чернов в категорической форме утверждал, что ни один эсер не войдет в правительство, в котором будут кадеты. Однако он не исключал возможность создания коалиции с представителями других буржуазных кругов. Выступая от имени трудовиков, Сергей Знаменский также защищал принципы коалиции и настаивал: «Демократия не должна решиться на исключительно социалистическое министерство... Существуют, помимо кадетов, социальные и политические группы, которые могут идти с нами рука об руку».

Кроме большевиков, только Мартов занял более радикальную позицию. Он поддержал идею создания кабинета из одних министров-социалистов, ответственных перед демократическим парламентом.

Рязанов и Каменев попытались дать отпор умеренным социалистам. Имея в виду высказывание Скобелева, Рязанов заметил:

«В этом зале говорилось, что Петроград — не вся Россия, но за ним наблюдает провинция и, когда здесь уже затягиваем узел на шее контрреволюции, мы не сомневаемся, что найдем поддержку в широких народных кругах.

Если отвергнуть коалицию с кадетами, то у нас остаются торгово-промышленные и банковские сферы, которые, как теперь стало известно, питали желтую прессу... Пора подумать о том, что Советы представляют большинство России... Пусть же они выбирают Временное правительство, ответственное перед нами, которое довело бы Россию до скорейшего созыва Учредительного собрания, которое одно только способно заключить мир, провести все необходимые реформы и приблизить нас к социалистическому строю».

Каменев со своей стороны, говоря о Директории, с раздражением отмечал, что ЦИК «получил удар рукою Керенского» и его значение уменьшилось. «Я надеюсь, — продолжал он, — что этот удар будет вами отклонен не менее решительно, чем удар Корнилова... Объявленный нам состав правительства — это правительство для Керенского... Усматривая в способе создания и в самом новом Временном правительстве проявление режима полной и единоличной диктатуры, ЦИК указывает, что действительно революционная власть может быть создана только на указанных в резолюции путях».

Церетели попробовал опровергнуть подобные утверждения и в этой связи заметил, что «в момент этого съезда (Демократического совещания) демократия будет единой и если, кроме нас, не окажется ни одной живой силы в стране, то мы возьмем власть в свои руки». Это была самая большая уступка Церетели и его сторонников, которую они смогли сделать в вопросе создания исключительно социалистического правительства.

Рано утром 2 сентября усталые депутаты поставили на голосование и отвергли заявления и большевиков, и меньшевиков-интернационалистов, а приняли вместо этого резолюцию, внесенную совместно меньшевиками и эсерами. Она одобрила идею скорейшего созыва Демократического совещания, которому предстояло принять окончательное решение по вопросу о власти, а пока призвала к дальнейшей поддержке сформированного Керенским правительства²⁵.

Хотя ретроспективно решение ЦИК и ИВСКД — временно согласиться с фактом существования Директории — оказалось роковым шагом, ясно, что в тот момент умеренным социалистам было бы очень трудно поступить иначе. Поддержка предложенного большевиками курса потребовала бы от меньшевиков и эсеров отречения от политики, которую они проводили в течение последних шести месяцев, и отказа от идеи создания демократического правительства, представляющего все классы. Такая

поддержка свидетельствовала бы о готовности учредить новый политический строй и взять на себя всю ответственность за сохранение правопорядка, руководство экономикой, обеспечение необходимым продовольствием, топливом и услугами, за удовлетворение требований масс, касавшихся немедленных социальных реформ и пресечения войны. Кроме того, принятие резолюции большевиков указало бы на готовность умеренных социалистов попытаться решить эти задачи не только без помощи, а, напротив, сталкиваясь с определенной оппозицией со стороны либеральных политических руководителей, промышленников, крупных землевладельцев и военного командования. И наконец, объединение с большевиками, за которое так красноречиво ратовали Каменев и Рязанов, для меньшевиков и эсеров означало бы заключение союза с элементами, на которые было трудно положиться и чьи политические цели зачастую были дальше от целей меньшевиков и эсеров, чем планы либеральной буржуазии. Если принять во внимание поведение большевиков за прошедший период, германскую военную угрозу и царивший в стране хозяйственный и социальный хаос, то не трудно понять, почему большинство меньшевиков и эсеров, несмотря на почти всеобщее презрение к Керенскому, все же не уступило давлению народных масс, требовавших перемены власти.

Политические последствия корниловского мятежа были огромны. На какое-то время правое движение оказалось, по сути, разбитым. Любимец правых Корнилов находился в Могилеве под домашним арестом. Из-за поведения кадетов накануне и во время кризиса их серьезно подозревали (может быть, и не совсем заслуженно) в сговоре с Корниловым. После мятежа их, оклеветанных и глубоко деморализованных, временно исключили из правительства. Милюков и Кокошкин выехали в Крым, как бы избегая ареста; Маклаков стал послом во Франции; многие кадеты удалились на свои загородные дачи. Деятельность кадетов фактически сошла на нет ²⁶.

Из-за внутренних распрей относительно характера и формы будущей власти меньшевики и эсеры вряд ли представляли лучшую картину. Глубокие разногласия по ключевым политическим проблемам среди руководителей меньшевиков с особой наглядностью проявились 4 сентября на заседании Бюро ЦИК. В ходе ожесточенных споров о задачах Демократического совещания, намеченного на середину сентября, оборонец Богданов в вопросе формирования чисто «демократической» власти объединился с меньшевиками-интернационалистами. Предстоящее совещание, настаивал Богданов, необходимо превратить в Учредительное собрание для осуществления демократии, а правительство, сформированное на нем, должно отвечать демократическим задачам.

Подобная мысль показалась председателю Центрального Исполнительного Комитета Чхеидзе абсурдной. Вместе с Либером

он подчеркнул важность участия в любом будущем правительстве, а также в Демократическом совещании по крайней мере отдельных представителей имущих классов. Дан и Церетели заняли срединную позицию, между Богдановым и Чхеидзе. Они признали, что главная задача — принять конкретное решение по вопросу о власти, и выразили готовность подчиниться решению совещания, каким бы оно ни было. Церетели, лично предпочитавший коалицию, выразил сожаление, что совещание представителей всех «демократических» групп не состоялось раньше, и добавил, что «мы можем рискнуть в случае выбора на советскую власть»²⁷.

Аналогичные споры раздирали в ту пору и партию эсеров. Когда все еще влиятельная консервативная эсеровская фракция во главе с Авксентьевым продолжала настаивать на сохранении наиболее представительного коалиционного правительства с участием кадетов, бывший министр земледелия Чернов не пожелал иметь с кадетами ничего общего. Вместе с тем Чернов в такой же мере был против идеи исключительно социалистической власти и разделял со многими правыми меньшевиками надежду на привлечение в кабинет представителей буржуазии (кроме кадетов), которые захотят сотрудничать с социалистами в реализации программы коренных реформ²⁸. Между тем слева от Чернова все громче и мощнее звучали голоса членов фракции левых эсеров, почти превратившейся в самостоятельную партию и твердо отвергавшей всякую коалицию с буржуазией. В течение второй недели сентября левые эсеры установили контроль над местным эсеровским комитетом Петрограда²⁹ и сразу же начали кампанию за созыв Всероссийского съезда Советов, за создание состоящего только из социалистов правительства, выступающего за демократические преобразования³⁰. Как выразился Оливер Рэдки, организация эсеров «вступила в заключительную стадию своего распада»³¹.

Неудивительно, что корниловский мятеж свел на нет тот небольшой прогресс, которого удалось достигнуть Керенскому после июльских событий в деле восстановления правительственной власти и укрепления армии. Советы вышли из кризиса более радикальными и с неизмеримо возросшей популярностью в массах. Революционная Россия оказалась еще больше, чем прежде, насыщена соперничающими друг с другом политическими организациями и комитетами. Рабочие стали воинственнее и организованее, многие получили оружие. В то же самое время оживились армейские демократические комитеты, которые сыграли главную роль в мобилизации солдат на борьбу с корниловским движением. Контроль над многими полковыми комитетами Петроградского гарнизона перешел от более умеренных элементов в руки большевиков³². Корниловский мятеж окончательно подорвал даже тот незначительный моральный авторитет, которым офицеры еще пользовались среди солдат. В первой половине сентября во многих воинских частях провели вторую чистку

офицерского состава, изгнав всех подозреваемых в контрреволюционных замыслах; вместе с тем выполнение даже самого простого распоряжения превратилось в трудную проблему³³.

Правительство старалось круто повернуть ход развития событий. Например, 1 сентября Керенский издал приказ, предписывавший всем командирам, комиссарам и армейским организациям прекратить политическую борьбу в войсках, однако этот приказ, как видно, не возымел действия. Через три дня он опубликовал постановление о роспуске всех созданных в период корниловского мятежа неофициальных революционных комитетов, включая и Комитет народной борьбы с контрреволюцией³⁴. Это постановление лишь обострило отношения между Керенским и руководством Совета. Не успело постановление стать достоянием гласности, как Комитет народной борьбы с контрреволюцией собрался на совещание (уже сам по себе акт гражданского неповиновения) и принял тщательно сформулированную резолюцию, в которой выражалась уверенность, что ввиду сохранившейся опасной ситуации все местные революционные комитеты продолжают свою деятельность с прежней энергией и выдержкой³⁵.

В то время как правительство тщетно пыталось справиться с этими трудностями, экономика продолжала разваливаться быстрыми темпами. В Петрограде еще больше обострились проблемы безработицы, нехватки продовольствия и топлива, инфляции. В течение этих же дней авторитет Керенского рухнул окончательно. Потерпевшие поражение правые полагали, что Керенский — то ли ради достижения личных целей или из-за недостатка мужества — предал Корнилова. А левые, петроградские рабочие и солдаты считали, что Керенский являлся неотъемлемой частью контрреволюции. На это обстоятельство обратил внимание в интересных неопубликованных мемуарах тогдашний комиссар Северного фронта Войтинский. По его словам, каждый солдат знал, что конфликту Керенского с Корниловым предшествовали переговоры между ними, во время которых обсуждались такие вопросы, как введение смертной казни, ограничение деятельности солдатских комитетов, возвращение офицерам дисциплинарной власти, короче говоря, возврат к «старорежимным» порядкам. Следовательно, для рядового солдата корниловщина представлялась заговором против него самого и против революции, организованным высшим военным командованием и Керенским³⁶.

Поэтому не удивительно, что из претендентов на власть в 1917 году от корниловского мятежа выиграли только большевики. Поражение Корнилова явилось свидетельством огромной потенциальной мощи левых и еще раз продемонстрировало большую притягательную силу программы большевиков. И тем не менее не следовало бы утверждать (как делают некоторые), что разгром Корнилова сделал победу Ленина неизбежной. Настроение масс было не настолько пробольшевистским, чтобы сильно

желать власти большевиков. Как свидетельствовало множество послекорниловских политических резолюций петроградских солдат, матросов и рабочих сильнее, чем прежде, привлекала идея создания правительства, объединяющего все социалистические группы. В их глазах большевики стояли за власть Советов, за советскую демократию. Во всяком случае, июльское восстание и последующая реакция показали, насколько рискованно полагаться на настроение масс. Более того, вся история партии, начиная с Февральской революции, показала наличие среди большевиков потенциальных программных разногласий и несогласованных действий. Так что вопрос о том, сумеет ли партия проявить необходимые для взятия власти силу воли, организационную дисциплину и понимание постоянно меняющейся и взрывоопасной ситуации, оставался открытым.

«Вся власть Советам!»

В последние, критические августовские дни Ленин оставался на нелегальном положении в столице Финляндии Гельсингфорсе. В Финляндии, входившей в состав Российской Империи с 1809 года, стремление финнов обрести национальную самостоятельность усложнило и очень усилило брожение, последовавшее за крахом царского режима. К тому же Гельсингфорс был основной базой Балтийского флота, где большевики вели активную работу и пользовались особенно большим влиянием среди матросов-балтийцев. В конце лета и начале осени 1917 года в Финляндии, как и повсюду в бывшей Российской Империи, социально-политический антагонизм резко обострился, возросла популярность в народных массах крайне левых политических программ. На проходившем с 9 по 12 сентября в Гельсингфорсе третьем Областном съезде Советов армии, флота и рабочих Финляндии был избран постоянный исполнительный комитет, в состав которого вошли почти исключительно большевики и левые эсеры. Придерживавшийся крайне левых взглядов большевик Ивар Смилга стал председателем Областного Исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, провозгласившего себя высшим органом политической власти в Финляндии.

Скрываясь в Гельсингфорсе, Ленин встречался с некоторыми лидерами финской социал-демократии. Вероятно, сильные позиции левых и все более напряженная, чреватая взрывом политическая ситуация в Финляндии способствовали формированию взглядов Ленина по общим вопросам дальнейшего развития революции. Однако прежде всего он был озабочен развитием революционных событий в Петрограде. Из Разлива в Финляндию Ленин переехал 9 августа, и очень скоро ему удалось наладить довольно надежную связь с Центральным Комитетом. Петроградские газеты доставлялись Ленину, как правило, уже к вечеру следующего дня после выхода. То время, которое оставалось после жадного чтения газет и обдумывания новостей, он, по-видимому, всецело посвящал работе над книгой «Государство и революция», близившейся к завершению, и написанию политических статей для большевистской печати¹.

О том, что генерал Корнилов угрожает Петрограду, Ленин впервые узнал 28 августа, но газеты за этот день с первыми более или менее подробными сообщениями были доставлены только поздно вечером 29 августа. Среди этих газет, однако, не было большевистского «Рабочего», поэтому он оставался практически в полном неведении о действиях партии в сложившейся критической обстановке. Тем не менее утром 30 августа, с нетерпением ожидая новостей из Петрограда, Ленин написал письмо, в котором давал Центральному Комитету тактические рекомендации, свидетельствовавшие пусть о временном, но существенном сдвиге его взглядов на развитие революции. Ленин указывал, что угроза установления диктатуры правых резко изменила политическую ситуацию и соответственно партия должна пересмотреть свою тактику. Если в дни Московского совещания Ленин отметал слухи о контрреволюционном заговоре как «продуманную уловку меньшевиков и эсеров», то теперь он настаивал на объединении большевиков в борьбе против Корнилова. Не высказываясь постольку важному вопросу, как допустимые пределы сотрудничества большевиков с прочими социалистами, Ленин просто предупреждал, что большевики не должны ни оказывать правительству Керенского прямую поддержку и, ни стремиться, в данный момент, к его свержению. Задача борьбы с Керенским сводилась к разоблачению всеми возможными средствами его слабости и шатаний, а также к оказанию давления на правительство, чтобы заставить его выполнить такие «частичные требования», как арест Милюкова, вооружение рабочих, вызов флотских соединений в Петроград, роспуск Государственной думы, узаконивание передачи помещичьих земель крестьянам и введение рабочего контроля.

Признание необходимости координации действий большевиков и других политических групп против Корнилова и усиления агитации за выполнение «частичных требований» свидетельствовало об отходе Ленина от его прежних категорических возражений против какого бы то ни было сближения с меньшевиками и эсерами и утверждений, что главная задача партии большевиков — как можно скорее добиться непосредственного захвата власти пролетариатом. Как отмечалось выше, в последние дни августа большинство лидеров петроградских большевиков заняло именно такую позицию. Для них, очевидно, было неожиданным то одобрение их образа действий, которое выразил Ленин в постскриптуме к письму в Центральный Комитет, написанном поздно вечером 30 августа, когда он прочел наконец свежие газеты, в том числе «Рабочего». «Прочитав, *п о с л е* написания этого, шесть номеров «Рабочего», — добавлял Ленин в постскриптуме, — должен сказать, что совпадение у нас получилось полное»².

Еще более очевидным свидетельством перемены во взглядах Ленина с началом корниловского мятежа явилась статья «О компромиссах», написанная им 1 сентября и через два дня доставлен-

ная в Петроград. В самом деле, эту статью трудно расценить иначе, как отступление от главных положений, на которых основывались ленинские указания VI съезду РСДРП (б), а именно: Советы — уже не революционные институты, меньшевики и эсеры — окончательные банкроты, насильственное взятие власти совершенно необходимо. Теперь, ввиду очевидной слабости Керенского, оказавшегося в изоляции, и будучи под впечатлением силы Советов, которую они продемонстрировали в борьбе против корниловского мятежа, а также учитывая явное усиление враждебных настроений меньшевиков и эсеров к самой идее дальнейшего развития сотрудничества с кадетами, Ленин фактически подтвердил возможность возврата к «мирной» доиюльской тактической программе, на проведении которой настаивали более умеренные большевики. Конкретно предложенный Лениным компромисс заключался в следующем: большевики временно снимают требование перехода власти к правительству, образованному представителями пролетариата и беднейшего крестьянства, и официально возвращаются к лозунгу «Вся власть Советам!». Меньшевики и эсеры берут власть в свои руки и формируют правительство, ответственное перед Советами. Политическая власть на всей территории России переходит к местным Советам, большевики в состав правительства не входят, но получают гарантии полной свободы действий в соответствии с их программой. В сущности, статья «О компромиссах» явилась выражением готовности отказаться от вооруженной борьбы и бороться за преобладание в Советах политическими средствами при условии, что меньшевики и эсеры порвут с буржуазией. По мнению Ленина, такое правительство в данный момент могло бы быть создано и упрочено вполне мирно и «обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма».

О создании Директории, об упорном нежелании большинства умеренных социалистов согласиться на образование исключительно социалистического правительства и их стремлении сформировать новый коалиционный кабинет из представителей буржуазии, хотя и без участия кадетов, Ленин узнал 3 сентября, когда собирался отправить статью «О компромиссах» в Петроград. Эти известия побудили его добавить к статье короткий постскрипtum, в котором он пессимистически отмечал: «...А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли»³.

Однако Ленин и теперь не вполне отказался от идеи мирного развития революции. В течение первых полутора недель сентября он все еще думал о возможности компромисса. В определенной мере основанием для подобных надежд были непрерывные и

передаваемые широкой гласности споры среди меньшевиков и эсеров по вопросу о будущем правительстве, а также обострение антагонизма между Керенским и эсеро-меньшевистскими лидерами Советов, о котором свидетельствовало, например, упорное сопротивление Комитета народной борьбы с контрреволюцией попыткам правительства распустить созданные во время корниловщины революционные комитеты. Во всяком случае, Ленин вернулся к вопросу о возможности компромисса с эсерами и меньшевиками и мирного развития революции в статьях этого периода «Задачи революции», «Русская революция и гражданская война» и «Один из коренных вопросов революции»⁴.

В статье «Задачи революции», написанной примерно 6 сентября, но опубликованной только в конце месяца, Ленин более подробно изложил политический план, впервые предложенный в статье «О компромиссах». «Взяв всю власть, — настаивал Ленин, — Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов»⁵.

Через день или два Ленин написал статью «Один из коренных вопросов революции», которая была опубликована только 14 сентября. В этой статье он отмечал важность вопроса о государственной власти для развития всякой революции. Ленин разъяснил, почему он придает столь большое значение немедленному переходу всей власти к Советам:

«Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции...

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием, или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, неколеблющейся, власти...

Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов...»

Ленин разъяснил также, какой смысл он вкладывал в лозунг «Вся власть Советам!», призывая возвратиться к нему в статье «О компромиссах»:

«Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства»...

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим

аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований».

Только Советская власть, утверждает Ленин, способна проявить достаточную смелость и решительность, чтобы звести хлебную монополию и эффективный контроль над производством и распределением, ограничить выпуск бумажных денег, обеспечить правильный обмен хлеба на промышленные товары и т.п., то есть пойти на все те меры, которых требуют «невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода». Такой властью, по мнению Ленина, будет не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян, о необходимости которой он говорил еще в Апрельских тезисах. В статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин утверждает, что такая диктатура сломила бы сопротивление корниловцев и завершила бы демократизацию армии, что «девятью девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления». что она «дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах», что крестьяне, несомненно, поддержали бы такую диктатуру. Далее Ленин пишет:

«Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным...»⁶

В статье «Русская революция и гражданская война», последней из данной серии, завершенной, вероятно, 9 сентября и опубликованной 16 сентября, Ленин писал о необоснованности опасений умеренных социалистов, которые боялись кровопролитной гражданской войны, якобы неизбежной в случае разрыва с буржуазией. Наоборот, утверждал Ленин, дальнейшее затягивание создания советского правительства вызовет рост возмущения масс, и тогда вооруженное восстание рабочих и гражданская война станут действительно неизбежными. Восстание и война будут кровопролитными, но в любом случае пролетариат одержит триумфальную победу. По мнению Ленина, «исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал для гражданской войны в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...». В подтверждение своих слов Ленин указал на беспомощность буржуазии во время корниловского мятежа, когда такой союз обеспечил «пол-

нейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией...»⁷.

Об атмосфере свободы дискуссий, характерной для партии большевиков в 1917 году, свидетельствует, в частности, тот факт, что даже ленинское предложение о более терпимом отношении к эсерам и меньшевикам было принято не без возражений. К тому времени, когда лидеры большевиков в Петрограде получили статью «О компромиссах», ЦИК уже официально отклонил предложенную большевиками 31 августа резолюцию «О власти». Издателям «Рабочего пути» компромисс такого рода, какой предлагал Ленин, представлялся неосуществимым. Член редакционной коллегии Григорий Сокольников впоследствии вспоминал, что первоначально статью не хотели печатать и лишь по настоянию Ленина решение было пересмотрено и статья была опубликована 6 сентября⁸.

Против ленинской точки зрения, высказанной в статье «О компромиссах», возражали также некоторые члены всегда выступавшего за самые решительные действия Московского областного бюро⁹ и придерживавшиеся наиболее левых взглядов лидеры Петербургского комитета, которые всего немногим более четырех недель до этого, на VI съезде РСДРП (б), поддерживали Ленина по вопросу о полном разрыве с умеренными социалистами и подготовке к вооруженному захвату власти и теперь были явно ошеломлены резкой переменой в его взглядах. Отрицательное отношение ряда лидеров петроградских большевиков к блоку с меньшевиками и эсерами стало очевидным при обсуждении текущего момента на заседании Петербургского комитета 7 сентября, уже на следующий день после опубликования статьи «О компромиссах»¹⁰.

Прения открыл представитель Исполнительной комиссии А.Слуцкий. Соглашаясь с Лениным в том, что выступление Корнилова обусловило «полевение» масс и умеренных социалистов и даже, в некоторой степени, Советов, он возражал против сближения с меньшевиками и эсерами, утверждая, что главная задача партии заключается в том, чтобы удержать массы от преждевременных активных действий и готовиться к использованию Советов как боевых центров, посредством которых можно будет прийти к власти¹¹. Г.Коломин, отличавшийся независимым суждением и еще в июльские дни проявивший себя как сторонник самых решительных действий, доказывал, что выступление Корнилова отнюдь не привело к сколько-нибудь существенному изменению позиций меньшевиков и эсеров и соответственно Советов. Он утверждал, что их сдвиг влево «не дает еще возможности думать, что Совет пойдет революционным путем... Наша позиция должна остаться неизменной. Наша цель — не идти рука об руку с вождями этих Советов, а стараться оторвать от них более революционные элементы или вести их за собой... Как на заводах, так и в крестьянской бедноте мы наблюдаем отход влево. Теперь нам

думать о компромиссах смешно. Никаких компромиссов!.. Наша революция не та, что на Западе. Наша революция — пролетарская. Наша задача — укреплять позицию и, безусловно, готовиться к боевой схватке». Следует отметить, что высказывания представителя Центрального Комитета Бубнова скорее соответствовали настроениям Слуцкого и Коломина, чем точке зрения Ленина, выраженной им в статье «О компромиссах».

Трудно судить, в какой степени подобные настроения преобладали в то время среди членов Петербургского комитета, поскольку обсуждение текущего момента на заседании 7 сентября закончилось без принятия какой-либо резолюции. Во всяком случае, в данный момент, как и в предшествовавший июльским событиям период, в ближайшей перспективе мирный курс отвечал как программным установкам правых большевиков, таких, как Каменев, которые утверждали, что Россия еще не готова к социалистической революции, и выступали в то время только лишь за создание социалистического коалиционного правительства с участием большевиков, провозглашение демократической республики и созыв Учредительного собрания, так и взглядам таких большевиков, как Ленин, Троцкий и лидеры петроградских партийных организаций, считавших переход власти к Советам и создание эсеров-меньшевистского правительства промежуточным этапом развития социалистической революции на пути к скорейшему установлению диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Несомненно, предложенный Лениным курс затронул чувствительную струну большинства членов Центрального Комитета. В первые недели сентября петроградские большевики под руководством ЦК сосредоточивали свои усилия не столько на дальнейшем углублении пропасти между ними и умеренными социалистами и подготовке масс к вооруженному захвату власти в духе ленинских указаний VI съезду РСДРП(б), сколько на решении задач по обеспечению возможности мирного развития революции. В частности, с новой энергией большевики повели борьбу за то, чтобы побудить колеблющиеся элементы в эсеров-меньшевистском лагере принять и поддержать принцип полного разрыва с буржуазией, активизировали борьбу за дальнейшее расширение и укрепление влияния партии в массовых организациях (главное, в Петроградском Совете). Усилия большевиков были направлены и на то, чтобы посылать как можно больше своих делегатов на Демократическое совещание, назначенное на середину сентября и рассматривавшееся меньшевиками и эсерами как форум, на котором должен быть окончательно решен вопрос о коалиции и характере будущего правительства.

Особо важной задачей большевиков была борьба за влияние в Петроградском Совете. На заседании 31 августа, когда большинство проголосовало за политическую программу большевиков, присутствовало менее половины имевших право голоса депутатов. Значительную часть отсутствовавших депутатов со-

ставляли тогда державшие оборону за пределами столицы солдаты, на которых эсеры оказывали существенное влияние. Неудивительно поэтому, что умеренные социалисты оспаривали значение успеха большевиков 31 августа и рассчитывали на их поражение в ближайшее время.

Для пробы сил и относительного влияния партий в Петроградском Совете эсерово-меньшевистские стратеги выбрали вопрос о будущем составе президиума. С момента образования, то есть с марта 1917 года, Президиум Петроградского Совета состоял исключительно из меньшевиков и эсеров. Среди них были такие наиболее известные и авторитетные политические деятели, как Чхидзе, Церетели, Чернов, Дан, Скобелев, Гоц и Анисимов. Теперь все они заявили о своем намерении сложить полномочия, если результаты голосования 31 августа не будут признаны действительными и прежнее руководство не получит вотум доверия. Этот шаг эсерово-меньшевистских лидеров представлял немалую угрозу для большевиков, так как последние едва ли могли надеяться собрать достаточно голосов, чтобы одержать верх над столь видными политиками. Аннулирование результатов голосования 31 августа и вотум доверия меньшевикам и эсерам могли бы в немалой степени свести на нет недавние успехи большевиков в борьбе за более широкую поддержку масс.

Чтобы в какой-то мере застраховаться от подобного поражения, большевики предприняли попытку вывести на первый план процедурные вопросы и тем самым затушевать политическое значение голосования по составу президиума. В частности, они утверждали, что будет несправедливо, если в состав президиума, как и прежде, войдут только представители большинства. В противовес умеренным, предлагавшим сопоставить политические программы разных партий, сделать выбор и дать возможность представителям одержавших верх партий сформировать президиум, большевики настаивали на том, что единственно демократический подход — реорганизовать президиум по принципу пропорционального представительства и ввести в президиум соответствующее количество членов от партий и политических группировок, которые прежде не были в нем представлены. Этот план представлялся вполне разумным многим депутатам, которые склонялись влево, но не желали примкнуть к большевикам ценой разрыва со своими лидерами¹². Отстаивая идею пропорционального представительства в Президиуме Петроградского Совета, Каменев убеждал таких колеблющихся депутатов в том, что если меньшевики и эсеры «признавали коалицию с буржуазией, то они согласятся на коалицию и с большевиками в президиуме».

Вопрос о реорганизации президиума был поставлен на голосование в начале заседания Петроградского Совета 9 сентября. Предложение большевиков было принято незначительным большинством голосов¹³. Ленин впоследствии критиковал лидеров большевистской фракции Петроградского Совета за привер-

женность идее пропорционального представительства, считая их поведение на выборах в президиум всего лишь еще одним примером неоправданно тесного сотрудничества своих соратников с другими социалистическими партиями в ущерб собственным целям. Однако оправданность этого тактического шага и целесообразность пропорционального представительства подтвердились уже на том же заседании, когда обсуждалось другое предложение большевиков — об изменении порядка представительства солдат в Совете — и выяснилось, что они еще не располагали надежным большинством в Петроградском Совете. Предложение большевиков не нашло поддержки большинства депутатов, и во избежание неминуемого поражения им пришлось в последний момент отказаться от намерения поставить свою резолюцию на голосование¹⁴.

Маневры большевиков в Петроградском Совете в конце концов увенчались успехом. Когда были оглашены результаты голосования на заседании 9 сентября по вопросу о пропорциональном представительстве, большинство членов прежнего президиума демонстративно покинули зал, всем своим видом выражая крайнее раздражение и негодование. К 25 сентября руководство Петроградского Совета было полностью реорганизовано. В состав нового президиума вошли два эсера, один меньшевик и четыре большевика (Троцкий, Каменев, Рыков и Федоров). Троцкий сменил Чхеидзе на посту председателя¹⁵.

Одновременно лидеры большевиков уделяли большое внимание Демократическому совещанию. 4 сентября 37 местным партийным организациям в разных районах страны Центральный Комитет направил телеграмму, а на следующий день — письмо, в котором сообщалось, что ЦК принял решение «приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из участников совещания, членов нашей партии». Большевикам на местах предлагалось, «ознакомившись точно с составом совещания, провести, где только возможно, своих товарищей» и направлять их непосредственно в Смольный «для более точного и подробного информирования о наших задачах на совещании»¹⁶.

Когда был объявлен состав Демократического совещания, стало очевидно, что надеждам на то, что совещание отвергнет идею коалиции и предпримет шаги к созданию нового однородного социалистического правительства, едва ли суждено осуществиться. Представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городских дум, армейских организаций, профсоюзов и ряда других организаций получили 1198 мандатов. Однако количество мест для представителей городских Советов рабочих и солдат, а также профсоюзов, то есть организаций, где большевики имели наиболее сильные позиции, было невелико в сравнении с представительством сельских Советов, земств и кооперативов, в которых преобладали умеренные социалисты.

Большевики тем не менее не совсем отказались от мысли, что Демократическое совещание могло бы создать социалистическое правительство. На заседании 13 сентября Центральный Комитет избрал комиссию в составе Троцкого, Каменева, Сталина, Милютина и Рыкова, которой было поручено подготовить декларацию и резолюцию для Демократического совещания¹⁷. Отчасти основанная на письмах и статьях, написанных Лениным в начале сентября, сформулированная в подготовленной комиссией декларация революционная программа большевиков исходила из того, что мирное развитие революции все еще возможно и Демократическое совещание может и должно создать революционное правительство¹⁸. Подобно ленинской статье «О компромиссах», декларация большевиков по сути явилась выражением признания Советов органом революционной власти и призывом к прежним сторонникам коалиции решительно порвать с буржуазией. Категорически утверждалось, что большевики не пытались, не пытаются и не будут пытаться взять власть вопреки воле большинства трудящихся масс, что борьба за преобладание в Советах будет продолжаться в условиях полной свободы агитации и постоянного обновления их состава за счет притока новых депутатов из низов¹⁹. Вместе с тем в отличие от статьи «О компромиссах» возможность участия большевиков в советском правительстве не исключалась²⁰; по всей вероятности, в этом сказалось влияние Каменева.

Перед самым открытием Демократического совещания выяснилось, что опасения партийцев, придерживавшихся наиболее левых взглядов, относительно вероятного состава делегатов были вполне оправданными. Среди тех из прибывших на совещание делегатов, кто указал свою партийную принадлежность, оказались 532 эсера (в том числе 71 левый эсер), 172 меньшевика (из них 56 интернационалистов), 55 народных социалистов, 133 назвали себя беспартийными. Делегатов-большевиков было только 134²¹.

Однако в ходе предварительных совещаний по фракциям стало ясно, что среди умеренных социалистов отнюдь нет единства мнений по вопросу о коалиции с несоциалистическими партиями — разногласия по этому вопросу, возникшие в дни после выступления Корнилова, не только не исчезли, но даже углубились. Теперешнее отношение к коалиции многих лидеров меньшевиков и эсеров, прежде поддерживавших Временное правительство, выразил в первый день работы Демократического совещания меньшевик Богданов: «В переживаемый нами тяжелый момент... мы должны установить бесспорно, что у нас нет власти. У нас была правительственная чехарда, которая ничем не отличается от той чехарды, которая была при царском самодержавии. Эта правительственная чехарда ослабляет страну, непрерывная смена кабинетов привела к полному бесплодию, и в этом виноваты мы, революционная демократия, создавшая эту власть... Я сторонник коалиционного правительства, и я должен

признать с болью, что главной причиной бездействия правительства был коалиционный состав его из представителей демократии и буржуазии»²².

Итак, до открытия Демократического совещания и в первые дни его работы большевики еще могли надеяться на то, что большинство делегатов проголосует за разрыв с Керенским и создание однородного социалистического правительства. Эта надежда была выражена Зиновьевым в статье на первой странице газеты «Рабочий путь» за 13 сентября, которая, несомненно, распространялась среди прибывавших делегатов. В статье, озаглавленной «Наша победа и наши задачи», говорилось:

«...Главный вопрос, который стоит теперь перед каждым революционером, заключается в том, существуют ли еще и сейчас какие-нибудь шансы на мирное развитие революции и что нужно сделать, чтобы эти шансы усилить? И тут-то надо себесказать: если существуют, то только в том случае, если между рабочим классом, окончательно пошедшим за нашей партией, и массой мелкобуржуазной демократии, идущей за эсерами и меньшевиками, состоит известный компромисс, известное соглашение... Честное соглашение с мелкобуржуазной демократией — да, это и желательно, и при известных условиях возможно! ...И открывающееся на днях Всероссийское демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода»²³.

Демократическое совещание открылось вечером 14 сентября в Александринском театре (ныне Ленинградский государственный академический театр драмы им. А.С.Пушкина). Прибывшие со всех концов России делегаты заняли места в знаменитом старинном зрительном зале — в ложах, партере и на балконе. Делегаты разительно отличались от публики, заполнявшей этот зал в царские времена, и сам зал теперь выглядел совершенно иначе. Красная плюшевая обивка кресел и лож сливалась с морем красных революционных знамен. Поднятый занавес открывал сцену и декорацию, изображавшую большой зал с несколькими дверями, по бокам которых стояли искусственные пальмы и кусты можжевельника. Члены президиума расположились за длинным узким столом, пересекавшим всю сцену, перед столом стояла задрапированная кумачом кафедра, к которой была прикреплена табличка «Не курить».

В речи Каменева, на первом заседании совещания, а также в выступлении Троцкого перед делегацией большевиков на следующий день недвусмысленно прозвучали надежды на то, что Демократическое совещание примет решение о создании нового правительства. Каменев выступил с довольно длинной речью, заявив, что шесть месяцев работы различных составов Временного правительства заставляют большевиков отказать в доверии политике, «которая теперь возглавляется и министром Керенским». «Положение настолько трагично, — утверждал Каменев, — что ни одного дня на эксперименты мы больше не имеем». Он заявил, что неспособность правительства дать отпор контр-

революционным силам в армии, неудачи в области сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием, а также во внешнеполитической сфере не являются следствием ошибок, допущенных тем или иным министром-социалистом, они обусловлены политическим влиянием буржуазии как класса:

«Да, товарищи, не было еще ни одной революции, в которой осуществление идеалов трудящихся не вызывало бы смертельного ужаса контрреволюционных сил... Если демократия не захочет сейчас взять власть в свои руки, они должны открыто сказать себе: «Мы не верим в свои силы, а потому, Бурышкины и Кишкины²⁴, приходите и владейте нами, мы сами не умеем». Можно написать какую угодно программу, которая удовлетворит трудовую демократию, но будет чистейшей утопией думать, что такую программу искренно и честно будет проводить буржуазия»²⁵.

Далее Каменев сказал, что единственный возможный выход — передача государственной власти демократии, но не Совету рабочих и солдатских депутатов, а той демократии, которая в достаточной степени представлена на совещании. Необходимо создать новое правительство и орган, перед которым оно должно быть ответственно.

— Троцкий, обращаясь к делегатам-большевикам, сказал, что по мере возможности следует прежде всего стремиться убедить участников совещания в необходимости порвать с буржуазией и взять на себя задачу создания нового правительства. В случае успеха это будет первым шагом к передаче всей власти Советам²⁶.

Следует отметить, что в отличие от Каменева, который выступал за создание демократического коалиционного правительства на широкой основе, то есть с участием представителей разных политических группировок, приславших делегатов на совещание, Троцкий настаивал на передаче всей власти Советам. Это весьма существенное обстоятельство отражало коренное различие во взглядах на развитие русской революции, которому вскоре суждено было стать источником одного из самых острых и значительных внутренних противоречий в истории большевизма. В рамках рассматриваемой темы, однако, главное заключается в том, что и Каменев и Троцкий, а вместе с ними большинство петроградских большевиков положительно расценивали работу Демократического совещания и перспективы мирного развития революции.

Если учесть, что в тот момент среди большевиков преобладали сравнительно умеренные взгляды, да и сам Ленин с начала сентября высказывался за тактику компромиссов, нетрудно представить себе, как были ошеломлены лидеры большевиков, получив 15 сентября два письма от Ленина, написанные между 12 и 14 сентября, в которых он полностью отказался от умеренной позиции, изложенной в статье «О компромиссах», и настаивал на том, что большевики должны немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию.

Такой, казалось бы, резкий и неожиданный поворот был обусловлен рядом взаимодополняющих факторов. С одной стороны, такие факторы, как сильные позиции крайне левых элементов в Финляндии, поддержка большеинства, которую получила программа большевиков в Петроградском и Московском Советах, а также в ряде Советов на местах, повсеместные и неуклонно нараставшие волнения безземельных крестьян, дальнейшее разложение армии на фронте и все более настойчивые требования солдат немедленного мира, наконец, признаки нарастания революционных настроений в германском флоте, очевидно, вызвали у Ленина надежду на то, что в данный момент, если большевики возьмут власть, им обеспечена мощная поддержка в городах, широкого и упорного противодействия в деревне и на фронте не будет, а образование подлинно революционного правительства в России послужит толчком к массовым выступлениям в других европейских странах. И конечно, когда Ленин осознал возможность быстро добиться принятия резолюции по вопросу о создании крайне левого правительства, он утратил интерес к компромиссам с умеренными социалистическими партиями. С другой стороны, Ленин, по-видимому, испытывал опасения, что Временному правительству удастся тем или иным способом «выпустить революционный пар» — путем вступления в переговоры о сепаратном мире, сдачи Петрограда немцам, проведения выборов в Учредительное собрание или спровоцировав и подавив стихийное восстание неорганизованных народных масс. По-видимому, Ленин опасался и того, что, если партия большевиков проявит медлительность, она начнет терять влияние и авторитет в массах и окажется не в силах предотвратить полную анархию в стране.

В первом из двух писем, адресованном Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам РСДРП(б), Ленин писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее...». «Демократическое совещание, — указывал Ленин, — не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи... Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими». Ленин отмечал, что речь идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле — выбор момента должен быть возложен на лидеров большевиков на местах. Теперь же, указывал Ленин, партия должна воспользоваться тем, что на Демократическом совещании она имеет фактически свой съезд, задача которого — на очередь дня поставить «вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание

власти, свержение правительства». В заключение Ленин утверждает, что, взяв власть сразу в Петрограде и в Москве (не имеет значения, в каком городе большевики выступят раньше), «мы победим безусловно и несомненно»²⁷.

Во втором письме, озаглавленном «Марксизм и восстание» и адресованном только Центральному Комитету, Ленин опровергает оппортунистическую ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм». По мнению Ленина, восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор и не на партию, а на пролетариат, оно должно опираться на революционный подъем народа. Наконец, победа восстания возможна только в том случае, если оно происходит в момент, когда «активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции». Подчеркивая, что «раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции», Ленин в своем письме разъяснил, почему немедленное вооруженное восстание было «в порядке дня». Он сравнил сложившееся положение с положением в дни июльских событий, отметив, что тогда большевики еще не имели достаточной поддержки пролетариата, теперь же, после «расправы» с большевиками и корниловщины, большевики имеют большинство в обоих Советах — Московском и Петроградском. В июле не было всенародного революционного подъема, теперь, после корниловщины, он был. Наконец, тогда не было серьезных колебаний среди врагов большевиков, теперь колебания «гигантские». «Политически мы не удержали бы власти 3 — 4 июля, — писал в заключение Ленин, — ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная. ... Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания». Ленин требовал, чтобы Центральный Комитет сплотил фракцию большевиков на Демократическом совещании, «не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся», указывал, что необходимо составить краткую декларацию, «чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше», «подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства... необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом». Большевики, «прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции», должны «всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы...». Одновременно, указывал Ленин, чтобы отнестись к восстанию помарксистски, то есть как к искусству, необходимо, не теряя ни минуты, «организовать штаб повстанческих отрядов, распреде-

лить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство... мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д.»²⁸...

Неудивительно, что первая реакция лидеров петроградских большевиков на эти письма была примерно такой же, как их реакция на ленинские «Письма из далека». «Мы все ахнули, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время», — вспоминал несколько лет спустя Бухарин²⁹. Вечером 15 сентября члены Центрального Комитета спешно направились из Александринского театра на чрезвычайное заседание, чтобы обсудить ленинские письма. Присутствовали не только члены ЦК, постоянно находившиеся в Петрограде и осуществлявшие повседневное руководство партией (то есть Бубнов, Дзержинский, Иоффе, Милютин, Свердлов, Сокольников, Сталин и Урицкий), но также и Каменев, Коллонтай и Троцкий (для Троцкого это заседание ЦК было вторым после его освобождения из тюрьмы), представители московской организации большевиков Бухарин, Ломов, Ногин, Рыков и представитель ЦК на Кавказе Степан Шаумян. Большинству присутствовавших были розданы копии ленинских писем, чтобы они могли предварительно обдумать их³⁰. Опубликованный протокол прений чрезвычайно отрывочен³¹. Центральный Комитет решил в ближайшее время назначить заседание, специально посвященное обсуждению тактических вопросов. Предложение Сталина разослать ленинские письма в наиболее важные организации для обсуждения было отклонено, несмотря на то что Ленин адресовал свое первое письмо не только Центральному Комитету, но и Петербургскому и Московскому комитетам. Более того, большинство присутствовавших выступало за то, чтобы без лишнего шума уничтожить ленинские письма. Бухарин впоследствии утверждал, что ЦК рассмотрел вопрос об уничтожении писем и единогласно постановил их сжечь³². Как отмечено в официальном протоколе, члены ЦК проголосовали за сохранение лишь одного экземпляра каждого письма и принятие соответствующих мер, чтобы предотвратить выступление масс.

Об опасениях Центрального Комитета вспоминал позже Ломов: «...мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разноречивый в наши ряды... мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»³³. В качестве дополнительной меры предосторожности на заседании ЦК 15 сентября было решено возложить на представителей ЦК в Военной организации и Петербургском комитете (соответственно Свердлова и Бубнова) личную ответственность за то, чтобы в ка-

зармах и на заводах не звучали призывы к немедленному выступлению в духе требований Ленина.

Итак, на время, призывы Ленина к свержению Временного правительства бесцеремонно игнорировались. По сути, поведение делегации большевиков на Демократическом совещании изменилось после получения ленинских писем только в том отношении, что Троцкий перестал говорить о возможности формирования совещанием правительства как о первом шаге к передаче власти Советам — теперь он категорически настаивал на непосредственной передаче Советам всей политической власти. Эта на первый взгляд малозначительная, но в действительности весьма существенная перемена привела к жаркому спору между Троцким и Мартовым на заседании фракции делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов 18 сентября. Мартов выступал за создание Демократическим совещанием социалистического правительства на широкой основе, включая представителей всех основных группировок, приглашенных на совещание. Возражая Мартову, Троцкий утверждал, что состав Демократического совещания таков, что давать ему всю полноту государственной власти, доверять решение вопроса о правительстве было бы опрометчивым шагом. Напротив, настаивал Троцкий, совершенно необходимо передать власть Советам, которые проявили себя как могучая творческая политическая сила³⁴.

Большевики не прекратили своих усилий, направленных на то, чтобы повлиять на делегатов совещания, убедить их порвать с буржуазией и сделать первые шаги к созданию революционного правительства. Декларация большевиков по вопросу о власти, программа, одобренная Центральным Комитетом 13 сентября и, как отмечалось выше, основывавшаяся в значительной мере на положениях статьи Ленина «О компромиссах», были зачитаны на заседании Демократического совещания 18 сентября. В этот вечер, отвечая на призывы большевиков, 150 делегатов от петроградских фабрично-заводских рабочих и воинских частей организовали возле Александринского театра демонстрацию в поддержку создания правительства, сформированного только из социалистов. Итак, вместо того чтобы покинуть Демократическое совещание и идти в массы с призывами к вооруженному восстанию, на чем настаивал Ленин, партия большевиков проводила работу по мобилизации рабочих и солдат на оказание давления на Демократическое совещание, чтобы заставить его пойти более радикальным курсом³⁵.

Ленин воспринял оглашение декларации на Демократическом совещании как несомненное свидетельство того, что руководство партии отвергло его указания, содержащиеся в письмах от 12—14 сентября. Несомненно, еще больше должно было подействовать на него появление 16 сентября в газете «Рабочий путь» написанной им в начале месяца статьи «Русская революция и гражданская война», причем с указанием автора. Центральный Комитет, таким образом, не только принял меры, что-

бы ленинские призывы к вооруженному восстанию не дошли до массы рядовых членов партии, он позаботился о доведении до масс более умеренных взглядов Ленина, выразившихся им неделей раньше, создавая тем самым впечатление, что такой была точка зрения Ленина в настоящий момент.

Именно теперь Ленин принял решение немедленно вернуться в Петроград вопреки запрету Центрального Комитета (якобы по соображениям безопасности). Без ведома ЦК 17 сентября (или в один из ближайших дней после 17 сентября) Ленин прибыл из Гельсингфорса в Выборг и уже отсюда известил Крупскую и Свердлова — но не ЦК — о своем непреклонном решении вернуться в Петроград³⁷.

Тем временем делегаты Демократического совещания в течение четырех дней (14—18 сентября) проводили бесконечные собрания по группам и партийным фракциям и общие заседания, на которых обсуждались всевозможные вопросы, касающиеся характера будущей власти и правительства. После длительных словопрений 19 сентября состоялось голосование по вопросу о власти, однако, по сути, вопрос не был решен, и все заинтересованные стороны потерпели полное фиаско. Согласно заранее установленному президиумом порядку, делегаты должны были сначала выразить свое отношение к идее коалиции в принципе. Далее, делегатам предложили проголосовать за или против каждой из двух предложенных поправок: 1) об отстранении элементов кадетской партии и других группировок, замешанных в корниловском мятеже, от участия в коалиции и 2) о безоговорочном отказе от коалиции с кадетами вообще. Наконец, ставилась на голосование резолюция в целом с соответствующими поправками.

Поименным голосованием, продолжавшимся пять часов, Демократическое совещание одобрило принцип коалиции с буржуазией (766 голосов за, 688 против и 38 воздержавшихся). Результаты голосования подтвердили обоснованность опасений большевиков относительно состава совещания: представители Советов рабочих и солдатских депутатов и профсоюзов в подавляющем большинстве проголосовали против союза с буржуазией, но все же перевесили голоса гораздо более многочисленных делегатов от Советов крестьянских депутатов, воинских комитетов, земств и кооперативов, которые выступали за коалицию³⁸. Затем были поставлены на голосование две предложенные поправки. Выступая перед голосованием от имени большевиков, Троцкий высказался за принятие обеих поправок. Такое же мнение было выражено представителем меньшевиков-интернационалистов Мартовым и представителем левых эсеров Камковым. Обе поправки прошли, к неудовольствию многих, хотя, очевидно, не всех делегатов, выступавших за коалицию в принципе. Резолюция в целом с принятыми поправками (то есть одобрение принципа коалиции, но отказ от союза с кадетами и

другими группировками, запятнавшими себя оказанием поддержки Корнилову) практически никого не удовлетворяла. Большевики, конечно, голосовали против резолюции, к ним присоединились многочисленные сторонники коалиции, которые просто не могли себе представить жизнеспособное коалиционное правительство без кадетов. За резолюцию с поправками было подано лишь 183 голоса, 813 делегатов голосовали против, и 80 воздержались от голосования³⁹.

В ходе четырехдневных ожесточенных дебатов выявились острые разногласия между «демократическими группами», но абсолютно ничего не было решено относительно состава будущего правительства. Отношение социалистов к власти и правительству оказалось, пожалуй, еще более противоречивым и запутанным, чем до голосования 19 сентября. Президиуму Демократического совещания было совершенно ясно, что такое положение продолжаться не может, поэтому по его настоянию еще до закрытия заседания 19 сентября делегаты приняли решение продолжать Демократическое совещание до тех пор, пока не удастся так или иначе прийти к взаимоприемлемому соглашению о программе будущего правительства и условиях его формирования и функционирования.

На следующий день состоялись назначенные президиумом дебаты с целью найти выход из тупика. Ожесточенные споры, в которых участвовали члены президиума и представители разных партий и группировок из числа делегатов совещания, начались утром и закончились только вечером. Ссылаясь на выявившиеся огромные разногласия в рядах демократов по вопросу о власти и правительстве, Церетели утверждал, что правительство, состоящее только из представителей демократических партий, не может быть жизнеспособным. Ему вторили Гоц и Авксентьев, которые вновь твердили о необходимости сохранить в той или иной форме политический союз с буржуазией. Основным оратором от большевиков выступил Каменев, который не особенно убедительно ссылался на то, что не далее как вчера идея создания коалиционного правительства была решительно отвергнута, и настаивал на необходимости создания однородного демократического правительства. Чтобы успокоить умеренных социалистов насчет того, каким будет отношение большевиков к такому правительству, Каменев категорично утверждал, что свергать такое правительство большевики не будут, напротив, они будут его поддерживать, пока оно идет демократическим курсом и ведет страну к созыву Учредительного собрания. Наговорившись до хрипоты, делегаты приступили к голосованию по вопросу о коалиции — против голосовали 60 делегатов, за коалицию было подано 50 голосов.

В связи с тем, что мнения и голоса разделились почти поровну, Церетели предложил пойти несколько иным путем. Он предложил попытаться добиться единства мнений по вопросу о политической программе будущего правительства, предоставив ре-

шать проблему конкретного состава правительства постоянному представительному органу, который следует избрать на Демократическом совещании и перед которым правительство будет нести ответственность вплоть до созыва Учредительного собрания. В дальнейшем это предложение было принято. Что касается линии, которую должно было проводить новое правительство, большинство делегатов высказалось за Программу 14 августа⁴⁰, возражали только большевики. Однако большевики, как и другие участники этого собрания, поддерживали идею создания постоянного представительного органа⁴¹.

Каменев надеялся, что этот орган будет «однородным», что большую часть его членов составят представители Советов рабочих и солдатских депутатов и, следовательно, он окажется не столь глухим к призывам порвать с буржуазией, как демократическое совещание. Однако почти сразу же стало ясно, что подобные надежды не имели под собой никакой почвы. Вновь только большевики выразили несогласие, когда участники собрания решили, что в постоянный орган (первоначально он именовался Демократическим советом, но чаще его называли Предпарламентом) должны войти как представители партий и групп, представленных на демократическом совещании, так и представители имущих кругов. Произошло нечто прямо противоположное ходу голосования днем раньше. На заседании 19 сентября делегаты начали с того, что согласились с идеей коалиции в принципе, а затем, проголосовав против участия кадетов, фактически исключили всякую реальную возможность создания коалиционного правительства. Теперь же, 20 сентября, специальное собрание делегатов отвергло коалиционный принцип, а затем приняло резолюцию, косвенно допускающую возможность политического сотрудничества с представителями буржуазии, не исключая и кадетов⁴².

Сторонники коалиционной власти не преминули тут же воспользоваться открывшейся возможностью. В тот же вечер, 20 сентября, на пленарном заседании была принята внесенная Церетели резолюция, согласно которой задача окончательного решения вопроса о власти возлагалась на Предпарламент. Резолюция предусматривала, помимо прочего, что правительство будет проводить линию, направленную на реализацию Программы 14 августа, что в области внешней политики оно будет стремиться к заключению мира между всеми воюющими государствами, что оно будет подотчетно и ответственно перед постоянным представительным органом, который впредь до созыва Учредительного собрания будет считаться органом, выражающим волю всего народа. В резолюции отмечалось, что этот представительный орган, то есть Предпарламент, должен состоять из делегатов Демократического совещания. Возможность участия представителей буржуазии в Предпарламенте или правительстве конкретно не оговаривалась, но в закамуфлированной форме резолюция допускала возможность образования новой коалиции, ибо в ней

содержалось туманное указание на то, что если в состав правительства войдут буржуазные элементы, то состав постоянного представительного органа должен быть расширен посредством включения в него представителей буржуазии. В резолюции, впрочем, делалась оговорка, что в этом случае должно быть обеспечено преобладание демократических элементов. Наконец, резолюцией предусматривалось выбрать из числа делегатов пять человек (в дальнейшем эта цифра удвоилась), которые должны начать переговоры с целью облегчить формирование правительства в соответствии с положениями данной резолюции. Этим делегатам вменялось в обязанность информировать Демократический совет о результатах их усилий, совет же должен был утверждать их отчеты⁴³. Итак, долгожданное Демократическое совещание закончилось, в сущности, безрезультатно — на нескольких еще не названных делегатов возлагалась задача найти приемлемый выход из правительственного кризиса, которая оказалась не под силу более чем тысяче делегатов Демократического совещания.

Отчасти в связи с тем, что противники дальнейшего сотрудничества с буржуазией не хотели участвовать в официальных переговорах с Керенским, в назначенной для переговоров группе делегатов Демократического совещания преобладали видные сторонники коалиции в Совете, такие, как Церетели, Авксентьев, Гоц и Чхеидзе, а также представители кооперативов и земств, которые считали, что Россия ни в коем случае не может обойтись без участия в правительстве представителей крупной буржуазии. 22 — 24 сентября делегация вела переговоры, зачастую больше похожие на препирательство, с Керенским, другими министрами, представителями ЦК кадетской партии и представителями петроградских и московских промышленников. Как и следовало ожидать, представители буржуазии не соглашались принять Программу 14 августа за основу правительственной политики. Не отвергая целиком идею Предпарламента, они настаивали, что юридическим правом на создание подобного органа обладает только Временное правительство и что ни при каких обстоятельствах новое правительство не может быть ответственным перед Предпарламентом; другими словами, последнему отводилась роль всего лишь совещательного органа, не более того. В то же время Керенский категорически настаивал на необходимости формирования нового коалиционного кабинета министров.

Членам делегации Демократического совещания пришлось выбирать — отказаться ли от наиболее спорных положений Программы 14 августа и молчаливо признать независимость правительства от Предпарламента или порвать с Керенским и отказаться от мысли ввести в правительство представителей буржуазии. Как и следовало ожидать, они выбрали первый путь. Тактика делегации во главе с Церетели на политических переговорах 22 — 24 сентября была в известном смысле противополож-

ной той тактике, которой Церетели следовал на Демократическом совещании. На совещании ему удалось добиться соглашения, обеспечившего возможность коалиции, оставив в стороне вопрос о том, кто именно должен войти в кабинет, и сосредоточив общее внимание на той линии, которую должно будет проводить новое правительство, каким бы ни был его состав: теперь же, столкнувшись с упорным нежеланием принять Программу 14 августа в качестве основы правительственной политики и несогласием на ответственность правительства перед Предпарламентом, Церетели был вынужден не придавать особого значения этим обстоятельствам и подчеркивать решающее значение союза между демократией и буржуазией как единственно возможной основы для избавления России от всех ее бед.

На последнем этапе переговоров Программа 14 августа была пересмотрена и «смягчена» настолько, что стала приемлемой для кадетов. На этот раз было решено, что правительство быстро подготовит и издаст декрет, узаконивающий Предпарламент, и что в этот орган, переименованный в Совет республики (его, впрочем, по-прежнему чаще всего называли Предпарламентом), войдут уже выбранные 367 членов из числа делегатов Демократического совещания и еще до 150 представителей имущих классов. Подразумевалось также, что с юридической точки зрения это будет чисто совещательный орган и, главное, правительство останется вне сферы его юрисдикции⁴⁴.

Поздно вечером 23 сентября состоялось заседание Предпарламента (в составе, избранном перед закрытием Демократического совещания), на котором была отвергнута внесенная Троцким резолюция большевиков, назвавшая переговоры делегации во главе с Церетели предательством чаяний народных масс и требовавшая обеспечить «истинно революционную власть». Однако незначительным большинством голосов была принята резолюция, внесенная Даном, которая явилась, по сути, молчаливым одобрением результатов переговоров. Теперь делегатам оставалось только ждать, когда Временное правительство введет в состав Предпарламента новых членов — представителей буржуазии. Керенский получил возможность официально назвать членов нового коалиционного кабинета, что он и сделал 25 сентября. В состав кабинета вошли четыре кадета — Коновалов, Кишкин, Смирнов и Карташев. Хотя большинство портфелей получили социалисты, важнейший портфель министра иностранных дел остался у Терещенко; Коновалов стал министром промышленности и заместителем премьер-министра, а Керенский остался главой правительства и верховным главнокомандующим⁴⁵.

На следующий день (21 сентября) после того, как Демократическое совещание приняло резолюцию Церетели, санкционировавшую переговоры с Керенским по вопросу о формировании нового правительства (но до того, как результаты переговоров ста-

ли известны), члены ЦК собрались, чтобы обсудить линию партии в настоящий момент и на ближайшее будущее. Что касается этого заседания, удивительнее всего, пожалуй, то, что даже сейчас, когда Демократическое совещание наглядно продемонстрировало нежелание отказаться от политики, направленной на создание коалиционной власти, призывы Ленина поднимать массы на вооруженное восстание даже не рассматривались. По всей вероятности, это объясняется, в частности, влиянием правых большевиков, таких, как Каменев, Рыков и Ногин. Однако даже партийцы, полностью разделявшие взгляды Ленина относительно возможности и необходимости революции в России, сомневались в возможности немедленно мобилизовать вооруженные массы. Благодаря постоянному общению с рабочими и солдатами такие видные большевики, как Троцкий, Бубнов, Сокольников и Свердлов, имели возможность реально оценить пределы влияния и авторитета партии в массах, а также степень приверженности последних к Советам как законному оплоту демократии, обеспечивающему всем подлинно революционным группировкам возможность совместной деятельности на благо революции. Кроме того, после корниловщины их гораздо меньше, чем Ленина, заботил Керенский и его возможности нанести урон левым силам. Теперь они были склонны связывать взятие власти и образование нового правительства с созывом в недалеком будущем Всероссийского съезда Советов, имея в виду использовать преимущество законности Советов в глазах народных масс.

Следует также отметить, что сразу после Демократического совещания правые большевики тоже выступали за скорейший созыв Всероссийского съезда Советов и провозглашали лозунг «Вся власть Советам!». Существенное различие между «ленинцами по духу», такими, как Троцкий, и правыми большевиками, подобными Каменеву, заключалось в том, что, если первые считали, что съезд Советов должен передать власть правительству из крайне левых элементов, готовых немедленно заключить мир и осуществить широкую программу радикальных внутренних реформ, вторые рассматривали съезд Советов как средство обеспечения более широкого и прочного альянса «демократических групп», способного, самое большее, сформировать исключительно социалистическое коалиционное правительство на время до созыва Учредительного собрания.

Итак, главным вопросом, по которому расходились мнения руководителей петроградского руководства партии большевиков, когда работа Демократического совещания приближалась к завершению, отнюдь не был вопрос о немедленной подготовке масс к вооруженному восстанию, которое информированный о призывах Ленина к восстанию узкий круг лидеров большевиков единодушно отвергал, или о немедленном созыве Всероссийского съезда Советов, который все считали необходимым. Отсутствовало единство мнений по вопросу о том, следует ли большеви-

кам покинуть Демократическое совещание, и следует ли войти в состав отсчитывавшего последние часы работы Предпарламента, первое заседание которого было назначено на 23 сентября. Большевикам, разделявшим взгляды Каменева, возможность воспользоваться завершением Демократического совещания и принять участие в работе Предпарламента, использовав его трибуну для дискредитации сторонников коалиции и поддержания связей с колеблющимися элементами в эсеро-меньшевистском лагере, представлялась чрезвычайно ценной и важной. Они полагали, что это будет способствовать максимальному укреплению широкого социалистического блока на Всероссийском съезде Советов. Что касается сторонников Троцкого в большевистском руководстве, они рассматривали демонстративный уход большевиков с Демократического совещания и бойкот Предпарламента как необходимое предварительное условие, которое позволит на Всероссийском съезде Советов добиться решительного разрыва с соглашателями и перехода власти к Советам и пойти по новому революционному пути вперед со всеми истинно революционными группировками.

На утреннем заседании 21 сентября Центральный Комитет принял компромиссное решение по вопросу о дальнейшем отношении к Демократическому совещанию. Было решено не отзывать всю делегацию большевиков с совещания, но выразить протест против действий сторонников коалиции, отозвав большевиков из президиума. Затем девятью голосами против восьми проголосовали против участия большевиков в Предпарламенте. Поскольку голоса разделились почти поровну, члены ЦК согласились в том, что окончательное решение по вопросу о бойкоте Предпарламента будет принято на совместном заседании Центрального Комитета и большевиков — участников Демократического совещания, которое состоится, как только соберутся все делегаты.

Объединенное собрание членов ЦК и большевиков — участников Демократического совещания состоялось в тот же день. От имени сторонников бойкота Предпарламента выступил Троцкий, а Рыков изложил противоположную точку зрения. Многие, в том числе Сталин, присоединились к Троцкому. Каменев, Ногин и Рязанов поддержали Рыкова. Впоследствии Троцкий вспоминал, что дебаты были продолжительными и исключительно бурными. Когда дело дошло до голосования, левые потерпели поражение. Объединенные представители партии со всех концов России 77 голосами против 50 проголосовали за участие большевиков в предпарламенте. Решение было немедленно утверждено Центральным Комитетом⁴⁷.

Спустя два дня, 23 сентября, в известной мере благодаря усилиям большевиков состоялась встреча членов ЦИК с делегатами Демократического совещания от областных Советов, на которой было решено провести Всероссийский съезд Советов в Петрограде и назначена дата его открытия — 20 октября. Затем на состо-

явшемся 24 сентября объединенном собрании Центрального Комитета, представителей Петербургского комитета и только что сформированной предпарламентской делегации большевиков была принята резолюция о том, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна служить целям кампании по обеспечению передачи всей власти Советам на приближающемся съезде. В резолюции отмечалось, что в сложившейся ситуации главной задачей партии является мобилизация широких масс на поддержку передачи власти Советам, расширение влияния Советов и укрепление их политического авторитета до такой степени, чтобы они могли успешно соперничать в этом отношении с правительством. В этой связи большевики должны сосредоточить усилия на укреплении связей между Советами на местах, крепить связи с другими революционными организациями рабочих, солдат и крестьян, добиваться переизбрания исполнительных органов центральных и местных Советов, все еще контролировавшихся соглашателями, проводить областные съезды Советов и, конечно, принимать все меры, чтобы безусловно обеспечить проведение Всероссийского съезда Советов в назначенный срок. В резолюции подчеркивалось, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы⁴⁸.

Положение, сложившееся к тому времени в Петроградском Совете, наглядно свидетельствовало об укреплении позиций крайних левых элементов в связи с образованием уже третьего по счету коалиционного кабинета министров и ухудшением экономического положения страны. 25 сентября приступил к выполнению обязанностей новый состав президиума, в котором преобладали большевики. На пленарном заседании Петроградского Совета при бурных аплодисментах новый президиум занял места, и Троцкий обратился к собранию:

«Позвольте вам напомнить момент из 1905 г., когда мне пришлось открыть заседание Петроградского Совета вместо арестованного Хрусталева. Тогда Петроградский Совет пережил переломный момент, который кончился нашим поражением... Мы чувствуем себя сейчас гораздо тверже, чем тогда. Но новый список министров, опубликованный в вечерних газетах и являющийся вызовом демократии, свидетельствует о том, что революция подошла к серьезному моменту. Мы уверены, что новому президиуму придется работать при новом подъеме революции. Мы все люди партий, и мы будем вести свою работу, и не раз нам придется скрестить оружие. Но мы будем руководить работами Петроградского Совета в духе права и полной свободы всех фракций, и рука президиума никогда не будет рукой подавления меньшинства»⁴⁹.

Вскоре после того, как Троцкий заверил собрание в своей решимости направлять работу Петроградского Совета в духе демократизма, большевики представили на рассмотрение депутатов подготовленную им резолюцию, в которой говорилось о не-

желании петроградских рабочих и солдат оказать поддержку новому коалиционному правительству. В тут же принятой подавляющим большинством голосов резолюции выражалась уверенность, что «весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: «в отставку». И опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд С.Р. и С.Д. создаст истинно революционную власть»⁵⁰.

Установка на образование новой власти и нового правительства на Всероссийском съезде Советов определяла всю деятельность большевиков во второй половине сентября. Так, начиная с 27 сентября каждый номер «Рабочего пути» выходил с крупно напечатанным на первой странице призывом: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20 октября! Немедленно созывайте областные съезды Советов!» На первой странице номера за 26 сентября была помещена статья Зиновьева, в которой он писал о скором крахе нового коалиционного правительства, так называемого сентябрьского блока: «...Полновластным хозяином земли русской мы считаем созываемый на 20 октября съезд Советов. Если этому съезду дано будет состояться, то к тому времени опыт с «новой» коалицией, мы убеждены, окончательно провалится и ряд промежуточных элементов присоединится наконец к нашему лозунгу «Вся власть Советам!». Каждый день будет увеличивать наши силы, каждый шаг сентябрьского блока будет доказывать правоту нашей точки зрения»⁵¹.

Весьма лаконичным и отточенным языком новая тактика большевиков была изложена в воззвании к рабочим и солдатам, напечатанном в газете «Рабочий путь» 30 сентября (авторство воззвания явно тоже принадлежит Зиновьеву; очевидно, текст обсуждался и был одобрен Центральным Комитетом). В воззвании, озаглавленном «Перед съездом Советов», говорилось, что контрреволюция не остановится ни перед чем, лишь бы не допустить созыва Всероссийского съезда Советов и Учредительного собрания. В этих условиях, говорилось в воззвании, рабочие и солдаты должны проявить бдительность и принять все меры к тому, чтобы на съезд избирались делегаты, настроенные против коалиции:

«...Будьте настороже, товарищи! Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряя ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добейтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашения... Никаких частичных выступлений!.. Все силы сосредоточим на подготовке съезда Советов на 20 октября, — съезда, который один обеспечит созыв и революционную работу Учредительного собрания...

Центральный комитет Р.С.-Д.Р.П.»⁵²

Ленин: «Взять власть тотчас!»

Судя по материалам о работе Петроградского Совета и публикациям в левой печати в конце сентября, петроградские рабочие и солдаты возлагали большие надежды на предстоящий съезд Советов, на котором будет создано новое революционное правительство. Вотличие от них Ленин, однако, был убежден, что петроградские лидеры большевиков упускают последние драгоценные дни, когда еще можно было бы свергнуть Временное правительство сравнительно легко. Сначала из Выборга, а затем из квартиры Маргариты Фофановой на Выборгской стороне (северная окраина Петрограда, возле железной дороги из Петрограда в Финляндию)¹, где он скрывался, Ленин отправлял петроградскому руководству большевиков резкие статьи, в которых настойчиво требовал решительных действий, направленных на безотлагательное свержение Временного правительства.

Первая из этих критических статей, озаглавленная «О героях подлога и об ошибках большевиков», предназначалась для публикации в «Рабочем пути». Ленин начал с едкого и страстного обличения «комедии» Демократического совещания, социалистов большинства и Керенского, а закончил резкой критикой самих большевиков:

«Большевики должны были уйти [с Демократического совещания]... Большевики должны были, в числе 99/100 своей делегации, идти на фабрики и в казармы. ... У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не — «конституционных») кризисов, неправильное отношение к эсерам и меньшевикам. ... Ошибкой было со стороны тов. Зиновьева писать про Коммуну так двусмысленно (по меньшей мере двусмысленно), что выходило, будто, победив в Питере, Коммуна может потерпеть поражение, как во Франции в 1871 г.² Это абсолютно неверно. Победив в Питере, Коммуна победила бы и в России. Ошибкой было с его же стороны писать, что большевики сделали хорошо, предположив пропорциональный состав президиума в Петроградском Совете... Ошибкой было со стороны тов. Каменева говорить первую речь на Совещании в чисто «конституционном» духе, ставя смешной вопрос о доверии или «недоверии» к правительству»³.

Написанная, когда Демократическое совещание близилось к концу, статья «О героях подлога и об ошибках большевиков» была опубликована в «Рабочем пути» 24 сентября под заголовком «О героях подлога». Причем та часть статьи, где Ленин критикует ошибки большевиков, напечатана не была.

Газетная статья «Из дневника публициста», написанная Лениным 22 — 24 сентября, действительно представляла собой как бы дневник. Приведем отрывок из записи за 22 сентября:

«Чем больше вдумываешься в значение так называемого Демократического совещания... тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем... Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом... Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам... они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров... Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных*, друзьями корниловских помещиков и капиталистов».

На следующий день, 23 сентября, Ленин записывает:

«Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий! Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание. Да здравствует бойкот! Ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни. Надо, во что бы то ни стало, добиваться решения вопроса о бойкоте и пленумом Исполнительного комитета и экстренным съездом партии... Невозможны никакие сомнения насчет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать *гибельными*...»⁴

Статья «Из дневника публициста» так и не была напечатана. Вместо нее редакция «Рабочего пути», в состав которой входили Сокольников, Троцкий, Каменев, Сталин и Володарский, начала публиковать (26 сентября) работу Ленина «Задачи революции», написанную в начале месяца, когда он еще всерьез думал о возможности компромисса с меньшевиками и эсерами.

К этому времени терпение Ленина уже почти истощилось. В довольно длинном письме к Смильге 27 сентября он с нескрываемым раздражением говорит о том, что большевики «теряют время», и рекомендует Смильге взять на себя инициативу подготовки свержения правительства Керенского:

«Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство... (Керенский в ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столк-

вывається деловым образом). А мы что делаем? Только резолюции принимаем?.. По-моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию — для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам... Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением [председателя Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. — *А.Р.*]... *все внимание* отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского... Зачем терпеть еще три недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского?»⁵

Через два дня (весьма вероятно, в день своего возвращения в Петроград) Ленин вновь обращается к теме немедленного вооруженного восстания в статье «Кризис назрел». В этой статье он доказывал, что события в европейских странах свидетельствуют о том, что «мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции». Ленин утверждал, что сложившиеся в России благоприятные для большевиков обстоятельства обуславливают и особую ответственность большевиков, которые, если будут и дальше медлить с взятием власти в свои руки, станут «жалкими изменниками пролетарскому делу». В заключительной части статьи, предназначенной Лениным не для опубликования, а «для *раздачи* членам ЦК, ПК, МК и Советов», он подверг, пожалуй, самой уничтожающей критике линию, которую проводило в то время руководство большевиков. Малотого, Ленин даже заявил о своем намерении выйти из Центрального Комитета:

«Надо... признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение. Иначе большевики *опозорили* себя навски и *сошли на нет*, как партия... «Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, *ничего не может дать!*.. Мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии... Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3 — 5 июля».

Свое намерение выйти из ЦК Ленин объяснил следующим образом:

«Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в парламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т.д. и т.д. — видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться».

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации *в низах партии* и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим революцию*»⁶.

Нет никаких свидетельств о том, что вопрос о выходе Ленина из ЦК когда-либо рассматривался Центральным Комитетом. Что касается самого Ленина, очень скоро он начал принимать самое активное участие в работе ЦК, как будто не подавал никаких «просений» о выходе из него.

Спустя два дня, то есть 1 октября, Ленин пишет «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» в надежде заручиться поддержкой в более широких партийных кругах и убедить их в необходимости немедленного вооруженного восстания. Он упоминает о репрессивных мерах, с помощью которых правительство усмиряет волнения в деревне, о революционном брожении в Германии, в частности в германском флоте, об успехе большевиков на выборах в Москве, о растущей поддержке солдат, о крупных конфликтах железнодорожных и почтовых служащих с правительством. Все эти факты, утверждает Ленин, говорят о том, что «медлить — преступление», что «*большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас*». Этим они спасут «и всемирную революцию... и русскую революцию... и жизнь сотням тысяч людей на войне»⁷.

В эти же дни Ленин подготовил воззвание «К рабочим, крестьянам и солдатам». В воззвании, предназначенном, очевидно, для самого широкого распространения в массах, Ленин, в частности, пишет:

«Товарищи! Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут...

Товарищи! Знайте, что Керенский ведет опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы *вести войска против Советов* рабочих и солдатских депутатов, *чтобы не дать власти Советам!*...

Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся и разъясняйте народу *правду*.

Если власть будет у Советов... в России будет *рабочее и крестьянское правительство*, оно *немедленно*, не теряя ни дня, *предложит справедливый мир всем воюющим народам*..

Если власть будет у Советов, то *немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа*...

Нет, *ни одного дня* народ не согласен терпеть больше отяжек!..

Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, что-

бы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!

*Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!"*⁸

! В первые дни октября стало ясно, что Центральный Комитет уже не может успешно препятствовать распространению ленинских призывов — они явно начинали влиять на настроения в низовых партийных организациях. Еще в конце сентября один из призывов Ленина к активным действиям попал в воинственно настроенное Московское областное бюро ЦК. Ломов, член бюро и кандидат в члены ЦК, выступил от имени бюро на заседании Центрального Комитета 3 октября. Убеждая ЦК в необходимости начать подготовку к взятию власти, он сообщил, что массы в Москве и области настроены очень решительно, требуют действий, большевики имеют большинство во многих Советах, но вместо действий попусту теряют время. Центральный Комитет выслушал Ломова, но прений по докладу было решено не вести⁹.

Примерно в то же время (3 или 4 октября) некоторые призывы Ленина дошли до сторонников решительных действий в Петербургском комитете¹⁰. До июльских событий лидеры петроградской партийной организации зачастую занимали гораздо более левые позиции по вопросам дальнейшего развития революции, чем ЦК, иногда они даже самостоятельно принимали решения по важным политическим вопросам. В связи и этим отношения между членами Центрального и Петербургского комитетов стали довольно натянутыми. После июльских событий комитеты пришли к молчаливому соглашению — петроградская партийная организация не должна без согласования с ЦК принимать решения, которые могли бы иметь значение для всей страны, а Центральный Комитет, прежде чем принимать решения по важным политическим вопросам, должен по возможности запрашивать мнение Петербургского комитета. В целях лучшей координации действий и для налаживания связи между комитетами представителем ЦК в Петербургском комитете был назначен Бубнов¹¹.

Получив ленинские письма, лидеры Петербургского комитета поняли, что ЦК грубо нарушил сложившийся порядок. Он не только отверг предложение Ленина о подготовке вооруженного восстания без предварительных консультаций с Петербургским комитетом, но в течение всей второй половины сентября скрывал и искажал истинную ленинскую оценку хода событий и сложившегося положения. Когда все это стало известно, мнения членов Исполнительной комиссии Петербургского комитета (9 человек) разделились — большинство согласилось с точкой зрения Ленина, меньшинство считало вооруженное восстание преждевременным, — но все без исключения члены Исполнительной комиссии были возмущены тем, что ЦК выступил в роли цензора ленинских писем и статей¹². Комиссия немедленно направила письмо в Центральный Комитет, в котором заявила о необходимости немедленного созыва «совещания ЦК с питер-

скими и московскими работниками для намечения политической линии партии»¹³.

Несомненно, это письмо, направленное в ЦК 5 октября, сыграло определенную роль в пересмотре Центральным Комитетом своей позиции, но и взгляды самих членов ЦК по стратегическим и тактическим вопросам уже несколько изменились. Первое заседание реорганизованного Предпарламента должно было состояться 7 октября, и на совещании Центрального Комитета 5 октября сторонники бойкота Предпарламента настаивали на пересмотре ранее принятого решения. Теперь, когда в состав Предпарламента вошли представители имущих слоев населения, к тому же Предпарламент уже не играл значительной политической роли, из участников совещания только Каменев видел какую-то пользу в участии в нем большевиков. Абсолютным большинством голосов (при одном голосе против) было принято решение уйти из Предпарламента с первого же заседания¹⁴.

В смятении от принятого решения, Каменев обратился в ЦК с заявлением, что «решение о выходе с первого же заседания... предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении... весьма опасном для партии», и просил освободить его от обязанностей в представительных органах¹⁵. По всей вероятности, именно Каменев настоял на том, чтобы вопрос о бойкоте вновь обсуждался 7 октября на собрании прибывших членов предпарламентской делегации большевиков. Как и 21 сентября, на этом собрании представителей низовых партийных организаций со всех концов страны дебаты затянулись и становились все время весьма жаркими. Троцкий опять выступил за бойкот. Возражая ему, Каменев, Рязанов и некоторые другие большевики уже не настаивали на участии в Предпарламенте, но доказывали, что уход делегации большевиков следует отложить до обсуждения какого-либо серьезного вопроса, благодаря которому он будет выглядеть достаточно обоснованным. В конце концов все-таки было принято решение бойкотировать Предпарламент, правда совсем незначительным большинством голосов¹⁶.

Тем временем, не дожидаясь согласия Центрального Комитета, Исполнительная комиссия решила обсудить письмо Ленина на собрании всех членов Петербургского комитета¹⁷. Собрание состоялось 5 октября в Нарвском районе, там, где обычно проходили собрания Петербургского комитета, и как раз в то время, когда ЦК обсуждал вопрос о бойкоте Предпарламента в Смольном. Комиссия решила, что собрание должно быть закрытым для всех, кроме избранных в установленном порядке представителей районов, поэтому всем прочим предложили покинуть помещение. Собравшимся зачитали письмо от 1 октября, в котором Ленин призывал к немедленному свержению Временного правительства после чего по поручению Исполнительной комиссии Юкка Рахья¹⁸ выступил с докладом о текущем моменте.

Рахья был одним из ультрарадикалов в Петербургском комитете накануне июльских событий, после которых он был заклю-

чен в тюрьму. Теперь он выступал от имени большинства Исполнительной комиссии, согласного с точкой зрения Ленина и готового следовать его призывам. Доказывая необходимость немедленного вооруженного восстания, Рахья обращал особое внимание на положение, сложившееся в Финляндии, на его родине. Финские войска, заявил Рахья, всецело поддерживают большевиков, политическая власть находится в руках большевистского Областного комитета. Комитет ведет непримиримую борьбу с Временным правительством, и сейчас сложилось такое положение, какое долго продолжаться не может, — он должен будет или сдать свои позиции, или идти дальше. Ходят слухи о предстоящем разоружении кронштадтцев, сообщил Рахья, и положение в Кронштадте становится все более взрывоопасным. Все это свидетельствует о том, убеждал слушателей Рахья, что вопрос стоит теперь о жизни или смерти партии, поэтому собрание должно сосредоточиться исключительно на обсуждении указаний Ленина и практических вопросов подготовки вооруженного восстания.

После Рахья выступил Володарский, в характере которого целеустремленность сочеталась со здравым смыслом и практичностью. Он представлял меньшинство Исполнительной комиссии, которое сомневалось в целесообразности вооруженного выступления в настоящий момент. Володарский призвал собравшихся тщательно взвесить все за и против и действовать осмотрительно. «Мы даем целый ряд обязательств перед трудовым элементом... — сказал он, — армия в настоящее время получает 80 процентов хлеба, девятую часть мяса и т.д. И никакие силы помочь этому не могут». По мнению Володарского, выждать было необходимо еще и в связи с деморализацией фронтовых воинских частей. «В армии, — говорил Володарский, — в настоящий момент нет ничего, кроме усталости... Солдаты хотят конца войны... Мы говорим, что предложим условия мира, но, если на наши условия не пойдут, мы пойдем на бой против империалистов. Тут мы натываемся на то положение, на которое армия никогда не пойдет». Володарский выразил сомнение в том, что у большевиков будут достаточные военные силы: «Петроград и Финляндия — не вся Россия, и я утверждаю, что даже в этом узком вопросе у нас сил недостаточно в сравнении с теми, которые будут двинуты на нас с фронта. Если бы мы могли надеяться иметь хлеба на 10 — 15 дней, если бы мы могли увеличить паек, это укрепило бы наше влияние, дало бы нам возможность встряхнуть армию. Но сейчас нам этого выполнить не удастся. Сейчас самые трудные месяцы по доставке продуктов... Все крестьянство за нами не пойдет, но если бы даже и вся деревня пошла за нами и согласилась дать хлеб — мы не смогли бы его подвезти».

Володарский доказывал, что и революционная ситуация за границей требует выждать определенное время. «Только условие революционной вспышки на Западе может нас спасти, — заявил он. — Революционное движение нарастает среди западноевропейских рабочих, и, если мы не форсируем события, этого

союзника мы не теряем, а укрепляем». Рекомендую проявлять осмотрительность, Володарский, однако, отмежевался от правого крыла большевиков и той линии, которую оно стремилось проводить. Он не забыл также упомянуть, что расходится с Лениным не в отношении целей и задач большевиков, а по чисто тактическим вопросам. «Я боролся еще на Демократическом совещании против участия в Предпарламенте, — сказал Володарский. — Мы сделали непростительную ошибку... Если мы не хотим идти на авантюру, для нас революционный путь — отказаться от компромиссов и не форсировать событий, которые до известной степени форсируются сами по себе, и в то же время укреплять нашу боеспособность, чтобы, когда это будет неизбежно, взять власть. Взять власть еще мало. Надо показать массам, что наш путь, которым мы придем к власти, только он и правилен... Мы должны знать, что, став у власти, нам придется понизить заработную плату, увеличить количество выходов на работу, придется ввести террор... Отказываться от этих средств мы не имеем права, но и спешить к ним нам нет надобности».

Затем слово взял Михаил Лашевич, единственный из членов Исполнительной комиссии, о котором точно известно, что он разделял взгляды Володарского. С 1906 года Лашевич занимался почти исключительно революционной деятельностью. В 1915 году его призвали в армию, в июле 1917 года он был среди выступивших против Временного правительства солдат 1-го пулеметного полка. Накануне июльских событий Лашевич был, вероятно, единственным большевистским активистом среди пулеметчиков, всерьез опасавшимся за исход преждевременного восстания. Много времени он уделял работе в Петроградском Совете, был избран председателем фракции большевиков. На VI съезд РСДРП(б) Лашевич и Володарский были среди тех, кто возражал сторонникам ленинской точки зрения, считавшим, что Советы перестали быть революционными органами. Теперь он тоже выступал прямо и решительно, высказывая соображения и опасения практического характера, которые, очевидно, многие в то время разделяли, но по тем или иным причинам предпочитали не высказывать.

Лашевич признал, что наступил критический момент в развитии революции, но предостерег собравшихся от попыток форсировать события: «Мы... прослушали доклады по всем областям, поэтому для нас яснее, чем для вас, в каком положении находится сейчас Россия». Далее Лашевич сказал следующее:

«Стало несомненным, что Россия в областях экономической, промышленной и продовольственной идет к пропасти. Даже меньшевики признали, что необходимы революционные меры, чтобы смягчить и приостановить этот бег в пропасть. Даже немедленное заключение мира не остановит краха. Власть идет к нам. Это — факт. Взять ее надо, хотя 98 шансов за то, что... мы будем побеждены... Но надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать события... Взяв власть сей-

час, мы тем самым отметем элементы, которые потом пошли бы за нами... Коллеблющиеся элементы неуклонно идут к признанию революционных мер, к которым мы пришли два месяца тому назад. Стратегический план, предложенный тов. Лениным, хромает на все четыре ноги... Не будем, товарищи, себя обманывать. Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не сможем дать. Во время войны я не мыслю революцию в Германии... Немедленное декретирование перехода земли к крестьянам навряд ли поднимет настроение масс, вряд ли они и тогда пойдут воевать. Все это надо хладнокровно учесть, когда мы будем решать. Тов. Ленин нам не дал объяснения, почему надо сделать это сейчас, до съезда Советов... В съезде Советов мы будем иметь аппарат: если за взятие власти выскажутся все делегаты, которые съедутся со всей России, тогда — дело другое. Я согласен с тов. Рахья, что нам надо готовиться. Мы стоим на вулкане. Каждый раз я встаю утром и думаю: не началось ли уже?...»

Секретарь Петербургского комитета Бокий прервал прения, чтобы прочесть собранию тезисы, подготовленные Лениным для доклада на 3-й Петроградской общегородской конференции, открытие которой было назначено на 7 октября. В тезисах Ленин обосновал свое отрицательное отношение к участию большевиков в Предпарламенте и к стремлению приурочить низложение Временного правительства ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов и вновь настаивал на немедленной организации вооруженного восстания. Под впечатлением услышанного выступили еще ряд ораторов, осудивших взгляды Володарского и Лашевича и поддержавших точку зрения Ленина. В частности, Харитонов не без сарказма заметил: «Товарищи Володарский и Лашевич заразились атмосферой Смольного института... А я понимаю так, что мы, как политическая партия, стремимся к власти, и я думаю, что пришел такой момент, когда можно осуществить это».

Вновь выступил Рахья. «Я думал, что мы все здесь революционеры, — заявил он, — но когда слушал товарищей Володарского и Лашевича, я поколебался в своем мнении». В ответ на утверждение, что большевики не смогут удержать власть, так как окажутся не в состоянии поддерживать требуемый уровень промышленного производства и обеспечить снабжение продовольствием, Рахья возразил, что, по его мнению, тяжелое экономическое положение России является следствием саботажа промышленников и, когда установится революционная власть, эта проблема будет решена. Более того, настаивал Рахья, если большевики будут медлить с взятием власти, они не только не укрепят свои позиции в массах, но и утратят ту поддержку народных масс, которой пользуются в настоящее время.

По окончании заседания Центрального Комитета Бубнов, Сокольников и Смилга прибыли на собрание Петербургского ко-

митета, где дебаты продолжались уже несколько часов. Все трое по своим политическим взглядам, были гораздо ближе к Ленину, чем к Каменеву, и они тут же не оставили в этом никаких сомнений. На собрание Петербургского комитета они пришли, чтобы узнать, как, по мнению лидеров городской организации большевиков, больше вращавшихся среди рабочих и солдат, отнесутся массы к большевистскому бойкоту Предпарламента, решение о котором только что принял Центральный Комитет, а также как и когда, по их мнению, можно будет взять власть с наименьшими трудностями и потерями.

Возможно, были и другие участники собрания, кроме Володарского и Лашевича, склонные возражать против немедленного вооруженного восстания. Если так, по-видимому, решительный тон Бубнова, Сокольников и Смилги заставил их воздержаться от высказывания своих возражений. Хотя никто не предложил (как следовало бы, исходя из указаний Ленина) поднимать массы на восстание, не теряя ни часа, многие наиболее авторитетные члены Петербургского комитета, в том числе Лацис, Калинин, Молотов и Евдокимов, высказались за решительные действия. Лацис, как всегда горячо и энергично, говорил о поражениях русского флота на Балтике, сказал, что гибель Балтфлота неминуема, а когда его не будет — взять власть будет гораздо труднее. Суть довольно невразумительного выступления Калинина заключалась в том, что вопрос о взятии власти уже решен партией и теперь нужно решить также очень трудный вопрос — выбрать наиболее удачный момент для выступления. Примерно в том же духе выступил и Молотов: «Теперь мы накануне переворота... Наша задача теперь не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки». Евдокимов говорил о том, что солдаты жаждут мира, поэтому нужно возможно скорее выступить против правительства, ибо «...может явиться второй Корнилов, который на этот раз выскажет лозунг мира, — и мы будем задушены».

Рахья убеждал участников собрания принять определенное решение по вопросу о подготовке к восстанию, но Володарский предложил подождать выносить резолюцию до Петроградской общегородской конференции, которая должна была открыться через два дня. Очевидно, это предложение устраивало большинство собравшихся — на этом опубликованный протокол обрывается¹⁹.

Тем не менее очень скоро после собрания членов Петербургского комитета Исполнительная комиссия начала проводить в жизнь указания Ленина. Следовало ожидать серьезного сопротивления, однако, утверждал Лацис спустя десятилетие, подготовка к выступлению оставляла желать лучшего²⁰. Исполнительная комиссия поручила трем своим членам — Феникштейну, Москвину и Лацису — уточнить, на какие воинские части могли рассчитывать большевики, и вообще готовить районные комитеты к активным действиям против правительства. Все

эти меры, утверждал впоследствии Лацис, принимались без ведома ЦК²¹.

Так или иначе намерения и конкретные шаги Исполнительной комиссии очень скоро стали известны в Центральном Комитете, члены которого еще с того времени, как были получены написанные в середине сентября письма Ленина, опасались несобдуманных действий со стороны радикально настроенных лидеров городской организации большевиков. Члены Центрального Комитета немедленно собрались на заседание (7 октября), на котором, согласно краткому опубликованному протоколу, Бубнов сообщил, что Исполнительная комиссия Петербургского комитета избрала бюро по выяснению настроения в массах и обеспечению тесной связи с партийными центрами. После рассмотрения и обсуждения вопроса о необходимости координации действий и точного информирования было решено создать Бюро при ЦК «для информации по борьбе с контрреволюцией». От ЦК в Бюро были избраны Троцкий, Свердлов и Бубнов²². Позже в Бюро вошли Невский и Подвойский из «Военки», а также члены Петербургского комитета Лацис и Москвин²³. Документального подтверждения активной деятельности Бюро нет; очевидно, оно было создано Центральным Комитетом главным образом для того, чтобы блокировать шаги, предпринимаемые Исполнительной комиссией.

Первое заседание Предпарламента состоялось вечером 7 октября в величественном красно-белом зале Мариинского дворца, где прежде заседал Императорский государственный совет. Присутствовали Керенский и министры возглавляемого им правительства, дипломатические представители союзных держав, почти пятьсот делегатов со всех концов России и немало представителей прессы. Красная драпировка, естественно, закрывала не соответствовавшие времени и цели собрания атрибуты царского режима — венчавшие трибуну наверху гербового щита Российской империи и написанный Репиным к столетию Государственного совета групповой портрет участников его заседания. Почти все уже были на своих местах, когда появилась делегация большевиков в составе 53 человек — большевики прибыли прямо из Смольного после жарких дебатов. Заседание уже близилось к концу, когда после патриотических речей и призывов к поддержанию законности и порядка, с которыми выступили Керенский, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская и председатель Авксентьев, слово для заявления от имени делегации большевиков взял Троцкий.

Взойдя на трибуну, он громогласно заявил, что Временное правительство и Предпарламент — орудия контрреволюционной буржуазии, что революции грозит смертельная опасность. Явно обращаясь не к тем, кто собрался в зале, а адресуя свои слова петроградским рабочим и солдатам, он провозгласил, что теперь, когда кайзеровские войска угрожают Петрограду, прави-

тельство Керенского и Коновалова готовится бежать из столицы. Заглушая протестующие возгласы, Троцкий продолжал: «Мы взываем, покидая Временный Совет, к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности, революция в опасности, народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии усугубляют ее. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный, честный, демократический мир, вся власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!» Тут делегация большевиков поднялась со своих мест и пошла к выходу под неистовый шум, топот и выкрики: «Мерзавцы!», «Идите в свои опломбированные немецкие вагоны!» и т.п.²⁴

Как и следовало ожидать, выступление Троцкого и демонстративный уход большевиков с заседания Предпарламента произвели настоящую сенсацию и повлекли за собой волну слухов и предположений о дальнейших шагах большевиков. Как сообщала «Новая жизнь» 8 октября, практически повсюду — в очередях, трамваях, просто на улицах — все только и говорили о восстании, которое готовят большевики.

Однако холодным осенним вечером 10 октября едва ли кто-либо обратил внимание на выходящих из Смольного поодиночке членов Центрального Комитета. Пряча лицо в воротник пальто, чтобы укрыться от моросящего дождя, они направлялись на конспиративное заседание, первое, в котором принял участие Ленин после приезда из Выборга в Петроград. По поручению Ленина место для заседания выбрал Свердлов, он же провел всю необходимую подготовку. По иронии судьбы, заседание состоялось на Петроградской стороне, в квартире Н. Суханова, меньшевика и видного публициста, летописца революции, который после Февраля присутствовал, кажется, почти на всех важных политических собраниях в Петрограде. Конечно, на самом заседании ЦК он не был. Жена Суханова Г. Флаксерман, большевичка с 1905 года, в 1917 году входила в состав редакции «Известий» и принимала участие в работе Секретариата ЦК. Она еще прежде предлагала Свердлову пользоваться квартирой в случае необходимости. Квартира, достаточно просторная, имела несколько входов, так что довольно много людей могли входить и выходить, не привлекая к себе особого внимания, и вообще была весьма удобной с точки зрения конспирации. Впоследствии Суханов писал в своих воспоминаниях, что были приняты особые меры, чтобы обеспечить его ночевку вне дома: «...жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский, бескорыстный совет — не утруждать себя после трудов дальним путешествием»²⁵.

Председательствовал на заседании Свердлов, на повестке дня стояло шесть вопросов. Свердлов проинформировал собравшихся о некоторых текущих делах, и в частности сообщил, что, по не проверенным пока сведениям с Северного фронта, а также из Минска, контрреволюция готовит новые выступле-

ния. Он сообщил, что имелась возможность захватить штаб Западного фронта в Минске, и добавил, что из Минска поступило предложение оказать помощь Петрограду посылкой революционного корпуса.

Как вспоминала позже Коллонтай, в целях конспирации Ленин пришел на заседание в парике, без бороды и усов, всем своим видом весьма напоминая лютеранского пастора. В 10 часов вечера вокруг стола под висячей лампой, неярко освещавшей гостиную квартиры Сухановых, разместились члены ЦК, в том числе, кроме Свердлова, Ленин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Ломов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий (в то время ЦК состоял из 21 человека). Протокол вела кандидат в члены ЦК Н.Яковлева. В центре внимания был доклад Ленина о текущем моменте.

В своем выступлении, продолжавшемся почти час, Ленин страстно призывал к немедленным решительным действиям. Он начал с того, что упрекнул товарищей за «равнодушие к вопросу о восстании». Партии, утверждал Ленин, давно уже следовало «обратить внимание на техническую сторону вопроса». В подтверждение того, что времени терять нельзя, Ленин вновь выразил убеждение, что Временное правительство собирается сдать Петроград немцам и тем самым задушить революцию (слухи о намерении Керенского сдать немцам Петроград без боя широко распространялись в то время, однако трудно сказать, действительно ли Ленин верил в возможность такого шага Временного правительства или же он просто ссылался на такую возможность, аргументируя свой призыв к немедленным активным действиям). Ссылаясь также на другие неопределенные слухи о возможном мирном урегулировании за счет России и отмечая факт революционного брожения за рубежом, он утверждал, что и международное положение таково, что большевики должны немедленно взять на себя инициативу. Ленин вновь, как в некоторых своих прежних письмах, сравнил сложившееся положение с положением в дни июльских событий, отметив, что теперь большевики пользуются гораздо большей поддержкой масс, что их подъем шел «гигантскими шагами». Равнодушие масс он объяснил их усталостью от слов и резолюций. «Большинство теперь за нами, — констатировал Ленин, — политически дело совершенно созрело для перехода власти». Теперь главное заключалось в том, чтобы говорить о технической стороне свержения Временного правительства, между тем большевики, отмечал Ленин, «вслед за оборонцами склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Он утверждал, что ждать до Учредительного собрания, «которое явно будет не с нами», бессмысленно, что это лишь осложнит задачу большевиков. Свое выступление Ленин закончил некоторыми конкретными предложениями о том, как и когда следует начинать восстание. Он сказал, что надо принять предложение из Минска и воспользо-

ваться для начала решительных действий съездом Советов Северной области, который должен был открыться в Петрограде на следующий день, то есть 11 октября.

Протокольные записи о прениях по докладу Ленина весьма кратки и отрывочны. Выступления главных оппонентов Ленина — Каменева и Зиновьева — вообще не отражены в протоколе²⁶. Судя по ссылкам в других документах того времени и некоторым опубликованным воспоминаниям, обсуждение было «продолжительным и бурным», закончилось под утро, причем высказались почти все присутствовавшие. Ломов и Яковлева говорили о взглядах лидеров московских большевиков по тактическим вопросам и о политической ситуации в Москве в целом. Урицкий выразил опасение, что в Петрограде может оказаться недостаточно военных сил, на которые партия могла бы вполне положиться, и в то же время отметил, что, если большевики действительно собираются начинать восстание, необходимы безотлагательные меры для обеспечения его успеха. Основываясь на сообщениях, поступавших в Секретариат ЦК, Свердлов выступил с информацией о положении дел в стране и, по-видимому, решительно высказался в поддержку восстания.

Поздно ночью участникам заседания пришлось поволноваться: раздался настойчивый стук в дверь. Тревога оказалась ложной — стучал, чтобы внести самовар и предложить собравшимся чаю, брат Галины Флаксерман Юрий, тоже большевик и воспитанник кадетского корпуса. Все успокоились, и заседание продолжалось. Выступили Каменев и Зиновьев, последний в целях конспирации появился без своей шевелюры, зато с бородкой. Каменев и Зиновьев пытались возражать против доводов Ленина и в теоретическом, и в практическом плане. Как и на Апрельской конференции, Каменев, объединившись с Зиновьевым, подчеркивал значение мелкобуржуазной стихии в развитии русской революции. Например, они утверждали (изложив свои аргументы позднее), что рабочий класс России не может самостоятельно довести революцию до конца: «Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс *один* собственными силами способен победоносно завершить нынешнюю революцию. Мы не забывали, не должны забывать и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к нам еще не раз... Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам»²⁷.

Каменев и Зиновьев высказались скептически в отношении утверждения Ленина о том, что большевиков уже поддерживала большая часть населения страны и международного пролетариата. По их мнению, большевики пользовались поддержкой большинства русского рабочего класса и значительной части солдат, «но все остальное — под вопросом». Каменев и Зиновьев утверждали, например, что если бы при сложившихся условиях состоялись выборы в Учредительное собрание, то большинство крестьян

яны голосовало бы за эсеров. Что касается поддерживавших большевиков солдат, их масса «отхлынет», если партии придется вести революционную войну. Не оспаривая целиком утверждение Ленина, что германскому правительству было бы затруднительно посылать войска против революционной России, предложившей демократический мир, Каменев и Зиновьев тем не менее считали, что это обстоятельство едва ли остановит немцев.)

Мысль о том, что большевики могут рассчитывать на существенную помощь со стороны революционного пролетариата зарубежных стран, представлялась Каменеву и Зиновьеву необоснованной. Признавая наличие важных признаков нарастания революционного движения в Германии и Италии, они вместе с тем считали, что еще очень далеко до какой-либо активной поддержки пролетарской революции в России, которая объявила войну всей международной буржуазии. Более того, если теперь в России большевики потерпят поражение, международному революционному движению будет нанесен жестокий удар. Однако, утверждали Каменев и Зиновьев, если в Европе действительно произойдут крупные революционные события, большевики должны будут взять власть немедленно. Только после начала революции в европейских странах успех пролетарской революции в России будет обеспечен. Это время близится, но, несомненно, оно еще не наступило.

Наконец, Каменев и Зиновьев утверждали, что ленинская оценка сил большевиков, а также слабости и изолированности Временного правительства в Петрограде была сильно преувеличенной. По их мнению, ни рабочие, ни солдаты в бой отнюдь не рвались, и, во всяком случае, военная сила в распоряжении правительства намного превосходила войска, которые пошли бы за большевиками. Более того, при поддержке ЦИК, считали Каменев и Зиновьев, Временное правительство почти наверняка призовет на помощь войска с фронта, и партии придется бороться в условиях, совсем непохожих на те, что были в дни выступления Корнилова. Тогда партия сражалась рука об руку с эсерами и меньшевиками и даже некоторыми союзниками Керенского, «теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев плюс кадеты, плюс Керенский и Временное правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики)». В такой борьбе большевики неминуемо потерпят поражение.

Вместо немедленного вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, Каменев и Зиновьев предлагали партии проводить линию отказа от насильственных мер борьбы, ограничиться «оборонительной позицией» и всемерно добиваться поддержки масс, чтобы получить максимальное представительство в Учредительном собрании. Мнение Ленина о том, что, выиграв время, Временное правительство получит возможность сорвать созыв Учредительного собрания, они отвергали, утверждая, что буржуазия настолько слаба, что не сможет не только реализовать свои контрреволюционные замыслы, но даже и влиять на

ход выборов в Учредительное собрание «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что, если бы она задумала попытку сорвать теперь Учредительное собрание, она опять толкнула бы мелкобуржуазные партии к нам, и курок револьвера был бы спущен». Большевики будут пользоваться все большей поддержкой масс, тогда как кадетско-меньшевистско-эсеровский блок будет постепенно распадаться. Позиции большевиков в Учредительном собрании совместно с Советами будут настолько сильны, что их врагам придется на каждом шагу идти на уступки, в противном случае им будет угрожать образование блока большинства из большевиков, левых эсеров, беспартийных представителей крестьян и других подобных элементов. Все это позволит большевикам, утверждали Каменев и Зиновьев, успешно проводить программу своей партии. Единственным препятствием, по их мнению, могло стать несвоевременное вооруженное восстание, за которое выступал Ленин и которое поставило бы пролетариат под удар объединенных сил всей контрреволюции и мелкобуржуазной демократии.

Таковы доводы, выдвинутые Камневым и Зиновьевым. Возможно, на более широком партийном форуме они могли бы даже и в то время найти поддержку, но на историческом заседании 10 октября не было Ногина и Рыкова, а все остальные примкнули к Ленину. За исключением Каменева и Зиновьева, все члены Центрального Комитета теперь держались единого мнения по важнейшим теоретическим вопросам и по вопросу, нужно или не нужно свергать Временное правительство и передавать власть Советам. Спорили в основном о том, как скоро и каким образом этого можно было добиться и следует ли приурочить момент начала восстания ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов. В предложенной Лениным резолюции, наспех написанной огрызком карандаша на листке из ученической тетрадки, в частности, говорилось:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции... так и военное положение... так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, все это в связи с крестьянским восстанием и поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины... — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т.д.)».

Этот призыв братья за оружие был одобрен десятью голосами против двух. Коллонтай позже вспоминала, что сразу после голосования напряжение спало и все сразу почувствовали, что

проголодались. Юрий Флаксерман поставил на стол самовар, и участники заседания набросились на сыр и колбасу с черным хлебом. Споры еще некоторое время продолжались, перемежаясь беззлобными шутками в адрес Каменева и Зиновьева²⁸.

Так закончилось это историческое заседание Центрального Комитета с участием Ленина. В советской исторической науке собрание членов ЦК вечером 10 октября часто трактуется как заседание, положившее конец всем сомнениям относительно целесообразности и своевременности вооруженного выступления, после которого большевистские организации повсеместно начали энергично готовить народное восстание, следуя указаниям Ленина. Такая трактовка не вполне соответствует действительности. С принятием 10 октября резолюции заседания ЦК не исчезли глубокие разногласия по вопросам тактики революционной работы, существовавшие между Лениным и некоторыми лидерами большевиков, имевшими более полное представление о сложившейся в Петрограде политической ситуации. Как будет видно из дальнейшего, разногласия по вопросам тактики еще окажут очень большое влияние на развитие революционного процесса.

Это, конечно, отнюдь не приуменьшает значения заседания Центрального Комитета 10 октября. Принятая на нем резолюция «О текущем моменте» поставила взятие власти «на очередь дня». Тем самым был сделан большой шаг вперед по сравнению с соответствующей резолюцией VI съезда РСДРП(б), в которой только признавалась необходимость вооруженного восстания. Резолюция заседания ЦК стала документом, говорившим об отказе от установки на мирное развитие революции, определявшим линию партии в течение всего сентября. В то время как Каменев и Зиновьев с тревогой наблюдали за дальнейшим развитием событий, сообщения о решении Центрального Комитета и призывы поднимать массы на вооруженное восстание направлялись в партийные организации по всей стране. Оглядываясь на период от корниловского мятежа до заседания ЦК 10 октября, нельзя не признать, что, как и в апреле, коренная перемена во взглядах в верхах партии большевиков является результатом неустанной деятельности Ленина. В течение нескольких недель он уговаривал, настаивал, грозил и в конце концов силой убеждения и личного авторитета добился того, что большинство членов ЦК приняло установку на восстание. Переходя к рассмотрению событий политической жизни в Петрограде и внутрипартийных разногласий по вопросу тактики в период с 10 октября до взятия власти большевиками, не будем забывать об этой важнейшей личной победе Ленина. Едва ли можно в недавнем историческом прошлом отыскать пример, более наглядно и убедительно показывающий, какой огромной, даже решающей может быть роль личности в истории.

Препятствия на пути к восстанию

Ожесточенно обсуждавшееся решение ЦК о том, что вопрос о взятии власти поставлен на очередь дня, сразу не нашло отражения в главной партийной газете «Рабочий путь». Лозунг «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20 октября!», появившийся впервые 27 сентября, продолжал печататься крупными буквами на первой странице каждого номера газеты. Но это не значит, что резолюция заседания Центрального Комитета 10 октября не оказала немедленного воздействия; большевики, поддерживавшие новый курс партии на активные действия, теперь прилагали все усилия, чтобы как можно быстрее подготовить вооруженное восстание.

Первоначально основное внимание было сосредоточено на съезде Советов Северной области, который состоялся в Петрограде 11—13 октября. Впоследствии Лацис вспоминал: «Было время, когда мы все надежды возлагали на съезд Советов Северной области. Предполагалось, что он решится объявить себя властью и что отсюда пойдет начало»¹. На съезд Советов Северной области, один из многих областных съездов Советов, состоявшихся в разных частях России в ходе подготовки к Всероссийскому съезду Советов, съехались 94 делегата, представлявшие армейские и флотские комитеты и местные Советы, главным образом Северо-Запада России². На съезде, проходившем под председательством Крыленко, преобладали левые — 51 большевик, 24 левых эсера, 4 максималиста (выделившаяся из партии эсеров террористическая группировка), 1 меньшевик-интернационалист и 10 эсеров (4 меньшевика покинули съезд вскоре после его открытия). Благодаря такому преобладанию крайне левых элементов Ленин и другие лидеры большевиков полагали, что на съезд можно будет опереться в деле организации свержения правительства Керенского.

Очевидно, Областной Исполнительный комитет армии, флота и рабочих Финляндии, председателем которого был большевик Смилга, принимая решение о назначении съезда и проведении его в Гельсингфорсе, а в Петрограде, также рассматривал съезд как орган, который позволит поднять и узаконить восстание.

Планы проведения съезда начали разрабатываться после того, как Смилга получил письмо Ленина от 27 сентября, в котором ему предлагалось взять на себя инициативу подготовки свержения Временного правительства. В статье о съезде, опубликованной в «Рабочем пути» 8 октября и через два дня в кронштадтской газете «Пролетарское дело», Смилга писал: «Этому съезду, по всей видимости, придется сыграть крупную роль в политической жизни страны. Ни для кого не тайна, что против Всероссийского съезда Советов ведется яростная кампания оборонцами всех толков... Совершенно очевидно, что если мы пассивно будем ожидать двадцатое число, то никакого съезда и не будет. Необходимо дать отпор нападающим оборонцам. И не только на словах, но и на деле... Кризис нарастает с чрезвычайной быстротой. Теперешний status - status нескольких дней... В этот момент Областной съезд может иметь громадное значение»³.

Еще 7 октября, даже до того, как ЦК принял решение о подготовке к вооруженному восстанию, делегатов III Петроградской общегородской конференции большевиков подготовили к тому, что съезд Советов Северной области, возможно, положит начало активным действиям против правительства⁴. Утром 11 октября Коллонтай сообщила делегатам конференции с принятой Центральным Комитетом резолюции, несомненно не забыв отметить, что съезду Советов Северной области придается огромное значение⁵.

В «Письме к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области» (8 октября) Ленин писал, что большевики будут «настоящими изменниками Интернационала», если ограничатся «только... резолюциями». Ленин страстно убеждает делегатов: «Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября... Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск... способно спасти русскую и всемирную революцию... Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть. Промедление смерти подобно»⁶. Через два дня на заседании Центрального Комитета 10 октября Ленин настаивал на том, что партия должна воспользоваться съездом Советов Северной области для начала решительных действий.

Утром 11 октября, прибыв в Смольный, делегаты съезда Советов Северной области были проинформированы о решении ЦК поднимать массы на вооруженное восстание. Создается впечатление, что на первых заседаниях съезда делегатов подвели к мысли, что директиву начать восстание можно ожидать в любое время⁷.

Один из секретарей съезда, кронштадтский большевик Борис Бреслав, позже вспоминал, что в момент открытия съезда мно-

гие его участники считали, что он станет центром восстания: «У них было впечатление, что в любую минуту может быть сигнал Центрального Комитета о выступлении»⁸.

Делегаты должны были тем более утвердиться в своих предположениях после доклада о текущем моменте, с которым Сокольников выступил от имени ЦК на первом собрании большевистской фракции съезда утром 11 октября. Сокольников подчеркнул, что «настал момент, когда нужно идти в бой за победу Советов... Проведение съезда в Петрограде не случайно, так как, может быть, именно он начнет восстание»⁹.

Атмосфера на съезде чрезвычайно накалилась, когда еще в начале его работы Антонов-Овсеенко объявил делегатам, что в тюрьме «Кресты» политические заключенные начали голодовку. Делегаты приняли воззвание к заключенным: «Прекратите голодовку и набирайтесь сил — близится час вашего освобождения!»¹⁰ Тем не менее, несмотря на столь многообещающее начало, лидеры большевиков воздержались от прямых призывов помогать в организации свержения правительства Керенского. На последнем заседании съезда вечером 13 октября была принята довольно сдержанная резолюция, внесенная совместно большевиками и левыми эсерами, которая, по сути, приурочивала создание советского правительства к созыву Всероссийского съезда Советов¹¹.

Съезд Советов Северной области не дал толчка вооруженному восстанию, и это объясняется рядом причин. Во-первых, у лидеров Военной организации большевиков, на которых еще в апреле была возложена главная ответственность за подготовку к взятию власти, были сомнения в отношении готовности партии к вооруженному восстанию, которые теперь, оглядываясь назад, следует, очевидно, признать оправданными. Как мы уже видели, в предшествовавшие недели и месяцы большевики сосредоточивали свои усилия почти исключительно на деятельности, отвечавшей установке на мирное развитие революции. И в казармах, и на заводах они уделяли сравнительно мало внимания тщательным приготовлениям, той технической стороне дела, которые необходимы для успеха организованного партией восстания. Большевики еще не восстановили свой контроль над частями Петроградского гарнизона, участвовавшими в июльских событиях¹². Многие отряды Красной гвардии, организованные для борьбы с корниловским мятежом, были расформированы, работа по формированию и обучению красногвардейских отрядов в общегородском масштабе началась только в середине октября. Наконец, ничего еще не было сделано для обеспечения действия железнодорожников, чтобы с началом восстания столица не оказалась сразу отрезанной от всей страны.

Такого рода трудности и проблемы имел в виду Невский, когда через сравнительно непродолжительное время писал в своих воспоминаниях, что «наученные горьким опытом июльских дней члены «Военки» медлили и обдумывали план выступления».

Многое еще было не подготовлено, многое нужно было наладить, многое исправить, а кое-где имелись прямо вопиющие проблемы». Далее Невский признает, что по вышеуказанным причинам он и Подвойский настаивали на отсрочке восстания примерно на две недели¹³. Невский вспоминал также, что обстановка «заставляла «Военку» быть очень осторожной и обливать холодной водой всех тех пылких товарищей, которые рвались в бой, не имея представления о всех трудностях выступления»¹⁴. В то время такая оценка была вполне применима в отношении многих большевиков, прежде всего в отношении Ленина.

Второй фактор, обусловивший необходимость некоторой отсрочки вооруженного выступления против Временного правительства, заключался в том, что многие каждодневно работавшие в гуще народных масс лидеры большевистских организаций выражали глубокие сомнения в возможности мобилизовать на вооруженное восстание достаточное количество петроградских рабочих и солдат до начала Всероссийского съезда Советов. Ведь начиная с 23 сентября агитаторы большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов все более настойчиво убеждали массы ждать съезда как форума, на котором вопрос о власти найдет свое законное решение. Особенно отчетливо подобные опасения прозвучали на Петроградской общегородской партийной конференции 10 октября, Петроградской областной конференции (представителей партийных организаций небольших городов вблизи Петрограда) 1 октября и на встрече членов Бюро Военной организации и представителей частей Петроградского гарнизона, состоявшейся во вторую неделю октября. Как вспоминал впоследствии А. Шотман, давний соратник Ленина и активный участник социал-демократического движения еще со времен Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», большинство участников всех трех собраний возражало против вооруженного восстания до начала II Всероссийского съезда Советов¹⁵.

Несмотря на преобладание представителей самых левых политических партий и группировок среди делегатов съезда Советов Северной области, очевидно, уже вечером 12 октября стало ясно, что и тут идея немедленного вооруженного выступления едва ли получит поддержку большинства. Во-первых, в то время как Троцкий, Сокольников и многие другие искали оптимальные пути проведения в жизнь резолюции заседания Центрального Комитета 10 октября, Каменев и Зиновьев отчаянно пытались предотвратить восстание. Они были убеждены в том, что, если партия в данный момент организует вооруженное восстание, единственный возможный исход этого восстания — гораздо более серьезное поражение, чем то, которое последовало после июльского выступления. Не без оснований полагая, что многие лидеры партии на местах могут поддержать их точку зрения, Каменев и Зиновьев после заседания 10 октября направили заявление, в котором излагали свои доводы против взятия власти боль-

шевниками путем вооруженного восстания, в важнейшие организации большевиков на местах, а также большевистским фракциям Центрального Исполнительного Комитета, Петроградского Совета и съезда Советов Северной области. «Мы глубоко убеждены, — писали Каменев и Зиновьев, — что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции. Нет никакого сомнения, бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражение, чем сдаться без боя. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? Нет и тысячу раз нет!!!»¹⁶

В Петрограде Каменев и Зиновьев лично вели агитацию против преждевременного решительного выступления среди лидеров городской организации большевиков и делегатов съезда Советов Северной области¹⁷.

Левозсеровские делегаты съезда Советов Северной области, полностью разделявшие точку зрения Каменева и Зиновьева относительно вооруженного восстания, также оказывали активное противодействие использованию съезда в целях низложения Временного правительства¹⁸. Главной задачей левых эсеров в то время было содействие всеми возможными средствами образованию на предстоящем II Всероссийском съезде Советов правительства из социалистов — представителей всех социалистических партий. Подобно «Рабочему пути», в газете левых эсеров «Знамя труда» начиная с 27 сентября в каждом номере помещался набранный крупными буквами лозунг «Товарищи, готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов Р.С. и К.Д. — 20 октября». Однако в отличие от «Рабочего пути» в «Знамени труда» то и дело появлялись предостережения против преждевременного вооруженного выступления. Так, 13 октября газета поместила статью С.Мстиславского, в которой, в частности, говорилось: «...выступление рабочих и солдатских масс в данный момент было бы злейшим преступлением... покушением не на существующую правительственную власть, но на... самые Советы... те, кто призывает массы к выступлению «для захвата власти», — лгут: их призыв есть призыв не к победе народной воли, но к ее самоубийству».

Впоследствии товарищ Мстиславского по партии Б.Камков говорил о политике левых эсеров в то время следующее:

«...В Петрограде левые с.-р. после Демократического совещания, когда ясно определилось, что оборонческие элементы не отказались от вредной коалиции и продолжают держаться за эту обанкротившуюся схему государственной власти; когда выяснилось, что и само Демократическое совещание было специально созвано и специально подобрано, чтобы поддержать это в политическом сознании массы почти умершее учреждение; когда стало ясно, что оно было созвано, чтобы удержать коалицию до Учредительного собрания, а может быть, и после, мы, левые с.-

р., в Петрограде перешли от чисто идейной борьбы с коалицией на более боевые позиции и в целом ряде районов, в казармах, в мастерских указывали на возможность и необходимость в тот момент, когда будет созван Съезд Всероссийский Сов.Р. и С.Д. и когда он возьмет на себя задачу организации власти, указывали на возможность и необходимость организованной вооруженной поддержки всем гарнизоном и рабочим классом, если бы коалиционная власть, возглавляемая Керенским, добровольно не ушла бы в отставку, не признала бы вновь организованной социалистической власти. И в этом смысле вся агитация и пропаганда, которая велась левыми с.-р., нимало не отличалась от агитации, которую вели большевики. И только несколько дней, предшествовавших созыву Всероссийского Съезда С.Р. и С.Д., внесли некоторое различие в методы агитации и пропаганды или, вернее, наметили различие в целях, которые ставили себе левые с.-р. и большевики.

Уже за несколько дней перед Всероссийским Съездом нам, левым с.-р., работавшим на заводах, фабриках и в казармах, было ясно, что большевистская партия мобилизует свои силы не только на тот случай, если Всероссийский Съезд создаст однородную социалистическую власть и объявит власть Советов, чтобы поддержать эту власть и оказать сопротивление тем силам, которые постарались бы снести ее; нам стало ясно, что они готовят восстание, захват власти до Всероссийского Съезда Советов. И в том вопросе мы с ними радикально разошлись. Мы указывали, что такой метод принудителен по отношению к Совету, метод захвата Петроградским гарнизоном при поддержке части рабочего класса, захват власти, которую нужно будет преподнести Сов.Р. и С.Д. Этот метод казался нам самым опасным, с одной стороны, и нецелесообразным — с другой. Нам казалось, что, если после того, как коалиционная власть обанкротилась, после того, как она изжила то минимальное содержание, которое, может быть, заключала в себе в первые дни, когда она стала пустым футляром, ничем не заполненным, когда коалиция стала почти ругательным словом в рабочих и солдатских кругах, когда ни одной солидной группы среди рабочих и крестьян вы не нашли бы, которая встала бы на защиту коалиционной власти, нам казалось, что можно безболезненно удалить этот пережиток, если будет созван Всероссийский Съезд Советов. Мы прилагали все усилия, чтобы был Съезд не только Советов Раб. и Солд., но и Крест.Деп. Если С.Р. и С.Д. объявит эту власть низложенной и возьмет на себя задачу организации новой власти, нам казалось, что не найдется ни в Петрограде, ни во всей революционной России, за редкими исключениями, никого, кто мог бы выступить против центральной объединенной организации — С.Р.С и К.Д. В то же время нам казалось, если это будет сделано иначе, если это пойдет под флагом захвата власти в Петрограде до Съезда Советов, это сможет произвести впечатление, которое получило затем название политической авантюры, борьбы за власть не С.Р. и

С.Д., а определенной политической партии. И это сразу может осложнить положение и создать какую-то неблагоприятную атмосферу в не вполне сознательной части революционной демократии, и что мы не избежим, что и имело место, гражданской войны, которую мы, левые с.-р., никогда не смешивали с классовой революционной борьбой»²⁰.

Затруднительное положение, в которое были поставлены благодаря усилиям Камснсва и Зиновьева, а также противодействию левых эсеров большевики, всерьез думавшие о возможности использовать съезд Советов Северной области в целях мобилизации масс на вооруженное выступление, нетрудно понять, если учесть, что левые эсеры вместе с эсерами и меньшевиками-интернационалистами могли, вероятно, рассчитывать собрать на съезде до 35 голосов из 90. Таким образом, для того чтобы не допустить немедленного выступления, Каменеву и Зиновьеву достаточно было посеять сомнение в его целесообразности среди хотя бы десяти из оставшихся 55 делегатов (большевиков и максималистов) — несомненно, если бы дело дошло до голосования, им без особого труда удалось бы добиться своего.

Создается впечатление, что к моменту окончания съезда Советов Северной области сго делегатов больше всего беспокоила возможность того, что ЦИК отсрочит созыв II Всероссийского съезда Советов или вовсе его отменит, ссылаясь на то, что он явится помехой подготовке к Учредительному собранию. Следовательно, одним из последних решений съезда было принятие воззвания к массам, в котором подчеркивалось исключительное значение Всероссийского съезда Советов и взятия им власти как единственной гарантии безотлагательных и справедливых выборов в Учредительное собрание²¹.

Съезд избрал Исполнительный комитет Советов Северной области. Несомненно, некоторые избранные в комитет большевики считали его прежде всего органом подготовки восстания. Так, Антонов-Овсеенко впоследствии писал в своих воспоминаниях о договоренности со Смилгой сразу после окончания съезда: Смилга должен был вернуться в Гельсингфорс, чтобы там организовать отряды матросов, пехоты и артиллеристов для поддержки восстания, а Антонов-Овсеенко оставался руководить работой комитета в Петрограде. Сигналом для отправки мобилизованных Смилгой отрядов должна была быть телеграмма из Петрограда: «Присылай устав». Антонов-Овсеенко ясно указывает, однако, что договоренность носила неофициальный, доверительный характер²². Предлогом для создания Исполнительного комитета съездом Советов Северной области явилась необходимость организации и подготовки военных сил для защиты и поддержки предстоявшего II Всероссийского съезда Советов; таким образом, даже левые эсеры, по сути, согласились внести свою лепту.

В сущности, съезд Советов Северной области явился шумной и откровенной демонстрацией ультрарадикальных настроений.

Более того, съезд еще продолжался, а многочисленные агитаторы-большевики уже энергично вели пропагандистскую работу во всех рабочих районах Петрограда, стремясь с переменным успехом обратить враждебность рабочих и солдат на Временное правительство, чтобы они по призыву были готовы немедленно выступить против него с оружием в руках. Однако с точки зрения интересов партии вся эта деятельность, тем более сразу после демонстративного ухода большевиков с заседания Предпарламента, имела весьма отрицательные последствия — резко возросла озабоченность поддерживавших правительство кругов в отношении намерений большевиков²³. Теперь практически во всех петроградских газетах ежедневно публиковались статьи и заметки с разнообразными оценками деятельности большевиков и их планов. Например, в выходившей под редакцией М. Горького газете «Новая жизнь» 15 октября появилась передовая статья, в которой сообщалось, что большевики развернули агитацию за вооруженное восстание и что в настроениях масс нет единодушия — многие выражают готовность к немедленным решительным действиям, но немало и тех, кто склонен уклониться от участия в восстании или проявляет полное равнодушие.

«Газета-копейка» 14 октября сообщала, что «в революционно-демократических кругах имеются определенные сведения, что большевики деятельно готовятся к выступлению на 20 октября». Спустя несколько дней в крайне правой газете «Живое слово» появилась заметка, озаглавленная «Большевики выступают», в которой говорилось: «Кровавые и гнусные события 3—5 июля были только репетицией. Теперь большевики готовятся дать и само представление... На всех заводах, фабриках и во всех казармах ведется усиленная агитация. Большевики зовут рабочих и солдат по первому сигналу выйти с оружием в руках на улицы Петрограда для захвата власти, свержения Временного правительства и кровавой расправы с буржуями». Авторы большинства подобных корреспонденций не только выражали тревогу и живописали ожидаемый разгул анархии, но и требовали от правительства принятия решительных мер, пока не поздно. Так, статья «Пора действовать», помещенная в «Биржевых ведомостях» (утренний выпуск 14 октября), предостерегала: «Большевики все определеннее и решительнее говорят об близком выступлении масс... Все, что делают большевики для разрушения обороны государства и революции, приемлется властью и государственной демократией спокойно и без противодействия... Этот момент... правительство должно использовать для твердых проявлений обороны революционного Петрограда от анархии».

Конечно, как лидеры умеренных социалистов в Смольном, так и министры Временного правительства в Зимнем дворце в равной степени допускали вероятность в скором времени вооруженного восстания народных масс под руководством большевиков. На пленарном заседании Всероссийских Исполнительных Комитетов 14 октября Дан, обращая внимание участников на

растущий поток сообщений об активизации левых сил и явных приготовлений большевиков к вооруженному восстанию, заявил: «Мы должны определенно спросить своих товарищей большевиков, к чему они ведут эту политику?.. Большевики должны заявить на этой трибуне, правильно ли их понимает революционный пролетариат. Зовут ли они к выступлениям революционный пролетариат или нет... Я требую, чтобы партия большевиков прямо и честно ответила на этот вопрос: да или нет...» Ответ Рязанова с места был отнюдь не обнадеживающим: «Мы требуем мира и земли». Следует отметить, что в конце заседания даже Мартов, представлявший меньшевиков-интернационалистов, и левый эсер Лившиц поддержали предложенную Даном резолюцию, призывавшую рабочих, солдат и крестьян сохранять спокойствие и объявлявшую всякое выступление совершенно недопустимым²⁴.

Судя по сообщениям печати, угроза со стороны большевиков обсуждалась в то время на каждом ежедневном заседании правительства Керенского. На закрытом заседании 17 октября министр внутренних дел Кишкин заявил, что «у правительства достаточно сил, чтобы подавить в начале беспорядки, а для наступления... силы недостаточны». По имевшимся у правительства сведениям, добавил Кишкин, восстание первоначально планировалось на 18 октября, но было отложено до 23 октября, так как «силы не собраны, массы не подготовлены»²⁵.

Министры обсуждали различные возможные меры борьбы с угрозой восстания под руководством большевиков, однако ввиду крайне сложного положения правительство ограничилось предписанием командующему Петроградским военным округом полковнику Полковникову привести в полную готовность все верные правительству воинские части. Ежедневно Временное правительство обращалось к массам с воззваниями, призывая их хранить спокойствие и порядок. Правительство явно надеялось на то, что большевики, выступив первыми, скомпрометируют себя. Реалистичная оценка сложившегося положения прозвучала в заявлении военного министра генерала Верховского: «План есть, надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, и его разогнать нет силы»²⁶. Более самонадеянный ответ дал репортерам некий министр после вечернего заседания правительства 13 октября (в этот день закончил работу съезд Советов Северной области): «В настоящий момент правительство меньше всего желает столкновения. Но что нам делать? Если большевики выступят, мы вскрыем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда»²⁷.

После съезда Советов Северной области Ленин продолжал настаивать на немедленном вооруженном восстании, тогда как Каменев и Зиновьев не менее энергично старались предотвратить преждевременное, по их мнению, восстание и успокоить опасения противников большевиков. Тем временем в казармах, на за-

водах и фабриках большевистские активисты вели агитацию и искали пути проведения в жизнь резолюции заседания Центрального Комитета 10 октября. Подготовка вооруженного восстания до Всероссийского съезда Советов была сопряжена с немалыми трудностями, о которых говорили многие участники двух важных собраний лидеров партии большевиков, состоявшихся по окончании съезда Советов Северной области — чрезвычайного закрытого заседания Петербургского комитета 15 октября и спешно созванного на следующий день, 16 октября, расширенного заседания ЦК с участием представителей Петербургского комитета, Военной организации, большевистской фракции Петроградского Совета, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и некоторых других организаций²⁸.

На заседании Петербургского комитета 15 октября присутствовали 35 представителей большевистских комитетов разных районов столицы. Главной задачей заседания было обсуждение вопросов подготовки к восстанию. Собравшиеся заслушали доклад члена ЦК Бубнова о текущем моменте. Призывая к активным действиям, Бубнов говорил: «...мы втягиваемся в схватку с силами, идущими против нас... Мы стоим накануне выступления». Бубнов убеждал собравшихся: «...все элементы для восстания даны, и если мы в этом убеждены, то все силы должны подготовиться к выступлению... Надо собрать всех агитаторов... Ради спасения революции мы должны вести политику не только оборонительную, но и наступательную».

Однако сразу после Бубнова выступил Невский, настаивавший на необходимости выждать определенное время. Его выступление явно показывало, какое огромное влияние оказали июльские события на лидеров Военной организации. «Я от имени Военной организации должен обратить внимание собрания на ту массу трудностей, на которые нам пришлось натолкнуться, — заявил он. — Военная организация вдруг сделалась правой». Утверждая, что абсолютно ничего не было сделано, чтобы подготовить «провинцию» к свержению Временного правительства, и что в деревне агитационная работа большевиков только началась, он сообщил, что в некоторых губерниях крестьяне говорят, что в случае восстания они не дадут хлеба. Игнорируя настроения масс, подчеркнул Невский, партия не может надеяться на победу. Далее он отметил, что не обеспечена совершенно необходимая поддержка железнодорожников и 5-й армии Северного фронта. В целом, утверждал Невский, работа по обеспечению технической стороны восстания еще по-настоящему не началась, не было уверенности в перевесе сил большевиков, необходимым для победы над Временным правительством, поэтому принятую 10 октября резолюцию Центрального Комитета следует признать преждевременной.

После выступления Невского секретарь Петербургского комитета Бокий, очевидно по предложению участников заседания, зачитал полный текст резолюции заседания ЦК 10 октября

и заявление Каменева и Зиновьева. Прозвучавшие после выступления Невского предостережения Каменева и Зиновьева явно оказали большое влияние на настроения собравшихся, так как было решено, что резолюцию ЦК следует рассматривать «широко», то есть как с точки зрения ее осуществимости в принципе, так и с точки зрения реальных перспектив проведения ее в жизнь.

С сообщениями о сложившемся на местах положении выступили представители разных районов Петрограда. Хотя содержание выступлений большей частью говорило о нецелесообразности немедленных решительных действий, нельзя сказать, что все выступления были выдержаны в пессимистическом духе. Например, Лацис горячо и увлеченно говорил о развернувшихся в важнейшем, Выборгском, районе приготовлениях к восстанию и выразил уверенность в том, что на рабочих этого района вполне можно положиться. Представитель Невского района Винокуров, в отличие от Лациса несклонный приукрашивать истинное положение дел, также отмечал, что «настроение в нашу пользу» и «масса начинает настораживаться». Юкка Рахья заявил, что финны с нетерпением ждут восстания. «Чем скорее, тем лучше» — такие настроения преобладали, по его словам, в Финляндии.

Однако общее положение дел в казармах, на фабриках и заводах часто представлялось столь неутешительным, что не могло не обескураживать многих большевиков. Не следует забывать, что в данном случае речь шла не об отношении рабочих и солдат к передаче власти Советам — никто не отрицал, что программа большевиков находит широкую поддержку в массах; в выступлениях участников собрания звучала тревога по поводу явной пассивности очень многих рабочих и солдат. Вопрос в том, захотят ли они подвергать себя риску потерять работу, быть немедленно отправленными на фронт, оказаться в тюрьме или даже пожертвовать жизнью, отозвавшись на призыв большевиков к вооруженному выступлению, когда на днях должен был собраться Всероссийский съезд Советов. Лишь восемь из девятнадцати представителей районов говорили о том, что массы настроены по-боевому и готовы выступить в любой момент. Шесть представителей районов сообщили, что у них преобладали безразличие и выжидательные настроения, а пятеро без обиняков заявили, что у масс нет никакого желания выступать²⁹.

Калинин сообщил, что в Лесновско-Удельнинском районе «дела подвигались плохо». Представитель Московского района зубной врач Савва Равич выразил мнение, что «массы выйдут по призыву Совета, по призыву нашей партии выйдет мало». Представивший Петроградский район плотник Сергей Прохоров сказал, что «там, где наше влияние сильно, там настроение выжидательное, а где этого нет, там апатия... Даже если Совет призовет к выступлению, то некоторые заводы, как, например, наш, не выйдут». По мнению Александра Аксельрода из Рождествен-

ского района и Наума Анциеловича, который представлял Петроградский совет профсоюзов и возглавлял профсоюз электриков, массы в случае выступления контрреволюции дали бы ей отпор, но сами не были настроены выступать. Аксельрод считал, что «настроение упало в связи с расчетами из-за эвакуации заводов». Резюмируя сообщения, прозвучавшие двумя неделями раньше на конференции большевиков Петроградского округа, представитель окружной организации Харитонов также с пессимизмом сообщил, что «настроения у масс нет». «В Красном Селе... на 5000 человек пойдут сюда 500 человек, а остальные останутся в Красном Селе выжидать», — утверждал он и добавил, что «в Кронштадте настроение сильно пало. Пьянство большое наблюдается даже среди наших товарищей».

Пассивность масс была отнюдь не единственным фактором, обусловившим пессимизм в широких большевистских кругах накануне предполагавшегося взятия власти. В сообщениях из районов на заседании 15 октября прозвучала также озабоченность многих большевиков отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной общей технической подготовки восстания. Почти все выступавшие говорили о серьезных трудностях с организацией красногвардейских отрядов и о нехватке оружия и боеприпасов. В целом выступления сводились к тому, что пока еще не был создан орган, который эффективно осуществлял бы подготовку к восстанию. Представитель Нарвского района С.М.Гессен сдержанно говорил о самороспуске боевых сил, очевидно созданных в дни корниловского мятежа, в связи с отсутствием боевых центров. Винокуров, который с оптимизмом рассказывал о настроениях рабочих в Невском районе, признал тем не менее, что отряды Красной гвардии не были созданы в районе и что «организационным аппаратом [мы] похвастаться не можем». Прохоров прямо заявил: «С Красной гвардией дело обстоит плохо... Вообще в районе полный развал». Представитель Шлиссельбургского района сообщил, что красногвардейский отряд в районе был организован, но записывались в него неохотно в связи с нехваткой оружия.

Явно встревоженный нежелательным оборотом дискуссии Бубнов потребовал слова вне очереди, чтобы напомнить членам Петербургского комитета, что резолюция о текущем моменте была принята ЦК 10 октября в немалой мере благодаря позиции Петербургского комитета, и призвал участников собрания сосредоточить все внимание на обсуждении практических вопросов. Вскоре было принято решение, помимо прочего, созвать конференцию агитаторов-большевиков для разъяснения лозунгов, организовать выпуск вечерней газеты, улучшить связи, укрепить контакты с железнодорожниками и рабочниками почты и телеграфа и активизировать обучение рабочих владению оружием. Многие члены Петербургского комитета, проголосовавшие за все эти меры, очевидно, больше надеялись, что они быстро дадут результаты, чем Калинин, который, выслушав сооб-

щения представителей районов, заметил: «Резолюция ЦК — это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК выносил... Но когда это восстание будет возможно — может быть, через год, — неизвестно». Как бы то ни было, принятые Петербургским комитетом вечером 15 октября решения со всей очевидностью свидетельствовали о том, что к решительному бою партия еще не готова.

Спешно назначенное на следующий вечер расширенное заседание ЦК имело целью определить стратегию партии большевиков с учетом трудностей, которые стали очевидными в ходе работы по подготовке к восстанию. Заседание, в котором приняли участие около 25 видных большевиков, проходило на северной окраине города, в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы. Организационную работу по подготовке заседания выполнили Шотман и Калинин, который был председателем управы районной думы. Свердлов позже вспоминала, что место проведения заседания было неизвестно его участникам до последней минуты. Им сообщили пароль и указали место встречи, откуда участников небольшими группами провели в здание думы. Ленин прибыл одним из последних, быстро снял парик и прошел в две смежные комнаты, где уже собрались почти все участники заседания. Стульев не хватало, многие сидели прямо на полу³⁰. Ленин устроился в углу, вынул из кармана листки с записями и начал их просматривать. Привычным жестом он поднял руку, чтобы поправить парик, вспомнил, что уже снял его, и улыбнулся³¹.

Работавшая в районной думе уборщицей молодая большевичка Екатерина Алексеева впоследствии вспоминала, что больше всего боялась, что кто-нибудь чужой заподозрит неладное и сообщит властям. Пока не ушел под утро последний участник заседания, она не находила себе места от беспокойства, прислушивалась и внимательно следила за соседними домами. Каждого вновь прибывшего встречал громким лаем сенбернар соседа, и, когда Алексеева не смотрела в окна и не была занята самоваром, ей приходилось прилагать немалые усилия, чтобы успокоить собаку. Заседание, которое началось в 8 часов вечера, кончилось только в 3 часа утра, когда пошел первый в этом году мокрый снег. Участники заседания, вспоминала Алексеева, оставили после себя большой беспорядок³².

Заседание 16 октября открылось докладом Ленина, в котором он отстаивал решение ЦК о немедленной организации вооруженного восстания. Касаясь вначале заинтересованности в сотрудничестве с меньшевиками и эсерами, проявляемой некоторыми большевиками, он подчеркнул, что партия большевиков в свое время сделала все возможное ради достижения компромисса с меньшевиками и эсерами, но теперь совершенно ясно, что взаимопонимания с ними быть не может, как ясно и то, что массы идут за большевиками. Ленин утверждал, что изменение настроения масс, о которых настойчиво говорили участники собра-

ния днем раньше, не следует придавать особого значения. «Настроением масс руководствоваться невозможно, — говорил Ленин, — ибо оно изменчиво и не поддается учету... Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой». Далее Ленин разъяснил, почему, по его мнению, сложившаяся ситуация благоприятствовала социалистической революции в России, сказав, в частности, что, «выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу». В заключение он выразил тревогу в отношении замыслов правительства, утверждая, что «буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки». «Из политического анализа классово-борьбы в России и в Европе, — продолжал Ленин, — вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием». «Власть нужно брать тотчас, — убеждал Ленин, — каждый потерянный день может оказаться гибельным. История не простит, если мы теперь не возьмем власти»³³.

В 1924 году Шотман, которому довелось слышать много докладов и речей Ленина, вспоминал, что этот доклад был самым лучшим³⁴. По мнению Шотмана, участники заседания 16 октября были настроены гораздо менее пессимистично, чем участники прежних собраний, на которых обсуждался вопрос о возможности и целесообразности вооруженного выступления. Несомненно, это объяснялось необыкновенной способностью Ленина убеждать слушателей. Тем не менее выступавший после Ленина член «Воснки» Крыленко вновь говорил о том, что, по мнению руководства организации, революционное настроение солдат падает и большинство считает, что партии не следует «форсировать вопрос». Говоря о настроениях в Петроградском совете, Володарский, который был, пожалуй, самым выдающимся и популярным большевистским оратором после Троцкого, выразил общее впечатление, что «никто не рвется на улицы, но все отзовутся на призыв Совета». Василий Шмидт, крупнейший деятель Петроградского совета профсоюзов, и Александр Шляпников, председатель профсоюза металлистов и один из руководителей Совета профсоюзов, пытались охарактеризовать политические позиции членов профсоюзов. Шмидт утверждал, что, несмотря на всеобщее требование о передаче власти Советам, надеяться на активное участие в выступлении 500 тыс. членов профсоюзов нельзя, так как почти все боятся закрытия предприятий и увольнений. Шляпников добавил, что профсоюз металлистов находился под влиянием партии, но идея вооруженного выступления под руководством большевиков была непопулярна, более того, слухи о подобных действиях даже приводили к панике.

В начале заседания 16 октября Каменев и Зиновьев не воспользовались возможностью немедленно ответить Ленину, но после таких пессимистических выступлений Зиновьев взял слово и вновь доказывал, что успех вооруженного восстания весьма

сомнителен. Он привел ряд доводов против восстания и убеждал собравшихся в том, что, если еще есть возможность, резолюция заседания Центрального Комитета 10 октября должна быть пересмотрена. Каменев объявил, что опыт попыток организовать вооруженное восстание подтверждает, что «данных за восстание теперь нет». Приготовления большевиков, настаивал Каменев, лили воду на мельницу Временного правительства, увеличивая его оборонительные возможности. Вторя Каменеву, Володарский заметил, что если резолюция должна была рассматриваться как приказ, то этот приказ не выполнен. «Если вопрос выступления ставится как вопрос выступления уже завтра, — продолжал Володарский, — то приходится признать, что мы еще не готовы. Я каждодневно обращался к массам с призывами и должен сказать, что наши призывы приводят массы в замешательство».

Ленин, однако, настаивал на формальном подтверждении резолюции заседания ЦК 10 октября с условием, что «благоприятный момент и целесообразные способы наступления» будут указаны Центральным Комитетом и большевистским руководством Петроградского Совета и Всероссийского Исполнительного комитета. В противовес предложению Ленина Зиновьев предложил резолюцию, в которой говорилось: «Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов - не допустимы». Обе резолюции были поставлены на голосование. За ленинскую резолюцию было подано 19 голосов, против голосовали двое участников, четверо воздержались. За резолюцию Зиновьева голосовали шесть участников заседания, против было подано 15 голосов, и трое воздержались. Результаты голосования по вопросу о зиновьевской резолюции свидетельствуют, что у довольно значительного меньшинства — десяти человек из присутствовавших на заседании лидеров партии большевиков, то есть более трети участников, принявших участие в голосовании, — были существенные возражения против установки на немедленное вооруженное восстание. Меньшинство выступало за предварительное согласование с большевистской фракцией II Всероссийского съезда Советов, некоторые представители меньшинства вообще уклонились от подачи голосов по данному вопросу³⁵. Сопоставление результатов голосования и содержания отдельных выступлений показывает, что за ленинскую резолюцию и против зиновьевской голосовали, вероятно, даже некоторые участники заседания, сомневавшиеся в целесообразности попыток организовать вооруженное восстание до съезда Советов. Надо сказать, что в выступлениях некоторых ораторов, казалось бы поддерживавших Ленина, явно прослеживалась мысль, что для вооруженного восстания под руководством большевиков условия еще не созрели и что принятая 10 октября резолюция была, по сути, подтверждением намерения свергнуть правительство при первой возможности, а не политической директивой, подлежащей немедленному исполнению.

На заседании 16 октября Милютин открыто и прямо высказал эту же точку зрения, к которой, несомненно, присоединился бы и Троцкий, если бы он был в числе присутствовавших. Советские историки зачастую объясняют их отношение к данному вопросу нерешительностью или, говоря словами Ленина, «конституционными иллюзиями» и склонны приравнять его к позиции Каменева и Зиновьева. Однако позиция Троцкого и его единомышленников основывалась скорее на реалистичной оценке имевшихся сведений о преобладавших настроениях и соотношении сил в Петрограде, в целом по стране и на фронте.

Во всяком случае, необходимо отметить, что с формальным одобрением резолюции заседания ЦК 10 октября споры и разногласия среди руководства партии большевиков по вопросу о подготовке к вооруженному восстанию отнюдь не прекратились. Не получив поддержки на расширенном заседании ЦК 16 октября, Каменев и Зиновьев потребовали «немедленного, телеграфного созыва пленума». Каменев подал заявление о выходе из ЦК, объясняя свой шаг невозможностью поддержать точку зрения, выраженную в последних решениях ЦК, и убежденностью, что она приведет к тяжелому поражению партии и пролетариата. Трое из менее решительно настроенных лидеров большевиков — Ногин, Милютин и Рыков — пытались добиться опубликования текста заявления в «Рабочем пути», но текст так никогда и не был опубликован. Будучи не в состоянии обратиться к товарищам со страниц большевистской печати, Каменев изложил свои доводы против восстания в заметке, опубликованной в газете «Новая жизнь» 18 октября. Теперь даже у Ленина, судя по его письмам, появилась, пусть на непродолжительное время, мысль о том, что благоприятный момент для выступления упущен. Будучи вне себя от возмущения, он объявил Каменеву и Зиновьеву беспощадную войну и начал добиваться их исключения из партии³⁷. На заседании, состоявшемся 20 октября, ЦК решительно отклонил требования Ленина — было решено принять отставку Каменева и обязать его и Зиновьева не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК³⁸.

В тот же вечер, когда в «Новой жизни» появилась заметка Каменева, споры по вопросу о подготовке к восстанию разгорелись на собрании почти 200 большевистских активистов, созванных в Смольный в целях координации подготовки к взятию власти. Здесь приготовления к восстанию осудили Рязанов и Ларин, придерживавшиеся умеренных взглядов. В том же духе выступил Г. Чудновский, только что прибывший в столицу с Юго-Западного фронта для участия в съезде Советов. Ссылаясь на опыт работы в войсках Юго-Западного фронта, где у большевиков не было прочной опоры, Чудновский энергично доказывал, что организованное большевиками вооруженное восстание обречено на неудачу³⁹.

Волнения в гарнизоне и Военно-революционный комитет

Среди большевистских лидеров, разделявших стремление Ленина как можно скорее покончить с Временным правительством, существовали различные мнения о препятствиях на пути немедленного вооруженного восстания. Всех их все больше и больше беспокоило, что организационная подготовка к восстанию еще не достаточна, что вооруженным отрядам не хватит оружия, что захват власти только большевиками вызовет противодействие со стороны других политических партий, крестьян в губерниях и солдат на фронте, а может быть, и таких массовых демократических организаций, как Советы и профсоюзы, а также отдельных членов большевистской партии и наконец что рабочие и солдаты в самом Петрограде не откликнутся на призыв к восстанию до созыва съезда Советов. Вместе с тем некоторые лидеры рекомендовали просто оттянуть начало восстания. Как уже говорилось выше, именно такой точки зрения придерживались руководители Военной организации Подвойский и Невский. Они неизменно выступали за чисто военный путь захвата власти¹.

Другой подход, к которому постепенно склонялись большевики — сторонники осторожной тактики, зачастую те, кто наиболее активно действовал в Советах или в других местных массовых организациях, состоял в следующем: 1) именно Советы (в силу своей популярности среди рабочих и солдат), а не партийные органы должны организовать свержение Временного правительства; 2) в целях обеспечения поддержки со стороны масс любые действия против правительства должны быть представлены как шаги, направленные на защиту Советов; 3) таким образом, выступление следует оттянуть до тех пор, пока не появится подходящий предлог; 4) с целью ослабления сопротивления и максимального обеспечения успеха должно быть сделано все возможное для дестабилизации Временного правительства мирными средствами и, наконец, 5) само свержение правительства должно быть связано с открытием II Всероссийского съезда Советов и узаконено им². Хотя во многих отношениях такая тактическая линия была продолжением политики левых большевиков до 10 октября, ныне ее следовало проводить более настойчиво.

Следует также иметь в виду, что многие большевики, полностью или частично разделявшие эти взгляды, были уверены: большинство делегатов на предстоящем съезде одобрит переход власти к Советам. Наиболее последовательно эти взгляды выражал Троцкий. И его поддерживали другие видные большевики, включая Сталина.

В этой обстановке неожиданное заявление Временного правительства в середине октября о планах переброски значительной части Петроградского гарнизона на фронт стало для большевиков просто подарком. Появился прекрасный повод начать решающее сражение с режимом Керенского.

На первый взгляд решение правительства о переброске частей гарнизона было вызвано военными действиями Германии на Балтике. Вспомним, что 20 августа германские части захватили крупный морской порт Ригу; казалось, что впервые за всю войну у врага появилась возможность начать наступление на Петроград. Следует также иметь в виду, что накануне мятежа Корнилова Керенский попытался использовать угрозу дальнейшего германского продвижения для оправдания отправки значительного числа большевизированных частей гарнизона на Северный фронт.

Тревога в связи с наступлением врага на Петроград резко возросла в первые дни октября, когда германская авиация и десантные части в результате чрезвычайно успешной внезапной атаки захватили небольшие, но стратегически важные острова Эзель и Моон* у входа в Рижский залив, а также остров Даго у входа в Финский залив. В результате весь русский Балтийский флот был вытеснен в Финский залив³. Начальник штаба русской армии генерал Духонин заявил в Предпарламенте, что «с потерей этих островов, являвшихся для нас в полном смысле слова ключами к Балтике, мы фактически возвращаемся как бы к эпохе царя Алексея Михайловича, наши морские пути ставятся под контроль Германии»⁴.

В Петрограде известия об этих военных поражениях вызвали бурю взаимных обвинений. Правительство, а также либеральные и консервативные круги возлагали вину в первую очередь на буйных балтийских матросов. И Керенский не остался безучастным, потребовав в обращении к матросам, сразу же переданном в печать, чтобы они перестали «вольнo или невольнo играть на руку врагу». Он утверждал: «Кронштадтцы уже добились того, что в критический час не все средства обороны оказались на месте»⁵. После сдачи островов Керенский на закрытом заседании комитета обороны Предпарламента утверждал, что все необходимые меры для защиты этих островов были приняты, но не достигли цели из-за трусости, недисциплинированности и разложения личного состава частей, оборонявших острова⁶.

---

* Ныне острова Саарема и Муху. — *Прим.перев.*

С другой стороны, крайне левые силы выступили в защиту матросов, укоряя правительство и Генеральный штаб в умышленном ослаблении обороны для проведения политических репрессий, вновь используя те обвинения против высших гражданских и военных властей, которые были выдвинуты после неожиданного отступления русских войск от Риги. Эти обвинения способствовали усилению тревоги в народе, что Керенский собирается сдать Петроград, с тем чтобы удушить революцию. Она достигла высшей точки после появления слухов (позже подтвердившихся), что Временное правительство ведет подготовку к срочному переезду в Москву, а также в связи с сенсационной, получившей широкий отклик речью известного деятеля М.Родзянко, бывшего влиятельного председателя Государственной думы. Касаясь возможности взятия немцами Петрограда, Родзянко откровенно заявил: «Петроград находится в опасности... бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возразил, что очень рад буду, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, они ничего не дали России»⁷.

Нет никаких прямых доказательств того, что Временное правительство когда-либо серьезно задумывалось о сдаче немцам Петрограда без боя. Кроме того, русские военные руководители, видимо, не считали возможным наступление германских частей на Петроград осенью 1917 года⁸. Представляется, однако, верным то, что, как и в конце августа, Керенский рассматривал очевидную угрозу германского наступления в качестве прекрасного предлога для того, чтобы навсегда избавить столицу от особо ненадежных частей гарнизона⁹.

В этот период комиссару Временного правительства на Северном фронте Войтинскому было поручено обеспечить переброску из столицы самых ненадежных полков гарнизона с последующей заменой их менее «разложившимися» фронтовыми частями¹⁰. Одновременно 5 октября правительство отдало распоряжение полковнику Полковникову, командующему Петроградским военным округом, о подготовке его частей к отправке на фронт, и уже на следующий день Полковников направил предварительные распоряжения командирам основных частей¹¹.

Войтинский указывает, что сам Черемисов без воодушевления отнесся к этой операции, полагая, что переброска войск из Петрограда только усугубит обстановку на фронте. Это подтверждается шифрованной телеграммой, которую Черемисов направил 17 октября в военное министерство, изложив свое отношение к переброске на фронт гарнизонных частей: «Инициатива присылки Петроградского гарнизона шла от вас, а не от меня... Когда выяснилось, что части Петроградского гарнизона... неспособны, я сказал, что с оперативной точки зрения они не являются находкой для нас... Таких частей у нас уже достаточно на фронте... Ввиду выраженного вами желания отправить их на

фронт я не отказываюсь от них, если вы по-прежнему признаете вывод из Петрограда необходимым»¹². Несмотря на все эти оговорки, 9 октября Черемисов отдал дополнительный приказ, подготовленный Войтинским, подтверждающий распоряжения Полковникова, аргументируя это тем, что такая мера абсолютно необходима для защиты столицы от германской армии.

Солдаты в Петрограде восприняли сообщение об этих приказах с понятным возмущением. Гарнизонные части единодушно заявили о своем недоверии Временному правительству и требовали передачи власти Советам. Так же как и после корниловского мятежа, когда все крупные гарнизонные части не проявили особого рвения поддержать большевиков в дни июльского восстания, теперь они отказались подчиниться Временному правительству и заявили о своей поддержке Петроградского Совета. Кроме того, те части, на которые больше всего рассчитывало правительство, например казаки, а также солдаты с фронта, срочно переброшенные в Петроград после июльских дней, теперь либо выразили свой нейтралитет в борьбе между Петроградским Советом и военными властями по поводу судьбы гарнизона, либо открыто поддержали Советы.

Среди множества антиправительственных резолюций, принятых гарнизонными частями в это время, была следующая, одобренная солдатами гвардии Егерского полка на массовом митинге протеста 12 октября:

«Вывод Петроградского гарнизона нужен лишь цензовой буржуазии, чтобы удушить революцию, разогнав съезд Советов, сорвав созыв Учредительного собрания. До тех пор пока власть находится в руках явных контрреволюционеров, корниловцев и полукорниловцев, мы открываем решительную борьбу против вывода из гнезда революции — Петрограда — революционного гарнизона. Мы заявляем во всеуслышание, что, отказываясь от выступления из Петрограда, все мы будем прислушиваться к голосу истинных революционных вождей рабочих и беднейших крестьян, то есть Совета рабочих и солдатских депутатов, и только им одним будем верить и только за ними пойдем, ибо все остальное сплошное предательство и наглое издевательство над мировой революцией»¹³.

В вышеприведенной резолюции солдаты Егерского полка недвусмысленно заявили о своей лояльности и поддержке Советов, а не большевиков или какой-либо другой политической партии. Такое отношение, как указывалось выше, было отмечено большевистскими руководителями на местах, что нашло отражение во многих политических заявлениях, принятых в это время рабочими, солдатскими и матросскими организациями. Его, например, ясно выразило общее собрание личного состава 2-го Балтийского флотского экипажа в Петрограде 19 октября, организованное в связи с распространившимися упорными слухами о том, что большевики планируют вооруженное восстание на следующий день¹⁴. Комиссар ЦИК Красновский открыл собра-

ние, зачитав обращение «Известий», опубликованное в этот день, призывавшее к спокойствию и порядку. После этого Август Лоос, флотский писарь, который формально не принадлежал к какой-либо политической партии, но чья приверженность революционерам определялась тем, что он являлся членом делегации Центробалта и был заключен в тюрьму после июльского восстания, также призвал матросов воздерживаться от выступления (в ближайшее время), поскольку «такое выступление перед выборами в Учредительное собрание может подрывать доверие к левым партиям, каковое оказывают им сейчас широкие слои населения».

В этот момент встреченный аплодисментами, слово взял Николай Неверовский, перво-наперво заявивший, что сам он — кронштадтский моряк. Затем Неверовский резко осудил Красновского за ссылку на «Известия» ЦИК, отжившую, по его словам, свое время газету, которая мало защищает интересы трудового народа; тем не менее и Неверовский поддержал предложение воздерживаться от любых выступлений. После этого Володин, председатель матросского комитета экипажа, видимо, также большевик, сообщил о том, что у него есть сведения «о выступлении тридцати тысяч рабочих, чье терпение лопнуло от политики Временного правительства». Володин выразил надежду, что личный состав 2-го Балтийского флотского экипажа не ограничится лишь принятием резолюции. Однако именно это и сделали матросы. Собрание закончилось одобрением резолюции, прямо отвергающей «какие-либо отдельные, неорганизованные вооруженные выступления», вместе с тем в ней говорилось о готовности матросов «выступить», если такое выступление будет санкционировано Петроградским Советом. В заключение в резолюции указывалось: «Мы как ярые противники коалиционного Временного правительства, признавая деятельность этого правительства пагубной для демократии... с нетерпением ждем торжественного открытия съезда представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, которому мы верим и предлагаем взять власть в свои руки и создать тот орган, который может дать народу хлеб и заключит скорейший мир на началах, провозглашенных трудовой демократией».

Волнения в гарнизоне, принявшие открытую форму в понедельник 9 октября, все же не достигли своей кульминации до следующей недели; именно момент этой кульминации большевики использовали полностью. В печати, в Петроградском Совете и, что наиболее важно, в казармах и на фабриках большевики провозгласили лозунг «Всероссийский съезд Советов в опасности», тем самым раздувая угрозу второго корниловского мятежа. Так, 11 октября передовая статья газеты «Рабочий путь» высмеяла довод о том, что гарнизонным войскам приказано покинуть Петроград по стратегическим соображениям. В статье указывалось, что ведь и прежде утверждалось, будто наступление 18 июня было также устроено якобы во имя стратегической необхо-

димости, а потом виднейшие эсеры и меньшевики открыто признавали, что его вызвали мотивы политические — нужно было «взять армию в руки». Этот же прием, — считала газета «Рабочий путь», — вновь был применен в августе.

«Корниловские “реформы” — смертная казнь и подавление армейских организаций — оправдывались необходимостью повысить боеспособность армии для борьбы с “внешним” врагом. Но позже всем стало ясно, что корниловская стратегия была направлена на борьбу с революцией. До начала корниловского мятежа заговорщики потребовали переброски целого ряда полков из Петрограда, конечно, в связи со стратегической необходимостью. Большевики говорили солдатам: вас уничтожат. Но солдаты все еще верили эсеровским и меньшевистским болтунам — они отправились рыть окопы, и революция едва не угодила в яму, которую копал для нее Корнилов».

Правительство пыталось отвести эти обвинения, изображая угрозу германского наступления во все более тревожных тонах. К наиболее важным союзникам, на которых правительство могло полагаться в своем конфликте с гарнизоном, относились озлобленные фронтовые солдаты, стремившиеся как можно скорее отойти в тыл, а также фронтовые комитеты, многие из которых по-прежнему находились в руках умеренных элементов. Следовательно, военные власти через фронтовые армейские комитеты попытались оказать давление на полки гарнизона, чтобы добиться их согласия на переброску на фронт. 14 октября основные полки гарнизона получили срочные телеграммы, подтвержденные Черемисовым, из штаба Петроградского военного округа с приказом избрать делегатов для встречи с фронтовым командованием и представителями армейских комитетов, которая должна была состояться на следующий день в штабе Северного фронта в Пскове; цель встречи — проинформировать части гарнизона о сложившейся ситуации, требующей их переброски из столицы, а также ознакомить их с позицией фронтовых армейских организаций по этому вопросу¹⁵.

Одновременно давление фронтовых комитетов на гарнизон осуществлялось через правительственную и умеренную социалистическую печать, которая публиковала многочисленные резолюции и письма фронтовых комитетов с требованием «выполнить свой революционный долг». Так, 17 октября «Голос солдата» поместил на первой полосе полный текст составленной в резких выражениях резолюции, принятой исполкомом Совета солдатских депутатов 12-й армии. Резолюция, утверждала: «Полки Петрограда, защитой фронта вы только спасете революционную столицу». А завершалась она словами: «Фронт требует от вас подчинения революционному долгу и бесприкословных жертв... не губите своих братьев в окопах». Аналогичное заявление, направленное солдатским комитетом 1-й армии, опубликованное «Голосом солдата» двумя днями позже, было еще более категоричным; оно в резкой форме обвиняло тыловых солдат в

том, что они «обратили свободу в бесчинство, а революцию в прогресс» и выражала полную готовность заставить части гарнизона двинуться на фронт силой оружия, если они не захотят сделать это добровольно¹⁶.

В своих воспоминаниях Войтинский отмечает, что к этому моменту расхождения во взглядах между радикально настроенными, жаждущими мира солдатами в окопах и более умеренными «оборонческими» фронтовыми комитетами были так велики, что лишь в вопросе о замене фронтовых частей солдатами из тыла позиция обеих сторон совпадала¹⁷. Тем не менее явное возмущение окопных солдат тыловыми войсками, проявившееся в вопросе о переброске войск, для большевиков стало предметом большой озабоченности, ибо увеличивало возможность того, что фронтовые части, так же как и в июле, могли бы быть успешно использованы Керенским для умиротворения столицы. То, что политика большевистских руководителей в Петроградском Совете полностью учитывала эту опасность — еще один показатель того, насколько чутко большевики прислушивались к изменениям в настроении масс и в целом в какой мере их действия зависели от этих настроений. Ранним утром 15 октября большевистское руководство в Петроградском Совете встретилось с представителями гарнизона, выбранными для поездки в Псков. Целью встречи была выработка согласованного ответа на требования фронтовых комитетов. Представители гарнизона с готовностью согласились с доводом большевиков, что, поскольку вопрос о переброске частей гарнизона — основной политический вопрос, решение которого является прерогативой исполкома Петроградского Совета, их поездку в Псков следует отложить до его рассмотрения исполкомом.

Армейские комитеты Северного фронта прореагировали на это решение заявлением, что только совместное совещание фронтовых и гарнизонных представителей, а не Петроградский Совет или гарнизон имеют право определять законность переброски. В своем заявлении фронтовики потребовали от представителей гарнизона прибыть на совещание 17 октября¹⁸. В этот момент исполком Петроградского Совета в срочном порядке рассмотрел вопрос о том, как отнестись к требованию о встрече в Пскове; в конце концов он одобрил решение направить туда делегацию, но коренным образом изменил ее мандат и численный состав: делегация представителей гарнизона увеличивалась за счет включения в нее большего числа депутатов Совета, стоящих на точке зрения Петроградского Совета в деле революционной обороны Петрограда. Пленарная сессия Петроградского Совета 16 октября одобрила этот подход, оговорив, что делегация уполномочена только на то, чтобы выслушать представителей ставки и обменяться мнениями¹⁹.

Несомненно, действия Петроградского Совета значительно ослабили возможность использовать совещание в Пскове в интересах Временного правительства. На состоявшемся днем 17 ок-

тября совещании были высказаны различные мнения, но не более того. Черемисов и офицеры его штаба на оперативных картах показали положение на Северном фронте и на Балтике. Войтинский отметил, что Черемисов выступал без энтузиазма, явно стремясь создать впечатление, что, по сути дела, ему безразлично, будут ли переброшены петроградские полки на фронт или нет, и что он не желает вмешиваться в этот вопрос. Множество представителей фронта взволнованно говорили о невыносимом положении солдат на фронте, об их возмущении позицией солдат гарнизона, которые, по мнению фронтовиков, с комфортом живут в тылу, не желая поддерживать общие оборонительные усилия.

В ответ петроградская делегация указала на значительные жертвы, уже принесенные большинством гарнизонных солдат в интересах революции и обороны России. К разочарованию Войтинского, последовавшее обсуждение в основном касалось необходимости перехода власти к Советам, вопросов о мире и о желании пострадавших на фронте солдат вернуться домой, а не вопроса о направлении новых полков в окопы. В конце встречи руководитель Военной организации и председатель военного отдела Петроградского Совета Андрей Садовский, сыгравший важную роль в составлении Приказа № 1 во время Февральской революции, зачитал официальное заявление от имени петроградской делегации, составленное Свердловым. В нем выражалось опасение левых сил относительно того, что за стремлением вывести гарнизон скрываются контрреволюционные мотивы. Со своей стороны Войтинский пытался заручиться обещанием членов делегации, что они будут добиваться от гарнизона добровольно согласиться с просьбой о войсковой поддержке. Ссылаясь на свои ограниченные полномочия, делегаты из Петрограда не дали согласия на такое обещание и даже отказались подписать протокол переговоров²⁰.

Намерения Временного правительства в эти дни вызвали настолько большое недоверие, что даже умеренные социалистические элементы были вынуждены признать: части гарнизона не откликнутся на приказы о передислокации, если они не будут в какой-то мере одобрены Петроградским Советом. Утром 9 октября, вскоре после того, как стал известен приказ Черемисова гарнизону, исполком Петроградского Совета рассмотрел вопросы о военной защите столицы и о подозрениях гарнизонных частей в отношении мотивов действий правительства; все выступавшие признали, во всяком случае косвенно, опасения солдат оправданными. Меньшевик Марк Бройдо представил депутатам совместную резолюцию меньшевиков и эсеров, которая, призывая солдат гарнизона начать подготовку к отправке на фронт, в то же время стремилась умиротворить их, предложив создать специальный комитет по оценке нужд обороны и подготовке плана обороны, который пользовался бы доверием народа. Суть резолюции состояла в налаживании сотрудничества между Пет-

петроградским Советом и правительством в целях продолжения военных действий²¹.

Большевики в ответ выдвинули свою, более воинственную резолюцию, наскоро составленную Троцким. В ней говорилось, что правительство Керенского «губит страну» и что единственная надежда спасти Россию — это поскорее заключить мир²². В резолюции буржуазия вкупе с Керенским обвинялась в подготовке к сдаче Петрограда, «главной крепости революции», германской армии. Подчеркнув, что Петроградский Совет ни в коей мере не может взять на себя ответственность за военную стратегию правительства, и в частности за вывод войск из Петрограда, в резолюции указывалось, что путь к спасению — переход власти в руки Советов. Как и в резолюции умеренных социалистов, в предложении большевиков также содержался призыв к гарнизону о приведении его в боевую готовность; даже в этот момент решимость народа бороться с внешним врагом оказалась настолько велика, что большевики не могли полностью игнорировать такие настроения. Однако эта подготовка косвенно была направлена как на защиту революции от посягательств правительства и правых сил, так и на защиту от германского наступления. В резолюции большевиков предусматривалось образование «революционного комитета обороны» (будущий Военно-революционный комитет), основная задача которого состояла бы в тщательном изучении всех мероприятий, относящихся к защите столицы, и в принятии всех возможных мер для вооружения рабочих в целях «содействия революционной обороне Петрограда и безопасности народа от атак, открыто готовящихся военными и корниловцами». Такой комитет, видимо, предполагалось создать по образцу Комитета народной борьбы против контрреволюции, созданного руководством Советов во время корниловского мятежа. И все же между этими двумя органами было большое различие: задача созданного в конце августа комитета состояла в защите Временного правительства от натиска контрреволюции, а одним из главных врагов предложенного большевиками комитета становилось теперь само Временное правительство.

Голосование 9 октября по резолюциям, предложенным меньшевиками и эсерами, а также большевиками в исполкоме Петроградского Совета, который, как в это время всеми считалось, находился под полным контролем большевиков, привело к неожиданному результату — незначительным большинством голосов была принята резолюция меньшевиков и эсеров. Участвовавшие в голосовании депутаты, видимо, вняли доводам умеренных элементов, что резолюция большевиков, предусматривающая создание независимого военного штаба наряду с правительственным, может резко подорвать усилия по обороне столицы. Однако обе резолюции были через некоторое время представлены на рассмотрение необычно многолюдного пленарного заседания Петроградского Совета, проходившего весьма бурно (позже один из репортеров отметил, что оно напоминало

первые дни Февральской революции); в результате активная позиция большевиков явно вызвала наиболее горячий отклик, получив абсолютную поддержку со стороны фабричных и гарнизонных представителей²³.

Итак, вот в чем вкратце состояла выдвинутая большевиками концепция Военно-революционного комитета, органа, который они использовали в последующем для дезорганизации и свержения Временного правительства. Публикации об Октябрьской революции в Советском Союзе времен Сталина создавали представление, что образование ВРК было непосредственным результатом решения большевистского Центрального Комитета 10 октября о вооруженном восстании и что с самого начала организация его была первостепенной задачей ВРК²⁴. Фактически такой взгляд на события прослеживается даже в ценном трехтомном сборнике документов, изданном в середине 60-х годов АН СССР²⁵. Но такое толкование, несомненно, вводит в заблуждение²⁶. В первой половине октября вопрос о создании беспартийного органа, подобного ВРК, никогда не поднимался в Центральном Комитете; идея о ВРК возникла 9 октября, то есть накануне принятия решения ЦК о подготовке к восстанию.

Вопрос о создании ВРК был рассмотрен руководителями военного отдела Петроградского Совета 11 октября и единодушно одобрен на заседании исполкома Петроградского Совета 12 октября, а также его солдатской секции — 13 октября и официально утвержден на пленуме Петроградского Совета вечером 16 октября, на том же заседании, которое одобрило предложение исполкома о встрече в Пскове. План работы ВРК, появившийся 16 октября, предусматривал создание комиссии для установления минимума боевой силы, необходимой для Петрограда (и следовательно, не подлежащей выводу), точного учета личного состава гарнизона, предметов вооружения и провизии и для разработки плана обороны столицы. В постановлении о создании ВРК также предусматривался созыв «гарнизонных совещаний», в первую очередь как ассамблей представителей всех частей гарнизона, которые проводились бы регулярно для укрепления связи ВРК с гарнизоном и между отдельными его частями²⁷.

Заслуживает внимания то, что этот план не носил столь агрессивного характера, как программа, которая вначале была отвергнута исполкомом, а позже была одобрена пленумом Петроградского Совета 9 октября; в плане, принятом 16 октября, ничего не говорилось о вооружении рабочих или о защите революции как от внутренней, так и от внешней угрозы. Несомненно, частично это стало результатом практических парламентских соображений; и все же несомненно то, что значительная часть большевиков вначале считала основной задачей нового комитета пресечение попыток правительства отправить большевизированные части Петроградского гарнизона на фронт и в целом защиту левых от атак, а не свержение правительства. Как уже говорилось выше, в эти дни Ленин и другие большевики — сторонники актив-

ники активных действий в качестве организатора восстания рассматривали не Петроградский Совет, а Военную организацию и съезд Советов Северной области. Только после завершения этого съезда, когда на заседаниях центральных органов партии 15 — 16 октября, обсуждавших вопросы стратегии, была осознана чрезвычайная важность увязки до открытия съезда Советов любых действий против правительства с защитой Советов и съезда Советов, руководители партии начали относиться к ВРК не просто как к органу, созданному для совместной обороны, а как к чему-то большему. Заслуживает внимания тот факт, что 15 октября на заседании Петербургского комитета его члены смутно представляли себе, какое отношение может иметь ВРК, который формировался в эти дни, к их собственным планам организации восстания. Лацис предложил лишь принять к сведению факт образования комитета и указал на необходимость определить официальное отношение к нему. Петербургский комитет рассмотрел вопрос о направлении в ВРК своих представителей, но в конце концов пришел к выводу, что желательно предварительно уточнить в ЦК его статус²⁸.

На заседании 16 октября ЦК, подтвердив свое решение от 10 октября, избрал Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Затем было подчеркнуто, что этот центр «входит в состав советского революционного комитета», тем самым впервые указав на возможность, что ВРК может стать руководящим органом в деле захвата власти²⁹. Однако ВРК провел свое организационное совещание лишь 20 октября; он избрал Бюро из 5 человек, в которое вошли три большевика (Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский) и два левых эсера (Лазимир и Сухарьков). До этого момента предполагалось: может случиться так, что меньшевики и эсеры окажутся широко представленными в комитете, поэтому лишь после того, как выяснился вопрос о составе и руководстве ВРК, большевистские стратеги могли с достаточной степенью уверенности связать с ними свои планы по захвату власти.

Примечательно, что между 9 и 22 октября создание и первые мероприятия ВРК — главную тему всех газет, включая «Рабочий путь», — практически полностью обошла молчанием газета «Солдат», что отражало стремление руководства Военной организации по-прежнему ревностно охранять свое главенство в вопросах, касающихся гарнизона. 19 или 20 октября Военная организация направила в ЦК письмо (его текст не опубликован), отстаивая крайнюю важность сохранения руководства вооруженным восстанием в руках Военной организации, а не обычных партийных органов или Петроградского Совета³⁰. Однако 20 октября, скорее всего после первого организационного заседания ВРК, Центральный Комитет отверг доводы Военной организации, подтвердив, что «все наши организации могут войти в революционный центр (созданный Петроградским Советом) и обсуждать там все интересующие их вопросы»³¹.

Важно отметить, что к этому времени у Ленина также сложилось мнение о потенциальном значении ВРК, видимо, как о беспартийном органе восстания, хотя в отличие от Троцкого и многих других главных стратегов партии он оставался абсолютно непреклонным в вопросе о захвате власти путем вооруженного восстания и, что не менее важно, о необходимости сделать это до II съезда Советов, открытие которого, намечавшееся на 20 октября, было 18 октября перенесено на 25-е. Поздним вечером, по-видимому между 20 и 23 октября³², по настоянию Ленина руководителей Военной организации Подвойского и Невского вместе с Антоновым-Овсеенко (в качестве руководителя исполкома, образованного на I съезде Советов Северной области) вызвали из Смольного в небольшую квартиру на Выборгской стороне для срочных переговоров. Судя по воспоминаниям об этой встрече Подвойского, Невского и Антонова-Овсеенко, в тот момент руководители Военной организации, так же как и Ленин, все еще представляли себе захват власти только в военном плане, то есть как хорошо организованное вооруженное восстание против существующего правительства. Подвойский попытался добиться от Ленина согласия на руководящую роль Военной организации в подготовке свержения Временного правительства, но безуспешно. Более того, опираясь на недавнее решение ЦК, Ленин настаивал на том, что Военная организация должна действовать только через ВРК и не пытаться влиять на его деятельность, что ВРК должен быть связан с самыми широкими массами и что личная инициатива будет всемерно поощряться³³.

По мнению Невского, основная цель Ленина на этой встрече состояла в том, чтобы «сломить последнее упрямство» в Военной организации в отношении восстания³⁴, ибо даже в этот момент в ее руководстве не было единства, и в целом оно с пессимизмом относилось к идее начать восстание без достаточной подготовки. Во время этой ночной встречи Антонов-Овсеенко рассказал о революционной ситуации в Финляндии, отметив, что артиллеристы в Свеаборге все еще находятся под влиянием меньшевиков и эсэров и что политическое сознание кубанских казаков, находящихся там, вызывает озабоченность. Что касается содействия, на которое могли рассчитывать большевики со стороны революционных частей в районе Балтики, то Антонов-Овсеенко выразил уверенность: флот поддержит призыв к восстанию. Однако он не стал преувеличивать значение той непосредственной военной поддержки, которую могли бы оказать матросы, предупредив, что «глубина фарватера будет недостаточной, что матросы на более крупных революционизированных кораблях опасаются подводных лодок и миноносцев и, наконец, что моряки не захотят оголять фронт». На что Ленин отреагировал следующим образом: «Но должны же они понять, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике». Антонов-Овсеенко ответил: «Не очень понимают. Можно дать два или три миноносца в Неву и прислать оборо-

нительный отряд матросов и выборжцев — всего 3 тыс. человек». «Мало», — недовольно сказал Ленин³⁵.

Невский и Подвойский вновь начали доказывать необходимость отсрочки начала восстания на 10 — 15 дней. Невский опять указал на трудности переброски революционных отрядов флота в столицу в нужный момент, а Подвойский говорил о необходимости дополнительного времени для координации подготовки к восстанию на фронте и в провинциальных гарнизонах. По убеждению Подвойского, хотя время и было на стороне большевиков, опасность крылась в преждевременных действиях.

Однако Ленин отмел эти возражения; Подвойский вспоминает, что он «проявил крайнее нетерпение» при первом упоминании об отсрочке. «Время на стороне правительства», а не большевиков, доказывал Ленин. «Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям более тщательно подготовиться к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта»³⁶. Снова и снова Ленин подчеркивал абсолютную необходимость свержения Временного правительства до съезда Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти»³⁷. Антонов-Овсеенко вспоминает, что доводы Ленина произвели и на него и на Невского очень сильное впечатление, но Подвойский продолжал сомневаться. В конце концов руководители Военной организации все-таки дали согласие работать совместно с ВРК и в целом максимально усилить готовность³⁸.

В эти дни и ВРК, и гарнизонное совещание, решение о созыве которого было официально одобрено Петроградским Советом 16 октября, проявляли активность. Гарнизонное совещание заявило о себе первым; представители основных военных частей в Петрограде и его окрестностях положительно откликнулись на призыв военного отдела Петроградского Совета направить своих представителей в Смольный на совещание, открывшееся 18 октября. Главная его задача состояла в том, чтобы выяснить, в каком объеме смогут оказать поддержку Петроградскому Совету отдельные части, например в противодействии правительству в вопросе о выводе основных сил гарнизона из столицы. На этом совещании каждый представитель сообщил о политических настроениях своего полка, и в частности его отношении к выступлению с оружием в руках против Временного правительства. Результаты этого неофициального совещания, отразившие сдвиг солдатской массы влево, что было вызвано угрозой отправки на фронт, крайне встревожили Временное правительство. Отчет об этом совещании свидетельствует, что 15 из 18 представителей частей выразили недоверие Временному правительству и твердую решимость передать власть Советам. В то же время результаты совещания были не совсем обнадеживающими и для большевиков. Около половины выступивших в поддержку власти

Советов проявили уклончивость в отношении вооруженных действий, тогда как другие прямо или косвенно дали понять: они поддержат «выступление» лишь в том случае, если оно будет организовано Петроградским Советом или Всероссийским съездом Советов. Представитель гвардии Егерского полка сказал: «Мы выступим лишь в том случае, если на это последует приказ Петроградского Совета, но выступим организованно и потребуем немедленного свержения правительства и передачи власти Советам»³⁹.

После этого совещания меньшевики и эсеры в Центральном Исполнительном Комитете полностью осознали опасность того, что большевики с успехом могут воспользоваться кризисом в гарнизоне для мобилизации солдат для восстания. Желая предотвратить такой поворот событий, они на следующий же день провели свое совещание представителей гарнизонных частей. Помимо представителей частей, расположенных в Петрограде, они тоже пригласили на эту встречу умеренно настроенных военнослужащих, якобы представлявших фронтовые армейские комитеты. Однако, несмотря на все ухищрения, итоги этого совещания оказались такими же мало утешительными для сторонников правительства, как и предыдущего.

В начале совещания Дан призвал солдат сосредоточиться на подготовке к Учредительному собранию и на борьбе против «немцев, контрреволюционеров и мятежей всех видов». Но вышло так, что аудитория оказалась более восприимчивой к доводу Троцкого, что наиболее эффектный путь поддержки Учредительного собрания — это передача власти Советам; Советы в свою очередь обеспечат в Учредительном собрании широкое представительство солдатских масс, а не соглашательски настроенных армейских комитетов. Один за другим представители гарнизона заявляли о своем доверии Советам и о готовности поддержать их. При этом даже представители фронтовых комитетов, от которых организаторы встречи могли ожидать большей поддержки, возражая против вооруженного восстания в существующих условиях, в то же время с энтузиазмом выступали за переход власти к Советам, за немедленный мир и передачу земли крестьянам. Организаторам встречи был нанесен еще один удар, ибо большинство ораторов высказалось против принятия какой-либо резолюции, поскольку встреча была проведена ЦИК без одобрения Петроградского Совета⁴⁰.

ВРК сформировался в период между 16 — 21 октября. В его состав, который до свержения Временного правительства, видимо, насчитывал всего несколько десятков человек, вошли большевики, левые эсеры и несколько анархистов (меньшевики с самого начала не пожелали войти в ВРК), а также представители Петроградского Совета, Совета крестьянских депутатов, Центробалта, Областного исполкома армии, флота и рабочих в Финляндии, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов. Как отмечалось выше, Бюро ВРК, состоявшее из большевиков и левых

эсеров, было создано для содействия повседневной работе ВРК. С одобрения большевиков председателем Бюро и всего ВРК стал левый эсер Павел Лазимир, старший помощник военного врача, председатель солдатской секции Петроградского Совета; это усилило представление о ВРК как о беспартийном органе. Однако в наиболее критические дни Октябрьской революции в Петрограде, то есть между 21 и 25 октября, Подвойский, Антонов-Овсенко и Троцкий исполняли обязанности председателя ВРК так же часто, как и Лазимир.

Со времени своего создания ВРК занимал несколько комнат на третьем этаже Смольного, вечно переполненных спящими людьми; здесь встречались руководители комитета, обсуждали последние события. В полном составе комитет собирался редко, и в самые критические моменты тактика ВРК, по-видимому, определялась присутствовавшими здесь в это время членами комитета, которые действовали в соответствии с собственными оценками ситуации и собственными взглядами на развитие революции⁴¹.

Отчасти потому, что большевики занимали главенствующее положение в ВРК, западные историки склонны рассматривать его лишь как подставной орган, который жестко контролировался большевистским ЦК или Военной организацией⁴². Такая оценка ошибочна. Большевики действительно играли руководящую роль в комитете, однако они не были его единственными членами, и даже среди них не было единодушия в понимании задач комитета. Кроме того, опубликованные протоколы о работе ЦК в эти дни свидетельствуют, что на его заседаниях крайне редко упоминалось о деятельности ВРК; в это время ЦК уделял большую часть своего внимания внутривластным вопросам, тому, например, какие меры следует принять по отношению к Каменеву и Зиновьеву, а также выработке позиции на предстоящем съезде Советов. Со своей стороны, по крайней мере до захвата власти, руководство Военной организации подчинялось решению ЦК от 20 октября и работало в структуре ВРК, внешне беспартийной.

На своем первом организационном заседании 20 октября перед ВРК прежде всего, по-видимому, встала задача защиты Петроградского Совета от нападков и дальнейшего укрепления его престижа в частях гарнизона. Членов комитета особенно беспокоила возможность возникновения беспорядков в воскресенье 22 октября. Руководители Петроградского Совета официально объявили 22 октября Днем Петроградского Совета с проведением митингов и концертов. Первоначальная цель этого мероприятия состояла в сборе средств на нужды Совета, но что более важно, еще в одной возможности проверить степень поддержки массами радикальной программы Петроградского Совета. Однако 22 октября отмечалась также 105-я годовщина со дня изгнания наполеоновских войск из Москвы; Совет союза казачьих войск в ознаменование этого события объявил о проведении в

полдень крестного хода. Левые лидеры не без оснований опасались, что в накаленной обстановке крайне правые силы могут использовать это шествие казаков для организации вооруженного столкновения⁴³. В последний момент казаки отменили крестный ход. Все же 20 октября ВРК первым делом направил своих представителей в основные воинские части и арсеналы в качестве меры предосторожности против возможных контрреволюционных выступлений⁴⁴.

В конце заседания 20 октября ВРК постановил провести следующее гарнизонное совещание утром 21 октября; на нем, а затем на последующих — 22 и 23 октября — был установлен тесный контакт ВРК с отдельными частями гарнизона. Заседание 21 октября началось зажигательной речью Троцкого, который, явно намекая на крестный ход казаков, предупредил о «надвигающихся угрожающих событиях» и призвал рабочих и солдат объединиться вокруг Петроградского Совета, поддерживать ВРК и помочь Советам в борьбе за власть. Корреспондент меньшевистско-эсеровской газеты «Голос солдата» так писал о реакции собравшихся:

«После речи Троцкого ряд выступавших говорили о необходимости немедленной передачи власти Советам; собравшиеся были так наэлектризованы, что, когда рядовой Гольдберг заявил с трибуны, что обсуждаемый вопрос не совсем понятен, участники совещания не только разразились криками «Долой», «Убирайся», но полностью помешали оратору объяснить, что он хотел сказать.

Представитель 4-го Донского казачьего полка заявил, что его полковой комитет решил не участвовать в намечавшемся религиозном шествии. Представитель 14-го Донского казачьего полка вызвал оживление, заявив, что его полк не только не поддержит контрреволюционные действия, откуда бы они ни происходили, но будет всеми силами бороться с контрреволюцией. «В этом я жму руку моим товарищами из 4-го полка» (при этом оратор наклонился с трибуны и пожал руки казакам из 4-го полка). В ответ все собравшиеся разразились криками горячей поддержки и оглушительными аплодисментами, не смолкавшими долгое время».

Совещание завершилось принятием составленных Троцким резолюций о ВРК, Дне Петроградского Совета и задачах Всероссийского съезда Советов. Вместе взятые, все эти резолюции говорят как об усилении активности Петроградского гарнизона в связи с угрозой отправки на фронт, так и о замыслах комитета использовать лозунг защиты революции для мобилизации масс для поддержки Петроградского Совета и захвата власти. В резолюции о ВРК, принятой 21 октября на гарнизонном совещании, приветствовалось рождение этого комитета и выражалась полная поддержка «всем шагам, направленным на более тесную связь фронта с тылом в интересах революции». Резолюция о Дне Петроградского Совета предостерегала «братьев-

казаков» об опасности стать жертвами врагов революции и призывала их вместо этого принять участие в митингах, организуемых левыми; она также предупреждала, что любые попытки корниловцев и буржуазии внести замешательство и раскол в ряды революции встретят беспощадный отпор. И наконец, резолюция о съезде Советов одобрила все политические решения Петроградского Совета, призвала предстоящий Всероссийский съезд Советов «взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб», в ней также говорилось, что «Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека»⁴⁵.

Заручившись заверениями о поддержке, ВРК вступил в решительную схватку с правительством за установление полного контроля над гарнизоном. Во-первых, ВРК начал направлять своих комиссаров, замняя ими тех, кто поддерживал правительство, во все части гарнизона и на все склады оружия и боеприпасов. Затем ночью 21 октября он послал группу своих представителей — в нее вошли Лазимир, Садовский и Мехоношин — в Генштаб, с тем чтобы официально заявить о правах ВРК на верховную власть над частями гарнизона. Представителей комитета, прибывших туда в полночь, провели в кабинет Полковникова. Садовский сразу перешел к делу. Он заявил, что «все приказы командующего должны скрепляться подписью одного из комиссаров (т.е. комиссаров ВРК. — А.Р.) и что без них приказы будут считаться недействительными...»⁴⁶. Полковников возразил, что за гарнизон отвечает он: «Мы знаем только ЦИК (т.е. комиссара ЦИК, уже работающего с ним), мы не признаем ваших комиссаров. Если они нарушат закон, мы их арестуем»⁴⁷. После этого представители ВРК вернулись в Смольный.

В штабе ВРК Лазимир, Садовский, Мехоношин встретились с Антоновым-Овсеенко, Свердловым и Троцким; они начали обдумывать, как воспользоваться отказом от сотрудничества со стороны командования Петроградского военного округа⁴⁸. Следует отметить, что именно Троцкий составил проект обращения к гарнизонному совещанию для распространения его вечером этого дня среди всех воинских частей. Он стал одним из основных документов Октябрьской революции в Петрограде — декларацией, по сути дела лишавшей Временное правительство власти над частями гарнизона. Троцкий писал:

«На собрании 21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг ВРК... как своего руководящего органа. Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22 октября не признал ВРК, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции Совета. Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил... Охрана революцион-

ного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством ВРК. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, не действительны... Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон»⁴⁹.

Несколько лет спустя Троцкий размышлял о том, сознавал ли Лазимир, что, сотрудничая с ВРК, он принимал участие в заговоре свержения Временного правительства или же его участие лишь отражало «неопределенные настроения левых эсеров»⁵⁰. Троцкий считал, что второе предположение более справедливо, и, возможно, так оно и было в действительности. Однако вряд ли подлежит сомнению то, что Садовский, Мехоношин, Свердлов и, конечно, Троцкий рассматривали действия ВРК как часть осознанного, последовательного процесса подрыва власти правительства.

Большинство советских историков приходят к заключению, что Октябрьское восстание началось 24 октября в основном в силу сложившихся политических условий. Однако при этом упускаются из виду чрезвычайно важные шаги, предпринятые ВРК 21 — 22 октября. Известный чешский специалист по русской революции М.Рейман совершенно справедливо пишет, что «уже 21 и 22 октября ВРК фактически берет на себя руководство гарнизоном. Его действия не только по фактическому положению, но и по закону считались бы в любом государстве актом прямого бунта и восстания»⁵¹.

В воскресенье 22 октября, в День Петроградского Совета, наиболее популярные ораторы большевиков, в том числе Троцкий, Володарский, Лашевич, Коллонтай, Раскольников и Крыленко, выступали на массовых политических митингах на заводах и в различных залах во всех районах столицы. Даже Каменев много выступал на митингах; игнорируя прямое указание ЦК публично не выражать взгляды, противоречащие его решениям, он воспользовался моментом, чтобы вновь высмеять возможность участия партии в восстании до созыва съезда Советов⁵².

Митинг, состоявшийся 22 октября в Народном доме на правом берегу Невы, был типичным в ряду других, успешно проведенных в пользу Петроградского Совета. Еще задолго до его начала громадная масса заводских рабочих, солдат и незначительное число горожан из среднего сословия заполнили колоссальный зал, чтобы прежде всего увидеть и услышать легендарного Троцкого, главного оратора. В своем выступлении Троцкий не сказал почти ничего сверх того, что неоднократно говорилось большевиками. Утверждая, что Петроград находится на грани сдачи немцам, он заявил, что сами рабочие и солдаты должны взять на себя ответственность за защиту подступов к столице. Революционный пожар, разожженный большевиками, продолжил он, будет настолько сильным, что охватит не только Россию, но и весь мир. Взяв власть в свои руки, Советы прежде всего дадут мир, отменят частную собственность, конфискуют зерно, припрятан-

ное помещиками, излишки денег, одежды, обуви у буржуазии, раздадут землю крестьянам⁵³.

Возможно, предчувствие неизбежности грозных событий или же ораторское искусство Троцкого, а может быть, и то и другое вместе взятое, но его речь крайне возбудила аудиторию. Присутствовавший корреспондент газеты «Речь» озадаченно отмечал, что после того, как Троцкий призвал дать клятву поддержать Петросовет, когда он перейдет от слов к делу, вся громадная масса людей подняла руки и закричала: «Клянемся!» Суханов, один из участников митинга, позже писал:

«Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию... Кто за? Тысячная толпа как один человек подняла руки... Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать руки. Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!

Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется...»⁵⁴

Во время этих митингов военные власти предприняли попытку установить контакт с ВРК. Утром Полковников пригласил представителей полковых и бригадных комитетов гарнизона, а также ЦИК, ИВСКД и Петроградского Совета на экстренное совещание в Генштаб с очевидной целью вынудить ВРК отказаться от намерения налагать вето на приказы военных властей. Однако еще до совещания у Полковникова быстро созванное совещание представителей гарнизона в Смольном одобрило заявление Троцкого, сделанное им накануне. Через некоторое время было получено приглашение Полковникова на встречу в Генштабе. Гарнизонное совещание направило в Генштаб делегацию во главе с Дашкевичем. От имени совещания Дашкевич вновь заявил, что все приказы военного командования отныне должны подтверждаться ВРК. Пробыв в Генштабе непродолжительное время, делегация удалилась⁵⁵. Слабость командования Петроградского военного округа проявилась в том, что в сложившейся ситуации Полковников попытался еще раз урегулировать мирным путем спор о власти над гарнизоном; он вновь направил в ВРК приглашение встретиться на следующий день для обсуждения вопроса о представительстве Совета в Генштабе.

Весь день и ночь с 22 на 23 октября Керенский обсуждал со своими главными советниками вопрос о надвигавшемся кризисе. Из всех районов города поступали сообщения о массовых митингах, организованных большевиками, с выражением широкой народной поддержки левых. И все это в дополнение к прямому вызову ВРК правительству в отношении руководства гарнизо-

ном. Вечером начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я.Багратуни отдал распоряжение штабу Северного фронта о подготовке к быстрой отправке в столицу пехотной бригады, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. Войтинский с Северного фронта ответил, что такая заблаговременная подготовка без знания целей использования военных сил абсолютно невозможна. Подобный ответ следует понимать как опасение того, что солдаты заподозрят неладное и воспротивятся этому шагу⁵⁶. Через некоторое время Керенский предложил генералу Черемисову срочно прибыть в Петроград, очевидно для обсуждения вопроса о немедленной посылке в столицу верных правительству воинских частей. Кроме того, обсудив положение со своими коллегами-министрами, Керенский внес предложение направить воинские части для ареста членов ВРК и ликвидации комитета. Однако Полковников убедил его повременить с этим. Командующий Петроградским военным округом выразил надежду, что на следующий день при встрече с ВРК удастся убедить его членов изменить свою непреклонную позицию. Затем премьер-министр отдал распоряжение генералу Багратуни направить Совету жесткий ультиматум: или он немедленно откажется от своего заявления от 22 октября, или военные власти примут любые меры, необходимые для восстановления закона и порядка⁵⁷.

Тем временем начатая ВРК 21 октября замена ранее назначенных правительством комиссаров приобрела широкий размах. Большинство вновь назначенных комиссаров были только что освобожденными из тюрем известными деятелями Военной организации; почти везде их встречали с энтузиазмом. 23 октября, когда замена комиссаров близилась к своему завершению, ВРК издал приказ, предоставивший его комиссарам неограниченное право накладывать вето на приказы военных властей. Этот приказ, появившийся в левой печати и распространенный по всему городу, оповещал население о том, что в интересах защиты завоеваний революции от посягательств контрреволюции комиссары ВРК назначаются в воинские части и наиболее важные пункты столицы и ее окрестностей, причем приказы и распоряжения для этих частей и пунктов должны исполняться лишь после утверждения их уполномоченными ВРК комиссарами⁵⁸.

Постоянное ухудшение военного положения Временного правительства в столице усугубилось переходом на сторону ВРК гарнизона стратегически важной Петропавловской крепости и установлением контроля над прилегающим к ней Кронверкским арсеналом — главным складом оружия и боеприпасов. Одну из немногих неудач в борьбе за власть над столичным гарнизоном ВРК потерпел 19 октября именно в этой крепости, так как комитеты частей, расквартированных в ней, приняли резолюцию против «выступления». Когда ВРК тремя днями позже направил туда своего комиссара, были опасения, что его могут арестовать враждебно настроенные солдаты⁵⁹. Особую тревогу вызывало

отношение к левым батальона самокатчиков, находившихся в крепости с июльских дней.

22 октября Троцкий, Подвойский, Антонов-Овсеенко, Лашевич и другие члены ВРК обсудили положение в крепости. Антонов-Овсеенко впоследствии вспоминал, что на этом заседании он выступал за отправку преданных большевикам подразделений Павловского полка для захвата старой крепости. Однако Троцкий, не желая обострять ситуацию, убедил членов комитета в необходимости попытаться овладеть крепостью изнутри. «Не может быть, чтобы там все войска не сочувствовали нам», — якобы сказал он⁶⁰.

Чтобы завоевать гарнизон путем убеждения, ВРК в полдень 23 октября созвал массовый митинг с участием самокатчиков и всех других солдат на главном плацу крепости⁶¹. Лашевич вспоминает, что, прибыв на митинг, он увидел множество известных правых эсеров и меньшевиков, а также коменданта крепости, готовых бросить вызов большевикам, вознамерившимся заручиться поддержкой гарнизона. Митинг, на котором Лашевич и Чудновский отстаивали позицию ВРК, продолжался уже несколько часов, когда появился Троцкий, чтобы испытать на солдатах свою силу убеждения. Лашевич писал позже: «Во время выступления Чудновского внезапно раздались оглушительные крики «ура» и аплодисменты. Чудновский стал оглядываться кругом, чтобы понять причину этого взрыва. Вдруг на его лице появилась довольная улыбка: «Я уступаю свое место товарищу Троцкому», — громко объявил он. Троцкий поднялся на трибуну... Наконец установилась тишина, и последовала не столько речь, сколько вдохновенная песня»⁶².

Массовый митинг на плацу крепости продолжался еще долго после того, как Троцкий закончил выступление; стемнело, и солдаты перешли из крепости в близлежащий цирк «Модерн». В конце концов большинство солдат проголосовало за передачу власти Советам и за выполнение распоряжений ВРК. Лашевич вспоминает: «В 8 часов вечера в крайне напряженной атмосфере вопрос был поставлен на голосование... Все, кто был за ВРК, переходят на левую сторону, а его противники — на правую. С криками «ура» подавляющее большинство солдат бросилось влево. В оппозиции ВРК осталась небольшая группа офицеров и самокатчиков»⁶³.

Завоевание Петропавловской крепости, орудия которой смотрели в сторону Зимнего дворца, стало победой громадной психологической и стратегической важности. Кроме того, с установлением контроля над Кронверкским арсеналом практически все основные оружейные склады оказались в распоряжении ВРК, который мог теперь выдать оружие и боеприпасы своим сторонникам. Однако эти неожиданно легкие успехи нейтрализовались тем, что левые эсеры упорно сопротивлялись всем мерам, которые могли расценить в массовых организациях как поддержку идеи свержения правительства до созыва съезда Со-

ветов⁶⁴. К тому же поступавшие сведения о политических настроениях на фронте были крайне противоречивыми. Бесчисленные письма с фронта свидетельствовали, что настроение окопного солдата не очень-то отличалось от его собрата в столичном гарнизоне, однако позиция отдельных фронтовых делегаций, прибывавших в Петроград на съезд Советов, создавала впечатление, что, если в столице произойдет восстание до съезда, многие крупные фронтовые соединения могут откликнуться на призыв ЦИК о помощи. Более того, большевистские стратеги в Петрограде все еще сомневались в степени поддержки рабочими и солдатами столицы немедленных военных действий против правительства. Не могли они также игнорировать и то, что сепаратные и чисто военные методы не получают одобрения со стороны местных органов партии, широко представленных в большевистской фракции съезда Советов. Так, кстати, произошло в начале лета, когда большевистская фракция на I Всероссийском съезде Советов фактически поддержала выступавших против плана ЦК провести вооруженную демонстрацию 10 июня; в ходе VI съезда РСДРП, когда делегаты из местных организаций подвергли критике ЦК за его позицию в июльские дни; и совсем недавно, после Демократического совещания, когда его большевистская фракция добилась отмены решения ЦК РСДРП(б) о бойкоте Предпарламента.

С другой стороны, был расчет на то, что в случае выступления правительства против партии большевиков до съезда Советов или после образования съездом нового правительства она сможет рассчитывать на поддержку левых эсеров, солдат на фронте и в тылу, на сплоченные ряды большевиков и на широкий фронт массовых организаций — от Петросовета до фабрично-заводских комитетов. Тогда вина за пролитую кровь пала бы на режим Керенского, а возможность сохранения власти левыми силами безгранично бы увеличилась. Такой курс мог бы привести к созданию коалиционного социалистического правительства, включавшего и умеренные элементы, а не правительства, состоящего только из левых. Очевидно, Ленин был одним из немногих большевистских руководителей, для которых стремление безотлагательно создать режим только левых сил перевешивало опасность самостоятельных ультрарадикальных действий.

Поэтому, бесспорно, несмотря на достигнутые успехи, по вышеуказанным и другим причинам ВРК не перешел границу между действиями, которые можно было бы представить как оборонительные, и мерами, которые выглядели бы как узурпация прерогатив съезда Советов. На пленарном заседании Петроградского Совета вечером 23 октября Антонов-Овсеенко в докладе о деятельности ВРК доложил о мероприятиях комитета, оправдывая их необходимостью защиты революции, созыва съезда Советов и Учредительного собрания. После его доклада большинство депутатов поддержало представленную большеви-

ками резолюцию с одобрением мер, принятых ВРК, и всех аналогичных шагов, которых может потребовать ситуация. В формулировках резолюции отражалась суть тактики, которой все еще придерживались левые:

«Петроградский Совет констатирует, что благодаря энергичной работе ВРК связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась, и выражает уверенность, что только дальнейшей работой в этом же направлении будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов»⁶⁶.

Осторожность ВРК в вопросах тактики с особой ясностью еще раз проявилась в этот же вечер, когда комитет внезапно заявил о том, что он принимает ультиматум Петроградского военного округа и отменяет свое заявление от 22 октября⁶⁷. Сохранились только отрывочные данные о том, как это произошло. По-видимому, меньшевики-центристы Гоц и Богданов выступили в комитете, пытаясь убедить его членов отказаться от требования о полном контроле над деятельностью военного командования столицы. Гоц и Богданов, вероятно, были недовольны отношением к своему призыву, ибо позже они выступили с заявлением о том, что ЦИК порывает отношения с ВРК и оставляет Смольный⁶⁸. Материалы об этом заседании опубликованы не были, за исключением воспоминаний Антонова-Овсеенко. Хотя, видимо, и не совсем точно воспроизводящие детали, они свидетельствуют о том, что после ухода Гоца и Богданова ВРК внял резким возражениям левых эсеров (которые, видимо, угрожали выходом из комитета, если он не пойдет на это) и умеренных большевиков во главе с Рязановым⁶⁹.

Осторожность была девизом в Смольном, чего нельзя сказать о Зимнем дворце, ибо в это время Керенский решил, что настал момент для открытого подавления левых сил. Получив известие о видимой готовности ВРК прийти к соглашению с командованием Петроградского военного округа, он счел это заявление тактическим шагом с целью лишь временной оттяжки прямого военного столкновения с правительством, чем, по существу, оно и было. Явно переоценивая потенциал военной поддержки правительства в столице и в любом случае рассчитывая на быструю переброску войск с фронта, Керенский заявил о своем намерении арестовать всех членов ВРК. Но как и в предыдущий вечер, более здравомыслящие члены кабинета убедили Керенского не предпринимать таких крутых мер; вместо этого кабинет согласился начать уголовное преследование членов ВРК за подстрекательство к гражданскому неповиновению и деятельность, направленную против законного правительства. Прежде всего кабинет решил вновь подвергнуть заключению тех большевиков, обвиненных в участии в июльских событиях, которые, будучи освобожденными под залог, вели антиправительственную агитацию; осуществление этого плана помогло бы обезвредить многих видных руководителей левых сил, в том числе Троцкого.

Правительство отдало также распоряжение о закрытии газет «Рабочий путь» и «Солдат» и, как бы демонстрируя непредвзятое отношение, «Живого слова» и «Новой Руси» — газет крайне правых. Издатели этих газет, а также авторы статей с призывом к восстанию подлежали суду по уголовным обвинениям⁷⁰.

Штабу Петроградского военного округа предписывалось принять все необходимые меры для осуществления решений кабинета. Генерал Баградуни отдал приказы юнкерам Павловского, Владимирского и Константиновского военных училищ в Петрограде, школам прапорщиков в Петергофе и Гатчине, батарее конной артиллерии в Павловске, стрелковому «полку увечных воинов» в Царском Селе, 1-му женскому ударному батальону в Левашове прибыть на Дворцовую площадь⁷¹.

Предвидя негативную реакцию на эти меры со стороны демократических сил, Керенский согласился с рекомендациями своих коллег о целесообразности лично самому выступить в Предпарламенте на следующий день и оправдать их необходимость. Однако открытое наступление Временного правительства на крайне левые силы не заставило себя ждать. На рассвете 24 октября отряд юнкеров и милиции совершил налет на типографию «Труд», где печаталась газета «Рабочий путь», и закрыл ее. Несколько тысяч только что отпечатанных экземпляров газеты были захвачены, а матрицы уничтожены. Юнкера опечатали входы в здание и поставили караул, чтобы помешать типографии возобновить работу.

Накануне

Поздней ночью с 23 на 24 октября после напряженного дня, прошедшего в совещаниях и дискуссиях по вопросам стратегии, Ломов и Рыков вместе с некоторыми другими губернскими большевистскими лидерами, которые недавно прибыли в Петроград к началу II Всероссийского съезда Советов, улеглись спать прямо на кипы книг и брошюр в большевистском издательстве «Прибой», расположенном недалеско от Смольного. Спустя каких-нибудь 3 — 4 часа Ломова разбудил настойчивый телефонный звонок. Некоторое время он ждал, что кто-нибудь другой, преодолевая предрассветный холод, подойдет к телефону, затем встал, взял трубку и услышал возбужденный голос Троцкого, который призывал Ломова и его товарищей в штаб ВРК: «Керенский выступил... Все в Смольный!»¹

Не успел Троцкий насладиться успехом в установлении контроля над Петропавловской крепостью, как в Смольный стали поступать первые сообщения о том, что Керенский собирает верные ему войска, находящиеся за пределами столицы, а также о репрессиях правительства в отношении крайне левых. Вскоре связные ВРК начали передавать по телефону из окрестностей столицы сведения о тревожной активности воинских подразделений в их районах, а рабочие типографии «Труд» прибыли с известием о налете на редакцию «Рабочего пути». В промежутках между телефонными переговорами с партийными деятелями, находившимися в Смольном и на квартирах, руководители ВРК (в частности, Троцкий, Лазимир, Свердлов, Антонов-Овсеенко, Подвойский и Лашевич) составили и разослали приказ полевым комитетам и комиссарам в военных частях и на важных объектах в районе Петрограда. Приказ под заголовком «Предписание № 1» гласил: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность; ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Настоящим предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений. Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции»².

Однако привести силы восставших в состояние боевой готовности — это одно, а решить вопрос о том, какие прямые военные меры необходимо предпринять в ответ на открытое наступление правительства, — совсем другое. Лишь несколькими часами ранее ВРК отказался от вооруженной конфронтации с правительством, по-прежнему справедливо опасаясь, что это не получит достаточной поддержки масс. К утру 24 октября в столицу прибыло значительное число делегатов съезда Советов, настроение которых позволяло сделать вывод о том, что при поддержке левых эсеров можно рассчитывать на прочное большинство голосов за передачу власти Советам и создание съездом полностью социалистического правительства³. Однако выступление правительства Керенского против левых сил кардинально изменило ситуацию. Если бы Керенский не получил отпора, если бы ему удалось мобилизовать значительные военные силы, верные правительству, и вновь упрятать левых лидеров за решетку, вполне возможно, съезд Советов мог бы вообще не состояться. Даже если бы он состоялся, то продуманные и до сих пор успешные усилия ВРК, направленные на свержение правительства либо непосредственно перед съездом, либо сразу после его открытия, были бы серьезно подорваны.

С учетом этих соображений некоторые члены ВРК теперь выступили за немедленное начало вооруженного восстания. Однако большинство членов ВРК во главе с Троцким все же настаивали на решительных, но в то же время более осторожных ответных мерах. Троцкий тут же направил приказ солдатским комитетам двух наиболее организованных и наиболее революционных частей гарнизона — Литовского полка и 6-го саперного батальона — обеспечить открытие типографии «Труд» и ее защиту. В приказе говорилось, что «Совет рабочих и солдатских депутатов не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать»⁴.

Этот приказ был выполнен немедленно; рота солдат Литовского полка с пулеметами под командованием Дашкевича прибыла к зданию, где размещалась типография «Труд», в 9 часов утра. Игнорируя заявление ВРК, с которым он выступил предыдущей ночью, Дашкевич прямо заявил, что «приказы правительства без подтверждения их ВРК являются недействительными». Его солдаты оттеснили верных правительству милиционеров и открыли опечатанные двери типографии; через несколько часов выпуск «Рабочего пути» возобновился. Корреспондент «Биржевых ведомостей», описывая эти события в вечернем выпуске газеты от 24 октября, отметил, что «товарищи солдаты не предприняли таких же усилий для выпуска газеты «Живое слово», которая также была закрыта.

В это время в Смольском Свердлову удалось созвать заседание ЦК партии. На нем присутствовали Ломов, Дзержинский, Свердлов, Бубнов, Ногин, Милютин, Иоффе, Урицкий, Троцкий и Берзин, а также Каменев, чей выход ранее из состава ЦК, по-ви-

димому, просто не был замечен⁵. Поскольку кризис обострялся и поскольку членов ЦК в этой ситуации было трудно быстро собрать, в первую очередь они вынесли решение весь день не покидать Смольный без особого разрешения. Следует отметить, что прежде всего ЦК обсудил не вопрос о выступлениях правительства против левых, а ход переговоров между ВРК и полковником Полковниковым о требовании Петроградского Совета контролировать военные операции; вначале члены ЦК, скорее всего, ошибочно полагали, что правительство предприняло действия до принятия ВРК условий Петроградского военного округа. Только после того, как Каменев доложил о ранее заключенном соглашении, ЦК перешел к рассмотрению ситуации с типографией «Труд» и в конечном итоге одобрил отправку отряда на ее защиту, а также другие необходимые меры по обеспечению регулярного выхода партийных газет.

Членов Центрального Комитета, вероятно, больше всего беспокоило то, что служащие почты, телеграфа и железнодорожники, которые по-прежнему оставались под сильным влиянием умеренных социалистов, выступают против свержения Временного правительства и в случае взятия власти Советами попытаются изолировать столицу. В условиях, когда политические события вокруг съезда Советов, по-видимому, достигли своего апогея, а установление революционной власти Советов казалось неизбежным, члены ЦК также обсудили такие вопросы, как снабжение продовольствием и поддержание тесных рабочих контактов с левыми эсерами. На Бубнова была возложена ответственность за установление связи с железнодорожниками, а на Дзержинского — с почтово-телеграфными служащими. Милютину поручили вопросы продовольственного снабжения, а Каменеву и Берзину — установления политических контактов с левыми эсерами. По настоянию Троцкого в конце заседания ЦК принял решение о дополнительных мерах предосторожности — создании запасного штаба в недавно перешедшей на сторону Советов Петропавловской крепости в случае, если Смольный захватят верные правительству войска.

Историческое значение заседания Центрального Комитета 24 октября не только в том, что был обсужден ряд вопросов, но и в не меньшей степени в том, что многие вопросы были обойдены молчанием. Как уже говорилось, утром 24 октября некоторые члены ВРК выступили за немедленный призыв к массовому восстанию. Примерно в то же время Петербургский комитет, собравшись впервые после 15 октября и оценив последние события, официально призвал к «безотлагательной» подготовке восстания⁶. В то же время в ЦК, не в последнюю очередь из-за отсутствия Ленина, жизненно важный вопрос о том, следует ли попытаться свергнуть Временное правительство немедленно или, во всяком случае, до съезда Советов, по-видимому, серьезно не обсуждался. Очевидно, что в тот момент большинство членов ЦК предпринимали меры по нейтрализации действий про-

тивника и по сохранению или укреплению позиций левых сил, с тем чтобы максимально использовать съезд Советов для окончательного решения спора с правительством в свою пользу. Важное значение в этой связи приобретают замечания о позиции Центрального Комитета, сделанные Сталиным 24 октября на заседании делегатов большевистской фракции съезда. Он заявил: «В рамках ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить вначале силы. ЦК РСДРП(б) присоединился ко 2-му»⁷.

Наиболее полное отражение эта позиция большевистского ЦК и ВРК в отношении роли съезда Советов в осуществлении задачи свержения Временного правительства и установления революционной власти Советов нашла в редакционной статье, написанной Сталиным для газеты «Рабочий путь», которая распространялась на улицах во второй половине дня 24 октября. Озаглавленная «Что нам нужно», статья призывала рабочих и солдат формировать делегации в целях оказания прямого давления на съезд Советов для замены правительства Керенского революционной властью. Сталин писал: «...Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить правительством, народом признанным, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян, ответственным перед этими представителями...

Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти новое правительство рабочих и крестьян?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России объявило... отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли без выбора крестьянским комитетам?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало вконец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дороговизну?

Если вы хотите этого, соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном». Тактическая осторожность руководства большевистской партии также нашла отражение в статьях «Пролетарского дела» от 24 октября, издаваемого кронштадтскими большевиками, и в новой вечерней газете Петроградского Совета «Рабочий и солдат», которая контролировалась большевиками. Всю первую полосу «Рабочего и солдата» вечером 24 октября занимало воззвание ВРК к населению Петрограда под крупным заголовком «Всероссийский съезд начнется 25 октября». Оно гласило: «Граждане, контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать

учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от покушений контрреволюционных погромщиков.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств...

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции — в твердых руках!

Военно-революционный комитет».

Сохранявшаяся ориентация большевиков на съезд Советов хорошо просматривается не только в прессе, но также и в публичных заявлениях: в своей речи днем перед представителями фракции большевиков на съезде Сталин привлек внимание к тактической позиции Центрального Комитета, а Троцкий прежде всего попытался рассеять опасения большевистских руководителей, приехавших из всех уголков России, относительно того, что революция находится в непосредственной опасности и что ВРК в какой-то мере посягает на полномочия съезда. Он заявил:

«Правительство бессильно; мы его совершенно не боимся... ибо у нас достаточно средств... Некоторые из наших товарищей, например Каменев и Рязанов, расходятся с нами в отношении оценки момента. Мы, однако, не отклоняемся ни вправо, ни влево. Наша линия диктуется самой жизнью. Мы крепнем с каждым днем. Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Завтра... выявится настоящая воля народа. На его клич откликнется не только Петроград»⁸.

Один из участников этой встречи, Михаил Жаков, писал на следующий день, что в конце своей речи Троцкий убеждал: арест Временного правительства не стоит в повестке дня как самостоятельная задача. По его словам, Троцкий заявил: «Если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос. Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые «охраняют» Зимний дворец, для ареста правительства, но зато не ошибка решение ВРК открыть типографию «Рабочего пути» и возложить охрану вместо юнкеров на доблестный Литовский полк. Это оборона, товарищи, это оборона». Жаков отмечает, что в этот момент речь Троцкого была прервана громом аплодисментов⁹.

На состоявшемся через несколько часов заседании Петросовета Троцкий выступил с аналогичных позиций, настаивая на том, что «конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов». Далее он продолжал: «Мы считаем, что съезд Советов проведет этот лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который ему осталось жить, — 24, 48 или 72 часа — и выступить против нас, то мы ответим контр-

наступлением, ударом на удар, сталью на железо»¹⁰. Кроме того, приблизительно в то же время по настоянию левых эсеров ВРК опубликовал сообщение, в котором категорически отрицал, что готовится восстание: «Вопреки всякого рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных (и погромных) посягательств»¹¹.

В то время как большевики стремились расширить поддержку своей программы на съезде Советов и проводили подготовку к созданию съездом революционного правительства, Керенский отчаянно пытался осуществить свои планы по подавлению левых сил и, что не менее важно, укреплению своих позиций. Значительную часть утра 24 октября он провел в Генштабе, добиваясь ускорения отправки в столицу верных правительству войск с фронта. Были отданы приказы о немедленном отстранении всех комиссаров ВРК, а всем частям гарнизона было строго запрещено покидать казармы без особого разрешения штаба Петроградского военного округа¹².

В первой половине дня стало ясно, что подавляющее большинство войск подчиняется указаниям крайне левых сил, а не военного командования. Выше уже говорилось о той готовности, с которой солдаты Литовского полка выполнили приказ Троцкого обеспечить возобновление работы типографии «Труд». Типичным также является поведение более 500 членов экипажа крейсера «Аврора», на котором завершался ремонт на франко-русской верфи. Придя к выводу, что революционный экипаж «Авроры» склонен поддержать ВРК, морское командование приказало кораблю выйти в море для пробы машин. Однако по настоянию ВРК Центробалт отменил этот приказ, а матросы заставили офицеров отказаться от выхода в море. Корабль остался в Петрограде¹³.

Защитники правительства начали понимать, что прибытие значительных военных контингентов в Петроград в лучшем случае серьезно задержится. Некоторые воинские части, получившие приказы о выступлении в ночь с 23 на 24 октября и на следующий день, сразу же заявили о своем нежелании двинуться на помощь правительству, а другие части не сумели сделать этого из-за противодействия сил, поддерживающих ВРК. Кроме того, как и в период корниловщины, движущиеся с фронта войска остановились далеко от столицы, поскольку большая часть фронтовых солдат с готовностью поддержала ВРК, как только им была разъяснена суть борьбы между правительством и Петроградским Советом.

Около полудня рота ударного женского батальона, примерно 200 человек, прибыла к Зимнему дворцу. В 2 часа дня к ним присоединились 68 юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Кроме того, во дворце уже находились или прибыли на де-

журство ночью и днем 24 октября 134 офицера и около 2 тыс. человек из школ прапорщиков Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины. Керенскому удалось собрать лишь эти небольшие силы, намного уступавшие по численности тем, на которые мог рассчитывать ВРК¹⁴. Используя их, Керенский приложил максимум усилий для охраны правительственных зданий, вокзалов, мостов через Неву и важных государственных учреждений.

Днем премьер-министр отправился в Мариинский дворец, где попытался склонить Предпарламент на сторону правительства и добиться одобрения всех мер, принятых им для подавления левых сил. Бессвязная эмоциональная речь Керенского стала его последним публичным выступлением в России. Неоднократно прерывавшаяся бурными аплодисментами со стороны правых и возмущенными голосами со стороны левых, эта речь, которую один историк назвал «истерическим воплем обанкротившегося политика»¹⁵, продолжалась более часа. Керенский начал с обвинений как крайне правых, так и крайне левых в стремлении сорвать планы созыва Учредительного собрания и создания демократического правительства. Основная часть его упреков адресовалась большевикам. Для подкрепления своих обвинений Керенский приводил многочисленные факты форсированной подготовки к восстанию, содержавшиеся в ленинском «Письме к товарищам», опубликованном в «Рабочем пути» 19 — 21 октября; он также перечислил «неоднократные (по его словам) призывы большевиков к вооруженному восстанию», раздававшиеся на публичных собраниях и в большевистских печатных органах.

Далее Керенский утверждал, что, «организуя восстание», большевики содействуют «не пролетариату Германии... а правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... Но с этой кафедры в сознании своей ответственности я квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству... Известная часть населения Петербурга находится в состоянии восстания... Предложено также произвести соответствующие аресты... В настоящее время, когда государство от сознательного и бессознательного предательства погибает и находится на грани гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст».

Этот момент члены Предпарламента, за исключением меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров, встали со своих мест и устроили Керенскому бурную овацию, что заставило кадета Моисея Аджимова подбежать к скамьям левых и закричать: «Дайте фотографию, что эти сидели!»¹⁶

Когда с трудом удалось восстановить порядок, Керенский продолжил свою речь. Цитируя «Предписание № 1» ВРК, которое в то время распространялось по городу, он прокричал: «Это

есть попытка поднять чернь против существующего порядка... сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма!» Обращаясь к левым, он особо подчеркнул, что «в настоящее время каждый должен найти себе место — с республикой, свободой и демократией или против». В заключение он прямо заявил: «Я пришел, чтобы призвать вас к бдительности для охраны завоеваний свободы многих поколений, многими жертвами, кровью и жизнью завоеванных свободным русским народом... В настоящее время элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации... Я требую, чтобы сегодня же Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания»¹⁷.

Впоследствии Керенский вспоминал, что он покинул Марининский дворец после своего выступления около половины третьего, будучи убежден, что через несколько часов он получит обещание о решительной поддержке со стороны Предпарламента¹⁸. Но этому не суждено было сбыться. До самого вечера депутаты Предпарламента вели бурные дискуссии, обсуждая вопрос о том, как ответить на просьбу Керенского о доверии. Когда они вновь собрались в 7 часов вечера, значительная часть депутатов Предпарламента выступила против предоставления Керенскому неограниченных полномочий на широкие репрессии против крайне левых сил.

Первым оратором после продолжительного перерыва был Камков, выступавший от имени левых эсеров. Спустя 4 недели в своей речи на I съезде левых эсеров он расскажет о том негодовании, которое он испытал, услышав, что Керенский «требовал полномочий, чтобы подавить большевистское восстание, не сознавая того факта, что некому подавлять это восстание, какие бы санкции он ни получил». При этом Камков подчеркнул, что «работавшим в петроградских низах было ясно, что среди Петроградского гарнизона он не найдет ни одного десятка людей, которые пойдут защитить его как представителя коалиционного правительства»¹⁹. В Предпарламенте вечером 24 октября Камков заявил: «Когда председатель Совета министров приходит сюда и объявляет, что поднимается какая-то чернь, и требует от нашего собрания санкции для расправы с нею, то, быть может, подавляющая часть эту санкцию даст. Но я не знаю, даст ли ее русский народ, революционная армия и трудовое крестьянство. Не будем играть в прятки. Разве есть сейчас кто-нибудь, кто бы доверял этому правительству?... Оно не опирается на революционную армию или пролетариат, и против него сейчас идет не чернь, а как раз самые сознательные элементы революционной демократии. Если мы хотим серьезно уничтожить почву, на которой назревают ужасы гражданской войны, мы должны откры-

то сказать, что единственный выход из положения — создание единой, революционной демократической власти, в которой не будет элементов, устраивающих демонстрации в честь Корнилова».

Выступавший после него от имени меньшевиков-интернационалистов Мартов также критиковал правительство. Когда он появился на трибуне, кто-то справа крикнул: «Вот министр иностранных дел буржуазного кабинета», на что Мартов, бросив взгляд в сторону своего оппонента, тут же ответил: «Я близорук и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел в кабинете Корнилова». Далее Мартов заявил: «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны. Но я не потерял надежды, что... (мы) не допустим того, чего хотят люди, стремящиеся воспользоваться положением, чтобы остановить развитие революции. Демократия должна заявить, что никакой поддержки оно от нее не получит, если правительство не даст немедленных гарантий реализации насущных нужд народа. Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена. Если такие заявления невозможны для правительства в его нынешнем составе, то оно должно быть реорганизовано».

В заявлениях Камкова и Мартова не было ничего удивительного, но что действительно поражает, так это реакция на требование Керенского представителей основной части меньшевиков и эсеров, людей типа Дана и Гоца, которые впервые проявили колебания в отношении поддержки коалиционного правительства после корниловщины. На вечерней сессии Предпарламента 24 октября их точку зрения изложил Дан. С самого начала он выразил полное несогласие с линией большевиков. Одновременно он с той же настойчивостью подчеркивал, что если конфликт между правительством и крайне левыми силами не будет урегулирован мирными средствами, то победят в конечном итоге крайне правые силы. Кроме того, он заявил, что единственный путь избежать разрушительной и кровавой бойни заключается в незамедлительном удовлетворении чаяний масс, которые в настоящее время идут за большевиками. Дан подчеркнул: «Как бы ни окончилось завтра большевистское восстание, но если оно будет затоплено в крови и вооруженной рукой будет водворен порядок, на деле это будет торжеством той третьей силы, которая сметет большевиков, правительство, демократию и революцию. Если вы хотите выбить из-под ног у большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб, то надо принять ряд политических мер. Необходимо ясное выступление и правитель-

ства, и Совета республики, в котором народ увидел бы, что его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками... Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены так, чтобы ни у одного рабочего, ни у одного солдата не было ни малейшего сомнения, что по этому пути наше правительство идет твердыми и решительными шагами»²⁰.

В мемуарах Дан позднее вспоминал о своих впечатлениях от речи Керенского и пытался объяснить собственную позицию в тот момент²¹. С самого начала работы Предпарламента в первых числах октября он и другие лидеры меньшевиков и эсеров с аналогичными взглядами выступали за создание левого, демократического и полностью социалистического в будущем правительства, способного безотлагательно принять программу радикальных реформ. По словам Дана, они делали это, будучи убежденными в том, что успешно бороться с большевиками можно, лишь приняв срочные радикальные политические меры. Дан утверждал: в том крыле Предпарламента, где был он, «считалось аксиомой, что бесполезно бороться с большевиками исключительно военными средствами, хотя бы только потому, что правительство не обладает таковыми силами». Дан напомнил, что эта точка зрения была отвергнута правыми в Предпарламенте, которые ошибочно полагали, что правительство располагает достаточными вооруженными силами для подавления большевиков, и которые поэтому стремились к «открытой схватке с ними». После речи Керенского в Предпарламенте днем 24 октября Дан и его сторонники сочли своей обязанностью указать правительству единственный курс, который, по их мнению, сулил какую-то надежду на спасение, и еще раз подтвердить готовность до конца поддерживать правительство в его осуществлении.

В конце заседания Предпарламента 24 октября были представлены три резолюции: одна от имени кооперативного движения и партии кадетов, обещавшая полную поддержку правительству в принятии самых решительных мер для подавления мятежа; вторая — более подстрекательская, выдвинутая казачьей фракцией, — резко критиковала все левые силы, прямо осуждала Временное правительство за слабость и даже «попустительство большевикам» и, кроме того, требовала от правительства гарантий, что «на этот раз никаких послаблений большевикам не будет»; третья резолюция, подготовленная левыми в Предпарламенте и представленная Даном, недвусмысленно критиковала Временное правительство за промедление в проведении необходимых политических и социальных реформ. Она также обуславливала поддержку правительства Предпарламентом путем немедленного провозглашения радикальной программы «земли и мира» и создания Комитета общественного спасения, который состоял бы из представителей городского самоуправления и Советов, действовавших в контакте с Временным правительством в восстановлении порядка. В 8.30 вечера

незначительным большинством (123 голоса за, 102 — против при 26 воздержавшихся) была принята резолюция левых фракций, фактически означавшая отказ в доверии Керенскому²².

В своих мемуарах Дан указывал, что после принятия этой резолюции он и Гоц, захватив с собой весьма консервативно настроенного председателя Предпарламента Авксентьева, поспешили на заседание кабинета в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства выполнения резолюции, принятой Предпарламентом. По словам Дана, они искренне надеялись: члены кабинета дадут согласие, и в тот же вечер будут отпечатаны и расклеены по городу объявления о том, что Временное правительство официально предлагает немедленно прескратить все военные действия и начать переговоры о всеобщем мире, что земельным комитетам разошлют телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель, а созыв Учредительного собрания будет ускорен.

Очевидно, Дан и Гоц пытались доказать Керенскому, что такие меры вызовут перемены в настроениях масс и укрепят позиции тех большевиков, которые выступают против немедленного восстания. Неудивительно, однако, что заявление о решении Предпарламента привело премьер-министра в крайнее раздражение. Позднее Дан писал, что «Керенский производил впечатление человека до последней степени измотанного». Сначала он пригрозил, что правительство завтра же уйдет в отставку, но в конце концов просто указал Дану, Гоцу и Авксентьеву на дверь, заявив: правительство «не нуждается в наставлениях и указаниях и само справится с восстанием»²³.

Это был сильный удар по позициям тех, кто, подобно Дану, рассчитывал нейтрализовать народное возмущение и выбить почву из-под ног большевиков, оказав давление на Керенского, с тем чтобы он принял более радикальную программу реформ, а в случае отказа вынудить его уступить место новому, более гибкому правительству. Однако усилия в этом направлении не были прекращены. На экстренном совместном заседании ЦИК и ИВСКД, начавшемся сразу после полуночи и продолжавшемся до 4 часов утра 25 октября, центристским и левым меньшевикам удалось обеспечить принятие резолюции, которая наряду с осуждением большевиков и одобрением создания Комитета общественного спасения тем не менее вновь подтверждала категорическое требование о немедленном проведении реформ, одобренных ранее Предпарламентом²⁴.

Кроме того, на многочисленных бурных партийных совещаниях по вопросам стратегии левые эсеры и меньшевики-интернационалисты вели активную кампанию за создание съездом Советов полностью социалистического коалиционного правительства. Вначале эта кампания, по-видимому, приносила плоды. На совещании фракции меньшевиков, на котором присутствовали и «оборонцы», и «интернационалисты», были приняты тезисы. Их предполагалось включить в политическую резолю-

цию для представления съезду. Эти тезисы свидетельствовали о еще большем отходе в ранее провозглашенной умеренной социалистической политике, воплощенной в резолюции Предпарламента. Они содержали призыв к коренным изменениям в кабинете и конкретные указания на то, что новое правительство должно быть «однородным» и «демократическим». Наряду с осуждением действий большевиков в тезисах также объявлялось о несогласии с политикой Временного правительства, по их мнению провоцирующей большевистское восстание. Рекомендовалось дать «твердый отпор» попыткам правительства подавить большевистское восстание военной силой²⁵.

Тем же утром 25 октября состоялось совещание фракции эсеров съезда, на котором значительное большинство поддерживало левых эсеров. Резолюция, представленная ЦК партии эсеров, была отвергнута 92 голосами против 60, после чего большинство согласилось «установить контакты с меньшевиками-интернационалистами», очевидно, в целях координации усилий для создания «однородного» социалистического правительства²⁶. Важно отметить следующее: после этой победы некоторые лидеры левых эсеров сохранили надежду на то, что на съезде вся фракция будет сообща выступать за программу левых²⁷.

Если проанализировать политические события в Петрограде во второй половине дня 24 октября, кажется совершенно непонятной уверенность Керенского в том, что он сумеет справиться с левыми силами в этот период. Разрозненные, порой озадачивающие сообщения очевидцев, заполнявшие колонки последних новостей в петроградских газетах 25 — 26 октября, свидетельствуют об ухудшении положения правительства.

Вскоре после неудачного выступления Керенского в Предпарламенте озабоченность военных в Генштабе возросла в связи с сообщениями об угрожающем увеличении вооруженных рабочих и солдат, концентрирующихся в районе Смольного. Поэтому они отдали приказ развести Литейный, Троицкий и Николаевский мосты через Неву, а также установить строгий контроль над единственным неразведенным Дворцовым мостом, чтобы воспрепятствовать перемещению восставших из рабочих районов на правом берегу Невы в центр города²⁸.

Один из комиссаров Военной организации Ильин-Женевский, размышляя о том, как он отнесся к намерению правительства развести мосты через Неву 24 октября, впоследствии писал: «Мне невольно вспомнились июльские дни... Разведение мостов представилось мне как бы первым шагом попытки к нашему уничтожению. Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх?»²⁹

В данном случае такой угрозы не было. Как только верные правительству юнкера Михайловского артиллерийского училища прибыли к Литейному мосту, на них двинулась разгневанная толпа народа, причем многие были вооружены. Юнкерам при-

шлось сдать оружие и подвергнуться унижительной процедуре принудительного возвращения в свое училище; судя по всему, эта акция была предпринята без конкретного указания ВРК. Кроме того, с началом борьбы за мосты Ильин-Женевский по собственной инициативе принял меры, чтобы солдаты гарнизона установили контроль над небольшими Гренадерским и Сампсониевским мостами через Большую Невку между Выборгским районом и Петроградской стороной³⁰.

Командование военного округа направило роту 1-го Петроградского ударного женского батальона для разведения Троицкого моста; в приказе батальону разрешалось применить оружие, чтобы не допустить движение по мосту³¹. Очевидно, женщины батальона не очень-то старались выполнить этот приказ, видимо, потому, что находились в пределах досягаемости пулеметов, установленных вдоль стен Петропавловской крепости. После короткой схватки между юнкерами и Красной гвардией первым удалось развести Николаевский мост, соединяющий Васильевский остров с центром столицы. Дворцовый мост в течение некоторого времени оставался под полным контролем юнкеров и женского батальона. Тем не менее к вечеру стало ясно, что важнейшую «битву за мосты» выиграли антиправительственные силы. Два из четырех основных мостов, а также мосты через Большую Невку и Малую Невку перешли в их руки.

В четыре часа дня самокатчики, на которых с момента их перевода в столицу после июльских дней была возложена задача охранять Зимний дворец, внезапно заявили, что не желают больше оставаться на своих постах. Через час по приказу ВРК один из его комиссаров, Станислав Пестковский, занял центральный телеграф. Этого первого успеха в борьбе за основные средства связи удалось достичь без единого выстрела, несмотря на то что среди более чем трех тысяч служащих телеграфа не было ни одного большевика. Важную роль сыграло то обстоятельство, что в тот момент охрану телеграфа нес отряд солдат Кексгольмского полка, который задолго до этого присягал на верность Военно-революционному комитету. И при поддержке командира полка Пестковский заставил лидера профсоюза почтовых и телеграфных служащих — правого эсера — признать его власть³².

Около 8 часов вечера группа юнкеров предприняла безуспешную попытку вновь захватить Центральный телеграф³³. Вскоре другой комиссар ВРК, гельсингфорсский большевик Леонид Старк, в сопровождении всего лишь 12 матросов сумел установить контроль над Петроградским телеграфным агентством. Перво-наперво Старк наложил запрет на передачу политической резолюции, только что принятой Предпарламентом³⁴. Примерно в то же время солдаты Измайловского гвардейского полка — первого крупного подразделения гарнизона, пришедшего на помощь правительству в июле, — взяли под свой конт-

роль Балтийский вокзал, куда должны были прибывать верные правительству войска, доставленные морем через Финский залив с западного направления. Максимум чего удалось добиться штабу Петроградского военного округа — это передать по телеграфу сообщение о том, что «эшелоны с войсками, верными правительству и Центральному Исполнительному Комитету, движутся с фронта»³⁵.

Одна из наиболее важных мер, принятых левыми силами, проводилась в обстановке секретности. Вечером 24 октября Дыбенко наконец получил в Гельсингфорсе телеграмму, согласованную с Антоновым-Овсенко на съезде Советов Северной области: «Высылайте устав», что означало: «Направляйте в Петроград миноносцы»³⁶. Антонов-Овсенко также послал записку связному из Кронштадтского Совета большевику Алексею Пронину с просьбой направить на следующий день кронштадтских матросов в столицу³⁷. Через несколько часов Алексей Баранов от имени ВРК позвонил из Петрограда Дыбенко, чтобы получить подтверждение об отправке подкреплений. «Настроение тревожное», — доложил Баранов. «Можем ли надеяться на своевременную поддержку?» Дыбенко ответил: «Миноносцы выйдут на рассвете»³⁸.

За исключением отдельных частей гарнизона и отрядов Красной гвардии, которым ВРК приказал выполнять конкретные военные задачи, большинство населения Петрограда, включая более полумиллиона рабочих, солдат и матросов, оставались на своих заводах и в казармах во время этих первоначальных столкновений с правительственными силами. В течение дня и вечера 24 октября в рабочих районах столицы и на главных базах Балтийского флота прошли митинги. Почти всегда на этих митингах выражалась поддержка Петроградскому Совету и его программе. В то же время практически не наблюдалось каких-либо народных волнений. Не было организовано ни одной массовой демонстрации, как это происходило в феврале и июле, которые, как считалось, являются сигналом к началу последней битвы между левыми силами и правительством.

К середине дня, когда разнеслась весть о разведении мостов через Неву, учащиеся начальных и средних школ и служащие государственных учреждений были распущены по домам, банки и магазины в центральных районах города закрыты, а движение трамваев ограничено. И все же на улицах все было спокойно. Вечером празднично одетая публика прогуливалась по Невскому проспекту, где проститутки продолжали свой обычный промысел. Рестораны, казино, кинотеатры и театры работали как обычно, хотя число посетителей уменьшилось; по расписанию шла возобновленная Мейерхольдом постановка пьесы Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в Александринском театре и опера «Борис Годунов» в Мариинском. Такая обстановка, наряду с постоянной дезавуацией восстания ВРК, значительно дезориентировала население, придавая чувство нереальности

решающим событиям, происходившим в то время в разбросанных на большой территории районах столицы.

Неудивительно, что больше всего дезориентирован и встревожен тактикой ВРК был Ленин. В течение всего этого исторического периода он оставался вне поля битвы в квартире Фофановой на окраине столицы. Видимо, в ответ на слухи о присутствии Ленина в Петрограде министр юстиции издал 20 октября новый приказ об аресте руководителя большевиков, похоронив, таким образом, всякую надежду на то, что он мог бы безопасно покинуть свое укрытие. С 21 по 23 октября Ленин с удовлетворением наблюдал за успехами ВРК в борьбе с Петроградским военным округом за контроль над гарнизоном столицы. Однако в отличие от Троцкого он рассматривал эти победы не как постепенный процесс подрыва власти Временного правительства, который в случае успеха мог привести к относительно безболезненной передаче власти Советам на съезде Советов, а только как прелюдию к народному вооруженному восстанию. И каждый новый день лишь подтверждал его прежнее убеждение в том, что лучшей возможностью для создания правительства под руководством большевиков будет немедленный захват власти силой; он считал, что ожидание открытия съезда просто предоставит больше времени для подготовки сил и таит угрозу создания нерешительно настроенным съездом в лучшем случае примиренческого социалистического коалиционного правительства. Узнав об отмене в последний момент демонстрации казаков (22 или 23 октября), Ленин писал Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа! Ура! Наступайте изо всех сил, и мы победим вполне в несколько дней»³⁹.

24 октября в утренних газетах Ленин прочитал о решении ВРК пойти на «компромисс», предложенный Петроградским военным округом. В течение всего дня в основном через Фофанову он поддерживал связь со Смольным; так, практически сразу же он узнал о репрессиях правительства в отношении левых сил и об усилиях некоторых умеренных социалистов заставить правительство принять и незамедлительно провозгласить более радикальную программу реформ⁴⁰. Эти новости серьезно встревожили его. Фофанова вспоминает, что он отправлял ее несколько раз днем и вечером с просьбами к Центральному Комитету разрешить прийти в Смольный. Все эти просьбы были встречены категорическим отказом. К концу дня, прочитав еще один отрицательный ответ ЦК, Ленин снял записку и швырнул ее на пол. Он вскипел: «Я их не понимаю. Чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже... А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!»⁴¹

Около 6 часов вечера Ленин вновь решил проигнорировать Центральный Комитет и обратиться к низовым органам партии, в частности к Петербургскому комитету и районным комитетам

большевиков, с призывом взять в свои руки дело завершения революции. Быстро набросав следующее воззвание⁴², он просил Фофанову доставить его Крупской, и «только ей»:

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д.

Нельзя ждать?! Можно потерять все!..

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение»...

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять все.

Взять власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направить своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их...

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в наступлении смерти подобно!»⁴³

Через несколько часов, после того как Фофанова отправилась с этим воззванием, Ленин потерял терпение. Оставив записку своей хозяйке на кухонном столе («Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил»), Ленин надел парик и старую кепку, перевязав белой повязкой щеку. Затем он отправился в Смольный, второй раз за месяц нарушив прямой запрет ЦК на его перемещения⁴⁴. В сопровождении Эйно Рахья он проехал через Выборгский район до Финляндского вокзала почти в пустом трамвае; по пути нетерпеливый Ленин засыпал вагоновожатую вопросами о последних политических событиях; обнаружив, что

она придерживается левых убеждений, он начал рассказывать ей, как надо делать революцию. Когда они приближались к Смольному пешком по Шпалерной улице, где 6 июля погиб несчастный Воинов, им пришлось спрятаться от конного патруля юнкеров, что сильно напугало Рахья. Наконец незадолго до полуночи они благополучно достигли места назначения.

Когда Ленин прибыл в Смольный, здание выглядело как военный лагерь накануне битвы. На прилегающих перекрестках размещались хорошо вооруженные патрули. На площадях и в переулках около Смольного группы солдат и красногвардейцев собирались вокруг костров. Во дворе перед Смольным грохотали грузовики, автомобили и мотоциклы, а его внушительный фасад светился огнями. По обе стороны центральных ворот были установлены пулеметы; здесь часовые проверяли входивших в здание, которое Джон Рид сравнил с «гигантским ульем». Ни у Рахья, ни у Ленина не было действующих на этот день пропусков. Сначала их не пустили, но затем им удалось затеряться в толпе входящих и таким образом проникнуть внутрь, пройдя мимо часовых⁴⁵. Сняв парик вместе с кепкой, взволнованный Ленин сразу же принялся укорять своих ближайших сподвижников и настаивать на окончательном свержении Временного правительства.

Исследования Октябрьской революции в Советском Союзе, в которых делается попытка максимально преувеличить роль Ленина во взятии власти большевиками и преуменьшить роль Троцкого, оставляют впечатление, что под влиянием последнего партия переоценивала силы Керенского и недооценивала силы левых, пассивно ожидая голосования на съезде Советов для создания революционного правительства. Такое толкование, несомненно, сильно искажает действительное положение вещей; как мы уже видели, ВРК между 21 и 24 октября проводил политику решительного подрыва позиций Временного правительства по мере приближения даты созыва съезда и в значительной мере преуспел в этом к ночи 24 октября. Кроме того, эта тактическая линия определялась в первую очередь точной оценкой существовавшего соотношения сил и настроениями масс.

Однако советские историки в определенной степени правы в том, что до появления Ленина в Смольном поздней ночью с 24 на 25 октября большинство членов ВРК, не говоря уже о Центральном Комитете, по-прежнему опасались зайти слишком далеко и утратить столь необходимую поддержку масс и даже сорвать созыв съезда Советов, узурпировав его функции. Как мы видели, на первом этапе после начала правительственных репрессий в отношении левых ВРК начал приводить свои силы в боевую готовность и не преследовал цель вывести массы на улицы. Практически все последующие действия ВРК 24 октября можно рассматривать как реакцию на наступление правительства. Так, солдаты гарнизона были направлены в типографию в целях возобновле-

ния выпуска «Рабочего пути» после того, как правительство закрыло эту газету, а верные ВРК части захватили мосты через Неву, когда правительство попыталось перекрыть движение по ним. Таким же образом силы, поддерживающие ВРК, заняли Балтийский вокзал после того, как были получены сообщения о том, что верные правительству войска из Петергофа и с Северного фронта погрузились в эшелоны, отправляющиеся в столицу⁴⁶.

Вполне вероятно, что по мере того, как беспомощность Керенского в сложившейся обстановке становилась все более очевидной, а час созыва съезда приближался, ВРК активизировал деятельность независимо от того, появился бы Ленин в Смольном или нет. Однако необходимо также помнить, что Ленин в отличие почти от всех других руководителей большевиков придавал решающее значение свержению Временного правительства в преддверии съезда. Его приход в Смольный неизбежно способствовал усилению давления на руководство левых сил в пользу более смелых шагов. Как бы то ни было, задолго до рассвета 25 октября действия ВРК стали гораздо агрессивнее. Все оговорки, что комитет лишь защищает революцию и прежде всего пытается сохранить статус-кво до выражения воли съезда, были решительно отброшены. Вместо этого была предпринята открытая попытка поставить делегатов съезда перед фактом свержения Временного правительства до начала его работы.

Существует очень мало надежных свидетельств об обстоятельствах принятия этого решения. Лацис позднее писал, что «к концу знаменитой ночи, когда решался вопрос о правительстве и Центральный Комитет колебался, Ильич вбежал в помещение Петербургского комитета с вопросом: «Ребята, лопаты у вас есть? Придут ли в окопы питерские рабочие по вашему зову?». Лацис вспоминал, что ответ был положительным. Решительность Ленина и Петербургского комитета подействовали на колеблющихся, верх взял Ленин⁴⁷. Судя по недовольству, которое высказывали впоследствии главные руководители левых эсэров, совершенно очевидно, что они ничего не знали об изменении позиции ВРК⁴⁸.

В любом случае можно довольно точно указать момент, когда произошло это основное изменение тактической линии. Так, вечером 24 октября комиссар ВРК в Павловском полку Освальд Дзенис получил приказ занять Троицкий мост между Петроградской стороной и Марсовым полем. Он вспоминает, что после занятия моста около 9 часов вечера он отметил значительный рост движения в сторону Дворцовой площади; по собственной инициативе он распорядился о сооружении застав, создании пропускных пунктов на пути к Зимнему дворцу и аресте государственных служащих; те из них, кто занимал наиболее важные посты, доставлялись в Смольный. Вскоре после принятия этих мер Дзенису срочно позвонил Подвойский и сообщил, что арестованные чиновники, направленные им в Смольный, освобождаются, что предпринятые им шаги являются несанкционированными и

преждевременными и что до завтрашнего дня ВРК не примет решения о том, когда начинать более активные действия. Подвойский настаивал на том, чтобы Дзенис прекратил аресты государственных служащих и снял заставы и пропускные пункты; этот приказ, по мнению Дзениса, был столь близоруким, что он не выполнил его. Через несколько часов, видимо около 2 часов утра, Дзенис получил новый приказ: усилить патрули и установить жесткий контроль за движением на своем участке⁴⁹.

Примерно в это время, то есть около 2 часов ночи 25 октября, первая рота 6-го саперного батальона заняла Николаевский вокзал у Знаменской площади, в центре которого возвышалась массивная бронзовая статуя Александра III. Позднее один из саперов вспоминал: «Ночь была морозная. Северный ветер пронизывал до костей. На прилегающих к Николаевскому вокзалу улицах, поживаясь от холода, стояли группы саперов, зорко всматриваясь в полумрак ночи. Луна делала картину фантастической. Громады домов походили на средневековые замки, саперов сопровождали тени великанов, при виде которых изумленно осаживала коня статуя предпоследнего императора»⁵⁰.

В это же время, то есть около 2 часов ночи, комиссар ВРК Михаил Файерман занял Петроградскую электростанцию. По его указанию было отключено энергоснабжение большинства правительственных зданий. Практически одновременно восставшие солдаты заняли Главный почтамт, где руководство осуществлял комиссар ВРК Карл Кадлубовский. Вскоре после полуночи экипаж «Авроры» получил приказ «всеми имеющимися средствами» восстановить движение по Николаевскому мосту⁵¹. Поскольку капитан корабля сначала отказался выполнить этот приказ, комиссар ВРК Александр Бельшев и несколько матросов взяли на себя управление судном. Однако провести «Аврору» по мелкому извилистому фарватеру Невы было трудно, и капитан вскоре согласился доставить отремонтированный корабль к месту назначения, заявив, что не может допустить, «чтобы «Аврора» села на мель». В 3.30 «Аврора» встала на якорь у Николаевского моста — единственного моста через Неву, оставшегося в руках правительства. Как только экипаж «Авроры» направил прожектора на мост, охранявшие его юнкера разбежались. Электрики корабля проконтролировали свечение моста. Когда спустя некоторое время отряд ударных правительственных войск в составе 32 человек, отправленных, чтобы его развести, прибыл на место, оказалось, что его надежно охраняют около 200 рабочих и матросов⁵².

Отряд матросов в составе 45 человек в 6 часов утра занял здание Государственного банка, не встретив никакого сопротивления, поскольку несшие охрану банка солдаты Семеновского полка остались нейтральными. Через час отряд солдат Кексгольмского полка под руководством Лашевича и другого комиссара ВРК П.С.Калягина занял Центральную телефонную станцию Петрограда, сразу же прервав почти всю телефонную связь с Во-

енным штабом и Зимним дворцом. Кровапролития при занятии станции удалось избежать частично потому, что во главе отряда Кексгольмского полка стоял некто А.Захаров, который, будучи юнкером военного училища, нередко стоял здесь в карауле. Поскольку он был отлично осведомлен об охранном режиме телефонной станции, ему удалось быстро изолировать и разоружить охраняющих ее юнкеров⁵³. Таким образом, к раннему утру 25 октября правительство осталось без телефонной связи и энергоснабжения. В 8 часов утра последний из 3 крупнейших вокзалов Петрограда — Варшавский, — железнодорожные линии которого соединяли столицу с Северным фронтом и штабом армии в Пскове, также оказался в руках ВРК.

Закрытое заседание членов правительства в Зимнем, на котором рассматривались дополнительные меры по борьбе с левыми силами, было прервано в 1 час ночи. В 3 часа утра Керенский получил новые тревожные известия о положении дел; в сопровождении своего заместителя Коновалова он вновь поспешил в здание Генштаба⁵⁴. Полученные им на исходе ночи и ранним утром сообщения были мрачными. В руки ВРК быстро перешли одна ключевая точка за другой. Вполне понятно, что основные силы, охранявшие Зимний дворец, — юнкера военных училищ и рота женского батальона — начали проявлять беспокойство. Внезапно они заявили, что не могут стрелять в солдат гарнизона, однако на некоторое время их удалось успокоить, как оказалось впоследствии, ложными заверениями, будто войска с фронта ожидаются с минуты на минуту.

По распоряжению Керенского на рассвете к казачьим частям в столице был обращен последний отчаянный призыв: «Во имя свободы, чести и славы родной земли Верховный главнокомандующий приказал Первому, Четвертому и Четырнадцатому казачьим полкам выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии и Временному правительству для спасения гибнущей России»⁵⁵. В ответ на это представитель казаков спросил, выступит ли также пехота. Получив неудовлетворительный ответ, представители всех, за исключением относительно небольшого числа, казачьих частей дали понять, что не намерены «выступать в одиночку и служить живыми мишенями»⁵⁶.

Текст откровенного письма генерала Б.Левицкого из Петрограда генералу М.Дитерихсу, находившемуся на фронте, об обстановке в Петрограде 24 октября дает представление о создавшейся ситуации. Левицкий информировал Дитерихса о последних событиях в борьбе за гарнизон между ВРК и штабом Петроградского военного округа и о директиве ВРК, призывающей части гарнизона не подчиняться приказам штаба. Левицкий сообщал: «Этот акт... заставил вчера министра-президента ясно и определенно разъяснить в совете республики (Предпарламенте) создавшееся положение и указать линию поведения Временного правительства... Вслед за этим части Петроградского гарнизона... перешли на сторону большевиков. Разведенные мосты

вновь наведены ими. Весь город покрыт постами гарнизона, но выступлений на улицах никаких нет. Телефонная станция находится в руках гарнизона. Части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как активно решили не выступать... Временное правительство как будто бы находится в столице враждебного государства»⁵⁷.

К утру 25 октября отчаянное положение правительства стало наконец очевидным даже для дотоле уверенного в себе командующего Петроградским военным округом Полковникова; он направил доклад Керенскому, в котором оценил положение как «критическое» и сделал вывод: практически «в распоряжении правительства нет никаких войск»⁵⁸. С этого момента единственной надеждой Керенского оставалась быстрая мобилизация фронтовых армейских частей для оказания помощи. В этой связи около 9 часов утра Керенский оставил Коновалова временным главой кабинета и начал принимать меры для немедленного выезда в Псков.

Несколькими часами ранее в Смольном собрался ЦК большевиков. Скорее всего, протокола этого исторического заседания не велось; во всяком случае, он никогда не публиковался, а имеющиеся отрывочные сведения об этом заседании содержатся в нескольких мемуарах. По всей вероятности, заседание происходило как обычно в комнате Центрального Комитета № 36 на первом этаже. В нем приняли участие Ленин, а также Троцкий, Сталин, Смирнов, Милютин, Зиновьев, Каменев и Берзин. Рахья примостился в углу комнаты, наблюдая за происходящим. Время от времени кто-то входил и передавал сообщение о ходе борьбы за власть на улицах города. Ленин выражал удовлетворение по поводу каждого нового шага вперед и одновременно решительно настаивал на скорейшем захвате Зимнего дворца и аресте Временного правительства. В ходе короткого перерыва заседания один из членов ЦК предложил составить список членов правительства, который будет представлен на следующий день съезду Советов. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство и его членов. Один из авторов воспоминаний отмечает, что для всех термин «Временное правительство» показался «затасканным», а термин «министры» еще более отдавал «бюрократической затхлостью». Идею назвать новых министров народными комиссарами выдвинул Троцкий, и его предложение понравилось всем присутствующим. «Да, это хорошо: это пахнет революцией», — сейчас же подхватил Ленин. Само правительство решили назвать Совестом Народных Комиссаров. Взяв карандаш и бумагу, Милютин приготовился записать предложения о кандидатурах комиссаров. Однако битва с Временным правительством еще не окончилась, и некоторые члены ЦК сочли подготовку списка членов первого правительства настолько преждевременной, что приняли ее вначале за шутку⁵⁹.

Большевики приходят к власти

В среду 25 октября на главных базах Балтийского флота задолго до рассвета началась бурная деятельность. По просьбе Военно-революционного комитета (ВРК) в столицу были направлены три эшелона с вооруженными матросами. Первый выехал из Гельсингфорса по Финляндской железной дороге в 3 часа утра, второй — в 5 часов, а третий — уже в разгаре утра. Примерно в это же время наспех сформированная флотилия судов в составе патрульного катера «Ястреб» и пяти эсминцев — «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон» — на полных парах отправилась в Петроград. Во главе флотилии, которой предстояло пройти путь свыше 300 километров, шел «Самсон» под знаменем с лозунгами «Долой коалицию!», «Да здравствует Всероссийский съезд Советов!», «Вся власть Советам!»¹.

В Кронштадте также все кипело. Позже Флеровский так описывал события в ночь с 24 на 25 октября в этом центре революционного радикализма: «Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза. «Морское собрание» переполнено матросами, солдатами и рабочими... Революционный штаб точно намечает план операции, определяет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения... Когда план выступления был готов... мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Тишину ночи нарушает лишь гроыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда»².

Вскоре после девяти часов матросы в черных бушлатах, с патронташами и винтовками через плечо закончили посадку на все имевшиеся суда: два минных заградителя «Амур» и «Хопор», бывшую яхту командующего портом «Зарница», переоборудованную в госпитальный корабль, учебное судно «Верный» и линкор «Заря свободы», настолько старый, что на Балтийском флоте его прозвали «утюгом». Линкор тащили четыре буксира. Во флотилию входили многочисленные пассажирские колесные катера и баржи. Подняв якоря, корабли один за другим двинулись в направлении столицы³.

А между тем в Смольном руководители ВРК и комиссары, бывшие из ключевых районов города, заканчивали разработку планов захвата Зимнего дворца и ареста правительства. Известно, что в совещании участвовали Подвойский, Антонов-Овсеенко, Константин Еремеев, Георгий Благоданов, Чудновский и Садовский. Согласно разработанному ими плану, восставшие должны были захватить Мариинский дворец и распустить Предпарламент, а затем окружить Зимний дворец. Предполагалось, что правительству предложат сдаться без сопротивления. В случае его отказа Зимний должен быть обстрелян с «Авроры» и из Петропавловской крепости, а затем взят штурмом. Основные силы, выделенные для участия в этих операциях, включали Павловский полк, отряды красногвардейцев из Выборгского, Петроградского и Василеостровского районов, Кексгольмский полк, военно-морские части из Кронштадта и Гельсингфорса и матросов из 2-го Балтийского флотского экипажа в Петрограде. В казармах Павловского полка и 2-го Балтийского экипажа должны были быть развернуты полесвые штабы руководства восстанием, первый возглавлял Еремеев, а второй — Чудновский. Полевой штаб для общего руководства наступающими силами под командованием Антонова-Овсеенко планировалось разместить в Петропавловской крепости⁴.

На завершающей стадии подготовки к захвату последнего оплота Временного правительства в Петрограде Ленин находился в Смольном. Он нервно поглядывал на часы и, судя по всему, надеялся на то, что режим Керенского удастся полностью ликвидировать до начала II съезда Советов, который должен был открыться через несколько часов. Около 10 утра он написал обращение «К гражданам России» о переходе политической власти от правительства Керенского к Военно-революционному комитету.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих
и солдатских депутатов»⁵.*

Ленин придавал принципиальное значение тому, чтобы делегаты съезда с самого начала были поставлены перед фактом создания Советского правительства. Об этом свидетельствует то, что текст отпечатали и передали по телеграфу по всей стране еще до окончания заседания ВРК, на котором разрабатывался план захвата власти.

С самого утра 25 октября левые силы действовали весьма энергично, чего нельзя сказать о сторонниках правительства. Керенский в Зимнем дворце принял меры к тому, чтобы выехать на встречу войскам, продвигающимся к столице с Северного фронта. Красноречивым примером изоляции и беспомощности Временного правительства в тот момент являлось то, что выехать из Петрограда на поезде было невозможно, так как все вокзалы находились под контролем ВРК и даже Генеральный штаб не смог выделить премьер-министру ни одной легковой машины, пригодной для дальней поездки. В конце концов военным удалось достать открытую машину «пирс-эрроу» и одолжить в американском посольстве автомобиль «рено». В 11 часов утра, почти одновременно с передачей ленинского манифеста о свержении Временного правительства, «рено» (под американским флагом) и «пирс-эрроу» пронесли под главной аркой здания Генерального штаба, мимо пикетов ВРК, которые уже формировались вокруг Зимнего дворца, и умчались из столицы в юго-западном направлении. На заднем сиденье «пирс-эрроу» расположились помощник командующего Петроградским военным округом Кузьмин, два штабс-офицера и бледный, осунувшийся Керенский. Так начинался его лихорадочный поиск войск с фронта, который закончился полным крахом меньше чем через неделю⁶.

В то время как машины проносились мимо Мариинского дворца, немногие находившиеся там депутаты Предпарламента в ожидании начала заседания обсуждали последние политические новости. А уже через час большая группа вооруженных солдат и матросов под командованием Чудновского начала перекрывать соседние улицы и выставлять охрану у всех входов во дворец. С грохотом подъехал броневик «Олсг» под красным флагом и занял позицию у западного угла дворца.

Затем в Мариинский дворец вошел неизвестный комиссар ВРК. Он отыскал Авксентьева и передал ему указание ВРК немедленно очистить дворец. В здание, размахивая винтовками, ворвались солдаты и матросы, которые расположились вдоль парадной лестницы. В то время как многие перепуганные депутаты схватили пальто и решили было прорываться через цепь вооруженных солдат и матросов, Авксентьев решил устроить совещание части руководящего комитета Предпарламента. Депутаты поспешно согласились заявить официальный протест в связи с нападением сил ВРК, но не оказывать им сопротивления. Кроме того, они поручили Авксентьеву при первой возможности вновь созвать Предпарламент. При выходе из дворца часовые проверили документы у всех депутатов, но никого не задержали. Судя по всему, в тот момент ВРК должен был ограничиться арестом членов правительства⁷.

В это время в ряды повстанцев влились большевики, освобожденные из тюрьмы «Кресты», где они находились с июля. Утром 25 октября у старинного здания тюрьмы появился комиссар ВРК во главе небольшого отряда красногвардейцев и

приказал освободить всех политических заключенных. Среди немедленно освобожденных большевиков были Семен Рошаль, Сахаров, Толкачев, Хаустов⁸. В два часа пополудни прибыло новое подкрепление — корабли из Кронштадта. На палубе «Амура» находилось более тысячи матросов, в том числе и И. Павлов, который впоследствии описал обстановку на подходе к Петрограду в полдень 25 октября следующим образом: «Что представлял собою Финский залив в районе Кронштадта и Петрограда к 12 ч., об этом достаточно будет сказать словами известной тогда песни: «Из-за острова Кронштадта на простор реки Невы vyplывает много лодок, в них сидят большевики». Если и не в полной степени отражается картина Финского залива этими словами, то только потому, что говорит о лодках. Поставьте на их место современные корабли — это и будет полной зарисовкой картины оживленного Финского залива за несколько часов до октябрьского боя»⁹.

Линкор «Заря свободы», доставленный четырьмя буксирами ко входу в канал гавани, бросил якорь. Высадившийся на берег отряд матросов занял Балтийскую железную дорогу между Лиговом и Ораниенбаумом. Когда остальные корабли малым ходом проследовали по узкому каналу, Флеровскому, находившемуся на борту «Амура», пришла в голову мысль, что если бы правительство заранее приказало установить пару мин и хотя бы десяток пулеметов на набережной канала, то это сорвало бы все тщательно разработанные планы кронштадтцев. И он вздохнул с облегчением, когда вся эта разнокалиберная флотилия прошла через канал и вошла в Неву под приветственные крики толпы рабочих, собравшихся на набережной. Флеровский находился в каюте судового комитета на нижней палубе «Амура» — обсуждался вопрос о том, где бросить якорь, — когда раздались громкие, торжествующие крики «Ура!». Он выбежал на палубу и сумел увидеть, как «Аврора» разворачивается посередине реки таким образом, чтобы с нее просматривался Зимний дворец¹⁰.

Матросы на борту «Авроры» и кронштадтских кораблей увидели друг друга. Раздались крики, приветственные возгласы, в воздух полетели бескозырки. Оркестр на «Авроре» заиграл победный марш. Рядом с «Авророй» бросил якорь «Амур», а суда поменьше двинулись дальше к Адмиралтейству. Через несколько минут Антонов-Овсеенко поднялся на борт «Амура», чтобы передать последние указания руководителям кронштадтского отряда. Студенты и преподаватели, собравшиеся у окон университета на набережной, с интересом наблюдали за высадкой примерно трех тысяч матросов, многие из которых присоединились к осаждающим Зимний дворец. Один из этих матросов впоследствии вспоминал, что при встрече с солдатами Петроградского гарнизона некоторые из матросов бранили их за трусость, проявленную во время июльских дней. Он с удовлетворением отмечает, что солдаты были готовы раскаться в своих ошибках¹¹.

Важные события происходили в Смольном. Большой зал до отказа заполнили депутаты Петроградского Совета и представители губернских Советов, с нетерпением ожидавшие сообщений о последних событиях. В 2 часа 35 минут Троцкий открыл чрезвычайное заседание Петроградского Совета¹². Сразу же после начала заседания, ставшего одним из самых важных в истории Петроградского Совета, стало ясно, что за предыдущую ночь партия коренным образом изменила свою тактику. Напомним, что меньше чем за сутки до этого, на предыдущем заседании Петроградского Совета, Троцкий утверждал, что вооруженный конфликт «ни сегодня, ни завтра, накануне съезда, не входит в наши планы». А теперь, выйдя на трибуну, он сразу же «похоронил» Временное правительство: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!» Затем под гром аплодисментов и крики «Да здравствует Военно-революционный комитет!» он заявил, что Предпарламент распущен, некоторые министры правительства арестованы, а железнодорожные вокзалы, почта, Центральный телеграф, Петроградское телеграфное агентство и Госбанк заняты силами Военно-революционного комитета. Он сказал, что Зимний дворец еще не взят, но судьба его решается в этот момент. «Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно.

Власть Временного Правительства, возглавлявшегося Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести... Обыватель мирно спал и не знал, что с этого времени одна власть сменяется другой».

Во время выступления Троцкого в зале появился Ленин. Заметив его, собравшиеся встали и устроили овацию. Троцкий произнес слова приветствия: «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами» — и уступил ему трибуну. Стоя рядом, Ленин и Троцкий приветствовали собравшихся. Затем, пытаясь перекрыть шум, Ленин сказал: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач является необходимость немедленно закончить войну...

Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы

учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Выступление Ленина было коротким, и несудивительно, что в тот день большинство из слушавших его даже не задумались над тем, как обеспечить выживание правительства рабочих в отсталой России и враждебном мире. После выступления Ленина Троцкий предложил немедленно направить на фронт и по всей стране специальных комиссаров, которые информируют широкие массы об успешном восстании в Петрограде. В ответ на это предложение кто-то крикнул: «Вы предвосхищаете волю Второго съезда Советов!» — на что Троцкий тут же ответил: «Воля Всероссийского Съезда Советов предопределена тем огромным фактом восстания Петроградских рабочих и солдат, происшедшего в ночь на сегодня. Теперь нам остается лишь развивать нашу победу».

Присутствовавшие меньшевики (а их было сравнительно немного) официально сняли с себя ответственность за то, что они называли «трагическими последствиями осуществляемого заговора», и вышли из исполнительных органов Петроградского Совета. Но большинство присутствующих терпеливо выслушали приветствия Луначарского и Зиновьева. Для Зиновьева, как и для Ленина, это было первое публичное выступление с июля. Депутаты горячо поддерживали политическое заявление, написанное Лениным и представленное Володарским. В нем приветствовалось свержение Временного правительства, содержался призыв ко всем рабочим и солдатам поддержать революцию, а также выражалась уверенность в том, что западноевропейский пролетариат поможет довести дело социализма до полной и окончательной победы¹³. Затем депутаты разошлись. Одни пошли на заводы и в казармы, чтобы сообщить радостные вести, другие, в том числе и Суханов, отправились перекусить до открытия Всероссийского съезда.

Смеркалось, но большевики еще не взяли Зимний дворец. А ведь еще в час пополудни отряд под командованием Ивана Сладкова занял Адмиралтейство, находившееся в нескольких шагах от Зимнего, и арестовал командование Военно-морского флота. В это же время части Павловского полка окружили Зимний дворец в пределах Миллионной, Моховой и Большой Конюшенной улиц, а также Невского проспекта между Екатерининским каналом и Мойкой. Пикеты, усиленные броневиками и зенитками, были выставлены на мостах через Екатерининский канал и Мойку и на Морской улице. Затем к солдатам-павловцам присоеди-

нились отряды красногвардейцев из Петроградского района и с Выборгской стороны, а силы Кексгольмского полка заняли участок севернее Мойки до Адмиралтейства. Как вспоминал впоследствии Дашкевич, Временное правительство оказалось заперто «в Зимнем дворце, как в мышеловке»¹⁴.

Сначала планировалось взять Зимний дворец в полдень. Потом сроки переносились последовательно на три часа дня, на шесть часов. Затем, вспоминает Подвойский, в ВРК «уже срока не назначали»¹⁵. Согласованный ультиматум так и не послали, и благодаря этому силы, верные правительству, выиграли время для укрепления обороны. И вот к концу дня рвущимся в бой революционным солдатам пришлось наблюдать, как юнкера строили на Дворцовой площади огромные баррикады и пулеметные точки из дров, привезенных из Генерального штаба.

К 6 вечера стемнело. Похолодало, накрапывал дождь. Многие из солдат, прибывших ко дворцу несколько часов назад, проголодались и забеспокоились. То один, то другой, потеряв терпение, открывал огонь по юнкерам, но его тут же строго одергивали: «Товарищи, без приказа не стрелять!» На Петроградской стороне руководитель Военной организации большевиков Тарасов-Родионов просто места себе не находил от беспокойства о том, что происходит в центре города. Впоследствии он так описывал свое состояние: «Хочется бросить все и лететь туда к ним (в Военно-революционный комитет. — *А.Р.*), чтобы ускорить этот идиотский затянувшийся приступ Зимнего». За эти часы Ленин написал Подвойскому, Антонову-Овсеенко и Чудновскому десятки записок, в которых гневно обвинял их, что своими проволочками они задерживают открытие съезда и заставляют напрасно волноваться депутатов¹⁶.

В своих мемуарах Антонов-Овсеенко дает понять, что главными причинами, из-за которых так долго не начиналось решающее наступление, были непредвиденные задержки с мобилизацией восставших солдат, плохая организация и другие мелкие, но неприятные проблемы¹⁷. Его мнение подтверждается указаниями на то, что в самый последний момент в силу тех или иных причин действительно возник вопрос о мобилизации некоторых частей Преображенского и Семеновского полков для наступления. Более того, большинство отрядов матросов из Гельсингфорса, на участие которых так рассчитывал ВРК, прибыли только поздно вечером или вообще на следующий день. В одном случае целый поезд с вооруженными матросами на много часов застрял в чистом поле под Выборгом после того, как лопнули трубы паровоза. Дело в том, что начальник станции Выборг, симпатизировавший правительству, специально выделил матросам самый ненадежный из имевшихся в его распоряжении паровозов¹⁸.

Военно-революционному комитету пришлось преодолеть целый ряд незначительных трудностей, которые в то время вызывали тревогу, а сегодня кажутся чуть ли не смехотворными. На-

пример, когда Благонравов стал проверять пушки в Петропавловской крепости, необходимые для обстрела Зимнего, то обнаружил, что шестидюймовые орудия крепости, направленные на дворец, не использовались и даже не приводились в порядок в течение многих месяцев. Офицеры-артиллеристы убедили его, что из этих пушек стрелять нельзя. Тогда Благонравов заставил солдат, находившихся в крепости, передвинуть трехдюймовые учебные орудия на позиции, с которых можно было вести огонь. И тут выяснилось, что все эти орудия были некомплектными или просто неисправными. Кроме того, не нашлось снарядов нужного калибра. Время было упущено, и только сейчас выяснилось, что из шестидюймовых пушек все-таки можно стрелять¹⁹.

Второй эпизод кажется еще более странным. По существовавшей договоренности сигналом к последнему наступлению на Зимний должен был послужить красный фонарь, зажженный на флагштоке крепости. Однако в нужный момент красного фонаря под рукой не оказалось. По словам Благонравова, «после долгих поисков такой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он был хорошо виден, представляло большие трудности»²⁰.

Впоследствии Подвойский писал, что постоянные задержки со взятием Зимнего были связаны с надеждой ВРК (которая во многом оправдалась) избежать кровопролития. Он вспоминал: «Но будучи уже обеспечены победой, мы ждали унижительного конца Временного правительства. Мы добивались, чтобы оно сложило оружие перед силой революции, которую мы в данный момент представляли. Мы не открывали оружийного огня, предоставив действовать за стенами Зимнего более сильному нашему оружию — классовой борьбе»²¹. Похоже, что этот фактор сыграл определенную роль. 25 октября в Зимнем дворце явно не хватало продовольствия для почти трех тысяч офицеров, кадетов, казаков и женского батальона. После полудня вездесущему американскому журналисту Джону Риду удалось каким-то образом проникнуть во дворец. Он зашел в одно из помещений, где находились солдаты, и увидел следующую удручающую картину: «По обеим сторонам паркетного пола лежали ряды грязных матрацев и одеял, на которых помещалось несколько человек солдат. По всему полу была грязь от окурков папирос, кусков хлеба, от одежды, пустых бутылок с названиями дорогих французских вин. Много солдат с наплечниками юнкерской школы двигалось в застоявшейся атмосфере, наполненной запахом табачного дыма и немытого человеческого тела... Все это место представляло собою одну огромную казарму и, очевидно, по внешнему виду пола и стен, играло роль казармы в течение многих недель»²².

Время шло, а обещанные припасы и подкрепление с фронта все не поступали. Боевой дух защитников правительства ослабевал, о чем прекрасно знали осаждавшие. В 6 часов 15 минут вечера большая группа юнкеров Михайловского артиллерийского училища покинула дворец, забрав с собой четыре из шести пу-

шек, предназначенных для его обороны. А около 8 часов 200 казачков, охранявших дворец, также разошлись по казармам.

Представители ВРК приняли участие по меньшей мере в двух попытках убедить оставшихся защитников дворца разойтись мирно. В начале вечера представитель ораниенбаумских юнкеров уговорил Чудновского сходить вместе с ним во дворец, чтобы помочь организовать мирный уход юнкеров. Юнкера гарантировали безопасность Чудновского и сдержали свое слово. Но инженер Петр Пальчинский, заместитель министра торговли и промышленности, который помогал руководить защитой дворца, потребовал ареста Чудновского. Юнкера заявили протест и силой добились его освобождения. Дашкевич также проник во дворец, намереваясь склонить на свою сторону некоторых юнкеров; его, как и Чудновского, задержали, но потомпустили. Отчасти благодаря усилиям Чудновского и Дашкевича более половины юнкеров, охранявших Зимний, разошлись примерно в 10 часов вечера²³.

Но все те препятствия, с которыми столкнулся ВРК в организации взятия Зимнего дворца 25 октября, были ничтожными по сравнению с трудностями, выпавшими на долю членов Временного правительства, собравшихся в большом Малахитовом зале на втором этаже. В полдень, через час после бегства Керенского на фронт, Коновалов созвал здесь заседание кабинета министров. Присутствовали все, кроме Керенского и министра продовольствия, видного экономиста Сергея Прокоповича, которого утром задержал патруль восставших, из-за чего он не смог приехать в Зимний до того, как здание было полностью оцеплено. К счастью для историков, несколько участников злополучного последнего заседания кабинета министров Керенского оставили подробные воспоминания о последних часах его существования. Их слова, исполненные боли, свидетельствуют о почти полной изоляции Временного правительства, о том, что министры вследствие этого находились в замешательстве и что воля их была парализована²⁴.

Заседание открыл Коновалов, который сделал доклад о политическом положении в столице. Он сообщил министрам о том, каких успехов добился накануне вечером ВРК, практически не встретивший сопротивления, о сенсационном докладе Полковникова утром и о решении Керенского срочно выехать на фронт. Впервые все члены кабинета смогли осознать всю неспособность командования Петроградского военного округа не только подавить восстание, но даже обеспечить безопасность самих министров. Выслушав доклад Коновалова, адмирал Вердеревский, министр Военно-морского флота, сухо произнес, «что он не понимает, для чего это заседание собрано и для чего мы будем дальше заседать. У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание»²⁵. Он заметил, что было бы целесообразнее провести совместное заседание с Предпарламентом, но

уже через несколько минут, когда поступило известие о роспуске последнего, это предложение потеряло всякий смысл. Сначала большинство министров не разделяло пессимизма Вердеревского. Основную вину за то, что правительство оказалось в бедственном положении, министры были склонны возложить (впрочем, не имея на то достаточных оснований) на Полковникова. Члены кабинета достигли договоренности о том, что его заменят «диктатором», которому будет предоставлена неограниченная власть для восстановления порядка. Постановили, что, пока существует чрезвычайное положение, кабинет министров останется заседать в Зимнем дворце.

Затем в течение почти двух часов велось беспорядочное, бессвязное обсуждение возможных кандидатов на пост «диктатора», которое время от времени прерывалось, например когда Коновалов предпринял тщетную попытку вызвать в Зимний дворец казаков, а другие министры получали отрывочные доклады о последних событиях или, связавшись по прямому проводу с фронтом и по немногим уцелевшим телефонам со своими людьми в столице, отчаянно зывали о помощи. В конце концов кабинет показал свою неспособность отреагировать на настроения народа, выбрав на должность «диктатора» министра социального обеспечения Кишкина. Кишкин, москвич, врач по профессии, не пользовался авторитетом в Петрограде и, самое главное, он был кадетом. Его избрание шло вразрез с призывом занять более примиренческую позицию, с которым Предпарламент накануне обратился к Керенскому. Это решение неизбежно должно было спровоцировать демократические круги и сыграть на руку крайним левым.

Кишкин официально вступил в должность генерал-губернатора после четырех часов. Назначив своими помощниками Пальчинского и Петра Рутенберга, помощника командующего Петроградским военным округом, он срочно выехал в военный штаб, чтобы возглавить борьбу с восставшими. Прибыв на место, Кишкин немедленно уволил Полковникова, которого заменил начальником штаба генералом Багратуни. Судя по всему, эта перестановка только усилила хаос, царивший в штабе. В знак протеста против увольнения Полковникова все его ближайшие сотрудники, в том числе и квартирмейстер генерал Николай Параделов, демонстративно подали в отставку. Некоторые из них тут же собрались и уехали домой. Остальные просто отказались работать и время от времени наблюдали из окон Генерального штаба, как группы революционных солдат, матросов и рабочих приближаются по набережной Мойки и по Миллионной улице²⁶.

А между тем в Зимнем дворце остальные члены кабинета занимались подготовкой воззвания о помощи, которое должно было быть отпечатано для массового распространения. В 6.15 их информировали о том, что юнкера Михайловского артиллерийского училища покинули Зимний, а еще через 15 минут министры перешли в столовую Керенского на третьем этаже, где их

ожидали ужин — борщ, рыба, артишоки — и новые неприятные известия.

В Петропавловской крепости Благодеров под постоянным давлением из Смольного наконец решил, что, несмотря на проблемы с пушками и сигнальным фонарем, штурм Зимнего откладывать больше нельзя. В 6.30 он послал двух самокатчиков в Генеральный штаб, куда они и прибыли через двадцать минут со следующим ультиматумом²⁷: «Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Авроры», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, члены Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 мин. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов, Комиссар Петропавловской крепости Г.Б. 25 октября 1917 г.».

В это время в здании Генерального штаба находились среди прочих Кишкин, генерал Баградуни и генерал Параделов, а также Пальчинский и Рутенберг. Им удалось уговорить одного из самокатчиков вернуться в Петропавловскую крепость и передать их просьбу продлить срок ультиматума на десять минут. Затем, оставив в штабе Параделова, который должен был принять ответ правительства по телефону и передать его второму самокатчику, Кишкин, Баградуни и другие срочно отправились в Зимний дворец для консультаций с кабинетом министров²⁸.

Наряду с ультиматумом ВРК министры получили сообщение и о том, что большое число ранее колебавшихся юнкеров из Ораниенбаума и Петергофа решили покинуть дворец. Кроме того, срок, определенный Антоновым-Овсеенко, уже истек. Министры поспешили в Малахитовый зал решать вопрос о капитуляции. Один из них бросил взгляд на Петропавловскую крепость и Неву со стоящими там кораблями и спросил, ни к кому не обращаясь: «Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь?...» «Он будет обращен в кучу развалин, — ответил адмирал Вердеревский, как всегда спокойно. — У нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания»²⁹.

Но все министры, включая Вердеревского, были единодушны в том, что капитуляция в данных обстоятельствах немыслима. И они решили просто проигнорировать ультиматум. Кишкин, Гвоздев и Коновалов побежали уговаривать юнкеров остаться на местах. В своем дневнике министр юстиции Павел Малянтович пытается объяснить это решение кабинета следующим образом: хотя министры уже не надеялись продержаться до прибытия подкрепления, они были убеждены, что по закону Временное правительство могло передать свои полномочия только Учредительному собранию. Они чувствовали себя связанными обязательством оказывать сопротивление до самого последнего момента, чтобы было совершенно ясно — они уступили только бесспорно превосходящим силам. А тогда, по утверждению Малянтовича, этот момент еще не наступил. Поэтому кабинет и решил на отвечать Военно-революционному комитету и продолжать сопротивление³⁰.

По странному совпадению в тот самый момент, когда в Генеральном штабе получили ультиматум ВРК, в Пскове генерал Черемисов говорил по прямому проводу с генералом Багратуни. Черемисов попросил доложить о положении в столице. Конкретно его интересовало местонахождение правительства, положение Зимнего дворца, поддерживается ли в городе порядок и прибыли ли в Петроград части с фронта. Багратуни начал отвечать на эти вопросы — насколько он мог, — когда его вызвали для вручения ультиматума. Вместо него в Петрограде к проводу подошел генерал Параделов, который выразил Черемисову свои опасения по поводу назначения и деятельности Кишкина и прямо сказал, что Временное правительство обречено. В свою очередь Черемисов попросил Параделова связаться с Зимним дворцом и узнать, как там обстоят дела³¹. Параделов как раз намеревался это сделать, когда явился Багратуни, который собирался в Зимний дворец для передачи ультиматума. Параделову было поручено ждать у телефона ответа правительства. Пока он ждал, здание заполнили революционные солдаты и рабочие; о сопротивлении не могло быть и речи³². А на другом конце прямого провода Черемисов все ожидал ответа. Когда терпение его истекло, он запросил: «Где полковник Параделов и скоро ли он даст ответ?» Задержавшийся в комнате военный телеграфист отступал ему: «[Сейчас найдем.] Штаб занят войсками Военно-революционного [комитета]. Прекращаю работу, ухожу... покидаем штаб сейчас же»³³.

Когда генерал Багратуни и члены кабинета узнали о захвате Генерального штаба, они находились на втором этаже дворца в кабинете помощников Керенского (выходящем окнами во двор), куда они перешли из менее безопасного Малахитового зала. Узнав о захвате здания штаба и утрате подчиненных, Багратуни подал в отставку. Он покинул дворец, но вскоре был задержан, высажен из коляски извозчика и арестован революционным патрулем.

А министры направили русскому народу следующую радиотелеграмму: «Всем, всем, всем... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве.

Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а потому постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии»³⁴.

Министрам удалось установить связь по телефону с петроградским городским головой Шрейдером в здании Городской думы. Они сообщили, что Зимний дворец будет обстрелян с «Авроры» и из Петропавловской крепости, и просили организовать поддержку правительству. Накануне Городская дума, в которой эсеры и кадеты все еще составляли большинство, глубоко встревоженная действиями ВРК, направила в Смольный миссию для выяснения действительного положения вещей; затем, несмотря на ожесточенное сопротивление членов-большевиков, дума, так же как и Предпарламент, приняла меры к созданию Комитета общественной безопасности с целью поддержания порядка в городе и защиты населения. Вняв призыву министров в Зимнем дворце, Шрейдер сразу же созвал чрезвычайное заседание Городской думы. Он объявил, что «через несколько минут загремят пушки и под развалинами Зимнего дворца погибнет Временное правительство Российской Республики», и призвал думу оказать правительству всю посильную помощь. Поскольку войск в распоряжении депутатов не было, они решили немедленно послать эмиссаров на «Аврору», в Смольный и в Зимний с целью прекратить осаду дворца и урегулировать разногласия между правительством и Военно-революционным комитетом»³⁵.

А между тем в Петропавловской крепости наконец удалось решить проблему с пушками и сигнальным фонарем. Благонравов и Антонов-Овсенко готовились к обстрелу Зимнего дворца. Еще одна задержка произошла, когда они получили сообщение (как впоследствии выяснилось, ошибочное и, очевидно, вызванное сдачей Генерального штаба), что Зимний дворец капитулировал. Благонравов и Антонов-Овсенко отправились на другой берег, чтобы проверить этот слух. В 9 час. 40 мин. Благонравов вернулся в крепость и дал «Авроре» сигнал открыть огонь. В соответствии с приказом «Аврора» произвела холостой выстрел из носового орудия. Звук холостого залпа гораздо громче, чем боевыми снарядами. Оглушительные раскаты разнеслись по всей столице. Любопытные зрители на набережных Невы бросились на землю и затем в панике поспешили убраться восвояси, а военные силы в Зимнем дворце поределели еще больше (многие юнкера, а вслед за ними и часть женщин-военных, наконец, покину-

ли свои посты). Залп «Авроры» не причинил никакого ущерба вопреки предсказанию Вердеревского и позднейшим легендам. После залпа «Авроры» артиллеристы в Петропавловской крепости решили выждать время, чтобы все, кто желает, смогли покинуть дворец. Именно в этот момент вахтенный офицер на «Амуре» увидел в устье Невы огни и поднял тревогу: «Приближаются корабли!» Но когда стали видны их силуэты, старожилы «Амура», к большой своей радости, узнали эсминцы «Самсон» и «Забияка» в сопровождении других кораблей из Гельсингфорса³⁶.

Около 11 часов вечера Благонравов дал приказ открыть настоящий огонь. Большинство снарядов с грохотом разорвалось над Невой, не причинив вреда, но один из них разрушил часть карниза на Зимнем, а взрывом другого разбило угловое окно на третьем этаже над залом, в котором проходило заседание правительства. Взрыв испугал министров, и у некоторых из них появились сомнения в целесообразности дальнейшего сопротивления.

Со стены Петропавловской крепости за этим фейерверком наблюдал Тарасов-Родионов. Звуки взрывов заглушали оружейную и пулеметную стрельбу, а также звон освещенных трамваев, которые цепочкой ползли по Троицкому и Дворцовому мостам. Тарасов-Родионов подумал: «Странная революция. Рабочий Совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается»³⁷.

К этому моменту гласным Городской думы стало совершенно ясно, что их надежды сыграть роль посредника между ВРК и осажденными министрами в Зимнем дворце не осуществляются. Комиссар ВРК не разрешил представителям думы даже приблизиться к «Авроре». Делегация, направленная в Зимний дворец, была несколько раз остановлена восставшими, и в конце концов ей пришлось поспешно вернуться в здание Городской думы после того, как ее обстреляли с верхних этажей Зимнего дворца. («Вероятно, юнкера не разглядели наш белый флаг», — сказал впоследствии один из членов этой делегации.) Больше повезло эмиссарам думы — среди них был городской голова Шрейдер, — которые направились в Смольный. Им удалось на несколько минут встретиться с Каменевым, который сумел устроить так, чтобы Молотов в качестве сопровождающего отправился с ними в Зимний дворец. Но и этой делегации не удалось прорваться сквозь узкую полоску ничейной земли между кольцом революционных сил и баррикадами защитников правительства³⁸.

Примерно в то же время, когда Городскую думу информировали об этих неудачах, позвонил правый эсер Семен Маслов, министр сельского хозяйства. С ним разговаривал эсер Наум Быховский, который поспешил передать слова Маслова притихшим гласным думы. По словам Быховского, Маслов заявил: «Мы здесь, в Зимнем дворце, совершенно брошены и оставлены. Нам посылали во Временное правительство демократия, мы не хотели туда идти, но мы пошли. А теперь, когда наступила беда, ког-

да нас расстреливают, мы не встречаем ни от кого поддержки. Конечно, мы умрем здесь, но последним моим словом будет — презрение и проклятие той демократии, которая сумела нас послать, но которая не сумела нас защитить»³⁹.

Быховский тут же предложил думе в полном составе отправиться в Зимний дворец, «чтобы умереть вместе со своими избранниками». «Пусть наши товарищи знают, — воскликнул он, — что мы не бросили их, пусть они знают, что мы готовы умереть вместе с ними». Эта идея нашла отклик практически у всех, кроме большевиков. По словам присутствовавших журналистов, большинство депутатов встали и несколько минут громко аплодировали этому предложению. До того, как оно было поставлено на голосование, поступила просьба представителя Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов о том, чтобы руководству крестьянских Советов было разрешено «выйти и умереть вместе с думой». Затем выступил министр продовольствия Прокопович, который со слезами в голосе просил разрешения пройти в Зимний дворец, «чтобы разделить участь своих товарищей». Не уступила ему и графиня Софья Панина, известная кадетка, которая вызвалась «стать перед орудиями» и добавила, что «только через их головы большевики могут расстреливать Временное правительство». Выход к Зимнему дворцу несколько задержался, так как кто-то попросил провести поименное голосование по предложению Быховского. Во время голосования большинство членов подчеркнуто выразили свою готовность «умереть вместе с правительством», а затем проголосовали за, после чего каждый большевик торжественно провозгласил, что он «собирается идти в Совет», и решительно проголосовал против⁴⁰.

Все это время Ленин находился в Смольном. Его выводило из себя любое промедление с захватом Зимнего и беспокоила возможность того, что к началу съезда не все члены Временного правительства окажутся за решеткой. Впоследствии Андрей Бубнов вспоминал: «Ночь 25 октября... Ильич очень торопил с взятием Зимнего дворца, основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступлений»⁴¹. Его слова подтверждает Подвойский: «Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять»⁴².

Открытие съезда было запланировано на два часа дня. Поздно вечером стало ясно, что откладывать больше нельзя, как бы того ни хотелось Ленину. Наконец в 10 часов 40 минут вечера Дан зазвонил в колокольчик и объявил съезд открытым. Он заявил: «...Ц.И.К. считает излишним открывать настоящее заседание политической речью... В это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно вы-

полняя свой долг министров, возложенный на них Ц.И.К.»⁴³.

Джон Рид, которому удалось пробиться сквозь бурлящую толпу у входа в зал, впоследствии так описывал обстановку в Белом зале Смольного: «На рядах мест под белыми канделябрами, набившись в притворы, в боковые проходы, усевшись на каждый подоконник и даже на край трибуны, представители рабочих и солдат всей России ожидали в напряженном молчании и в состоянии чрезвычайной экзальтации звонка председателя.

Зал не отапливался, но воздух был удушливо-горяч от огромной массы людей. Неприятный сизый дым от папирос висел в сгущенной атмосфере.

По временам кто-нибудь из руководителей взбирался на трибуну и просил товарищей не курить. Тогда все, включая и курящих, подхватывали восклицание: «Не курите, товарищи» — и... продолжали курить...

На трибуне сидели вожак старого Ц.И.К. ...

Дан зазвонил в колокольчик.

Неожиданно наступило молчание, напряженное и нарушаемое лишь бранью и спорами людей в дверях»⁴⁴.

Согласно предварительному докладу мандатной комиссии, 300 из 670 делегатов, прибывших в Петроград на съезд, были большевиками, 193 — эсерами (из них более половины — левые эсеры), 68 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами, а остальные или принадлежали к мелким политическим группировкам, или вообще не входили ни в какую официальную организацию⁴⁵. О резком увеличении поддержки, которой пользовались большевики, — всего за несколько последних месяцев — свидетельствует тот факт, что численность их фракции возросла в три раза со времени I Всероссийского съезда Советов, проходившего в июне. Это была самая крупная партия, представленная на съезде. Однако важно учесть, что, несмотря на это, на момент открытия съезда большевики не имели бы абсолютного большинства без значительной поддержки со стороны левых эсеров.

По прибытии в Смольный делегаты должны были заполнить подробную анкету, и благодаря этому сегодня мы знаем не только об их политической принадлежности, но и о том, какие местные Советы входили в число 402 Советов, представленных на съезде, и какую официальную позицию они занимали по вопросу о структуре нового правительства страны. Анализ анкет даст поразительный результат: подавляющее большинство — 505 делегатов — поддерживали лозунг «Вся власть Советам!», то есть выступали за создание Советского правительства, которое должно было отражать партийный состав на съезде. 86 делегатов в принципе собирались проголосовать за лозунг «Вся власть демократии», то есть за однородное демократическое правительство, включающее представителей крестьянских Советов, профсоюзов, кооперативов и т.д.; 21 делегат намеревался поддержать коалиционное демократическое правительство, в которое вой-

дут представители некоторых имущих классов, но не кадеты. И лишь 55 делегатов, то есть меньше 10%, по-прежнему поддерживали старую политику коалиции с кадетами⁴⁶.

Поскольку соотношение сил было именно таким, сразу же после открытия съезда 14 большевиков заняли места в президиуме рядом с 7 левыми эсерами (меньшевики, которые получили три места в президиуме, отказались занять их, а меньшевики-интернационалисты не заняли одно выделенное им место, но оставили за собой право сделать это). Дан, Либер, Бройдо, Гоц, Богданов и Василий Филипповский, которые руководили работой Совета с марта, освободили места, отведенные для руководителей Совета. Под гром аплодисментов их сразу же заняли Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Зиновьев, Камков, Мария Спиридонова, Мстиславский и другие известные большевики и левые эсеры⁴⁷.

В этот момент, как бы в ознаменование перемен, издали до- несся, как отдаленный раскат грома, звук пушечного выстрела. Мартов встал и охрипшим, дрожащим голосом сделал срочное заявление. Он потребовал, чтобы съезд прежде всего попытался урегулировать политический кризис мирным путем. Он сказал, что единственный выход из чрезвычайного положения — это прекращение боевых действий, а затем начало переговоров с целью создания коалиционного демократического правительства, приемлемого для всех демократических сил. Исходя из этого, он предложил образовать специальную делегацию, которая начнет обсуждать с другими политическими партиями и организациями шаги по незамедлительному прекращению уличных столкновений.

Выступивший от левых эсеров Мстиславский поддержал предложение Мартова. Более того, по всей видимости, оно было положительно воспринято многими большевиками. Один из присутствующих, Суханов, оглядев зал, заметил, что «очень большая часть собравшихся приветствовала выступление Мартова громом аплодисментов». А репортер из газеты «Дело народа» отметил: «Заявление Мартова покрывается бурными аплодисментами большей части зала». В достоверности этих сообщений сомневаться не приходится, так как большинство делегатов съезда имели мандат поддержать создание съездом коалиционного правительства из числа партий, представленных в Совете, и предложение Мартова преследовало именно эту цель. В опубликованных протоколах съезда указывается, что от имени большевиков на выступление Мартова ответил Луначарский, который заявил, что «фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова». В документах съезда также указывается, что предложение Мартова было сразу же единогласно принято⁴⁸. После того как съезд поддержал предложение о создании путем переговоров демократического коалиционного правительства, целый ряд ораторов — представителей блока умеренных социалистов, ранее игравшего главенствующую

роль, выступили с осуждением большевиков и заявили о своем намерении немедленно уйти со съезда в знак протеста против их действий. Первым высказался в этом духе Яков Харащ, офицер-меньшевик и делегат комитета 12-й армии: «За спиной съезда благодаря политическому лицемерию партии большевиков совершена преступная политическая авантюра... Меншевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать собственные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть». А другой офицер, известный меньшевик Георгий Кучин, выступивший от имени блока умеренных делегатов фронтовых армейских комитетов, добавил: «Съезд организовался для того, чтобы главным образом заняться вопросом об образовании власти, и между тем мы видим, что авантюра захвата власти уже произведена и воля съезда предрешена... Необходимо спасти революцию от этой безумной попытки, и во имя спасения революции мы будем мобилизовывать все революционные сознательные силы в армии и стране. Фронтовая группа... снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры... и покидает этот съезд»⁴⁹.

Эти резкие заявления вызвали у большей части собравшихся бурю протеста. Послышались крики: «Корниловцы!», «Кого вы представляете?». Однако после того, как Каменеву удалось восстановить какую-то видимость порядка, Лев Хинчук, представитель Московского Совета, и Михаил Гендельман, адвокат и член ЦК эсеров, сделали такие же резкие и враждебные заявления от имени меньшевиков и эсеров. «Единственным возможным мирным выходом из положения остаются переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии», — подчеркнул Хинчук. После этих слов, пишет Суханов, «в зале поднимается страшный шум, возмущены не только большевики, оратору долго не дают продолжать». В конце концов Хинчук прокричал: «Фракция... покидает настоящий съезд, приглашая все другие фракции, одинаково с нею отказывающиеся нести ответственность за действие большевиков, собраться немедленно для обсуждения положения». Послышались крики: «Дезертиры!» Однако Гендельман сделал заявление примерно в таком же духе: «В предвидении взрыва народного возмущения, неизбежного вследствие должествующего обнаружиться краха большевистских обещаний... фракция с.-р. призывает все революционные силы страны организовать и быть на страже революции... Констатируя захват власти партии большевиков... фракция с.-р. возлагает на них всю ответственность за последствия их безумного и преступного шага и, устанавливая вследствие этого невозможность совместной с ними работы... покидает съезд»⁵⁰.

Обстановка в зале накалилась: топали ногами, свистели, кричали. В ответ на открыто провозглашенное Военно-революционным комитетом восстание меньшевики и эсеры склонились вправо, и разрыв между ними и крайне левыми увеличил-

ся еще больше. Чтобы понять весь масштаб событий 24—25 октября, достаточно вспомнить, что меньше чем за сутки до этого фракции меньшевиков и эсеров на съезде, представлявшие широкие круги в обеих партиях, казалось, были на грани полного разрыва с буржуазными партиями и поддержки создания однородного социалистического правительства, выступающего за мир и реформы. Конечно, понятно, почему меньшевики и эсеры отреагировали именно таким образом. И в то же время нельзя не прийти к выводу, что, решительно выступив против действий большевиков, а также рабочих и солдат, которые охотно пошли за ними и, более того, покинули съезд, умеренные социалисты свели на нет усилия по достижению компромисса, предпринимавшиеся меньшевиками-интернационалистами, левыми эсерами и умеренными большевиками. Этим они сыграли на руку Ленину, неожиданно открыв путь к созданию правительства, возможность существования которого никогда раньше открыто не обсуждалась, то есть к установлению исключительно большевистской власти. В своих воспоминаниях о революции Суханов признает, что демонстративный уход меньшевиков и эсеров имел огромное историческое значение. Он отмечает: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции».

Борьба на Съезде за единый демократический фронт *могла* иметь успех... Уходя со Съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожизненцев, — мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей «линии» Ленина»⁵¹.

Конечно, в то время последствия этого решения были не так заметны, как сейчас. Тогда же, вслед за Харашем, Кучиным, Хинчуком и Гендельманом выступили несколько радикально настроенных делегатов-солдат, которые заявили, что Хараш и Кучин никоим образом не выражают точку зрения простого солдата. «Пусть они уходят — армия не с ними!» — воскликнул молодой худощавый солдат Карл Петерсон, представитель латышских стрелковых полков. Справедливость его слов вскоре стала очевидна всем. В зале ему устроили овацию. «Кучин говорил о мобилизации сил, — воскликнул Франц Гжельщак, солдат-большевик из фронтовой 2-й армии, как только шум утих. — Против кого? Против рабочих и солдат, выступающих на защиту революции? Кого он будет организовывать? Ясно, не тех рабочих и солдат, против которых он сам хочет вести войну». А другой большевик, Федор Лукьянов, солдат 3-й армии, заявил, что «...мнение Кучина является мнением высших армейских организаций, которые избраны еще в апреле и уже давно не отражают мнений и настроений широких армейских масс»⁵².

В этот момент в обсуждение вмешался Генрих Эрлих, представитель Бунда (еврейской социал-демократической организа-

ции). Он информировал съезд о том, что несколько минут назад большинство гласных Городской думы приняли решение идти процессией к Зимнему дворцу. Он добавил, что меньшевистская и эсеровская фракции в Исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов решили присоединиться к гласным в знак протеста против насилия в отношении Временного правительства и приглашают всех делегатов съезда, «кто не желает кровопролития», принять участие в этом марше. Именно в этот момент меньшевики, эсеры, бундовцы и члены «фронтальной группы» под крики «Дезертиры!», «Лакеи буржуазии!» и «Враги народа!» встали и вышли из зала.

Вскоре после ухода основной группы меньшевиков и эсеров выступил Мартов, который по-прежнему стремился прежде всего содействовать достижению мирного компромисса между умеренными социалистами и радикально настроенными левыми. Он предложил резолюцию от имени меньшевиков-интернационалистов, которая осуждала большевиков за организацию переворота до открытия съезда и призывала к созданию на широкой основе демократического правительства, которое заменило бы Временное правительство. Резолюция, в частности, гласила: «Принимая во внимание, что этот переворот грозит вызвать кровопролитие, междоусобие и... торжество контрреволюции... и что единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно, — меньшевистская фракция предлагает съезду принять постановление о необходимости мирного разрешения создавшегося кризиса путем образования общедемократического правительства... Для этой цели назначить делегацию для переговоров с другими организациями демократии и всеми социалистическими партиями. Впредь до выяснения результатов работ этой делегации фракция меньшевиков-интернационалистов предлагает съезду приостановить свои работы»⁵³.

Очевидно, с точки зрения Ленина, принятие предложенной Мартовым резолюции означало бы катастрофу; с другой стороны, отсутствие представителей умеренных сил давало возможность закрепить разрыв с ними. Вскоре после того, как Мартов вернулся на место, делегаты съезда поднялись и устроили овацию неожиданно появившейся фракции большевиков в Городской думе. Члены фракции, которым наконец удалось пробиться в зал, заявили, что они пришли «победить или умереть вместе со Всероссийским съездом». Затем Троцкий, которого все считали лучшим оратором большевиков, вышел на трибуну и заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, — это восстание, а не заговор. Мы закаляли револю-

ционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда и которые делают эти предложения? Но ведь мы их видели целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии? Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...»

«Тогда мы уходим!» — крикнул Мартов среди бурных рукоплесканий Троцкому. А Троцкий тут же огласил резолюцию, осуждающую уход со съезда делегатов — меньшевиков и эсеров как «бессильную и преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции». Резолюция, в которой говорилось о поддержке восстания против Временного правительства, заканчивалась следующими словами: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию. Заслушав заявления с.-р. и меньшевиков, Второй всероссийский съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа и его восстанием 24 и 25 октября. Долой соглашателей! Долой прислужников буржуазии! Да здравствует победоносное восстание солдат, рабочих и крестьян!»⁵⁴

Ясно, что левым эсерам, левым меньшевикам и умеренным большевикам было так же трудно смириться с этим резким осуждением меньшевиков и эсеров и полностью поддержать вооруженное восстание в Петрограде, как большевикам-ленинцам принять резолюцию Мартова. В своем докладе на I съезде левых эсеров в ноябре, когда эти события были еще свежи в памяти, Камков попытался объяснить позицию левых эсеров в тот момент, когда разрыв между социалистами в России увеличился еще больше, когда, несмотря на усилия левых эсеров, ВРК был превращен в орган восстания и сверж Временного правительства, и когда умеренные социалисты осудили этот шаг и попытались противодействовать ему. Он отметил: «...Мы, как политические деятели, в момент, когда происходит громадное по своему историческому значению не только в судьбе русской революции, но и международной, мы меньше всего могли бы заниматься моральной характеристикой, учетом того, что происходило. Как люди,

заинтересованные в защите революции, мы раньше всего должны были спросить, что делать сегодня, когда факт восстания осуществлен... нам было ясно, что для партии революции, партии революционного социализма в этой создавшейся фазе русской революции... наше место быть с революцией... Мы решили не только оставаться в Смольном, но и принять самое энергичное участие [в том, чтобы отстоять те завоевания, которые могут быть закреплены в данной стадии]... Мы должны все силы употребить, чтобы была создана новая власть, но чтобы она была признана если не всей революционной демократией, то хотя бы ее большинством. Мы думаем, что, несмотря на озлобление, которое внесло петроградское восстание... зная, что и в правой части есть масса честных революционеров, только неправильно понимающих русскую революцию, наша задача заключалась в том, чтобы не обострять отношение между самой демократией... Мы рассматривали и свою задачу, задачу левых с.-р., как задачу связать порванную цепь, объединявшую два фронта русской демократии... И мы были убеждены, что они [правая часть революционной демократии] примут с некоторым опозданием ту платформу, которая является не платформой фракции или партии, а платформой истории и примут участие в создании новой власти»⁵⁵.

А на заседании II съезда Совестов в ночь с 25 на 26 октября Камков, поднявшийся на трибуну вслед за Троцким, громко заявил: «Правые эсеры ушли со съезда, но мы, левые эсеры, остались!» Это заявление вызвало овацию. Но когда аплодисменты утихли, Камков тактично, но твердо выступил против линии Троцкого, указав, что предлагаемый Троцким шаг несвоевременен «ввиду того, что продолжают контрреволюционные попытки». Он добавил, что реальная крестьянская сила не у большевиков, «а крестьянство — это пехота революции, без которой революция должна погибнуть»⁵⁶. Исходя из этого, он подчеркнул, что левые силы не должны «изолировать себя от умеренных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними».

По-видимому, определенное значение имеет тот факт, что Камкову ответил не Троцкий, а более уравновешенный Луначарский: «Тяжесть задачи, выпавшей на нас, — вне всякого сомнения. Для успешного разрешения этой задачи необходимо объединение различных элементов, действительно революционных элементов демократии. Упреки тов. Камкова по нашему адресу несомнительны. Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отмечающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... В своей резолюции мы

хотели определенно, честно, открыто сказать, что, несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело, мы будем вести пролетариат и армию к борьбе и победе»⁵⁷.

Бурные дебаты относительно диаметрально противоположных позиций Мартова и Троцкого продолжались до позднего вечера. В конце концов представитель левых эсеров потребовал объявить перерыв для обсуждения вопроса в фракциях, заявив, что если перерыва не будет, то левые эсеры немедленно покинут заседание. Вопрос был поставлен на голосование, и в 2 часа 40 минут было принято решение объявить перерыв. Каменев предупредил, что съезд возобновит работу через полчаса⁵⁸.

К этому времени шествие гласных Городской думы к Зимнему дворцу закончилось полным фиаско. Около полуночи гласные, члены Исполкома крестьянских Советов и те участники съезда, которые только что ушли из Смольного (всего около двухсот человек), собрались у здания думы на Невском проспекте. Было холодно, начался дождь. Участники разношерстной процессии, возглавляемые Шрейдером и Прокоповичем (у последнего в одной руке был зонт, а в другой фонарь), построившись в шеренги по четыре и распевая «Марсельезу», прихватив с собой пакеты с хлебом и колбасой, предназначенные для «министров», двинулись по направлению к Адмиралтейству. Не успели они пройти и квартала, как на Казанской площади их остановил отряд солдат, которые уговорили делегацию отказаться от попыток идти дальше. Оказавшийся неподалеку Джон Рид описал это следующим образом: «Как раз на углу Екатерининского канала под большим электрическим фонарем кордон вооруженных моряков тянулся через Невский, закрывая путь толпе, шествовавшей в колонне по четверо в ряд.

В демонстрации принимало участие от 300 до 400 человек — мужчин в сюртуках, хорошо одетых женщин, офицеров всякого рода... во главе с седобородым стариком Шрейдером, городским головой Петрограда, и Прокоповичем, министром снабжения Временного правительства, арестованным сегодня утром и выпущенным на свободу.

Я увидел Малкина, репортера «Русских ведомостей».

— Отправляемся умирать в Зимний дворец, — весело прокричал он.

Процессия не подвигалась. Но в первых рядах ее шел горячий спор. Шрейдер и Прокопович кричали по адресу рослого моряка, который, по-видимому, командовал отрядом:

— Мы требуем, чтобы нас пропустили!..

— Нет, — твердо ответил моряк, — я не могу пропустить вас...

Подошел другой моряк в весьма повышенном настроении.

— Мы отдубасим вас! — воскликнул он энергично. — Если будет необходимо, мы будем и стрелять. Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое!

В ответ на это последовал взрыв негодования и гневных восклицаний.

Прокопович забрался на какой-то ящик и, размахивая своим зонтиком, обратился к демонстрантам с речью:

— Товарищи и граждане! Против нас пущена в ход сила. Мы не можем нашей невинной кровью запятнать руки этих невежественных людей!.. Вернемся в думу и обсудим средства спасения страны и революции!

И в полном достоинства молчании процессия повернулась и пошла назад по Невскому, сохраняя свой прежний строй»⁵⁹.

Перевалило уже далеко за полночь. Положение министров в Зимнем дворце было отчаянным и ухудшалось с каждой минутой. Силы его сторонников таяли, в результате чего часть восточного крыла дворца осталась без охраны. Через окна этого крыла в здание стали во все больших количествах проникать повстанцы. А в зале заседаний на втором этаже министры ждали конца: одни — безвольно опустившись в кресла, другие, как Малянтович, — устроившись на диване. Коновалов курил одну папиросу за другой и нервно расхаживал по залу, время от времени выходя в соседнее помещение, где находился единственный работающий телефон. До министров доносились крики и приглушенные звуки взрывов и выстрелов — это верные правительству офицеры и юнкера пытались отбить революционные войска. Обстановка обострилась, когда в помещении наверху взорвался артиллерийский снаряд, выпущенный из Петропавловской крепости, и когда матросы, проникшие во дворец, бросили с балкона в зал на нижнем этаже две гранаты. Два юнкера получили ранения и были доставлены к Кишкину для оказания первой помощи.

Время от времени в зал заглядывал Пальчинский, который пытался успокоить министров. Он каждый раз заверял их в том, что проникшие во дворец мятежники задержаны и ситуация все еще под контролем. Малянтович описал один из этих эпизодов: «Часу в первом ночи, может быть, позже мы получили известие, что процессия из думы вышла. Дали знать караулу...

Опять шум... Он стал уже привычным... Опять, вероятно, ворвались большевики и, конечно, опять обезоружены...

Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления. И опять их было много...

А сколько их уже во дворце?.. Кто фактически занимает дворец теперь — мы или большевики?...»⁶⁰

Хотя в советских исследованиях утверждается иное, на самом деле Зимний дворец не был взят штурмом. Впоследствии сам Антонов-Овсеенко рассказывал, что к концу вечера «вообще вся атака Дворца носила совершенно беспорядочный характер... Наконец, когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже немного, мы с Чудновским повели атакующих внутрь Дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления уже не оказали, и мы свободно проникли вглубь Дворца в поисках Временного Прави-

тельства»⁶¹. По всей вероятности, это произошло около 2 часов ночи, так как в это время Коновалов сообщил Шрейдеру по телефону: «Ворвался Временный революционный комитет... У нас всего небольшое количество юнкеров... Через несколько минут мы будем арестованы». А через несколько минут, когда Шрейдер сам позвонил в Зимний, ему уже ответил грубый голос: «Что угодно, откуда говорят?...» Шрейдер ответил: «Из городской управы, хочу узнать, что у вас делается». Незнакомый голос ответил: «Я часовой, ничего у нас не делается»⁶².

А между тем шум, доносившийся в зал, где находились члены Временного правительства, неожиданно приобрел какой-то зловеющий оттенок. Малянтович впоследствии вспоминал: «И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы — что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец...

Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто...

А шум все крепнул, все нарастал и быстро, широкой волной подкатывался к нам...

Все это в несколько минут...

Уже у входной двери в комнату нашего караула — резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных, редких выстрелов, топот ног, какие-то стуки, передвижения, слитый нарастающий единый хаос звуков и все растущая тревога...»⁶³

Малянтович добавляет, что даже в этот момент небольшая группа юнкеров рядом с залом, где сидели министры, была, по-видимому, готова продолжать сопротивление. Однако всем уже стало ясно, что «оборона бесполезна, а жертвы бесцельны», то есть что пришло время сдаваться. Кишкин приказал командиру охраны объявить о готовности правительства сдаться. Затем министры заняли места вокруг стола и безучастно наблюдали за происходящим. Распахнулась дверь, и, по словам Малянтовича, «в комнату влетел, как щепка, брошенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату...». Этим человечком был Антонов-Овсеенко. «Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?» «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы», — ответил Антонов-Овсеенко, а Чудновский стал записывать фамилии присутствующих и составлять протокол. Убедившись в отсутствии самой желанной добычи — Керенского, многие из нападавших пришли в неистовство. Кто-то крикнул: «Какого черта, товарищи! Приколоть их тут и вся недолга!...» Малянтович вспоминает, что Антонову-Овсеенко удалось спасти членов кабинета от самосуда. Он твердо сказал: «Товарищи, вести себя спокойно! Все члены Временного правительства арестованы. Они будут заклю-

чен в Петропавловскую крепость. Никакого насилия над ними учинить я не позволю. Ведите себя спокойно!»⁶⁴

Министров вывел из Зимнего дворца на Дворцовую площадь специальный конвой вооруженных матросов и красногвардейцев, их окружила толпа злословящих, издевающихся, размахивающих кулаками людей. Автомобиль найти не удалось, поэтому пришлось идти в крепость пешком. Когда процессия приблизилась к Троицкому мосту, толпа, собравшаяся вокруг министров, снова злобно потребовала, чтобы им отрубили головы и бросили в Неву. На этот раз министров спасло то, что кто-то вдруг открыл пулеметную стрельбу (по-видимому, без всякой цели) из приближающейся автомашины. Услышав выстрелы, пулеметчики из Петропавловской крепости решили, что обстреливают их, и тоже открыли огонь. Министры, сопровождающие лица и случайные зрители бросились врассыпную. Во всей этой неразберихе арестованных быстро переправили через мост в крепость, где они оказались в безопасности⁶⁵.

Министров провели в небольшое помещение, которое освещалось одной коптящей керосиновой лампой. У входа они увидели Антонова-Овсенко, который сидел за маленьким столиком и дописывал протокол, начатый Чудновским в Зимнем дворце. Антонов-Овсенко прочитал его вслух, провел переключку арестованных и попросил каждого расписаться. После этого министров развели по промозглым камерам в старинном Трубецком бастионе, неподалеку от того места, где с прошлого февраля находились в заключении бывшие царские чиновники. По дороге Коновалов вдруг сообразил, что у него кончились папиросы. Он робко попросил закурить у сопровождавшего его матроса и испытал большое облегчение, когда тот не только дал ему махорки и бумаги, но и, увидев, что Коновалов не умеет делать этого, свернул ему самокрутку⁶⁶. Перед тем как захлопнулась дверь его камеры, Никитин обнаружил у себя в кармане позабытую телеграмму, посланную Украинской радой в министерство внутренних дел. Он вручил ее Антонову-Овсенко и тусклым голосом произнес: «Это получено от Украинской Центральной Рады. Теперь уже это Вам придется распутывать»⁶⁷.

А между тем в Смольном возобновилось заседание съезда Советов. По иронии судьбы именно Камневу, который полтора месяца самым решительным образом выступал против восстания, выпал жребий объявить о конце Временного правительства: «Получено сообщение, что главы контрреволюции, заседавшие в Зимнем дворце... захвачены Петроградским революционным гарнизоном». Едва он произнес эти слова, как в зале поднялся невероятный шум. Потом Камнев прочитал список бывших министров, которые были арестованы. При упоминании фамилии Терещенко, который был символом продолжающейся ненавистой войны, делегаты снова разразились криками и аплодисментами.

Каменев также объявил (возможно, для того чтобы заверить собравшихся, что революции в ближайшее время ничто не угрожает), что 3-й батальон самокатчиков, вызванный в Петроград с фронта Керенским, перешел на сторону революции. Вскоре после этого обнадеживающего сообщения комиссар ВРК из Царскосельского гарнизона вышел вперед и заявил, что находящиеся там войска поклялись защитить подступы к Петрограду. Он сообщил: «Узнав о приближении самокатчиков, мы приготовились к отпору. Но тревога была напрасной, так как оказалось, что среди товарищей самокатчиков нет врагов Всероссийского съезда Советов (в протоколах зафиксировано, что это сообщение вызвало новый взрыв аплодисментов. — А.Р.). Когда мы послали к ним своих комиссаров, выяснилось, что они также стоят за власть Советов, за немедленную передачу земли крестьянам... и за введение рабочего контроля над производством»⁶⁸.

Как только он замолчал, потребовал слова представитель 3-го батальона самокатчиков. Он объяснил поведение солдат следующим образом: «До последнего времени мы служили на Юго-Западном фронте. На днях по телеграфному распоряжению нас двинули на север. В телеграмме говорилось, что мы едем защищать Петроград, но от кого — нам это было неизвестно; мы походили на людей с завязанными глазами; мы не знали, куда нас отправляют, но смутно догадывались, в чем дело. В пути всех нас мучил вопрос: куда? зачем? На станции Передольской мы устроили летучий митинг совместно с 5-м самокатным батальоном для выяснения настоящего положения. На митинге выяснилось, что среди всех самокатчиков не найдется ни одного человека, который согласился бы выступить против братьев и проливать их кровь. Мы решили, что не будем подчиняться Временному правительству. Там, — сказали мы, — находятся люди, которые не хотят защищать наши интересы, а посылают нас против наших братьев. Я заявляю вам конкретно: нет, мы не дадим власть правительству, во главе которого стоят буржуи и помещики!»

А чуть позже Крыленко, который информировал съезд о последних событиях на Северном фронте, подтвердил, что солдаты на фронте не намерены защищать Временное правительство. Там создан Военно-революционный комитет, цель которого — противодействовать попыткам направить в столицу военные силы, поддерживающие старое правительство. Крыленко также объявил, что генерал Черемисов уже признал полномочия этого комитета; что комиссар Керенского на Северном фронте Войтинский подал в отставку; и что в Военно-революционный комитет Петрограда прибывает одна за другой делегации частей, уже направленных в столицу, и заявляют о своей солидарности с Петроградским гарнизоном⁶⁹.

Судя по всему, именно в этот момент в зал вернулась по меньшей мере часть фракции меньшевиков-интернационалистов. Ее представитель Капелинский попытался привлечь внимание делегатов к предложению Мартова о том, чтобы в работе съезда

был объявлен перерыв и специальная делегация выяснила мнение всех социалистических организаций по вопросу о создании представительного демократического правительства. В недалеком будущем многие из тех делегатов, которые проигнорировали или освистали это предложение Капелинского, вновь будут заинтересованы в договоренности с группами умеренных сил. Но в тот момент, воодушевленные кажущейся легкостью, с которой была одержана победа над режимом Керенского, они не были склонны поддерживать его. От имени большевиков Каменев с ходу отверг призыв Капелинского, мотивируя это тем, что умеренным социалистам некого винить, кроме самих себя, в том, что предложение Мартова о поисках мирных путей урегулирования кризиса не было осуществлено. Одновременно он предложил отложить обсуждение резолюции Троцкого, осуждающей меньшевиков и эсеров, чтобы не исключать возможности возобновления отношений с ними.

Меньшевики-интернационалисты снова покинули зал. В этот момент встал Луначарский и предложил съезду срочно принять воззвание, написанное Лениным и озаглавленное «Рабочим, солдатам и крестьянам!». В воззвании говорилось о поддержке восстания в Петрограде, о передаче высшей политической власти в руки съезда и местных Советов по всей территории России, а также в самых общих чертах о ближайших планах нового руководства. Текст этого исторического воззвания, которое со временем стало основой политической власти Советов, гласил:

«Рабочим, солдатам и крестьянам!»

Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На Съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончились. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьянство, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народом и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — сделают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное сопротивление корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов,

Делегаты от крестьянских Советов»⁷⁰.

Выступление Луначарского неоднократно прерывалось громом аплодисментов. Когда он закончил и удалось восстановить какое-то подобие порядка, Камков заявил, что левые эсеры готовы поддержать воззвание с небольшой поправкой. Поправка была тут же принята. Представитель крошечной фракции меньшевиков — объединенных интернационалистов заявил, что он также проголосует за воззвание, если будет внесена поправка о немедленном создании правительства при участии самых широких слоев населения. Его предложение не было принято, и он заявил, что его сторонники воздержатся при голосовании. И наконец, в 5 часов утра 26 октября было проведено голосование по ленинскому воззванию, узаконившему создание революционного правительства. Оно было принято подавляющим большинством при двух голосах против и двенадцати воздержавшихся. Забрелжил рассвет, хмурый и туманный, как всегда в Петрограде поздней осенью, и делегаты съезда стали расходиться по домам. А в Смольном усталые руководители Военно-революционного комитета, многие из которых не смыкали глаз несколько дней подряд, устраивались спать прямо на полу своего тесного штаба. Ленин отправился на квартиру Бонч-Бруевича, расположенную неподалеку, чтобы отдохнуть и составить декрет о земельной реформе для принятия на следующем заседании съезда. Так большевики пришли к власти в Петрограде, и так началась новая эра в истории России и всего мира.

Эпилог

Около 9 часов вечера 25 октября, за несколько часов до захвата Зимнего дворца силами Военно-революционного комитета, Керенский прибыл в штаб Северного фронта в Псков. Еще до его приезда Псковский Совет принял резолюцию, запрещающую отправку фронтовых частей в Петроград для защиты Временного правительства. Вскоре после этого Крыленко доложил на II съезде Советов, что военно-революционный комитет, созданный Псковским Советом, установил контроль над местными средствами связи и транспорта и действиями верховного командования. Это сообщение вызвало ликование депутатов. А командующий Северным фронтом генерал Черемисов, понимая бессмысленность попытки противодействовать войскам в сложившихся обстоятельствах и осознавая безнадежность положения Временного правительства, отменил предыдущий приказ о направлении подкреплений с фронта в Петроград. Более того, он приказал остановиться тем войскам, которые уже находились на пути в столицу. Черемисов информировал прибывшего Керенского, что не может гарантировать его личную безопасность, и настоятельно рекомендовал немедленно уехать из Пскова¹.

Поздно вечером того же дня Керенский встретился в Пскове с генералом Петром Красновым, сменившим покойного генерала Крымова на посту командующего 3-м корпусом — крупным формированием, которое по приказу генерала Корнилова в конце августа двинулось на Петроград с целью захватить столицу. Краснов, архиреакционер в политике, не одобрил решение Черемисова приостановить отправку солдат с фронта в Петроград и склонялся к тому, чтобы мобилизовать собственных казаков для «умиротворения» столицы. Но к этому времени личный состав 3-го корпуса был разбросан по территории в сотни километров, и его солдаты, как и другие солдаты на Северном фронте, в массе своей отнюдь не поддерживали Временное правительство. Поэтому все силы, которые Краснову удалось собрать для Керенского, составили двенадцать с половиной казачьих эскадронов по

70 человек, небольшое количество легкой артиллерии, один бронепоезд и один броневик. Утром 27 октября эти силы заняли Гатчину, где Керенский разместил свой штаб. Затем после небольшой передышки, во время которой они тщетно пытались найти подкрепления, войска начали подготовку к скорейшему наступлению на столицу².

Между тем в Петрограде II Всероссийский съезд Советов одобрил ленинские Декреты о мире и о земле. Декрет о мире заявлял об отказе от тайной дипломатии и о незамедлительных переговорах с целью обеспечения демократического мира «без аннексий и контрибуций». Декрет о земле, основу которого составляла пользовавшаяся популярностью аграрная программа левых эсеров, провозглашал отмену частной собственности на землю и передачу всех частных и церковных земель волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов для раздела в соответствии с нуждами сельского населения. Депутаты разошлись рано утром 27 октября, избрав новый Центральный Исполнительный Комитет под председательством Каменева в составе 62 большевиков, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов и 4 представителей второстепенных левых групп. Съезд также одобрил создание временного революционного правительства. Этот новый орган³, официально названный Советом Народных Комиссаров, первоначально состоял исключительно из большевиков. В него вошли: Ленин (председатель), Троцкий (внешняя политика), Рыков (внутренние дела), Милютин (сельское хозяйство), Шляпников (трудовые ресурсы), Ногин (промышленность и торговля), Луначарский (просвещение), Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко (армия и флот), Ломов (юстиция), Скворцов-Степанов (финансы), Иван Теодорович (продовольствие), Николай Вилов (почта и телеграф), и Сталин (национальный вопрос). Одним из первых решений Совета Народных Комиссаров были выборы в Учредительное собрание, намеченные на 12 ноября⁴.

Противники большевистского режима, с самого начала оказывавшие ему ожесточенное сопротивление, объединились вокруг так называемого Комитета спасения родины и революции, образованного 26 октября. Главными его организаторами были меньшевики и эсеры — члены Петроградской городской думы. В него входили представители городской думы, президиума Предпарламента, бывшего Центрального Исполнительного Комитета, Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, члены фракций меньшевиков и эсеров, покинувших II съезд Советов, представители профсоюзов железнодорожников и Почтово-телеграфного союза, Центрфлота, а также ЦК меньшевиков и эсеров. В первые дни после прихода к власти большевиков этот комитет призвал правительственных чиновников и население воздерживаться от признания Совета Народных Комиссаров и выполнения его

приказов и заявил о своем праве вновь собрать Временное правительство.

Руководители Комитета спасения также разработали план восстания в Петрограде, приурочив его к вступлению в столицу казаков Краснова, которых ожидали с минуты на минуту. Однако ночью 28 октября, еще до начала наступления Краснова, об этих намерениях узнал Военно-революционный комитет. Поэтому уже на следующее утро Комитет за спасение был вынужден начать открытые военные действия против большевиков. Юнкера из военных училищ столицы захватили Петроградский телефонный узел, гостиницу «Астория» и Госбанк. Затем они стали готовиться к тому, чтобы выбить большевиков из Смольного. Но поскольку из всех военных, находившихся в Петрограде, мятеж поддерживали только юнкера, они явно не могли тягаться с силами, которые быстро сумел собрать Военно-революционный комитет. Объекты, захваченные утром 29 октября юнкерами, были легко отбиты. Военные училища, принявшие участие в мятеже, быстро изолировали, блокировали, а одно из них даже обстреляли артиллерией. Еще до наступления ночи все военные училища капитулировали, и стихийный мятеж был практически подавлен⁵.

Против сформированного в ночь с 26 на 27 октября большевистского правительства активно выступил также Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (Викжель), в котором главенствующую роль играли умеренные социалисты. Викжель претендовал на роль посредника между Военно-революционным комитетом и Комитетом спасения, а также выступал за создание однородного социалистического правительства, включающего представителей всех социалистических групп от правых до крайних левых, то есть от народных социалистов до большевиков. С этой целью Викжель назначил на 29 октября совещание социалистических партий и пригрозил, что в случае, если враждующие стороны не прекратят военных действий и не начнут переговоры о создании правительства более широкого состава, то в полночь 29 октября начнется всеобщая забастовка железнодорожников⁶. Угроза была достаточно серьезной, ибо, лишив Петроград связи со страной и перекрыв доступ продовольствия, Викжель мог поставить новое правительство в положение, совершенно для него неприемлемое. И это было одной из причин, в силу которых большевики согласились принять участие в созванном Викжелем совещании, которое началось, как и было запланировано, вечером 29 октября⁷.

Викжелю удалось организовать политические переговоры на высоком уровне, но он не смог добиться прекращения военных действий. Решающая битва между силами Краснова, состоявшими примерно из тысячи казаков, и армией, превышающей их по численности примерно в 10 раз, в которую входили отряды рабочих, солдаты Петроградского гарнизона и матросы-балтийцы, произошла 30 октября на Пулковских высотах к северу от Цар-

ского Села. Это сражение, которое впоследствии получило меткое название «Вальми русской революции»⁸, было сумбурным, неорганизованным и кровопролитным. Обе стороны понесли тяжелые потери. К концу дня наступление деморализованных сил Краснова было остановлено. Над казаками, у которых кончались боеприпасы, нависла угроза, что их обойдут с фланга и отрежут от тылов. Они были вынуждены отойти в Гатчину и через два дня согласились прекратить сопротивление и выдать Керенского (для ареста и предания суду) при условии, что им гарантируют амнистию и беспрепятственный проезд домой. Керенский, предупрежденный о намерении казаков капитулировать, едва успел скрыться, переодевшись в форму матроса и нацепив автомобильные очки⁹.

Под давлением Викжеля, призывы которого к достижению компромисса и окончанию гражданской войны поддерживали левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, а также такие массовые организации столицы, как Петроградский Совет профсоюзов, Центральный совет фабрично-заводских комитетов и несколько районных Советов, обсуждение вопроса о создании социалистического правительства на широкой основе затянулось на несколько дней. В начале переговоров представители центральных комитетов меньшевиков и эсеров были в большей степени озабочены необходимостью поисков военной поддержки для победы над большевиками, нежели стремлением достичь с ними договоренности¹⁰. Но когда стало ясно, что надежды на легкую победу над большевиками беспочвенны, руководители умеренных социалистов проявили готовность войти вместе с большевиками в коалиционный кабинет. Однако они по-прежнему решительно отказывались участвовать в создании любого правительства, в которое входили бы Ленин или Троцкий. Кроме того, умеренные социалисты добивались гарантий того, что большевики не станут играть главную роль в будущем правительстве¹¹.

С 29 по 31 октября, когда казалось, что силы Краснова вот-вот возьмут столицу и когда большевики столкнулись с большими трудностями в укреплении своей власти в Москве, большевики, по-видимому, были готовы пойти на значительные уступки по этим принципиальным вопросам¹². В эти дни Ленин и Троцкий, целиком занятые организационными и военными делами, не принимали участия ни в партийных собраниях, на которых была определена позиция большевиков по вопросу о правительстве, ни в заседаниях ЦИК, ни в совещаниях под эгидой Викжеля, на котором обсуждались характер и программа нового правительства. В отсутствие Ленина и Троцкого особый вес приобрело мнение Каменева, Зиновьева, Рыкова, Милютина и других большевиков, придерживавшихся умеренных взглядов. Каменев и его единомышленники были твердо убеждены, что единственный шанс защитить и сберечь завоевания революции, а также обеспечить скорейший созыв Учредительного собрания и заключе-

ние мира, дает создание социалистического коалиционного правительства на широкой основе, за что они и выступали с самого начала. Поэтому их основное требование сводилось к тому, что в новый кабинет не должны входить представители имущих классов и что он должен осуществлять общую политическую и социальную программу, утвержденную II съездом Советов.

По странному совпадению именно в тот момент, когда руководство партии большевиков склонилось к компромиссу, меньшевики и эсеры не проявили большой заинтересованности в достижении договоренности с большевистским режимом. А после поражения Краснова, когда умеренные социалисты проявили большую склонность к достижению соглашения с большевиками, ЦК большевиков отверг позицию, занятую его умеренными членами, и стал проводить гораздо более жесткую линию в переговорах под эгидой Викжеля. Это произошло отчасти потому, что непосредственная угроза существованию нового режима в Петрограде миновала, а также из-за того, что Ленин и Троцкий вновь приняли участие в работе высшего руководства партии, которое и согласилось с их линией. Представители партии получили указание принять участие в переговорах Викжеля с единственной целью — показать, что коалиция с умеренными социалистами нереальна, и содействовать скорейшему свертыванию переговоров¹³.

Однако даже после голосования в ЦК, когда был отклонен подход, предложенный умеренными большевиками, они продолжали выступать в таких органах, как Центральный Исполнительный Комитет, за создание правительства с участием всех социалистических партий. Более того, 3 ноября Каменев и Зиновьев добились того, что ЦИК поддержал усилия по созданию такого правительства¹⁴. У Ленина, который полторы недели назад требовал исключить Каменева и Зиновьева из партии за то, что они открыто выступили против восстания, готовность умеренных саботировать работу партии и вновь поставить под угрозу дело революции вызывала крайнее раздражение. 3 ноября он написал ультиматум, который впоследствии подписали еще деятели членов ЦК и в котором «оппозиция» ставилась перед выбором: или она соблюдает партийную дисциплину и поддерживает политику, одобренную большинством, или будут приняты меры к исключению ее из партии¹⁵.

Ленинский ультиматум был официально представлен 4 ноября. После этого Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин в знак протеста вышли из ЦК. Кроме того, Рыков, Ногин и Милютин, а также Теодорович вышли из правительства. А через несколько недель, когда дискуссии под эгидой Викжеля так ничем и не кончились, в Совет Народных Комиссаров согласились войти левые эсеры, и некоторые из них впоследствии получили портфели членов правительства¹⁶. Вскоре после создания коалиционного правительства большевиков и левых эсеров Каменев и его сторонники перестали открыто противопоставлять себя

большевистскому руководству. Со временем все они вновь заняли ответственные посты в партии и правительстве. Что же касается левых эсеров, то в середине марта 1918 года они подали в отставку и вышли из Совета Народных Комиссаров в знак протеста против подписания на тяжелых условиях Брест-Литовского мирного договора, который положил конец участию России в первой мировой войне.

Что ожидало советский режим в ближайшем будущем? Два с половиной года гражданской войны против внутренних и внешних врагов, когда жестокая, разрушительная борьба велась не на жизнь, а на смерть. За войной последовал экономический и социальный кризис, превзошедший по масштабам все, что довелось испытать России с 1917 года. За эти годы испытаний демократический характер партии большевиков был утрачен, Советы лишились независимости, на всей территории страны вновь утвердилась гнетущая, централизованная бюрократическая система, а политическая и экономическая жизнь страны оказалась подчинена диктату большевистского руководства¹⁷. Но эти события — уже следующая глава в истории России, не менее знаменательная, чем предыдущая.

На главный вопрос о том, почему большевики победили в борьбе за власть в Петрограде в 1917 году, нельзя дать однозначного ответа. Конечно, сейчас, спустя более чем полвека, совершенно ясно, что как слабость кадетов и умеренных социалистов в революционный период, так и жизнеспособность и влияние крайних левых сил в этот же период определялись особенностями политического, социального и экономического развития России в течение XIX столетия и начале XX. Кроме того, на ход и результаты революции 1917 года в Петрограде не могла не оказать значительного влияния первая мировая война. Если бы Временное правительство не стремилось вести войну до победного конца (а в 1917 году это решение не получило широкой поддержки), то оно, несомненно, имело бы больше шансов справиться с теми многочисленными проблемами, которые стали неизбежным следствием крушения старого порядка, и в частности удовлетворить требования населения, касающиеся безотлагательных радикальных реформ.

В сложившейся ситуации важным источником роста авторитета большевиков в 1917 году была чрезвычайная притягательность платформы партии, воплощенной в лозунгах «Мира, земли, хлеба!» и «Вся власть Советам!». Большевики с необычайной энергией и изобретательностью завоевывали поддержку среди петроградских фабричных рабочих и солдат, а также кронштадтских матросов. Для этих групп лозунг «Вся власть Советам!» означал создание демократического и целиком социалистического правительства при представительстве всех партий и групп в Совете, выступающего за немедленное заключение мира, проведение подлинных преобразований внутри страны, а также за

скорейший созыв Учредительного собрания. В конце весны и летом 1917 года цели, провозглашенные большевиками, и особенно лозунг передачи власти Советам, получили дополнительную поддержку благодаря целому ряду факторов. Экономическое положение страны ухудшалось. Над солдатами Петроградского гарнизона нависла реальная угроза отправки на фронт. Народные массы все меньше и меньше верили в возможность быстрого достижения мира и проведения реформ Временным правительством. Одновременно с этим все основные политические группировки утратили доверие масс, поскольку были связаны с правительством и призывали к терпению и жертвам во имя победы в войне. А после корниловского мятежа низшие слои населения Петрограда, можно сказать, единодушно выступали за разрыв коалиции правительства с кадетами.

Кроме того, способность большевиков всего за восемь месяцев подготовиться к взятию власти была обусловлена той большой работой, которую партия проводила, чтобы заручиться поддержкой солдат в тылу и на фронте; по-видимому, только большевики смогли понять важнейшую роль вооруженных сил в борьбе за власть. И наконец — и это самое главное — феноменальные успехи большевиков в значительной степени проистекали из характера партии в 1917 году. И здесь я имею в виду вовсе не смелое и решительное руководство Ленина (огромное историческое значение которого бесспорно) и не вошедшие в поговорку (хотя и сильно преувеличенные) организационное единство и дисциплину большевиков. Здесь важно подчеркнуть присущие партии сравнительно демократическую, толерантную и децентрализованную структуру и методы руководства, а также ее в сущности открытый и массовый характер.

Как мы знаем, на всех уровнях петроградской организации большевиков в 1917 году продолжались свободные и оживленные дискуссии по основополагающим вопросам теории и тактики. Несогласные с большинством имели возможность бороться за свои взгляды. Нередко Ленин проигрывал в этой борьбе. Для того чтобы в полной мере оценить значение терпимости к разногласиям и готовности к постоянным взаимным уступкам, достаточно вспомнить, что на многие из важнейших резолюций и официальных заявлений большевиков, сделанных в 1917 году, в равной мере повлияли как взгляды правых в партии большевиков, так и взгляды Ленина. Кроме того, умеренные большевики, такие как Каменев, Зиновьев, Луначарский и Рязанов, входили в число самых видных и уважаемых представителей партии в важнейших общественных организациях, таких, как Советы и профсоюзы.

В 1917 году занимавшие подчиненное положение партийные организации, такие, как Петербургский комитет и «Военка», обладали значительной независимостью и могли проявлять инициативу. Их мнение и критические замечания принимались во внимание при формировании политики на самых высоких уров-

нях. Самое главное, что эти нижестоящие организации имели возможность изменять свою тактику и лозунги в зависимости от обстановки и от того, кому они адресованы. В партию было принято огромное число новых членов, которые также сыграли важную роль в определении политики большевиков. Среди них — многие руководители Октябрьской революции, такие, как Троцкий, Антонов-Овсеенко, Луначарский и Чудновский, а также десятки тысяч рабочих и солдат, представлявших самые нетерпеливые и недовольные слои на фабриках и в гарнизоне, практически ничего не смыслившие в марксизме и не желавшие ничего слышать о партийной дисциплине. Все это вызвало большие затруднения в июле, когда руководители Военной организации и Петербургского комитета поддерживали рвущихся в бой рядовых членов и пошли вразрез с позицией ЦК, выступив за восстание. Но в период реакции после июльского восстания, а также в ходе борьбы против Корнилова, а затем и во время Октябрьской революции обширные и всемерно укрепляемые связи большевиков на фабриках, в рабочих организациях на местах и подразделениях Петроградского гарнизона и на Балтийском флоте стали важным источником стойкости и силы партии.

О значении тех активных контактов, которые существовали в 1917 году внутри высшего эшелона власти партии, а также между ним и рядовыми членами партии и массами, для успешной деятельности большевиков свидетельствует следующий эпизод, имевший место после июльского восстания. В то время Ленин считал, что Временное правительство находится под прямым контролем контрреволюционных элементов; переоценивая способности правительства нанести ущерб интересам левых сил, он был убежден, что Советы, в которых тогда преобладали меньшевики и эсеры, не располагают необходимой властью. Поэтому он требовал от партии отказа от курса на мирную передачу власти Советам и сосредоточения внимания на подготовке к вооруженному восстанию при первой же возможности. Другие руководители, многие из которых поддерживали особенно тесные связи с рабочими и солдатами, а также играли активную роль в Центральном Исполнительном Комитете и Петроградском Совете, не исключали того, что меньшевики и эсеры могут стать потенциальными союзниками, а Советы — законными революционными органами. Хотя лозунг «Вся власть Советам!» был официально снят VI съездом в конце июля, в деятельности на местах эта перемена не отразилась. Более того, на съезде не было принято решения свернуть работу по привлечению Советов на свою сторону, и эта работа продолжала оставаться одним из основных направлений деятельности партии в течение всего августа.

Как выяснилось, последствия реакции против левых сил после июля не были столь серьезными, как ожидалось. Более того, репрессивные меры правительства, а также преследование всех лидеров левых сил и явно возрастающая угроза контрреволюции вызвали в массах еще большую неприязнь к режиму Керенского

и способствовали их более тесному сплочению вокруг Советов во имя защиты революции. Большевики, которые действовали в союзе с меньшевиками и эсерами в первую очередь через революционные комитеты, созданные Советами, сыграли ведущую роль в сокрушительном разгроме Корнилова. В столице корниловщина привела к стремительному усилению и росту авторитета Петроградского Совета, который стал гораздо радикальнее как по составу, так и по занимаемой позиции. В результате большевики в начале сентября вновь официально провозгласили свой главный доиюльский лозунг «Вся власть Советам!».

По-видимому, самым наглядным примером того, какую роль сыграла сравнительно свободная и гибкая структура партии, а также ее способность приводить свою тактику в соответствие с настроениями масс, является то, что произошло во второй половине сентября, когда партийные деятели в Петрограде отказались прислушаться к несвоевременным призывам все еще скрывающегося в Финляндии Ленина немедленно поднять восстание. Конечно, 10 октября ЦК большевиков в присутствии Ленина поставил на повестку дня вопрос о вооруженном восстании и захвате власти. Однако в последующие дни появилось достаточно указаний на то, что восстание, начатое независимо от Советов и до начала II съезда Советов, не получит поддержки петроградских масс, что против захвата власти большевиками выступают все остальные крупные политические партии, крестьяне в губерниях и солдаты на фронте, а возможно, и такие массовые демократические организации, как Советы и профсоюзы, и что партия так или иначе технически не готова к схватке с правительством. В этих обстоятельствах те партийные руководители в Петрограде, которые были осторожными в тактических вопросах, во главе с Троцким разработали стратегию, в соответствии с которой органы Петроградского Совета предполагалось использовать для захвата власти, наступление на правительство должно быть замаскировано под оборонительную операцию, низложение правительства следовало бы увязать с работой II съезда Советов.

21-23 октября, воспользовавшись в качестве предлога намерением правительства отправить большую часть гарнизона на фронт и представляя каждый свой шаг как оборонительную меру против контрреволюции, Военно-революционный комитет Петроградского Совета установил контроль над большинством военных частей в Петрограде и, таким образом, фактически без единого выстрела разоружил Временное правительство. В ответ на это рано утром 24 октября Керенский принял меры для подавления левых сил. И только тогда буквально за несколько часов до запланированного открытия съезда Советов и отчасти благодаря настойчивым напоминаниям Ленина и началось то вооруженное восстание, к которому он призывал уже больше месяца.

Существует мнение, что все-таки восстание, происшедшее 24—25 октября, имело важнейшее историческое значение, поскольку, побудив большинство меньшевиков и эсеров покинуть

II съезд Советов, помешало созданию на съезде социалистического коалиционного правительства, в котором умеренные социалисты могли бы занять сильные позиции. Благодаря этому оно проложило путь к созданию Советского правительства под полным контролем и руководством большевиков. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что так оно все и было на самом деле. Однако важно отметить: вооруженное восстание в том виде, в котором его представлял себе Ленин, стало возможным только после того, как правительство предприняло прямое наступление на левые силы. И здесь следует повторить, что массы в Петрограде, которые в той или иной степени поддерживали большевиков, выступавших за свержение Временного правительства, сделали это не потому, что как-то симпатизировали идее прихода к власти одних большевиков, а потому, что верили: над революцией и съездом нависла угроза. Только создание представительного полностью социалистического правительства — за которое, как считали массы, и выступали большевики — могло дать им надежду, что не будет возврата к ненавистной жизни при старом режиме, что удастся избежать смерти на фронте, что Россия сумеет быстро выйти из войны и, вообще, жизнь станет лучше.

Послесловие

Издание книги Александра Рабиновича в нашей стране (в США она вышла в 1976 году) — яркая примета перестройки. До апреля 1985 года оно было бы невозможным. Ведь эта книга, а вернее, образ Октябрьской революции, который она создает, далеко не во всем соответствует одномерному, лубочному представлению об Октябре, о большевиках 1917 года, сформированного трудами, исходившими из догматов «Краткого курса истории ВКП(б)».

Первые работы, посвященные революции, опубликованные в 20-е годы, были многообещающими. Даже такой противник большевизма, как В.Бурцев, в начале 1925 года писал Б.Николаевскому из Парижа: «Последнее время мне попадется много исторической литературы, изданной в России. Читаю с увлечением. Создается настоящая школа изучения революционного движения. В каких Вы блестящих условиях работаете!.. Пока эта русская историческая литература не имеет широкого размаха в выборе тем, нет в ней и широты критики... Но то, что она теперь делает, — огромное богатство, и в будущем им можно прекрасно воспользоваться для изучения истории русского революционного движения»*. Увы, в начале 30-х годов этот обнадеживающий процесс был искусственно оборван...

И только теперь в советской историографии Октября обозначились качественные сдвиги. Вполне допускаю, что могут найтись такие читатели, которые обнаружив в книге А.Рабиновича действительно спорные, а то и неверные** утверждения, расценит перевод ее на русский язык как некую «ошибку». Однако,

---

* ЦГАОР, ф. 9217, оп. 1, д. 2, л. 10 об.

**Укажем на одно, наиболее очевидное из них. Рассказывая об июльских событиях, А.Рабинович вскользь бросает фразу: «Хотя теперь не вызывает сомнения, что в период революции большевики получали деньги из немецких источников, известно также, что в момент июльского восстания правительство еще не располагало достаточными доказательствами». Думается, что эта фраза «автоматически» заимствована автором из книг, написанных на эту тему на Западе. Но ведь даже среди самих советологов есть такие, кто отвергает это «предположение» как доказанное.

как остроумно заметил поэт Саша Черный, 2 или даже 22 фразы, вырванные из разных мест книги, так же не могут дать понятие о ценности ее автора, как 2 или даже 22 волоса, вырванные из головы критика, не дадут нам понятия о богатстве его шевелюры.

Впрочем, и возможных критиков тоже можно понять. С треском рушится «установочная» историография, и открывается простор для широкого научного поиска, а значит, для исторического спора, исторической дискуссии — подлинной стихии познания. Наконец судить о том, что удалось и не удалось автору, предстоит самому читателю, ему предоставляется возможность отделять зерна от плевел...

Но перевод книги А.Рабиновича на русский язык — это не только плод перестройки. Я бы сказал еще, что это весьма своевременный плод. Ведь в ней — признание русской революции, нашего Октября, подтверждение его народности, его демократизма. И что, может быть, тоже немаловажно, это взгляд со стороны. А ведь со стороны, как говорится, бывает виднее.

Разоблачения сталинщины и брежневщины не прошли бесследно и для трактовки Октября. Все чаще звучат вопросы: а не была ли большевистская революция той почвой, на которой вырос ядовитый гриб сталинизма? А если это так, то зачем Октябрь? Не следовало ли остановиться на февральском рубеже?

Будем откровенны: наша октябрьская историография, поставленная перед этими действительно нелегкими вопросами, пока не готова исчерпывающе, аргументированно ответить на них. Основное достоинство книги А.Рабиновича — одного из зачинателей новой советологической «октябристики», опрокинувшей традиционный для западной историографии «консенсус» об Октябре как «путче», — состоит как раз в том, что она предлагает ответы на эти важные вопросы. Причем они не навязываются читателю; ценно то, что они как бы сами «вытекают» из объективного, всестороннего анализа того огромного исторического материала, который привлечен автором.

Судите сами. Весь послениюльский период истории революции (вплоть до Октябрьского вооруженного восстания и II съезда Советов) показывается в книге как острейшая борьба в основном трех политических сил, стремившихся вывести страну из того тяжелейшего кризиса, в который ее ввергли царизм и его преемник — Временное правительство. Каждая из борющихся сторон видела свой путь «спасения страны», который искренне считала правильным. Правые, консервативные элементы источником кризиса считали «революционную анархию», демократию и исподволь готовили установление «порядка» — военную диктатуру генерала Корнилова. В революционно-демократическом лагере, решающей силой которого по мере развития и углубления революции, по мере радикализации масс все больше становились большевики, напротив, были убеждены, что преодоление кризиса — в осуществлении социальных реформ, на которые способно не Временное правительство, а Советы. Двигать рево-

люцию дальше, дальше — таков был лозунг тех, кто находился в этом лагере, кто шел за Лениным. Между этими двумя полосами фактически металось правительство Керенского, упорно поддерживаемое меньшевиками и эсерами.

В персонифицированном виде проблему можно, по-видимому, представить так: Корнилов, Керенский или Ленин? Взвесим же возможные политические итоги борьбы. Победа Корнилова означала бы не только разгром революции (большевиков, Советов и других революционно-демократических организаций), но и вообще конец февральской демократии (устранение Временного правительства в том числе). За этой победой явственно вставала угроза монархической реставрации. Победа Керенского представлялась крайне проблематичной: своим участием в антикорниловской борьбе в конце августа он оттолкнул от себя правых, а своим участием в подготовке корниловщины поколебал веру в себя даже в меньшевистско-эсеровской среде. Временное правительство оказалось политическим банкротом. По выражению одного из современников — любителя черного юмора, — даже брюки на министрах сидели как на покойниках.

Думается, что вполне обоснована мысль автора согласно которой вопрос о мирном или немирном переходе власти к Советам в реально сложившейся ситуации во многом зависел от позиции меньшевистского и эсеровского руководства. Ведь они, конечно, не были политическими слепцами. Они видели стихийно нараставшую радикализацию масс, их поворот в сторону большевиков, сознавали, что именно большевики выражают жизненные интересы этих масс — властные требования мира, земли, хлеба, рабочего контроля. Понимали они и то, что уклонение от этих проблем, затягивание их решения в конце концов может привести к победе корниловщины. Об этом, между прочим, свидетельствует выступление меньшевистского лидера Ф.Дана в Предпарламенте 24 октября. Он говорил: если большевистское восстание «будет затоплено в крови и вооруженной рукой будет водворен «порядок», на деле это будет торжеством той третьей силы, которая сметет большевиков, правительство, демократию и революцию». Казалось бы, понимая это, меньшевики и эсеры должны были искать пути соглашения с большевиками — выразителями воли масс. В.И.Ленин придавал исключительное значение такому соглашению. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, — писал он, — то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 222).

Разве в Апрельских тезисах В.И.Ленин не предлагал Советам (меньшевистско-эсеровским!) взять власть в свои руки, сохранив за большевиками роль политической оппозиции? Разве В.И.Ленин и большевики не предложили такой же компромисс меньшевикам и эсерам в начале сентября, несмотря на их, мягко

сказать, неблагоприятное поведение в июльские дни, когда большевики подверглись репрессиям и клевете? Разве уже после победы Октябрьского восстания, на II съезде Советов и позже, большевики не открыли дорогу в Советское правительство другим социалистическим партиям, выдвинув тогда лишь одно непереносимое условие: признание демократических декретов съезда?

Догматическая приверженность (Россия переживает не социалистическую, а буржуазную революцию) и неверие в творческие возможности народа, боязнь его крепко держали правых социалистов в коалиции с буржуазными партиями. Сказывалась и логика межпартийной борьбы.

Можно ли считать аргументы противников большевиков совершенно беспочвенными? Вероятно, нет. Но в революционную эпоху партии, считавшие себя революционными, должны действовать по-революционному, обязаны идти в массы и идти с массами. Хотели того меньшевики и эсеры или нет, но их линия сдерживания революции ставила барьер на пути проведения тех жизненно важных социальных реформ, которых от имени масс требовали большевики. Пожалуй, наиболее емко причину политического краха «керенщины» определил американец Р.Робинс (в 1917 году он находился в России как представитель американской миссии Красного Креста): Керенский и те, кто его поддерживали, пытались перевести революционную ситуацию в эволюцию. Бездна дело...

Книга А.Рабиновича убедительнейшим образом разрушает клише, согласно которому большевики в 1917 году представляли собой закрытую «секту». Сотнями, тысячами нитей партийные организации были связаны с массами, улавливали их настроения, их желания и воплощали их в своей политической линии, в своих лозунгах. Они вырабатывались не по «команде» В.И.Ленина или ЦК, но в ходе дискуссий, сопоставления точек зрения, борьбы мнений, порой принимавшей острую форму. Иначе и быть не могло.

Остается фактом (и А.Рабинович указывает на это), что в течение 8 месяцев, от Февраля к Октябрю, наполненных яростной политической борьбой, большевики лишь к концу сентября — началу октября пришли к окончательному выводу о необходимости насильственного свержения Временного правительства. Есть поразительное высказывание В.И.Ленина, к сожалению редко цитируемое в исторической литературе. Приведем его полностью. В марте 1920 года, обращаясь к недалекому еще прошлому, В.И.Ленин говорил: «Эсеры и меньшевики проделали оплот, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе... только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти

вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием» (Полн. собр. соч., т. 40, с. 178-179).

Порой высказывается мысль: нельзя было торопиться, для решения кардинальных проблем требовалось время. Но, как писал В.И. Ленин, один день революции равен месяцам обычной «сонной» жизни. Не торопись революция — поторопилась бы контрреволюция...

Нет, большевики не захватили власть, как это в течение многих лет утверждали их противники и советологи-традиционалисты. Большевики пришли к власти, как это показал в своей книге А. Рабинович. Пришли потому, что их поддержали, а вернее, выдвинули массы после того, как стало очевидно, что ни одна другая партия не готова преодолевать общенациональный кризис на путях радикальных социальных реформ. Представляется, что такое видение Октября отражает подлинную реальность 1917 года. В этом видении — ясное понимание того, что Октябрь спас демократические завоевания Февральской революции, предотвратил вероятность установления военной диктатуры и открыл возможность социалистических преобразований в интересах народа.

Как и почему не все идеалы Октябрьской революции оказались реализованными (в годы гражданской войны) или грубо попранными (в период сталинщины) — другая, особая тема. Она требует такого же беспристрастного и всестороннего исследования, которое осуществил А. Рабинович в предложенной ныне советскому читателю живой, яркой книге о Великом Октябре.

Г.З. Иоффе

Примечания

В газетах за 1917 год указаны только число и месяц.

К советскому читателю

¹ Рабинович Е. Фотосинтез. т. I—III. М., 1951—1959.

² Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968.

³ Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle, 1981; Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986; Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y., 1989; Gill G.J. Peasants and Government in the Russian Revolution. London, 1979; Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt. Princeton, 1980; and The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1988; Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 — April 1918. London, 1978; Siegelbaum L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914—1917: A Study of the War-Industries Committees. London, 1983; Wade R.A. Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984; Keep John L.H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. N.Y., 1976; Koenker D.P. and Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989; Smith S.A. Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917—1918. Cambridge, 1983; Mandel D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days, 1917. N.Y., 1983 and The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. N.Y., 1984; Koenker D.P. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; Russia's Democratic Revolutions: The Provisional Government of 1917 and the Soviet State. Berkeley, forthcoming; Galili y Garcia Ziva. The Menshevik Leaders of the Petrograd Soviet in 1917. Princeton, 1989; Melancon M. The Socialist Revolutionaries During World War I and the February Revolution. Columbus, forthcoming.

Предисловие

¹ Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958; Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, 1974; Suny R.G. The Baku Commune, 1917—1918. Princeton,

1972; Ferro M. La Revolution de 1917: La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. P., 1967; Katkov G. Russia 1917: The February Revolution. N.Y., 1967; Wade R.A. The Russian Search for Peace: February — October 1917. Stanford, 1969.

² Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917—1921. 2vols. N.Y., 1935.

³ После начала первой мировой войны немецкое название столицы России «Санкт-Петербург» было изменено на русское «Петроград».

⁴ Meigunov S.P. The Bolshevik Seizure of Power. Santa Barbara, 1972. Это сокращенный перевод его же книги «Как большевики захватили власть». Париж, 1953.

⁵ Daniels R.V. Red October. N.Y., 1967.

⁶ Ленин изложил свои взгляды на задачи Российской социал-демократической рабочей партии в написанной им в 1902 г. работе «Что делать?». См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 3—192.

⁷ Там же, т. 27, с. 299—426.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 1—74. См. также Старцев В.И. Очерки истории Петроградской Красной Гвардии и рабочей милиции. М. 1965, с. 18—19; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Отв. ред. Фрайман А.Л. В 2-х томах. АН СССР. Институт истории. Ленинградское отделение. Л., 1967, т. I, с. 184—185.

⁹ Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1925, с. 23.

¹⁰ Возвратившись 4 мая 1917 года из-за границы, Троцкий возглавил небольшую социал-демократическую организацию - Межрайонный комитет. В дни, непосредственно предшествовавшие июльским событиям, он и многие его сподвижники тесно сотрудничали с большевиками. На VI съезде РСДРП (б), состоявшемся в конце июля, Межрайонный комитет официально слился с партией большевиков и Троцкий стал членом ее ЦК.

¹¹ Чтобы выразить свою оппозицию войне, Петербургский комитет не стал менять свое название после переименования Петербурга в Петроград.

¹² Военная организация большевистской партии («Военка») была создана петроградской партийной организацией в марте 1917 г. для ведения революционной агитации и пропаганды среди солдат Петроградского гарнизона и моряков военно-морской базы в Кронштадте. В апреле месяце ЦК взял руководство «Военкой» непосредственно в свои руки, поставив перед ней задачу добиться перехода воинских частей на фронте и в тылу на сторону большевиков и превращения их в надежную и дисциплинированную революционную силу.

¹³ В советской историографии наиболее полный и точный анализ политики большевиков в этот период содержится в статье Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте—апреле 1917 года». См. «Вопросы истории», 1956, № 4, с. 38—56. Чешский историк Михаил Рейман отмечает такой важный факт, что в нескольких городах России существовали объединенные большевистско-меньшевистские организации: «Стремление к объединению было очень сильным во всей большевистской партии, проникая даже в Центральный Комитет. Оно было настолько велико, что часто заслоняло и серьезные разногласия, которые на практике сделали уже объединение невозможным». Рейман М. Русская революция, 13 февраля — 25 октября 1917 года. В 2-х томах. Прага, 1968, т. 2, с. 162.

¹⁴ Эти дискуссии велись в связи с Всероссийским совещанием Советов, состоявшемся в Петрограде с 29 марта по 3 апреля.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.

¹⁶ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики), апрель 1917 года. Протоколы. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1958, с. 290—291; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП (б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. Ред. Куделли П.Ф. М.—Л., 1927.

¹⁷Седьмая конференция, с. 241—245.

¹⁸В состав избранного на Апрельской конференции ЦК наряду с Лениным, Сталиным, Свердловым и Смирновой входили представители умеренных: Каменев, Ногин, Милютин и Зиновьев.

¹⁹Не упоминался, например, спорный тезис Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция уже завершилась в России и что власть должна быть передана пролетариату и беднейшему крестьянству. В резолюции «О текущем моменте» русская революция характеризовалась как «только первый этап первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной», и утверждалось, что в различных странах постепенно создаются условия для объединенных революционных действий. В этой же резолюции разъяснялось, что, поскольку российский пролетариат действует в одной из самых отсталых стран Европы, он не в состоянии осуществить социалистическое переустройство общества. Тем не менее он может предпринять такие практические шаги на пути к социализму, как национализация земли, установление государственного контроля за банками и другие меры, направленные на уменьшение неравенства в распределении собственности.

Этот акцент на отсталости России и на необходимости специфических экономических завоеваний отражал подход Каменева. Ленин предпочел бы сосредоточить внимание исключительно на факторах, способствующих доведению до конца революции в России. Он был против того, чтобы поддерживать надежды на частичные реформы, ибо это отвлекло бы пролетариат от его главной задачи — подготовки к переходу власти к Советам. См.: Седьмая конференция, с. 241—260.

²⁰Согласно повестке дня конференции, эта теория должна была рассматриваться в ходе обсуждения новой программы, которую предстояло принять вместо устаревшей программы 1903 г. Однако, видимо, в связи с оппозицией значительной части конференции изменениям, которые Ленин предлагал внести в программу, а также за неимением времени на обсуждение этого вопроса делегаты ограничились лишь принятием резолюции о некоторых направлениях пересмотра программы и поручили ЦК составить проект программы и представить его на обсуждение всех организаций партии. Ввиду особой важности вопроса об утверждении новой программы было принято решение о созыве в двухмесячный срок специального партийного съезда.

²¹Волбуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, с. 90—100.

²²Там же, с. 124—138. Степанов З.В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.—Л., 1965, с. 54. Полезная дискуссия об экономическом положении в Петрограде в первой половине 1917 г. освещается в работе «Октябрьское вооруженное восстание», т. I, с. 390—450.

²³Кроме того, Приказом № 1 этим комитетам передавался контроль над всем наличным оружием, разрешалось подчинение распоряжениям Временного правительства, только если они не противоречили указаниям Советов и предоставляли солдатам все права в свободное от службы время.

²⁴Rabinowitch A. The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power.—В кн.: Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky. Ed. Rabinowitch A., Rabinowitch J., Kristof K.D. Bloomington, 1972, pp. 172—174. Участие Петроградского гарнизона в Октябрьской революции наиболее полно освещено в работах: Ахун М.И. и Петров В.А. Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л., 1929; Дрезен А.К. Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. — «Красная летопись», 1927, № 3 (24), с. 191—223; Чаадаева О.Н. Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. — «Исторические записки», 1955, № 51, с. 3—44; Кочаков В.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1956, вып. 24, № 205, с.

60—86; его же: Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.—Л., 1957, с. 142—183. Ценные для исследователя документы содержатся в сборнике под ред. А.К. Дрезена. Большевизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Л., 1932.

25 Rabinowitch A. The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power, p. 175.

26 Интересный анализ революционной ситуации в России, создавшейся накануне первой мировой войны, дает Леопольд Хеймсон (Haimson L. The problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917. — "Slavic Review", vol. 23, № 4, 1964, pp. 620—642; и vol. 24, № 1, 1965, pp. 1—22).

27 Выборные фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы), созданные сразу же после Февральской революции почти на всех промышленных предприятиях Петрограда, чтобы представлять интересы рабочих на переговорах с администрацией предприятий, в органах государственной власти и в общественных организациях, нередко играли значительную роль в управлении предприятиями. С мая по середину октября состоялось четыре общегородских конференции фабзавкомов Петрограда. Был избран постоянный исполнительный орган — Центральный совет фабзавкомов Петрограда. 17—22 октября в Петрограде состоялась всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов.

28 «Правда», ежедневная газета ЦК, после июльских событий была закрыта и выходила под названием «Пролетарий» (13 августа), «Рабочий» (25 августа) и «Рабочий путь» (3 сентября). «Солдатская правда» издавалась Военной организацией партии, в начале июля запрещена. Вместо нее выходит газета «Рабочий и солдат» (23 июля) и «Солдат» (13 августа). «Работница» — журнал для женщин-работниц, издававшийся ЦК два-три раза в месяц.

29 Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968, pp. 229—231.

30 Ibid., pp. 102—106.

31 Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Л., 1930, с. XXVII. См. также Югов М.С. Советы в первый период революции. — В кн.: Очерки по истории Октябрьской революции. Ред. Покровский М.Н. В 2-х томах. М.—Л., 1927, т. 2, с. 222.

32 О взаимоотношениях между анархистами и большевиками на низовом уровне и о поведении последних во время Апрельского кризиса см. Rabinowitch A. Prelude to Revolution..., pp. 43—45, 61—64.

33 Ibid., pp. 74—75, 94.

34 Ibid., pp. 121—122, 131—132.

35 Бонч-Бруевич Влад. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931, с. 72—73.

1. Июльское восстание

1 Бонч-Бруевич Влад. Указ. соч., с. 72—73; Савельев М.А. Леснин в июльские дни. — «Правда», 17 июля 1930; «Биржевые ведомости», 7 июля, вечерний выпуск. См. также: Ленин и революция. 1917 год. Ред. Маслов Н.Н. Л., 1970, с. 216—217, 222—223.

2 «Известия», 4 июля.

3 Кризис возник в связи с требованиями Центральной рады предоставить Украине автономию. Члены кабинета — социалисты были более склонны к уступкам, чем министры-кадеты. В конце июня Керенский, Церетели и Терещенко достигли компромисса с Центральной радой, ставшего для украинцев значительной победой. Кадеты А.И. Шингарев, А.А. Мануилов, В.А. Степанов и

Д.И. Шаховский на заседании кабинета поздно ночью 2 июля отказались одобрить это соглашение и после консультаций со своим Центральным комитетом подали в отставку. Н.В. Некрасов поддержал компромисс с Центральной радой и, не желая покидать кабинет, вышел из кадетской партии.

4 «Речь», 4 июля; «Биржевые ведомости», 4 июля, утренний выпуск.

5 «День», 4 июля.

6 «Известия», 4 июля.

7 «Биржевые ведомости», 4 июля, утренний выпуск.

8 Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч., с. 77.

9 «Речь», 4 июля.

10 Там же; «День», 4 июля.

11 «День», 4 июля.

12 «Речь», 4 июля.

13 «Биржевые ведомости», 4 июля, утренний выпуск; «Известия», 4 июля.

14 «Речь», 4 июля; «День», 4 июля; «Новая жизнь», 4 июля; «Биржевые ведомости», 4 июля, утренний выпуск.

15 «День», 4 июля; «Известия», 4 июля.

16 «Окопная правда» была органом Военной организации большевистской партии, издавалась в Риге и имела широкое хождение в войсках Северного фронта.

17 Ш л я п н и к о в А. Семнадцатый год. В 4-х кн. Кн. 2. Март. М.—Л., 1923, с. 190—192; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году, с. 7, 39—40.

18 Член Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков и опытный политический агитатор Багдатов был одним из самых радикально настроенных большевиков петроградской организации. Он был формально выведен из состава Петербургского комитета после Апрельского кризиса, когда, не имея на то санкции, распространял от имени комитета листовку, призывающую к свержению правительства. По некоторым источникам точно так же он действовал и в июльские дни.

19 Сын бедного ремесленника, Володарский в 1905 г. вступил в Бунд (еврейскую социал-демократическую партию) и впоследствии стал меньшевиком. Во время войны эмигрировал в Филадельфию, где присоединился к Американской социалистической партии и Интернациональному профессиональному союзу женских портных и принимал активное участие в американском рабочем движении. После Февральской революции возвратился в Петроград и вначале был в Межрайонном комитете Троцкого. Вскоре, однако, стал склоняться на сторону большевиков. Проявил себя умелым руководителем, работая в Петроградском Совете и Петербургском комитете. В большевистской партии был известен как один из самых популярных ораторов, умевших убеждать массы.

20 А в л е е в Н. Революция 1917 года. Хроника событий, т. 2. Апрель—май М.—Петроград, 1923, с. 115—116; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году, с. 208—209.

21 К е д р о в М. Из красной тетради об Ильиче.—В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, т. I, с. 485.

22 Ленин В.И. Полн. собр.соч., т. 34, с. 21—22; «Ленинградская правда», 16 июля 1925 г.

23 См. в этой связи воспоминания Подвойского о встрече с Лениным 18 июня. В кн.: Подвойский Н.И. Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет в 1917 г.—«Красная летопись», 1923, № 6, с. 76.

24 R a b i n o w i t c h A. Prelude to Revolution..., pp. 164—166.

25 «Красная газета», 16 июля 1920 г. См. также Rabinowitch A. Prelude to Revolution, p. 184.

26 В пространной передовице в газете «Правда» 22 июня Каменев особенно предостерегал против преждевременных революционных действий. По его мнению, «отдельные выступления, неповиновение отдельных полков и рот», а также попытки «сорвать неизбежный этап мелкобуржуазной политики путем саботажа» были «неразумны, нецелесообразны». «Не путем анархических выступлений и дезорганизованных, частичных попыток, — писал он, — а усиленной работой организации и сплочения подготовит пролетариат новый этап русской революции». В таком же духе высказывался и Виктор Ногин, пользуясь для этого любой возможностью. См., например, его страстный призыв к сдержанности на пленарном заседании московского районного бюро 28 июня. — В: Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М., 1959, с. 116—117. Когда 3 июля днем известия о демонстрации дошли до Каменева, он немедленно отправил распоряжение большевикам Кронштадта выступить против участия матросов в этом выступлении и вместе с Зиновьевым написал обращение к рабочим и солдатам, в котором призвал рабочих и солдат прекратить протесты. 3 июля поздно ночью он пытался убедить своих коллег отказаться от продолжения демонстраций и их наращивания на следующий день и вместо этого организовать отдельные митинги в городских районах.

27 Троцкий Л.Д. Соч., т. 3. 1917. Часть I. От февраля до октября. М., 1925. с. 165—166; Rabinowitch A. Prelude to Revolution..., pp. 157—174.

28 Л а ц и с М.И. Июльские дни в Петрограде (Из дневника агитатора). — «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), с. 104—105; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году, с. 164.

29 Н е в с к и й В.И. Военная организация и Октябрьская революция. — «Красноармеец», 1919, № 10—15, с. 40.

30 Н и к и т и н Б. Роковые годы (Новые показания участника). Париж, 1937, с. 121.

31 Вопрос о германских субсидиях большевикам исследуется в работах: Katkov G. Russia 1917: The February Revolution; Katkov G. «German Political Intervention in Russia During World War I» in «Revolutionary Russia: A Symposium», ed. R. Pipes. Cambridge, 1968, pp. 80—112; Futrell M. The Northerh Underground. L., 1963; Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Scharlau W.B. and Zeman Z.A. Merchant of Revolution: A Life of Alexander Helphand. L.; N.Y., 1965; Possony S. Lenin: The Compulsive Revolutionary. Chicago, 1964; Pearson M. The Sealed Train. N.Y., 1975. Документы по этому вопросу имеются в сб.: Zeman Z.A. Germany and the Revolution in Russia 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. L.; N.Y., 1958.

32 См. по этому вопросу комментарий Даллина А. к работе Дж. Каткова «German Political Intervention in Russia during World War I». — В «Revolutionary Russia: A Symposium», p. 117 и Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В 2-х томах. Париж, 1963, т. II, с. 336—341.

33 См. письмо Переверзева редактору «Биржевых ведомостей». «Биржевые ведомости», 9 июля, утренний выпуск.

34 «Речь», 9 июля.

35 Церетели И.Г. Указ. соч., т. 2, с. 332—333. Церетели отмечал, что обвинения, опубликованные Алексинским и Панкратовым поражали своей поверхностностью и необоснованностью. Акция Переверзева вызвала возмущение и у Некрасова. Ходил даже слух, что он вызвал министра юстиции на дуэль. Переверзев вынужден был через несколько дней уйти в отставку. См. «Живое слово», 7 июля.

36 Церетели И.Г. Указ. соч., т. 2, с. 333—334.

37 «Известия», 7 июля.

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 416.

²Статьи: «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты» и «Новое дело Дрейфуса» были опубликованы в «Листке "Правды"» 6 июля. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 410—422.

³«Известия», 6 июля; «Газета-копейка», 6 июля.

⁴«Единство», 9 июля. «Единство» было органом группы правых социал-демократов во главе с Плехановым. Редакция газеты последовательно поддерживала Временное правительство и его политику продолжения войны.

⁵«Петроградская газета», 7 июля; «Петроградский листок», 7 июля.

⁶«Речь», 6 июля.

⁷Это нежелание совершенно четко проявилось после неудавшейся демонстрации 10 июня. Тогда ряд известных умеренных социалистов во главе с Церетели настаивали на санкциях против большевиков и их сторонников — прежде всего на немедленном разоружении полков и рабочих отрядов, находившихся под влиянием большевиков. Большинство руководства Советов отказалось, однако, поддерживать эти санкции. См. Rabinowitch A. Prelude to Revolution..., pp. 81—84.

⁸Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Ред. Чугаев Д.А. и др. М., 1959, с. 295—297. В последние годы правления царского режима Государственный совет действовал как верхняя палата законодательной системы России, а Дума — нижняя.

⁹«Речь», 16 и 18 июля; Rosenberg W.C. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 178—185.

¹⁰«Речь», 11 июля. О немецком контрнаступлении см.: Feldman R.S. The Russian General Staff and the June 1917 Offensive. — «Soviet Studies», April 1968, pp. 540—542.

¹¹«Известия», 11 июля.

¹²Там же, 11 июля; «Голос солдата», 11 июля.

В тот же день 9 июля Бюро ЦИК отказалось от права на неприкосновенность своих членов при условии, что правительственные власти будут предупреждать ЦИК об арестах за двадцать четыре часа и предоставят ему возможность следить за ходом расследования.

¹³«Известия», 11 июля.

¹⁴«Дело народа», 11 июля; «Известия», 12 июля; «Социал-демократ», 11 июля.

¹⁵«Рабочая газета», 19 июля.

¹⁶«Известия», 18 июля.

¹⁷«Новое время», 25 июля. Rosenberg W.C. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 191—195; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий России между двумя революциями. — Л., 1973, с. 285—286; Wade R.A. The Russian Search for Peace..., pp. 92—95; Октябрьское вооруженное восстание..., т. I, с. 379—380; Милуков П.Н. История второй русской революции. В 3-х частях. — София, 1921—1924, Часть II, с. 19—20, 36.

¹⁸«Маленькая газета», 6 июля; «Воля народа», 6 июля; Шидловский Г. Разгром редакции «Правды» в июле 1917 г. — «Красная летопись», 1927, № I (22), с. 48—50.

¹⁹Rabinowitch A. Prelude to Revolution..., pp. 208—209, 213—214.

²⁰«Голос солдата», 7 июля. В июльские дни в целях безопасности заседания кабинета министров проводились в здании генерального штаба. Примерно 11 июля правительство переехало из Мариинского дворца в Зимний дворец.

- 21 Там же.
- 22 Россия: 1917. Временное правительство. — «Журналы заседаний Временного правительства». Петроград, 1917, заседание от 6 июля 1917 г., с. 1.
- 23 «Вестник Временного правительства», 7 июля.
- 24 Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 290.
- 25 Керенский А. Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965, p. 290.
- 26 В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года (Хроника событий). Том 3. Июнь—июль. М.—Петроград, 1923, с. 156.
- 27 «Газета-копейка», 7 июля; «Единство», 7 июля.
- 28 «New York Times», July 25.
- 29 «Журналы заседаний Временного правительства», заседание от 7 июля 1917 г., с. 4; Революционное движение в России в июле 1917 г. с. 73—74; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Ред. Мордвинов И.Н. М.—Л., 1957, с. 131—132.
- 30 Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 290, 293, 298—303; Разложение армии в 1917 году. Ред. Яковлев Я.А. М.—Л., 1925, с. 96—98. Смертная казнь была первоначально отменена Временным правительством 12 марта 1917 года.
- 31 Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 302, 304, 564.
- 32 В л а д и м и р о в а В. Указ. соч., с. 161.
- 33 «Маленькая газета», 6 июля; «Биржевые ведомости», 6 июля, утренний выпуск.
- 34 «Живое слово», 11 июля; «Биржевые ведомости», 10 июля, утренний выпуск. Хаустов был арестован 9 июня за подстрекательские статьи в «Окопной правде», осуждавшие предстоявшее наступление.
- 35 Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 131; Колбин И.Н. Кронштадт от февраля до корнетарских дней. — «Красная летопись», 1927, № 2 (23), с. 153—154; «Пролетарское дело», 14 июля.
- 36 Р а с к о л ь н и к о в Ф.Ф. В тюрьме Керенского. — «Пролетарская революция», 1923, № 10 (22), с. 135.
- 37 К о л л о н т а й А.М. В тюрьме Керенского. — «Каторга и ссылка», 1927, № 7 (36), с. 25—32.
- 38 «Известия», 19 июля.
- 39 «Новая жизнь», 13 июля.
- 40 «Газета-копейка», 25 июля. Р а с к о л ь н и к о в Ф.Ф. Указ. соч., с. 139. Близкий друг Троцкого Ларин в это время был с меньшевиками-интернационалистами. Спустя короткое время, на VI съезде, он примкнул к большевикам.
- 41 «Петроградская газета», 9 июля. У л ь я н о в а М. Понски Ильича в первые дни июля 1917 года. Отрывки из воспоминаний в кн.: О Ленине. М., 1927, с. 35—40. Описание этого эпизода Никитиным см.: Роковые годы, с. 152.
- 42 Ленин провел ночь 5 июля в квартире Марии Сулимовой, секретаря Военной организации большевиков. После захвата рано утром правительственными войсками особняка Кшесинской он провел по нескольку часов у рабочего Выборгского района В.И. Каурова и на квартире близкого друга Крупской Маргариты Фофановой. Ночью 6 июля он остановился на квартире бывшего думского депутата Николая Полетаева, а утром 7 июля перебрался к Аллилуевым (см. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4. Март—октябрь 1917. М., 1973, с. 275—282).
- 43 О р д ж о н и к и д з е С. Ильич в июльские дни. — «Правда», 28 марта 1924 г.
- 44 Шестой съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 32—33.

- ⁴⁵Шляпников А.Г. Керенщина. — «Пролетарская революция», 1926, № 7 (54), с. 35.
- ⁴⁶Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 28—36.
- ⁴⁷Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах. М., 1968, т. I, с. 471.
- ⁴⁸Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 445.
- ⁴⁹Орджоникидзе С. Ильич в июльские дни. — «Правда», 28 марта, 1924 г.
- ⁵⁰Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 8—9.
- ⁵¹Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, 287—288.
- ⁵²Зиновьев Г. Ленин в июльские дни. — «Пролетарская революция», 1927, № 8—9 (67—68), с. 70.
- ⁵³Шотман А. Ленин накануне Октября. — В кн.: О Ленине. Сборник воспоминаний. В 4-х томах. Л., 1924—1925, т. I, с. 112—124; Зиновьев Г. Указ. соч., с. 67—69. Большую часть работы «Государство и революция» (первоначально называлась «Марксизм и государство») Ленин написал в январе—феврале 1917 г. в Цюрихе. Эту работу Роберт Такер назвал «самым важным вкладом Ленина в политическую теорию марксизма» (The Lenin Anthology, p. 311), Ленин по пути в Россию в апреле 1917 г. оставил в Стокгольме, и ему привезли ее в Разлив в конце июля.
- ⁵⁴Ход заседания ЦИК и ИВСКД от 13 июля воспроизведен по отчетам, опубликованным 14 июля в «Известиях», «Новой жизни» и «Дне».
- ⁵⁵Группа трудовиков была ядром независимой, ориентирующейся на идеи народничества, фракции социалистов в Государственной думе. В IV Думе Керенский был главным представителем трудовиков.
- ⁵⁶Лисий Нос — мыс в нескольких километрах к северо-западу от Петрограда, вдающийся в Финский залив недалеко от Кронштадта.
- ⁵⁷Емельянов Н. Таинственный шалаш. — В кн.: О Ленине. Ред. М.Л. Мещеряков, т. I. М.—Л., 1924, с. 109.
- ⁵⁸Сулимова М.И. Июльские дни. — В кн.: К годовщине смерти В.И. Ленина. Ред. А.Ф. Ильин-Женевский. Л., 1925, с. 136—138; Сулимова М.И. О событиях 1917 года. — В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний. М., 1957, с. 120; Ленинский сборник, т. 4. Л., 1925, с. 319.
- ⁵⁹Шотман А. Указ. соч., с. 114—115.
- ⁶⁰Зиновьев Г. Указ. соч., с. 68—70.

3. Петроград в период реакции

- ¹Источники, использованные для описания похорон казаков: «Известия», 14, 15 и 16 июля; «Голос солдата», 16 июля; «Речь», 16 июля; «Воля народа», 16 июля; «Дело народа», 15 и 16 июля; «Живое слово», 16 июля.
- ²«Речь», 7 июля.
- ³Войтинский В. Годы побед и поражений, 1917 год. Николаевский архив, Институт Гувера, Стэнфорд, Калифорния, с. 209.
- ⁴«Голос солдата», 7 июля; «Известия», 7 июля; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 3, с. 161.
- ⁵«Известия», 19 июля; «Газета-копейка», 19 июля.
- ⁶См., напр., «Гроза», 20 и 27 августа.
- ⁷«Петроградский листок», 27 июля.

8 Граф Т. В июльские дни 1917 г. — «Красная летопись», 1928, № 2 (26), с. 47; «Новая жизнь», 21 июля.

9 В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года, т. 3, с. 149, 165, 319—20.

10 Граф Т. В июльские дни 1917 г., с. 69—73; «Голос солдата», 12 июля.

11 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. Большевики в тюрьме Керенского. — «Красная летопись», 1928, № 2 (26), с. 47.

12 «Известия», 6 июля; «День», 6 июля.

13 «Газета-копейка», 8 и 11 июля; «Голос солдата», 12 июля; «Известия Московского совета рабочих депутатов», 13 июля.

14 Описание заседания Временного комитета, состоявшегося 18 июля, дается по изданию «Буржуазия и пролетариат в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы» Ред. Дрезена А. М. — Л., 1932, с. 192—205.

15 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. От февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 г. Л., 1927, с. 87.

16 Ф л е р о в с к и й И. П. Июльский политический урок. — «Пролетарская революция», № 7 (54), с. 83—84.

17 «Пролетарское дело» публиковалось фракцией большевиков Кронштадского совета с 14 июля 1917 г. вместо запрещенной властями газеты «Голос правды».

18 Т р о ц к и й Л. Соч., т. 3, часть I. От февраля до октября. М. — Л., 1925, с. 206—211.

19 Герои Октября, биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 2-х томах, Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС. Л., 1967, т. I, с. 239—40. Как единственный член партии, погибший в период послеиюльских репрессий против большевиков, Воинов после Октябрьской революции был провозглашен героем. Улица, где он убит, названа его именем.

20 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. От февраля к захвату власти, с. 93.

21 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. Большевики в тюрьме Керенского, с. 48.

22 Там же, с. 51; Р а с к о л ь н и к о в Ф. В тюрьме Керенского, с. 137. Как вспоминает Татьяна Граф, молодой член большевистского комитета Петроградского района, среди членов партии, брошенных в тюрьму в послеиюльские дни, самый мягкий режим был у заключенных в Николаевском военном госпитале. Граф рассказывает, как она была удивлена, когда, придя в госпиталь, чтобы передать еду и одежду трем содержавшимся там большевикам, она не могла их найти. Позже она узнала, что надзиратели в госпитале без какого-либо разрешения сверху отпускали арестованных в город, иногда на несколько дней. Граф Т. В июльские дни 1917 г., с. 75.

23 Заключенная в тюрьму Коллонтай содержалась в одиночной камере, которую ей не разрешалось покидать в течение нескольких недель; она была изолирована от других арестованных, лишена книг и газет. Те отрывки новостей, которые до нее доходили, были безрадостными. Переживания за судьбу партии стало наваждением. Вскоре она серьезно заболела. Когда М. Горький и Л. Красин опубликовали в прессе протест против жестокого с ней обращения, газета «Живое слово» рассказала о том, какова же была «подлинная» жизнь Коллонтай в тюрьме. Согласно этому вызывающему недоумение сообщению Коллонтай так полюбила тюремные щи и кашу, что когда ей передали с воли большую корзинку с сардинами, шпротами, сыром и жареным гусем, она отдала все продукты товарищам по заключению. Коллонтай была освобождена из тюрьмы 19 августа. Коллонтай А. В тюрьме Керенского, с. 37—41; «Живое слово», 13 августа.

24 Р а с к о л ь н и к о в Ф. В тюрьме Керенского, с. 138, 142, 144—145, 155.

25 «Рабочий и солдат», 29 июля.

26 «Солдат», 20 августа.

27 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. Большевики в тюрьме Керенского, с. 51—52.

- 28 Раскольников Ф. В тюрьме Керенского, с. 149.
29 Ильин-Женевский А. Большевики в тюрьме Керенского, с. 55—58; «Известия Кронштадтского Совета», 8 августа.

4. Бесплодные репрессии

- 1 «Живое слово», 8 июля.
2 «Речь», 7 июля.
3 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы. М.—Л., 1927. «Новая жизнь», 21 июля.
4 «Известия», 12 июля.
5 Там же, 12 июля.
6 В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года. Л., 1924, т. 3, с. 180—181.
7 Т о б о л и н И. (ред.). Июльские дни в Петрограде.—«Красный архив», 1927, № 4 (23), с. 1—63 и № 5 (24), с. 3—70.
8 «Известия», 22 июля.
9 «Новая жизнь», 23 июля 1917 г. Ф а р ф е л ь А.С. Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции Временного правительства. Минск, 1969, с. 98.
10 З и н о в ь е в Г.Е. Соч. в 16-ти томах. М., 1923—1929. Относительно деятельности Зиновьева в 1917 году см.: Hedlin M. Zinoviev's Revolutionary Tactics in 1917 ("Slavic Review", 1975, vol. 34, No 1, pp. 19—43).
11 Новый Центральный Комитет избрали на VI съезде. В его состав вошли: Я.А. Берзин, А.С. Бубнов, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Л.Б. Каменев, А.М. Коллонтай, Н.Н. Крестинский, В.И. Ленин, В.П. Милютин, М.К. Муранов, В.П. Ногин, А.И. Рыков, Ф.А. Сергеев, С.Г. Шаумян, И.Т. Смилга, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, М.С. Урицкий и Г.Е. Зиновьев.
12 Ильин-Женевский А.Ф. Накануне Октября.—«Красная летопись», 1926, № 4 (19), с. 15—16.
13 См. ниже, с. 72—74.
14 Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1957, т. I, с. 22.
15 Среди примерно 15 высших партийных руководителей на совещании от Петроградского комитета присутствовали: Бокий, Молотов, Савельев, Свердлов, Ногин и Володарский; из Москвы — Бубнов, Ольминский, Сокольников, Бухарин и Рыков.
16 Они опубликованы под названием «Политическое положение (четыре тезиса)».—В: Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 1—5. Разбор тезисов в: С о в о к и н А.М. Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 июля 1917 г.—«Вопросы истории КПСС», 1959, № 4, с. 130—131.
17 О р д ж о н и к и д з е С. Ильич в июльские дни.—«Правда», 28 марта 1924. Это заявление Ленина не вошло в некоторые издания мемуаров Орджоникидзе. См., напр., О р д ж о н и к и д з е С. Путь большевика. М., 1956.
18 По словам Подвойского, Ленин говорил ему о необходимости подготовки масс к вооруженному восстанию сразу же после демонстрации 18 июня. Ленин, как видно, обсуждал этот вопрос с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным на квартире Фофановой вечером 6 июля.
19 См.: Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 75, 85.
20 К о м и с с а р е н к о Л.А. Деятельность партии большевиков по использованию вооруженных и мирных форм борьбы в период подготовки и проведения

Великой Октябрьской социалистической революции (диссертация). Л., 1967, с. 23.

21 С о в о к и н А. М. Расширенное совещание ЦК РСДРП(б), 13—14 июля 1917 г. — «Вопросы истории КПСС», 1959, № 4, с. 132.

22 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 85. Любопытный анализ работы совещания содержится в: Комиссаренко Л. А. Деятельность партии большевиков, с. 22—23. Об отклонении Центральным Комитетом рекомендаций Ленина в послеиюльский период см.: Сокольников Г. Как подходить к истории Октября. — В: «За ленинизм», М.—Л., 1925, с. 157—167.

23 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 84.

24 Там же, с. 144—145.

25 См. разъяснение Ольминского на расширенном заседании Московского комитета 15 июля в: Революционное движение в России в июле 1917 года, с. 186.

26 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10—17. Совокин А. М. Расширенное совещание, с. 134.

27 Федосихина Е. А. Большевистские партийные конференции накануне VI съезда партии (диссертация). М., 1969, с. 65—67, 87, 92.

28 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 56.

29 Л а ц и с М. И. Июльские дни в Петрограде. Из дневника агитатора. — «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), с. 115.

30 Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов. Куделли П. Ф. (ред.). М.—Л., 1927, с. 210—214.

31 «Известия», 16 июля 1917. Л а ц и с М. И. Июльские дни, с. 116; «Петроградский листок», 19 июля 1917 г.

32 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 64—68.

33 Там же, с. 69—70.

34 Там же, с. 70—71, 75—76.

35 Там же, с. 71—72.

36 Там же, с. 74—75.

37 Там же, с. 78.

38 Там же, с. 78—88.

39 Там же, с. 88. Комиссаренко Л. А. Деятельность партии большевиков, с. 41—42. Менее чем через неделю Слуцкий попытался убедить Петербургский комитет пересмотреть оценку «текущего момента». См. протоколы собрания Петербургского комитета от 23 июля. — В: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году, с. 216.

40 Личные воспоминания о чистке, проведенной офицерами в воинской части. — В: Ильин-Женевский А. Ф. Накануне Октября. — «Красная летопись», 1926, № 4 (19), с. 10—12.

41 «Голос солдата», 12 июля

42 Невский В. И. В Октябре. — «Каторга и ссылка», 1932, № 11—12 (96—97), с. 28. Минчев А. Боевые дни. — «Красная летопись», 1924, № 9, с. 2. Скрытая неприязнь к Военной организации со стороны представителей районов проявлялась на заседаниях Петербургского комитета. См., например, враждебные выпады против Военной организации на заседании Петербургского комитета 17 августа. — В: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году, с. 227—229.

43 Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков, с. 59—66. По данному вопросу см. также: Рабинович С.Е. Большевистские военные организации в 1917 г.—«Пролетарская революция», 1928, № 6—7 /77—78/, с. 187—189.

44 Шестой съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 289. Шумяцкий Б. Шестой съезд партии и рабочий класс, в: Товстуха И.П. (ред). В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. М., 1937, с. 92.

45 Ильин-Женевский А.Ф. Накануне Октября.—«Красная летопись», 1926, № 4 (19), с. 7.

46 Там же, с. 9.

47 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, М., 1958, с. 4.

48 Там же, с. 24.

49 Там же, с. 20.

50 Всероссийское бюро было создано в июне на Всероссийской конференции Военной организации большевиков; в него вошли: В. Невский, Н. Подвойский, Е. Розмирович и Л. Каганович, избежавшие ареста в июле, а также Ф. Хаустов, А. Аросев, Н. Крыленко, К. Мехоношин и И. Дзевалтовский, которые были арестованы.

51 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 23—25.

52 Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти. Л., 1927, с. 98.

53 Невский В.И. В Октябре. с. 28—30.

54 Там же, с. 29.

55 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 22—23. Через две недели, вслед за мятежом Корнилова, Свердлов представил Центральному Комитету весьма благожелательный доклад о положении дел в Военной организации. Он заявил, что Военная организация представляет собой «не целостную политическую организацию, а военную комиссию при ЦК... Вся работа в Военной организации ведется под руководством ЦК: в «Солдате» работает тов. Бубнов, а вся работа (Военной организации вообще ведется тов. Дзержинским и Свердловым» (Там же, с. 39).

56 Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1957, с. 23.

57 «Солдат», 20 августа 1917 г.

58 Там же, 29 августа.

59 Там же, 2 сентября.

60 Там же, 13 сентября.

61 Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.—Л., 1964—1966, в 3-х томах. Относительно описания и анализа этих материалов см.: Theodore H. Von Laue's review essay in: Kritika, 1968, vol. 4, No 3 (48); Rex A. Wade. The Raionnye Sovety of Petrograd: The Role of Local Political Bodies in the Russian Revolution (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1972, vol. 20, S. 226—240).

62 По этому вопросу см.: Wade R. The Raionnye Sovety of Petrograd, p 240.

63 Районные Советы Петрограда в 1917 году, М.—Л., 1964—1966, т. 3, с. 248—250. Наиболее полное исследование деятельности Междурайонного Совета в: Л у р ь е М.Л. Петроградское межрайонное совещание советов в 1917 году.—«Красная летопись», 1932, № 3 (48), с. 13—43 и № 4 (49), с. 30—50.

64 Эта независимость отразилась в проведенной Советским акцией в ответ на призыв Центрального Исполнительного Комитета к сбору денежных средств. Большевики, по-видимому, противились оказанию такой помощи, в то время как большинство социалистов выступали в поддержку этого плана. В резолюции по данному вопросу Междурайонное совещание, одоблив денежный взнос на со-

держание аппарата Совета, тем не менее подчеркнуло, что, если центральные органы Советов испытывали трудности с приобретением денежных средств в районах Петрограда, то только потому, что петроградский пролетариат разочарован политикой руководства ЦИК. Представители районных Советов предупреждали, что до тех пор, пока большинство ЦИК коренным образом не перестроит свою политику, он неизбежно будет сталкиваться с пассивным отношением пролетариата ко всем аспектам своей деятельности, требующим массовую поддержку, в том числе и к финансовой помощи (Районные Советы Петрограда в 1917 году, М.—Л., 1964—1966, т. 3, с. 283—284).

⁶⁵ Там же, с. 88.

⁶⁶ Там же, с. 201. Материалы районных Советов не включают протоколов собраний Советов Пороховского и Обуховского районов за послеиюльский период. Если судить по их действиям в июле и августе, то можно предположить, что их позиции были похожи на позиции Советов Охтинского и Рождественского районов.

⁶⁷ Там же, т. I, с. 143.

⁶⁸ Там же, т. 3, с. 268—270.

⁶⁹ Там же, т. I, с. 32—33.

⁷⁰ Там же, т. 3, с. 70—71.

⁷¹ Там же, т. 2, с. 224—228.

⁷² Там же, т. 3, с. 203—204.

⁷³ Там же, т. 3, с. 268—272.

⁷⁴ Там же, т. 3, с. 272—279. Депутатов районных Советов приняли в Бюро ЦИК вечером того же дня, однако нет никаких данных о том, что эта миссия имела успех.

⁷⁵ Там же, т. I, с. 144—145.

⁷⁶ Там же, т. 3, с. 279—280.

⁷⁷ Там же, т. 2, с. 46.

5. Воскрешение большевиков

¹ Впервые протоколы VI съезда опубликованы в 1919 году (издательство «Коммунист»). Они были явно неполными, что, прежде всего, явилось следствием сложных условий, в которых проходил съезд. По данным советских источников стенографическая запись съезда оказалась утраченной и поэтому в основу всех последующих изданий протоколов VI съезда (в 1927, 1934 и 1958 годах) легло издание 1919 года.

² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 27—36, 270.

³ Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 326.

⁴ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 109, 423—424.

⁵ Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л., 1927, с. 96.

⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 71.

⁷ Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти, с. 96.

⁸ Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 7.

⁹ Флеровский И. И. Ленин и кронштадцы: — В: О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963, с. 276; Флеровский И. И. На путях к Октябрю: — В: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников

революции в Петрограде и Москве. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1957, с. 105.

10 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 27.

11 Там же, с. 122.

12 Сталин И.В. Соч., т. 3, с. 174.

13 Не включавшийся, по-видимому преднамеренно, в любые издания протоколов и материалов VI съезда, этот проект резолюции был напечатан вскоре после съезда (13 августа) в киевской газете большевиков «Голос социал-демократа». Из некоторых замечок, сделанных Лениным перед выездом в Финляндию, можно заключить, что проект резолюции «О текущем моменте» он подготовил специально для данного съезда. Относительно этих замечок см.: Ленинский сборник, М., 1933, т. XXI, с. 81—82. Резолюция, в конце концов, была опубликована в кн.: Соколин А.М. В преддверии Октября. М., 1973, с. 336—341. До тех пор в большинстве советских источников утверждалось, что текст этой резолюции найти не удалось.

14 По данному вопросу см.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 96. Более фундаментальные теоретические вопросы, относившиеся к самой возможности социалистической революции в России, поднимали только три делегата: Ногин, Преображенский и Ангарский.

15 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 116—118.

16 Там же, с. 119—120.

17 Там же, с. 124—125; Относительно революции в Баку см.: Suny R. The Baku Commune 1917—1918. Princeton, 1972.

18 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 134—136.

19 Там же, с. 114—42.

20 Там же, с. 125—128.

21 Там же, с. 131—132.

22 Там же, с. 133—139.

23 Относительно текста данной резолюции см.: Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957, с. 202—204.

24 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 144—145.

25 Там же, с. 251. Соколин А.М. Разработка В.И. Лениным тактики партии после июльских событий 1917 г. М., 1962, с. 185 (диссертация).

26 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 255—257.

27 Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Отв. ред. Чугаев Д.А. М., 1959, с. 46.

28 По данному вопросу см.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 1, с. 385.

29 Участники собрания местных руководителей партии эсеров, состоявшегося 23 августа, рассматривая ход развития событий с середины июля, выражали тревогу по поводу многочисленных переходов своих сторонников в лагерь большевиков. Только несколько представителей районных комитетов партии эсеров могли полагать, что поддержка, оказываемая партии у них на местах, не уменьшилась. См.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 1, с. 387—388).

30 На выборах в Кронштадтскую думу в конце июля список большевиков во главе с Раскольниковым получил 10 214 из 28 154 поданных голосов и уступил только эсерам (10 900). Состоявшиеся в начале августа выборы в Кронштадтский Совет продемонстрировали в еще большей степени поддержку, которой пользовались большевики. В новом Совете наряду с 96 беспартийными, 73 эсерами, 13 меньшевиками и 7 анархистами заняли место 96 большевиков. (В первом Кронштадтском Совете, созданном в марте, среди 280 депутатов было только 60 большевиков. Во второй Совет Кронштадта, избранный в начале мая, вошло 93 большевика, 91 эсер, 46 меньшевиков и 68 беспартийных депутатов). Тем не менее даже теперь большевики не имели большинства в Кронштадтском Совете.

Председателем избрали эсера Константина Шургина («Петроградский листок», 30 июля. «Известия Кронштадтского Совета», 13 августа. Х е с и н С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 74—75, 153, 299).

31 А н д р е е в А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, 255—259; К а р а м ы ш е в а. Л.Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет. Л., 1964, с. 136.

32 В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года. Хроника событий. Л., 1924, т. 4, с. 24.

33 «Новая жизнь», 8 августа.

34 См. ниже, с. 136—141.

35 «Речь», 15 августа.

36 Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов. М.—Л., 1927, с. 223—226, 232—233.

37 «Солдат», 19 августа. «Пролетарий», 19 августа.

38 «Солдат», 19 августа; «Пролетарий», 20 августа.

39 Относительно анализа результатов голосования см.: R o s e n b e r g W.G. The Russian Municipal Duma Elections of 1917: A Preliminary Computation of Returns. Soviet Studies, 1969, vol. XXI, pp. 152—163.

40 «Речь», 23 августа. По словам автора статьи, фактические итоговые цифры мало что значат, ибо: 1) участие в голосовании было наивысшим в тех районах, где кадеты обладали наибольшим влиянием; 2) показатели эсеров и большевиков увеличились за счет голосов солдат, которые прибывали в столице временно. Для него существенным являлось лишь то, что 40 процентов всех голосов (если отбросить солдатские) было подано за кадетов.

41 «Новая жизнь», 23 августа.

42 «Рабочая газета», 23 августа.

43 Там же, 24 августа.

6. Возвышение Корнилова

1 11 августа в районе Малая Охта вышедший из-под контроля пожар полностью уничтожил 4 фабрики и большое количество снарядов. Спустя три дня огонь уничтожил пороховой завод и склад боеприпасов в Казани, взрывы продолжались в течение трех дней. Кроме того, 16 августа еще один сильнейший пожар сравнял с землей фабрику Вестингауза в Петрограде.

2 Нехватка хлеба, мяса, рыбы, овощей, молочных продуктов и других необходимых продовольственных товаров резко возросла к концу лета и в начале осени. Сильнее всего это затронуло граждан с низкими доходами, которые не имели возможности покупать не только на процветающих повсюду черных рынках, но и в обыкновенных продовольственных магазинах, где цены на товары быстро поднимались. Одновременно обозначился кризис в обеспечении живых домов и промышленных предприятий топливом. В начале августа правительственные службы предупредили, что к середине зимы половина петроградских предприятий будет вынуждена остановить производство из-за отсутствия топлива. Ф р а й м а н А.Л. (отв. ред.) Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, т. 2, с. 5—16, 69—86).

3 W h i t e J.D. The Kornilov Affair: A Study in Counterrevolution.—"Soviet Studies", 1968, vol. XX, pp. 188—189.

4 R o s e n b e r g W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 196—200.

5 Там же.

6 Состоявшие в основном из консервативных настроенных офицеров Союз офицеров армии и флота, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров были со-

зданы вскоре после Февральской революции для того, чтобы помочь приостановить процесс ухудшения положения офицеров и развал воинской дисциплины в вооруженных силах, а также содействовать «войне до победы». Кроме основной штаб-квартиры в Могилеве, главный комитет Союза офицеров имел своих представителей на различных фронтах. Членами Союза георгиевских кавалеров могли стать лишь награжденные за храбрость в сражении крестом св. Георгия. Подобно другим влиятельным ультрапатриотическим группам, Союз офицеров, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров враждебно относились к Советам и были настроены резко антибольшевистски.

⁷White J.D. The Kornilov Affair..., p. 187.

⁸Лаверычев В.Я. Русские монополисты и заговор Корнилова. — «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 36.

⁹Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, с. 34—37.

¹⁰Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927, с. 11—17.

¹¹Там же, с. 16—18.

¹²Там же, с. 20.

¹³Революционное движение в России после свержения самодержавия. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М., 1957, с. 409—410.

¹⁴Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 18.

¹⁵Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927, т. 2, с. 57.

¹⁶Церетели И.Г. Воспоминания о февральской революции. Париж. 1963, кн. I, с. 91—92.

¹⁷Эта группа имела собственный еженедельный журнал «Свобода в борьбе».

¹⁸Лаверычев В.Я. Русские монополисты и заговор Корнилова. — «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 34—35. White J.D. The Kornilov affair: A study in Counterrevolution: — "Soviet Studies", 1968, vol. XX, pp. 187—188. По-видимому, Завойко действовал в интересах собственной организации, центром притяжения которой был журнал «Свобода в борьбе», а не от имени Общества экономического возрождения России, как утверждали Лаверычев и Уайт.

¹⁹В.С. Завойко был сыном адмирала, отличившегося в Крымской войне. В начале нового, XX века, Завойко, еще не достигший тридцати лет, сумел сколотить крупное состояние в результате весьма сомнительных операций с недвижимым имуществом в Польше, где являлся уездным предводителем дворянства (Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 20—21). После революции 1905 года он занялся активной предпринимательской деятельностью в нефтяной промышленности и крупном промышленном финансировании, а также пробовал силы в публицистике. В период первой мировой войны стал соиздателем крайне правой газеты «Русская Воля», а в апреле 1917 года перед отъездом на фронт — редактором и издателем журнала «Свобода в борьбе».

²⁰Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921—1924, т. I, вып. 2, с. 60.

²¹Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 20.

²²Woytinsky W.S. Stormy Passage. N.Y., 1961, p. 333.

²³См. выше, с. 49.

²⁴«Рабочая газета», 29 июля; Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 32—34.

²⁵Там же, с. 34.

²⁶Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., p. 207.

²⁷Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 25.

²⁸Там же, с. 29.

²⁹Генерал Николай Рузский в период Февральской революции командовал Северным фронтом и оставался на этом посту до апреля. Генерал Михаил Алек-

сеев занимал пост верховного главнокомандующего русской армией с начала марта до 21 мая 1917 года. Во время совещания в Ставке оба генерала все еще ожидали назначения.

30 Текст протоколов совещания в Ставке 16 июля полностью приведен в: Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 39. Переведенные на английский язык выдержки см. в: Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). *The Russian Provisional Government 1917*. Stanford, 1961, vol. 2, pp. 989—1010.

31 Бухбиндер Н. Указ. соч., с. 21—27. Декларация прав солда г пердставляла собой заявление о демократических правах, впервые опубликованное Петроградским Советом 15 марта и обнародованное в переработанном виде военным министром Керенским 11 мая.

32 Lechovich D.V. *White against Red: The Life of General Anton Denikin*. N.Y., 1974, p. 104.

33 Алексеев М. Из дневника генерала Алексеева. — «Русский исторический архив», Прага, 1929, т. I, с. 41.

34 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 31.

35 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. I, вып. 2, с. 188.

36 Бухбиндер Н. Указ. соч., с. 31; см. также: Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 39.

37 Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928, с. 202; см. также: Савинков Б. Генерал Корнилов. Из воспоминаний — «Былое», 1925, № 3(31), с. 188—190.

38 Kerensky A.F. *The Catastrophe*. N.Y., 1927, p. 114.

39 Kerensky A.F. *Prelude to Bolshevism: The Kornilov Rising*. N.Y., 1919, p. XIII, 13—14.

40 По этому вопросу см.: White J.D. *The Kornilov Affair...*, pp. 196—197.

41 Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 41.

42 Советские историки не без основания полагали, что это случилось не потому, что были какие-то сомнения относительно способностей Черемисова в качестве военного руководителя, а скорее из-за его репутации «левого» и из-за опасений политического соперничества. См. например: Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 39.

43 Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924, с. 48.

44 Командующим Юго-Западным фронтом назначили генерала Деникина.

45 Маргыннов Е.И. Указ. соч., с. 45; Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 53.

46 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 45.

47 См., например: «Известия», 5 августа.

48 «Новая жизнь», 8 августа; см. также с. 00 00.

49 «Известия», 4 августа; см. также: «Новая жизнь», 4 августа.

50 См. ниже, с. 110—115.

51 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 360; Об оценке поведения кадетов на совещании см.: Rosenberg W.G. *Liberals in the Russian Revolution*, pp. 210—218.

52 Полный текст переработанных предложений см. в: — «Красная летопись», 1924, № 1 (10), с. 207—217 («К истории корниловщины»); см. также: Иванов Н.Я. Указ. соч., с. 57—58; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 36—37.

53 Это произошло между 10 и 17 августа.

54 Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. с. 61.

- 55 Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918, с. 52—53.
- 56 White J.D. The Kornilov Affair..., p. 200.
- 57 Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 59—60. По настоянию кадетов, кабинет 11 августа рассмотрел военные аспекты программы и, в принципе, одобрил их, но потребовал дальнейших обсуждений.
- 58 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 48.
- 59 Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, т. 2, с. 133.
- 60 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 48.
- 61 Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922, т. I, с. 227.
- 62 По данному вопросу см.; White J.D. The Kornilov Affair..., pp. 197—199.
- 63 Лукомский А.С. Указ. соч., с. 227.

7. Корнилов против Керенского

- ¹ Turkova-Williams Ariadna. From Library to Brest-Litovsk: The First Year of the Russian Revolution. London, 1919, p. 167.
- ² Государственное совещание. Ред. Покровский М.Н. и Яковлев Ю.А. М.—Л., 1930, с. 308.
- ³ «Известия», 13 августа.
- ⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918, М., 1958, с. 7—9.
- ⁵ Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 35.
- ⁶ Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 64.
- ⁷ Растрюгин А.Ф. Революционные комитеты августовского кризиса 1917 г. (диссертация). Л., 1969, с. 90.
- ⁸ Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 20, 379—380.
- ⁹ Там же, с. 392.
- ¹⁰ Суханов Н. Записки о революции. Берлин, Петербург и Москва. 1922—1923, т. 5, с. 155—156; Владимирова В. Революция 1917 года. Л., 1924, т. 4, с. 45.
- ¹¹ Суханов Н. Указ. соч., т. 5, с. 156.
- ¹² Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 45.
- ¹³ Государственное совещание, с. 133.
- ¹⁴ Там же, с. 74—76.
- ¹⁵ Там же, с. 112—117.
- ¹⁶ Впоследствии эту платформу назвали «Программой 14 августа».
- ¹⁷ Относительно различий между декларацией Временного правительства от 8 июля и более консервативной программой от 14 августа см.: Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г., с. 88.
- ¹⁸ Государственное совещание, с. 4.
- ¹⁹ Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921—1924, т. I, вып. 2, с. 127—128.
- ²⁰ «Новое время», 13 августа.
- ²¹ Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. с. 84.
- ²² Верховский А.И. Россия на Голгофе. Петроград, 1918, с. 107.
- ²³ Милюков П.Н. История второй русской революции, т. I, вып. 2, с. 174, 183.
- ²⁴ «Последние новости», 20 января 1937 г.; «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 40.

- 25 White J.D. The Kornilov Affair..., p. 200.
- 26 Г и п п и у с З. Синяя книга. Петербургский дневник, 1914—1918 гг. Белград, 1919, с. 174.
- 27 Рижская катастрофа быстро превратилась в русской прессе в источник споров и разногласий, отчасти потому, что произошла неожиданно. Генералы, сразу же поддержанные либералами и консерваторами, утверждали, что поражение — это еще одно свидетельство царящего в вооруженных силах хаоса. По-видимому, в то время данную точку зрения разделял и Керенский. Левые, с другой стороны, как видно, полагали, что Генеральный штаб преднамеренно не позаботился об обороне Риги, чтобы тем самым подкрепить фактами свои требования относительно репрессивных мер.
- 28 М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 74—75. В свою очередь Савинков поручил фактическую подготовку этих указов поспешно созданной в рамках военного министерства комиссии под руководством генерала Апушкина.
- 29 10-я кавалерийская дивизия, также входившая в 3-й корпус, осталась на обычном месте дислокации.
- 30 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 131—132; М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 56—59; И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 78—83. В Кавказскую туземную (Дикую) дивизию входили Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Черкесский и Ингушский кавалерийские полки, Осетинская пехотная бригада и 8-й казачий артиллерийский дивизион.
- 31 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 439, 629.
- 32 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 132.
- 33 М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 77—78.
- 34 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 420, 452—453.
- 35 R a d k e y O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958, pp. 386—387.
- 36 Там же; K e r e n s k y A.F. Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965, pp. 341—342.
- 37 Описание Савинковым первой из этих бесед см. в: Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 421—443. На вторую беседу вечером 23 августа время от времени заходили: генерал И.П. Романовский, полковник В.Л. Барановский и Филонено. Изложение данной части переговоров, подписанное Корниловым, Лукомским и Романовским, см.: В л а д и м и р о в а В. Контрреволюция в 1917 г., с. 206—209.
- 38 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 421—423. См. также заявление Савинкова представителям печати в: «Биржевые ведомости», 12 сентября; М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 80—82.
- 39 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 432.
- 40 Там же, с. 421.
- 41 М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 80; Ч а а д а е в а О. Корниловщина. М.—Л., 1930, с. 90—91.
- 42 М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 78.
- 43 К е р е н с к и й А.Ф. Дело Корнилова, с. 82.
- 44 K e r e n s k y A.F. Prelude to Bolshevism: The Kornilov Rising. N.Y., 1919, pp. 214—215 (английский перевод книги А.Ф. Керенского «Дело Корнилова»).
- 45 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 432, 629.
- 46 Там же, с. 433—434. См. также: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 133—134.
- 47 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 434—435, 439—440.
- 48 K e r e n s k y A.F. Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965, p. 342.
- 49 B r o w d e r R.P., K e r e n s k y A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, pp. 1561—1562.

50 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 84. См. также: Революционное движение в России в августе 1917 г. с. 444; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 100—103.

51 Примечательно, что в то время в показаниях государственным следователям Львов не упомянул предложения Керенского об отставке. См.: Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 425—428.

52 Такое впечатление сложилось у прогрессивного генерала Верховского, который 24 августа находился в Могилеве и разговаривал с Корниловым вскоре после встречи с Львовым. В дневнике Верховский записал, что, по всей видимости, Корнилов придавал особое значение возможности действовать вместе с правительством, о чем его заверил Львов. (Верховский А.И. Россия на Голгофе, с. 110).

53 Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, pp. 1564—1565. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 428, 450; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 88.

54 Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 88.

55 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 441—442; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 105—106; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 96—97.

56 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 443; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 108—109. Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents Stanford, 1961, vol. 3, p. 1571.

57 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 444; Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921—1924, т. I, вып. 2, с. 218—220; Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 229—230; Kokoshkin F.F., Kishkin N.M. Reports to the Kadet City Committee in Moscow, August 31, 1917. Hoover Institution (Nicolaeysky Archiv), Stanford, pp. 8—10.

58 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 448.

59 Там же, 448—452.

60 Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 101.

61 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 445.

62 Гиппиус З. Указ. соч., с. 179.

63 Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, p. 1573.

64 Октябрьское вооруженное восстание, с. 137.

65 Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4., с. 110; Lechovich Dimitry V. White against Red: The Life of General Anton Denikin. N.Y., 1974, p. 124.

66 Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 110.

67 Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, pp. 1573—1574.

68 Woytinsky W.S. Stormy Passage. N.Y., 1961, pp. 350—351.

69 Суханов Н.Н. Указ. соч., с. 217.

8. Большевики и поражение Корнилова

1 В сентябре Смольный стал местом работы большевистского Центрального Комитета, а во время Октябрьской революции он был центром деятельности партии большевиков в Петрограде.

2 «Новая жизнь», 29 августа; Р а с с т р и г и н А.Ф. Революционные комитеты августовского кризиса 1917 г., с. 130; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 476—477.

3 «Известия», 28 августа; 29 августа; «Новая жизнь», 29 августа; «Рабочая газета», 29 августа.

4 «Известия», 29 августа; С у х а н о в Н.Н. Указ. соч., с. 293.

5 Там же, с. 291—292.

6 Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119—121.

7 Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 255—257, 269—270

8 Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 73—78. Хотя эти материалы в то время опубликованы не были, они циркулировали среди высших партийных руководителей Петрограда уже 27 августа.

9 См. выше, с. 137—138.

10 Единственным советским историком, честно рассмотревшим ошибочную оценку В.И. Лениным угрозы правого переворота 1917 года, был В.И. Старцев. См.: С т а р ц е в В.И. В.И. Ленин в августе 1917 года. — «Вопросы истории», 1967, № 8, с. 124—127.

11 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 32; А н и к е е в В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. М., 1969, с. 267.

12 В сборнике документов Петербургского комитета, опубликованном в 1927 году, имеется два отдельных протокола данного заседания. См. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г., с. 237—254. Оба варианта не совсем точные и полные, что, несомненно, является отражением царившей тогда напряженности. В основном они дополняют друг друга, поэтому я использовал оба варианта в моих попытках реконструировать ход дискуссии.

13 Превосходный анализ действий московских большевиков в 1917 году и разногласий во взглядах между молодыми большевиками, занимавшими сильные позиции в Московском областном бюро, и более умеренными старыми партийными работниками, сосредоточенными в Московском городском комитете, содержится в чрезвычайно интересной биографии Бухарина, написанной Стивеном Козном (C o h e n S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.Y., 1973, pp. 45—53).

14 См. ниже, с. 243—244.

15 О «левизне» Бубнова в то время см.: К о м и с с а р е н к о Л.А. Деятельность партии большевиков по использованию вооруженных и мирных форм борьбы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 185—186.

16 Специальный выпуск ошибочно датирован 28 августа. 28 августа — это понедельник, и различные текстовые признаки свидетельствуют о том, что выпуск не мог быть напечатан ранее утра 29 августа. По понедельникам «Солдат» обычно не выходил, а специальных выпусков, не в пример газете «Рабочий», не публиковалось. Таким образом, выпуск «Солдата» 29 августа явился первым откликом в печати Военной организации на мятеж Корнилова.

17 «Солдат», 29 августа.

18 Примечательно, что, помимо некоторых листовок, выпущенных самостоятельно или с участием Военной организации, в такой работе, как «Большевизация Петроградского гарнизона» А.К. Дрезена (с. 242—243), и в более поздней монографии «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа» (с. 482—483, 510—511) содержатся лишь два документа, имеющие отношение к деятельности Военной организации между 27 и 30 августа: текст резолюции, принятой совещанием представителей организации 28 августа и ответ Московско-Нарвского районного комитета большевиков на запрос Военной организации о состоянии местной Красной гвардии.

19 Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов, М., 1957, т. 1, с. 31.

20 Р а с с г р и г и н А.Ф. Указ. соч., с. 112.

21 См. ниже, с. 178.

22 В соответствующей литературе военная секция именуется по-разному: как временный военный комитет, оперативная секция, военный комитет, и даже военно-революционный комитет. Ее не следует путать с временным революционным комитетом, созданным ЦИК и ИВСКД для расследования обстоятельств июльского восстания, или с более радикальной военной секцией Петроградского Совета.

23 Корниловские дни. Бюллетени временного военного комитета при ЦИК с 28 августа по 4 сентября 1917 г. Петроград, 1917; Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г. Ред. А н с к и й А. Л., 1927, с. 70.

24 См. выше, с. 100.

25 Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.—Л., 1964—1966, т. 3, с. 292; Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов, с. 58.

26 Районные Советы Петрограда в 1917 году, т. 3, с. 292—293.

27 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 498—499.

28 См.: Т о к а р е в Я.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). М.—Л., 1965, 144—146; Г а л ь п е р и н а Б.Д. Районные Советы Петрограда в 1917 году (диссертация). Л., 1968, с. 228—238. В работах рассматривается важная роль Междурайонного совещания и районных Советов в борьбе с Корниловым.

29 В комитет вошли: три выборных члена Петербургского Совета, по одному представителю от каждой пяти партийных организаций, каждого трех районных комиссариатов, от Путиловского завода, Путиловских судостроительных заводов, районного правления, от роты солдат, расквартировавшихся на Путиловском заводе, от районного бюро профсоюзов и действовавших в районе небольших предприятий.

30 Районные Советы Петрограда в 1917 году, т. 2, с. 251—253; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 496; Т о к а р е в Я.С. Указ. соч., с. 145—146.

31 Созданный в марте 1917 года Петроградский совет профсоюзов в то время состоял из выборных представителей около пятидесяти профсоюзных организаций с голицы. О деятельности Петроградского совета профсоюзов в 1917 году см.: Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Ред. Анский А. Л., 1928, с. 45—77.

32 «Известия», 29 августа.

33 По всем признакам эта комиссия позднее вошла в Комитет народной борьбы с контрреволюцией.

34 Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г., с. 57—72; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 500—501; Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г., с. 53.

35 В л а д и м и р о в а В. Контрреволюция в 1917 г. с. 167; С т е п а н о в З.В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания., М.—Л., 1965, с. 173; См. также: Г о р о в а А.Г. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970, с. 160.

36 В то время в Викжель входило 40 человек: 14 эсеров, 7 меньшевиков, 3 народных социалиста, 2 представителя Междурайонного совещания, 2 большевика, 1 сочувствующий большевикам, 11 беспартийных, многие из которых поддерживали кадетов.

37 Т а н я е в А.П. Очерки по истории движения железнодорожников в революции 1917 года (февраль—октябрь). М.—Л., 1925, с. 95; В л а д и м и р о в а В.

Контрреволюция в 1917 г., с. 161—162; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 153—154, 156.

38 По оценке наиболее видного специалиста по вопросам создания вооруженной рабочей милиции в революционном Петрограде В.И. Старцева, в боевые отряды вступило от 13 до 15 тыс. рабочих (Старцев В.И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.—Л., 1965, с. 164).

39 Петроградский Совет имел две основные секции: рабочую и солдатскую, включавшие соответственно представителей фабрично-заводских рабочих и солдат гарнизона. Возглавляемая многочисленной Исполнительной комиссией солдатская секция занималась проблемами, представлявшими интерес для воинских частей.

40 И в а н о в Н.Я. Указ. соч., с. 156—157; Д р е з е н А.К. Большевизация Петроградского гарнизона. М.—Л., 1932, с. 253—264; К о ч а к о в В.М. Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году.—В: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1957, с. 174—177.

41 «Известия Кронштадтского Совета», 6 и 8 сентября; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Ред. Мордвинов П.Н. АН СССР. Институт истории. М.—Л., 1957, с. 186—189; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М.—Л., 1963, с. 150—158; П е т р а ш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966, с. 200—216; И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 156—157; Д р е з е н А.К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г.—«Красная летопись», 1929, № 5(32), с. 191—199.

42 Разложение армии в 1917 г. Ред. Покровский М.Н. и Яковлев Я.А. М.—Л., 1925, с. 116; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, с. 167—172; И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 63.

43 См. интервью Н. Вакара с Финисовым.—В: «Последние новости», 6 марта 1937, с. 3.

44 Противоречивые описания этого эпизода и причин бездействия петроградских правых групп см. в: В и н б е р г Г. В плену у обезьян. Киев, 1918, с. 104—108; «Последние новости», 24 января 1937, с. 5; 6 марта 1937, с. 3 (интервью Н. Вакара с А.И. Путиловым и П.Н. Финисовым); Д ю с и м е т ь е р Л.П. Заговор Корнилова. Письмо в редакцию—«Последние новости», 28 мая 1937; Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 64—65; М и л ю к о в П.Н. История второй русской революции, т. I, вып. 2, с. 258—259; К е г е л ь с к у А.Ф. Russia and History's Turning Point. p. 381.

45 Подробный отчет об этих событиях, основанный главным образом на неопубликованных материалах из советских архивов.—В: И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 174—179; Большевизация петроградского гарнизона, с. 257; М а р т ы н о в Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927, с. 142—146; В л а д и м и р о в В. Революция 1917 года, т. 4, с. 107—145; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 531—532, 633.

46 И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 180—181; В л а д и м и р о в В. Революция 1917 года, т. 4, с. 134, 349; М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 147—149; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 535.

47 И в а н о в Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 170—174; В л а д и м и р о в В. Революция 1917 года, с. 4, с. 343—350. М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 135—142.

48 А л е к с е е в а в свою очередь 10 сентября сменил Духонин.

49 М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 155—171; В л а д и м и р о в В. Революция 1917 года, т. 4, с. 124—132.

⁵⁰ Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government, vol. 3, pp. 1586—1589. Текст послания Крымова Корнилову не известен.

9. Вопрос о новом правительстве

¹ См. выше, с. 156.

² О роли кадетов в данном эпизоде см.: Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 230—232. См. также отчет Кокошкина (с. 11—12, 15); Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921—1924, т. 1, вып. 2., с. 249—254; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 138.

³ Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 174.

⁴ Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 207.

⁵ Корниловские дни. Бюллетени временного военного комитета при ЦИК с 28 августа по 4 сентября 1917 г., Петроград, 1917, с. 152.

⁶ Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г., с. 76.

⁷ Ильин-Женевский А.Ф. Большевики в тюрьме Керенского, с. 43—65; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 162; Константинов А.П. Большевики Петрограда в 1917 году. Л., 1957, с. 478.

⁸ «Голос солдата», 5 сентября.

⁹ Цит. по неопубликованному протоколу данного совещания из советского архива.—В: Рубан Н. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968, с. 272.

¹⁰ Часто подобные решения о передаче власти Советам принимались по инициативе большевиков — прямое свидетельство того, что итоги VI съезда не смогли повлиять на позиции местных представителей партии в период корниловского мятежа. См., например, выступление Скрипника на объединенном заседании Совета профсоюзов и Центрального Совета фабзавкомов 29 августа (Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г., с. 70). 4 сентября собрание 800 рабочих трубного завода от имени 20 тыс. заводских работников подтвердило эту позицию и потребовало создания «Временного революционного правительства», состоящего из представителей пролетариата и крестьянства и ответственного только перед революционными органами.

¹¹ Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 487, 489, 501, 541—542. Этот источник содержит множество других примеров подобных резолюций. Их можно обнаружить в большинстве газет социалистов того времени, хотя чаще всего они печатались в большевистских газетах «Рабочий», «Рабочий путь» и «Солдат», а также в газете левых эсеров «Знамя труда». Неполные списки предприятий, принимавших подобные резолюции, периодически печатались в газете «Рабочий путь».

¹² Дрезен А.К. Большевизация петроградского гарнизона, с. 256—257.

¹³ Там же, с. 251—257, 265—268. Данный источник, а также газета «Солдат» в последние дни августа и первую половину сентября содержат множество подобных резолюций. Фактически представлены все главные воинские части гарнизона. См. также: Дрезен А.К. Петроградский гарнизон в Октябре.—«Красная летопись», 1927, № 2 (23), с. 106—107.

¹⁴ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 203, 207—208.

¹⁵ Там же, с. 210—211; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, с. 192, 445—446; Дрезен А.К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г.—«Красная летопись», 1929, № 5 (32), с. 191—199. Флаги спу-

стили через несколько дней в знак протеста против Демократического совещания.

16 «Известия Кронштадтского Совета», 29 августа.

17 Там же, 30 августа.

18 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 37—38. Наиболее полный отчет о заседании — В: «Дело народа», 1—3 сентября; «Известия», 1—3 сентября; см. также: В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года, т. 4, с. 104—142, 149—150; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 171—181.

19 В этой связи интересно отметить, что на заседании, состоявшемся поздно вечером 31 августа, ЦК большевиков решил первым вопросом запланированного на 3 сентября пленума поставить продолжение дискуссии о «текущем моменте», намереваясь, по-видимому, дать возможность изложить различные представления о верной линии, которую нужно проводить в сложившейся ситуации. Противоположные подходы поручили обосновать Сталину (от левых) и Каменеву (от правых). Информация относительно того, состоялся ли этот пленум или нет, отсутствует. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 39—40, 72.

20 «Известия», 1 сентября; «Дело народа», 1 сентября.

21 Отчеты об этом заседании. — В: «Речь», 1 и 2 сентября; «Дело народа», 2 сентября; «Биржевые ведомости», 1 сентября (утренний выпуск): см. также: В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года, т. 4, с. 138—139.

22 См. выше, с. 113.

23 П о т е х и н М.Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966, с. 23.

24 Наиболее полный отчет об этой части дискуссии в: «Известия», 2 и 3 сентября; «Дело народа», 3 сентября; «Биржевые ведомости», 3 сентября (утренний выпуск); «Речь», 2 и 3 сентября; см. также: В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года, т. 4, с. 149—150.

25 «Известия», 3 сентября.

26 R o s e n b e r g W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 236—239.

27 «Дело народа», 5 сентября; Воспоминания Дана относительно собственных взглядов в то время см.: Д а н Ф. К истории последних дней Временного правительства. — В: «Летопись революции», 1923, кн. 1, с. 163—175. Интересно, что участники совещания меньшевистского ЦК поровну разделились на сторонников и противников коалиции. В монографии «Октябрьское вооруженное восстание» (т. 2, с. 186) есть ссылки на неопубликованные протоколы из советских архивов.

28 См., например, отчет о совещании фракции эсеров в Совете 6 сентября в: «Дело народа», 7 сентября; Относительно эсеровских фракций, существовавших в то время, см.: R a d k e y О.Н. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958, pp. 402—408.

29 «Дело народа», 12 сентября; «Знамя труда», 12 сентября.

30 «Знамя труда», 12 сентября, а также все последующие выпуски.

31 R a d k e y О.Н. The Agrarian Foes... p. 403.

32 Х о х р я к о в А.Л. Из жизни Петроградского гарнизона. — «Красная летопись», 1926, № 2 (17), с. 36—37.

33 Протоколы собраний частей гарнизона, связанные с подобными чистками. — В: Д р е з е н А.К. Большевизация Петроградского гарнизона. М.—Л., 1932, с. 258—263. Любопытная дискуссия относительно влияния мятежа Корнилова на простого солдата в: Р а б и н о в и ч С.Е. Борьба за армию в 1917 г. Л., 1930, с. 44.

34 Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 470—471.

³⁵Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М., 1961, с. 148—149, 553.

³⁶Войтинский В. Годы побед и поражений. 1917 год (рукопись). Берлин, 1922, с. 295—299.

10. «Вся власть Советам!»

¹Ровио Г.С. Как Ленин скрывался у гельсингфорсского «полицмейстера». В кн.: Ленин в 1917 году. Воспоминания. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1967, с. 148—156; Старцев В.И. В.И. Ленин в августе 1917 года, с. 121—130; Старцев В.И. О некоторых работах В.И. Ленина первой половины сентября 1917 г. — В кн.: В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Ред. Фрайман А.Л. Л., 1970, с. 30—31; Астрахан Х.М. и др., Ленин и революция 1917 г. Л., 1970, с. 277—284; Норман Е. Saul Lenin's Decision to Seize Power: The Influence of Events in Finland, Soviet Studies, April 1973, pp. 491—505; Коронин М.М. В.И. Ленин и финские революционеры, — «Вопросы истории», 1967, № 10, с. 11—17.

²Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119—121.

³Там же, с. 133—139.

⁴Западные историки не уделяют этим статьям почти никакого внимания. В работах советских историков, пытавшихся чуть ли не поминутно проследить развитие взглядов Ленина, высказываются противоречивые, иногда прямо противоположные оценки. Отчасти это объясняется тем, что взгляды Ленина на возможность и желательность мирного развития революции в сентябре 1917 г. и совпадение или несовпадение его точки зрения с мнениями лидеров петроградской организации большевиков долгое время оставались запретной темой, отчасти разрывом между датами написания и опубликования ленинских статей — лишь в последнее время предпринимаются серьезные попытки установить точные даты их написания. Разные мнения и оценки высказываются в таких работах, как: Соколин А.М. О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, с. 50—64; Сандин Б.И. Ленин о соотношении мирного и вооруженного путей развития революции после разгрома корниловщины. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института, т. 19, вып. 2, 1958, с. 213—232; Фрумкин С.Н. В.И. Ленин о возможности мирного развития революции. — Ученые записки Рязанского государственного пединститута, т. 19, 1958, с. 29—51; Старцев В.И. О некоторых работах В.И. Ленина первой половины сентября 1917 г., с. 28—38; Иванов Н.Я. Некоторые вопросы кризиса «правлящих верхов» и тактика большевиков накануне Октябрьского вооруженного восстания. — В сб. Минц И.И. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде, М., 1964, с. 202—214. Во всех собраниях сочинений В.И. Ленина, кроме последнего издания избранных сочинений, эти статьи расположены по порядку дат их публикации, то есть 14—27 сентября. Исследования некоторых закрытых материалов, выполненные В.И. Старцевым, позволяют сделать вывод, что они были написаны гораздо раньше, чем считалось прежде (то есть между 6 и 9 сентября).

⁵Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 229—238.

⁶Там же, с. 200—207.

⁷Там же, с. 214—228.

⁸Сokolьников Г. Как подходить к истории Октября. — В: За ленинизм. М.—Л., 1925, с. 165; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 188.

⁹См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 186—187.

¹⁰Протоколы этого заседания см. в сб.: Первый легальный Петербургский комитет, с. 259—270.

¹¹Эта позиция отражена в представленной Слуцким резолюции Исполнительной комиссии, которая не была опубликована.

¹²По этому вопросу см.: Т р о ц к и й Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 435—436.

¹³За предложение большевиков было подано 519 голосов, за резолюцию «умеренных» социалистов — 414 голосов при 67 воздержавшихся.

¹⁴Каждая воинская часть Петроградского гарнизона, независимо от численности, могла иметь хотя бы одного представителя в Петроградском Совете, тогда как норма представительства фабричных рабочих составляла один депутат на 1000 рабочих. Это обстоятельство приводило к очень большому неравенству представительства солдат, среди которых относительно велико было влияние эсеров, и рабочих, на которых большое влияние оказывали большевики. Начиная с августа большевики безуспешно добивались уравнивания представительства солдат и рабочих, требуя, чтобы от солдат также избирался один представитель на 1000 человек.

¹⁵В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года, т. 4, с. 269.

¹⁶Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 35; К о м и с с а р е н к о Л.А. Деятельность партии большевиков, с. 300.

¹⁷Протоколы Центрального Комитета, с. 49.

¹⁸См.: С т а р ц е в В.И. Из истории принятия решения об организации вооруженного восстания. — В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 472.

¹⁹Протоколы Центрального Комитета, с. 49—54; Т р о ц к и й Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 293—298, 351—357; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 196, 206.

²⁰См.: Р е й м а н М. Русская революция, т. 2, с. 271.

²¹«Известия», 17 сентября.

²²«Солдат», 17 сентября.

²³«Рабочий путь», 13 сентября.

²⁴Московский промышленник Бурышкин и один из лидеров партии кадетов Кишкин участвовали в то время в переговорах с Керенским по вопросу о будущем правительстве.

²⁵Отчеты о выступлении Каменева, помещенные в разных газетах, довольно значительно отличаются один от другого. См.: «Рабочий путь», 17 сентября; «Известия», 15 сентября; «Новая жизнь», 15 сентября.

²⁶«Известия», 16 сентября.

²⁷Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239—241.

²⁸Там же, с. 242—247.

²⁹Б у х а р и н Н.И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 319.

³⁰С т а с о в а Е.Д. Письмо Ленина в ЦК партии. — В сб.: Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1969, т. 2, с. 454.

³¹Протоколы Центрального Комитета, с. 55.

³²Б у х а р и н Н.И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний..., с. 319.

³³Л о м о в Г. В дни бури и натиска. — «Пролетарская революция», 1927, № 10(69), с. 166.

³⁴«Новая жизнь», 19 сентября.

³⁵Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 208—209.

36 Шотман А. Ленин накануне Октября. — В сб.: О Ленине..., М.—Л., 1925, т. 1, с. 116.

37 Крупская Н.К. Ленин в 1917 году. — В сб.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900—1922, М., 1963, с. 208; Свердлов К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, с. 283.

38 «Известия», 20 сентября; «Солдат», 20 сентября.

39 «Известия», 20 сентября.

40 Т.е. платформа, предполагавшая сочетание реформ с твердой властью, разработанная Всероссийским Исполнительным комитетом и представленная на рассмотрение Государственного совещания в Москве 14 августа.

41 «Известия», 21 сентября.

42 «Дело народа», 21 сентября; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 245—246.

43 «Известия», 21 сентября.

44 «Дело народа», 24 и 26 сентября; «Речь», 23 и 24 сентября; «Известия», 24 сентября.

45 Протоколы Центрального Комитета, с. 68; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 5, с. 263—264, 275.

46 Протоколы Центрального Комитета, с. 65. В 1920 г. Сталин в одном из своих выступлений заявил, что после Октября Ленин признал правоту лидеров петроградской организации большевиков, отвергнувших в то время предложенный им тактический курс. См.: Троцкий Л., The Stalin School of Falsification, translated by John G. Wright, New York, 1962, pp. 200—201.

47 Протоколы Центрального Комитета, с. 65, 261—262; Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 301—302, 359, 441—442; Комиссаренко Л.А. Деятельность партии большевиков, с. 332—333.

48 «Рабочий путь», 29 сентября. Революционное движение в России в сентябре. Общенациональный кризис, с. 74—75.

49 «Известия», 26 сентября; «Рабочий путь», 27 сентября.

50 Там же, см. также: Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 317—318.

51 «Рабочий путь», 26 сентября.

52 «Рабочий путь», 30 сентября. 23 сентября позиции правого крыла большевиков в ЦК усилились, так как к ним присоединился Зиновьев, который начал регулярно принимать участие в заседаниях. В то же время Троцкий, представитель левого крыла партии, почти неделю (начиная с 28 сентября) не принимал участия в работе ЦК и Петроградского Совета в связи с болезнью. Протоколы Центрального Комитета, с. 67—75; Рейман М. Русская революция, т. 2, с. 287.

11. Ленин: «Взять власть тотчас!»

¹ Советские историки и авторы воспоминаний называют разные даты возвращения Ленина в Петроград из Выборга. Официально принятая дата — 7 октября, но некоторые авторы утверждают, что Ленин вернулся в столицу 20 октября, по другим данным, Ленин вернулся гораздо раньше — 29 или даже 22 сентября. Противоречивость сведений о дате приезда Ленина в Петроград объясняется той секретностью, которая окружала все его шаги осенью 1917 г., обычными в сталинские годы извращениями и фальсификацией исторических источников, а также политическими и идеологическими соображениями сегодняшнего дня.

Покойный П.Н. Михрин утверждал, что Ленин вернулся в Петроград в конце сентября в пятницу, скорее всего, 29 сентября. Основания для такого вывода — тщательный анализ воспоминаний Н.К. Крупской, М. Фофановой (в квартире

которой Ленин скрывался, возвратившись в Петроград), А. Шотмана и Э. Рахья (которые имели прямое отношение к организации его переезда), личного свидетельства Е. Стасовой (секретаря ЦК в сентябре и октябре), работ самого Ленина, написанных в тот период, и некоторых архивных документов. Доводы Михрина, изложенные в кн. под ред. И.И. М и н ц а «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», с. 119—124, представляются весьма убедительными.

² Ленин имеет в виду статью Зиновьева «Что не делать» («Рабочий», 30 августа), написанную в дни корниловского мятежа. Зиновьев утверждал, что восстание рабочих в Петрограде должно потерпеть поражение, как Парижская Коммуна в 1871 г.

³ В.И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 248—256.

⁴ Там же, с. 257—263.

⁵ Там же, с. 264—268.

⁶ Там же, с. 279—283.

⁷ Там же, с. 340—341. Учитывая, что произошло в дальнейшем в действительности, представляется целесообразным отметить, что в конце письма Ленин говорил о возможности «именно теперь... взять власть без восстания». Более того, он утверждал, что выступление против правительства может быть начато не в Петрограде, а в Москве. Дальнейшие события показали, насколько неверна была его оценка: «В Москве победа обеспечена и воевать некому».

⁸ В.И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 284—286.

⁹ Протоколы Центрального Комитета, с. 74.

¹⁰ Л а ц и с М.И. Роль Петроградского Комитета в октябре. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922 г.

¹¹ Л а ц и с М.И. Накануне октябрьских дней. — «Известия», 6 ноября 1918 г.

¹² Там же. См. также Л а ц и с М.И. Из октябрьских воспоминаний, — «Бакинский рабочий», 1 ноября 1927 г.

¹³ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 315.

¹⁴ Протоколы Центрального Комитета, с. 75—76. Следует отметить, что на заседании 5 октября не было некоторых членов ЦК, которые могли бы поддержать Каменева, — отсутствовали Рыков, Зиновьев и Погин. На этом заседании ЦК принял решение, свидетельствовавшее о том, что наметился резкий поворот линии большевиков — по настоянию Сталина было решено в связи с назначенным на 10 октября открытием в Петрограде съезда Советов Северной области провести совместное расширенное заседание членов ЦК и представителей Московской и Петроградской организаций большевиков, очевидно, с целью коренного пересмотра задач и тактики. Протоколы Центрального Комитета, с. 76.

¹⁵ Там же, с. 76.

¹⁶ Т р о ц к и й Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 456; С у х а н о в Н. Записки о революции, т. 6, с. 247—248.

¹⁷ Л а ц и с М.И. «Известия», 6 ноября 1918 г. Протокол. — В сб.: Первый легальный Петербургский комитет..., с. 296—306.

¹⁸ Юкка Рахья был братом Эйно Рахья, выполнявшего роль связного между Лениным и Центральным Комитетом.

¹⁹ Первый легальный Петербургский комитет..., с. 303. К тому же выводу приходит Комиссаренко (Деятельность партии большевиков, с. 369).

²⁰ Л а ц и с М.И. — «Бакинский рабочий», 1 ноября 1927 г.

²¹ Л а ц и с М.И. — «Известия», 6 ноября 1918 г. Л а ц и с М.И. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922 г.

²² Протоколы Центрального Комитета, с. 80.

²³ Л а ц и с М.И. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.

²⁴«Речь», 8 октября. М и л ю к о в П.Н. Вторая русская революция, т. 1, ч. 2, с. 123—128; С у х а н о в Н. Записки о революции, т. 6, с. 248—251.

²⁵С у х а н о в Н. Записки о революции, т. 7, с. 33; Ф л а к с е р м а н Ю. 10 октября 1917 года. — В сб.: Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967, с. 266.

²⁶Протоколы Центрального Комитета, с. 83—86. Протокол вела В. Яковлева, которая, как она вспоминала впоследствии, получила указание не делать подробных записей по соображениям безопасности.

²⁷Историкам пришлось бы нелегко, если бы Каменев и Зиновьев не подготовили подробного изложения своих доводов для распространения в широких партийных кругах сразу же после заседания 10 октября. См. полный текст в сб.: Протоколы Центрального Комитета, с. 87—92.

²⁸Протоколы Центрального Комитета, с. 83—92; Л о м о в Г. В дни бури и натиска. — «Бакинский рабочий», 5 ноября 1927 г.; Я к о в л е в а В. Подготовка Октябрьского восстания в Московской области. — «Пролетарская революция», 1922 г., № 10(22), с. 305—306; К о л л о н т а й А. Рука истории. — «Красноармеец», 1919 г., № 10—15, с. 69; Ф л а к с е р м а н Ю. 10 октября, с. 264—269.

12. Препятствия на пути к восстанию

¹Л а ц и с М.И. — «Известия», 6 ноября 1918 г.

²Б р е с л а в Б. Канун Октября 1917 года. М., 1934, с. 17. Участвовала также делегация из Москвы.

³«Рабочий путь», 8 октября; «Пролетарское дело», 10 октября; Б р е с л а в Б. Канун октября, с. 19.

⁴См. выступление Рахья на первом заседании. Вторая и третья петроградские общегородские конференции, с. 108.

⁵Там же, с. 132; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 132.

⁶Л е н и н. В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 385—390.

⁷См.: С т а р ц е в В.И. О выборе момента для Октябрьского вооруженного восстания. — В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 71.

⁸Б р е с л а в Б. Канун Октября, с. 18—22; см. также Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 250.

⁹Б р е с л а в В. Канун Октября, с. 21—22.

¹⁰Там же, с. 31—32.

¹¹См. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 253.

¹²См. замечания Подвойского. Вторая и третья петроградские общегородские конференции, с. 114.

¹³Н е в с к и й В.И. Две встречи. — «Красная летопись», 1922, № 4, с. 142—143.

¹⁴Н е в с к и й В.И. Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП (большевиков) накануне Октябрьского восстания. — «Красная летопись», 1922, № 2—3, с. 318.

¹⁵Шотман писал: «Хорошо помню, что споры вращались вокруг центрального вопроса — нужно ли брать власть немедленно или отложить взятие власти до созыва II съезда Советов... На всех трех конференциях речь шла о взятии власти в недалеком будущем, никто против этого не возражал. Однако большинство выступило против взятия власти тотчас же. Большинство на всех трех конференциях проголосовало против немедленного взятия власти». Ш о т м а н А. Ленин накануне Октября, с. 119.

¹⁶Протоколы Центрального Комитета, с. 86—92.

17 Так, Раскольников, как только был освобожден из тюрьмы утром 11 октября, поспешил на первое заседание и сразу же по прибытии в Смольный узнал о решении по вопросу о подготовке вооруженного восстания и тут же получил экземпляр заявления Каменева и Зиновьева. Чуть позже Каменев отвел его в сторону и изложил свои возражения против избранной партией тактики и причины, заставлявшие его считать, что вооруженное восстание должно иметь катастрофические последствия для партии. Р а с к о л ь н и к о в Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.—Л., 1925, с. 203—204. Член Военной организации Ильин-Женевский вспоминал, как по пути на митинг, куда он ехал вместе с Каменевым 12 октября, последний подробно изложил свою точку зрения. Он утверждал, что, не говоря уже о всем прочем, самой Военной организации было еще далеко до готовности к решительному бою. И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. Накануне Октября, с. 25.

18 См. высказывания Бреслава по этому поводу в Кронштадтском Совете.— «Известия Кронштадтского совета», 26 октября.

19 В связи с обвинениями в том, что съезд созывался с целью сорвать Учредительное собрание, начиная с выпуска 3 октября редакция «Знамени труда» в каждом номере помещала также фразу «Готовьтесь к Учредительному собранию».

20 Из выступления Камкова на Первом Всероссийском съезде левых эсеров, состоявшемся в конце ноября 1917 г. См.: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918, с. 38—39.

21 Б р е с л а в Б. Канун Октября, с. 68—69.

22 А н т о н о в - О в с е е н к о В.А. Балфлот в дни керенщины и Красного Октября.— Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 122.

23 См.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 253.

24 Р я б и н с к и й К. Революция 1917 года. Хроника событий, т. 5, М., 1926, с. 88—89; «Известия», 15 октября.

25 В о л о б у е в П.В. Из истории борьбы Временного правительства с революцией.— Исторический архив, 1960, № 5, с. 83—85.

26 Там же, с. 84. Дальнейшие директивы штаба Полковникова воинским частям в Петрограде и округе см. в сб.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, под ред. Г о л и к о в а Г.Н. и др. АН СССР, Институт истории и др., М., 1957, с. 263—274.

27 «Биржевые ведомости», вечерний выпуск 14 октября.

28 Первый легальный Петербургский комитет, с. 307—319; Протоколы Центрального Комитета, с. 93—105.

29 Приведенные Невским цифры не выглядят преувеличенными. Н е в с к и й В.И. Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП (большевиков) накануне Октябрьского восстания, с. 38.

30 С в е р д л о в К.Т. Яков Михайлович Свердлов, с. 287.

31 Ш о т м а н А. Ленин накануне Октября, с. 121.

32 А л е к с е е в а Е.А. На всю жизнь. Петроград в дни Великого Октября, с. 270—282.

33 Протоколы Центрального Комитета, с. 94; Ш о т м а н А. Ленин накануне Октября, с. 122.

34 Ш о т м а н А. Ленин накануне Октября, с. 122.

35 См. замечания А.Л. С и д о р о в а. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 109—110.

36 Протоколы Центрального Комитета, с. 105.

37 См. касающиеся данного вопроса письма Ленина партии и Центральному Комитету, датированные соответственно 18 и 19 октября. Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 419—427.

38 Протоколы Центрального Комитета, с. 106—107.

39 Аввакумов С.И. Борьба петроградских большевиков за осуществление ленинского плана Октябрьского восстания. — В: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 54—56; Свердлов К.Т. Яков Михайлович Свердлов, с. 289—291.

13. Волнения в гарнизоне и Военно-революционный комитет

¹Тактическая линия Военной организации наиболее полно отразилась в выпусках газеты «Солдат» за этот период.

²О более поздней оценке Троцкого крайней важности отказа от захвата власти без участия Петроградского Совета и необходимости связать восстание с работой Всероссийского съезда Советов см.: Trotsky L.D. Lenin (New—York, 1971) pp. 92—93.

³Детальный анализ этой необычной и сложной операции см.: Foch Shishvits. Захват балтийских островов Германией в 1917 г. М., 1937.

⁴Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 414—415.

⁵«Известия», 1 октября.

⁶Хесин С.С. Октябрьская революция и флот, с. 411, 412.

⁷«Солдат», 15 октября.

⁸Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 67; «Газета копейка», 12 октября; 13 октября.

⁹Войтинский В. Годы побед и поражений, 1917 г., с. 319—22.

¹⁰Там же; Woytinsky. Stormy Passage. с. 367.

¹¹Чаадаева О.Н. Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. — «Исторические записки», 1955, № 51, с. 14.

¹²Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 111.

¹³«Солдат», 14 октября. Аналогичные резолюции см.: Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 53—73; Дрезен А.К. Большевизация Петроградского гарнизона, с. 297—302. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 155—168, 217—219.

¹⁴Протокол этого митинга см.: Дрезен А.К. Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне М.—Л., 1932, с. 6—8.

¹⁵Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 90. Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 41—91.

¹⁶«Голос солдата», 19 октября.

¹⁷Войтинский В. Годы победы и поражений, с. 320—321, 324.

¹⁸«Известия», 18 октября.

¹⁹Там же, 17 октября, с. 5—6. Делегация должна была состоять из 25 представителей нового большинства в Советах и 15 представителей гарнизона.

²⁰Войтинский В. Годы побед и поражений, с. 322—324; «Рабочий и солдат», 22 октября.

²¹Об этом моменте см.: Орехова Е.Д. К изучению источников о создании Петроградского Военно-революционного комитета. В сб.: Источниковедение истории советского общества, вып. 2. М., 1968, с. 15. Текст резолюции Бройдо см.: Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 237—238.

²²По мнению некоторых авторов, полный текст этой резолюции не был обнаружен. Судя по сообщениям газет о заседании исполкома Петроградского Совета 9 октября, он, видимо, был почти аналогичен резолюции большевиков, внесен-

ной позднее в этот же день на пленарном заседании Петроградского Совета. Полный текст резолюции см.: Р я б и н с к и й К. Хроника событий, т. 5, с. 238.

23 «Биржевые ведомости», 10 октября, утренний выпуск. Полный анализ истории создания ВРК, а также важнейших источников см. В: О р е х о в а Е.Д. Указ. соч.

24 См., например: History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) Short Course. New-York, 1939, pp. 205—206.

25 Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. Под ред. Ч у г а е в а Д.А. и др., в 3-х томах. АН СССР, Институт истории. М., 1966. См., в частности, предисловие редактора к т. 1, с. 5—6.

26 Это признается некоторыми современными советскими историками; см., например: Т о к а р е в Ю.С. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 168. После точного изложения истории эволюции ВРК Токарев добавляет: «Все эти факты были, конечно, известны и ранее, но в условиях культа личности историки не могли подвергнуть какой-либо критике формулировку «Краткого курса» и были вынуждены следовать ей».

27 Петроградский военно-революционный комитет, г. 1, с. 40—41.

28 Первый легальный Петербургский комитет, с. 318.

29 Протоколы Центрального комитета, с. 104.

30 Там же, с. 106—108, см. так же: О р е х о в а Е.Д. К изучению источников о создании Петроградского Военно-революционного комитета, с. 25—26.

31 Протоколы Центрального комитета, с. 104.

32 Точная дата этой встречи не установлена. Об анализе противоречивых свидетельств и различных точек зрения по этому вопросу см.: О р е х о в а Е.Д., П о к р о в с к и й А.С. О датировке встречи В.И. Ленина с руководителями Военной организации большевиков и Петроградского ВРК в октябре 1917 г. — См. в сб.: Источниковедение истории советского общества, вып. 2. М., 1968, с. 56—78. Изучив имеющиеся опубликованные материалы, я полагаю, что эта встреча не могла состояться до 20 октября и что она, видимо, имела место между 20 и 22 октября.

33 Подвойский Н.И. О военной деятельности Ленина. — «Коммунист», 1957, № 1, с. 17.

34 Невский В.И. Военная организация и Октябрьская революция, — «Красноармеец», 1919, № 10—15.

35 Антонов-Овсеенко В.А. Революция победила. — «Красная газета», 7 ноября 1923 г.

36 Подвойский Н.И. О военной деятельности Ленина. с. 35.

37 Подвойский Н.И. Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет в 1917 г. — «Красная летопись», 1923, № 8, с. 16.

38 Невский В.И. Военная организация и Октябрьская революция. с. 43; Антонов-Овсеенко В.А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября, с. 123—125. В этой связи Невский был срочно направлен в Гельсингфорс для координации действий по мобилизации местных революционных сил.

39 «Рабочий путь», 20 октября.

40 «Дело народа», 20 октября; «Новая жизнь», 20 октября; «Голос солдата», 20 октября.

41 Хотя сведения о функциях комитета огрызочны, видимо, до Октябрьской революции у него не было установленного распорядка работы.

42 Я сам совершил такую ошибку. См.: R a b i n o v i c h A. The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power. — In: Revolution and Politics in Russia, p. 188.

43 Об этом см.: Б и р з г а л Я.П. Крестный ход. — В сб.: Петроград в дни Великого Октября, с. 287—289.

- 44 Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 55—56.
- 45 «Голос солдата», 21 октября; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы, с. 169—170; Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 2, с. 36—37.
- 46 Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 87. Мехоношин К.А. Штаб Октябрьской революции (беседа с т. Мехоношиным), «Агит-РОСТА», 26 октября 1919, с. 1.
- 47 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 298; см. также «Голос солдата», 24 октября.
- 48 Мехоношин К.А. «Агит-РОСТА», 26 октября 1919 г., с. 1; Пионтковский С. Военно-революционный комитет в октябрьские дни. — «Пролетарская революция», 1927, № 10, с. 114—115.
- 49 Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 63.
- 50 Воспоминания об октябрьском перевороте, с. 53.
- 51 Рейман М. Русская революция, т. 2, с. 385.
- 52 «Речь», 24 октября.
- 53 Там же.
- 54 Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 90—91.
- 55 «Голос солдата», 24 октября; «Речь», 24 октября.
- 56 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 277.
- 57 Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 151—152.
- 58 Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 67—68.
- 59 Антонов - Овсеенко В.А. — «Красная газета», 7 ноября 1923 г.
- 60 Антонов - Овсеенко В.А. В семнадцатом году. М., 1933, с. 133.
- 61 «Речь», 24 октября.
- 62 Лашевич М. Первый военно-революционный комитет. — «Красная газета», 7 ноября 1920 г.
- 63 Лашевич М. Октябрьские дни в Петрограде. — «Политработник Сибири», 1922, № 11, с. 4.
- 64 См., в частности, горячие возражения Камкова против восстания на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов, состоявшейся 17—22 октября в Петрограде («Рабочий и солдат», 22 октября). После обсуждения «текущего момента» конференция одобрила сравнительно мягко сформулированное заявление большевиков, в котором утверждалось, что спасение революции и достижение задач трудящихся лежат на пути передачи власти Советам, но ничего не говорилось о том, каким образом и когда произойдет эта передача. См.: Октябрьская революция и фабзавкомы: материалы по истории фабрично-заводских комитетов. В 2-х томах. Комиссия по изучению истории профессионально-го движения в СССР. М., 1927, т. 2, с. 167.
- 65 Rabinovich A. Prelude to Revolution, pp. 76—77.
- 66 Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 74.
- 67 Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 160.
- 68 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 312.
- 69 Антонов - Овсеенко В. Октябрьская буря. Первый народный календарь на 1919 г. Петроград, 1919, с. 102. О постоянных угрозах левых эсеров внутри комитета см.: Мехоношин К.А. Штаб Октябрьской революции. «Агит-РОСТА», 26 октября 1919 г.
- 70 «Известия», 25 октября; Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 161.
- 71 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 281—282.

¹Л о м о в Г. В дни бури и натиска. — «Известия», 6 ноября 1918 г.; Л о м о в Г. В дни бури и натиска, — «Пролетарская революция», 1927, № 10 (69), с. 169—170.

²Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 86; Л а ш е в и ч М. Восстание. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922 г. А н т о н о в - О в с е е н к о В. А. Октябрьская буря. — «Известия», 6 ноября 1918 г., с. 3—4.

³«Известия», 25 октября; «Известия Кронштадтского совета», 5 ноября.

⁴Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 85; Т р о ц к и й Л. Соч., т. 3, ч. 2, с. 51.

⁵Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), с. 119—121.

⁶Е л о в Б. Петроградский комитет накануне 25 октября. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922 года; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 287.

⁷Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 92.

⁸«День», 25 октября, с. 1.

⁹Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 90.

¹⁰«Известия», 25 октября.

¹¹«Новая жизнь», 25 октября.

¹²Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 327—328.

¹³П о л е н о в. Выстрел с «Авроры». — «Ленинградская правда», 6—7 ноября 1927 года; Р я б и н с к и й К. Хроника событий, т. 5, с. 166—167.

¹⁴Наиболее точный перечень верных правительству воинских частей см. в: Е р ы к а л о в Е. К. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 435.

¹⁵Там же, с. 318.

¹⁶С у х а н о в Н. Записки о революции, т. 7, с. 131; «Известия», 25 октября.

¹⁷«Известия», 25 октября, с. 2—3; «Речь», 25 октября, с. 2; перевод речи Керенского содержится в: B r o w d e r R. P., and K e r e n s k y A. F., eds. The Russian Provisional Government 1917, Vol. 3, pp. 1772—1778.

¹⁸К е р е н с к и й А. Ф. Россия и поворотный пункт истории, с. 435.

¹⁹Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), с. 40.

²⁰«Известия», 25 октября.

²¹См.: Д а н Ф. К истории последних дней Временного правительства. Летопись революции. Т. I, Берлин, 1923, с. 163—175.

²²«Известия», 25 октября; см. также: С л а в и н П. Ф. Октябрьское вооруженное восстание и предпарламент. — В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание, с. 224—228.

²³Д а н Ф. К истории последних дней Временного правительства, с. 172—175.

²⁴«Рабочая газета», 26 октября.

²⁵Выделено мной. В некоторых опубликованных вариантах этой резолюции прилагательное «дружественный» заменено прилагательным «твердый». Цитируемый вариант содержится в: «Рабочая газета», 25 октября.

²⁶«Новая жизнь», 26 октября.

²⁷М с т и с л а в с к и й С. М. Пять дней. Берлин, 1922, с. 122—123; Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., под ред. П о к р о в с к о г о М. И. и Я к о в л е в а Я. А. М.—Л., 1928, с. 162. Мстиславский с горечью вспоминает, что

ко времени его прибытия в Смольный вечером 25 октября эсеры и левые эсеры «уже сидели в разных комнатах».

28 «Известия», 25 октября.

29 И л ь и н - Ж е н е в с к и й А. Октябрьская революция. — «Красная летопись», 1926, № 5 (20), с. 37.

30 Там же.

31 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 303—304; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 332.

32 П е с т к о в с к и й С. Об октябрьских днях в Питере. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 95—96; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 308.

33 Л ю б о в и ч А.М. Революционное занятие Петроградского телеграфа. — «Почтово-телеграфный журнал», 1918, № 9—12, с. 35—41.

34 «Речь», 26 октября.

35 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 338.

36 Д ы б е н к о П.Е. Балтфлот в октябрьские дни. В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 305; П е т р а ш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября, с. 251.

37 П р о н и н А.Г. Подготовка к захвату власти. — «Бакинский рабочий», 7 ноября 1927 г.

38 Д ы б е н к о П.Е. Балтфлот в октябрьские дни, с. 305.

39 Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

40 Ф о ф а н о в а М.В. Ильич перед Октябрем 1917 года. — В: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 448.

41 Ф о ф а н о в а М.В. Последнее подполье. В: Об Ильиче. Воспоминания пи-терцев. Л. 1970, с. 348.

42 В сталинский период это письмо игнорировалось, очевидно, потому, что в нем говорится о сохранявшихся разногласиях между Центральным Комитетом и Лениным в отношении развития революции. В письме не указан адресат, а заголовки в 4-м и 5-м изданиях сочинений Ленина, выпущенных после смерти Сталина, указывают, что оно было адресовано Центральному Комитету. Однако, как признают некоторые современные ученые в Советском Союзе, из содержания письма явствует, что оно было адресовано рядовым членам партии и преследовало цель поощрить их к оказанию давления на партийное руководство и ВРК с целью ареста членов Временного правительства до открытия съезда Советов. Поэтому вопросу см. комментарии Е.И. Городецкого и С.И. Шульги в книге «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», с. 189, 478—482.

43 Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.

44 Ф о ф а н о в а М.В. Последнее подполье, с. 349; Р а х ь я Э. Последнее подполье Владимира Ильича. — «Красная летопись», 1934, 89—90; Р а х ь я Э.А. Мои воспоминания о Владимире Ильиче. — В кн. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 434.

45 Р а х ь я Э. Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным. — «Новый мир», 1934, № 1, с. 35—36.

46 По этому вопросу см.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 292—307. Имеются сведения о том, что ВРК захватил телефонную станцию и электро-станцию только после того, как в Смольном стали испытывать трудности с телефонной связью и электроснабжением. Единственной мерой ВРК, которую нельзя рассматривать как ответную на действия правительства, явился захват телеграфа.

47 Л а ц и с М.И. «Петроградская правда», 5 ноября 1922 г., с. 2.

⁴⁸См., например, комментарий Камкова. — В: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров, с. 40—41.

⁴⁹Дзенис О.П. Как мы брали 25 октября Зимний дворец. — «Правда», 6—7 ноября 1921 г., с. 7; Дзенис О.П. Под Зимним дворцом. — В: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний, с. 270.

⁵⁰Игнатьев А. В ночь на 25 октября 1917 года. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 314.

⁵¹Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 259; Курков П. Крейсер «Аврора». — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 360.

⁵²Там же.

⁵³Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 325—335.

⁵⁴Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 175.

⁵⁵Там же, с. 175—176.

⁵⁶«Известия», 26 октября; около 200 человек из 14 казачьего полка прибыли к Зимнему дворцу, однако этот небольшой отряд не мог изменить к лучшему положение правительства.

⁵⁷Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 340.

⁵⁸Ливеровский А.В. Последние часы Временного правительства. Дневник министра Ливеровского. — «Исторический архив», 1960, № 6, с. 41.

⁵⁹Милютин В. О Ленине, Л., 1924, с. 4—5; Рахья Э. Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным, с. 36; см. также: Рейман М. Русская революция, т. 2, с. 332.

15. Большевики приходят к власти

¹Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 348—350; Антонов-Овсеенко В.А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября, с. 123—124.

²Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 136—137.

³Балтийские моряки..., с. 270.

⁴Октябрьское вооруженное восстание, г. 2, с. 330; Еремеев К. Осада Зимнего. — «Бакинский рабочий», 7 ноября 1927 г.; см. также: Дзенис. Как мы брали 25 окт. Зимний дворец, с. 7, а также Благонравов Г.И. Октябрьские дни в Петропавловской крепости. — «Пролетарская революция», 1922, № 4, с. 33.

⁵Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

⁶Старцев В.И. Берство Керенского. — «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 204—205; Версию этих событий, предложенную Керенским, см. в: Russia and History's Turning Point, pp. 437—439.

⁷«Речь», 26 октября; «Новая жизнь», 26 октября. «Известия», 26 октября.

⁸Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 177

⁹Павлов И. Авральная работа 25-го октября 1917 года. — «Красный флот», 1926, № 10—11, с. 25

¹⁰Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции, с. 139.

¹¹Там же, с. 139—140; Павлов И. Авральная работа 25-го октября 1917 года, с. 25.

¹²Рябинский К. Хроника событий, т. 5, с. 179—180; «Известия», 26 октября; 27 октября.

- 13 Там же.
- 14 Да ш к е в и ч П.В. Октябрьские дни. — «Ленинградская правда», 7 ноября 1924 г.
- 15 Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 84—85.
- 16 Т а р а с о в - Р о д и о н о в А. Первая операция. — «Военный вестник», 1924, № 42, с. 12; Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 78—79.
- 17 А н т о н о в - О в с е е н к о В.А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября. с. 124—129; А н т о н о в - О в с е е н к о В.А. Революция победила. — «Красная газета», 7 ноября 1923.
- 18 К о с т ю к о в. Как мы опоздали ко взятию Зимнего дворца. — «Красный балтиец», 1920, № 6, с. 36.
- 19 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 346.
- 20 В l a g o n p a v o v. The Fortress of Peter and Paul, October 1917, in: Petrograd, October 1917, Moscow, 1957, p. 206.
- 21 Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 79.
- 22 R e e d J o h n. Ten Days That Shook the World, New York, 1960, p. 116. Цит. по: Р и д Д ж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1923, с. 90.
- 23 Ч у д н о в с к и й Г. В Зимнем дворце перед сдачей. — «Правда», 21 ноября, 1917 г.; Да ш к е в и ч П.В. Октябрьские дни. — «Ленинградская правда», 7 ноября.
- 24 См., в частности: Л и в е р о в с к и й А.В. Последние часы Временного правительства; М а л я н т о в и ч П.Н. В Зимнем дворце 25—26 октября 1917 года. — «Былое», 1918. № 12. с. 111—141; П а л ь ч и н с к и й П.Н. Дневник. — «Красный архив», 1933, № 56, с. 136—138; Н и к и т и н А.М. Рассказ, А.М. Н и к и т и н а. — «Рабочая газета», 28 октября, с. 2; Как заняли Зимний дворец. — «Дело народа», 29 октября; С и н е г у б А. Защита Зимнего дворца. — «Архив русской революции», 1922, № 4, с. 121—197; самый полезный вспомогательный источник, в котором описываются последние часы Временного правительства — С т а р ц е в В.И. Последний день Временного правительства. — В: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 99—115.
- 25 Л и в е р о в с к и й А.В. Последние часы Временного правительства, с. 42—43.
- 26 С т а р ц е в В.И. Последний день Временного правительства, с. 101.
- 27 Текст этого ультиматума приводится в: Л и в е р о в с к и й В.И. Последние часы Временного правительства, с. 45.
- 28 «Единство», 27 октября.
- 29 М а л я н т о в и ч П.Н. В Зимнем дворце, с. 120.
- 30 Там же, с. 121.
- 31 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 407—408.
- 32 «Единство», 27 октября.
- 33 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 343; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 395—396, 407, 498. Для Черемисова этот разговор стал последней каплей. Он подтвердил убежденность Черемисова в том, что Временное правительство совершенно обанкротилось. Черемисов в гораздо большей степени, чем большинство других высших военных руководителей, ощущал и реагировал на революционные настроения в армии в течение 1917 года. Керенский настроил его против себя в июле, когда Корнилов был назначен начальником штаба. В первые недели октября Черемисов крайне неохотно поддерживал попытки Керенского привлечь фронтовые войска для

поддержки Временного правительства. Ночью 25 октября, получив информацию из первых рук о назначении Кишкина, о кадровых перестановках среди военных в Петрограде и о захвате здания Генштаба, он отдал приказ немедленно остановить продвижение войск к Петрограду. Это во многом подорвало надежду Керенского на то, что он получит помощь с фронта.

34 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 414—415.

35 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 314—317 и 444. Работа написана по материалам, опубликованным в журналах Петроградской городской думы и в стенографических отчетах о заседаниях думы созыва 20 августа 1917 года; см. также: Мильчик И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале—октябре 1917 года. — «Красная летопись», 1927, № 2 (23), с. 201.

36 Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции, с. 141—142.

37 Тарасов-Родионов А. Первая операция, с. 13.

38 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 445—446; Молотов В.М. Смольный и Зимний. — «Правда», 7 ноября 1924 г.

39 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 450—451.

40 «Речь», 26 октября, с. 3; Мильчик И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале—октябре 1917 года, с. 202.

41 Бубнов А. Ленин в октябрьские дни. — «Бакинский рабочий», 7 ноября 1927 г.

42 Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 79.

43 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 33.

44 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир, с. 96—97.

45 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 353. В имеющихся источниках опубликованы различные данные об общей численности и составе делегатов съезда. Здесь приведены цифры, опубликованные в «Правде» 29 октября.

46 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 144—153; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: сборник документов. Ред. Бутенко А.Ф. и Чугаева Д.А. М., 1957, с. 386—398.

47 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 2—3, 33.

48 Там же, с. 4, 34—35; Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 199; «Дело народа», 27 октября.

49 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 34—35.

50 Там же, с. 37—38; Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 200.

51 Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 219—220; по данному вопросу см.: Schapiro Leonard. Origins of the Communist Autocracy, New York, 1965, pp. 66—68.

52 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 38—39.

53 Там же, с. 41—42.

54 Там же, с. 43—44.

55 Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), с. 41—43.

56 «Дело народа», 27 октября.

57 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 45—46.

58 «Речь», 26 октября; см. также «Известия», 26 октября.

59 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир, с. 106—108; см. также: Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 208.

60 Малантович П.Н. В Зимнем дворце, с. 129.

- 61 Антонов - Овсеенко В.А. Октябрьская буря, с. 104.
- 62 Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. с. 456.
- 63 М а л я н т о в и ч П.Н. В Зимнем дворце, с. 129.
- 64 Там же, с. 130.
- 65 «Рассказ К.А. Гвоздева об его аресте» и «Рассказ А.М. Кишкина». — «Рабочая газета», 28 октября. с. 2.
- 66 K o l b i n I., Storming the Winter Palace, in: Petrograd 1917, p. 321.
- 67 Антонов - Овсеенко В.А. Октябрьская буря, с. 104.
- 68 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 47—50.
- 69 Там же, с. 52.
- 70 Второй Всероссийский съезд Советов, с. 53—54; перевод на английский язык см: B r o w d e r a n d K e r e n s k y, The Russian Provisional Government. Vol. 3, pp. 1797—1798.

16. Эпилог

- 1 Ф р а й м а н А.Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969, с. 19; Л у т о в и н о в И.С. Ликвидация мятежа Керенского — Краснова. М.—Л., 1965, с. 7.
- 2 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 376.
- 3 Левые эсеры получили приглашение войти в правительство, но отказались, полагая, что смогут выступить в роли посредников между большевиками и их противниками в интересах формирования социалистического правительства на широкой основе.
- 4 «Известия», 28 октября. Выборы были проведены в заранее объявленный срок — 12—14 ноября. Большевики одержали блестящую победу в Петрограде, но уступили эсерам по результатам голосования в целом по стране. Они не получили большинства даже вместе с левыми эсерами. Учредительное собрание начало работу в Петрограде 5 января 1917 года, но его депутаты отказались одобрить преобразования, осуществленные Октябрьской революцией, и оно было разогнано после первого же заседания.
- 5 «Новая жизнь», 30 октября; M e l g u n o v. The Bolshevik Seizure of Power, pp. 141—142.
- 6 Л ю б и м о в И.Н. Революция 1917 года. Хроника событий. М., 1930, т. 6, с. 436—437; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 403.
- 7 Л ю б и м о в И.Н. Указ. соч., т. 6, с. 436—437; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 403—405.
- 8 D a n i e l s R.V. Red October, p. 206.
- 9 «Известия», 3 ноября; Версию Керенского см. в Russia and History's Turning Point, pp. 443—446.
- 10 Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 406.
- 11 Умеренные социалисты требовали среди прочего, чтобы основные министерские посты не были заняты большевиками, чтобы ни одна из партий не имела большинства в правительстве, чтобы министры участвовали в правительстве в личном качестве, а не как представители своих партий и чтобы правительство было подотчетно не Центральному Исполнительному Комитету, а представительному собранию более широкого состава, организованному по принципу Всероссийского демократического совещания, в котором вероятность того, что большевики получат большинство, была бы сведена к минимуму.
- 12 «Новая жизнь», 3 ноября.

¹³Протоколы Центрального комитета, с. 130.

¹⁴Установление правительством более жесткого контроля над печатью укрепила решимость умеренных сил продолжать борьбу за представительное правительство более широкого состава. Им представлялось, что подобное ограничение свободы будет неизбежным следствием ситуации, когда у власти находятся только большевики.

¹⁵Протоколы Центрального комитета, с. 133—134.

¹⁶Гусев К. Крах партии левых эсеров, с. 107—108.

¹⁷Солнцев S. Bukharin and the Bolshevik Revolution, pp. 66—106. В этой книге дан ценный анализ влияния гражданской войны на советскую политику и общество.

Избранная библиография

1. Хроники

- А в д е е в Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 1. Январь—апрель; т. 2, апрель—май. М.: Госиздат, 1923.
- А н и к е е в В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. Хроника событий. М.: Мысль, 1969.
- А х у н М. И. и П е т р о в В. А. 1917 год в Петрограде. Хроника событий и библиография. Л.: Ленпартиздат, 1933.
- Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника революционных событий в Петрограде. Ин-т истории партии при Ленинградском обкоме КПСС. Л.: Лениздат, 1957.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 4. Март—октябрь 1917. Под ред. Г. Н. Голикова и др. М.: Политиздат, 1973.
- В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 3. Июнь—июль. М.: Госиздат, 1923; т. 4. Август—сентябрь. Л.: Госиздат, 1924.
- К о н с т а н т и н о в А. П. (ред.) Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника революционных событий в Петрограде. Л.: Лениздат, 1957.
- Ленин в 1917 году. Даты жизни и деятельности. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1957.
- Л ю б и м о в И. Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 6. Октябрь—декабрь. М.: Госиздат, 1930.
- Р я б и н с к и й К. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 5. Октябрь. М.: Госиздат, 1926.

2. Документы и материалы

- А н с к и й А. (ред.) Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г. Л.: Изд-во Ленинградского губпрофсовета, 1927.

- Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник. Под. ред. П. М. Мордвинова. АН СССР. Ин-т истории и др. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Большевистская печать. Сборник материалов. Сост. А. К. Белков и В. П. Веревкин. Вып. 4. М.: Высшая партийная школа и АОН, 1960.
- Browder R. P., and Keren sky A. F., eds. The Russian Provisional Government 1917: Documents. 3 vols. Stanford: Stanford University Press, 1961.
- Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 9—63.
- Bunyan J. and Fisher H. H. The Bolshevik Revolution, 1917—1918. Stanford: Stanford University Press, 1934.
- Великий Октябрь. Активные участники и организаторы. Альбом. Сост.: П. Ф. Куделли и П. И. Кулябко. М.-Л.: Госиздат, 1927.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. АН СССР. Ин-т истории. Под. ред. Г. Н. Голикова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Волобуев П. В. Из истории борьбы Временного правительства с революцией. — «Исторический архив», 1960, № 6, с. 83—85.
- Вторая и третья общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы. М.-Л.: Госиздат 1927.
- Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.-Л.: Госиздат, 1928.
- Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. Под ред. А. Ф. Бутенко и Д. А. Чугаева. М.: Госполитиздат, 1957.
- Государственное совещание. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.-Л.: Госиздат, 1930.
- Golder F. A., ed. Documents of Russian History, 1914—1917. New-York: Century, 1927.
- Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1957.
- Дрезен А. К. (ред.) Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л.: Партиздат, 1932.
- Дрезен А. К. (сост.) Большевиизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Л.: Лениблиздат, 1932.
- Дрезен А. К. (ред.) Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.-Л.: Партийное издательство, 1932.

- Е л о в Б. (ред.) Петроградская организация РСДРП(б) накануне июльских событий. — В: 3—5 июля 1917 г. Пг., 1922.
- Е л о в Б. (ред.) После июльских событий — «Красная летопись», 1923, № 7, с. 95—127.
- Журналы заседаний Временного правительства. Пг., 1917.
- Zeman Z. A. B., ed. Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London: Oxford University Press, 1958.
- К е р е н с к и й А. Ф. Дело Корнилова. М.: Запруга, 1918.
- К е г е н с к у А. F. Prelude to Bolshevism: The Kornilov Rising. New York: Dodd, Mead and Company, 1919.
- К о к о ш к и н Ф. Ф. и К и ш к и н М. М. По отчету о заседании московского городского комитета к.-д. партии, 31 августа 1917 г. — Архив Николаевского в: Hoover Institution, Stanford, California.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954. В 4-х т. 7-е изд. М.: Госполитиздат, 1954.
- Корниловские дни. Бюллетени Временного военного комитета при ЦИК с 28 августа по 4 сентября 1917 г. Пг.: Союз социалистов народной армии, 1917.
- Ленинский сборник. Т. XXI. Под ред. В. В. Адорацкого и др. М.: Партийное издательство, 1933.
- Л и в е р о в с к и й А. В. Последние часы Временного правительства. Дневник министра Ливеровского. — «Исторический архив», 1960, № 6, с. 38—48.
- Листовки петроградских большевиков. Т. 3. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Л.: Лениздат, 1957.
- М.Ф. К истории корниловщины. — «Красная летопись», 1924, № 1(10), с. 201—217.
- Накануне октябрьского переворота. Вопрос о войне и мире. Отчеты о секретных заседаниях комиссии Временного Совета Российской Республики. — «Былое», 1918, № 12, с. 3—41.
- Н и к о л а е в с к и й Б. И. Меньшевики в дни октябрьского переворота. — Архив Николаевского в Hoover Institution, Stanford, California.
- Октябрьская революция и фабзавкомы. В 2-х т. Комиссия по изучению профессионального движения в СССР. М.: Изд-во ВЦСПС, 1927.
- О к у н С. Д. (сост.) Путиловец в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода. М.-Л.: Огиз, 1933.
- П а л ь ч и н с к и й П. Н. Дневник. — «Красный архив», 1933, № 56, с. 136—138.
- Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.-Л.: Госиздат, 1930.
- Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году: Сборник материалов и протоколов заседаний Петер-

Члены ЦК РСДРП(б), избранные на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции партии: В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, И.Т. Смилга, Я.М. Свердлов, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, Г.Ф. Федоров, В.П. Ногин.

Члены 1-го Временного правительства. Верхний ряд: М.И. Терещенко, А.А. Мануйлов, А.Ф. Керенский, А.И. Шингарев, В.И. Львов. Нижний ряд: А.И. Коновалов, П.Н. Миллюков, Г.Е. Львов, А.И. Гучков, Н.В. Некрасов.

Члены коалиционного правительства, сформированного после Апрельского кризиса. Верхний ряд: М.И. Скобелев, В.М. Чернов, А.Ф. Керенский, И.Г. Церетели, А.В. Пешехонов. Средний ряд: А.И. Шингарев, М.И. Терещенко, Г.Е. Львов, П.В. Некрасов, П.Н. Переверзев. Нижний ряд: А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, Ф.И. Родичев, В.Н. Львов, И.В. Годнев.

В.Н. Львов.

А. М. КОЛЛОНТАЙ

Л. Н. СТАЛЬ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«РАБОТНИЦА»
в 1917 г.

Редакция журнала «Работница». Верхний ряд: К.И. Николаева, П.Ф. Куделли, К.Н. Самойлова. Нижний ряд: А.И. Елизарова, А.М. Коллонтай, Л.Н. Сталь, В.М. Бонч-Бруевич.

Президиумъ 1-го Всероссійскаго съѣзда Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. 12
М. И. Скобелевъ. Н. С. Чхеидзе Г. В. Плехановъ. И. Г. Церетели

Члены Президиума I Всерос-
сийского съезда Советов рабо-
чих и солдатских депутатов:
М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе,
Г.В. Плеханов, И.Г. Церетели.

Приезд Л.Д. Троцкого в Петро-
град. Финляндский вокзал,
2 мая 1917 г.

Демонстрация в Петрограде 18 июня 1917 г.

Демонстрация в Петрограде 4 июля 1917 г.

Расстрел демонстрации в Петрограде 4 июля 1917 г.

Солдаты 1-го Пулеметного полка после сдачи оружия 8 июля 1917 г.

**День похоронъ казаковъ - жертвъ 3-5 Юля
въ Петроградъ 15 го Юля 1917 г.
Министры и члены Государственной Думы слѣдуютъ за гробами.**

Похороны казаков, убитых в июльские дни.

Члены ЦК РСДРП(б), избранные на VI съезде партии. В круге: В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, М.С. Урицкий, А.С. Бубнов, Г.Я. Сокольников, Ф.Э. Дзержинский. За кругом 1-й ряд снизу: В.П. Ногин, В.П. Милютин. 2-й ряд: А.А. Иоффе, Н.Н. Крестинский. 3-й ряд: И.Т. Смилга, Ф.А. Артем. 4-й ряд: Е.Д. Стасова, А. Ломов, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, С.Г. Шаумян, А.М. Коллонтай.

1-й ряд сверху слева направо — А. М. МИХАЙЛОВ, Л. М. МОЛОТОВ. 2-й ряд — М. П. ТОМСКИЙ, Г. Ф. ФЕДОРОВ, В. В. ШМИДТ, В. Н. ЗАЛЕЖСКИЙ, Г. И. БОКИЙ, М. И. КАЛИНИН, И. А. РАХЬЯ. 3-й ряд — Н. И. ПОДВОЙСКИЙ, К. И. ШУТКО, Н. К. АНТИПОВ, Н. П. КОМАРОВ, В. И. НЕВСКИЙ, М. И. ЛАЦИС. 4-й ряд — Н. Ф. СВЕШНИКОВ, П. А. ЗАЛУЦКИЙ, В. ВОЛОДАРСКИЙ, С. Н. РАВИЧ, С. П. ПРОХОРОВ, С. В. КОСИОР. 5-й ряд — Н. А. КУБЯК, Л. Р. МЕНЖИНСКАЯ, А. В. ШОТМАН, Б. К. СЛУЦКАЯ, И. К. НАУМОВ, И. М. МОСКВИН. 6-й ряд — Г. Л. НАХОМОВ, М. М. ХАРИТОНОВ, Г. К. КРЭЛА, А. К. СКОРОХОВ, Б. П. ПОЗЕРН, Е. П. ПЕРВУХИН, Г. Н. ПЫЛАЕВ.

Члены Петербургского комитета РСДРП(б). Нижний ряд, слева направо: Л.М. Михайлов, В.М. Молотов. 2-й ряд: М.П. Томский, Г.Ф. Федоров, В.В. Шмидт, В.Н. Залежский, Г.И. Бокий, М.И. Калинин, И.А. Рахья. 3-й ряд: Н.И. Подвойский, К.И. Шутко, Н.К. Антипов, Н.П. Комаров, В.И. Невский, М.И. Лацис. 4-й ряд: Н.Ф. Свешников, П.А. Залуцкий, В. Володарский, С.Н. Равич, С.П. Прохоров, С.В. Косиор. 5-й ряд: Н.А. Кубяк, Л.Р. Менжинская, А.В. Шотман, Б.К. Слуцкая, И.К. Наумов, И.М. Москвин. 6-й ряд: Г.Л. Нахомов, М.М. Харитонов, Г.К. Крэла, А.К. Скороходов, Б.П. Позерн, Е.П. Первухин, Г.Н. Пылаев.

Военная организация при ЦК РСДРП(б) в 1917 г. 1-й верхний ряд слева направо: П.В. Дашкевич, Н.И. Подвойский, В.И. Невский. 2-й ряд: В.Р. Менжинский, С.Н. Сулимов, А.Ф. Ильин-Женевский, М.С. Кедров, Е.Ф. Розмирович. 3-й ряд: А.Д. Садовский, К.Н. Орлов, Н.В. Крыленко, Н.К. Беляков, К.А. Мехоношин. 4-й ряд: Р.Ф. Сиверс, С.М. Диманштейн. 5-й ряд: Ф.П. Хаустов, С.М. Нахимсон.

**А.Ф. Керенский (в центре) и А.И. Деникин (справа) на Западном фронте.
Июль 1917 г.**

Большой театр. Место проведения Московского государственного совещания.

Приезд Л.Г. Корнилова на Московское государственное совещание.

Выступление А.Ф. Керенского перед группой военных в Москве. Август 1917 г.

Л.Г. Корнилов и Б.В. Савинков. Москва, август 1917 г.

Кронштадтский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Верхний ряд: Д.Н. Кондаков, В.И. Дешевой, С.Л. Энтин, Л.А. Брегман, П.И. Смирнов, И.Н. Колбин. Средний ряд: Б.А. Бреслав, И.П. Флеровский, С. Пелихов, Л.Н. Сталь, А.М. Любич. Нижний ряд: Б.А. Жемчужин, И.Д. Сладков, Ф.Ф. Раскольников, С.Г. Рошаль.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г. Нижний ряд слева направо: Ф.Э. Дзержинский, В.А. Антонов-Овсеенко, А.Д. Садовский, М.С. Урицкий. 2-й ряд: Н.И. Подвойский. 3-й ряд: А.А. Иоффе, К.А. Мехоношин, В.И. Невский. 4-й ряд: Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов, И.С. Уншлихт, С.И. Гусев, С.С. Пестковский, Ю.М. Коцюбинский. 5-й ряд: Н.А. Скрышник, М.М. Лашевич, Г.И. Чудновский, К.С. Еремеев, П.Е. Дыбенко, В.М. Молотов, Г.И. Бокий, Ф.Ф. Раскольников, Б.А. Бреслав, Н.В. Крыленко.

Совет Народных Комиссаров, образованный на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. В центре: В.И. Ленин. 1-й ряд сверху: И.В. Сталин, В.П. Милютин, А.И. Рыков, А.Г. Цяпников, Н.П. Авилов. 2-й ряд: В.П. Ногин, А.В. Луначарский. 3-й ряд: И.И. Скворцов-Степанов, Л.Д. Троцкий. 4-й ряд: А. Ломов, И.А. Теодорович. 5-й ряд: Н.В. Крыленко, В.А. Антонов-Овсеенко, П.Е. Дыбенко.

- бургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. Под ред. П. Ф. Куделли. М.-Л.: Госиздат, 1927.
- Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Т. 1. Март—октябрь 1917 г. М.: Госполитиздат, 1957.
- Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. Под ред. Д. А. Чугаева. в 3-х т. М.: Наука, 1966.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро Исполнительного комитета. М.: Госиздат, 1925.
- Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М.: Московский рабочий, 1957.
- Протоколы первого съезда партии левых социалистов революционеров (интернационалистов). М.: Революционный социализм, 1918.
- Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Шестой съезд, 8—16 августа. 1917. Ред. А. С. Бубнов. М.: Госиздат, 1927.
- Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.
- Протоколы VI съезда РСДРП(большевиков) 26 июля — 3 августа 1917 г. М.-Пг.: Коммунист, 1919.
- Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. Под ред. Д. А. Чугаева. АН СССР. Ин-т истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Рабочее движение в 1917 году. М.-Л.: Госиздат, 1930.
- Разложение армии в 1917 году. М.-Л.: Госиздат, 1925.
- Районные советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний заседаний исполнительных комитетов. В 3-х т. АН СССР. Ин-т истории, Ленингр. отд. М.-Л.: Наука, 1964—1966.
- Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. Ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Революционное движение в России в мае-июле 1917 г. Июньская демонстрация. Под ред. Д. А. Чугаева. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

- Революционное движение в русской армии. 27 февр. — 24 окт. 1917. Сборник документов. Под ред. Л. С. Гапоненко. АН СССР. Ин-т истории. М.: Наука, 1968.
- Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис. Ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Революционное движение в России после свержения самодержавия. Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков), апрель 1917 года. Протоколы. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.
- Ставка 25—26 октября 1917 г. — «Архив русской революции», т. 7 (1922), с. 279—320.
- Т о б о л и н И. (ред.) Июльские дни в Петрограде. — «Красный архив», 1927 г., № 4 (23), с. 1—63; № 5 (24), с. 3—70.
- Ч а д а е в а О. (ред.) Солдатские письма 1917 года. М.: Госиздат, 1927.
- Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март—октябрь 1917 г. Документы и материалы. АН СССР. Ин-т истории. Ч. 1 — 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

3. Газеты и журналы за 1917 год

- «Бакинский рабочий» — ежедневная газета Бакинского комитета РСДРП (б).
- «Биржевые ведомости» — буржуазно-либеральная газета. Издавалась в Петрограде ежедневно (с 1885 по 26 октября 1917 г.).
- «Вестник Временного правительства» — ежедневная газета Временного правительства. Выходила в Петрограде.
- «Волна» — ежедневная гельсингфорсская газета. Орган Гельсингфорсского комитета РСДРП (б). Выходила с 30 марта по 16 июля 1917 г.
- «Воля народа» — газета, орган правого крыла партии эсеров. Выходила в Петрограде ежедневно с 29 апреля 1917 г. по февраль 1918 г.
- «Вперед» — журнал «межрайонцев». Издавался в Петрограде.
- «Газета-копейка» — популярная ежедневная петроградская «бульварная» газета.
- «Голос правды» — газета, орган Кронштадтского комитета РСДРП (б). Выходила ежедневно в Кронштадте с 15 марта 1917 г. по 28 октября 1917 г.

- «Голос солдата» — газета, издававшаяся Петросоветом с мая 1917 г. для воинских подразделений. Стала основной военной газетой ЦИК в июле 1917 г.
- «Голос социал-демократа» — ежедневная газета Киевского комитета РСДРП(б). Издавалась с 14 марта по 25 октября 1917 г.
- «Дело народа» — газета, орган ЦК партии эсеров. Издавалась в Петрограде ежедневно с 15 марта 1917 г. по 14 января 1918 г.
- «День» — газета правых меньшевиков. Один из ее редакторов — А. Н. Потресов. Выходила в Петрограде.
- «Единство» — петроградская газета правых меньшевиков группы «Единство», руководящую роль в которой играл Г. В. Плеханов. Выходила с 1917 г. по январь 1918 г.
- «Живое слово» — буржуазная газета крайне правого толка. Выходила в Петрограде.
- «Знамя труда» — газета. Центральный орган левых эсеров. Выходила в Петрограде.
- «Известия» — газета, орган Петросовета и с 1 августа 1917 г. орган ЦИК и Петросовета. Выходила ежедневно с 28 февраля 1917 г.
- «Известия» — газета, орган Моссовета. Со 2 марта 1917 г. выходила ежедневно.
- «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов» — газета Кронштадтского Совета.
- Листок «Правды» — вышел один номер 6 июля 1917 г. в Петрограде вместо «Правды».
- «Маленькая газета» — ежедневная петроградская буржуазная газета правого толка.
- «Новая жизнь» — ежедневная газета левых меньшевиков. Один из редакторов — М. Горький. Издавалась в Петрограде.
- «Новое время» — ежедневная газета либерального толка. Выходила в Петербурге с 1868 по 26 октября 1917 г.
- «Нью-Йорк таймс» — одна из наиболее влиятельных и информированных газет в США. Основана в 1851 г. Считается независимой.
- «Петроградская газета» — ежедневная непартийная газета.
- «Петроградский листок» — ежедневная непартийная газета.
- «Правда» — ежедневная большевистская газета. Со 2 марта по 5 июля 1917 г. издавалась в Петрограде как орган ЦК и ПК РСДРП(б). После разгрома 5 июля 1917 г. по приказу Временного правительства выходила под разными названиями. С 27 октября 1917 г. стала выходить под первоначальным названием.
- «Пролетарий» — одно из названий, под которым выходила с 13 августа по 24 августа в Петрограде «Правда».
- «Пролетарское дело» — одно из названий, под которым выходила с 14 июля по 28 октября 1917 г. газета Кронштадтского комитета РСДРП(б) «Голос правды».

- «Работница» — еженедельный журнал ЦК РСДРП(б) для женщин-работниц. Издавался в Петрограде с 10 мая 1917 г. по 26 января 1918 г.
- «Рабочая газета» — центральный орган партии меньшевиков. Выходила в Петрограде ежедневно с 7 марта по 30 ноября 1917 г.
- «Рабочий» — газета, центральный орган РСДРП(б); одно из названий, под которым ежедневно выходила в Петрограде с 25 августа по 2 сентября 1917 г. газета «Правда».
- «Рабочий и солдат» — ежедневная газета, выходившая в Петрограде с 25 июля по 10 августа 1917 г., вместо закрытых Временным правительством «Правды» и «Солдатской правды» — органа ВО.
- «Рабочий путь» — центральный орган РСДРП(б); одно из названий под которым выходила «Правда». Издавалась в Петрограде с 3 сентября по 26 октября.
- «Речь» — центральный орган партии кадетов. Газета издавалась ежедневно. Основана в Петербурге 23 февраля 1906 г. Закрыта петроградским ВРК 26 октября 1917 г.
- «Содлат» — газета, орган Военной организации при ЦК РСДРП(б). Издавалась в Петрограде ежедневно с 13 августа по 26 октября 1917 г. вместо закрытой «Солдатской правды».
- «Содлатская правда» — газета, орган Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), с мая 1917 г. — Военной организации при ЦК РСДРП(б). Издавалась в Петрограде ежедневно с 15 апреля по 5 июля 1917 г. С 23 июля — выходила под названиями «Рабочий и солдат», «Солдат». С 27 октября 1917 г. — под прежним названием.
- «Социал-демократ» — газета, центральный орган Московского бюро ЦК и МК РСДРП(б). Выходила ежедневно с 7 марта 1917 г. по 15 марта 1918 г.

4. Воспоминания и работы деятелей партии большевиков

- А л е к с е е в а В. А. На всю жизнь. — В кн.: Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л.: Лениздат, 1967, с. 270—282.
- А л л и л у е в С. Как скрывались товарищ Ленин и товарищ Зиновьев в июльские дни 1917 года. — В кн.: О Ленине. Воспоминания. Ред. И. Л. Мещеряков. М.-Л.: Госиздат, 1925, с. 96—100.
- А н т о н о в-О в с е е н к о В. А. Балтфлот и дни керенщины и Красного Октября. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 118—129.
- А н т о н о в-О в с е е н к о В. А. Октябрьская буря. — «Известия», 6 ноября 1918.

- Антонов-Овсеенко В. А. В революции. М.: Госиздат, 1957.
- Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. М.: Госиздат, 1923.
- Антонов-Овсеенко В. А. Октябрьская буря. — В: Первый народный календарь на 1919 г. Пг.: Изд-во Союза коммунистов Северной области, 1919.
- Антонов-Овсеенко В. А. Подготовка переворота (беседа с товарищем Антоновым-Овсеенко). — «Красноармеец», 1920, № 28—30, с. 24—29.
- Антонов-Овсеенко В. А. Революция победила. — «Красная газета», 7 ноября 1923.
- Антонов-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М.: Красная новь, 1923.
- Ашкенази И. Из истории июльских дней. — «Известия», 6 ноября 1918.
- Бирзгал Я. П. Крестный ход. — В кн.: Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л.: Лениздат, 1967, с. 285—297.
- Благонравов Г. И. Зимний взят и наши там! — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.
- Благонравов Г. И. Октябрьские дни в Петропавловской крепости. — «Пролетарская революция», 1922, № 4, с. 24—52.
- Blagoravov G. I. The Fortress of Peter and Paul, October 1917. In: Petrograd October 1917, pp. 189—227 Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957.
- Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М.: Федерация, 1931.
- Бонч-Бруевич В. От июля к октябрю. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 105—110.
- Бреслав В. Канун Октября 1917 года. М.: Издательство политкаторжан, 1934.
- Бреслав В. 15 тому назад. — «Каторга и ссылка», 1932, № 11—12 (96—97) с. 46—59.
- Бубнов А. Ленин в Октябрьские дни. — «Бакинский рабочий», 7 ноября 1927.
- Бухарин Н. И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 316—322.
- Вогне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 года. Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. Ред. Ф. Н. Петров и др. В 2-х т. М.: Мысль, 1967—1971.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М.: Госполитиздат, 1957.

- Воспоминания об октябрьском перевороте. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 43—93.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1—3. М.: Госполитиздат, 1956—1957.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ред Г. Н. Голиков и др. Т. 1—5. М.: Политиздат, 1968—1969.
- Г р а ф Т. В июльские дни 1917 года. — «Красная летопись», 1928, № 6, с. 313—314.
- Д а ш к е в и ч П. В. Октябрьские дни. — «Ленинградская правда», 7 ноября 1924.
- Д а ш к е в и ч П. В. ЦО партии в Октябрьские дни. — «Красная летопись», 1933, № 1, с. 101—105.
- Д з е н и с О. П. Как мы брали 25 октября Зимний дворец. — «Правда», 6—7 ноября 1921.
- Д з е н и с О. П. Под Зимним дворцом. — В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М.: Госполитиздат, 1957, с. 268—273.
- Д ы б е н к о П. Е. Балтфлот в октябрьские дни. — В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Петрограде и Москве. М.: Госполитиздат, 1957, с. 303—310.
- Д ы б е н к о П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. Из воспоминаний о революции. М.: Военный вестник, 1928.
- Е м е л ь я н о в Н. А. Таинственный шалаш. — В кн.: О Ленине. Ред. М. Л. Мещеряков. М.-Л.: Госиздат, 1924, т. 1, с. 106—110.
- Е р е м е е в К. Июльский погром 1917 года. — «Правда», 17 июля 1927.
- За ленинизм. Сборник статей М.-Л.: Госиздат, 1925.
- З и н о в ь е в Г. Ленин и июльские дни. — «Пролетарская революция», 1927, № 8—9 (67—68), с. 55—72.
- З и н о в ь е в Г. Сочинения. Т. 7 Ч. 1—2. М.-Л.: Госиздат, 1925.
- И г н а т ь е в А. В ночь на 25 октября 1917 года. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 313—314.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. Военная организация РСДРП и «Солдатская правда». — «Красная летопись», 1926, № 1(16), с. 57—73.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. Большевики в тюрьме Керенского. — «Красная летопись», 1928, № 2(26), с. 43—65.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. (ред.) К годовщине смерти В. И. Ленина. 1924 — 21 января 1925 г. Л.: Госиздат, 1925.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. Накануне Октября. — «Красная летопись», 1926, № 4 (19), с. 5—26.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. Октябрьская революция. — «Красная летопись», 1926, № 5(20), с. 32—54.
- И л ь и н-Ж е н е в с к и й А. Ф. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 году. Л.: Прибой, 1927.

- Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1967.
- Иткина А. М. Оплот большевизма. — В кн.: Нарвская застава в 1917 году в воспоминаниях и документах. Ред. М. И. Протопопов и др. Л.: Лениздат, 1960, с. 145—158.
- Калинин М. И. Владимир Ильич Ленин о движении. — «Красная газета», 16 июля 1920.
- Кауров В. Октябрьские очерки. — «Пролетарская революция», 1925, № 7, (42), с. 134—155.
- Кедров М. Из красной тетради об Ильиче. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Госиздат, 1956, т. I, с. 475—485.
- Кедров М. Из красной тетради об Ильиче. — «Пролетарская революция», 1927, № 1 (60), с. 39—69.
- Колбин И. Н. Кронштадт от февраля до корниловский дней. — «Красная летопись», 1927, № 2 (23), с. 134—161.
- Колбин И. Н. Кронштадтская организация готовится к бою. — В кн.: Октябрьский шквал. Моряки Балтийского флота в 1917 году. Ред. Куделли П. Ф., Егоров И. В. Л.: Красная газета, с. 23—50.
- Kolbin I. N. Storming Winter Palace. In: Petrograd 1917, pp. 318—321. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1957.
- Коллонтай А. В тюрьме Керенского. — «Каторга и ссылка», 1927, № 7 (36) с. 25—53.
- Коллонтай А. Рука истории. — «Красноармеец», 1919, № 10—15, с. 61—71.
- Костиков. Как мы опоздали ко взятию Зимнего дворца. — «Красный балтиец», 1920, № 6, с. 25—46.
- Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Политиздат, т. I, 1968, с. 219—592.
- Крупская Н. К. Ленин в 1917 году. — В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900—1922. М.: Госиздат, 1963, с. 203—211.
- Крупская Н. К. Ленин и партия. М.: Госполитиздат, 1963.
- Куделли П. Ф. (ред.) Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 году. Л.: Госиздат, 1924.
- Курков П. Крейсер «Аврора». — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 359—361.
- Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде. Из дневника агитатора. — «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), с. 102—116.
- Лацис М. И. Из октябрьских воспоминаний. — «Бакинский рабочий», 1 ноября 1927.
- Лацис М. И. Накануне октябрьских дней. — «Известия», 6 ноября 1918.
- Лацис М. И. Роль Петроградского комитета в Октябре. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.

- Л а ш е в и ч М. Восстание. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.
- Л а ш е в и ч М. Октябрьские дни в Петрограде. — «Политработник Сибири», 1922, № 11, с. 5.
- Л а ш е в и ч М. Первый военно-революционный комитет. — «Красная газета», 7 ноября 1920.
- Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений в 55-и томах. Издание 5-ое. М.: Политиздат, 1958—1965.
- Л е н и н В. И. Сочинения. Издание 3-е. М.: Госиздат, 1928—1929.
- Ленин в 1917 году. Воспоминания. М.: Политиздат, 1967.
- Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. Сборник статей, воспоминаний и документов. Л.: Госиздат, 1924.
- Л о м о в Г. В дни бури и натиска. — «Известия», 6 ноября 1918.
- Л о м о в Г. В дни бури и натиска. — «Пролетарская революция», 1927, № 10, с. 166—182.
- Л ю б о в и ч А. М. Революционные занятия петроградского телеграфа. — «Почтово-телеграфный журнал», 1918, № 9—12, с. 35—41.
- Л ю б о в и ч А. М. 3—5 июля. — «Ленинградская правда», 16 июля 1925.
- L u n a c h a r s k y A. V. Revolutionary Silhouettes. L.: Allen Lane, The Penguin Press, 1967.
- М е х о н о ш и н К. А. Штаб Октябрьской революции (беседа с тов. Мехоношиным). — «Агит-РОСТА», 26 октября 1919.
- М и л ю т и н В. Как произошло название Народный Комиссар. — «Известия», 6 ноября 1918.
- М и л ю т и н В. О Ленине. Л.: Госиздат, 1924.
- М и н ч е в А. Босвые дни. — «Красная летопись», 1924, № 9, с. 5—10.
- М о л о т о в В. М. Петроградская организация РКП накануне Октябрьской революции. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.
- М о л о т о в В. М. Смольный и Зимний. — «Правда», 7 ноября 1924.
- Н е в с к и й В. И. В буре десятилетий. Петроград за пять лет советской работы М.-Пг.: Госиздат, 1922.
- Н е в с к и й В. И. В октябре. — «Каторга и ссылка», 1932, № 11—12 (96—97), с. 27—45.
- Н е в с к и й В. И. Военная организация и Октябрьская революция. — «Красноармеец», 1919, № 10—15, с. 34—44.
- Н е в с к и й В. И. Две встречи. — «Красная летопись», 1922, № 4, с. 142—146.
- Н е в с к и й В. И. История РКП(б). Краткий очерк. Л.: Прибой, 1926.
- Н е в с к и й В. И. Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП (большевиков) накануне октябрьского восстания. — «Красная летопись», 1922, № 2—3, с. 316—332.

- Н е в с к и й В. И. Народные массы в Октябрьской революции. — «Работник просвещения», 1922, № 8, с. 20—22.
- Н е в с к и й В. И. Организация масс. — «Красная газета», 16 июля 1922.
- О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900—1922. М.: Госиздат, 1963.
- О Ленине. Воспоминания. Ред. И. Л. Мещеряков. В 4-х т. М.-Л.: Госиздат. 1924.
- Об Ильиче. Сборник статей, воспоминаний, документов и некоторых материалов. Л.: Прибой, 1926.
- Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л.: Лениздат, 1970.
- О р д ж о н и к и д з е С. Ильич в июльские дни. — «Правда», 28 марта 1924.
- О р д ж о н и к и д з е С. Путь большевика. М.: Госиздат, 1956.
- От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М.: Госполитиздат, 1957.
- П а в л о в И. Авральная работа 25-го октября 1917 года. — «Красный флот», 1926, № 10—11, с. 25—26.
- П е с т к о в с к и й С. Об Октябрьских днях в Питере. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 94—104.
- Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л.: Лениздат, 1967.
- Petrograd, October 1917. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1957.
- П о д в о й с к и й Н. И. Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г. — «Красная летопись», 1923, № 6, с. 64—97; № 8, с. 7—43.
- П о д в о й с к и й Н. И. Год 1917. М.: Госполитиздат, 1958.
- П о д в о й с к и й Н. И. Июльские дни. Три момента. — «Правда», 18 июля 1925.
- П о д в о й с к и й Н. И. Как произошла Октябрьская революция. — «Известия», 6 ноября 1918.
- П о д в о й с к и й Н. И. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.-Л.: Госиздат, 1927.
- П о д в о й с к и й Н. И. О военной деятельности В. И. Ленина. — «Коммунист», 1957, № 1, с. 31—46.
- П о л е н о в. Выстрел с «Авроры». — «Ленинградская правда», 6—7 ноября 1927.
- П р о н и н А. Г. Подготовка к захвату власти. — «Бакинский рабочий», 7 ноября 1927.
- Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. В тюрьме Керенского. — «Пролетарская революция», 1923, № 10(22), с. 133—165.
- Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. Заседания первого легального ПК. — «Пролетарская революция», 1922, № 8, с. 48—54.
- Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.-Л.: Госиздат, 1925.

- Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. Кронштадт и июльские дни. — «Правда», 16 июля 1927.
- Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. На боевых постах. М.: Воениздат, 1964.
- Р а х ь я Э. Мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Политиздат, 1969, т. 2, с. 432—436.
- Р а х ь я Э. Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным. — «Новый мир», 1924, № 1, с. 24—39.
- Р а х ь я Э. Последнее подполье Владимира Ильича. — «Красная летопись», 1934, № 58, с. 79—90.
- Р о в и о Г. С. Как Ленин скрывался у гельсингфорсского «полицмейстера». — В кн.: Ленин в 1917 году. Воспоминания. М.: Политиздат, 1967, с. 148—156.
- С а в е л ь е в М. Ленин в июльские дни. — «Правда», 17 июля 1930.
- С в е р д л о в а К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1960.
- С м и р н о в А. М. Краткие заметки из истории самокатчиков 3-го батальона в октябрьские дни 1917 года. — «Красная летопись», 1922, № 2—3, с. 155—157.
- С о к о л ь н и к о в Г. Как подходить к истории Октября. — В кн.: За ленинизм. М.-Л.: Госиздат, 1925.
- С т а л и н И. В. Сочинения. В 13-ти т. М.: Госполитиздат, 1946—1951.
- С т а с о в а Е. Д. Письмо Ленина в ЦК партии. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М.: Политиздат, 1969.
- С т а с о в а Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Госиздат, 1957.
- С у л и м о в а М. Июльские дни. — В: К годовщине смерти В. И. Ленина. Ред. А. Ф. Ильин-Женевский. Л.: Госиздат, 1925.
- С у л и м о в а М. О событиях 1917 года. — В: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1957, с. 112—122.
- С у л и м о в а М. Это будет последний и решительный бой. — В кн.: Летопись Великого Октября. Под ред. А. Ю. Крутицкого. М.: Советская Россия, 1958, с. 101—107.
- Т а р а с о в-Р о д и о н о в А. Первая операция. — «Военный вестник», 1924, № 42, с. 10—13.
- Т р о ц к и й Л. Д. Октябрьская революция. М. — Петроград: Коммунист, 1918.
- Т р о ц к и й Л. Д. От февраля до октября. — Сочинения. Т. 3, часть I. М.: Госиздат, 1925.
- T r o t s k y L. The History of the Russian Revolution. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
- T r o t s k y L. Lenin. N. Y.: Capricorn, 1971.
- T r o t s k y L. My Life. N. Y.: Stein and Day, 1967.

- Т r o t s k y L. Stalin. N. Y.: Stein and Day, 1967.
- Т r o t s k y L. The Stalin School of Falsification. N. Y.: Pioneer, 1962.
- У л ь я н о в а М. Поиски Ильича в первые дни июля 1917 г. — В: О Ленине. М.: Правда, 1927.
- Ф л а к с е р м а н Ю. Н. 10 октября 1917 года. — В: Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л.: Лениздат, 1967, с. 264—269.
- Ф л е р о в с к и й И. П. В. Володарский. М.: Госиздат, 1922.
- Ф л е р о в с к и й И. П. Июльский политический урок. — «Пролетарская революция», 1926, № 7(54), с. 57—90.
- Ф л е р о в с к и й И. П. Кронштадт в Октябрьской революции». — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 130—150.
- Ф л е р о в с к и й И. П. Ленин и кронштадтцы. — В: О Владимире Ильиче Ленине. М.: Госиздат, 1963, с. 274—279.
- Ф л е р о в с к и й И. П. На путях к Октябрю. — В: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М.: Госполитиздат, 1957, с. 83—102.
- Ф о ф а н о в а М. В. Из воспоминаний о 1917 годе. — «Правда», 22 января 1928.
- Ф о ф а н о в а М. В. Ильич перед октябрсм 1917 года. — В: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ред. Г. Н. Голиков. М.: Политиздат, 1969, т. 2, с. 445—448.
- Ф о ф а н о в а М. В. Последнее подполье. — В: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л.: Лениздат, 1970, с. 344—350.
- Ф о ф а н о в а М. В. Последнее подполье В. И. Ленина. — «Исторический архив», 1956, № 4, с. 166—172.
- Х а у с т о в Ф. В Октябре. — «Красная летопись», 1933, № 2(53), с. 188—195.
- Х о х р я к о в А. (Боннер С.) Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году. — «Красная летопись», 1926, № 2(17), с. 29—50.
- Х о в р и н Н. А. Балтийцы идут на штурм. М.: Военное издательство, 1968.
- Ч у д н о в с к и й Г. В Зимнем дворце перед сдачей. — «Правда», 21 ноября 1917.
- Ш и д л о в с к и й Г. Разгром редакции «Правды» в июле 1917 г. — «Красная летопись», 1927, № 1(22), с. 48—54.
- Ш л я п н и к о в А. Июльские дни в Петрограде. — «Пролетарская революция», 1926, № 4(51), с. 46—89; № 5(52), с. 5—60.
- Ш л я п н и к о в А. К октябрю. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 3—42.
- Ш л я п н и к о в А. Керенщина. — «Пролетарская рсволюция», 1926, № 7(54), с. 9—56; № 8(55), с. 5—53.

- Шляпников А. Семнадцатый год. В 4-х кн. Петроград: Госиздат, 1923.
- Шотман А. Ленин накануне Октября. — В: О Ленине. Сборник воспоминаний. Ред. Л. Б. Каменев. Л.: Госиздат, 1925, т. 1, с. 112—124.
- Шумяцкий И. Накануне Октября. — «Ленинградская правда», 6—7 ноября, 1927.
- Шумяцкий И. Шестой съезд партии и рабочий класс. — В: В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. Ред. И. П. Товстуха. М.: Огиз, 1937, с. 88—95.
- Яковлева В. Подготовка октябрьского восстания в Московской области. — «Пролетарская революция», 1922, № 10(22), с. 302—306.

5. Другие мемуарные источники

- Abramovich Raphael R. The Soviet Revolution. 1917—1939. N.Y. International Universities Press, 1962.
- Алексеев М. В. Из дневника генерала М. В. Алексеева. — В: «Русский исторический архив». Прага: Издательство Русского заграничного исторического архива в Праге, 1929, т. I, с. 11—56.
- Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Военное издательство, 1963.
- Buchanan Sir George. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. 2 vols. L., Cassell, 1923.
- Vakar Nicholas. Interviews with A.G. Putilov and P.N. Finisov. — «Последние новости», January 24, 1937, and March 6, 1937.
- Верховский А. И. Россия на Голгофе. Петроград: Дело народа, 1918.
- Williams Albert Rhys. Journey into Revolution: Petrograd 1917—1918. Chicago: Quadrangle, 1969.
- Винберг Г. В плену у обезьян. Киев: Типография губернского правления, 1918.
- Woytinsky W. S. Stormy Passage. N.Y. Vanguard Press, 1961.
- Войтинский В. С. Годы побед и поражений: 1917. Берлин, 1922.
- Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918 гг. Белград: 1919.
- Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. — «Летопись революции», 1923, кн. I, с. 163—175.
- Деникин А. Очерки русской смуты. В 5-ти т. Paris: J. Povolozhky and Cie. 1921—1926.
- Дюсиметьер Л. П. Заговор Корнилова. Письмо в редакцию. — «Последние новости», 28 мая 1937.

- К е р е н с к у А. F. Russia and History's Tuning Point. N.Y.: Duell, Sloan and Peace, 1965.
- К е р е н с к у А. F. The Catastrophe: Kerensky's Own Story the Russian Revolution. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1927.
- К р а с н о в П. Н. На внутреннем фронте. — В: Архив русской революции. Берлин: Слово, 1922, т. 1, с. 97—190.
- К s h e s i n s k a i a M. F. Dancing in Petersburg: The Memoirs of Kshesinskaia L., Victor Gollancz, 1960.
- Л у к о м с к и й А. С. Воспоминания. В 2-х тт. Berlin: Otto Kirchvet, 1922.
- М а л я н т о в и ч П. Н. В Зимнем дворце 25—26 октября 1917 года. — «Былое», 1918, № 12, с. 111—141.
- М и л ю к о в П. Н. Воспоминания. 1859—1917. София: Издательство имени Чехова, 1953.
- М и л ю к о в П. Н. История второй русской революции. В 3-х тт. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921—1924.
- М и л ю к о в П. Н. Россия на переломе. В 3-х тт. Paris: Imprimerie d'art Voltaire, 1927.
- М с т и с л а в с к и й С. Пять дней. Berlin: Yrzhabin, 1922.
- Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров. Л. : «Красная газета», 1928.
- Н а б о к о в В л а д и м и р. Временное правительство. — В: Архив русской революции. Берлин: Слово, 1922, т. 1, с. 96—99.
- Н и к и т и н В. Н. Роковые годы. Paris: Le Polorcais en France, 1937. В переводе на англ. яз.: The Fatal Years. L.: William Hodge, 1938.
- П а л ь ч и н с к и й П. И. Последние часы Временного правительства в 1917 году. — «Красный архив», 1933, № 1 (56), с. 136—138.
- П о л о в ц е в П. А. Дни затмения. Paris: Vozrozhdenie, n.d.
- P r i c e M. P h i l i p s. My Reminiscence of the Russian Revolution. L.: Allen and Union, 1921.
- R o b i e n L o u i s d e. The Diary of a Diplomat in Russia 1917—1918. N.Y.: Praeger, 1970.
- R e e d J o h n. Ten Days That Shook the World. N.Y.: Vintage Books, 1960.
- С а в и н к о в Б. Генерал Корнилов. Из воспоминаний. — «Былое», 1925, № 3(31), с. 182—198.
- С и н е г у б А. Защита Зимнего дворца. — В: Архив русской революции, 1922, № 4, с. 121—197.
- С т а н к е в и ч Б. В. Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин: И. П. Ладыжников, 1920.
- С у х а н о в Н. Н. Записки о революции. В 7-и тт. Берлин, Петербург, Москва: 1922—1923.
- S u k h a n o v N. N. The Russian Revolution, 1917. 2 vols. N.Y.: Harper and Row, 1962.

- Turhova—Williams Ariadna.** From Liberty to Brest Litovsk: The First Years of the Russian Revolution. L.: Macmillan, 1919.
- Haimson Leopold H., ed.** The Mensheviks: From the Revolution 1917 to the Second World War. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
- Церетели И. Г.** Воспоминания о февральской революции. В 2-х т. Paris: Mouton, 1963.
- Chernov V. M.** The Great Russian Revolution. New Haven: Yall University Press, 1936.
- Ч и ш в и ц ф о н.** Захват Балтийских островов Германией в 1917 г. М.: Госвоениздат, 1937.
- Я р ч у к Е.** Кронштадт в русской революции. N.Y.: Издание Исполнительного комитета профессиональных союзов, 1923.

6. Диссертации

- Г а л ь п е р и н а Б. Д.** Районные Совсты Петрограда в 1917 г. Кандидатская диссертация. Ленингр. отд-ние Института истории АН СССР. Л.; 1968.
- И л ь и н а И. В.** Борьба партии большевиков против проявлений «левизны» в период подготовки Октябрьской революции. Кандидатская диссертация. АОН при ЦК КПСС. М., 1965.
- К а б а р д и н Г. М.** Большевистские фракции Советов в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания (июль-октябрь 1917 г.). Кандидатская диссертация. АОН при ЦК КПСС. М., 1967.
- К о м и с с а р е н к о Л. А.** Деятельность партии большевиков по использованию вооруженных и мирных форм борьбы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Кандидатская диссертация. ЛГУ. Л., 1967.
- К о р н о у х о в Е.** Борьба партии большевиков против мелкобуржуазной революционности и авантюризма анархистов в период подготовки победы Октябрьской революции (март-октябрь 1917 года). Кандидатская диссертация. АОН при ЦК КПСС. М., 1966.
- Л и х а ч е в М. Т.** Министерство продовольствия Временного правительства. Кандидатская диссертация. Моск. гос. ист.-архивный ин-т. М., 1968.
- Р а с с т р и г и н А. Ф.** Революционные комитеты августовского кризиса 1917 г. Кандидатская диссертация. ЛГУ. Л., 1969.
- С о в о к и н А. М.** Разработка В.И. Лениным новой тактики партии после июльских событий 1917 г. Кандидатская диссертация. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1962.

- Федосихина Е.** Большевистские партийные конференции накануне VI съезда партии. Кандидатская диссертация. АОН при ЦК КПСС. М., 1969.
- Feldman R.** Between War and Revolution. The Russian General Staff. February—July 1917. — Doctoral dissertation. Indiana University, Bloomington, Indiana, 1967.
- Hasegawa Tsuyoshi.** The February Revolution of 1917 in Russia. — Doctoral dissertation. University of Washington, Seattle, 1969.

7. Работы на русском языке

- Аввакумов С. И.** Борьба петроградских большевиков за осуществление ленинского плана Октябрьского восстания. — В: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. АН СССР. Ленингр. отд-ние истории Ин-та истории. М.-Л.; Наука, 1957.
- Адибек-Меликян Е. А.** Революционная ситуация в России накануне Октября. Ереван: Издательство Айастан, 1967
- Андреев А. М.** Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М.: Наука, 1967.
- Анскый А.Л.** (ред.) Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. — В: Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Л.: Издательство Ленинградского областного совета профсоюзов, 1928.
- Астрахан Х. М.** Большевики и их политические противники в 1917 году. Л.: Лениздат, 1973.
- Ахун М. И., Петров В. А.** Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л.: Красная газета, 1929.
- Баранов М. А. В. И. Ленин** и возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской» (Труды кафедры истории КПСС), № 58. М., 1957.
- Богданов А. В.** Моряки-балтийцы в 1917 г. М.: Воениздат, 1955.
- Бурджалов Э. Н.** Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967.
- Бурджалов Э. Н.** О тактике большевиков в марте-апреле 1917 года. — «Вопросы истории», 1956, № 4, с. 38—56.
- Великая Октябрьская социалистическая революция.** Мал. энциклопедия. Под ред. Г.Н. Голикова и др. М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1968.
- Владимирова В.** Июльские дни 1917 года. — «Пролетарская революция», 1923, № 5(17), с. 3—58.
- Владимирова В.** Контрреволюция в 1917 году (корниловщина). М.: Красная новь, 1924.

- Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М.: Мысль 1964.
- Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М.: Наука, 1970.
- Герои Октября. В 2-х т. Л.: Лениздат, 1967.
- Голиков Г. Н. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. — «История СССР», 1957, № 4, с. 40—63.
- Голиков Г. Н. Революция, открывшая новую эру. М.: Политиздат, 1967.
- Голуб П. Партия, армия и революция. М.: Политиздат, 1967.
- Горев Б. И. Анархизм в России. М.: Молодая гвардия, 1930.
- Городецкий Е. Н. Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда советов. — «Вопросы истории», 1957, № 10, с. 23—48.
- Грунт А. Я. Заговор обреченных (разгром корниловщины). М.: Госиздат, 1962.
- Грунт А. Я. Могла ли Москва начать? В.И. Ленин о возможностях начала восстания в Москве в 1917 г. — «История СССР», 1969, № 2, с. 5—28.
- Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963.
- Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. — «Красная летопись», 1929, № 5(32), с. 157—212.
- Дрезен А. К. Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. — «Красная летопись», 1927, № 3(24), с. 191—223.
- Дрезен А. К. Петроградский гарнизон в Октябре. — «Красная летопись», 1927, № 2(23), с. 101—133.
- Егорова А. Г. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М.: Мысль, 1970.
- Елов Б. ПК накануне 25-го октября. — «Петроградская правда», 5 ноября 1922.
- Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966.
- Женщины русской революции. (Очерки). М.: Политиздат, 1968.
- Злокозов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М.: Наука, 1969.
- Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.-Л.: Наука, 1964.
- Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
- Иванов Н. Я. Некоторые вопросы кризиса «правящих верхов» и тактика большевиков накануне Октябрьского вооруженного восстания. — В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. Ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1964.

- Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974.
- Иоффе А. А. В ночь на 25-е октября. — «Красноармеец», 1925, № 78, с. 5—7.
- Капустин М. И. Заговор генералов. Из истории корниловщины и ее разгрома. М.: Мысль, 1968.
- Карамышева Л. Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет. Март—октябрь 1917 г. Л.: Лениздат, 1964.
- Кирilloв В. С. Курс, подтвержденный жизнью. К истории экономической платформы большевиков. М.: Мысль, 1972.
- Князев С. П. (ред). Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л.: Лениздат, 1957.
- Кочаков В. М. Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. — В: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. АН СССР. Ленингр. отд-ние истории Ин-та истории. Л.: Наука, 1957, с. 142—183.
- Кочаков В. М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки ЛГУ, 1956. Вып. 24, № 205, с. 60—86.
- Коронин М. М. В. И. Ленин и финские революционеры. — «Вопросы истории», 1967, № 10, с. 3—17.
- Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М.: Наука, 1975.
- Лаверьев В. Я. По ту сторону баррикад. М.: Мысль, 1967.
- Лаверьев В. Я. Русские монополисты и заговор Корнилова. — «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 33—44.
- Лебедев В. В. Международное положение России накануне революции. М.: Наука, 1967.
- Ленин, партия, Октябрь. Ленинградский Государственный университет. Кафедра истории КПСС. Л.: Издательство ЛГУ, 1967.
- Лидак О. А. (ред.) Октябрь в Петрограде. Л.: Лениздат, 1933.
- Лидак О. А. 1917 год. Очерки истории Октябрьской революции. М.-Л.: Партиздат, 1932.
- Лурье М. Л. Петроградское межрайонное совещание советов в 1917 году. — «Красная летопись», 1932, № 3(48), с. 13—43; № 4(49), с. 30—54.
- Лютвинов И. С. Ликвидация мятежа Керенского—Краснова. М.: Воениздат, 1965.
- Мартинов Е. И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л.: Госвоениздат, 1927.
- Маслов Н. Н. (ред.) Ленин и революция, 1917 год. Л.: Лениздат, 1970.
- Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. Возникновение и начальный период деятельности. М.: Наука, 1974.
- Милчик И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале—октябре 1917 года. — «Красная летопись», 1927, № 2(23), с. 189—218.

- М и н ц И. И. История Великого Октября. В 3-х т. М.: Наука, 1967—1973.
- М и н ц И. И. (ред.) Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. М.: Наука, 1964.
- Н е в с к и й В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. 2-е изд. Л.: Прибой, 1925.
- Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Отв. ред. Фрайман А. Л. В 2-х т. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. Л.: Наука, 1967.
- О р е х о в а Е. Д. К изучению источников о создании Петроградского Военно-революционного комитета. — В кн.: Источниковедение истории советского общества. Вып. 2, под ред. Д.А. Чугаева. М.: Наука, 1968, с. 9—55.
- О р е х о в а Е. Д. О составе Петроградского Военно-революционного комитета. — «История СССР», 1971, № 2, с. 118—130.
- Очерки истории Ленинграда. В 4-х т. Редкол.: Вяткин М.П. (отв.ред.) и др. АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955—1967.
- Очерки истории Ленинградской организации КПСС. В 2-х т. Л.: Лениздат, 1962—1968.
- П е р ш и н П. Н. Аграрная революция в России. В 2-х т. М.: Наука, 1966.
- П е т р а ш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л.: Наука, 1966.
- П е т р о в И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы октябрьской революции. М.: Политиздат, 1964.
- П и о н т к о в с к и й С. Военно-революционный комитет в Питере в октябрьские дни. — «Пролетарская революция», 1927, № 10, с. 110—137.
- П о к р о в с к и й М.Н. (ред.) Очерки по истории Октябрьской революции. В 2-х т. М.-Л.: Госиздат, 1927.
- П о п о в А. Л. Октябрьский переворот. Факты и документы. Петроград: Издательство «Новая эпоха», 1918.
- П о т е х и н М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л.: Лениздат, 1966.
- Р а б и н о в и ч С. Е. Большевистские военные организации в 1917 году. — «Пролетарская революция», 1928, № 6—7 (77—78), с. 179—198.
- Р а б и н о в и ч С. Е. Борьба за армию в 1917 г. Л.: Госиздат, 1930.
- Р а б и н о в и ч С. Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. — «Война и революция», 1927, № 6, с. 96—108.
- Р у б а н Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М.: Политиздат, 1968.

- С ан д и н В. И. Ленин и соотношение мирного и вооруженного , путей развития революции после разгрома корниловщины. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Т. 195, вып. 2, 1958, с. 213—232.
- С о б о л е в Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л.: Наука, 1973.
- С о б о л е в а П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М.: Издательство МГУ, 1968.
- С о в о к и н А. М. В преддверии Октября. М.: Мысль, 1973.
- С о в о к и н А. М. О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, с. 50—64.
- С о в о к и н А. М. Расширенное совещание ЦК РСДРП (б). 13—14 июля 1917 г. — «Вопросы истории КПСС», 1959, № 4, с. 125—138.
- С о в о к и н А. М. Шестой съезд партии и исторические источники. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 7, с. 39—49.
- С т а р ц е в В. И. Бегство Керенского. — «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 204—206.
- С т а р ц е в В. И. В.И. Ленин в августе 1917 года. — «Вопросы истории», 1967, № 8, с. 124—127.
- С т а р ц е в В. И. Из истории принятия решения об организации вооруженного восстания. — В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Отв.ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1964.
- С т а р ц е в В. И. Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. — В: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 53—71.
- С т а р ц е в В. И. О некоторых работах Ленина первой половины сентября 1917 г. — В: Ленин в Октябре и первые годы Советской власти. Ред. А. Л. Фрайман. Л.: Наука, 1970, с. 28—37.
- С т а р ц е в В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л.: Наука, 1965.
- С т а р ц е в В. И. Последний день Временного правительства. — В: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967, с. 99—115.
- С т е п а н о в З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.-Л.: Наука, 1965.
- Т а н я е в А. П. Очерки по истории движения железнодорожников в революции 1917 года (февраль—октябрь 1917 г.). М.-Л.: Наука, 1965.

- Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). М.-Л.: Наука, 1965.
- Фарфель А. С. Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции Временного правительства. Минск: Изд-во БГУ, 1969.
- Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Л.: Наука, 1969.
- Фрумкин С. Н. В. И. Ленин о возможностях мирного развития революции. — Ученые записки Рязанского государственного пединститута. Т. 19, 1958, с. 29—51.
- Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971.
- Цукерман С. И. Петроградский районный комитет большевиков в 1917 г. — «Красная летопись», 1932, № 5—6 (51—52), с. 213—240.
- Чаадаева О. Н. Корниловщина. М.-Л.: Молодая гвардия, 1939.
- Чаадаева О. Н. Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении октябрьского вооруженного восстания. — «Исторические записки», 1955, № 51, с. 3—44.
- Югов М. С. Советы в первый период революции. — В: Очерки по истории октябрьской революции. Под ред. Покровского М. Н. М.-Л.: Госиздат, 1927, т. 2, с. 113—253.
- Ярославский Е. Е. Партия большевиков в 1917 году. М., 1927.

8. Работы, вышедшие за рубежом

- Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Rome: Edizioni aurora, 1971.
- Anweiler Oskar. The Soviets: The Russian Workers' Peasants', and Soldiers' Councils, 1905—1921. Translated by Ruth Hein. N.Y.: Pautheon, 1974.
- Аронсон Григорий. Россия в эпоху революций. N.Y.: Новое русское слово, 1962.
- Аронсон Григорий. Россия накануне революции. N.Y.: Walden Press, 1966.
- Ascher Abraham. The Kornilov Affair. — «Russian Review», October 1953, pp. 235—252.
- Ascher Harvey. The Kornilov Affair. — «Russian Review», July 1970, pp. 286—300.
- Arvich Paul. Russian Factory Committees in 1917. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1963, no. 11, pp. 161—182.
- Arvich Paul. The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry. — «Slavic Review», March 1963, pp. 47—63.
- Arvich Paul. The Russian Anarchists. Princeton: Princeton University Press, 1967.

- А в т о р х а н о в** А. Происхождение партократии. 2 vols. Frankfurt: Posev, 1973.
- Baron Samuel H. Plekhanov:** The Father of Russian Marxism. Stanford: Stanford University Press, 1963.
- Boyd, John R.** The Origins of Order № 1. — «Soviet Studies», January 1968, pp. 359—372.
- Carr Edward H.** The Bolshevik Revolution, 1917—1923. 3 vols. N.Y.: Macmillan, 1951—1953.
- Chamberlin W. H.** The Russian Revolution. 1917—1921. 2 vols. N.Y.: Macmillan, 1935.
- Cohen Stephen F.** Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1973.
- Cross Truman B.** Purposes of Revolution: Victor Chernov and 1917. — «Russian Review», October 1967, pp. 351—360.
- Curtiss John S.** The Russian Revolutions of 1917. Princeton: D. Van Nostrand, 1957.
- Daniels Robert V.** Red October. N.Y.: Scribners, 1967.
- Daniels Robert V.** The Conscience of the Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Deutscher Isaac.** Stalin: A Political Biography. L. and N.Y.: Oxford University Press, 1949.
- Deutscher Isaac.** The Prophet Armed. N.Y., Oxford University Press, 1954.
- History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolshevik):** Short Course. N.Y.: International Publishers, 1939.
- Fainsod Merle.** How Russia Is Ruled. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
- Feldman Robert S.** The Russian General Staff and June 1917 Offensive. — «Soviet Studies», April 1968, pp. 526—543.
- Ferro Marc.** La Revolution de 1917. La chute du tsarisme et les origines d'octobre. Paris: Aubier, 1967.
- Ferro Marc.** The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary. — «Slavic Review», September 1971, pp. 483—512.
- Fischer Louis.** The Life of Lenin. N.Y.: Harper and Row, 1964.
- Florinsky Michail T.** The Fall of the Russian Empire. N.Y.: Collier, 1961.
- Frankel Jonathan.** Lenin's Doctrinal Revolution of April 1917. — «Journal of Contemporary History», April 1969, pp. 117—142.
- Geyer Dietrich.** Die Russische Revolution: Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1968.
- Getzler Israel.** Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. L.: Cambridge University Press, 1967.
- Golovin N. N.** The Russian Army in the World War. N.H.: Jale University Press, 1931.

- Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1907. — «Slavic Review», vol. 23, no 4, 1964, pp. 620—642, and vol. 24, no 1, 1965, pp. 1—22.
- Hedlin Myron. Zinoviev's Revolutionary Tactics in 1917. — «Slavic Review», vol. 34, no 1, 1975, pp. 19—43.
- Katkov George. German Political Intervention in Russia during World War I. — «Revolutionary Russia: A Symposium» ed. by Richard Pipes, pp. 80—112. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- Katkov George. Russia 1917: The February Revolution. N.Y.: Harper and Row, 1967.
- Keep John. 1917: The Tyranny of Paris Over Petrograd. — «Soviet Studies», July, 1968, pp. 24—45.
- Kennan George F. The Russian Revolution — Fifty Years After. Its Nature and Consequences. — «Foreign Affairs», October 1967, pp. 1—21.
- Kochan Lionel. Russia in Revolution, 1890—1918. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966.
- Kochan Lionel. Kadet Policy in 1917. — «Slavonic and East European Review», January 1967, pp. 183—192.
- Liebman Marcel. The Russian Revolution. N.Y.: Vintage, 1970.
- Lehovitch Dimitry V. White Against Red: The Life of General Anton Denikin. N.Y.: W.W. Norton, 1974.
- Longley D. A. Divisions in the Bolshevik Party in March 1917. — «Soviet Studies», July 1972, pp. 61—76.
- Medlin Virgil. Tseretelli and the Mensheviks, 1917. — «Rocky Mountain Social Science Journal», January 1972, pp. 51—59.
- Мельгунов С. П. Как большевики захватывали власть. Paris: Editions la Renaissance, 1953.
- Mel'gunov S. P. The Bolshevik Seizure of Power. Santa Barbara: Clio, 1972.
- Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Paris: Дом книги, 1940.
- Meuser Alfred J. Leninism. N.Y. Praeger, 1957.
- Николаевский Б. И. «И.Г. Церетели и его воспоминания о 1917 г.» — «Социалистический вестник», 1962, № 7—8, с. 110—114; № 9—10, с. 132—136.
- Николаевский Б. И. И.Г. Церетели (страницы биографии). — «Социалистический вестник», 1959, № 6, с. 119—122; № 7, с. 141—143; № 8—9, с. 159—163; № 10, с. 196—200; № 11, с. 219—223; № 12, с. 243—245; 1960, № 1, с. 49—52.
- Pethybridge Roger. The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917. L.: Macmillan—St. Martin's Press, 1972.
- Pipes Richard, ed. Revolutionary Russia: A Symposium. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

- P o s s o n y S t e p h e n. Lenin: The Compulsive Revolutionary. Chicago: Henry Regnery, 1964.
- R a b i n o v i t c h A l e x a n d e r. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington: Indiana University Press, 1968.
- R a b i n o v i t c h A l e x a n d e r. The Petrograd Jarrison and the Bolshevik Seizure of Power. — «Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.G. Nicolaevsky». Ed. by Alexander and Janet Rabinowitch with Ladis K.D. Kristof, pp. 172—191. Bloomington: Indiana University Press, 1972.
- R a d k e y O l i v e r H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y.: Columbia University Press, 1958.
- Р е й м а н М и х а и л. Русская революция, 23 февраля—25 октября 1917, В 2-х т. Прага: Институт истории социализма, 1968.
- R i h a T h o m a s. A Russian European: Paul Milinkov in Russian Politics. South Bond University of Notre Dame Press, 1969.
- R o s e n b e r g W i l l i a m J. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- R o s e n b e r g W i l l i a m J. The Russian Municipal Duma Elections of 1917: A Preliminary Computation of Returns. — «Soviet Studies», vol. 21, 1969, pp. 131—163.
- S a u l N o r m a n E. Lenin's Decision to Seize of Power: The Influence of Events in Finland. — «Soviet Studies», April 1973, pp. 491—505.
- S c h a p i r o L e o n a r d. Origins of the Communist Autocracy. N.Y.: Praeger, 1965.
- S c h a p i r o L e o n a r d. The Communist Party of the Soviet Union. N.Y.: Random House, 1959.
- S c h a r l a u W. B. and Z e m a n Z. A. B. Merchaut of Revolution: A Life of Alexander Helphand. L. and N.Y.: Oxford University Press, 1965.
- S h u b D a v i d. Lenin. N.Y.: Mentor, 1948.
- S m i t h C. J a y, J r. Finland and the Russian Revolution, 1917—1922. Atheens: University of Georgia Press, 1958.
- S t r a k h o v s k y L e o n i d. Was There a Kornilov Rebellion? A Reappraisal of the Evidence. — «Slavonic and East European Review», June 1955, pp. 378—395.
- S u n y R o n a l d J. The Baku Commune, 1917—1918. Princeton University Press, 1972.
- T r e a d g o l d D o n a l d W. Twentieth-Century Russia. Chicago: Rand McNally, 1959.
- T u c h e r R o b e r t C. Stalin as a Revolutionary, 1879—1929: A Study in History and Personality. N.Y.: W.W. Norton, 1973.
- T u c k e r R o b e r t C. (ed.) The Lenin Anthology. N.Y.: W.W. Norton, 1978.
- U l a m A d a m B. The Bolsheviks. N.Y.: Macmillan, 1965.

- В и ш ня к М. И. Г. Церетели. — «Социалистический вестник», 1959, № 6, с. 119—122.
- V o n L a n e T h e o d o r e H. Of the Crisis in the Russian Policy. — In: J.S. Curtiss, ed. Essays in Russian and Soviet History, in Honor of Geroid Tanquary Robinson, pp. 303—302. N.Y.: Columbia University Press, 1963.
- V o n L a u e. Review of «Районные советы Петрограда в 1917 году. Критика», vol. 4, no 3, Spring 1968, pp. 33—57.
- V o n L a u e. Westernization and the Search for a Basis of Authority: Russia in 1917. — «Soviet Studies», October 1967, pp. 155—180.
- V o n L a u e. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia: J.B. Lippincott, 1964.
- W a d e R e x A. The Raionnye Sovety of Petrograd: The Role of Local Political Bodies in the Russian Revolution. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», vol. 20, 1972, pp. 226—240.
- W a d e R e x A. The Russian Search for Peace, February—October 1917. Stanford: Stanford University Press, 1969.
- W a d e R e x A. Why October? The Search For Peace in 1917. — "Soviet Studies", July 1968, pp. 36—45.
- W a r t h R o b e r t D. The Allies and the Russian Revolution. Durham: Duke University Press, 1954.
- W h i t e J . D. The Kornilov Affair: A Study in Counterrevolution. — "Soviet Studies", vol. 20, 1968, pp. 188—189.
- W i l d m a n A l l a n. The February Revolution in the Russian Army. — «Soviet Studies», July 1970, pp. 3—23.
- W o l f e B e r t r a m D. Three Who Made a Revolution. Boston: Beacon Press, 1948.

Именной указатель

- Авилов Николай 326
Авксентьев Николай 81, 92, 187, 190, 210, 212, 228, 285, 288
Аджемов Моисей 281
Азеф Евно 45
Аксельрод Александр 245, 246
Алексеев М.В. 121, 125, 126, 131, 140, 176—178, 181, 356, 362
Алексеева Екатерина 247
Алексинский Г. 42, 44—46, 48, 60
Аллилуев Сергей 58
Ангарский Н.С. 353
Анисимов В.А. 60, 100, 200
Антонов-Овсенко Владимир 56, 72, 178, 237, 241, 261—262, 265, 271, 273, 275, 288, 297, 299, 302, 306, 308, 319—321, 326, 332
Анциелович Наум 245
Апушкин 358
Аросев А. 351
Багдатыев Сергей 36, 56, 344
Багратуни Я. 270, 274, 305—307
Баранов Алексей 288
Барановский В.Л. 358
Белышев Александр 293
Берзин Я.А. 276—277, 295, 349
Бетман-Гольвег 32
Благоднаров Георгий 297, 303, 308—309
Богданов Борис 185, 187, 190, 202, 273, 306
Богданов Михаил 165
Бокий Г.И. 244, 350
Болдырев 186
Бонч-Брусевич В.Д. 27—28, 30, 34, 69, 324
Брегман Лазарь 170
Бреслав Борис 236, 369
Брешко-Брешковская Екатерина 228
Бройдо Марк 312, 371
Брусилов 121, 123, 125 — 127, 131
Бубнов Андрей 82, 97, 111—112, 160—161, 199, 207, 214, 222, 226—228, 230, 244, 246, 261, 276—277, 310, 349—351, 360
Булат А.А. 62
Бурцев Владимир 45
Бурышкин А.А. 204, 366
Бухарин Н. 82, 95, 110—111, 207, 349, 350
Быковский Наум 309—310
Бьюкенен Дж. 65, 176
Вайнберг Гавриил 91—92
Вайнштейн С.Л. 155
Валусев 152
Вердеревский Дмитрий 179, 304—306, 309

Верховский А.И. 128, 140,
174, 179, 359
Винокуров Василий 88, 245—
246
Вишневский Николай 72
Воинов Иван 72, 291, 349
Войтинский Владимир 67,
191, 257—258, 270, 322
Володарский Моисей 36, 39,
84—85, 89, 91, 93, 96, 109,
111, 113, 123, 219, 224—
225, 227, 248—249, 268,
301, 344, 350
Володин 255
Вышнеградский 131, 140

Ганецкий Яков 44, 63
Гвоздев К.А. 307
Гелили у Гарсиа Зива 9
Гендельман Михаил 313, 314
Гессен С.М. 246
Гжельшак Франц 314
Гилл Грейм 9
Гиппиус Зинаида 152
Гольдберг 266
Горин Александр 100, 104, 165
Горький Максим 46, 242
Гоц А.Р. 113, 200, 210, 212,
273, 283, 285, 312, 349
Гучков Александр 18, 23, 120,
121, 180

Дан Федор 50, 62, 113, 190,
200, 213, 242—243, 264,
283, 284—285, 312, 364
Дашкевич Петр 72, 178, 269,
276, 302, 304
Деникин А.И. 125—126, 128—
129, 152, 174, 356
Джапаридзе Алексей 110—
111
Дзевалтовский И.И. 351
Дзенис Освальд 72, 292—293
Дзержинский Феликс 82, 97,
207, 230, 261, 276—277,
349, 350
Дитерихс Михаил 294
Долгоруков А.М. 141
Достоевский Федор 123

Дубровин 53
Духонин Николай 252, 362
Дыбенко Павел 72, 178, 288,
326
Дэниелс Роберт 12
Дюсиметьер Л.П. 120, 171,
173

Евдокимов Григорий 227
Елизарова Анна 58, 60
Емельянов Николай 60
Ермеев Константин 297
Ермоленко 40
Ефремов Иван 81, 84

Жаков Михаил 279

Завойко Василий 122, 123—
124, 126, 128, 147—148,
152
Зарудный Александр 81
Захаров А. 294
Зиновьев Григорий 8, 38—39,
46, 56, 58—60, 63, 68, 81—
82, 84, 89, 157, 203, 217,
230—234, 238—239, 243—
245, 248—250, 265, 295,
301, 312, 328—329, 331,
341, 347, 350, 355, 367, 369
Знаменский Сергей 187

Иванов Василий 91
Ивашин Антон 71
Ильин-Женевский А.Ф. 70,
82, 96, 107, 286—287, 369
Иоффе А.А. 207, 276

Каганович Лазарь 351
Кадлубовский Карл 293
Каледин Алексей 131, 138,
140, 158, 324
Калинин Михаил 38, 160—
161, 227, 245—247
Калягин П.С. 293
Камснев Лев 8, 16, 19—20, 39,
56, 58—59, 73—74, 82,
89—90, 95, 106, 108, 157,
159, 184—185, 187, 199—
204, 210—211, 214—215,

- 218—219, 223, 227—228,
230—234, 238—240, 243,
244—245, 248—250, 265,
268, 276—277, 279, 295,
309, 312, 321, 328—329,
331, 341, 342, 344, 349, 366,
367, 369
- Камков Борис 209, 239, 282,
283, 312, 316—317, 324,
369, 372
- Капелинский 322—323
- Каринский Н.С. 58, 80—82
- Карташев Антон 213
- Катков Дж. 12
- Кауров В.Н. 347
- Кедров Михаил 96
- Керенский А.Ф. 8, 13, 18, 29,
33, 41, 48, 52—53, 55—56,
61—62, 65—66, 69, 77, 80,
85, 92, 98—99, 119, 123—
124, 126—136, 138—141,
143—144, 146—156, 160—
162, 173—180, 182—183,
187—191, 194—196, 203,
212, 214, 218—221, 229—
232, 235—237, 252—253,
275—276, 278—281, 284,
286, 292, 294—295, 298,
304—305, 320—325, 333,
343, 348, 356, 358—359,
375, 377—378
- Кишкин Николай 176, 204,
213, 219, 243, 305—306,
319—320, 377
- Клембовский 125, 145, 152
- Козловский М. 44
- Кокошкин Ф.Ф. 150, 189, 362
- Колбин И.Н. 183
- Коллонтай Александра 57, 72,
106, 113, 207, 230, 233, 236,
268, 312, 349
- Коломин Г.Ф. 198—199
- Колчак Александр 120
- Коновалов Александр 131,
213, 229, 294—295, 304,
307, 319—321
- Корнилов Лавр 8, 118, 121—
123, 125, 127—141, 143—
164, 166—169, 171—179,
181, 183, 185—186, 191,
194, 202, 210, 232, 252, 256,
283, 325, 333, 351, 358, 361,
377
- Коцюбинский Юрий 72
- Красин Л. 349
- Краснов Петр 325—326, 328—
329
- Красновский 254, 258
- Крестинский Н.Н. 349
- Крупская Н.К. 58, 209, 290,
347
- Крыленко Николай 72, 178,
235, 248, 322, 325—326,
351, 367
- Крымов 134—145, 153, 156,
168, 171—173, 175—176,
268
- Куделько И.Ю. 72, 178
- Кузьмин А.И. 53, 298
- Кучин Георгий 313—314
- Кшесинская Матильда 29, 35,
37, 40, 53, 61, 78, 87
- Кэнкер Дайана 9
- Лазимир Павел 261, 265, 267,
275
- Ларин Юрий 107, 250, 344
- Лацис Мартын 39, 87—89,
161, 227—228, 235, 245,
261, 292
- Лашевич Михаил 225—226,
268, 271, 275, 293
- Лебедев Владимир 32—33
- Левицкий Б.А. 294
- Ленин В.И. 8, 13—20, 26—28,
30, 36—38, 40—42, 44—46,
50, 52—53, 56—60, 62—63,
69, 79, 81—86, 89—90,
92—93, 97, 106, 108, 110,
134, 157—160, 191, 193,
195—200, 202, 204—209,
214, 218—222, 224, 226—
236, 238, 243, 247, 249,
260—263, 271, 277, 289,
290—292, 295, 297, 300—
302, 310, 314—315, 323—
324, 326, 328—329, 331—

- 334, 341, 347, 349, 353, 364, 368
 Либер Марк 68, 187, 189
 Лившиц 243
 Ломов Георгий 207, 222, 230—231, 275—276
 Лоос Август 254
 Лукомский А.С. 134—135, 151, 358
 Лукьянов Федор 314
 Луначарский Анатолий 57—59, 71—73, 89, 106, 114, 134, 156, 159, 182, 301, 312, 317, 323—324, 331—332
 Львов Георгий 17—18, 42, 44, 48, 54, 81, 111, 149, 151
 Львов В.Н. 146—148, 150, 152, 174
 Людендорф Эрих Ф.В. 32
- Маккарти 8
 Маклаков Василий 65, 138, 151, 189
 Малкин 318
 Малянтович Павел 81, 307, 319—320
 Мандел Дэвид 9
 Мануилов Александр 17, 343
 Мануильский Дмитрий 59, 104—110
 Мартов Юлий 8, 50, 51, 57, 81, 105, 155, 208—209, 283, 312, 315—316, 318, 322
 Мартынов Е.И. 121—122
 Масленников А.М. 69, 103
 Масленников В. 182
 Маслов Семен 309
 Масловский С.Д. 91
 Мелансон Майкл 9
 Мельгунов Сергей 12—13
 Менжинский В.Р. 97
 Менжинский Л.Р. 82, 97—98
 Мехоношин К.А. 267—268, 351
 Милуков Павел 8, 17, 22—23, 26, 60, 65, 115, 119, 121, 124, 131, 138—140, 189, 194, 207, 250, 276—277, 295, 326, 328—329, 341, 349
- Милютин В.П. 96, 111, 202
 Михайлов Михаил 71
 Михаэлис Георг 32
 Молотов Вячеслав 84, 91—93, 227, 309, 350
 Москвин Иван 227
 Мстиславский Сергей 239, 312
 Муралов Николай 137
 Муранов М.К. 350
- Набоков В.Д. 114
 Нарчук Виктор 93
 Неверовский Николай 255
 Невский Владимир 40, 56, 96, 228, 237—238, 244—245, 251, 262—263, 351, 372
 Некрасов Николай 17, 41—42, 52, 95, 133, 150, 343
 Никитин Борис 58, 179, 321
 Николай II 15, 35, 68, 102, 123
 Ногин Виктор 59—60, 62, 111, 137, 214—215, 233, 250, 276, 312, 326, 341 350, 353, 367
 Нуланс Жозеф 65
- Ольминский 350
 Орджоникидзе Сергей 61, 83
 Орловский Даниел 9
 Осипов Гавриил 94
 Осипов Иван 94
- Павлов И. 299
 Пальчинский Петр 304—306, 319
 Панина Софья 310
 Панкратов В. 42, 44—46, 48
 Параделов Николай 305—307
 Переверзев Павел 23, 41, 60
 Пестковский Станислав 287
 Петерсон Карл 314
 Пешехонов Алексей 23, 30
 Пискунов Иван 71
 Плеве Вячеслав 123
 Плеханов Георгий 45
 Подвойский Николай 40, 56, 95—96

Полетаев Николай 347
 Полковников Георгий 243,
 253, 267, 269, 277, 295,
 304—305
 Половцев Петр 29, 79
 Преображенский Евгений 353
 Прокопович Сергей 304, 310,
 318
 Пронин Алексей 288
 Прохоров Сергей 245—246
 Пуришкевич Владимир 69, 70,
 103, 140, 180
 Путилов Алексей 120, 140,
 171

 Рабинович Анна 7
 Рабинович Виктор 7
 Рабинович Евгений 7
 Рабинович Жанет 5
 Равич Савва 245
 Раппопорт Виктор 104
 Раскольников Федор 57, 72—
 73, 81, 268, 354
 Распутин Григорий 69
 Рахья Эйно 61, 224, 226, 227,
 290, 291, 295, 367—368
 Рахья Юкка 223, 245, 368
 Рейман Михаил 268, 341
 Ремнев Афанасий 57, 72
 Рид Джон 291, 303, 311, 318
 Рихтер В.Н. 155
 Родзянко Михаил 69, 174,
 253
 Родичев Федор 65, 139
 Розенберг Уильям Г. 12
 Розмирович Е.Ф. 351
 Романовский И.П. 358
 Рошаль Семен 57, 72—73, 81,
 299
 Рузский Г.Н. 125, 356
 Рутенберг Петр 305—306
 Рыков А.И. 84, 201—202,
 214—215, 233, 250, 275,
 326, 328—329, 350, 367
 Рэдклифф Оливер 12, 190
 Рязанов Давид 62, 188—189,
 215, 223, 243, 250, 273, 279,
 331

Савельев Максимилиан 27—
 28, 84, 91, 93, 350
 Савинков Борис 49, 123—129,
 132—134, 141, 143—148,
 150, 151, 174, 177, 267—
 268, 329, 350, 367
 Садовский Андрей 258, 261,
 267, 297
 Самарин Георгий 173
 Сахаров Василий 72, 81, 94,
 299
 Свердлов Яков 8, 83, 84, 97,
 107, 162, 207, 209, 228—
 231, 247, 261, 267—268,
 275—276, 289, 341, 350—
 351
 Сидорин В.И. 171
 Семенов Е.П. 122
 Сергеев Ф.А. 350
 Скворцов-Степанов Иван 326
 Скобелев Михаил 23, 32—33,
 187—188, 200
 Скрыпник 363
 Славкин Елизар 94
 Сладков Иван 301
 Слуцкий Антон 91, 93, 198—
 199, 351
 Смилга Ивар 39, 90, 97, 111,
 193, 219, 226—227, 236,
 241, 295, 341, 350
 Смирнов Сергей 213
 Смит Стивен 9
 Сокольников Григорий 82, 96,
 110—111, 155, 198, 207,
 219, 226, 227, 230, 237, 350
 Спиридонова Мария 312
 Стайтс Ричард 9
 Сталин И.В. 9, 58—59, 82,
 89—92, 96—97, 108—112,
 115, 202, 207, 215, 219, 230,
 252, 261, 277, 295, 326, 341,
 350, 363, 367
 Старк Леонид 287
 Стасова Елена 367
 Стеклов Юрий 68—69, 186
 Степанов В.А. 343
 Сулимова Мария 63
 Суни Рональд 12

Суханов Н.Н. 153, 229—230, 269, 301, 312—314
Сьюдграсс Джон 18
Тарасов-Родионов А. 302, 309
Теодорович Иван 326, 329
Тер-Арутюнянц Михаил 72, 178
Терещенко Михаил 18, 41—42, 52, 125, 133, 153, 179, 213, 231, 343
Толкачев А. 299
Третьяков С.Н. 131
Троцкий Л.Д. 8, 16, 38—39, 46, 57—59, 71—74, 89, 95, 106, 108—109, 114, 178, 199, 201—204, 207—209, 214—216, 219, 223, 228—230, 238, 248, 250, 252, 258, 264—269, 271, 273, 275—276, 279—280, 289, 291, 295, 300—301, 312, 315—318, 323, 326, 328—329, 332—333, 341, 344—345, 350, 356, 370
Трубецкой Григорий 153
Тыркова Ариадна 65, 114

Ульянова Мария 27, 28, 59
Урицкий М.С. 207, 231, 261, 276, 350
Уэйд Рекс 9, 12

Фадеев А. 71
Файерман Михаил 293
Федоров Г.Ф. 201
Феникштейн Яков 227
Ферро Марк 12
Филипповский Василий 312
Филоненко Максимилиан 123—129, 131—133, 358
Финисов П.Н. 171, 173, 362
Флаксерман Галина 229
Флаксерман Юрий 231, 233
Флеровский Иван 296, 299
Фофанова Мария 218, 289—290, 347, 367
Фрэнсис Дэвид 65
Хараш Яков 313—314

Харитонов Моисей 91, 226, 246
Хасегава Т. 9
Хаустов Флавиан 56, 72, 299, 351
Хинчук Лев 313—314
Ховрин Николай 56, 72
Хрусталеv 216

Церетели Ираклий 8, 23, 50, 52, 62, 81, 84, 92, 156, 173, 183, 185—186, 188, 200, 210—213, 343, 347

Чемберлен Уильям Генри 12
Черемисов В. 127—131, 174, 253—254, 256, 258, 270, 307, 322, 325, 356, 372, 376
Чернов Виктор 23, 49, 52, 54, 183, 190, 200
Чудновский Григорий 250, 271, 297—298, 302, 304, 320—321, 333
Чхеидзе Николай 34, 61, 138, 186, 189—190, 200—201, 212

Шаумян Степан 207, 350
Шаховский Д.И. 343
Шингарев Андрей 17, 114
Шляпников Александр 59, 248, 326
Шмидт Василий 166—167, 248
Шотман Александр 61, 63, 238, 247—248, 367, 369
Шрейдер Григорий 64, 308—309, 318—320
Шумяцкий Борис 95

Щербатов 152

Эрлих Генрих 314

Юденич Г.Н. 131
Юренев Константин 109
Юренев Петр 140, 150

Ягода Генрих 96
Яковлева Н. 230—231

Содержание

К советскому читателю	7
Предисловие	11
1. Июльское восстание	28
2. Большевики под огнем	44
3. Петроград в период реакции	64
4. Бесплодные репрессии	76
5. Воскрешение большевиков	106
6. Возвышение Корнилова	118
7. Корнилов против Керенского	136
8. Большевики и поражение Корнилова	154
9. Вопрос о новой власти	176
10. «Вся власть Советам!»	193
11. Ленин: «Взять власть тотчас!»	218
12. Препятствия на пути к восстанию	235
13. Волнения в гарнизоне и Военно-революционный комитет	251
14. Накануне	275
15. Большевики приходят к власти	296
16. Эпилог	325
Послесловие	335
Примечания	340
Избранная библиография	382
Именной указатель	409

АЛЕКСАНДР РАБИНОВИЧ

Большевики приходят к власти

Революция 1917 года в Петрограде

Фотографии в книге подобраны автором

Фотоофсет.

Редакторы В. А. Б а т а с о в а, Т. Л. К о м а р о в а

Художник А. М. Е ф р е м о в

Художественный редактор И. М. Ч е р н ы ш о в а

Корректор М. А. Т а г и - З а д е

Оператор электронного набора Н. В. П о т а п о в а

ИБ № 18001

Подписано в печать 14.09.89. Формат 84х108 1/32. Бумага
офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн.
печ. л. 21,84 + 0,84 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 23,16. Уч.-изд. л. 30,34.
Тираж 100000 экз. Заказ № 1064. Цена 1 р. 50 к. Цена
в суперобложке 1 р. 70 к. Изд. № 46025.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс"

Государственного комитета СССР по печати.

119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О "Совэкспорткнига"

Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

